Вл. Горький

РУССКАЯ КОЧЕРГА

или
Трагикомедии смутного времени,
когда курс доллара сменил курс партии

(Мениппея-библия XXI века)

albion

Алма-Ата 2019

Том IV

Ёкарный бабай второго микрорайона. Четверг

RECOMMENDED
BESTSELLER
RECOMMENDED

TOP SECRET
top
secret
Top Secret
TOP SECRET

TOP SECRET
TOP SECRET
TOP SECRET
TOP SECRET
DO NOT
OPEN

Часть I.
Утро

Что ни толкуй Волтер[1] или Декарт,
мир для меня – колода карт,
жизнь – банк, рок мечет, я играю,
и правила игры я к людям применяю…

М. Ю. Лермонтов «Маскарад»

Глава 1. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (начало дня)

Ночь лопнула, как мыльный пузырь, и тут же растеклась серым рассветом по асфальту и стенкам домов. Утренние звёзды, уже значительно размытые проснувшимся где-то за горизонтом солнышком, стремительно теряли яркость и алмазный блеск. Да, ночь кончилась, но день ещё робко стоял на пороге, словно ожидая чьей-то команды и не смея наступить. Бескрайнее небо, голубое, будто косынка юной доярки, уже начинало светлеть прямо сквозь городское марево. Ещё совсем юное утреннее солнце пошло́ привычно карабкаться на частокол окрестных микрорайоновских многоэтажек.

Посветлело всё разом, и треснула скорлупа оконных проёмов, выпустив на волю солнечное отражение, и в распахнутом окне, куда тут же стали ломиться запахи летнего утра, словно живая, зашевелилась занавеска, а косые, набитые пылью солнечные лучи упёрлись из окна прямо в пол.

– Яйчики-бабайчики, а ведь нехило денёк начинается! – пробормотал, не открывая глаз, старый знакомый моего читателя писатель Владимир Альбионыч Кулемзин, который сейчас почувствовал себя здоровым, хоть о рельс бей.

Каким бы бурным ни был вечер,
какой бы ночка ни была,
вставать приходиться, конечно…
Будь бодрым с са́мого утра!

[1] Так у автора, жившего, между прочим, аж в XIX веке. Скорее всего, так тогда говорили буквально все! – прим. лит. редактора

Так же, то есть не открывая глаз, он вспомнил, что видел во сне перед пробуждением. Снилось ему не прошлое или будущее, а бесцветное настоящее, которое так никто определить и не сумел, может, потому что настоящее не имеет отношения ко времени и является всего лишь взглядом на вещи. Если же говорить более предметно, то приснилась ему робкая и неуверенная цапля, которая очень стеснялась лягушек, танцующих брейк-данс в её тесном и деликатном желудке. «К чему бы такая цапля?», подумал во сне марсианин. «Может, она – это я, а лягушки в её… тьфу! то есть, в моём желудке – это просящиеся в него бутылочки любимого пива «Тянь-Шань»?»

После этой мысли он вздохнул и по-йоговски задержал дыхание. Надо сказать, что наш герой одно время увлекался этим бессмысленным занятием, но быстро понял, что для русского человека йога примерно то же самое, что для индуса подлёдная рыбалка где-нибудь на речке Поганке.

«Нет-нет, это какой-то непорядок!», мысленно воскликнул автор этой книги. «Если я пишу про поэта, то и сон его должен быть обязательно поэтическим – пусть нелепым, пусть страшным, но всё-таки поэтическим!». Подумано – сделано…

Поэтический сон Альбионыча

Разбиты ноги, грязный, весь в поту –
уже не шёл, а полз я еле-еле,
и, несмотря на злую темноту,
я понял, что пришёл – конец тоннеля…
Чуть посветил фонариком вокруг –
стоит пузырь, на стенке как скрижали:
«Здесь был Нуртай и Серя, лучший друг!» –
они-то лампу, видно, и украли.
Но я совсем другим был возмущён,
и наконец-то понял, в чём тут дело –
в конце тоннеля вывеска висела:
«Стоп! Посторонним *выход* запрещён!»

После поэтической разминки он попытался было подумать о своей новой идее, которая пришла в его голову накануне вечером, но тут обнаружил, что начисто забыл её, и помнил лишь то, что она, как и все его прочие идеи, была сногсшибательна и несомненно гениальна.

Наконец он решительно распахнул глаза, сдёрнул с тела лёгкую и громадную, как десантный парашют, простыню, и начал озираться по сторонам, ибо всегда предпочитал играть на арфе собственной жизни, наскучившись никчёмностью пресного саксаульского сольфеджио.

– Э-э-эх, – широко раскинув руки, потянулся писатель. – Как же хочется ещё немного пожить вечно! – хотя подумал совсем о другом.

«Рассвет всегда возможность», вот о чём подумал он, но тут же решил, что эта утренняя мысль тянет на некий афоризм, а автор, соглашаясь со своим героем, решил оставить её в книге вот в таком виде, к тому же подкреплённым очередным незатейливым катренчиком:

Рассвет всегда возможность…

Как просто мыслию погоней
нам показать, что жизнь быстра,
но утро вечера мудрёней,
дав нам решенье из вчера…

А ведь красиво начинался день! За окном резвилось утро, встречающее нашего героя, как поётся в известной песне, прохладой. На тёплом подоконнике, не обращая внимания на окружающую среду (нет-нет, уже четверг!), самозабвенно *жучились* два влюблённых друг в друга жучка. Рядом с ними, иронично поглядывая на эту природно-сексуальную сценку, сидели два голубя неопознанного пола и тихо переговаривались, изредка сигнально прихлопывая крыльями, затем одновременно сделали какое-то непотребство прямо на володин подоконник и с шумом улетели прочь – заряжать свои желудки для новых пакостей.

Я наблюдаю из квартиры,
как птицы гадят свысока,
и если голубь – голубь мира,
то это сраный мир пока!

Глава 2. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (начало дня, окончание)

При пробуждении Кулемзин был чист и радостен, как первые годы христианства, и выглядел сейчас, точно Кутузов на гравюре Сальваторе Карловича Карделли 1813 года. Пульс его (Кулемзина, а не Кутузова или Карделли) был немного учащённый, но хорошего наполнения.

«Это надо же, какое везение», подумал Володя. «А ведь мог и не родиться!»

В воздухе был разлит какой-то странный, кружащий голову запах. Альбионыч, громоздкий, словно старинный шкаф, сидел на краю́ огромной кровати, напоминающей небольшой ракетодром, со стартовой площадки которого, с хрустом прошивая атмосферу, уходили *искать славы* летательные аппараты. И тут нашему герою показалось, что у него пропал возраст, и он сейчас точно не знает, сколько же ему исполнилось лет, а, может быть, месяцев, а, может быть, веков. Писатель вспомнил, что в различных интервью, которые ему время от времени приходилось давать каким-то иностранным изданиям, он сообщал журналистам, которые спрашивали о его возрасте, что не более суток, ведь человек, который просыпается в его постели каждое утро, решительно не имеет никакого отношения к тому, кто ложится туда накануне, хотя, иногда, правда, их связывают какие-то общие воспоминания, но они, как правило, смутны и малозначительны.

«А ведь сегодня четверг», подумал он, «а, значит, читатель «Русской кочерги» узнает все сегодняшние приключения полюбившихся ему героев именно из четвёртого тома…»

Проснусь в четверг,
как будда, просветлённый,
и капли слёз увижу на своей руке.
И светлый мир запомню удивлённый,
где облака плывут и в небе, и в реке…

Он попробовал пошевелить пальцами рук и ног, и с удивлением узнал, что они его слушаются. Правда, во всём теле ощущалась необыкновенная вялость, словно некий

доброхот, пытаясь сделать его жизнь слаще, влил внутримышечно инъекцию доброй патоки – литра полтора, не меньше. Сейчас он походил на младшего Кличко – после трудного боя из 10 раундов. И всё же в голове Володи клубилось то же сладкое ощущение вселенского счастья, а также равенства, братства, мира, труда и мая.

Иду я в утро, как из мрака,
тот сумасшедший городской,
держащий в сердце Пастернака
и Маяковского – с тоской…

Вставал Володя рано – как это ни двусмысленно звучит, с первыми саксаульскими петухами. «Мир принадлежит тем, кто рано встаёт», думал он в это время, вспоминая похожую на его мысль испанскую пословицу «Quich madruga, Dios ayuda»[2]. Хотя автор, хорошо зная характер своего героя, не настаивает на этой версии, ведь вполне возможно, что Кулемзин придумал эту пословицу вот только что – в это самое прекрасное утро.

[2] Кто рано встаёт, тому дедушка даёт – исп.

Альбионыч ещё раз потянулся, а потом решительно соскочил с постели и подошёл к окну, увидев, что серовато-голубоватое небо провисло, как старый тент. За окном лежал родной опостылевший край. Природа вне его квартиры походила на театральную декорацию, и только лето было насыщено такой чистотой цветов, за которую Винсент Теодорович Ван Гог, не задумываясь, отдал бы и своё второе ухо.

Наступал очередной день, очередной отрезок-ломоть Суки-судьбы. «Под каким бы лозунгом его провести?», подумал писатель, после чего тут же придумал эти великие слова, которые автор, чтобы они лучше проникли в сознание моего читателя, выделит прямо здесь – вот так:

Быть счастливым значит просто быть...

И тут за окном он увидел сразу трёх животных и одного человека. Человеком была соседка Володи старшая по дому Жанна Пантелеевна, или, как сокращённо называл её наш герой, Ж. П., а одним животным был её пёс Боря, которого она сейчас тащила на поводке, как прохудившуюся баржу.

Тётя, ослабьте ошейник, довольно!
Пёсику, тётя, не делайте больно!

Боря во время обязательного утреннего выгула уже давно сделал обязательные делá, и теперь просто хотел пообщаться со своими собратьями – путём оставления заказных писем на кустах и деревцах, встречающихся ему по дороге.

Псы живут чуть-чуть иначе –
не такой у них формат,
ведь кусты для всех собачек –
то же, что для нас почтамт!

Двумя другими животными были представители уже кошачьего племени – кошечка Несси, с которой мой читатель, надеюсь, успел познакомиться в предыдущих трёх томах, и пришлый кот, который в нашем повествовании появился впервые, а, значит, был пока без имени. Он восторженно пялился на красавицу Несси, но она, зная свою природную красоту, не дарила её кому попало, и потому сейчас была холодна. Писатель, следящий за животными с интересом трёхлетнего ребёнка, всё же досмотрел картину до того момента, когда кошечка презрительно дёрнула острым ушком, затем соблазнительно потянулась, как сытая пантерка, и отправилась по своим неотложным кошачьим делам, и только потом отошёл от окна.

Глава 3. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (исполнение первых дел)

Как и псу Боре, Володе пора было заняться своими неотложными утренними делами. Дел было много, а точнее, как в сказке, семь, но первым пунктом он поставил самое значительное, так как ежедневно, проснувшись, каждый раз дивился тому, какие невообразимые эпизоды рождаются в спящем человеке после десяти-двенадцати бутылочек пивка:

1. туалет
2. зарядка
3. душ
4. бритьё
5. завтрак
6. прикосновение к прекрасному
7. литературная разминка

С мужественной гримасой, изображающей богатыря после сражения со Змеем-Горынычем, он поспешно дошёл до своего знаменитого туалета с картинками, после чего несколько по-индейски поприветствовал санфаянсовое изделие: «Здравствуй, Белый Брат!», правда, ответного приветствия не получил, но не расстроился, а, напротив, тут же придумал перепев старенькой песенки Валерия Леонтьева:

Белый друг, не скучай!
Я вернусь, я знаю точно,
может, днём, а, может, ночью:
ты меня не забывай!

Делая необходимые дела, Альбионыч в который раз изучал наставления-картинки, изготовленные его приятелем художником Валерой Муравлёвым, пока до него не дошло, что на левой стенке, где осталось ещё немного незанятого места, должна висеть ещё одна рамочка с таким текстом:

Единственно верным путём дефекации освободимся от всего наносного в нашей истории!

Но недаром Кулемзин был не только талантливым писателем, но и бытовым философом, то есть думал о разных серьёзных вещах как раз во время утреннего сидения

на унитазе. Вот и сейчас его неожиданно посетили сложные мысли о людской ценности. «Время измеряют часами, массу – килограммами, расстояние – метрами», думал он. «А как можно измерить ценность человека? Чем? На Земле 6 миллиардов засранцев, и что, все они равноценны? Конечно, нет. Как их построить в порядке убывания значимости? И вот тут на помощь приходят деньги. Сами по себе они не являются смыслом жизни, но, совершая некие оплачиваемые действия, мы наполняем свою жизнь таким смыслом»

Но согласись, читатель, что это была крайне сомнительная сентенция! А, может, просто нашего с тобой ума не хватает, чтобы обозреть всё величие ума главного героя нашей замечательной книги?

Кто-то ум свой проявляет,
а кому-то не хватает…

Между тем, эти мысли так понравились Володе, что он решил их думать дальше, правда, немного изменив вектор направления.

«Неужели любая гармония в этом мире держится на хлипком равновесии противоположностей? И сто́ит мотыльку неловко взмахнуть крылышками с любой из сторон, как всё рухнет, полетит в тартарары, завертится в круговерти хаоса и разрушения, удержу которому не будет вовек? А люди… Они слишком тяготятся унылым равновесием будней, им подавай бурю! А когда буря настигает – они гибнут в пучинах, не успев ничего создать, не сумев никого защитить, безвестно и безнадёжно…»

Писатель додумал эту мысль до конца, завершив всё вот этим афоризмом:

**Если подумать, вся наша жизнь –
это попытка скрасить ожидание
неизбежного…**

, после чего заархивировал его в мысленной папочке «Афоризмы» и положил на дальнюю полочку своего левого серого полушария.

Второе дело, запланированное на сегодняшнее утро, оказалось очень лёгким (по́мните, пункт «**2. зарядка**»?). Здесь надо сказать, что писателю часто снился сон, как он бегает по утрам, и Кулемзин был этому очень рад (ведь бегать по утрам – это полезно), но сам не бегал никогда. Поэтому он решительно открыл кладовку, где хранил пудовые гири, внимательно осмотрел их и закрыл кладовку до завтрашнего утра. На этом зарядка считалась успешно завершённой.

В нарушенье распорядка
поработал животом –
зарядился не зарядкой,
а холодненьким пивком!

После напряжённой зарядки, чтобы успокоить ломоту во всём теле, Володе вдруг остро захотелось выполнить третий пункт намеченного, то есть принять душ, но он подумал, что лучше этого было бы искупаться в минеральном озере Ассаль, что в африканской Республике Джибути, но потом, конечно, смыть всю его соль под своим душем, но так как названное озеро находилось слишком далеко, а душ рядом, правильное решение было найдено за секунду. Третье дело оказалось очень приятным: Альбионыч вновь вернулся в комнатку с двойным смыслом (туалет + ванна), залез в холод-

ную чугунную посудину, облитую белой эмалью, открутил кран с холодной водой и блаженно зажмурил глаза.

– Владыкой стану мира я,
лишь только сублимируя!

– мурлыкал Володя, стоя под холодным душем. Все его мысли унеслись прочь, кроме чудом уцелевшей в памяти от школьных времён строчки из пролетарского поэта Владимира Маяковского, посвящённой отмыванию металлурга от процесса производства, и потому читавшейся на грампластинке народным артистом Павлом Массальским особенно сладострастно, с придыханием:

«…и течёт по жёлобу промежду лопаток…»[3]

[3] «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру» (1928) – прим. лит. редактора

Постояв так с пятóк минут, Володя вылез из ванны, являя живую иллюстрацию того, как жизнь вышла из воды́ на сушу, и ощутил себя лёгким, словно первый ноябрьский снег, и свежим, точно младенец в роддоме. Вытеревшись китайским полотенцем с выцветшими драконами, когда-то бывшими золотыми, он с любопытством глянул в огромное зеркало, занимавшее почти полстены – как раз между ванной и унитазом.

Я порою кажусь себе старым –
говорлив, одинок и строг.
50 – ведь уже немалый
и вполне подотчётный срок.
Всё приму, ни о чём не жалею,
ничего не хочу повторить, –
я, наверное, стал мудрее,
в пустоте научившись жить…

Любопытство удовлетворилось быстро: из зеркала на него глядел привычный Альбионыч – такой же, как и вчера, хотя он с тревогой отметил, что вчерашнее обильное пивное возлияние не прошло даром – лицо его, и особенно глаза́, немного заплыли, словно являлись иллюстрацией к советскому плакату (б) прошлого века:

Москва – Пекин: дружба навеки!

Но это, конечно, не могло омрачить хорошего утреннего настроения, ведь душа́ у нашего героя была необъятная, как постоянно расширяющаяся Вселенная, а самооценку писатель имел размером с Останкинскую башню, поэтому он улыбнулся непосредственно и весело, точно Емеля при виде красавицы-щуки. Эту улыбку не мог сбить даже тот факт, что наш герой исключительно по пивной причине поправился за прошедший день аж на 340 граммов. «Зато я хорош в другóм», подумал он, и, чтобы у читателя тоже не оставалось сомнения в этом, додумал мысль поэтически:

«Я мушкетёрством пьян,
и кто я – не вопрос:
душою – Д'Артаньян,
фигурою – Портос!»

Глава 4. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (исполнение последних дел)

«Что там дальше по плану?», начал вспоминать он, но сразу не вспомнил, и потому заглянул на позапрошлую страницу. «Яйчики-бабайчики, да это же бритьё!». Этот пункт он тоже любил, поэтому побрился довольно быстро, по ходу процесса вспоминая надоевшую рекламную фразу про то, что «Жиллет» – лучше для мужчины нет!»

«Очень удачно», думал он при этом, «что на лице растут вторичные, а не первичные половые признаки. Иначе бриться было бы просто невыносимо!»

После бритья писатель прошёл на кухню – единственное место в доме, где всегда сбывались его мечты (кроме, конечно, спальни). Следующий пункт утреннего плана, а именно завтрак, Кулемзин любил особенно, потому что начинал завтрак не с самогó завтрака, а с любимого пивка «Тянь-Шань». Не было ни одного дня, когда бы он перед сном не озаботился тем, чтобы наутро у него в холодильнике стояли одна-две бутылочки этого прекрасного напитка. Вот и сейчас, открыв верного холодного друга, он достал первую за сегодняшний день бутылочку и прижал её к сердцу, чтобы она скорее сроднилась с организмом, – перед тем, как снимется с неё железная шапочка, и человек и напиток сольются в неизъяснимом экстазе, уста в уста, как при искусственном дыхании. «Тянь-Шань», будучи только что высвобожденным из ледяного плена, ожёг грудь Володи арктическим холодом, чем вызвал короткую и практически оргазмическую реакцию.

Афоризм ты знай народный –
им блокнот свой увенчай:
«Пиво надо пить холодным,
а горячим – только чай!»

При первом же глоткé, правда, мелькнула не очень приятная мысль – о том, что пиво сильно способствует росту его персонального живота, но со вторым глотком она куда-то пропала, хотя и была вполне справедливой, ведь для того, чтобы нажрать такую *ряху*, как у Володи, например, честный трудящийся бомж типа уже знакомых читателю Танкиста или Одиссея должен был выжирать по два мусорных контейнера со всем содержимым, включая картон, стеклотару и целлулоидные воротнички от рубашек.

После второго глоткá стало значительно лучше, чем после первого: движения писателя сделались уверенными и плавными, мозг начал работать чётче, как хорошо отлаженный компьютер, и на свете не осталось ничего, с чем решительный и умный человек не смог бы при желании справиться.

Перед третьим глотком правая рука Альбионыча послушалась нового приказа несколько взбудораженного мозга и решительно подняла горлышко бутылочки вверх – для того, чтобы пленительная жидкость начала выполнять закон всемирного тяготения Исаака Исааковича Ньютона, за что покойнику глубокое марсианское *merci.*

И, наконец, желудок Кулемзина принял 0,5 литра прекрасного напитка до конца – с лёгкостью, с какой крупный лопух встречает падающую на него *дедушкину* коровку. Мгла, которая частично скопилась в володиной черепушке, тотчас окончательно рассеялась, и ясность начала позванивать под теменем, как в куполе крошечного храма. Пиво, проникнув в организм, зашипело в брюхе, точно выплеснулось на раскалённую сковородку, и в голове зазвучала давно забытая мелодия «Бухенвальдского набата». Стало ясно, что жизнь началá наполняться смыслом, а думы – обретать внятность.

– По рыбам, по звёздам проносит шаланду,
три грека в Одессу везут контрабанду.

На правом борту, что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки и папа Сатырос[4]…

– допив бутылочку до конца, промурлыкал писатель песенку далёкого детства, и начал решать, что сделать сегодня первым: послушать хорошую музыку, чтобы окончательно настроить свой организм на частоту и ритм Вселенной, или позавтракать. Борьба была недолгой – победил завтрак, перед которым Кулемзин тщательно помыл руки.

[4] Песня на малоизвестное стихотворение Эдуарда Багрицкого «Контрабандисты» 1927 года – прим. лит. редактора

Руки мой перед едой –
будешь вечно молодой!

Надо сказать, сегодняшний завтрак Володи, как, впрочем, и всегда, был лёгким и неугнетающим: бокал крепкого чая, ломоть белого хлеба с хрустящей корочкой, намазанной свежим маслом, чашечка красной икры *со льда*, кусочек истекающей слезой брынзы и ломтик зеленоватого пряно пахнущего рокфора. Он осторожно подцепил ложечкой икру, мысленно прочёл катрен

«Хороша икра моя родная –
много в ней питательных веществ!
Я другой такой икры не знаю…
И народ не знает, и не ест!»

, после чего положил продукт на бутерброд, отчего тот сразу же приобрёл красивый и законченный вид. А вот брынзу просто так он есть не стал – Альбионыч знал, что на 15 её граммов нужно непременно положить сверху пять граммов малоазиатского сладкого красного лука с французским названием *шалот*. Правда, оттого, что лук этот был не таким сладким, чистка его всё же превратилась в праздник со слезами на глазах, но даже это малое горе не смогло испортить ему утреннего настроения.

Когда мне поплакать захочется,
я лука побольше беру
и, словно садист, в одиночестве
снимаю с него кожуру!

Такой бутерброд – в виде мирного процесса восстановления растраченных во время сна белкóвых запасов – было грех есть помимо хорошего чая, и он заварил его, как всегда, крепким, а к полученному напитку добавил ложечку сухого перетёртого шиповника, так как хорошо знал, что плоды такого rosa acicularis'а весьма богаты витамином С.

Много лет назад он читал у Томаса Томасовича Манна в его «Волшебной горé», что такой чай получается ярко-красным, и стал экспериментировать с количеством добавки. Но всё было безуспешным: чай получался то ржаво-коричневым, то чёрным и вяжущим рот, а то и вовсе жёлтым и почти прозрачным. Потом он сообразил, что писатели для того и существуют в природе, чтобы морочить головы доверчивым читателям, и в силу этого не слишком озабочены живой реальностью, и успокоился, но добавлять в чай шиповник продолжал. Вот и сейчас он приблизил нос к крýжке и глубоко вдохнул аромат чая – тягучий и печальный, как последний аккорд Симфонии № 5 *до-диез минор* Густава Бернхардовича Малера.

Кстати, был в этой истории и ещё один положительный момент: именно тогда Кулемзин, в ком сызмала глубоко и прочно сидел Обломов, с которым ему бороться было тяжело, да и неохота, наконец понял, что лучше стать писателем и морочить гóловы читателям, чем, например, быть слесарем, тяжким трудом зарабатывающем бонус в виде 30-процентной профсоюзной путёвки в Пицунду.

Устаю я быть *балетным*,
коль на сцене не орут:
отдохну в Пицунде летом,
а зимой – за тяжкий труд!

И только после чая Володя почувствовал, что такой лёгкий завтрак – не для него, поэтому, не смущаясь присутствием на этой странице читателей, на скорую руку соорудил себе ещё и омлет a la Сидни Шелдон[5], то есть с помидорами, луком и болгарским перцем. Он (Володя, а не Шелдон) хорошо помнил, что в каком-то из его (Шелдона, а не Володи) романов так завтракала какая-то малоэкзальтированная героиня. Затем Кулемзин провёл свой внутренний мониторинг и аудит, после чего решительно открыл себе ещё и баночку консервированной кукурузы, подумав при этом: «Взрослеть стоило хотя бы ради того, чтобы устроиться на работу, получить зарплату, купить баночку кукурузы и всю ее съесть, потому что в советском детстве (б) такая кукуруза была только на салаты…»

[5] Сидни Шевахович Шелдон (Шехтель) – американский писатель и сценарист – прим. лит. редактора

Наконец Альбионыч наелся, после чего расслабленно откинулся на кухóнном, похожем на детский, стульчике. Было видно, что он (Альбионыч, а не стульчик) умеет радоваться жизни и до конца вкушать мимолётные удовольствия, которых, признаться, не так уж и много в нашей серой пятнадцатипроцентной действительности.

И вот здесь, уже наевшись, наш герой сделал нечто, как может показаться моему читателю, нелогичное – он почистил несколько *молодых* картофелин урожая этого года и тут же поджарил их на средней сковородочке, добавив в блюдо немного укропа и кинзы. А всё оказалось очень просто: находясь в пространстве этой начальной 4-й главы, литератор неожиданно подумал: «А вдруг эта картошечка пригодится мне где-нибудь в конце тóма?». А прав он или нет, решится ещё очень не скоро – если вообще решится…

Ты не будь себе мишенью –
будь себе экскурсовод:
от задумки до решенья
иногда проходит год!

Глава 5. И ВНОВЬ О НОЧНОЙ ГОСТЬЕ

И тут Альбионыч вдруг вспомнил, что в одной из его легальных комнат (так как ночевал он в комнате тайной, вчера смонтированной марсианской технологией) ночевала его старая подруга Стелла. «Как же хорошо», с облегчением подумал он, «что я до сих пор не связал себя узами так называемого брака!»

Мужичок не так не сяк –
это Вова-холостяк!

Он был счастлив этим, и сейчас думал о том, что только сильные духом могут быть счастливыми, ведь безвольные плывут по течению, натыкаются на камни и бесконечно ищут причины и виновников своих бед, пока не разбиваются и не тонут в потоке жизни. А, впрочем, счастливыми могут стать ещё и везучие, но это бывает как затмение Солнца – очень редко…

И всё же реализм подступал со своими проклятыми вопросами. «Как бы выпроводить эту то ли Кудряшкину, то ли Энгельгардт?», думал он, казалось бы, отрешённо, но проклятая память подсовывала ему крайне занимательную картинку, когда он держал спину пришелицы, влажную и подвижную, как у молодой лошади. Ему казалось, что это была самая долгая ночь в его жизни. Альбионыч вспомнил, что перед сном, как обычно, проверил свою свадхистхану[6] – сексуальный энергетический узел в тонком, как выражаются знатные *хероманты*, теле человека, и с радостью узнал, что с этим делом у него всё в порядке.

[6] Буквально с инд. «собственное жильё»

Позвонила я 02 –
ноги сходятся едва!

И тут он увидел, что на столе белеет какой-то листок, которого вчера здесь явно не было. Волнуясь, он подошёл поближе и, вглядевшись, узнал свои строчки:

Моя печаль

Моей печали прост формат.
Ну, правда, очень прост:
мои печали состоят
из знания и звёзд.
Но в постижении расплат
в длину и ширину
они внутри в себе таят
печаль ещё одну:
она подобна воровству
в желании больном –
печаль о том, что я живу
в себе. И только в нём…

«Гениально», без лишней скромности подумал поэт. «Вот так и надо писать всем тем, кто непременно хочет оставить свои потные следы на тропинках Вечности. Однако, яйчики-бабайчики, к чему бы здесь этот листок?». Он помнил, что никогда не имел привычки разбрасывать свои листочки со стихами куда попало, и сейчас опечалился. Затем в его голову пришла простая мысль, которую он тут же и осуществил – Володя перевернул листок и на обороте прочитал красивые аккуратные строчки с обилием восклицательных знаков:

Ты жестоко разочаровал меня!
Когда я ночью спросила, любишь ли ты меня,
ты ответил, что любишь только пиво!
Будь ты проклят! Я ухожу от тебя навсегда!
Прощай, негодяй!

«Как хорошо», светло подумал марсианин.
Ты ушла рано утром, собралась в один миг –
на подушке остался твой колючий парик,
ты оставила зубы, не взяла в этот раз
и контактные линзы, и искусственный глаз,
накладные ресницы не взяла ты с собой,
уши, брови и ногти, аппарат слуховой,
две руки из пластмассы, два протеза ноги,
две груди́ надувные и вставные мозги.
Я сижу, размышляю… до меня вдруг дошло:
если это осталось, тогда что же ушло?!

«Да, работа над отношениями», продолжал думать наш герой, «это очень тяжёлый труд, и особенно тяжко даётся работа над отношениями, которых нет!». После этой мысли он улыбнулся, так как за мгновение до этого наконец-то нашёл давно искомое определение холостяка. Пусть же узнает об этом определении и мой любопытный читатель – а ну как именно это пригодится ему в жизни:

Холостяк – это рыцарь без траха и упрёков!

И здесь Альбионыч не к месту (а, может, наоборот, к месту) вспомнил, как будучи ещё совсем молодым, ездил на поездах в командировки, и к нему в купе постоянно ломились псевдонемые, предлагавшие колоды карт с голыми и раскованными девицами – по два рубля за колоду. Вспомнил он и то, что многие мужики их брали, вот только куда девали после поездки, не знал, так как такого личного опыта у него не было.

Чуть не получил инфаркт я,
повредившись головой:
на полу лежала карта –
карта с дамой без всего!

И вообще, мои друзья-читатели мужского пола, особенно юного возраста, позвольте автору этой книги дать вам полезный совет: не спешите предлагать, как выражался Булат Окуджава, деве юной руку и сердце – подумайте, а вдруг она согласится? А потом будет вам же пенять всю жизнь: «Какой ты безрукий!», «Какой ты бессердечный!». И в заключение этой горькой главы – ещё один стих, коих и так много на этих печальных страницах, но куда же деться без них в коротком повествовании, посвящённом так называемой любви – пусть даже недолгой и ненужной..

Чуть-чуть

А свеча чуть-чуть коптила,
и скрипела чуть кровать,
только мела не хватило,
чтобы круг нарисовать.
Было нам заняться нечем –
ни шепнуть, ни обмануть,
только жаль, что в этот вечер

я любил тебя чуть-чуть.
На простынке нежной глади
ты сказала: «Ты – не мой…»,
я чуть-чуть тебя погладил
и сказал: «Иди домой…»
И чуть больше ненавидя
в немоте и слепоте,
ты чуть-чуть в слепой обиде
от меня вдруг улете…

Глава 6. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (музыкальная разминка)

Следующим, шестым пунктом его сегодняшней утренней программы было прикосновение к прекрасному, которое он тут же реализовал установкой на проигрыватель старой гнутой пластинки из журнала «Ровесник», коими советская власть (б) строго дозировано потчевала молодёжь СССР (б) один раз в квартал. Пластинка даже была снабжена весьма познавательным конвертом из желтоватой бумаги явно третьего со́рта, из которого (конверта, а не сорта) Володя узнал, что какой-то английский ансамбль исполняет здесь три песни. Володя перевёл на английский язык название первой песни – «Через Вселенную» – и с изумлением узнал в полученном названии битловский хит «Across The Universe»

Он вспомнил, что эта песня вошла в один из самых известных битловских альбомов «Let It Be»[7] 1970 года, и с удовольствием включил *вертушку*, дождался, пока алмазная головка звукоснимателя коснётся пластиночки, и вскоре окунулся в чарующие звуки замечальной мелодии. Слушая, он вспоминал одно интервью Джона Альфредовича Леннона, который утверждал, что «Across The Universe» – самая лучшая и поэтичная песня

[7] ***«Пусть так будет» – англ.***

песня из всех, написанных им. После этого Альбионыч дождался фразы

Words are flowing out like
endless rain into a paper cup[8]…

, после чего промокнул, как обычно пишут в плохих романах, непрошенную слезу. Эта песня нравилась Кулемзину ещё и необычной вставкой. А дело было в том, что она была написана Ленноном под сильным влиянием трансцендентальной медитации индийского гуру Махариши Махеш Йоги. Именно по этой причине Джон и добавил в песне санскритскую мантру «Джай Гуру Дева Ом»[9].

[8] Слова текут, как бесконечный дождь в бумажный стакан – англ.
[9] Слава божественному гуру – санскрит

Он вспомнил, как по молодости встретил одну девицу – красивую и умную, судя по отвлечённым разговорам. И она неожиданно заявила тогда ещё юному Альбионычу, что «все эти ваши битлы – чепуха!». После этого пригляделся Володя к ней ещё раз и понял: и не такая уж она умная, да и красоты поубавилось. С тех пор он применял этот приём ещё не раз.

Лиричная и проникновенная песня напомнила марсианину годы его земной юности, когда он ещё верил во что-то хорошее и светлое, был наивен и романтичен. «Жестокая реальность изменила мир до неузнаваемости», подумал Альбионыч, послушав гениальную мелодию до конца. Но короткой песни длительностью всего 3 минуты 47 секунд для полного восстановления своей эмпирической сущности после ночи было, конечно, мало, и хозяин квартиры № 4 протянул руку к полке, где стояли несколько сот его лучших дисков, и навскидку вытащил конверт с виниловой пластинкой группы «Jefferson Airplane»[10] за 1967 год под названием «Surrealistic Pillow»[11], затем поставил его на проигрыватель, нашёл великолепную композицию «White Rabbit»[12] и с удовольствием окунулся в придуманные Льюисом Кэрроллом приключения Алисы в Стране чудес. Наконец он дослушал песню до заключительных строк:

Remember what the Dormouth said:
«Feed your head!
Feed your head!
Feed your head!»[13]

и прислушался к биению своего сердца. Оно билось ровно – с частотой рок-н-ролла, то есть 120 ударов в минуту. «И понял Он, что это хорошо», подумал про себя наш герой словами Очень Ветхого Завета от Владимира, а потом вспомнил слова́ хорошего американского писателя Генри Генриевича Миллера: «Музыка – это не Бах или Бетховен, а консервный нож для открывания души…»

[10] «Аэроплан Джефферсона» – англ.
[11] «Сюрреалистическая подушка» – англ.
[12] «Белый кролик» – англ.
[13] Вспомни, что сказала тебе Мышь-Соня: «Покорми свою голову! Покорми свою голову! Покорми свою голову!» – англ.

Глава 7. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (литературная разминка)

«Конечно, работа облагораживает человека», потянувшись, подумал писатель. «Но только безделье делает его счастливым!». И здесь автор остро пожалел, что не было в этот момент рядом кулемзинского товарища по *русской кочерге* Серёньки Полтавцева, который как раз такие мудрые мысли любил заносить в свою знаменитую на всю Вселенную книжечку «Для му.мы.»

Увидев, что в его распоряжении есть ещё полчаса, Володя тотчас включил компьютер, но не смог зайти в так называемую систему – хитрый прибор попросил назвать пароль. Но не таков был наш герой, чтобы отступать перед трудностями. Дело в том, что он уже давно поменял свой пароль на слово *неправильный*, и после этого, когда ошибался при вводе пароля или банально забывал его, сам компьютер подсказывал ему верное решение, сообщая при этом на весь экран монитора:

Ваш пароль неправильный

Убедившись, что всё в порядке, продвинутый писатель с наслаждением немного *потоптал клаву*. Ему нравилось это выражение продвинутых *юзеров*, которое означало всего-навсего постучать по клавиатуре, хотя лично он был автором гениального афоризма о любом занятии вообще:

Безделье – это лучший праздник труда!

Для разминки он – по традиции – решил начать свой литературный день с хокку, которые любил исключительно за то, что они маленькие и на них не надо было тратить свои великие силы – как, например, на этот толстый двухкилограммовый том «Русской кочерги» (поверь мне на слово, читатель, и не спеши на кухню за безменом!).

Поэзия просилась к самовыражению, и хокку у писателя рождались легко, как котята. А начал он вот с такого:

Я – Сергеича реинкарнация!
Теперь я в курсе –
мне нельзя стреляться…

Правда, литератор тут же понял, что этот хокку (хотя он и получился хорош) никак не отражает начало сегодняшнего дня, а ведь задачу он поставил себе именно такую, пока ещё несколько секунд раздумий не трансформировались в очередное трёхстрочие:

Весь мир можно уместить
между двумя крылами
летящего журавля…

«Вот теперь то, что нужно!», обрадовался писатель. «Не поощрить ли себя за этот литературный подвиг ещё одной бутылочкой «Тянь-Шаня»? А, впрочем, нет, рано…»

Тут за окном, которое было распахнуто по причине жаркого лета, раздался странный звук – как будто по жестяному *отливу* подоконника процокал конный отряд – только маленький. Володя отодвинул занавеску и увидел, что на это место приземлился целый выводок воробьёв.

– Кыш, акселераты! – добродушно рявкнул он. Воробьи послушались приказа и, подняв незначительный ветер, отчалили восвояси в поисках своего птичьего счастья.

«А что это я всё хокку да хокку пишу?», неожиданно подумал Кулемзин. «Пора бы написать и какой-нибудь та́нка[14]!». Правда, при этом он поставил себе сразу две задачи: во-первых, сделать танка узнаваемым русскому читателю, и, во-вторых, написать его (танка, а не читателя) на основном японском языке *нихонго*, коим в Стране Восходящего Солнца владеют практически все – для того, чтобы не опозориться, если один из томов этого тиража случайно занесёт в Японию. И вот что у него получилось:

小さなトウヒが森で生まれました

森の中で育ち雪に包まれた

武士が森に来て

[14] Пятистрочная японская стихотворная форма – прим. филолог. редактора

それを剣で刈るのですが どんな方法でも

森の中の2人は愚かです 武士と剣 [15]

[15] Маленькая ель родилась в лесу.
В лесу и росла, укутанная снежком.
Приехал в лес самурай,
рубит её мечом, но – никак!
Двое в лесу тупых – самурай и его меч…– яп.

Впрочем, такая долгая (по сравнению с хокку) литературная форма его крайне утомила, и Альбионыч неожиданно остро понял, что самая пленительная свобода, о которой только может мечтать человек, заключается в том, чтобы жить, если он того пожелает, не имея необходимости работать.

И всё же без *глубинного* писательства ему было никак. Марсианин знал, что писа́ть – это значит вызывать из глубины сознания те вопросы, которых всю жизнь избегал, что настоящие чудотворцы поначалу скептически относятся даже к целительной силе своих рук, и что достижения человека куда более примечательны, когда думаешь о том, как он ограничен в своих действиях.

(Если будешь перечитывать когда-нибудь эту книгу, о мой читатель, пропусти предыдущий абзац, чтобы окончательно не свихнуться в счастье жизни!).

Мой лоб шириною в три пальца,
но мысль притаилась за ним,–
хищнейшая мысль-недоносок
сквозь гла́зки упорно глядит,
сквозь кожу мою прорастает,
как полк энергичных стрелков,
а уши, антенны радаров,
следят за пустыней небес!

А Кулемзин тем временем открыл файл под названием «Матрица прошедшей жизни», который он сочинял как предисловие ко всем семи томам своего романа, и продолжил вчерашнюю работу:

«Думаю, что роман «Русская кочерга» вполне способен если не потрясти, то мягко, но настойчиво *встряхнуть разум*, стать новой точкой отсчёта для любого, кто готов уделить ей время и внимание. Уверен, что и без того широкий круг читателей и почитателей Вл. Горького мог бы стать значительно шире, если бы его имя было на слуху, но это-

го – по желанию автора! – не произойдёт никогда, поэтому вот вам одно пожелание. Эту книгу надо читать не кому попало, а особенно молодым мужчинам и женщинам любого возраста: её дар особенно целителен для тех, чьё восприятие мира болезненно обострено, а ощущение собственной чужеродности и неуместности ожесточает и постепенно сводит с ума.

«Русская кочерга» – это ключ от тюрьмы, инструмент, с помощью которого можно прорубить окно в том месте, где прежде была глухая стена, и поприветствовать новое утро не затравленным взглядом узника, а взором, полным любопытства, любви и весёлого, жизнерадостного нахальства, присущего лишь очень древним богам и очень маленьким детям. Именно поэтому Вл. Горький – один из немногих авторов, о которых я предпочёл бы восхищённо молчать, но не могу, так как именно меня главный редактор издательства «albion» назначил на роль автора сего предисловия…»

Чтоб весь смысл был не утерян
в несознании больном,
пару слов прочти ты *перед*,
пару слов – в конце! Потом…

И только после этого Володя вспомнил, что обещал написать несколько нестандартных задачек в задачник математики для первого класса, причём, редактор издательства, откуда должен был выйти этот шедевр педагогической мысли, напирал на то, что нынешние саксаульские детишки уже с первого класса очень продвинутые, и им совсем неинтересно решать задачи о каком-то бассейне, куда в одну трубу втекает, а из другой вытекает. Он (Володя, а не редактор) немного напрягся и бойко застрочил пальцами по клавиатуре:

«У Нуртайчика было 1 яблоко, а у Абрамчика – 6. Определите национальность каждого мальчика!»

Глава 8. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (Мечта о безтелефонном шнуре)

«Странно», в это время подумал наш герой, «а чего это, яйчики-бабайчики, телефон с утра молчит?». И тут внезапно аппарат, о котором только что подумалось, словно проснулся и зазвонил каким-то тревожным дребезжаньем. Хозяин квартиры несколько секунд молча смотрел на маленький аппарат, подпрыгивающий от звонков, как орангутан от злости. Казалось, что внутри него (аппарата, а не орангутана) сидел маленький злобный человечек, который требовал, чтобы его выпустили.

«Интересно, чей же голос сегодня я услышу первым?», ещё раз подумал Володя, хотя от полученного звонка подпрыгнул в кресле у компьютера, потеряв сразу и мысль, и место в тексте, над которым он сейчас так увлечённо работал, после чего с тоской оглянулся на строптивый электромеханизм.

У меня зазвонил телефон.
– Кто говорит?
– Слон!
А потом позвонили гуси…
Ну, когда же меня отпустит?!

Телефон между тем разливался добрым утренним звоном, и было видно, что ему совершенно наплевать на то, что он сбивает с мысли высшее на Земле общественное существо, обладающее не только своим персональным разумом, но и ещё более персональным сознанием.

– Заткнись! – несколько нелогично объявил человек аппарату, поскольку тот обладал голосом, но не слухом.

Но аппарат явно не поверил в серьёзность его намерений, и писателю всё-таки пришлось снять трубку. В недрах слаботочного прибора что-то потрескивало, шуршало и шелестело потусторонним шелестом, но даже отдалённо это нисколько не напоминало человеческую речь. «Значит, речь идёт не о человеке», резонно решил Кулемзин, «а, скорее всего, о каком-то похмельном существе – типа перебравшего накануне Вия!». Он поставил кру́жку недопитого чая возле клавиатуры и потёр освободившейся рукой щеку. Она (щека, а не кру́жка) была холодной, а руки, напротив, почему-то горячие, к тому же напрягало ещё и то, что ухо, явно уставшее слушать потусторонние шумы, стало как-то мрачнеть. «Хорошо, что *дедушка*, создавая человека, озаботился сделать два уха, а не одно», с благодарностью подумал наш герой.

Но не тыквы, и не ду́ши,
и не дужки от очков, –
берегите свои уши
от назойливых звонков!

– Володя, мать честна́я, это ты? – наконец раздался проре́зался голос, отдалённо напоминающий человеческий, и писателю сразу же показалось, что в нём (голосе, а не писателе) было определённо мало позитива. По идиотскому вопросу он сразу догадался, что это был его сопокерник Афанасьич, причём, именно догадался, так как голос был неузнаваемо чужим.

– Вообще-то доброе слово и диктофону приятно, – иронически произнёс марсианин.

– А ты, Володя, где? – продолжал любопытствовать неутомимый абонент.

– В страшных муках творчества, – честно ответил писатель.

– Что с тобой? – встревожился сторож.

– Да открытая рана души терзается о наждачную бумагу бытия, – пожаловался хозяин квартиры № 4.

– Чего ж ты так? – пожалел Полтавцев.– Есть же бумага помягче! А то – наждачная! Эко ты хватил!

Туалетной нет в сельмаге
ни с утра, ни ввечеру –
я наждачную бумагу
тихо с полочки беру…

– А ты чем занимаешься? – задал Серёжа уже порядком поднадоевший вопрос, так как не знал, как же правильно подступиться к теме утреннего похмелья.

– Как обычно, размышляю, – ответил писатель. – Вот сейчас думаю, почему такой жизнеутверждающий роман, как «Отцы и дети», заканчивается сценой на кладбище?

– И я, и я, царица лесная, об этом только что думал! – в ажитации соврал сторож.

– И что же надумал? – иронично осведомился марсианин.

– А вот что: если в течение 20 минут я не выпью бутылочку «Жигулёвского», то кладбище из названного тобой романа превратится в суровую реальность!

«Эко его проняло!», обеспокоился марсианин. «23 слова подряд! По-моему, это рекорд Бермудского Учпучмака за последние три года…»

– Жди, Серёжа, и, возможно, обрящешь, – непонятно пообещал писатель и положил трубку.

Правда, телефонные провода в этот момент опять немного переклинило, результатом чего стало то, что охранник услышал последнее слово как *обдрищешь*. «А ведь верно», подумал он, «чего только с похмелья не бывает», после чего заспешил в соседнюю маленькую комнатку. Но об этом – позже.

На свете место есть одно,
где люди думают о важном:
о жизни, чувствах – всё равно,
но это точно знает каждый.
И мысль за мыслью – всё сначала,
хотим на всё узнать ответ,
и как бы пóшло не звучало,
но место это – туалет!

Не заставил себя ждать и второй звонок, раздавшийся сразу же после первого – через 26 секунд, так что к работе вернуться не получилось.

– Как оно? – тут же получил Альбионыч ещё один глупый вопрос, судя по пропитому и прокуренному голосу, исходящий из организма прапорщика Батыршина.

– Да знаешь, Талгат, – уже несколько раздражаясь, ответил Володя, – всё идёт хорошо. Только создаётся впечатление, что мимо нас, старичок.

– А вот мне плохо, ёкарный бодун, – не слыша ответа, пожаловался музыкант.

– Салихдзяныч, – обозвал соседа по отчеству писатель, – я ведь по натуре своей (прости, русский язык!) пацифист и войне непротивленец, – точно как мой тёзка граф Толстой, поэтому, пожалуйста, избавь меня от душераздирающей обязанности присутствовать при твоих последних содроганиях.

– А это как? – спросил трубач, который кроме какого-то тóлстого графа, не понял в телефонной речи ничего.

– Давай договоримся так: если ты в течение следующего получаса выживешь, то спускайся быстрее в Учпучмак – для продолжения конструктивных переговоров.

– Да у меня конструктора нет, – вздохнул татарин. – Я его ещё в детстве на две пачки «Примы» обменял…

Отхлебнув глотóк из кружки,
вспомнил, как от жира
поменял я все игрушки
аж на литр кефира!

Глава 9. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (Мечта о безтелефонном шнуре, окончание)

Но, так как Кулемзин решил не отвечать на бестолковое предложение, трубач, который, как и Серёжа, не знал, как начать разговор о лечении от похмелья, решил самостоятельно продолжить диалог.

– Дела делаешь? – прямо спросил он.

– Почти, – ответил писатель.

– А что тогда?

– Да я занятиями занимаюсь и работу работаю.

– А-а-а, – неуверенно протянул прапорщик, не зная, о чём говорить дальше, но потóм всё же решился на дополнительный глупый вопрос:

– А ёперные планы какие?

– Да вот хочу себе картошку в депрессии приготовить, – свободно ответил Альбионыч.

– Как это? – аж подпрыгнул обер-корнет. – Разве такая бывает?

– Не у всех, яйчики-бабайчики, – признался писатель. – Но я её делать умею.

– А меня научишь?

– Да прямо сейчас: берёшь картошку и варишь её, как говорят продвинутые повара́ из Перу, до готовности. А потом давишь её, давишь, и становится она такая вся подавленная – просто как в депрессии.

Подожди меня немножко,
чтоб я в смысл жизнёхи вник:
депрессивную картошку
проглочу в один я миг.
Эх, картошка! Жаль, не фрукт ты,
что растёт на целине,
ведь депрессия продукта
переда́лась тотчас мне!

– А-а-а, ты в этом смысле, – протянул музыкант. – Всё шутишь, шутишь, никак не нашутишься…

После этого длинного предложения у Талгата началась внутренняя борьба: спросить Володю прямо, когда он будет угощать коллектив, или немного погодить.

– Да, у тебя, я вижу, появился чёрный пояс, – догадался марсианин. – По внутренней борьбе!

Прапорщик положил свою трубку, а Кулемзин – свою, но только затем, чтобы тотчас снять её вновь. Последний звонок, как, вероятно, уже догадался мой читатель, был от живописца Муравлёва. И первый же его вопрос не отличался оригинальностью:

– Как жизнь, Володя?

– Да вспышки на Солнце замучили!

Затем наступило минутное молчание, и писатель понял, что Валера просто переваривает его нелёгкий для понимания ответ. Затем диалог продолжился.

– Святой Малевич, что с тобой? – спросила трубка.

– Уныние, – ответил Володя. – Если это унылое слово, конечно, точно передаёт моё настроение…

– А чего так?

– Да просто чувствую, что меня нет на этом пути, – доходчиво объяснил он похмельному живописцу. – И кажется, что меня нет вообще ни на одной из дорог. Я смотрю по сторонам, как старый извращенец-вуайерист, подглядывающий за жизнью…

От этих страшных слов Николаичу стало очень страшно, и он решил, что подробности случившегося с его другом выяснит при личной встрече. Надо ли говорить, что и четвёртая трубка за это время нашла своё упокоение на соответствующем рычаге.

Как рыбёшки на затоне,
как секунды от часов,
отдыхают телефоны –
от больных горячих слов!

«Ну, кажется, переговоры на высшем уровне наконец-то завершены», с облегчением подумал писатель. «По-моему, пора реанимировать моих товарищей по партии в *русскую кочергу*! Я не допущу, чтобы крепкие весёлые парни в белых халатах брякнули их по очереди, ещё не остывших от жизненных коллизий, словно пошлые мешки с мочевиной, на брезентовые носилки, и потом под аккомпанемент плоских анекдотов и же-

ребячьего гогота толпы повезли в какой-нибудь районный морг на последний суд постоянно пьяненького от своей работы прозектора»

Он перевёл дух от этой длинной и сложной мысли, после чего додумал её до конца: «Надо бы помочь этим бедолагам, по которым сегодня ночью, судя по их разговорам, проехалась колонна автобусов с детьми, едущими на свидание с весёлым пионерским летом. А, судя по тому, как именно говорили со мной Серёжа и Талгат, по ним проехались даже не автобусы, а тяжёлые грузовики с личным составом 16-й пехотной дивизии имени Александра Филипповича Македонского, тайно телекинезируемой совместными усилиями Кашпировского и Чумака в район приземления летающих тарелок для решительной схватки с внеземным агрессором!»

«Нападает из космоса враг!» –
видит сон алкоголик-дурак.

И последней мыслью писателя после долгих переговоров стала недостижимая для него мечта: «Яйчики-бабайчики, вот бы кто-нибудь из умных изобрёл для нас, любителей тишины и покоя, безтелефонный шнур!»

И только после этого понял, что единственным, кто не позвонил ему в это утро, был несгибаемый большевик Курманбаев. И тогда Володя решил позвонить ему сам – просто чтобы проверить, жив ли этот персонаж его будущего романа «Русская кочерга». А вот о чём они говорили, мой многотерпеливый читатель узнает только из главы 37, которая и случится уже через каких-то 54 наших весёлых и грустных страничек.

Глава 10. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (Первый и последний в этом томе визит)

Но, видимо, у всех звонков мира сегодня был какой-то праздник – потому что вместо только что умолкнувших телефонных раздался звонок в дверь. Иблиснувшись, Альбионыч подошёл к двери, внимательно изучил звонившего в дверной глазóк, после чего решительно открыл защёлку. Дело было в том, что к писателю иногда заходил в гости соседский мальчишка – второклассник Рома. Был он парнишкой смышлёным, интересующийся буквально всем. И с разрешения хозяина квартиры № 4 даже пользовался его домашней библиотекой, хотя из всех 5000 книг по зубам ему был ну разве что с десяток. Но оказалось, что сегодня Рома пришёл не за книжкой.

– Дядя Володя, хоть сейчас и каникулы, но я хожу на факультатив по логике. Вроде бы всё было понятно – до вчерашнего дня, но вот наша Роза Львовна дала какое-то странное домашнее задание. Не поможете?

– Конечно. А что там?

– Вот: как связаны буква А и бык?

Конечно, не растерялся великий писатель земли саксаульской, и тут же рассказал Роме про финикийский алфавит – как первую фонетическую письменность, и что в этом алфавите была буква *алеф*, очень похожая на нашу современную А, и что слово алеф означало именно «бык», и что, возможно, букву так назвали, потому что если развернуть её, то она похожа на морду быка с рогами. И потом даже нарисовал её:

После этого Володя очень обрадовался, что дети уже во втором классе *проходят* такие интересные вещи

– Ой, спасибо, дядя Володя, – просиял парнишка. – Я к вам после школы загляну.

– Конечно, заходи, – улыбнулся Кулемзин. – Расскажешь, как потряс вашу Розу Львовну своими глобальными знаниями…

А вот потряс ли, об этом мой читатель узнает только в третьей части этого тóма, в главе 239.

Впереди маячил длинный, как школьный коридор, день, и даже наш марсианин со всей свойственной ему фантазией не знал, как он пройдёт и чем окончится.

Глава 11. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (новости прошедшего дня)

«А, может, не стоит торопиться на так называемую улицу, а для начала просто послушать новости родины и примыкающей к ней других стран?», подумал он, после чего решительно включил радио. Писатель очень надеялся, что в ворохе новостей ему удастся выловить хоть что-то полезное для себя, хоть какую-то здравую мысль, способную зажечь его воображение. Правда, чего-то очень нового Володя услышать не рассчитывал, так как для новостей начавшегося дня было ещё рано, и ему пришлось довольствоваться новостями вчерашними. И такое решение пришло к нему не само по себе, а волей прилетевшего из неведомых эфирных палестин его штатного муза Васи Курочкина. Вася немедленно сел нашему герою на плечо и горячо прошептал на ухо:

– Ангелина Петровна заболела!

Мой памятливый читатель наверняка помнит, кто такая эта Ангелина Петровна, но для тех, кто начал сегодняшнее утро с таких лекарств, как интеллан, витрум мемори, пикамилон, пантогам или даже биотредин, которые, как утверждают их производители, значительно улучшают память, автор хочет напомнить, что этот персонаж появился ещё в первом томе[16] и являлся, а. вернее, являлась соседкой игроков, проживающей в одной из квартир дома № 16, а примечательна она была тем, что ежедневно интересовалась различными новостями, а также рекламой и песнями, которые передавались исключительно по радио. Именно поэтому тревожное сообщение володиного муза и повлияло на его (Володю, а не муза) решение послушать радио, не выходя из собственного дома.

[16] Произошло это в главе 103 указанного автором тома – прим. гл. редактора

Мысль мелькает в перегаре:
«Наливай, скорее, брат –
я Попову[17] благодарен
за отличный аппарат!»

[17] Александр Степанович Попов (1859-1906) – русский физик и электротехник, изобретатель радио – прим. науч. редактора

Кулемзин решительно нажал на кнопку включения, которая фиксировала волну новой для Республики Саксаулии станции – «Радио Азия Минус», которое было создано несколько лет назад в противовес российской «Радио Европа Плюс». И сделал это вовремя, так как в эфире начался обзор событий – саксаульских, а также, как было модно говорить в последнее время, ближнего и дальнего зарубежья, хотя Альбионыч, как-то раз, вооружившись линейкой, циркулем и транспортиром, просидел над картой несколько часов, но так и не заметил, что вышеозначенные государства после недавних политических событий сдвинулись на этой карте хотя бы на миллиметр!

«Новости нашей страны», медовым голосом начала обзор событий радиоведущая. «В мажилис парламента Республики Саксаулия поступил на рассмотрение проект новой конституции, состоящей всего из двух пунктов: «Не убий» и «Не укради». В настоящее время депутаты работают над поправками»

«Новости науки. Фундаментальное открытие сделали учёные Саксаульского института высоких температур. Они выяснили, что если регулярно запивать горячую осетрину ледяным шампанским, то морда наверняка треснет»

«Саксаульские учёные-геронтологи обнаружили, что с годами шансы на любовь до гроба заметно возрастают»

«А теперь – новости из ближнего зарубежья. Особенно много их поступило из нашей соседки России. Вначале о политике.

Официальные новости. Президент России Владимир Путин принял в Кремле канцлера ФРГ Герхарда Фрицевича Шрёдера, на встрече с которым беседовал с коллегой на безупречном немецком языке. Шрёдер слушал его очень внимательно, время от времени поднимая руки вверх и предъявляя свой аусвайс»

Ох, не расслышал тот политик,
вновь предъявляя аусвайс:
«Ему от слуха бром вколите!»,
сказал друг Путина Чубайс…

Глава 12. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (новости прошедшего дня, окончание)

«На днях спикер Госдумы Владимир Жириновский посетил с частным визитом детский сад № 1089 в городе Москве. Как впоследствии заявил политик в прокуратуре, дети первыми начали драку!»

«Японская фирма «Кавасаки» взялась отреставрировать кремлёвские куранты. По заверениям японцев, после ремонта куранты будут играть семь мелодий и с ними можно будет нырять на глубину до 300 метров»

«Российскими программистами специально для врачей, которые печатают рецепты на компьютере, создан шрифт «Медицинский» – столь же неразборчивый, как и их почерк»

С объяснимым чувством долга,
та-та-та-та-та-та мать! –
на врача учился долго,
чтоб рецепты всем писать!

«В Гатчинском районе Ленинградской области из конюшен совхоза имени маршала Будённого угнан табун пони. В областном отделе внутренних дел предполагают, что преступление совершили цыгане-карлики»

«И в заключение обзора – российские новости культуры. Вдохновлённая успехом фильма «Властелин колец», киностудия имени Горького[18] приступила к съёмкам фильма по мотивам русских народных сказок о Кощее Бессмертном. Рабочее название картины – «Властелин яиц»

[18] Не путать с Вл. Горьким, автором этого романа! – прим. гл. редактора

«Российский режиссёр Никита Михалков снял новый фильм о жизни в Москве. Вот его краткое содержание: российский учитель из провинции на стареньких *жигулях* повёз жену и детей на каникулы в столицу нашей родины. В са́мом центре Москвы машина неожиданно сломалась… Смотрите на экранах новый фильм мэтра отечественного кинематографа «Секс в большом городе»

«А сейчас – новости братских республик. В Киеве с большим успехом прошла премьера нового американского фильма «Mistake»[19] под оригинальным названием «Тю, блин!»

[19] «Ошибка» – англ.

«Белоруссия. Парламент этого государства предложил внести поправку в конституцию страны: «Баллотироваться на пост президента Белоруссии имеет право только человек, имеющий опыт работы президентом Белоруссии»

«И ещё одна новость из Белоруссии. В городе Гомеле местные власти ввели новую услугу для населения: секс по телефону на белорусском языке. Но всё, к сожалению, закончилось трагедией: первый же клиент скончался от смеха!»

Услышав эту новость, Володя с возгласом «Яйчики-бабайчики!» искренне посочувствовал мужчине со странным именем-фамилией Первый Жеклиент. Он живо представил, что именно мог услышать в трубке сластолюбивый белорус: «Я павольна распранаюся для цябе. Мае грудзі ціха калышуцца ў такт музыкі, мае трусікі, кінутыя ўмелай рукой, павіслі на люстры. Я падыходжу да цябе і кладу руку на тваю шырынку ...»[20]

[20] Я медленно раздеваюсь для тебя. Мои груди тихо колышутся в такт музыке, мои трусики, брошенные умелой рукой, повисли на люстре. Я подхожу к тебе и кладу руку на твою ширинку – бел.

«Новости дальнего зарубежья», между тем объявила бойкая радиоведущая и тут же приступила к их обозрению.

«Американская компания «Дженерал Моторс» отзывает около полутора миллионов автомобилей из-за дефекта в системе подогрева стеклоочистителя. На АвтоВАЗе вообще не поняли, о чём идёт речь»

«В Греции осталось так мало денег, что страна больше не может поддерживать античные руины в разрушенном состоянии»

«Американцы вновь обнаружили жизнь на Марсе. Роль жизни исполнил известный американский актёр Брюс Дэвидович Уиллис»

Каждый в этом мире знает,
смотрит кто на простыне:
Брюс Уиллис побеждает
на экране и во сне!

«И в заключение нашей программы – свежие новости из родной страны»

«Горячая пора околота груш пришла в сады хозяйства «Красный саксаулец». Дрожат от богатырских ударов вековые деревья…»

«Вчера в Отцеябловске состоялась первая забастовка местных цыган. Тысячи горожан остались без будущего…»

«И ещё одно ужасное происшествие. Недавно пожарный инспектор Трындынгулов, очнувшись после работы в 20 километрах от Отцеябловска, обнаружил стоящую на обочине цистерну со спиртом, близкую к самовозгоранию. К вечеру силами жителей окрестных районов риск самовозгорания уменьшился наполовину»

В этот момент радиослушатель Кулемзин, узнав о подвиге, невольно подивился мужеству отчаянных парней, после чего продолжил прослушивание радио дальше, а также прихлёбывание пивка.

Счастлив я, но всё ж, похоже,
мне не есть и не курить:
только пиво мне поможет
новости переварить!

Глава 13. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (музыка)

В работе радиостанции «Азия Минус», по мнению Альбионыча, была некая странность – сразу за новостями следовали не реклама или долгожданное сообщение о погоде, а почему-то музыкальный блок, причём, в отличие от своей европейской сестры, эта станция не чуралась ничем – были в её программах и песни советского периода (б), и современные ритмы типа «джага-джага», и даже шлягеры иностранные, даваемые почему-то без перевода, что всегда расстраивало незабвенную соседку из дома № 16 Ангелину Петровну.

Вот и сейчас, сразу после того, как на свободу радостно вырвался Иосиф Кобзон с незабываемым советским хитом «А у нас во дворе», его сменил виолончелист Ростропович, который целых семь минут выпиливал бесконечного Людвига Иоганновича ван Бетховена. Но и это не оказалось пределом развинченным нервам слушателям этой радиостанции, потому что вслед за Ростроповичем-Бетховеном Володя сначала услышал страшные слова

Малиновки заслышав голосок,
папаша в самогон добавил сок!

, а потом и вовсе старую песню Михаила Шуфутинского. Но так как наш читатель весьма хорошо знако́м с «творчеством» этого полублатного толстяка, то услышанное Кулемзиным автор этого четвёртого тома «Русской кочерги» даст в его же (Кулемзина, а не автора) обработке:

В день, когда исполнилось мне 16 лет,
подарила мама мне вязаный жакет.
И когда исполнилось мне 17 лет,
подарила мама мне вязаный жакет.
А когда исполнилось 18 лет,
подарила мама мне вязаный жакет.
И уже заранее я могу сказать,
что подарит мама мне лет на 25!
Ты о ней не подумай плохого,
подрастёшь – сам поймёшь всё с годами:
на вязальном заводе уловы –
всю зарплату жакетами дали…

Когда марсианин слушал этот откровенный блатняк, красиво названный продюсерами *русский шансон*, то сразу открывал для себя как бы новый мир. Например, из песен Михаила Шуфутинского, Вилли Токарева и Любови Успенской он узнал, что русская тюрьма – это самое чудесное место на нашей планете, где сидят не преступники, как в других тюрьмах мира, а талантливые, образованные и любящие маму люди.

Довольно хулиганить, пора остепениться!
«Не проще быть в формате?», твердят мне все кругом.
«Другое нынче время, мелодии и лица,
а ты всё, как и прежде, поёшь один шансон!»
На сцене, как и в жизни, всего и всех хватает –
артисты тоже люди, и разные весьма:
одни, напялив перья, овации срывают,
другие своей песней рвут струны и сердца.
Там, может быть, оставим все споры и раздоры,
досужие советы и менторский наш тон,
и за бутылкой «Русской» начнём переговоры,
а после третьей рюмки затянем наш шансон?

Володя хорошо помнил то время, когда произошла подмена понятий – это случилось в разгульные и страшные 90-е годы прошлого столетия, то есть совсем недавно. Пóмните, что это было за интересное время? Кризис, безработица, высокий рост криминала – именно так жила Россия (да и Саксаулия тоже) в те нелёгкие годы. Потому и не удивительно, что музыка с неволи стала заполнять общественное сознание, а вот чтобы повысить продажи таких песен, продюсеры стали называть их на французский манер – шансоном, хотя к настоящему и красивому французскому шансону все эти «мурки» и «владимирские централы» не имеют никакого отношения. Они (продюсеры, а не централы) справедливо посчитали, что русский шансон звучит куда благозвучнее и красивее, чем блатняк. Вот так на смену утончённым и душевным песням пришла музыка сомнительного качества о жизни за решёткой.

А странный концерт тем временем продолжался.

– Возвращаться – плохая примета! –

утверждало нежное женское сопрано, и Кулемзин решил, что эту песню было бы лучше исполнять мужчине, а не наоборот, потому что это наверняка была «Песня подвыпившего бумеранга»!

Но всему приходит конец, и этому музыкальному безумию он пришёл тоже.

«И в заключение нашего маленького концерта», со слезой объявила ведущая, «мы хотим исполнить музыкальную заявку хорошей девушки Сауле, которая, как нам показалось, радуется за совершенно не знакомого ей человека. Вот что она написала в нашу редакцию:

«Я вчера нашла портмоне, а в нём 350 долларов, одна купюра в 500 евро и визитная карточка на имя Гамлета Оганесяна, который живёт на улице Жубанова, 24. Передайте ему, пожалуйста, от меня лично хорошую песню!»

«Дорогая Сауле, выполняем вашу заявку – для Гамлета Оганесяна звучит «Песня о Ереване» в исполнении Сергея Давидяна. Дорогой Гамлет, пусть прослушивание этой замечательной песни заставит вас вспомнить о своей малой родине – Армении и забыть о потерянных деньгах!»

С сыном аист прилетел в армянский дом –
армянин был сильно озабочен:
«Может, лучше всё же аиста возьмём?
У него хоть нос чуть-чуть короче!»

И, чтобы окончательно избавить свой уставший мозг от всей этой шелухи, Володя поставил на *вертушку* один заветный диск – и немного помедитировал под музыку даосских монахов…

Глава 14. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (реклама)

Честно говоря, пора уже было выходить из дома, чтобы радостно встретить наступивший день, а там и старых друзей-соперников, а там и сесть с ними за великое изобретение человечества, сравнимое разве что с колесом – покерный столик! Но уж таков был народный саксаульский писатель Альбионыч, что всякое дело старался доводить до конца. А концом дела, которым он сейчас занимался, то есть прослушиванием радиостанции «Азия Минус», был рекламный блок.

К его счастью, он оказался совсем коротким, и писатель этому даже немного удивился, хотя по сравнению с рекламой советской (б) прозвучавший блок показался бы просто огромным. Можно было бы отозваться на такие воспоминания целым Хронотопом, но, честно говоря, пока у автора нет такой задачи, и он (автор, а не Хронотоп) с присущей ему мизантропией просто заставит нашего героя вспомнить эти шедевры советской рекламной мысли:

«Свежезамороженный зелёный горошек. 15 минут варки – и перед вами отличное блюдо!»

«Детская зубная паста. Здоровые зубы – залог здоровья!»

«Приобретайте облигации государственного 3% внутреннего выигрышного займа!»

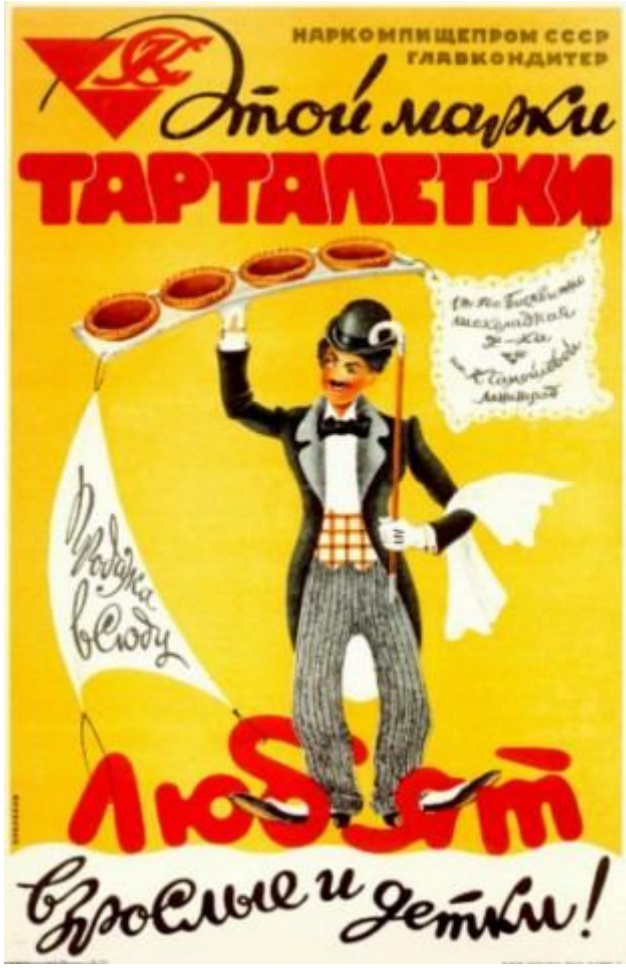
«Вкусно и питательно. Покупайте какао «Золотой ярлык» и «Наша марка» во всех продовольственных магазинах!»

«Весь Союз ССР пишет отличными перьями «Союз» Первой гос.фабрики канц.принадлежностей!»

«Кури папиросы «Пачка»! 20 штук за 20 копеек!»

«Этой марки тарталетки любят взрослые и детки!»

Что-что, мой дорогой читатель?! Ты сомневаешься, что была такая реклама?! Ты думаешь, что автор, который в совершенстве владеет поэтическим даром, сам придумал вот это нелепое двустишие про тарталетки?! Так вот тебе подлинный плакат прошедшей эпохи!



Ну что, убедился? Тогда в конце этого невесёлого воспоминания ещё одна реклама – продукта, за название которого дружественная Стране Советов (б) Франция судилась аж 50 лет, но так ничего и отсудила! А продукт этот выпускал Главмаргарин Наркомпищепрома СССР (б). Догадался, мой читатель, о чём речь? Наверняка нет! Ну тогда внимай и вспоминай:

«Соус Майонез – прекрасная приправа ко всем холодным мясным, рыбным и овощным блюдам!»

Наверное, именно поэтому наш герой с весёлым любопытством ждал рекламу сегодняшнего дня – разболтанную, как и само нынешнее время, но без идеологической начинки, как во времена былые.

«Итак, реклама!», торжественно объявила радиоведущая – как это делала всегда, когда читала дорогие высокооплачиваемые тексты, от которых напрямую зависела её зарплата.

Сжимает Тютчев рукоять
на грани чувственных истерик:
«Умом рекламу не понять,
в рекламу можно только верить!»

«Летайте самолётами «Аэрофлота!» Спешите – их осталось совсем мало!»

«Колготки на любой вкус! Специальное предложение: колготки «Траурные» – 9 дэн, 40 дэн!»

«А теперь – несколько актуальных объявлений, без которых ваш сегодняшний день будет неполным»:

«В магазинах Отцеябловска в продажу поступила новинка – жевательная новинка «Óрбит» с сахаром! Вприкуску…»

«Молодая, симпатичная, длинноногая блондинка, 90-60-90, ласковая, общительная, без вредных привычек, продаст оптом 15 тонн цемента!»

«Отцеябловская платная поликлиника № 6 вылечит все ваши болезни в два счёта! Ваша забота – лишь оплатить эти два счёта!»

«И в заключение – прогноз погоды. Днём, как и вчера, тепло и солнечно, 32-34 градуса по Цельсию, а вот ночью – темно и страшно…»

Дослушав весь радиообзор до конца, писатель земли саксаульской распечатал недавно приобретённую рубашку цвета нестабильного изотопа плутония, выбрав из неё, словно из костлявой щуки, многочисленные булавочки, и аккуратно облачился – для выхода на предстоящий покерный бой. Затем он раскрыл один из своих двух сейфов, а именно второй, который таинственно называл *дежурным*, и набил левый кармашек плутониевой рубашки пачечкой назарбаксов или, проще говоря, деньгами.

На борьбу с коррупцией опять
дали деньги – я читаю сводку.
Значит, так же надо выделять
на борьбу с алкоголизмом водку!

И, наверное, не надо было нашему герою произносить слово *деньги* даже в уме, так как нахлынул на него (героя, а не ум, а, впрочем, и ум тоже) первый в этом томе Хронотоп, но 24-й в нашем весьма длинном повествовании[21].

[21] Предыдущий Хронотоп № 23 опубликован в третьем томе «Русской кочерги», в главе 220 – прим. гл. редактора

Глава 15. ЕВРЕЙСКИЕ ДЕНЬГИ ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ (Хронотоп № 24)

Весьма популярна в нашем народе версия о *германских* деньгах, на которые Ленин и сделал революцию в 1917 году, потому и не будет её рассматривать автор, а обратится сейчас к *другим* деньгам, а именно тем, что давал на революцию американский банкир-еврей Яков Соломонович Шифф. Слыхал ли ты, мой читатель, про такого? Уверен, что нет. Так что скажи глобальное душевное merci автору за своё непрерывное – в течение уже четвёртого тома – просвещение!

Но, если быть исторически точным, то, конечно, потряс карманом не один Шифф: денежками большевиков снабжали и исконно русские богатеи – фабрикант Савва Морозов, книгоиздатель Иван Сытин, затем ещё один фабрикант – Николай Шмит[22], кстати, член РСДРП (б), и другие, не имеющие никакого отношения к еврейству. Так что вопрос следует поставить несколько иначе: какие цели преследовал Шифф и достиг ли их?

[22] Этот, видимо, неглупый человек, настолько проникся революционным духом, что сам устроил стачку на своей фабрике! – прим. ист. редактора

А цель Якова Шиффа была проста, как детекторный приёмник, к тому времени ещё не изобретённый: свобода и равноправие российских евреев. Посему вопрос: были ли она (свобода) и оно (равноправие) достигнуты в результате так называемой Октябрьской революции? Да ни в малой степени! Если проще, то мнимая свобода евреев оберну-

лась свободой заключённого в концлагере. Раньше евреи, образно говоря, сидели в бараке усиленного режима, а потом их перевели на общий режим – только и всего.

Антисемита голова
увлечена идеей:
«Евреям жизни не давать –
за то, что жить умеют!»

Дореволюционная культура евреев была бесповоротно разрушена, религия подверглась гонениям с тем же рвением, что и христианство, капиталисты-евреи лишились своих заводов, банков и поместий, многим еврейским интеллектуалам (вроде Даниила Самойловича Пасманика и Владимира Евгеньевича Жаботинского, в девичестве Вольфа Евновича Зеева) пришлось бежать за границу, спасаясь от вполне возможного расстрела. Евреев к тому времени, выражаясь фигурально, переодели в казённое, обрили, сунули в руки винтовку и поставили в шеренгу «борцов за дело мирового пролетариата». А попутно некоторую их часть использовали в качестве иноплеменных карателей.

Когда же в *кондотьерах* нужда миновала, коммунистические вожди (русские, переставшие быть русскими, и евреи, переставшие быть евреями) преспокойно поменяли своих евреев на мингрелов, а латышей – на уже к тому времени выдрессированных русских. Кстати, о возможности такого финала ещё в 1921 году писал Пасманик, умоляя евреев не обольщаться *призраком равенства*, предупреждая: используют и выбросят.

Среди живущих – каждый совершенство.
Собой гордиться может и блоха:
желать, страдать, испытывать блаженство
и ей доступно, хоть и всем плоха!

Вывод? Взяв деньги у Шиффа, большевики *кинули* его точно так же, как и германскую разведку. В итоге тевтоны заплатили за спонсорство большевиков крушением своей монархии, да и американские банкиры потратили свои доллары зря.

Зато даже трудно приблизительно подсчитать, какую выгоду получила от советской власти (б) сама Америка. Это и неисчислимые сокровища, антиквариат, вывозившийся в США чуть ли не пароходами вплоть до 1930 года, полóтна великих мастеров, изделия дома Фаберже, драгоценные камни. Это сырьевые богатства, выкачанные из СССР (б) посредством концессий труда небезызвестного Арманда Джулиусовича Хаммера и иже с ним. Это и царское золото, которое буквально спасло умирающую от *великой депрессии* Америку в период краха 1929 года.

Так что, мой любезный читатель, поверь мне на слово: не бывает таких случайностей! Перед выгодой, извлеченной еврейскими янками, меркнет всё остальное. Кроме того, есть ещё один любопытный аспект: ещё в начале XX столетия русская нефтяная промышленность фактически грозила вытеснить из Европы американскую. Кстати, уже тогда на денежки американского нефтяного магната голландского происхождения Генри Филипповича Детердинга русские революционеры устраивали забастовки на богатейших бакинских нефтяных месторождениях.

Так что знай, что нефть – воистину магическое слово, родившееся не вчера. Всё это началось далеко не сегодня, а в начале двадцатого века! Ибо сразу же после ВОСР[23], как именовали её в партийных анкетах, и начали потихоньку разгораться нефтяные войны – и уже тогда были потаёнными, не видимыми всему миру…

[23] Великая Октябрьская социалистическая революция – прим. ист. редактора

«Нам ли, Ленин, быть в печали?»,
плакали рабочие.
Коммунисты нефть качали,
но не ложкой – бочками!

Глава 16. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (младший брат радио)

«Может, по другой радиостанции передают что-нибудь путёвое?», подумал Володя – правда, с большим сомнением. И это сомнение не замедлило исполниться – ткнув в кнопку, обозначающую «Радио Ретро», он услышал псевдофилософское дребезжание козлетона Гребенщикова:

«Крестовый поход птиц начался в чистый четверг,
едва уловимая рябь вдоль крыш,
по слову пернатых святых проникновение вверх.
Радость моя, ты всё равно спишь…»

«Яйчики-бабайчики, какая хрень», просто подумал поэт Кулемзин. «А, может, другой электроприбор, а именно телевизор», загорелась в нём новая надежда, «поможет мне настроиться на частоту и импульс сегодняшнего дня?». Надо ли говорить, что и эта его мысль была уже не просто сомнительной, а откровенно глупой.

Утром я сегодня рад,
ведь весьма мне дорог
телевизор – младший брат
радиоприбора!

Телевизионных каналов в *ящике* Альбионыча было много, но он (*ящик*, а не Альбионыч) ожил, по странной прихоти тут же блудливо заверещав о каких-то невероятных новых прокладках, а затем про выигранный каким-то счастливчиком миллион, да с таким азартом, что сгоряча квартировладелец чуть не хряснул телеморду молотком, да вовремя вспомнил, что никакого молотка в его квартире отродясь не было!

По одному из скучных местных каналов, который круглосуточно показывал парламентские дебаты Республики Саксаулия, (прости, русский язык!) мажилисмены вели бесконечные разговоры о том, как побыстрее осчастливить всех и каждого в родной стране. Чем больше марсианин жил в Саксаулии, тем сильнее в нём крепло убеждение в том, что для чиновника (и не только саксаульского, но чиновника *вообще*) народ – это пустое место. Ноль. Или даже минус ноль. Путается, знаете ли, под ногами какая-то серая масса, мешая вершить большие державные дела.

Поэтому и этот канал был тут же переключен на российскую «Культуру». Вот тут Володя немного порадовался, потому что здесь крутили старый советский мульттриллер «Пузырь, Соломинка и Лапоть», и впечатлительный телезритель из числа гениальных писателей на месте этих выдуманных героев тут же представил себя, Муравлёва и Полтавцева.

Пусть Гир мечтает Робертс лапать[24]:
«Мол, переспим – дам изумруды!»,
«Пузырь, Соломинка и Лапоть»
не снился даже Голливуду!

[24] Исполнители главных ролей в фильме «Pretty Woman» («Красотка») (1990) американского режиссёра Гарри Кентовича Маршалла – прим. кинoредактора

И словно отклик на случайный катрен, возникший в голове нашего поэта, на другом местном канале шла как раз американская «Красотка», где герой Ричарда Гомеровича Гира вовсю охмурял героиню Джулии Уолтеровны Робертс, которая, по мнению Кулемзина, на красотку не тянула вообще. Он посмотрел несколько минут старые сцены и подумал о том, что если с этой Робертс смыть всю косметику, а потом ещё и набить ей рожу, она будет выглядеть, как обычная русская женщина!

Саксаульские каналы, расплодившиеся в последнее время во множестве, в телевизоре были расположены один за одним, и вот на следующем Альбионыч увидел весьма странную для псевдомусульманской страны передачу с претенциозным названием «Победоносный (?! – Вл. Г.) голос верующего». Неприятной наружности дама, впрочем, такая же, как и остальные *дедушкины* фанатики, по-американски горячо уговаривала наивных саксаульцев не убивать себе подобных, не обижать животных – от муравья до скунса, чтить родителей и особенно не брать что плохо лежит!

Нет вопросов на ответы,
словно снится наяву:
выполняя все заветы,
очень скучно я живу!

Глава 17. УТРО АЛЬБИОНЫЧА (младший брат радио, окончание)

И, конечно же, куда было деться от бесчисленных сериалов, закупленных саксаульскими телемагнатами – по причине дешевизны – в массовых количествах. Так что Кулемзин не удивился, увидев на очередном канале очередную, номером за четыре сотни, серию о неведомых простым саксаульцам заботах богатой бразильской семьи.

Сцена была также привычной: ещё недели две назад в этом сериале было показано, как бразильский муж с порнографическим именем Педро застукал свою жену с любовником, и теперь на протяжении долгого времени мучительно размышлял (причём, вслух, чтобы было понятно зрителям), сразу пристрелить её или немного подождать, пока нотариус не подпишет завещание о лишении её наследства.

Кстати, с той самой серии, когда Педро застукал изменщицу, любовник до сих пор лежал в постели и лениво, с равнодушным видом слушал пререкания супругов, но скоро ему это надоело, и он вылез из кроватки, не спеша оделся, на прощание поцеловал чужую жену в щёчку, пожал руку обескураженному мужу-рогоносцу, бросил напоследок что-то вроде «Крепись, старина!» и отбыл восвояси.

Писатель, когда-то и сам работавший на саксаульском ТВ, подумал о том, что если бы не эти глупые сериалы, на телевидении нынешнем можно было бы ставить крест, а так они прекрасно отвлекают наш так называемый *средний класс* от нашей же суровой действительности и наполняют его (класса, а не телевидения) жизнь новыми ощущениями, которых он никогда не испытывал доселе, позволяя скоротать время, оставшееся от сна и работы.

Как телевизор с унитазом
весьма похожи, видно сразу:
и там, и там одно говно,
всем надоевшее давно!

В это время жена, оставшаяся практически без одежды, всё ещё продолжала оправдываться перед мужем глупыми словами, которыми Голливуд заразил весь мир, а имен-

но «Это не то, что ты подумал!», уверяя его в том, что он ошибается. Педро же продолжал делать вид, что он ей не верит. Может, он бы ей и поверил, но тогда нечего было бы снимать дальше, и такой интересный сериал пришлось бы просто закрыть. Качая головой, Володя думал, что вся эта хрень воистину является единственной отрадой для саксаульских женщин всех национальностей и возрастов, которая (отрада, а не хрень) позволяла им ненадолго съездить мозгами за границу и немного пожить этими же мозгами тамошней интересной жизнью.

– Вот прицепился, мерзавец! – незаслуженно осудил писатель бедолагу Педро и переключил телевизор на другой канал.

– Натали! Натали! –

надрывался в напрасном призыве испанский певец (прости, русский язык!) Хулио Хулиович Иглесиас. Володя тут же решил помочь донести смысл песни до русскоязычного слушателя:

«Ты орехи мне зубами наколи…»

Не повезло Альбионычу и дальше: сразу по нескольким российским каналам крутили лишь одного паскудного зазнайку и матерщинника Киркорова, а также его клонированных братьев и сестёр по смрадному попсовому цеху. Из *ящика* доносилась разлагающая разум «музыка», и Володя подумал о том, что, должно быть, где-то есть тайная и могучая Организация Международных Дармоедов, главной целью поставившая не дать человеку ни минуты покоя от мутных потоков попсы, не дать задуматься ни над одной проблемой в жизни, не дать ничего, кроме бездумного подёргивания нижними конечностями, приближающая уже и без того отупевшее человечество к какой-то высшей Вселенской Тупости.

Не суди дурака за проступок,
ведь когда-то им будешь и сам:
что возьмёшь с дурака, коль за тупость
он исправно платил по счетам?!

Последним утренним каналом, которым воспользовался пресыщенный этими ужасами жизни Кулемзин, был Первый канал. Но и здесь ему не повезло: на экране, вперясь глазами в суровую икону, истово крестился перед чьими-то давно сгнившими косточками новый кумир России некий Путин. «Нет более страшного бедствия для страны», подумал Володя, «чем интересный человек у власти!». Его (Володю, а не интересного человека) бесило и просто оскорбляло, когда бывшие чекисты, да и вообще люди с высшим образованием шлёпались коленками на грязный пол и, словно средневековые дикари, били поклоны доске, разрисованной масляными красками.

«Вообще, среди всех этих президентов, премьеров и депутатов», подумал Альбионыч, «нет цельных характеров. По-моему, даже *пахан римский* запутался в своём жизненном предназначении – он должен быть духовным пастырем, а старается быть ещё и политиком, и экономистом, и борцом за мир, и благодетелем! И в результате его образ размывается, как на картинах Пабло Руисовича Пикассо: где должен быть нос – пристроено ухо, а где должно быть ухо – там вообще полная жопа!»

Мне сказал президент в телевизоре
(я вчера его слушал полдня),

что страна выползает из кризиса.
Как же так? Почему без меня?!

Глава 18. ТВОРЧЕСКАЯ ЖИЛКА

И всё же покинуть своё гостеприимное жилище оказалось не так просто: после прослушанного и особенно увиденного Кулемзину страшно захотелось глотка́ свежего воздуха. И такой глото́к можно было сделать двумя способами: первый – это просто выйти на улицу и глотнуть его, а второй – окунуться в собственное творчество. И он решительно выбрал второй вариант, потому что в варианте первом такого глотка́ не оказалось вовсе – не смотря на раннее время, за пределами его кондиционированной квартиры уже стояло 22°, естественно, с отметкой +.

Кстати, это было правильным решением ещё и по причине того, что Володя редко выходил из дома, не придумав какой-нибудь лозунг для начинающегося дня. Вот и сейчас он задумался на 4 микросекунды и решительно начертал в памяти вот такую ответственную строку:

Руки прочь от работы!

«Отлично!», оценил он своё творение, «а теперь, яйчики-бабайчики, – немного серьёзной литературы!». Под серьёзной литературой наш писатель понимал исключительно стихи, так как полагал прозу просто записанной на бумаге болтовнёй. И думаю, что мой читатель, *прорабатывающий* уже четвёртый том нашей книги, а значит, приближающийся где-то к 2000-й странице, не будет спорить с автором по этому поводу, хотя он (читатель, а не автор) до этой строки, например, даже не подозревал, что Альбионыч работал как водолаз – не более 40 минут в сутки!

Писать стихи – святое дело!
Чего не выкинешь в бреду?
Душа за родину болела,
но я писал белиберду!

Хотя, чтобы неведомые потомки всё же не обвинили его в безделье, Володя подумал ещё 4 микросекунды и решительно занёс в папку «Сказки III миллениума» ещё одну странную сказку, которые придумывал исключительно под воздействием слабоалкогольных пивных паров:

«Три дня и три ночи целовал Иван-царевич мёртвую царевну, а потом подумал: «А, может, она и в самом деле мёртвая?»

Заархивировав сие крайне сомнительное творение, он наткнулся взором на папку под странным названием «Былое» и удивился – что бы это могло быть? Оказалось, что в этой папке лежали так и не удалённые (хотя это и планировалось) произведения, написанные им до достижения 25-летнего возраста, а, значит, считающиеся юношескими. Он перечитал несколько стишков, решительно убрал их в виртуальную корзину, располагающуюся в нижнем правом углу экрана монитора, но один (стишок, а не угол) решил оставить. И вот почему.

После того, как во время службы в Красной Армии, где ему довелось из двух лет вынужденной разлуки с родным домом аж 48 дней прослужить в воевавшем в то время с Америкой Вьетнаме, по просьбе своих новых друзей-однополчан юный Альбионыч

как-то перевёл несколько стихов Сергеича на вьетнамский язык, и, в частности, его знаменитого «Пленника», а через несколько лет, уже на *гражданке*, случайно приобрёл в магазине «Академкнига» сборник поэзии этой страны на русском языке, где с удивлением обнаружил своё стихотворение за подписью некоего Нгуен Тхи Ланга. Подивись на него (стих, а не иноземного плагиатора) и ты, мой читатель:

Арестованный заключённый зэк

Небо в бамбуковую клетку в яме моей.
Нестарый павлин, сыто икая, сидит на краю,
хвост распушил красиво, сидит, не уходит,
клювом терзая горку кровавого риса.
Перестал поедать корм,
заглянул ко мне с таким видом,
будто имеет план побега.
Хвост сложил павлин и снова расправил,
чирикнул два раза –
наверное, хочет сказать: «Пошли отсюда!»
Эх, вольная птица!
Да, я засиделся в тюрьме, брат павлин.
Давно пора туда, где от сильных ливней
Меконг вылезает на берег,
туда, куда сайгонские марионетки
и носа не сунут, туда, где бьёт врагов
Хо Ши Мин!
Мне надо туда…

Творческая жилка продолжала пульсировать на его творческом виске. И здесь кто-то подул ему в ушко – оказалось, что на левое плечо поэта опустился практически невесомый володин муз Вася Курочкин.

– Помочь? – тактично осведомился он.

– Нет, сам справлюсь, – твёрдо ответил Володя, так как в таких делах предпочитал брать ответственность на себя.

Муз пожал плечиками, заставив затрепетать невесомые крылышки, и тут же отбыл к следующему клиенту – саксаульскому писателю Ибрагиму Джаксыбекову, которому – по вчера подписанному договору – начал диктовать первую главу его талантливой во всех отношениях книги «Утро в степи»:

«Дала күні күн болды. Орта Азияның гофер сиқыры мен басқа да жануарлары шөпке, тірі үйректерге, аспандарға, корморандар мен аспанға көтерілген крандарға жүгіріп жүрді ...»[25]

[25] «День в степи занимался солнечный. По ковылю бегали суслики и другие животные Средней Азии, в небе порхали живые гагары, буревестники, бакланы и журавли...» – сакс.

После этого Вася перечитал полученный текст, удивился его отдельным выражениям и, на всякий случай, переслал в мозг Кулемзина слово *крандар*, что по-саксаульски означало журавли. Но оказалось, что именно этого импульса не хватало Альбионычу, чтобы тут же застрочить виртуальными буквами на экране монитора очередную нетленку, которой автор и решил закончить не только эту главу, но и вообще утреннее пребывание своего героя в квартире:

В соединении с природой

Уходят светлые года
печальным клином журавлиным,
где в человеческих стадах
бродил со стадом я звериным.
Мне зверь любой соседом был,
но не был каждый человеком,
я с птицами по небу плыл,
прощаясь с птицами навеки.
Я обнимал траву свою,
трава в ответ меня ласкала,
и погибал в степном бою,
и смерть меня не раз искала.
Но побеждал всегда я смерть
в соединении с природой –
я просто не давал ей сметь
на мне закончить жизнь народа.
Но человеки без меня
в своих стадах бредут и ныне,
а я иду, воспламеня
души свечу в своей гордыне.
И вспоминаю иногда
свой облик прошлый – тополиный.

♠ ♠ ♠

Уходят светлые года
печальным клином журавлиным…

Глава 19. ПИСЬМО СЧАСТЬЯ

И только-только было наш герой решил покинуть свой гостеприимный дом и направиться в не менее гостеприимный Бермудский Учпучмак, как Сука-судьба в очередной раз подставила ему подножку – в виде характерного звука, по которому Володя определял, что на его электронную почту пришло очередное письмо. Он вошёл в нужную программу и увидел там новое сообщение, от названия которого даже похолодел – «Письмо счастья». Удивительным было то, что данное письмо пришло к нему почему-то на английском языке, из какого-то Вашингтонского Центра Американского Английского, хотя с подобным видом творчества он познакомился ещё лет 40 назад – в ребячестве, когда примерно раз в квартал доставал из железного почтового ящика тетрадные листочки в клетку или линейку с кривыми рукописными строками.

Позже, вплотную занимаясь историей родной страны, Кулемзин узнал, что во второй половине XX века в СССР (б) получил широкое распространение вот такой феномен «писем счастья»: написанные от руки, неграмотные, густо сдобренные народной фантазией послания кочевали из одного почтового ящика в другой. Их десятки раз переписывали, рассылали знакомым, а затем ждали обещанной удачи. Сегодня бы сказали, что распространение таких писем имело характер *спама*!

Эх, судьба моя карасья –
из шаманства и примет:
получаю спам о счастье,
а его всё нет и нет!

Альбионыч открыл письмо и прочёл весьма волнующую историю:

«Remember, this letter brings good luck! A single blind musician, owner of 8 platinum, 17 gold and 33 intervertebral discs was given this letter by his fans. The fans said: «Rewrite the letter and you will see!». The musician rewrote the letter and received his sight. «Hooray!», screamed the fans. And the musician is deaf». Правда, страшная история? Ой, забыл автор, что не все из моих читателей владеют великим и могучим языком Шекспира, посему вот вам перевод этого послания:

«Пóмните, это письмо приносит удачу! Одному слепому музыканту, обладателю 8 платиновых, 17 золотых и 33 межпозвоночных дисков такое письмо вручили его поклонники. Поклонники сказали: «Перепиши письмо и прозреешь!». Музыкант переписал письмо и прозрел. «Ура!», завопили поклонники. И музыкант оглох»

В почте я междугородней,
в отделенье городском,
счастье получил сегодня
бандеролью с сургучом!

Вспомнил писатель и историю возникновения подобных писем. Эти послания были широко распространены в городах и даже представляли собой, как утверждают исследователи, определённый пласт городского фольклора. Схожие письменные «документы» появлялись ещё в Средние века – в условиях жёсткого диктата несговорчивой церкви, когда таким образом в народе распространялись некие молитвы (Хорошая реклама, ничего не скажешь! – Вл. Г.). Кстати, перед октябрьской революцией 1917 года аналогичным образом тиражировались даже большевистские агитационные листовки. И это не шутка!

Что же представляли собой эти письма? Во-первых, они делились на «святые письма» и собственно «письма счастья». Правда, «святые письма» в условиях государственного атеизма в СССР (б) были не так популярны, как «письма счастья», кои представляли из себя написанные от руки послания, в которых вначале излагались некие «достоверные факты», а после них уже шёл призыв.

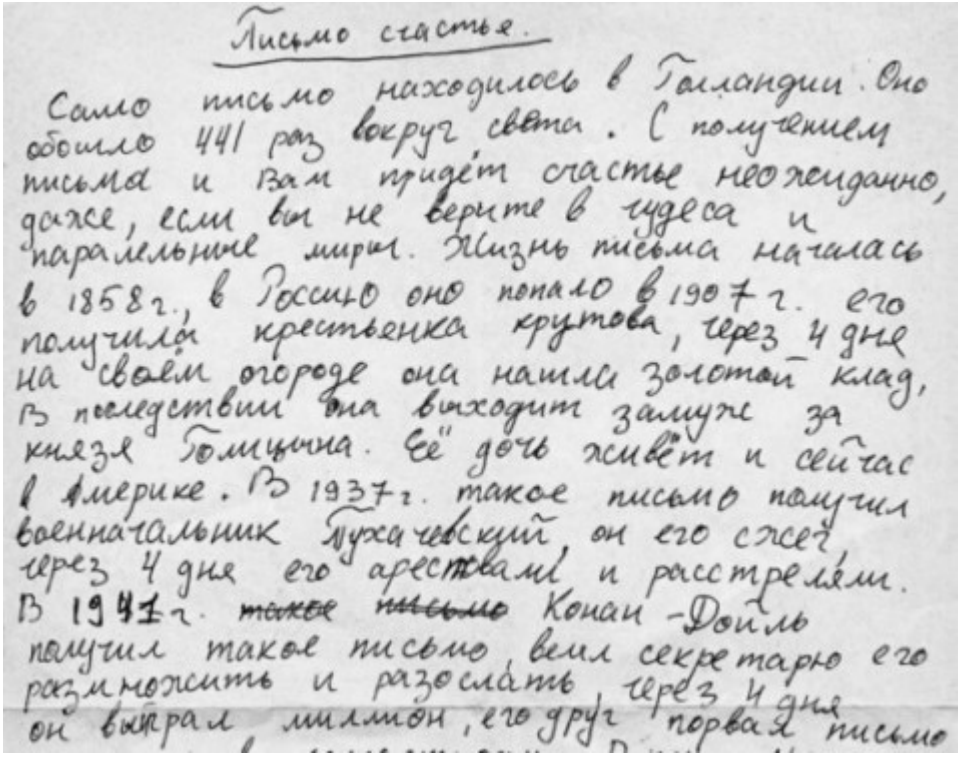
В таких письмах часто использовались имена широко известных людей: политиков, артистов, певцов и пр. Например, в одном из таких писем говорилось о том, что его действенность проверили лично на себе маршал Тухачевский, персек[26] Хрущёв и певица Алла Пугачёва! И якобы тот, кто добросовестно переписал и разослал письмо друзьям, получил в награду удачу и счастье, а люди, не поверившие в серьёзность такого послания, были жестоко наказаны.

[26] Первый секретарь – прим. ист. редактора

При этом воспоминании Кулемзин одновременно поморщился и улыбнулся. Особенно забавным ему показалась возникшая в голове картинка, как маршал Тухачевский аккуратно переписывает подобное письмо и отсылает его Сталину, а через две недели тот отдаёт приказ о его расстреле!

Под Новый год товарищ Сталин
непредсказуемо добрел –
всех приглашал, добром нейтрален,
на новогодний на расстрел!

Здесь у марсианина в голове раздался щелчок, потом звонок, а потом и пришло некое виде́ние. Он встал из-за компьютера, отправился в кладовку, где хранил множество памятных вещей, вещичек и вещиц, и, покопавшись в каком-то ящичке, выудил оттуда некую бумажку. Это и было пресловутое «письмо счастья», которое он получил 34 года назад, но не выбросил, и правильно сделал, потому что именно его сейчас ты, мой читатель, и увидишь.



Письмо счастья.

Само письмо находилось в Голландии. Оно обошло 441 раз вокруг света. С получением письма к Вам придёт счастье неожиданно, даже, если вы не верите в чудеса и параллельные миры. Жизнь письма началась в 1858 г., в Россию оно попало в 1907 г. его получила крестьянка Крутова, через 4 дня на своём огороде она нашла золотой клад, в последствии она выходит замуж за князя Голицына. Её дочь живёт и сейчас в Америке. В 1937 г. такое письмо получил военачальник Тухачевский, он его сжёг, через 4 дня его арестовали и расстреляли. В 1941 г. ~~такое письмо~~ Конан-Дойль получил такое письмо, велел секретарю его размножить и разослать, через 4 дня он выиграл миллион, его друг порвал письмо

Володя аккуратно сосканировал желтоватую бумажку и разместил полученное в электронную папочку под названием «Русская кочерга. 4 том», после чего продолжил исследование.

Все эти приёмчики были призваны убедить получателя письма в его стопроцентной действенности! Но счастье или материальную прибыль нужно было ещё заслужить, переписав послание определённое количество раз – 9, 12 и даже 36. К тому же, по заверениям анонимного адресата человек, осмелившийся разорвать «письмо счастья», был обречён на большое го́ре, поэтому и не удивительно, что туповатые граждане Страны Советов, живущие от зарплаты до зарплаты, надеялись на чудо, добросовестно переписывая такие письма. Видимо, феномен их (писем, а не граждан) популярности и состоял в том, что на их существование постоянно был спрос, ведь всегда, при любом режиме жили люди со *зрительным вектором*, закованные в состояние страха, а оттого и ведо́мые не подобными писульками, а именно страхом.

Стала вдруг душить рубаха –
чуть не умер я со страха!
Правда, понял: «Ё-моё!
Я же вырос из неё!»

Глава 20. ПИСЬМО СЧАСТЬЯ (окончание)

«Яйчики-бабайчики, а не попробовать ли мне самому́ придумать несколько таких писем?», улыбнувшись, подумал писатель. «Ну, хотя бы штук семь! И это как раз будет не-

коей тренировкой мозга перед предстоящим покерным сражением!». Сказано – сделано. А вот получилось ли что-то путёвое у нашего героя, судить тебе, мой читатель. Итак, кулемзинские «письма счастья»:

1

История этого письма уходит корнями в глубь веков. Впервые его написал Верховный Правитель империи инков Тупак Амару I на Великом Заборе Верховных Инков. Письмо содержало всего три буквы, но прямо указывало путь к счастью. Сегодня это письмо 245.779 раз обошло вокруг света и теперь попало к вам! Перепишите письмо 20 раз, и к вам придёт счастье!

Каждый раз – от друга к другу,
путь его совсем непрост:
письмецо пошло по кругу
и попало прямо в мозг!

2

Впервые в Россию это письмо счастья пришло в начале XVIII века – его получил крестьянин Никифор из села Семижопино. Неграмотный Никифор не умел читать, поэтому переписал письмо, не читая. Спустя несколько дней, совершая подкоп под женской баней, Никифор нашёл сундук, который оказался доверху набит… письмами счастья! Прикинув, что привалившего ему счастья хватит лет на 800, Никифор умер, так и не докопавшись до женской бани, но его дело завершили его счастливые дети и внуки. Перепишите это письмо ровно 22 раза – ни больше, ни меньше – в этом секрет вашей будущей удачи!

3

Служащий банка Джон Петроффский получил это письмо и переписал его 17 раз. На следующий день от него ушла жена, сбежали собака и хомячок, а также подохли рыбки в аквариуме. Тогда он переписал письмо ещё раз, и к нему вернулись собака и хомячок, но ушли тараканы. Тогда он переписал письмо ещё 10 раз, и к нему вернулась не только жена, но ещё и тёща, родственники жены, любовник жены, родственники любовника, родственники собаки и хомячка, а также какой-то незнакомый мужик с бензопилой. Все они поселились в одной спальне вместе с Джоном и жили долго и счастливо, особенно мужик с бензопилой, потому что Джон был не просто служащим банка, а его владельцем! К тому же, мужик предъявил ему документы на бензопилу, после чего Петроффский вынужден был сделать его совладельцем банка…

«Ну, как дела на личном фронте?»
«Неважно, ссоримся с женой!
Вот снова получил по морде –
ползу в санчасть с передовой…»

4

Ни в коем случае не теряйте этого письма, иначе вас постигнет большое несчастье! Ассенизатор Прокоп Никитич Несознанских, чей рабочий стаж составил 33 года, 3 месяца и 3 дня, нашёл это письмо в навозе, но не успел его прочитать – письмо вырвала из

рук бурёнка Зорька и сожрала. Через день ассенизатор Прокоп Никитич нашёл новое письмо, но и его (письмо, а не Прокопа Никитича) сожрала Зорька! После того, как подобная история повторилась ещё 11 раз, бурёнку постигло большое несчастье – ассенизатор Прокоп Никитич отвёл её на живодёрню, где с ним случилось большое счастье – через два дня он получил от хозяина живодёрни 56 килограммов краковской колбасы с отчётливым вкусом Зорьки!

5

Не рвите, не выбрасывайте, не удаляйте и особенно ни в коем случае не сжигайте это счастливое письмо! Однажды подобное письмо попало к генералу-фельдмаршалу Михаилу Кутузову, который не поверил ему и решил сжечь, но случайно при этом спалил всю Москву!

От Москвы до ближнего болота,
от морей британских до тайги,
быть столпами трезвого расчёта
могу лишь шпионы и враги!

6

Если в вашей жизни настала чёрная полоса, не выбрасывайте это письмо! Бездомный и безработный Лазарь Екклезиастович Бомжатских, поджигая почтовые ящики в московском элитном доме, обнаружил в одном ящике «письмо счастья». Лазарь Екклезиастович скрупулёзно скопировал это письмо и разослал его всем жильцам дома. На следующий день все жильцы, получившие письмо, стали бездомными и безработными. И понял товарищ Бомжатских, что вот оно – счастье!

7

Хотите стать богатым и известным? Тогда не выбрасывайте это письмо! Однажды «письмо счастья» получил некий Джон Уильямович Рокфеллер, после чего его дела пошли в гору: вскоре он стал владельцем виллы и земельного участка в 700 акров, домов в Нью-Йорке и Флориде, стал контролировать 95 процентов нефтедобычи в США, но, самое главное, приобрёл поле для игры в гольф и набор клюшек. А не получи он письмо, не видать ему этих клюшек как своих миллиардерских ушей!

Получил письмо я в мае –
и случилось – верь не верь! –
стал богатым от письма я:
много долларов теперь!

«И всё-таки надо немного отомстить этим засранцам из Вашингтонского Центра Американского Английского», подумал Альбионыч. «Пошлю-ка я им ответное письмо, благо дело адрес отчётливо пропечатался на моём видавшем виды мониторе!». Литератор бодро уселся за клавиатуру, и в пространство мирового интернета через пару минут улетело послание следующего содержания:

«Глубоко неуважаемые американские сэры и сэрухи! Внимательно прочтите это письмо несчастья! Если оно неожиданно пришло к вам, то вы от него не сможете никогда избавиться, и теперь будете несчастны всю вашу несчастную жизнь! Через несколько часов ваши любимые люди скажут, что ненавидят вас, ваши кошки и собаки будут ку-

сать и царапать ваши американские коленки, а завтра вы вообще потеряете здоровье и часть денег!

Это письмо несчастья прислано вам вследствие того, что вы посчитали себя умными и отослали мне «письмо счастья» на мой e-mail. Итак, удачи вам, неудачники!»

Выбор вами сделан, господа,
но не очень правильный в итоге:
главная заморская беда –
это, безусловно, не дороги!

Глава 21. ПЕРВЫЕ ШАГИ

«Всё, так жить нельзя!», решил к этому времени писатель. «Пора пощупать пятками утреннюю травку, и, кстати, также пора собирать свою Группу Оперативного Выхода На Обслуживание!». И тут же вспомнил, что для означенной группы он должен взять с собой немалую сумму в назарбаксах, которые по-прежнему имели хождение в Республике Саксаулия, после чего решительно вытащил из сейфа портмоне – пухлое, как окорок, откуда не менее решительно изъял увесистую пачку назарбаксов разного достоинства, но не только – также категорично Альбионыч запихал в карман несколько бумажек приятного североамериканского цвéта.

Для кино и ресторана
денег надо два кармана!

Положив пачку в карман, Володя сделал ещё одно необходимое для сегодняшнего дня дело – он решительно порвал вчерашнюю карточную колоду, так как накануне заметил, что педагог Курманбаев пометил старшего джокера путём надрыва кончика карты, после чего метнул обрывки в корзину. Так что известное народное выражение *рвал и метал* в этом поступке знатного саксаульского писателя нашло своё материалистическое выражение!

Затем пришла пора поменять рубашку: перед выходом наш герой надел новую, причём, сложного цвéта – как будто в бутылку элитного шотландского виски «Dalmore», который и так отличается некоей классической *дымностью*, насы́пали пепел от сожжённой страницы книги гениального француза Жюля Пьеровича Верна «Гектор Сервадак. Путешествия и приключения в околосолнечном мире», но не на французском, а на португальском языке. Тщательно разгладив рубашку на брюхе, он засунул в левый кармашек пачечку назарбаксов. Раньше он как-то не задумывался, где держать деньги, и иногда даже клал их в задний карман штанов, пока его друг Серёнька Полтавцев авторитетно не объяснил ему, что алтушки, бабки, филки, капусту, хрусты и чичики[27] надо держать ближе к сердцу!

[27] ***Деньги – феня***

(Кстати, о Полтавцеве и других членах покерной хевры, не говоря уже о живописце Муравлёве. В этой главе автор обещает, что не будет касаться их телефонных разговоров с писателем, но сообщает своему читателю, что они (разговоры, а не члены) таки состоялись, но вот о чём именно, расскажет чуть позже и более подробно – примерно глав через 9-10)

Потом пару минут писатель потратил на поиск своих носков. Он всегда удивлялся, что эта процедура повторялась изо дня в день – и всё из-за того, что он решительно не помнил, как снимал эти необходимые предметы. Ему было жаль себя, тратящего драгоценные минуты жизни на это ежедневное действо, и в то же время он завидовал самим носкам. «Хорошо быть носком!», думал Володя. «Лежишь себе где-то, тебя всегда ищут, без тебя никто никуда не ходит. И плюс ко всему у тебя всегда есть вторая половина. Короче, кайф!»

Так ведётся уж который век –
прочитали в манускрипте старом:
Ной не взял носки на свой ковчег –
твари не сумел найти он пару!

Наконец натянув носки на ноги, Альбионыч покопался в ящике своего рабочего стола и достал оттуда некий прибор, с коим сверился – на предмет того, чтобы не заблудиться по дороге в благословенный Бермудский Учпучмак. Кстати, этот прибор был взят не случайно, так как в течение дня ещё один раз пригодился нашим героям – но об этом позже. А вот что это был за прибор, мой читатель немедленно узнает из приведённого ниже катрена.

Опять кладу я компас на ладонь,
щелчок – и стре́лка чуткая на воле!
И, как от пут освобождённый конь,
дрожит она в родном магнитном поле…

Подойдя к входной (а заодно и выходной) двери, он ещё раз взглянул в зеркало, чтобы зафиксировать в памяти свой пока ещё не потный облик, и тут же с содроганием заметил на нём (зеркале, а не облике) некую надпись ровными красивыми буквами, сделанную через всё стекло помадой кровавого цвета. «Стелла!», вздрогнув ещё раз, подумал Кулемзин. А надпись была такая:

В начале наших романтических
отношений я думала, что у нас
получится что-то путёвое,
но теперь твёрдо уверена,
что ты оказался таким же подлецом,
как и все остальные мои 94 ухажёра!
Поэтому молю тебя:
забудь мой телефон!

«Обязательно забуду», пообещал сам себе писатель, «тем более что я никогда его и не знал», после чего решительно толкнул от себя дверь, напоследок хрустнувшую замко́м, будто сломанной челюстью.

Как отметку о про́житом дне,
как итог отшумевшей пирушки,
уходя, ты оставила мне
светлый волос на белой подушке…

Выйдя из квартиры, наш герой тут же ударился о какую-то часть общего жилого фонда, потому что подъезд стойко сохранял светомаскировку. В первом томе нашего занимательного повествования автор уже рассказывал о том, как Кулемзин боролся с хищениями лампочек в подъезде (этим, как он выяснил, занимался враг покерного коллектива Руслан Кацоев (б), а ныне Глав-Бух). Вначале он грозил ему какими-то страшными листовками, но буквально вчера, перед сном в электрический патрон, почти над самым потолком, где в плену металлической сеточки, которая, как выяснилось, помогала мало, он вкрутил шестидесятиваттную лампочку, а чуть ниже повесил распечатанное на принтере объявление:

Друг! Сосед! Прохожий!
Если тебе нужна лампочка,
не вывинчивай её тут!
Зайди в кв. № 4, и я тебе её дам!

Правда, автору романа «Русская кочерга» доподлинно неизвестно, насколько часто жильцу кв. № 4 приходилось раздавать лампочки, но на этот раз подъезд опять стоял тёмным, словно здесь поселилось то, что составляет аж 22 процента в нашей необъятной вселенной, то есть ТМ[28].

[28] Тёмная материя – гипотетическая форма материи, которая не испускает электромагнитного излучения и напрямую не взаимодействует с ним – прим. науч. редактора

Здесь нашему герою пришлось срочно зажать нос, потому что за прошедшую ночь вонь, исходившая из жилища его соседки Галлюцинации (в девичестве Галины Смирновой), не только не уменьшилась, но, казалось, ещё более усилилась. Он мельком глянул на дверь в ад и увидел, что из-под разорванного дерматина лохмотьями свисала желтоватая от возраста вата, будто какой-то уссурийский тигр драл её, как жадного на мясо укротителя. Сейчас перед этой лохматой дверью сидел какой-то приблудный кот, ранее замеченный автором на ближайшей помойке, и восторженно нюхал доносившиеся из нехорошего жилья ароматы. Надо сказать, что был здесь этот зверюга не просто так, а находился в засаде, поджидая понравившуюся ему Несси из квартиры № 2.

«Хорошо котам», подумал Володя, «и жена на сезон, и тёщ не бывает!». Эфирное тело его желаний рвалось на волю, точно юный кобелёк с поводка, и Альбионыч не стал сдерживать его, выйдя из своего подъезда, а, значит, и из всего дома тоже.

Модно одетый, с букетом в петлице,
в сером английском пальто,
ровно в 7.30 покинул столицу я,
даже не глянув в окно…

Его тут же охватило тревожное очарование непредсказуемости наступившего дня.

Глава 22. ПЕРВЫЕ ШАГИ (окончание)

Первым, что увидел писатель, выйдя из дома, были какие-то парламентские слушания воробьёв. Перед домом № 17 сидело их штук двадцать – не меньше, причём, располагались они прямо на асфальте перед тропинкой, обозначавшей вход в Бермудский Учпучмак, и голосили не хуже торговок рыбой на одесском Привозе. Что они обсуждали, было совершенно непонятно, и Кулемзин подумал о том, что на то они и птицы, чтобы мы, люди, никогда не прознали их главной тайны.

У крыльца воробьи с наслаждением
кувыркаются в листьях гнилых –
я взираю на них с сожалением,
и невольно мне страшно за них:
«Как живёте вы так, без правительства?
Без забытых своих матерей?
Есть у вас или нет право жительства?
Как без метрик растите детей?
Как воюете без дипломатии,
без реляций, гранат и штыков,
вырывая у собственной братии
пух и перья из бойких хвостов?
Кто внедряет в вас всех просвещение
и основы моралей родных?
Кто за скверное вас поведение
исключает из списка живых?
Где у вас здесь простые, где знатные –
без одежд вы так пресно равны?
Где мундиры торжественно-ватные?
Где шитьё под изгибом спины?»

♠ ♠ ♠

Искрошил воробьям я с полбублика,
встал и только тревожно вздохнул:
это даже, увы, не республика,
а анархии дикий разгул!

Вторым замеченным Альбионычем стали новые бумажки, появившиеся на околоподъéздной фанерке, которую он называл *тоска объявлений*. Первое объявление его насторожило и одновременно обрадовало. Оно было вот таким:

В вашем доме через неделю будет отключена горячая вода.
За отдельную плату мы можем отключить воду и
в соседнем доме, чтобы вам было не так обидно!

Насторожил читающего слишком страшный смысл объявления, а вот обрадовала дата начинающего апокалипсиса, ведь действие романа, автором которого был Володя, заканчивалось как раз 31 августа – к окончанию седьмого тома «Русской кочерги»

«Переживём!», подумал писатель и приступил к чтению второй бумажки с очень коротким содержимым. Но, прежде чем озвучить его, автор заставит вспомнить своего героя, что когда-то в одной книжке он (герой, а не автор) прочёл, что великий американ-

ский писатель Эрнест Кларенсович Хемингуэй ввёл в мировую литературу стиль коротких, но очень содержательных рассказов.

Грустно признать, что когда-то от Данта
не унаследовал гены я:
краткость – не только сестра таланта,
но и любовница гения!

И в качестве иллюстрации этого факта в той книжке приводился случай из жизни Хемингуэя, когда он поспорил с приятелями, что сочинит рассказ всего из шести слов, да не просто абы какой, а «самый трогательный из всех ранее написанных». И выиграл спор! Вот этот рассказ, написанный как раз в форме объявления:

Продаются детские ботиночки. Неношеные…

Как видите, на русском языке получилось даже меньше шести слов – всего четыре! И это, подумал Кулемзин, было несомненным рекордом краткости, которая, по утверждению Антона Палыча Чехова, была близкой родственницей его искромётному таланту. Поэтому марсианин и удивился второму увиденному сегодня объявлению, на котором оказалось всего три слова и два знака препинания:

Ирина. 24 часа!

В конце объявления красовались числа, видимо, обозначающие номер телефона объявлениедавалицы, обрамлённые розовым сердечком, нарисованным от руки – фломастером.

«Не та ли это Ирина, о которой уже рассказывалось аж в трёх томах «Русской кочерги»?», с ужасом подумал Альбионыч, но проверить свою догадку не смог, так как никогда не знал номера телефона своей соседки, но, честно говоря, на всякий случай хотел бы его иметь.

Объявлением испуган,
что состряпала жена:
круглосуточно услугу
предоставит мне она!

Когда Кулемзин входил в Бермудский Учпучмак, там сразу становилось заметно тесновато. Третьим увиденным Володей было то, что по всей игровой территории были разбросаны какие-то бумажные клочки, как будто ночью здесь прошёл III Всесаксаульский съезд производителей конфетти. Но не это, конечно, поразило нашего героя, а то, что возле покерного столика, как памятник защитникам Брестской крепости, стояли все трое его соперников по игре – Полтавцев, Курманбаев и Батыршин, плюс примкнувший к ним художник Муравлёв. Как и памятник, герои которого стояли неровно, наши персонажи тоже располагались в пространстве Великого Треугольника пошатываясь, словно накануне завершили свой день не совсем трезвыми. «Яйчики-бабайчики, а ведь так оно и было!», дошло до литератора, который, оправившись от изумления, наконец сделал шаг им навстречу.

Так наивен, как и прежде,
жизнь паскудную виня,

я шагну к друзьям – в надежде,
что поймут они меня…

Сейчас его будущие сопокерники и Валера стояли в один неровный рядок, как на опознании, и при этой мысли марсианин ещё раз с горечью убедился в том, что человек – животное всё-таки стадное. По всему было видно, что настроение подотчётного коллектива было, как пишут в учебнике по психиатрии, тревожно-мнительным. В этом неровном рядке как-то выделялся старший прапорщик Батыршин, поза коего была явно нестроевой и чем-то напоминала боевую стойку известной школы ушу́, подражающую походке утки-мандаринки. Но особенно нелепо выглядел, как всегда, Полтавцев, который на первый взгляд, а потом и при повторном рассмотрении, был приземистым и кривоногим, словно проведший всю жизнь на лошади монгол.

Правда, было в этом неровном солдатском строю и нечто общее, а именно взгляды похмельного коллектива. Все они, как один, в надежде на скорое похмелье, пожирали писателя заплывшими зенками, словно голодные аборигены каких-то заморских островов – свежезабитого английского мореплавателя Джеймса Джеймсовича Кука. «Интересно», подумал писатель, «почему это утром добрая половина людей выглядит как недобрая?»

Молодые, пожилые –
всем им истина стара:
почему с похмелья злые
те, кто добрым был вчера?

Пора было приступать, как выражаются военные, к *разводу* на каторжные работы. Почувствовали это и похмельные граждане, которые потянулись к покерной скамеечке, как волхвы к Христу-младенцу.

– Ну что, граждане потерпевшие, а не пора ли вам поучаствовать в альтернативном олимпийском движении? – бодро предложил марсианин. – Например, в *дисциплине* прыжки через мешки?

Но ему почему-то никто не ответил.

Глава 23. МОГУЧАЯ КУЧКА

– О, могучая кучка[29], – иронично отметил Володя – с возрастающей доброжелательностью, ведь каждый день, проведённый вместе с этими персонажами, напоминал весёлые именины в дурдоме. Увидев свою ПОЛК[30], покерный гуру натужно улыбнулся, как обычно улыбается мужчина, встретивший женщину, в которую был когда-то безумно влюблён, а теперь увидевший её расплывшейся, увядающей домохозяйкой с набитыми сумками в руках и гирляндой рулонов туалетной бумаги через плечо. Затем Альбионыч отметил, что ему почему-то никто не ответил, и попенял сам себе за невыразительность приветствия.

[29] Весь XIX век в истории русской классической музыки фигурировала эта «кучка», цвет и гордость прогрессивной музыкографии: Балакирев, Бородин, Римский-Корсаков и забытый ныне Кюи, кстати, автор нескольких замечательных опер для детей и более чем 250 романсов для взрослых – прим. муз. редактора

[30] Напомним читателю, что эта аббревиатура означает Партию Откровенных Любителей Карт – прим. гл. редактора

– Хмурое утро[31], – вновь, но на этот раз литературно поздоровался писатель, ощутив от вверенного ему коллектива коллективную же ауру перегара, причём обратился к своему воинству вполне дружеским тоном – примерно как следователь, начинающий допрос злодея, про которого знает всё заранее.

[31] Название трилогии романов Алексея Толстого, прослеживающая судьбы русской интеллигенции накануне, во время и после революционных событий 1917 года – прим. лит. редактора

Я ищу свою аптечку,
вспоминая, чуть дыша:
перегар идёт из печки?
Нет, из пасти алкаша!

На сей раз приветствие было услышано, но, судя по выражению лиц присутствующих, не понято, поэтому вместо ответа раздалось какое-то невнятное бурчание, а со стороны, где, качаясь, как берёзка из стихотворения Есенина, стоял старший прапорщик Салихдзяныч, так ещё и протяжный стон. Трубач был бледным и смотрел в одну точку, как несчастная невеста на картине Василия Пукирева «Неравный брак», хотя всё-таки расслышал приветствие писателя, и даже хотел ответить ему, но вместо свя́зной речи получилось только исторжение какой-то нечленораздельности, кою Альбионыч и квалифицировал как стон.

– Тяжко? – из вежливости поинтересовался писатель, хотя спрашивал и строго, как воспитатель школы первой ступени для трудных детей с заторможенным развитием организма.

– Никак нет, – из вежливости ответил военный музыкант одной из главных нелепых русских воинских формул.

Говорим, и всё странней
светится на рожах:
нет, никак и *да, о'кеу* –
суть одно и то же!

И ещё одна неприятная особенность была у талгатовского организма: рожа его с похмелья распухала до размеров неприличных. Сегодня к этой тягостной картине добавил скорби писатель:

– Ты что, старичок, дрожжей объелся?

Батыршин укоризненно поглядел на обижальца, но ничего не ответил.

– Одно у вас светлое пятно, – горько добавил к приветствию Володя, – исключительно для того, чтобы быть наверняка опознанным. – Это я. Да и того согнули прожитые годы и горечь утрат…

Но все его молчаливые собеседники, как один, были мрачными, словно в понедельник их мама родила, причём, положение персонажей усугублялось зияющими чёрными провалами в памяти, не заполненными ничем, кроме мучительной неловкости. И Кулемзин знал, что всё это мучение будет продолжаться нестерпимо долго, пока не произойдёт некое событие, освободившее этих людей от похмельного рабства.

Было видно, что писатель для всех этих персонажей был сейчас как индийская *аватара*, то есть нисхождение высшего *дедушки* к людям в какой-то форме, или ипостаси,

чтобы совершить для них то или иное хорошее дело. А что могло быть лучше для них, как не бутылочка утреннего холодного пивка?

И вновь душа в раздрае: её фибры
с похмелия становятся жарки́ –
колибри очень мелкого калибра
опять поют внутри моей башки.
От пенья этого башка как кремний,
но песенка по-прежнему звонка,
и птичку эту не изгнать ничем мне!
Ну, разве что бутылочкой пивка…

Итак, увидев перед собой весь коллектив, Альбионыч, как и положено великому русскому писателю, начал разглядывать его (коллектив, а не писателя) с видом профессионального патологоанатома. «Да, такие организмы», решил он, «явно требуют капитального ремонта!»

«Четыре молодца –
одинаковы с лица!»,

при этом поэтически подумал марсианин. Лицо у него было значительное и спокойное, как и полагалось основоположнику. Как главнокомандующий покерными войсками Республики Саксаулия, литератор сейчас внимательно оглядывал нижних чинов. Да, здесь было на что посмотреть, причём, именно *на что*, а не на кого, ибо увиденное никак нельзя было назвать полноценными людьми.

Вот Полтавцев. Вид у него был взлохмаченный, словно у сумасшедшего профессора из какого-то старого мультика, сердце которого страшно колотилось, а в тыкве игралась какая-то неясная мелодия вроде «Прокати нас, Андрюша, на тракторе», такие же неясные отрицательные эмоции, как болотные пузырьки, колыхали подёрнутую вчерашним алкогольным транквилизатором поверхность его «мозга», и от этого взгляд охранника был как у бухого в хлам лунатика с плохой наследственностью. К тому же, создавалось впечатление, что *дедушка*, изобретая этот набор хромосом, явно использовал чьи-то чужие запчасти.

Хотя, надо признать, что при виде Альбионыча улыбка расплылась по лицу бывшего текстильщика, как кусок сливочного масла по горячей «Тефали». «К такому костюму, в коем Серёжа явился на битву», подумал писатель, «не хватает или невесты, или катафалка! Определённо, пиджак и брюки хотелось бы видеть на нём от одного комплекта, но, видимо, не всем это удаётся…». Помимо костюма, запоминающейся деталью его сегодняшнего обличия были старенькие ботинки, которые писатель тут же определил как *мечту ортопеда*. По всему было видно, что вчера Афанасьич напился не как обычно, а до состояния буйного самоуважения. Чувствовалось, что именно сейчас ему не хватает таблички на грудь:

Болен навсегда. Лечению не подлежит!

Раз узнал я от брюнеток
мысль одну – без тормозов:
что на свете нет таблеток,
чтобы принял – и здоров!

Володя ещё раз посмотрел на сторожа и грустно подумал о том, что трудное детство не кончается никогда.

– Серёжа, ты чего такой? – спросил он.

– Какой, мать честна́я? – выдавил из себя сторож, губы которого повиновались плохо, как после обезболивающего укола в десну.

– Как в воду опущенный.

– Совсем ты с ума сошёл, Альбионыч, – кротко выдавил из себя охранник. – Что же я тебе, водолаз, что ли?

– Болеешь, что ли? – нелогично поинтересовался писатель.

Вместо ответа уроженец славной деревни Семижопино пожал плечами и руками, словно предъявляя все изъяны костюма, когда-то купленного *по дешёвке* на городской барахолке. Далее, видимо, желая показать все прелести костюма, бывший текстильщик вынул из кармана застиранный серый платок, вместе с которым на зелёную травку Бермудского Учпучмака вы́сыпалась какая-то труха: тиыновая[32] мелочь, обломки спичек, мятый троллейбусный билет, какая-то неопознанная таблетка и что-то ещё, понять назначение коего было невозможно.

[32] Саксаульские копейки – прим. автора

– Знаешь, Серёжа, а ведь лучшее средство от похмелья – это за сутки *до приёма* полностью исключить спиртное.

– Как это? – не понял похмельный.

И всё же у Кулемзина создалось впечатление, что сторожа какой-то опытный мастер интриг внедрил в коллектив намеренно – для антропологического сравнения, ибо сейчас Афанасьич тупо смотрел перед собой – именно так это делают японцы, слушая, как растут камни в одноимённых садах.

В японском есть молва народе,
что это безусловный труд:
посеешь камни в огороде
и долго ждёшь – когда взойдут?

Глава 24. МОГУЧАЯ КУЧКА (окончание)

Вот Курманбаев. На володино приветствие он продемонстрировал ненатурально приветливое выражение лица, то есть попытался улыбнуться, но лучше бы Нуртай этого не делал, так как улыбка получилась такой, словно у него вместо зубов оказались плохо промытые керосином полоски ржавого железа. Стоял в общем строю он в слегка кокетливой позе, с полусогнутой правой ногой, как у *красавицы года* на подиуме, и сейчас глядел прямо перед собой, подняв подбородок, словно какой-то исторический деятель, но взгляд у него при этом был деревянным, как солдатская тумбочка, а глаза́ напоминали самую тяжёлую косточку домино – *пусто-пусто*. Был он весь смирный и в то же время чопорный, похожий на советское телевидение (б) времён Черненко. От педагога явственно шла волна какой-то остронаправленной порчи, и всё-таки, не смотря на внешние проявления похмельной болезни, внутри он был напряжённым и даже внимательным, – как егерь, услышавший стрельбу в лесу.

– Как здоровье, Володя? – позаботясь о соответственном выражении заранее, из пошлого приличия поинтересовался Мусаич.

– Кирдык пасаран![33] – ответил ему Альбионыч, но на странность ответа из-за общей болезни коллектива никто не обратил внимания.

[33] Туча проблем на твою прыщавую задницу, и не спрашивай почему! – марс.

– А вообще как жизнь? – тухлым голосом продолжил допрос большевик.

– Жизнь? – удивился марсианин. – Знаешь, Нуртай, вчера вечером я немного послушал музыку Фридерика Николяевича Шопена и понял, что наша жизнь такова, что даже похоронный марш поднимает настроение…

– Мать моя партия, лекарство бы какое-нибудь, – по старой партийной привычке зашифровывать простые человеческие понятия, простонал педагог.

– Ну, разве только что фуфломицин, – обрадовал его писатель.

Пред сильным чувством опохмелки
все остальные чувства – мелки!

– Разве так можно? – вскричал на произнесение неведомого лекарства Нуртай, ломая руки, как *в немой фильме* Ханжонкова[34]. После ответа Кулемзина его лицо тут же приняло жёсткое, не сулящее ничего хорошего выражение, – как у трудяги-злодея, прибившего девятерых и на радость себе обнаружившего десятого.

[34] Александр Алексеевич Ханжонков – российский предприниматель, организатор кинопромышленности, один из пионеров русского кинематографа – прим. кинoредактора

И здесь Володя, обладающий тонким чутьём (и не только игровым, а вообще) вдруг унюхал от Курманбаева страшный одеколонный запах.

– Ты что, в парикмахерской с утра был? – поинтересовался он. – Или уже похмелился дóма – чем *дедушка* послал?

– Был, – как на допросе, признался Нуртай.

– А что за мерзостью тебя там полили?

– Это не мерзость, – обиделся партиец, который отвалил за стрижку аж 60 назарбаксов. – Это новый саксаульский одеколон, называется «Семеро смелых»

После произнесения такого знатного названия он тут же покрылся красноармейским румянцем, что давало некоторую надежду на то, что данный индивид сегодня всё-таки останется жив. Впрочем, в описываемом нами случае всё зависело от спонсирующего этот день мецената Кулемзина.

– Ну, надо же! – отозвался меценат. – А ведь, судя по запаху, один из этих семерых всё-таки чего-то сильно испугался…

Мне от труса просто шок –
я с таким не в мире,
ведь от труса запашок,
как в моём сортире!

Вот Муравлёв. Лицо его было бы светлым и отрешённым, как у мужественных героев советских (б) плакатов, устремлённых в будущее, если бы сейчас не представляло аллегорию на тему Вселенской Печали, ибо в тыкве художника что-то подозрительно разбухало, как перед инсультом. В общем же выглядел саксаульский гоген как обмухоморенный, напоминая осуждённого на 8 лет циркача, не вовремя открывшего рот и выронившего из него не подстрахованную коллегу-жену. Вот и сейчас казалось, что Валера на

мгновение завис в воздухе, как некий Варавва на соседнем с сыном *дедушкиным* гимнастическом снаряде. С похмелья он выглядел так страшно, что Кулемзину даже расхотелось немного пошутить над ним, предложив Николаичу написать докторскую диссертацию на тему «Влияние саксаульской школы прикладной живописи на раннее творчество Тициана Грегориовича Вачеллио»

– Как ты? – задал Володя вопрос – неопределённый, но такой узнаваемый на просторах бывшего СССР.

– Не помню, святой Малевич, – честно признался страдалец. На лице его было написано страдание – страдание полное, исчерпывающее и безусловное! Губы страдальца вытянулись в трубочку, брови съехались к переносице, и весь его вид стал напоминать девочку, на любимую куклу которой кто-то наступил и сломал внутренний приборчик, который говорит *мама*.

В полутьме вокзала зала
голос, словно бы скуля:
кукла *мама* мне сказала…
Дура! Ведь мужчина я!

Но особенно плохо выглядел несчастный прапорщик Батыршин, в котором вообще не угадывались ни военная выправка (б), ни военное же высокомерие (б) – он дрожал, как потерянный в ЦУМе ребёнок Артёмка. Трубач стоял нахохлившись, точно ястреб на холодном ветру, а взгляд его был пустым и мутным, словно февральское небо. Кадык его (трубача, а не ястреба) дёргался в ритме па́рной латиноамериканской румбы с подчёркнутым обыгрыванием первой доли, или, проще говоря, ча-ча-ча. Сейчас же он напоминал ходячего зомби из голливудского фильма, который благодаря усилиям постановщика трюков не отбрасывал тени на экране.

Мы в начале трудного пути,
но начало это очень длинное:
жизнь прожить – не поле перейти,
даже если поле это… минное!

Сейчас у него не находилось сил заговорить, и он только слегка приоткрыл заплывшие глаза, словно давая понять, что видит благодетеля, а потом на его молчаливый вопрос еле заметно покачал головой, и Альбионыч понял, что тот жив, но из всех радостей начавшегося дня это была только одна. Отметил писатель и его обворожительную улыбку, напоминающую перекошенный клавир вдрызг разбитого рояля. Стоял трубач абсолютно неподвижно, как выключенный робот, – ни дать ни взять простенький механизм, которому какой-то неумный шутник придал отдалённое сходство с человеком.

Вчерашняя закуска в организме прапорщика следовала закону всемирного тяготения и просилась ближе к земле. Кислая слюна под языком и лёгкая холодно-подрагивающая тошнота под ложечкой позволяла тут же наградить бравого (б) Салихдзяныча новой для него наградой – вот такой:

Володя ещё раз оглядел коллектив и усмехнулся своим мыслям: «Прямо *хеллоуин* какой-то! Столько пустых тыкв с горящими глазами…»

– Ну что, малый Совмин? Чай, кофе, иные удовольствия? – поинтересовался писатель, излучающий мощное экзистенциальное поле.

– Иные, – с трудом выдавил из себя одно короткое слово Талгат, так как на второе слово типа *ёкарные* у него в этот момент не было никаких сил.

– At your service![35] – ответил ему писатель, к тому времени уже изживший свою мизантропию аж на 87 процентов.

Короче говоря, как сообщал человечеству Уильям Петрович Шекспир в своём бессмертном «Ревизоре»,

«В мозгах опять простой овражек,
как и всегда по четвергам[36]:
водичка утречком покажет,
кто водку пьёт по вечерам!»

[35] К вашим услугам! – англ.
[36] Напомним читателю, что он читает четвёртый том нашего романа, а, значит, дело в нём происходит действительно в четверг! – прим. гл. редактора

Глава 25. ИЗ ЖИЗНИ СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНЫХ

«Откуда же вы, дети мои, такие некрасивые?», подумал Володя. «И не послать ли кого-нибудь из вас в аптеку? За сердечными каплями, яйчики-бабайчики…». Но тут же понял, что нóги этих людей уже выработали свой утренний ресурс – только для того, чтобы добраться до мéста будущих боёв.

Хоть пересохли глóтки,
не всё ведь в них идёт,

не примет больше водки
измученный живот!
Печёнка не приемлет
портвейн и коньяки,
мутнеет мой хрусталик,
дрожит сустав руки.
И почка опустилась
до тазовой кости,
и я молчу о мозге –
его уж не спасти.
Слабеет корень жизни –
стои́т лишь по утрам,
но утро – для похмелья,
а не для резвых дам!

– Гагемарджос[37]! Ну, как жизнь вытекает? – чтобы немного всколыхнуть застоявшиеся за ночь мозги своих противников, на одном из кавказских языков ещё раз поздоровался с коллективом Кулемзин.

[37] Привет – груз.

Ответом ему было молчание, словно *поздоровка* была хотя и не на русском языке, но прозвучала по-рыбьи, то есть беззвучно.

– Присаживайтесь, друзья, – пригласил больных главврач Бермудского Учпучмака, после чего приступил к техническому осмотру тел.

Первым, на кого он обратил внимание, был несчастный военный, который сидел на покерной скамеечке зелёный, как песенная трава у дома. Сейчас он мог сыграть только одну роль – трупа в морге, или, на худой конец, Ильи Муромца в первые 33 года его жизни. Глаза его были прикрыты, и время от времени он только делал какие-то осторожные кругообразные движения головой – крайне непонятного смысла. Володя потихоньку толкнул его в плечо, после чего Батыршин открыл глаза́.

– Ты не помнишь, что я вчера вечером делал? – сипло поинтересовался он.

– Есть ещё у кого-нибудь вопросы не по существу?

– И всё-таки? – настойчиво скривил рот трубач.

– Хорошо, ты цитировал, – спокойно ответил писатель.

– Что?!

– Не что, а кого. Ты цитировал Шаганова, – подтвердил Альбионыч.

– Какого йодистого Шаганова?

– Александра. «Дескать, бражничал, дескать, куражил»[38]

[38] Строка из стиха Александра Шаганова к песне группы «Любэ» «Давай наяривай» – прим. муз. редактора

Своровал я сто фуражек
и толкнул их выгодне́й:
вспоминаю, как куражил,
но совсем не стыдно мне!

– Володя, – ещё раз простонал бедный трубач, – вот было бы такое лекарство, чтобы раз – и всё прошло!

– Тогда, сынок, тебе надо к палачу. Или, на худой конец, к мяснику…

– Умираю, – держась за голову, простонал музыкант.

– Эх, Талгат, а вот это ты зря, – попенял ему Кулемзин.

– Зря что, мать моя партия? – прищурившись, уточнил педагог.

– Умирает, – объяснил Володя. – Делать это надо только в са́мом крайнем случае, если уж совсем нет другого варианта. А ещё лучше – как можно позже…

– Как это? – заинтересовался философским вопросом и охранник, на всякий случай приготовивший книжечку «Для му.мы.»

– А вот примерно так, – повысил голос писатель, после чего все поняли, что сейчас прозвучат стихи. И они не ошиблись. Поэт откинулся назад, ощутив затылком ствол карагача, и прочёл:

– Умирать надо после, как можно позднее, –
на десяток романов, на сто шашлыков,
умирать, но не в славе, а на взлёте идеи,
чтоб тебя поминали во веки веков.
Умирать надо быстро, на раз, на полслове,
и желательно летом, – побольше цветов!
Но и при оптимальном подборе условий
погодите-ка вы – я ещё не готов!

Прослушав стих, прапорщик неожиданно почувствовал, как что-то мешает руке прижиматься к правому боку. Салихдзяныч опустил глаза и обмер: из-под рёбер выпирала печень. «Скорей бы пивка», нелогично подумал он, «да помереть спокойно…»

Немного донимала помойная муть и на душе́ сторожа-охранника Полтавцева, который, тем не менее, как уже успел убедиться мой читатель, не забыл до́ма свою котомку, а в ней – заветную книжечку «Для му.мы.». Сейчас на его пропитом челе вовсю отражалась сладостная пучина депрессивных переживаний. Реаниматор, оглядев одежду Серёжи, тут же решил: не могло быть и речи о том, чтобы надеть на себя это непотребное изделие, сработанное не портным, а, скорее, сапожником, решившим отдохнуть от надоевшей работы с *четвертью* самогона, но всё-таки такой факт надо было признать свершившимся.

– Хорошо, что время милосердно, – поглядев на Серёжу и улыбаясь про себя, произнёс Альбионыч.

– Эт’ ты про чё, мать честна́я? – простонал Афанасьич.

– Да про то, что за минувший день ты совершенно не изменился!

И это было правдой. В данный момент времени несчастного экс-текстильщика, как говорят в алкогольных кругах, штормило, его одолевала страшная слабость. Было такое чувство, что в венах и артериях вместо крови плескалась тяжёлая жёлтая жидкость, которую медики называют страшным словом *гемодез*.

«Ну и занесла меня Сука-судьба в коллективчик!», подумал писатель и продолжил профилактический осмотр. И вот тут он обратил внимание на то, что один из членов коллектива, а именно Муравлёв, так и не сел на скамеечку, а в ожидании реанимации топтался на месте, так что под его ногами громко шуршала листва, словно художнику не давала покоя слава спасших Рим гусей. Марсианин посмотрел ему (художнику, а не Риму) в глаза́ и тут же по *ирису*[39] определил, что у того в организме катастрофически не хватает лимфы-А.

[39] Радужная оболочка гла́за – прим. мед. редактора

Я, лечась от онанизма,
понял вдруг наверняка:
не хватает в организме
не лекарства, а пивка!

Глава 26. ИЗ ЖИЗНИ СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНЫХ (продолжение)

Валера выглядел сейчас как юноша бледный со взглядом горящим, но глядящим в разные стороны, как при страбизме[40]. Он стоял разинув рот, словно голодный птенец, потому что его сухую глóтку драло как качественным российским крупнозернистым наждаком 80-Н. Николаич страшно хотел пива и сознавал, что внутренний зов такой интенсивности до этого мига он испытывал только во время поноса, находясь в месте, безнадёжно далёком от ближайшего туалета.

[40] Косоглазие – прим. мед. редактора

Потом живописец словно бы очнулся, увидел писателя и начал продвигаться к нему как-то криво, похоже, вслепую, но при этом сделал губы дудочкой, как бы собираясь немного художественно посвистеть.

– Нет, нет, – сделал отрицательное движение рукой Альбионыч. – Я никогда не целýю людей до полудня, за исключением тех, с кем завтракал!

Серёжа, после осмотра неожиданно почувствовавший себя значительно лучше, внимательно, вместе с марсианином, оглядел Муравлёва и вполголоса осведомился у реаниматора:

– Диагноз?

– Будет жить, – успокоил его реаниматор. – Если попадёт в хорошие руки…

После этого, ощутив страшный перегар, заметил:

– Тебе бы, Валера, анестезиологом работать, а не художником. Особенно с утра…

– Это ещё почему? – всполошился живописец.

– Да дохнул на больного – и смело начинай операцию: не очухается, подлец!

Знает каждый диабетик,
неизвестно что врачам:
самый лучший анестетик –
самогона 200 грамм!

Услышав столь занятное предложение, саксаульский репин тут же сделал бессмысленные глаза, как будто ещё в школе не отличал дисперсию случайной величины от теоремы Пьера Доминиковича Фермá.

Не лучше выглядел и педагог Курманбаев. Сейчас весь его вид напоминал тело Маугли, закончившего сражение со стаей красных волков, а отдельно смотревшийся нос был похож на черносливину в период сбора урожая. В данный момент времени у него был взгляд Соловья-разбойника, которого пару минут назад несколько раз ударили палицей по тыкве, поэтому глаза не выражали ничего, а взгляд был бессмысленным, как, впрочем, и сама его жизнь, хотя при виде педагога вспоминалась не жизнь, а существительное с противоположным смыслом.

Тяжело лежать в могиле:
губки тоненькие сгнили,
вместо глáзок – два кружкá…
Нету милого дружка!

Правда, Нуртай старался держать себя в руках, но настолько неумело, что со стороны был похож на актёра, репетирующего сложную роль *свидетеля* и не умеющего справиться ни с руками, которые не знал куда деть, ни с текстом, который оказался слишком сложным. Заметив внимание к своей персоне, он одарил писателя, как ему показалось, дружеской улыбкой, которая, впрочем, отскочила от Альбионыча словно теннисный мячик от тренировочного стенда.

– Мне всю ночь кошмары снились, – тем временем пожаловался педагог.

– А что кошмары? – удивился Володя. – Это нормально – всё по Зигмунду Якобовичу Фрейду: подкорка растормаживается, освобождает подсознание от негативной информации, или проще говоря, от дивных воспоминаний нашего бытия.

– Так вот именно воспоминаний никаких и нет, – признался в страшном Курманбаев, выглядевший как никогда потёртым жокеем в отставке. – Вообще ничего из вчера не помню!

– Шире сфинктер, старичок, – приободрил его гуру. – Жизнь продолжается! Хотя и иногда вообще без нашего участия…

И в результате нашей драки,
где всё – один сплошной мираж,
четыре трупа в Учпучмаке
дополнят утренний пейзаж!

Внимательно оглядев эту странную компанию, Володе вдруг захотелось стать космонавтом и улететь на какую-нибудь далёкую планету, на которую не ступала нога регулярно испражняющихся двуногих животных, но подумалось ему в этот момент отнюдь не о курах. Общую депрессию коллектива пополнило и неожиданное восклицание упитанной чёрной вороны, похожей на цыганку, которая, как выяснилось, обосновалась на ветке карагаче, свисавшей над покерным столиком:

– Пр-р-ропитоны чёр-р-ртовы!

Правда, разобрал произнесённое только Кулемзин, так как давно владел марсианской технологией, позволяющей общаться с земными братьями меньшими, а вот остальные услышали только «Кар-р-р!», но и этой громкости было достаточно для того, чтобы все четверо смертельно больных дружно схватились за свои гóловы.

На животном на жаргоне,
полон что белиберды,
громко каркает ворона!
Не накликала б беды…

Глава 27. ИЗ ЖИЗНИ СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНЫХ (окончание)

Оставался, правда, испытанный дедовский способ борьбы с этой похмельной хандрой – цианистый калий, но сегодня Володя решил его не применять, справедливо рассудив, что если всё-таки применит, то ему понадобится какое-то время, чтобы набрать новую ПОЛК. Полагаясь на свой бурный жизненный опыт, а ещё больше на интуицию, он знал, что в таких случаях нужно не всегда суетиться, а, напротив, выждать немного – и по бутылочке!

Кто-то из великих сказал, что все *вероятностные* события рано или поздно происходят – таков закон природы, и не нам его менять. А какой главной вероятностью было сейчас то, что всё-таки должнó непременно произойти? Да, конечно же, поход в мага-

зин за реанимационными напитками, или, выражаясь совсем уж по-книжному, Первый Великий Поход за Счастьем!

– Как говаривал когда-то пятнистый генсек, – озвучил писатель нехитрую мысль, – пришло время новых реалий. Посему вопрос всем: с чем надо пить пиво?

– С ёкарной рыбой? – предположил Батыршин.

– С сырком, мать моя партия? – предположил Курманбаев.

– С бутербродиком, мать честнáя, с красной икрой? – смело предположил вечно голодный Полтавцев.

– С пикулями, святой Малевич? – что-то невообразимое предположил Муравлёв.

– Нет, мои дорогие, – улыбнулся Кулемзин, – с благоговением!

Мыслью я живу своею
в самый мой тяжёлый час:
пиво пья, благоговею,
как от бабы первый раз!

– А это как? – озвучил общую мысль трубач, хотя при этом вопросе лицо его оставалось таким же пустым, как портмоне нищего. Рядом с ним потряхивало Валеру, который чувствовал себя в данное мгновение некой горошиной в весёлой разноцветной погремушке, что с остервенением тряс в руках младенец-алкоголик.

Не лучше выглядел и педагог: было похоже, что из него только что вынули батарейку, без которой остаток жизни предстояло существовать *на дровах*.

Четвёртый член похмельного коллектива, а именно Афанасьич, тоже сидел отрешённо, с застывшим лицом мученика, напоминая Орлеанскую девственницу Жанну Жаковну д'Арк перед партсобранием инквизиторов. Интереснее всего в его облике была сейчас рожа охранника, над которой смешливый и нетрезвый хирург словно бы провёл небольшой пластический (прости, русский язык!) эквилибр.

– Итак, яйчики-бабайчики, белый танец! – не успокаивался в своих издевательствах Альбионыч. – Дамы приглашают негров!

– При чём здесь какие-то йодистые негры? – воскликнул обер-знаменосец. – Если ты намекаешь, что некому в магазин сходить, то давай я!

Это, разумеется, был подвиг, но, к сожалению, не тот, за который в Республике Саксаулия могли бы дать медаль «За совершение»

– Итак, – нашёл слова для резюме Кулемзин, – начинаем великий евроремонт ваших нелепых тыковок!

.

Кто привык за здоровье бороться,
с нами вместе пускай запоёт:
кто пыхнет – тот смеётся,
кто колется – загнётся,
кто выпьет – тот опять нальёт!

– А вот это другое дело! – дружно воскликнули похмельные.

– Предлагаю приступить к реновации[41] тел, – весело произнёс Володя и, отправив щепотку своих пальцев в левый кармашек рубашки, прошелестел вынутой оттуда разноцветной саксаульской купюрой. Глядя на утомлённый вчерашним спиртным коллектив, ему захотелось немедленно изготовить плакатик для срочного вывеса его в Бермудском Учпучмаке – хотя бы вот с таким лозунгом:

[41] От лат. renovatio – обновление – прим. эконом. редактора

Живи долго! Продли жизнь своим болезням!

«Эх, *дедушка*, говорят, что ты милосерден», глядя на персонажей, думал марсианин с земным отчеством Альбионыч. «Как же ты допускаешь, чтоб человеков твоих так плющило с утра? Врут, всё врут попы́!»

– Итак, кто пойдёт? – озвучил он давно ожидаемое предложение. И тут случилось то, что так красочно показал режиссёр Леонид Гайдай в кинофильме «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», а, вернее, в новелле «Напарник», – все сопокерники, как один, и даже художник Николаич привстали и хором прокричали:

– Я!

После этого страшного согласия по пустыне Бермудского Учпучмака от общего похмельного выдоха словно бы пронёсся небольшой самум, подняв разбросанные там и сям предосенними деревьями листья. Но литератор понял, что если сейчас отправит за пивом всех четверых, то может не дождаться их обратно никогда, потому что реанимационные мероприятия начнутся прямо в помещении магазина, и продолжатся там же – при попустительстве владелицы лавки Калимы, которая (рада стараться!) будет записывать всё поглощённое на его, володин счёт!

Чтоб остался я безгрешным,
вот могу что предложить:
угощу друзей, конечно…
Но не вечно же поить!

Между тем, взбодрённые общим горем, кулемзинские *визави* сплотились в кружок и что-то начали горячо обсуждать шёпотом.

– Вот что, улусные люди, – обратился писатель к друзьям-соперникам и примкнувшему к ним Муравлёву, тяжело поднимаясь с покерной скамеечки, – хватит устраивать тундровые советы! Сам схожу. А вы, друзья мои, во время моего, надеюсь, недолгого отсутствия хорошенько вспомните, как вы докатились до жизни такой! – после чего отобрал у Серёжи *хурджин* и отправился на юг – в магазинчик, расположенный аж в 22 метрах от Бермудского Учпучмака.

«Сука-судьба!», подумал он при этом. «Вот ведь как распоряжается она сразу двумя моими величинами: временем и деньгами…»

Эх, куда мы мудрость денем –
про упавший бутерброд?
Больше времени, чем денег, –
нужно бы наоборот!

Глава 28. В ПОЛУМРАКЕ СЕЛЬПО

Шёл в магазин Альбионыч не спеша, так как похмельем, в отличие от остальных, не страдал вовсе. Оставленные сиротами сопокерники и художник затравленно смотрели ему вслед, и их взгляды в этот момент олицетворяли строку из ненаписанного романа «Суровое возмездие», а именно: «Спина ходока навевала уныние». Им казалось, что эти бесконечные 22 метра Володя идёт страшно долго, хотя он то и дело оглядывался, как вышедший *на маршрут* карманник.

По дороге он вспомнил, как с наступлением дикого саксаульского капитализма с интересом наблюдал новые магазины, появившиеся как грибы свинушки после обильного дождика. Ему даже стало казаться, что эти красивые магазины какие-то подпольные цеховики научились делать уже во время социализма, но до поры прятали их так искусно, что до них не мог добраться вездесущий ОБХСС[42], и вот теперь тут же выставившие их на продажу, чтобы не слишком разориться на новом, унизительном курсе – между советскими и новыми саксаульскими деньгами.

[42] Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности – прим. юр. редактора

На входах в такие магазины вдруг появились молодые крепкотелые предупредительные мужики, а сохранившаяся с прежних времён грудастая продавщица уже не швыряла на весы обрубок колбасы, завёрнутый в коричневую бумагу, и не орала привычное «Не хочешь – не бери!», а только сиплым от тайной ненависти к беднякам голосом вежливо разъясняла дотошным пенсионерам, чем бельгийский маргарин лучше саксаульского масла.

Наступил капитализм –
забывай про коммунизм!

Оглянувшись очередной раз, Володя чуть было не врéзался правой ногой в некий цветник, высаженный хозяйкой лавки Калимой по приказу местного акимата – якобы для облагораживания заасфальтированной местности. Вокруг цветника рос *курай* – крепкий, высушенный солнцем, с метёлочками соцветий, над которыми, ворча, нависали какие-то мошки. Марсианин коротко выругался по-марсиански, поэтому, как надеется автор, уши моего читателя не пострадали, и глянул на произведение саксаульского икебанного творчества, где в приоритете были почему-то не саксаульские растения, а российские, или говоря конкретно, пошлые цветочки под названием иван-да-марья. Но это не остановило толстенького шмеля, который вился над ними с явным вожделением. И вот что он (марсианин, а не шмель) там увидел.

Шмель сладостно зудит внутри цветка
и взрёвывает, как бомбардировщик.
Иван синюшный, Марья из желтка,
шмель плюшевый, ореховая роща,
коленные суставы ломких трав
и клевера медовые сосочки.
Шмель взлётывает, Марью потоптав,
стремится к новой, пламенный и сочный…
Гулёна, сластолюбец, сердцеед,
от этих игр у Марьи могут дети!
А он приник, заныл, оцепенел –
и вот уже выруливает к третьей!
И на роскошный, сказочный разврат,
не выходя из солнечной нирваны,
без ревности, но с завистью глядят
синюшные бессильные Иваны…

Но вот писатель наконец достиг вожделенного заведения и вошёл внутрь. Не смотря на то, что утро стояло ещё довольно раннее, железные стенки павильона, высокомерно

названные его владелицей Калимой супермаркетом, уже успели впитать проникающее тепло земного светила, и внутри было душно, как в раздевалке женской бани.

Проявил вчера смекалку,
дырку провертев, сосед:

заглянул он в раздевалку –
мать честнáя, бабы все!

Кулемзин, постепенно привыкая к полумраку сельпо, немного прищурился, но всё-таки разглядел, что прямо перед ним, как в проявителе, стала возникать какая-то полочка с корóбками ещё с зимы навсегда подтаявших конфет «Грильяж в шоколаде». Были конфеты эти очень дорогими, и поэтому не очень богатые саксаульцы предпочитали покупать ириски. И всё-таки своим внутренним марсианским взором Альбионыч разглядел, что внутри одной из коробочек к грильяжу (б) прилипла маленькая бумажка, которую обычно вкладывают в уже заполненные корóбки для контроля качества. В отличие от других бумажек, эта была предельно честна:

Четыре конфеты сожрал я.
Упаковщик № 12

Мне что мыло или фрукты,
что банана кожуру:
упакую я продукты,
ну, а часть их всё ж сопру!

Глава 29. В ПОЛУМРАКЕ СЕЛЬПО (окончание)

Повернувшись к прилавку, посетитель из числа покерных любителей заметил, что на месте продавца стоит не та женщина, что была вчера. Самóй хозяйки сельпо видно не было вовсе. Писатель, по старой писательской привычке подмечать детали, давно заметил, что продавцы в магазинчике Калимы меняются очень часто, но не мог понять природу таинственного феномена. А потом узнал, что рекорд в этой сомнительной области поставила одна русская женщина с формами мадам Грицацуевой и характером Медузы Горгоны, которая вылетела с этого блатного места после всего одного часа работы в сельпо. А дело было так.

– Скажите, уважаемая, – обратился к ней старичок из дома № 22, – а вот эти сосиски у вас свежие?

– Не знаю, не пробовала! – рявкнула горгона.

– А вот эта колбаска?

– Не знаю, не пробовала!

– А водочка у вас не тёплая случайно?

– Не знаю, не пробовала!

– Послушайте, милая, – попытался примириться с действительностью старичок. – А вы по-другому, как-то более спокойно разговаривать не умеете?

– Не знаю, не пробовала! – рявкнула в очередной раз продавщица так, что у упомянутых сосисок сразу же сморщилась кожура.

Именно этот конец диалога и услышала Калима, которая тут же уволила *новенькую*.

Без хамства жить, без перепалки –
какое счастье, ёлки-палки!

Но новая продавщица была не единственным, что поменялось в лавке Калимы за прошедший день: здесь появились новые товары, которые ушлая магазинщица приобретала где только возможно, лишь бы они стоили в два раза меньше, чем в других магазинах, но продавала уже за полную стоимость, а то иногда и с накруткой, успокаивая себя тем, что от трёх мужей имела троих детей, и даже одного малолетнего внука.

Что же нового заметил писатель – для набора впечатлений, кои надеялся вставить, скажем, в четвёртый том «Русской кочерги», в какую-нибудь главу № 29? А новых товаров оказалось целых два. Во-первых, это были прозрачные китайские пакетики с замороженными, но неопознанными овощами, которые сегодня устроились в холодильнике поверх серых саксаульских пельменей, и, во-вторых, несколько небольших с виду иностранных пачечек с печеньем. Володя пригляделся и понял, что надпись на пачечках стала вызывать у него некоторые сомнения, так как под названием товара была написана страна-производитель:

Made in Velikobritania

После чего, ещё раз обозрев пополнение магазинных полок, наш покупатель резонно заметил:

– По-моему, здесь не хватает только консервов «Конь в собственном пальто»!

Консервы новые купил –
«Конина из свинячьих жил»!

И тут, к своему изумлению Альбионыч увидел, что за ночь не только пополнился ассортимент магазинных товаров, но именно здесь произошла маленькая техническая революция – в левом углу, который раньше был завален пустыми ящиками из-под всего, появился новенький автомат по розливу пива с краткой вывеской над ним:

Пиво импортное

Марсианин недоверчиво подошёл к новинке, увидел прорезь монетоприёмника, под которой было написано, что сюда надо бросать 10 назарбаксов, после чего пошарил по карманам и нашёл искомую монетку. Он тут же бросил её в дырочку, несколько секунд понаблюдал процесс наливания какого-то неизвестного пива в не очень чистый стакан, и отметил про себя, что отечественная традиция *недолива* благополучно пережила смену общественно-экономической формации, и даже несколько усугубилась, видимо, по причине особой ценности импортного напитка.

После этого он вначале понюхал налитое, потом сделал это более глубоко и тщательнее, и со вздохом поставил стакан в углубление автомата обратно.

Напишу прокуратуре
я *телегу*, крайне лют:
«Иностранцы наших дурят –
в пиво явно воду льют!»

– Мне пива! – наконец обратился он к продавщице, на что она лениво повела рукой в сторону небольшой витрины-холодильника, заполненной прекрасным содержимым, как

бы предлагая ему самому́ набить принесённый хурджин, что Альбионыч тут же и сделал. И, уже рассчитавшись, он неожиданно вспомнил, как надругательски отнёсся к серёжиной форточке ещё во время позапозавчерашнего посещения его квартиры[43], поэтому, решив собственноручно исправить положение, вежливо обратился к продавцу:

[43] Об этом страшном случае сообщалось в главе 193 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– Скажите, пожалуйста, у вас фанера есть?

– А вам что, для хозяйства? – полюбопытствовала продавщица.

– Нет, блин, над Парижем немного полетать! – вспылил писатель и, еле подняв полтавцевскую котомку, хотел было выйти из магазина, как из подсобки появилась сама хозяйка заведения – Калима. Увидев её золотозубую улыбку, знатный покупатель внезапно вспомнил что-то своё, и его тотчас посетил второй Хронотоп этого тома, но 25-й во всём нашем романе.

И сегодня – не по-детски,
старыми мослами,
вспоминаю быт советский
горькими словами…

Глава 30. О МАГАЗИНЕ МОЕГО ДЕТСТВА (Хронотоп № 25)

Думаю, что 95 процентов моих читателей совершенно не представляют себе, каким был небольшой продуктовый магазин моего советского детства (б). А один такой магазин до сих пор стои́т у меня перед глазами, наверное, потому что располагался на у́глу в полуквартале от нашего подъезда и занимал часть первого этажа жилого дома, стоя́щего на углу улиц Тимирязева и Гагарина. В нашей семье его так и называли – *угловой*.

– Вова (или Толя[44]), – говорила наша мама, в угловом сегодня *выбросили* сахар. – Сбегай, купи пару килограммов, скоро будем делать варенье – пригодится.

[44] Брат автора Анатолий – прим. гл. редактора

Я брал деньги, слетал с нашего второго этажа и через мгновение открывал тяжёлую дверь магазина. Прямо перед входом был прилавок, за которым орудовал Борис Янкелевич Колобокер – невысокий еврей с цепким взглядом. И, хотя перед ним была небольшая очередь в 5-6 человек, он тут же бросался ко мне и уводил меня в подсобку, оставляя *на хозяйстве* свою жену Саломею Аароновну.

Чем же я отличался от других детей нашего Калининского района Отцеябловска? Да ничем, за исключением того, что Борис Янкелевич знал о том, что наша мама работает в обкоме партии, а папа – в министерстве сельского хозяйства. И только это знание, которое, возможно, когда-то ему пригодится, давало нам, детям своих родителей, некое право на безочередное обслуживание, чем мы с успехом и пользовались.

Понял я, но поздновато,
свой налаживая быт:
исключительно по блату
надо жрать, чтоб жи́ву быть!

Магазинчик этот в то время был строго продуктовый, не то что нынешние супермаркеты. Справа от основного прилавка был ещё один прилавок, как бы запасной, где и стоя-

ла Саломея Ааронoвна, торгующая водянистыми соками и минералкой на розлив. А вот на пóлках сзади основного прилавка было главное богатство торговой точки: затейливо выложенные пирамиды несъедобных консервов и целые батареи бутылок дешёвого суррогатного вина. Местные алкаши называли эти пóлки очень точным названием – *бухло и закусь*.

На полу сзади прилавка стояли бидоны с молоком или сметаной, иногда бочка с селёдкой, от запаха которой в течение дня всё недопроданное молоко активно прокисало. Там же в вольном порядке располагались мешки с сахаром и мукой, а также множество мешков с крупами, которые почему-то не пользовались особым спросом, например, перловка или экзотическое ныне саго. Мешки эти постоянно пополнялись числом, так как экономика в стране была плановой, и в далёкой Москве, в Госплане СССР (б) никого не интересовало, успел ли продать *прошлый завоз* продуктов Борис Янкелевич.

В витрине за мутным гнутым стеклом красовались несколько кремовых тортов, два сорта варёной колбасы малоаппетитного вида и один вид сыра – российский, своим названием только позорящий братскую Саксаулии республику.

В подсобке, куда меня завёл хозяин торгового заведения, обнаружились ещё одни весы, куда – на одну чашку – Борис Янкелевич поставил двухкилограммовую железную гирю, а на вторую, оторвав от рулона плотной бумаги кусок и свернув из него кулёк, начал осторожно насыпáть сахар из особого мешка, помеченного красным крестом.

Хоть мешки, хоть самовары,
хоть бутылки с коньяком, –
покупаю я товары
только с базы прямиком!

Здесь мой читатель, давно забывший старые советские реалии, тут же потребует от автора объяснения. И он его получит. Дело в том, что *простым* покупателям сахар взвешивался из мешка, стоящего возле прилавка, а мешок этот был не простым, а волшебным. Когда его привезли в магазин, он весил ровно 30 килограммов, но после того, как всю ночь возле него простояло полное ведро воды, он стал весить на 10 килограммов больше, хотя уже был не сухим, а немного влажным. А если учесть, что килограмм сахара в те годы стоил 88 копеек, то, продав такой мешок, Борис Янкелевич клал себе в карман честно заработанные 8 рублей 80 копеек. И это, надо сказать, была не единственная торговая смекалка ушлого работника прилавка.

Глава 31. О МАГАЗИНЕ МОЕГО ДЕТСТВА (Хронотоп № 25, окончание)

Вот почему моей маме, работавшей в обкоме партии, сахар насыпáлся из *честного* мешка. Но и здесь он (работник прилавка, а не мешок) умудрялся совсем немного обмануть знатного покупателя, то есть меня. Когда дóма мы всей семьёй перевешивали кулёк на безмене, то всё равно выходило, что хозяин магазина недовесил 50 или 70 граммов. Но мы были не против, так как сахар был не влажный, липкий и тёмный, а вполне сыпучий и белый.

– Мама, – говорил я, – а, может, на него пожаловаться?

– Да что ты говоришь! – возмущалась мама. – Во-первых, я не буду связываться с óрганами из-за нескольких копеек, а, во-вторых, его же могут посадить!

Обсчитали, но как элегантно –
понял: деньги ушли безвозвратно!

Я позвал продавца,
плюнул в область лица,
и ушёл, поклонившись галантно!

И уже через много лет я случайно попал в тот район, где прошло моё детство, и, проходя мимо старого углового магазина, где сегодня продавались электроприборы фирмы «Philips», я почувствовал на себе чей-то цепкий взгляд. На скамеечке перед домом грелся на солнце очень старый человек, в котором я узнал Бориса Янкелевича. Я не спешил и решил поговорить со старым знакомым, а через пару минут разговора убедился в том, что проблем с памятью у старика не было вовсе.

– Борис Янкелевич, – спросил я его, – моя мама часто перевешивала за вами товары и жаловалась на обвесы. Скажите прямо, было дело?

– Конечно, было, – честно ответил ветеран прилавка. – А куда было деваться? На зарплату не проживёшь, а наверху, я имею в виду начальство из райпищеторга, требовали свой процент! Так что не обессудьте, молодой человек, время было такое.

– А вот соседи говорили, – вспомнил я ещё подробность, – что у вас гири были, как бы это сказать, облегчённые. Тоже правда?

– Не дай *дедушка*! – воскликнул старик. – Гири были государственные, с клеймами! За это и загреметь было можно!

– А как же тогда? – поинтересовался я уже чисто по-писательски, чтобы впоследствии обязательно вставить эту хронотопную историю в свой пока ещё не знаменитый роман «Русская кочерга»

– Да у меня коромысло на весах специальное было, – с удовольствием поделился воспоминанием Борис Янкелевич. – Там одно плечо было немного короче другого. И чашки тоже были немного разными, так их, когда они пустые стояли, эти плечи и выравнивали. Так что процентов 7-8 всегда в мою пользу было!

– А если ревизия? – поинтересовался я. – Или, как проверяющие называли, контрольный закуп? Они же следили, как продавец взвешивает.

Я, работая на складе,
отношусь к большим деньгам:
ревизор меня посадит,
если в лапу я не дам!

– Ну, это совсем просто, – снисходительно улыбнулся старик. – Если контрольный закуп, я переносил гири на другую сторону весов, так что при перевзвешивании оказывалось даже немного *с походом*. Конечно, это выглядело несколько странно, но ведь главное, чтобы не меньше.

– А как вы распознавали ревизоров?

– Это тоже просто. Я же у себя в магазине простоял 35 лет, и всех покупателей знал в лицо. Если видел, что кто-то незнакомый, сейчас же гири на другую сторону весов!

– А если это были не ревизоры? – задал я ему последний вопрос.

– Ничего страшного. Те, которые замечали перевес, обязательно приходили снова, и вот тогда-то я возвращал своё с лихвой. Да, чего там говорить: хорошо мы тогда жили, интересно, красиво! Не то что сейчас…

И напоследок, чтобы рассказ о том времени был совсем уже целостным, небольшая поэтическая зарисовка.

Купил тушёнку – жир да жилы!
А где же мясо, твою мать?

Вот раньше-то была тушёнка!
Но где сейчас такую взять?
А эта гадость несъедобна,
и я назад её понёс.
Я говорю: «Верните деньги!»,
и сунул продавцу под нос.
«А чем вы, сударь, недовольны?»,
спросил сурово продавец.
«Вот это вот вполне съедобно –
я сам с него варю супец!»
«Так здесь же нет ни грамма мяса,
я не люблю одну лапшу.
Возьмите, и верните деньги,
а то министру напишу!»
Тут продавец сказал мне грозно:
«А вы умеете читать?
Вот здесь на баночке есть надпись,
прочли б пред тем, как покупать.
Тут напечатано: «Тушёнка.
Главснабспецпром,
колхоз «Рассвет».
А дальше надпись: «Масса нетто» –
по-русски значит: «МЯСА НЕТ»!

♠ ♠ ♠

А что же улусные люди, как назвал их писатель шесть страниц назад? Ведь им, пока он ходит за реанимационными напитками, было дано конкретное задание хорошенько вспомнить, как они докатились до жизни такой. А, значицца, так тому и быть. И, чтобы рассказы об утре этих персонажей ничем не отличались от рассказа об утре нашего главного героя, автор решил не отступать от традиции и озаглавить эти горькие повествования также, как и самую первую главу в этом томе, то есть

Глава 32. УТРО АФАНАСЬИЧА

Всё самое плохое для Серёжи началось ещё до пробуждения. Тело несчастного сновидца напоминало сейчас поклёванный ворóнами огурец. Ему приснился страшный сон о том, что он пришёл устраиваться на работу в какой-то ресторан, причём, хотел работать в нём директором, но ему предлагали только должность открывателя дверей перед богатыми едоками. И вот, когда он уже заполнил анкету с 44 грамматическими и 155 пунктуационными ошибками, ему велели подождать в коридоре, пока не примется правильное решение. И тут Афанасьич во сне решил поговорить с перекуривавшим официантом.

– А я вот слышал, – спросил он его, – правда, что вы за нами доедаете?

– Конечно, нет, – рассмеялся официант. – Это вы за нами доедаете!

Это известие так поразило сторожа, что он тут же проснулся со страшной головной болью. «И чего она так у меня разболелась?», подумал Полтавцев, а потом вспомнил, что слишком много выпил вчера – причём, не ситро с пузырьками, а сначала пива, потом водки, потом немного коньяка, потом какого-то вина, потом… В общем, голова болела правильно! «И как это изжить?», мелькнула вторая глубокая мысль. «По-моему, надо чем-нибудь похмелиться! Вот только чем?»

Керосин для здоровья полезен –
укрепляет душевный настрой,
надо выпить его сколько влезет
и запить огуречной водой.
Ацетон же с похмелья спасает
под вчерашний вонючий *бычок*,
кто попробовал – не променяет
ни на водку, ни на коньячок.
В общем, как на Руси говорится,
коль пролезло, то, значит, и впрок.
Эх, испил бы святой я водицы,
да не знаю к водице дорóг…

♠♠♠

А здесь автор решил сделать некоторое лирическое отступление, и вот почему. Рассказы об утре аж четырёх основных героев нашего замечательного повествования по Великому Плану Построения Романа займут страниц 30, и будут они (рассказы, а не страницы) очень предметными, а лирическое отступление не то чтобы размытым, но – общего плана – обо сне, как его представляет автор – в философском плане. Итак…

Сон на самом деле – вовсе не отдых тела. Внутри нас есть óрганы, не ведающие покоя от рождения и до сáмой смерти: сердце много лет качает кровь, сокращаются и вновь раздуваются лёгкие, непрерывно (даже тогда, когда мы не пьём пива) вовсю работают почки, вырабатывая кровь, а желудок, тот и вовсе стремится переработать всё напиханное в него за день.

Поэтому настоящая цель сна – это отдых так называемой души. Спустившаяся из сияющего пространства в гнетущие рамки *здесь и сейчас*, душá не может вынести постоянного давления мира и должна регулярно уходить из него, соединяясь с божественным источником.

Под гнётом лжи и несправедливости она словно забывает про обещание *дедушки* забрать её назад, и обязана постоянно проверять, словно бы убеждаясь, что сияющий мир всё ещё существует.

В тяжёлые мгновения достаточно заснуть на несколько секунд, и даже не заснуть, а отключиться, но мгновения, пока голова валится на грудь до упора подбородком в ключицу, душе уже достаточно. Почему? Да потому, что душа у нас русская – ко всему привычная и, так сказать, коллективная. Не потому ли наш человек и работать один не может, и пить тоже? А уж жить и подавно…

Точно знает наша глóтка,
чем бутылка хороша:
человек хлобыщет водку,
захмелела чтоб душа!

♠♠♠

Как хорошо известно из романа «Воспоминания дегенерата» неизвестного автора конца XX века, сон алкоголика чýток и беспокоен, и поэтому для автора нашего романа не стало неожиданностью, что квартировладелец проснулся не просто так, а от телефонного звонка. Телефон в комнате надрывался, как старшая по дому Ж. П., когда какой-нибудь жилец не хотел подписывать очередное письмо в очередную инстанцию, и Серёжа испугался, что если вовремя не снять трубку, тот разлетится от внутреннего напряжения на тысячу мелких болтиков и проводков. Правда, встать сразу не удалось, так как он

почувствовал боль в правой ноге, но после десятого, наверное, звонка, Афанасьич наконец доковылял до телефона, снял трубку и услышал раздражённый голос:

– Соня, это ты?

– Как это, мать честнáя? – удивился охранник.

– Кто это? – не понял звонивший.

– А? – попросил подтверждения Полтавцев.

– Ты что, тупой? – спросили из трубки.

– Я? Э-э-э… не понял вопроса, – признался Серёжа, положил трубку и доковылял обратно до постели, куда и упал тяжело, как первый осенний сочный сноп сена. И, надо признаться, правильно сделал, так как теперь заболела не только правая нога, но также и левая, и Афанасьич порадовался тому, что ног у него так мало, иначе наверняка бы сейчас болели и все остальные, если бы были. «Странные всё-таки люди эти учёные», подумал он. «Не могут, царица лесная, придумать таблетку от ног!»

Ох, за что такие муки,
как остаться мне в строю?
У меня больные руки –
потому что много пью!
Помогите же мне, боги, –
не губите жизнь мою:
у меня больные ноги –
потому что много пью!

Лёжа на кроватке, сторож давил головой на грязную подушку, но почему-то не чувствовал затылка, как будто его (затылок, а не сторожа) накачали новокаином, а, может, и вовсе ампутировали. Но не только затылок, но и вся голова бывшего текстильщика трещала, как переспелый арбуз, и, как арбуз, готова была вот-вот развалиться пополам. Она ходила ходуном, как будто некий садист тайно ночью проник в его квартиру и подключил её (голову, а не квартиру) к силовому трансформатору. «Как бы инфаркт имени Миокарда не бабахнул!», горько, но по-научному подумал охранник.

Если говорить коротко, то самочувствие страдальца было такое, что невольно вспоминалась кулемзинская мудрость, как раз на днях записанная сторожем в заветную книжечку «Для му.мы.»:

Тяжелее жить становится
всё легче и легче…

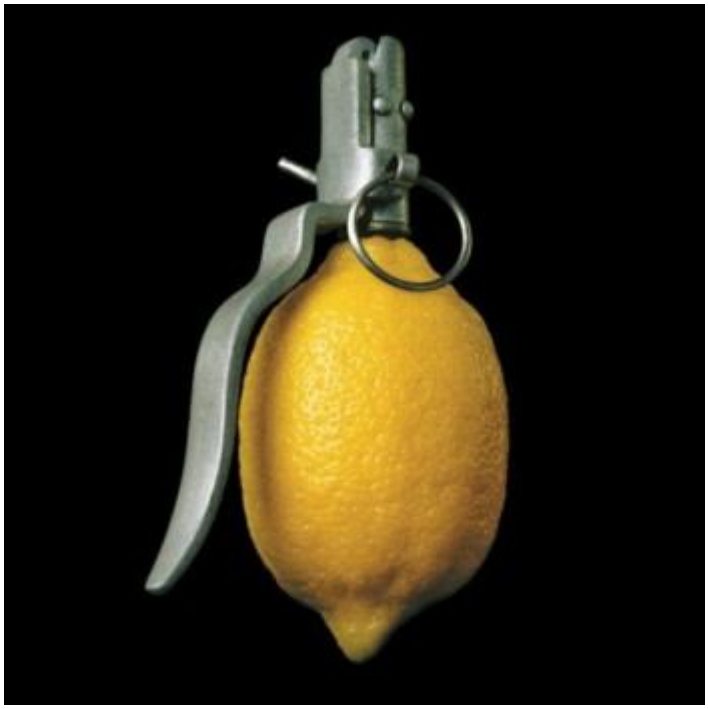
Он силился что-то вспомнить, но это что-то вдруг по сáмой грани соскальзывало в полную неразбериху, в мутный хаос, где нет никаких координат и измерений. «Эх, курочку бы сейчас пожевать», несколько нелогично подумал он. «И лучше варёную. Или жареную. Или вообще сырую…». Но не было у него сейчас ни курочки, ни денег, чтобы эту курочку прикупить.

Чтоб сварить куриный суп,
надо взять куриный труп!

Глава 33. УТРО АФАНАСЬИЧА (продолжение)

Почему-то в туалет хотелось не сильно, как обычно, и он понял, что ночью всё-таки вставал по нужде. Потом пришло более предметное воспоминание: в его комнате, как и

в любой советской *однушке*, было только одно окно, и ночью именно из него он как раз и наблюдал Огромную Медведицу – единственное созвездие, название которого Полтавцев знал наизусть, а присутствие в окне знакомого символа очень обрадовало его незамысловатую душу. Помнится, что он даже скосил глаза, пытаясь определить источник неземного света, но и тогда, глубокой ночью, голова отозвалась на это движение такой вспышкой, словно внутри черепа взорвалась граната Ф-1, или в просторечии, *лимонка* – вот такая:



И всё-таки надо было вставать, иначе нынешнее похмелье грозило перерасти в затяжную болезнь, а это уже автоматически означало преждевременную кончину. Правда, встать во второй раз оказалось ещё труднее, чем в первый. Афанасьич с огорчением ещё раз посмотрел на непослушные ноги системы «Привет Первой Конной!», и, уже не пытаясь встать, немного посидел на кроватке, бездумно наблюдая за плавными перемещениями разноцветных фосфоресцирующих пятен перед глазами. «Мать честнáя, повеситься, что ли?», вдруг возникла здравая мысль.

«Ты мылом-то себя натёрла?»,
верёвку спрашивало горло.

«Повешусь», с привычным тупым отчаянием решил он. «Если, конечно, в течение часа не встречу своего друга Володю – с бутылочкой «Жигулёвского» в ласковых, тёплых руках…». И вот это воспоминание о своём лучшем друге, подарившем ему книжечку «Для му.мы.», вдруг нашло своё осмысленное овеществление – за это страшное утро в квартире сторожа раздался второй звонок, но прозвучал он не так, как первый, а бодро, радостно и даже призывно. «Кулемзин!», подумал Серёжа. И не ошибся.

Он с усилием поднялся и опустил свои серые пупырчатые ноги на грязный линолеум. «Что-то члены ног опять не работают!», мелькнула запоздалая на пару десятков лет мысль. Но так как телефон звонил не переставая, Серёжа попытался встать ещё раз, отчего его тут же начало швырять по квартире, словно бочку на пиратской фок-мачте. Тогда он сделал последний решительный рывок к телефону, схватил трубку и заалёкал в чёрные дырочки мембраны, потом услышал голос, похожий на володин, но на всякий случай спросил:

– Володя, это ты, царица лесная?

– Нет, – раздалось из трубки. – Какая ещё царица? Это её сын. Маменька третьего дня скончамши…

– Смотри-ка, как голоса похожи, – удивился сторож и уточнил:

– А ты не шутишь?

– Конечно, шучу, – ответила честная трубка. – Это его дочь с наследственными хрипами в горле.

Здесь охранник наконец понял, что его, как он выражался, дуря́т, и зарычал. Альбионычу показалось, что до сего момента подобные звуки он слышал лишь один раз в жизни, а именно в старом американском фильме с Кёрком Гершловичем Дугласом в главной роли, который играл неутомимого борца с древнеримским режимом Спартака. Так вот эти звуки минут десять издавал один из героев фильма, которого второй герой приканчивал всякими разными древними штуковинами, а тот, как на грех, попался живучий, маялся, но помирать на потеху патрициям никак не желал.

Я под телевизор зелье
принимал, смотря канал:
в древнеримском Колизее
гладиатор вдруг пропал!

– Зачем же ты так с больным человеком? – попенял писателю несчастный абонент.

– Подожди-подожди, Серёжа, – в ответ попенял сторожу Володя, – прежде чем начать наш разговор, ты должен был назвать пароль, но, видимо, просто забыл.

– К-к-какой пароль? – начал заикаться сторож.

– Я же тебе вчера говорил, – удивился Кулемзин. – «Это у вас продаётся беременная кенгуру?». Помнишь?

– Нет. А какой я должен дать отзыв?

– И это тоже не помнишь? – ещё больше удивился писатель. – Ну, хорошо, запомни его ещё раз: «Нет, но зато моя бабушка наяривает «Мурку» на виолончели!»

– А-а-а, вспомнил, – решил соврать охранник, так как жажда похмелья была сильнее, чем так называемая совесть. – Тогда слушай: «Меня кенгура спросила: «Ты что, беременный, что ли?»

– Зачёт, яйчики-бабайчики! – одобрил полтавцевский абонент. – Тогда и ты слушай отзыв: «Беременный, конечно, только не я, а моя бабушка – от Мурки с контрабасом!»

– Правильно! – обрадовался страдалец. – Пиво когда пить будем?

– Да вот соберём нашу гвардию в полном составе – и начнём! – пообещал Володя.

В настроении счастливом
пребывает наш союз:
собираемся на пиво,
как на битву, мать твою!

И тут случилось то, о чём охранник вспоминал до самого вечера, но так и не вспомнил, потому что следующий вопрос Кулемзина показался ему немного странным.

– Avant tout dites-moi, mon cher, comment vous allez?[45]

– Ништяк, мать честна́я! Наверное… – выдавил из себя Серёжа.

– C’est bien beau ce qui vous venez de dire![46]

[45] ***Прежде всего, скажи, мой друг, как ты? – фр.***
[46] ***Это самое лучшее, что ты мог сказать! – фр.***

– Постой, а почему мы говорим по-французски? – вдруг заартачился Афанасьич. – Я же английский учу! Кажется…

– Late, my friend, you already said everything you could…[47] – перешёл на язык понимания писатель.

[47] ***Поздно, друг мой, ты уже сказал всё что мог – англ.***

«Ничего не понимаю», признался себе бывший текстильщик без высшего образования. «А, ладно, при личной встрече уточню…»

Глава 34. УТРО АФАНАСЬИЧА (окончание)

– А, может, поговорим лучше о фразеологических оборотах португальского языка? – произнёс он вслух, так как думать такие крайне сложные вещи было ещё больнее, чем похмелье.

– Серёжа, не усложняй круговорот веществ в природе, – посоветовала трубка володиным голосом, – и поскорее включайся в глобальный метаболизм Вселенной!

– Ладно, царица лесная, – согласился сторож, вновь помянув неизвестную царственную особу, после чего быстренько сделал необходимые приготовления к сегодняшнему дню, который обещал быть, как и вчера, напряжённым.

Вначале он несколько минут в тихой печали посидел на престоле унитаза, думая о последних словах Кулемзина, то есть о метаболической вселенности глобального, затем поплескал в рожу холодной водой и посмотрелся в зеркало, удовлетворённо подумав при этом: «Ну, вот, чистый – как четверг!». Из зеркала на него глядело лицо ребёнка, вдруг узнавшего какую-то страшную тайну, и под бременем этой тайны внезапно постаревшего. Больше всего из увиденного в зеркале ему понравились собственные губы – они были такими красивыми, а именно сиреневыми, то есть того оттенка, который уже много лет безуспешно пытаются найти лучшие парфюмеры мира для своих наиболее продвинутых худых *моделей.*

Общим же видом Афанасьич сейчас напоминал школьную истину о том, что человек произошёл от обезьяны, но далеко не всем удалось преодолеть этот эволюционный барьер. Впрочем, увидев Серёжу этим утром, порадовался бы не только старик Чарлз Робертович Дарвин, но и сам товарищ Чезаре Алессандрович Ломброзо, увидев в нём (Серёже, а не Дарвине) воплощение своей теории о преступных наружностях.

Отойди скорей, прохожий –
здесь проложен мой маршрут:
страшной сделаю я рожу,
чтоб все видели: я крут!

Сейчас ему осталось сделать только два неотложных дела: немного пожрать и собраться на битву, то есть одеться. С утра, впрочем, как и почти всегда, его желудок был пуст, словно карман честного советского (б) инженера. Но это была не единственная пустота в доме: во-первых, пустой была и голова голодного, и, во-вторых, холодильник, сиротливо стоящий на кухне и, по причине отключения, экономящий электричество или *свет*, как называл его сторож, также был пуст – точно саксаульский бюджет в начале отчётного декабря.

«Что делать?», по-чернышевски спросил себя Полтавцев, после чего раскрыл дурно пахнущий мешок в углу кухни, вытащил оттуда две проросшие картофелины с запахом

брянского болота и, не чистя, бросил в кастрюльку, после чего уселся на лавку и замер, словно стрекоза в янтаре – на полчаса.

Вскоре картошка была готова, и охранник, обжигаясь, почистил её и съел, закусив каким-то выеденным ломтем старого хлеба, похожем на вставную челюсть. Правда, радости утомлённому длительной диетой организму это особо не принесло. И здесь автор, который, несомненно, любит своих героев и даже в чём-то заботится о них, готов подтвердить, что за последний год Афанасьич уже не раз чинил свою потребительскую корзину, так что кормить живших в его квартире рыжих тараканов становилось всё труднее – в этом стремлении не помогала даже недавно приобретённая в лавке Калимы книжка «100 рецептов блюд из хлеба и лука»

Зато хорошим было то, что после такого сверхлёгкого завтрака на нашего героя напали умные мысли. «Не на того напали!», подумал сторож и, как обычно, стал думать обо всякой хреновине.

В голове мозги зависли,
словно самолёт в пике́:
от себя гоню я мысли,
ведь они – не о пивке!

Но думать обо всякой хреновине оказалось тоже тяжело, и постепенно в его голове образовался некий временно́й провал, словно он только что пережил авиационную катастрофу, и теперь, придя в себя, напрасно крутил в руках покалеченный чёрный ящик без ручек и замка́, надеясь разгадать тайну утраченного времени или хотя бы узнать его таинственный шифр.

Осталось только одно – одеться. Кряхтя, Афанасьич наклонился к кучке грязного белья и стал выискивать более-менее целые носки, но все они попадались ему дырявыми, как шумовка. Тогда страдалец понял, что задал себе неправильные критерии для поиска, и стал обнюхивать предметы гардероба, после чего нашёл сначала один не такой вонючий, как остальные, носок, а потом и второй. Кое-как натянув их на мосластые ноги, он не стал акцентировать внимание на том, что левый носок был грязно-оранжевым с такими же грязно-зелёными листочками, а правый – вообще неизвестного художнику Муравлёву колера, после чего его повторно затошнило.

Чтобы сбить подступающую тошноту, Серёжа принялся кашлять с таким остервенением, точно внутри у него оказалась живая муха, и он во что бы то ни стало решил сохранить ей жизнь, даже рискуя остаться голодным. Наконец, прокашлявшись, он завершил процесс экипировки и стал смутно напоминать советских хоккеистов (б) в период расцвета сборной СССР (б).

Я хоккеем увлекался –
«Шайбу!» крикнул как-то раз:
и желанного дождался –
шайбой врезали мне в глаз!

Глава 35. УТРО МУСАИЧА

Не менее ужасным было и пробуждение Курманбаева: помимо классической тошноты, неизбежной головной боли, диабетической сухости во рту и подземного гула в затылке, его терзало чувство похмельной безысходности и вдобавок чисто профессиональный ужас собственной бесплодности и бездарности. К тому же, Нуртай хорошо понимал,

по чьей вине страдает сейчас, так как всё употреблённое вчера было плодами, которые он вкушал с подачи его идеологического врага оппортуниста Кулемзина, и от этого становилось ещё горше, словно он долго крепился, но, в конце концов, всё же выдал военную тайну Мировой Буржуазии. От таких мыслей голова, и без того напоминавшая набитый сырым песком чугунный котёл, разболелась с новой силой. «Наследственно неустойчивая психика?», попытался он вспомнить свой диагноз.

«Что с вами, граф? Турнирный бой без лат?
На лбу порез, на подбородке – пара…»
«Нет, на банкете кончился салат,
поэтому упал лицом… в омара!»

В начале, ещё до наступления утра, ему привиделся страшный сон: якобы Мусаич заказал в отцеябловском отделении «Саксаулкниги» новое, 12-томное издание Фридриха Фридриховича Энгельса. И вот наконец ему принесли тяжёлый ящик, почему-то фанерный, за который он расписался в толстой амбарной книге, но когда курьер, ядовито улыбаясь, ушёл, вдруг увидел на упаковке страшную надпись:

Оглядывая ящик, и точно помня, что заказывал многотомник Энгельса, он при этом почему-то нелогично подумал: «Надо бы почитать на досуге Карла Генриховича Маркса и узнать, что он рекомендовал в таких случаях. А, впрочем, разве мог такой великий человек писать об алкоголе?». Знал бы педагог, что причиной смерти Маркса стал как раз алкоголизм, но не изучали этого факта ни в институте, где он учился, ни в ВПШ[48], куда он был направлен для идеологической перековки.

Хоть учился в ВПШ,
денег нету ни шиша!

Проснувшись, он ещё долго не решался открыть глаза, в которых начал бушевать прошедший день. Краткий мониторинг организма шансов на выживание не оставлял: уши были заложены, словно он только что выпрыгнул из самолёта, сердце бу́хало, как детонирующий двигатель на «Запорожце», ноги гудели, точно сельская подстанция, в гла-

[48] ***Высшая партийная школа – прим. ист. редактора***

зах стояла какая-то зелень, а в черепе будто бы была размещена небольшая наковальня, по которой озорной кузнец Вакула, не ожидая команды, садил и садил раскалённым молотом, весело покрикивая: «А вот кому царские черевички – по 1200 назарбаксов за па́ру?». Если говорить коротко, то похмельные миазмы напрягали как могли.

К общему недомоганию прибавлялись какие-то ненужные звуки: что-то гудело, шумело и падало. «Кажется, вода», решил он. Точно, вода, много воды, целое горное озеро, голубое от близкого неба и холодное до ломоты в зубах. И такое чистое, что в него было боязно входить, но зной уже плавился и звенел в воздухе, от него тяжелела голова и казалось, что если сейчас не окунёшься в спасительный холод, то непременно сгоришь, расплавишься под яростным и весёлым солнцем.

И тут коммунист понял, что, хотя было пора вставать и приводить себя хотя бы в относительный порядок, он вновь задремал. В этом новом сне он начал входить в воду, и она оказалась не такой ледяной, как он представлял, а прохладной и струящейся, как китайский шёлк, и вдруг поскользнулся, упал и сильно ударился головой. Понимая, что вот теперь уж ему точно конец, Курманбаев застонал и открыл глаза. Весь мир был перевёрнут, и в нём, конечно же, не оказалось никакого озера. К тому же видимость была плохой, как при мелком дожде.

Картина была иной: он лежал очень неудобно, почти до пола свесившись с кроватки. Голова упиралась в доски пола, а вот где были руки, он так и не смог определить. Дрожащее пятно света, словно и впрямь отражающееся от водной глади, гуляло по стене, в которую упирался мутный взгляд Мусаича. Потом он попытался пошевелиться, но попытка зачтена не была – Нуртай элементарно сверзился с кроватки, больно ударившись чем-то, после чего обрадовался – удар пришёлся на локоть, из чего он заключил, что руки у него всё же есть.

Ох, с похмелья я убогий,
но со стороны другой,
коли руки есть и ноги,
значит, правда ведь живой!

– Мать моя партия, – пробормотал он и окончательно проснулся. Кряхтя от натуги и шамкая сухим, как осенний лист, ртом, перебирая одной рукой по чему-то, что он определил то ли как спинку стула, то ли как унитаз («В спальне?!»), педагог вернул себя на кровать. Правда, это не помогло вовсе – в ушах зашумело вновь, а в глазах вместо недавней зелени поплыла чернота. Хорошо было только одно – он был жив. И судя по тому, что в желудке постепенно оживала скользкая и холодная болотная жаба, он всё ещё пребывал на грешной земле второго микрорайона города Отцеябловска, а не в царствии *дедушкином*. Ни рук, ни ног не чувствовалось вообще, и марксист наконец-то понял, что чувствовала в своё время голова профессора Доуэля, хотя и была глупой литературной выдумкой.

Как любить мне Доэуля –
голову без кошелька?!
Разве только что с похмелья
и назло всем пошлякам!

Наконец, Нуртай повторно открыл глаза, после чего офонарел, то есть в буквальном смысле выпучил глаза, сделав их похожими на ночные уличные фонари. Когда он почув-

ствовал это, ему очень захотелось немного поорать, повопить и повыть, но как раз в районе голосовых связок что-то острое наглухо перекрыло гортань. «А ведь рыбу на ночь не ел», подумал страдалец. Осталось только хрипеть, после чего его зенки выпучились ещё больше, рискуя оставить своего владельца навсегда, начав путь сегодняшнего дня, на некрашеном дощатом полу.

Глава 36. УТРО МУСАИЧА (продолжение)

Тогда он просто решил по-молодецки спрыгнуть с кроватки, но этот спортивный подвиг получился не совсем спортивным: затёкшие за ночь ноги воспротивились таким ударным нагрузкам. И всё же встать получилось, и вовсе не неожиданно, как сейчас подумалось моему читателю, а вполне ожидаемо. К счастью Курманбаева, в это время включилась утренняя радиоточка, откуда поплыл величественный гимн родной Саксаулии, который и заставил педагога тут же встать перед радиоприёмником навытяжку, как нашкодившая восьмиклассница перед завучем, и поедать взором обтянутые какой-то чёрной материей дырочки динамика.

Мусаич слушал гимн страны, хотя не понимал ни слова из того, что поют неизвестные люди, но не потому, что не знал родной язык, а просто дело было в мыслях, которые сейчас путались в черепной коробке, как воробей в зарослях бузины. Скорее всего, он до сих пор находился под впечатлением приснившегося ему под утро сна, и хотя подробности сновидения уже улетучились из памяти, на душе остался тяжёлый осадок.

Приснился этой ночью странный сон:
ко мне подходит в парке гастарбайтер
и говорит: «Меня зовут Андрон!
Хотите, покажу вам свой коллайдер?»

Он силился припомнить, что же ему приснилось, что-то такое интересное и в то же время страшное, но это что-то вдруг по са́мой грани соскальзывало в полную неразбериху, в мутный хаос, где нет никаких координат и измерений. «Неужели я ничего не помню?», с ужасом подумал коммунист, и в это мгновение яркая искра воспоминания мелькнула в его больной голове: «33-й том Полного собрания сочинения Владимира Ильича Ленина содержит полное произведение «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». Он страшно обрадовался найденной мысли и, чтобы закрепить успех, попытался вспомнить дату первой публикации этого выдающегося произведения. «Август-сентябрь 1917 года», услужливо подсказал ему кто-то на ушко, и он обрадовался ещё больше. Теперь сомнений в том, что он всё-таки жив, у него не было.

Я открою этот многотомник,
каждый покупал что по рублю,
почитаю Ленина и вспомню,
как его пожизненно люблю!

Первым же пунктом путешествия большевика по родной квартире, так же, наверное, как и у остальных персонажей нашего великого повествования, был туалет, к которому он уже не дошёл, а, скорее, дохромал, причём, впечатление было такое, что хромал он не только на обе ноги, но также и на голову. Впрочем, пребывание его в этом сакральном месте было недолгим, так как прежде всего надо было окончательно разлепить как

бы склеенные глаза, куда в уголок каждого из них какой-то прокравшийся ночью в квартиру оппортунист намазал чего-то белого, похожего на оконную замазку.

Курманбаев решительно, но экономно открыл кран холодной воды и немного поплескал себе в рожу, надавливая кончиками пальцев именно на уголки глаз. При этом у него возникало страшное желание немного отхлебнуть этой пахнущей железом воды, но он, как несгибаемый ленинец, пересилил себя, решив попить всё же на кухне – из холодильника.

Утром каждый раз встревожен:
холодильник мне поможет?
Но молчит сей аппарат –
вновь зажал мой сервелат!

Затем он закрыл кран, вытерся полотенцем и посмотрел в зеркало на итоги утреннего тахарата[49]. Ночные терзания, видимо, не прошли даром, потому что честное зеркало отразило педагогическую морду – красную, как переходящее в кипятке креветочное знамя. И это отражение неожиданно напомнило ему портрет какого-то идиота в момент рецидива. «Неужели это я?», мелькнула тревожная мысль. «Не может быть!». При этой мысли рот Мусаича искривился мусульманским полумесяцем – рожками вниз, глаза стали какими-то квадратными, и, если бы сейчас здесь находился нуртаевский враг Альбионыч, он бы обязательно по-писательски отметил, что вообще вся геометрия лица коммуниста сейчас была решена как бы в стиле столь любимого Пабло Руисовичем Пикассо антисоветского кубизма. Сам же Курманбаев решил, что выражение у него было почти что одухотворённое – как у человека, который после долгой голодухи попал на продуктовый склад.

[49] Утреннее омовение перед намазом у мусульман – прим. богосл. редактора

Перед педагогом еврейского колледжа в который раз встала серьёзная дилемма – или бросать пить на халяву, или просыпáться в таком виде каждое утро.

– Дорогая, – просипел он, расслышав голос супруги, которая что-то говорила или ему, или проснувшимся детям. – Дорогая, а у нас нет холодненькой бутылочки пивка?

– Нет! – резко ответила жена, которая терпела всё это безобразие только потому, что за пьянки её муж не платил ни копейки из семейного бюджета. Она и так потратилась вчера, и мой памятливый читатель, наверное, помнит, что ещё в главе 14 третьего тома она ездила на отцеябловскую барахолку с детьми – покупать им некоторые вещи для школы, занятия в которой начинались через четыре, а теперь уже через три дня.

«Неужели было трудно заначить любимому мужу бутылочку пивка?», подумал Нуртай, но вслух такую крамолу, естественно, не произнёс. А вот автор решил отозваться на этот незначительный эпизод целыми 32 строками, потому что вовремя вспомнил, что он не только писатель, но где-то даже местами и поэт. Итак…

Когда-нибудь я буду старым,
шагну за дряхлости порог,
и буду медленно и вяло
беззубым ртом жевать творог.
Столетье разменяв на сутки,
закутав ноги в старый плед,
в маразматическом рассудке
воскреснет юности рассвет.

Я вспомню всё, что было с нами,
как быстро мир вокруг менялся,
и как я ждал… ты не писала…
я нервничал и обижался…
Как от людей, скрывая муку,
писал стихов смешные строчки,
в них осмеяв Амура руку,
весь смысл скрывая в многоточьях.
Как с многоточьями по жизни
шёл, не меняя направленья,
как в час прилива пессимизма
рождались лучшие творенья…
Хотя чего теперь лукавить,
бывали яркие мгновенья:
любил, как говорится, *вставить*,
хмельное пил без сожаленья,
и в пьяном виде катаклизмы
случались чаще, чем хотелось!
Теперь остались только клизмы
да окружающая серость…

♠ ♠ ♠

Сквозь памяти озоновые дыры
я разгляжу и это вот мгновенье,
что ты, как воплощенье Данаиды[50],
мне пива не дала на опохмелье…

[50] В др.-гр. мифологии – дочери царя Даная, наказанные за убийство мужей – прим. др-гр. редактора

Глава 37. УТРО МУСАИЧА (окончание)

После столь решительного отказа что-то мягко подкатило к горлу Курманбаева, и он почувствовал себя как пассажир авиалайнера, внезапно попавшего в воздушную яму. В глóтке, не получившей вожделенного напитка, стало сухо и горячо, как в мартеновской печке. Да и в желудке неизвестно откуда взявшиеся *иблисята* тоже, кажется, или варили сталь, или кипятили смолу для грешников-атеистов, так что жить дальше не было никакой возможности.

Покачиваясь и стараясь контролировать каждое движение, он неверными и короткими шагами всё-таки стал передвигаться к крану на кухне, из которого (о, ужас!), разоряя народное хозяйство страны, тоненькой струйкой подтекала вода – даже отсюда ему был виден её матовый ртутный блеск. «Вот сейчас попью водички, а потом немного почитаю статью Ленина «Кого они хотят обмануть?» от 15 марта 1905 года – и сразу станет легче!», мечтал Нуртай по пути. Но на этом его мечты не кончились: потом он немного отдохнёт, а потом ещё немного попьёт, а потом ещё и ещё.

Не везёт мне много лет:
воду пью, коль пива нет!

Первая мечта сбылась довольно скоро: он долго пил из-под крана, всхлипывая и похрюкивая от удовольствия, и вода, приходящая в его квартиру сквозь ржавые трубы с

привкусом железа, казалась ему пивом «Тянь-Шань»! А вот осуществление второй мечты пришлось отложить на неопределённое время: большевик просто забыл, что означенная статья Ильича I была опубликована в 5 томе полного собрания сочинений, и наугад вытащил том 37. Также наугад он открыл томик на странице 370, где была напечатана речь вождя на Рабочей конференции Пресненского района 14 декабря 1918 года, но после прочтения слов «В России есть власть трудящихся и, если власть не будет в их руках, никто и никогда не сумеет залечить ран…», его резко затошнило.

И вот тут случилось то, о чём автор уже говорил своему читателю в конце главы 9 этой книжки, то есть звонок от Кулемзина. Телефон, стоящий в прихожей на тумбочке, бился, как припадочный, пока кое-как доковылявший до него педагог не снял трубку.

– Привет, яйчики-бабайчики, – раздалось из неё.

– Доброе утро, – вымучил из себя Мусаич, но по голосу его явственно ощущалось, что если он и желал писателю доброго утра, то тщательно это скрывал.

– Готов к труду и обороне? – прямо спросил Альбионыч. – Или, как вчера, будешь бездельничать и нападать?

– Плохо мне, Володя, – пожаловался Нуртай. Голос у него был заспанный до крайности, сопровождавшийся к тому же длиннейшим сладостным зевком.

– А что так? – искренне удивился писатель. – Вроде вчера, когда расставались, тебе явно было хорошо.

– Да выгляжу хреново, чувствую себя хреново, и настроение тоже хреновое.

– Так радуйся, старичок, – утешил его марсианин. – Это означает только одно: ты сейчас находишься в полной, стопроцентной гармонии с собой!

Купил вчера себе гармонь я –
и это полная гармония!

– Так, кроме того, ещё и голова болит, – закинул пробный шар Курманбаев. – Мать моя партия, бутылочку бы пивка…

В его похмельной тыкве вдруг возникла сладкая мысль: пива можно пить много и в охотку, уже после пятой-шестой-седьмой бутылочки пребывая в свежем, незамутнённом состоянии, и только в этом случае оно может принести скромную, ни для кого не заметную радость бытия.

– Мне кажется, что я за ночь немного похудел и возмужал, – с доверительными интонациями далее поведал саксаульский большевик.

– Нет, старик, – без доверительных интонаций возразил ему пересмешник Альбионыч, – ты что-то перепутал. По-моему, ты немного *похужал* и *возмудел*! – После чего отключился.

Всё сейчас мне очевидно,
хоть с утра мелькают мошки:
мудака поэту видно!
И не только по одёжке…

Нуртай ещё несколько секунд поалёкал в начавшую коротко пищать трубку, затем положил её на рычаг и, пока жена накладывала ему уже начинающие подванивать позапозавчерашние разогретые манты[51], которые по причине крайней невкусности всё никак не заканчивались, решил подкрепить себя теоретически, с волнением прочтя страницу

[51] Об этом – в первом томе «Русской кочерги», в главе 244 – прим. гл. редактора

из фундаментального труда товарища Сталина «Вопросы ленинизма». Эта капитальная марксистская книга в 611 страниц всегда помогала ему бороться с отвратительной тревогой, которую он испытывал при общении со своим классовым врагом Кулемзиным. «Помнится, мне Володя говорил, что каждый том его романа будет ровно в 600 страниц, а вот товарищ Сталин умудрился написать намного больше!», с восторгом думал он при этом. «И намного лучше, мудрее и правильнее!». Он снял с полочки толстую книжку, с трудом удержав её в трясущихся руках, наугад открыл её на странице 52, где начиналась глава, озаглавленная «Стратегия и тактика», и с упоением начал внимать сталинскому наследию: «Задача стратегического руководства состоит в том, чтобы правильно использовать все резервы для достижения основной цели революции на данном этапе её развития. Цель такой стратегии – выиграть время, разложить противника и накопить силы для перехода потóм в наступление»[52].

[52] И. В. Сталин «Вопросы ленинизма», глава VII, М., Госполитиздат, 1945

– Как это верно, мать моя партия! – увлёкшись чтением, бормотал педагог. – Эх, и почему я не прочитал этого ещё в понедельник? Да, промахнулся, иначе победа во всех партиях прошедших трёх дней обязательно была бы за мной!

Эх, по жизни выбор труден –
под конём иль на коне:
если б знать, где жёстче будет,
падать легче б было мне!

Затем он, давясь, быстренько проглотил скользкие манты, после чего решил (на всякий случай!) взять с собой на игру свою *книгу жизни*, то есть блокнотик, куда он ежедневно записывал компромат на диссидента Кулемзина. А вот пригодился ли ему сей предмет, мой читатель узнает чуть позже – например, в главе 114. Здесь Нуртай, вспомнив, что уже через четыре дня у него, как и тысяч саксаульских учащихся, тоже начинается учебный сезон, вдруг надумал посетить парикмахерскую, расположенную в торце рядом стоящего дома № 15 – с целью подровнять свой партийный полубоксовый чубчик. Из парикмахерской он через короткое время вышел полностью удовлетворённым, минут за десять превратив свои азиатские проволочные волосы в идейно правильный комсомольский *полубокс*.

Не блатная папироска
отсидевшей гвардии:
комсомольская причёска –
пропуск в члены партии!

Глава 38. УТРО НИКОЛАИЧА

Сегодня первой, как обычно, проснулась Наташа Муравлёва, причём пустой желудок, не знавший счастья пищи всю ночь, разбудил её очень рано – в полседьмого утра. Плотно позавтракав, она пришла в хорошее настроение, и чтобы закрепить его, решила разбудить Валеру и высказать ему всё, что она думала о нём в последнее время. Правда, перед этим решающим шагом она ненадолго задержалась перед зеркалом, где проверила причёску, а потом в волнении оглядела свою всё более округляющуюся фигуру. На-

конец супруга живописца погладила себя по внушительному животику, глянула на спящего мужа и злорадно прошептала:

– Так тебе и надо!

Толстушки, не ходите по врачам!
Реально здесь у нас на самом деле,
в совхозе «Агрофитнес Ильича»
вы станете *моделью* за неделю!

Она вспомнила, как на днях ругалась с мужем – после того, как он попенял ей следующими словами:

– Наташа, зачем тебе, святой Малевич, этот лишний вес?

– Это для тебя он лишний, – парировала толстуха, – а для меня – запасной!

– На случай войны и голода? – сделал попытку пошутить Николаич, но жена шутки не поняла и началá страшно злиться. И вот тогда бы остановиться бедному художнику, но не знал он тонкостей женской натуры, да и не пытался узнать, а, напротив, решил шутить дальше.

– Мне вот Кулемзин на днях наконец-то объяснил, что обозначает размер XXXL на одежде, который ты всё время берёшь!

– И что же?

– А вот что:

Хватит
Хавать
Харя
Lопнет!

– А, так, значит, ты намекаешь, что я толстая, да?!

И того не знал несчастный супруг, что если жена спрашивает тебя, не толстая ли она, ей мало ответить решительное *нет*, ты ещё обязательно должен изобразить крайнее удивление, что такой вопрос вообще возможен, а лучше даже подпрыгнуть как бы от неожиданности такого глупого вопроса.

– Конечно, нет, дорогая, – испугался Валера. – Ты совсем не толстая!

– Но похудеть не мешало бы, да?

– Ты мне нравишься и такой, – тут же соврал он.

– Но восторга не вызываю, да?

– Вызываешь, святой Малевич, – с отвращением соврал он ещё раз.

– Но не бешеный, да?

Вот этого он уже не выдержал, сгоряча обозвал Наташу ведьмой, а она, немного оторопев, вспомнила, что вроде бы нигде засветиться не могла, и сделала вид, что очень сильно обиделась.

Если вам внезапно утром
померещилася ведьма,
и душа внезапно в пятки
в диком ужасе ушла, –
успокойтесь, не пугайтесь,
что супругу не узнали:
как, по-вашему, спросонок
выглядеть она должна?

После этого тяжёлого разговора саксаульский репин вдруг почувствовал, что разговаривать нормально больше не может, а если и будет говорить, то только заикаясь – на нервной почве. «Интересно, а на какую букву я заикаюсь больше всего?», подумал он, но ответить на свой вопрос не смог, так как задавал его сам себе не вслух – в целях эксперимента, а, как говорил доктор психологии Зигмунд Якобович Фрейд, *про себя.* «Ладно, в течение дня разберусь», решил он (саксаульский репин, а не Фрейд).

Весь этот ужас тяжёлым воспоминанием вновь прошёл перед расстроенной супругой и она, чтобы успокоиться, решила взглянуть на себя в зеркало. И правда, настроение её тут же улучшилось, потому что, приглядевшись, она довольно прошептала:

– Вот говорят, что идеальной женщины не существует. Нет, ну врут же, сволочи!

Вместе с этими словами пришло закономерное решение. «Уйду», подумала Муравлёва, «уйду к маме – она поймёт и простит!». И. кстати, последней каплей для Наташи перед её уходом стал тот факт, что сегодня перед рассветом ей приснился замечательный эротический сон, а потом в этом сне к ней и ещё кому-то очень красивому и сексапильному явился пьяный муж и всё испортил! Она ещё раз глянула на дрыхнущего Валеру и завистливо пробормотала:

– Нет, ну почему мужики как ложатся спать симпатичными, так ничего себе и просыпаются, а вот женщины как-то портятся за ночь?!

Днём красавица, а утром
вздрогнет даже Брахмапутра!

Оскорблённая жена вырвала листок из альбома, в котором Николаич в редкие минуты трезвости рисовал некие эскизы к будущим картинам, и быстро настрочила нервным почерком записку несчастному брошенному супругу. Она даже не стала складывать её в четыре раза, как это всегда делали героини в кино, а просто положила листок на трюмо, рядом с косметическими флакончиками – её единственной радостью в этом доме. Потом не удержалась и полистала альбом с эскизами, где особенно поразил её один – со страшным названием «Отложение солей на чёрный день»

Глава 39. УТРО НИКОЛАИЧА (продолжение)

Сон хозяина квартиры был душным и тёмным, как субтропическая ночь. Валере снилось, что он стоит на каком-то деревенском крыльце в трусах и с бутылочкой свежего «Тянь-Шаня» в руке, и наблюдает, как развлекаются гуси у соседки, почему-то очень похожей на соседку Кулемзина Жанну Пантелеевну, или, как кратко называл её писатель, Ж. П. И вот он видит, как один гусь вдруг взял в клюв еловую шишку и побежал с ней что есть силы, а откуда-то взявшиеся неизвестные остальные попытались его догнать. И вот гусь наконец-то бросил шишку, но её тут же подхватил другой, потом третий, потом четвёртый, после чего художник во сне понял, что даже у гусей жизнь интереснее и насыщеннее, чем у него!

Я во сне сегодня умер –
на опушке, под сосной,
словно выключили зуммер
в жизни парня непростой.
Подошёл, понюхал ёжик,
посмотрел в мои глаза,
облизал полоску кожи,
где текла моя слеза.

Оглянувшись на листочек,
что спикировал с небес,
я увидел вдруг грибочек
и пошёл с ним дальше в лес.
А проснувшись утром рано,
пожалел, что здесь живой:
в голове – сплошная рана!
Кто же бегал за *шестой*?!

С этой страшной мыслью он и проснулся, и лучше бы этого не делал, потому что после просыпания в мозгу сразу же начала работу небольшая жестяная мастерская – с грохотом, треском и скрипом. Это было несколько странно, потому что одновременно с этим грохотом ему показалось, что в его черепной коробке стало пусто и прохладно, как во рту после мятных конфет «Взлётная». «Кто же там колотится?», подумал он и обрадовался, так как осознал, что раз он послал на эту страницу 84 какую-то мысль, значит, голова всё-таки была не совсем пустой. Плохо, однако, было то, что сейчас бедолага выглядел как жертва инквизиции после пыток испанскими пинетками.

Проснуться окончательно и бесповоротно не удавалось, потому что дух его витал в каком-то алкогольном Эдеме, где реки дешёвого туркменского портвейна «Сахра» впадали в океаны водки, а закусь росла прямо на карликовых японских деревьях, чтобы можно было рвать её, не выходя из собственноручно исполненной лужи. Представив такую картинку, его страшно затошнило, и опытный алкоголик Муравлёв тут же перевернулся на правый бок, – чтобы не захлебнуться, если выпитое вчера решит всё-таки выйти подышать сомнительно свежим воздухом. Мысли его как бы отделились от грешного тела и плыли легко, как облака́ по тому, что другие люди, употребляющие, в отличие от него, дешёвый сладкий кефирный напиток «Снежок» или даже дорого́й *боржоми*, опрометчиво называли небом.

Смет не спущено доселе –
пей, коль печень хороша!
И в уставшем насмерть теле
вьётся бабочкой душа.
Но не пьётся и не ется,
мир топорщится ужом, –
резь в боку и колет сердце.
Где ж, товарищи, боржом?!

В голове всё плыло, рябило и дрожало, как в плохо настроенном советском (б) телевизоре «Горизонт Ц-355» – порождении опять-таки советских (б) умельцев из Минского радиозавода. Голова живописца, а ныне просто тыква, гудела, словно церковный колокол во время пасхальной службы. Глазные нервы действовали вразнобой, передавая в мозг какие-то отрывочные смутные картинки – как тот же «Горизонт», когда у него (телевизора, а не мозга) было неважное настроение. К тому же внезапно выяснилось, что сердце Муравлёва пульсировало, как колибри, которых он не видел никогда, но увидеть очень хотел.

Вспомнив это птичье слово, художник сквозь тошноту припомнил, что однажды его друг Кулемзин на́ спор придумал сразу пять рифм на слово *колибри*, где особенными шедеврами звучали *свежевыбрит* и *экслибрис*, и если первое слово навевало ему (художнику, а не Кулемзину) какие-то смутные воспоминания, то второе разуму подвластно не было вообще.

К различным неприятным ощущениям добавилось и то, что вдруг какая-то иблисова холера защемила у него в подвздохе. Правда, на удивление работал нос, потому что, проснувшись, Николаич ощутил вокруг себя какой-то вроде бы общежитский запах, но, принюхавшись, понял, что в квартире стоял запах колыбели человечества, то есть отчётливо пахло сырой землёй.

Освещение, вспыхнувшее в тыкве, облегчения не добавило, хотя, по мнению страдальца, выявило главное, правда, некоторые детали всё же оставались в тени. «Святой Малевич, а что же здесь главное?», подумал живописец, но так и не смог ничего придумать. Оставалось только констатировать, что настроение его сейчас было, как пишут умные профессора медицины в учебниках по психиатрии, тревожно-мнительным. И тогда он решил открыть глаза, которые сейчас казались далёкими и безжизненными, как северо-восток Евразии.

Я с благой, наверно, целью,
покидая тесный склеп,
вдруг открыл глаза с похмелья.
Блин, я, кажется, ослеп!

Доподлинно известно, что неугомонный русский народ, которого измучил своим любопытством Владимир Иванович Даль, специально для этого царского филолога напридумывал множество разных пословиц, одну из которых сейчас и вспомнил Валера. А говорилось в ней что-то насчёт того, что, мол, кто рано встаёт, тому чего-то *дедушка* даёт, или что-то вроде этого. Правда, Николаич чувствовал, что вот именно сейчас *дедушка* дал ему страшное раздражение на весь мир, недосып, синяки под глазами размером с Сатурн, а также невыносимое желание убивать.

Встать пока не получалось, и он (Николаич, а не Сатурн) решил ещё немного полежать – как бы в целях набирания сил, которые якобы должны были явиться неизвестно откуда. Видеть себя он, разумеется, не мог, а вот автор, хорошо знакомый со своим героем, утверждает, что он вспомнил, как однажды припозднившийся Кулемзин, переночевавший в квартире художника, и увидевший его утром, выразился что-то вроде того, что Валера сейчас похож на иллюстрацию к брошюре «Передвижной военный госпиталь при сражении на Гнилой Липе 29-30 августа 1914 года»[53].

[53] Сражение между русскими и австро-венгерскими войсками во время Первой мировой войны на реке Гнилая Липа, левом притоке Днестра – прим. ист. редактора

Говорил я в интервью
неизвестным лицам:
«Ранен в покерном бою –
кровь вовсю струится!»

Глава 40. УТРО НИКОЛАИЧА (ещё одно продолжение)

Потом его кровать неожиданно затряслась, и Муравлёв обрадовался, что вот наконец и пришло оно, великое землетрясение, которое и покончит с его муками на этом свете. Правда, вслед за тряской пришла ещё и песня, и даже узнался голос её исполняющего – это был тёзка живописца вечно молодой (после пятнадцати подтяжек) российский певец Валерий Леонтьев. Затем художник понял, что толчки были не хаотичными, как при настоящем землетрясении, а ритмичными – под музыку.

«Чего это Ленка с утра танцует?», удивился художник. «Как бы пол не проломила – к соседям снизу!». Затем он понял, что сосед снизу – это он сам, и ужаснулся, потому что Елена Праховертова, его соседка сверху, была девушкой заводной, но не от природы, а от того, что была красивой, жила одна, нигде не работала, а свободное время проводила с различными кавалерами, которых выбирала только по одному параметру – толщине портмоне. Наверное, именно по этой причине Николаич никогда не *подкатывался* к соседке, хотя иногда и хотел.

От страшных дум у него закружилась голова, и он, чтобы сбить наваждение, стал сильнее прислушиваться, чтобы различить слова песни, но, к сожалению, они были далеки от исполняемого его тёзкой Валерием Леонтьевым оригинала:

Когда закончилась она,
все птицы улетели –
теперь ни книга, ни жена
не радуют в постели.
Вдвоём с тобой, вдвоём с тобой
остались ты да я,
любимая, любимая,
да мать ещё твоя…

Кто же была эта таинственная она, которая закончилась, причинив столько страданий нашему герою, спрашивает своего читателя автор. И сам же отвечает ему: да бутылка же!

И всё-таки вставать было надо. Он спустил ноги с кровати и попытался сделать так, чтобы они подошвами оказались параллельными полу, но выполнить это простое упражнение так и не смог, в результате чего оказался на жёстком занозистом полу, и только сейчас начал понимать, почему слёзы в русских сказках называются горючими – щёки и горло его горели от ядовитой влаги, стекающей вниз согласно закону всемирного тяготения. Всё тело опять заныло и застонало, причём, страшно болела почему-то именно правая сторона, и живописец понял, что всю ночь пролежал на боку, как подводная лодка, у которой на радость врагу неожиданно сели аккумуляторы. «Святой Малевич, неужто технический нокаут?», возникла неожиданная изобразительно-спортивная мысль. «Или просто опять перепил?»

Не приснится фантазёрам
алкогольный мой этюд:
с похмелюги как боксёр я,
над которым счёт ведут…

И здесь раздался первый за утро телефонный звонок. Муравлёв прислушался к своей интуиции и понял, что поднимать трубку она не советует. «А вдруг Кулемзин?», подумал он. «Не подниму трубку сейчас – и не похмелюсь!». И надо было, надо прислушаться к интуиции, которая всегда отличается особой разборчивостью как раз у натур творческих, к коим себя и причислял наш герой, но испугался Валера чего-то и всё-таки снял трубку. Оказалось, что пока страдалец мучился просыпанием, «думанием» и вставанием, его супруга Наташа уже добралась на такси до маминого дома, после чего решила известить его о своих намерениях устно, так как, уже несколько лет хорошо зная мужа, начала подозревать, что её записку он прочитать просто не сможет. И как же толстуха была права!

Опять от меня сбежала
последняя истеричка…

– Я не могу к тебе вернуться, – без предисловий начала она, и саксаульский рембрандт с внезапно вспыхнувшим счастьем понял, что Наташа куда-то ушла, и, кажется, всё это серьёзно. Но надо было что-то отвечать, и Николаич ответил так, как часто отвечали герои многочисленных сериалов, которые он вынужденно смотрел по вечерам вместе с женой:

– У тебя кто-то появился?

– Да, – ответила Муравлёва. – Рассудок.

– А ты где?

– У мамы, – коротко известила жена.

– Да? – не зная, что сказать, пробормотал брошенный муж.

– Валера, а ты знаешь, что ты изменщик проклятый?

– Почему?! – искренне изумился художник.

– Да потому что ты сегодня ночью называл меня Наденькой.

«Что же делать?», заметались тревожные мысли. «Всё равно же не поверит…»

– Ты не поверишь, дорогая, но мне сегодня приснилось, что я – Ленин.

– Придумал бы что-нибудь поориганальнее, – не поверила супруга и отключилась.

«Ах, Надюша!», сокрушался Ленин,
«Ведь совсем, совсем уж не стои́т!
Как над нами беспощадно время –
помню, раньше был как монолит!»

И тут живописец неожиданно вспомнил, что как раз вчера вечером, когда он пришёл домой, Наташи *уже не было*, а вместо неё лежало какое-то письмо. «Неужели приснилось?», подумал он, а автор подтверждает: да, приснилось – бывает и такое с нашими героями! А чтобы подтвердить свои слова, просит своего читателя заглянуть в предыдущий, третий том «Русской кочерги», в главу 224.

«Так значит вчера вечером», мучительно начал вспоминать Муравлёв, «и разговора с ней тоже не было? Не может быть!». Отчего же, опять поправит его автор, конечно же, может, и даже такой диалог вполне может присниться человеку, у которого сложились тёплые отношения с Бермудским Учпучмаком второго микрорайона. А несостоявшийся разговор с Наташей, добавит автор, у Валеры состоялся на весьма серьёзную тему – о её маме, или, проще говоря, о его тёще.

«Милый, сделай морду проще –
здесь ведь мама! То есть тёща…»
«Пусть *канает* на вокзал –
я её не вызывал!»

– Валера, ты знаешь, что мне мама звонила?

– Нет, не знаю, – ответил живописец (во сне?). – И что здесь хорошего? Или, не дай *дедушка*, плохого?

– Да ничего. Да, и, кстати, я вспомнила, что она тебе не просто тёща, а как бы вторая мама.

– И что?

– Если ты не забыл, она обещала в воскресенье приехать в гости, а мне совершенно нечего надеть.

«С козырей пошла, зараза!», подумал художник.

С первых дней семейной жизни он знал, что мама была для Наташи авторитетом, потому что была замужем уже третий раз, а, значит, знала семейную жизнь в три раза лучше дочки.

«Спорить с мужчиной вообще бесполезно», учила она Наташу при встрече. «Лучше сразу начинай или плакать, или раздеваться!»

Давала советы она и зятю. «Валера, пойми», втолковывала тёща, «девушку надо принимать такой, какая она есть. Ну, или принимать таблетки, чтобы принимать её такой, какая она есть…»

И тут Муравлёв вспомнил первые дни их совместной жизни. Он всегда догадывался, что Наташа – девушка необычная, и вообще ей палец в рот не клади, потому что она всегда найдёт, что ответить в случае чего. Но однажды вечером, будучи немного *принявшим*, он увидел, как она отбивает мясо для котлеток не специальным молоточком, каким отбивали этот продукт герои телесериалов, а… пухлым женским кулаком! И это было ужасно.

Быт семейный очень страшен –
словно труп для *понятых*:
сколько силы в бабах наших –
трезвых, умных и родных!

Глава 41. УТРО НИКОЛАИЧА (почти окончание)

И всё-таки похмельная жажда была сильнее всех других эмоций, захлестнувших несчастного живописца из-за воспоминаний. А автор, вовсю сочувствуя своему герою, даже утверждает, что тот, кто никогда не пил (сами знаете что!), не знает, какая вкусная бывает утром вода из-под крана.

Наклонившись над краном, Николаич попытался сглотнуть вязкую слюну, но не смог, и сделал первый глотóк, так как страдающий от недостатка жидкости организм требовал влаги, но с негодованием отверг тёплую и почему-то пахнущую резиной замену. Однако какое-то действие этот неудавшийся глотóк всё-таки произвёл: стон страдальца стал слышен отчётливее, и в нём даже стали различаться некие слова. Часть из них явно имела русское происхождение, но не была внесена в большинство словарей, издаваемых Академией наук вначале СССР (б), а затем и суверенной России. Однако всякий смысл произносимого, если он и был, надёжно гасился шумом в перегретой голове и двумя слоями резины, словно в рот ему засунули кляп из этого эластичного материала, получаемого технической вулканизацией каучука. Валера вспоминал, что такой вкус ему уже однажды доставался по жизни, и наконец вспомнил, что в армии, когда его взвод отрабатывал общевойсковую химическую защиту, он, лизнув изнутри свой противогаз – кстати, после часового заключения в этой гадости, чувствовал именно этот мерзкий резино-технический вкус.

К Тане инопланетянин
обратился как-то раз:
«Помоги», сказал он Тане,
«снять с башки противогаз!»

И, разумеется, этот противный вкус тут же спровоцировал его на некое действо, хорошо знакомое каждому русскому мужику, оказавшемуся в подобных обстоятельствах.

Валера стрелой метнулся от крана к унитазу, опустился на колени, словно какая-то неграмотная бабушка Федора из деревни Семижопино, но, в отличие от бабушки, которая на коленях сразу же начинала бормотать всякие глупости вроде «Владыко человеколюбче, царь веков и податель благих, разрушивший вражды средостения и мир подавший роду человеческому», он начал издавать только один звук, который, к сожалению, не может воспроизвести даже такая богатая палитра, как русский язык, хотя он (звук, а не язык) всё же был ближе к букве *а*, но протяжной и разрывной – вот такой:

А-а-а! а-а-а! а-а-а!

Муравлёв стоял над белым унитазным нутром и чувствовал, что кожа на всём теле становится мокрой и холодной, как у Василисы Прекрасной в момент превращения её в лягушку. Закончив страшное дело, он решил вытереть рот туалетной бумагой, чтобы не пачкать полотенце, но вдруг заметил, что на рулончике была явная отметка жёлтым фломастером, видимо, чтобы она сразу же не бросалась в глаза, и понял, что каждый квадратик бумаги до конца рулона помечен некими цифрами. Тогда он решительно оторвал три квадратика с цифрами 33, 34 и 35, и сделал то, что хотел.

Но лучше бы он, в карманах штанов которого никогда не водилось носового платка, этого не делал, потому что непонятные циферки на бумаге были написаны ни кем иным, как его супругой Наташей – в целях её (бумаги, а не супруги) учёта – как раз для таких случаев!

Когда при посещенье биотуалета
использовать бумагу с двух сторон,
то экономия сырья в стране при этом
составит где-то 10.000 тонн!

Вспомнив супругу, на ум пришло и другое воспоминание: когда его друг писатель Володя Кулемзин вчера во время покерных посиделок учил его говорить с Наташей на древнерусском языке[54], но вот зачем это было делать, и особенно все эти сложные слова́, напрочь вылетели у него из тыквы, правда, после такого воспоминания затошнило ещё больше.

[54] Такой случай действительно имел место в главе 67 третьего тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

«А, может, святой Малевич, немного ополоснуться?», подумал страдалец, и, памятуя закон Архимеда Фидиевича Сиракузского, по которому тело, погружённое в жидкость, быстрее трезвеет, он залез в ванну, но чуть не утонул, и поспешно вылез обратно. Вытираясь и размазывая *что-то* по полотенцу, он погляделся в висевшее в этой маленькой комнатке зеркало и невольно отшатнулся! Честное стекло отразило его лицо – узкое, как томагавк, глаза на котором (стекле, а не томогавке) были печальными и недоумевающими, как у неожиданно заболевшей собаки. Физиономия же казалась бледной, отёчной, и местами, казалось, даже с зеленью. Но что было противнее всего, это то, что губы Муравлёва обметало, как при детской ветрянке.

Тогда, чтобы окончательно не свихнуться от увиденного, художник выскочил из ванной комнаты и тут же больно наткнулся коленкой на трельяж, который усилиями Наташи принял на себя несколько десятков разных косметических флакончиков, с разными кремами, кои пересмешник Кулемзин называл придуманным им определением *крема-*

торий. «Чем бы помазать?», мелькнула ленивая мысль. Он начал читать мелкие буковки на флакончиках, но они, как какие-то иблисята, тут же начали разбега́ться подальше от глаз. И всё же, потратив минут десять на поиски, Валера нашёл искомое – им оказался крем «Альфа-флавин», в котором, как утверждала этикетка, содержались «липосомы – естественная молодость вашей кожи!». Он оттянул свою старую кожу, как бы рассматривая её на просвет, и решительно намазал губы в местах обсыпания.

Страдая от похмельного синдрома,
я в зеркале увидел чью-то рожу.
«О, как же в ней до боли всё знакомо!»,
подумал я, разглаживая кожу.

Инстинктивно лизнув намазанное, он чуть было не повторил недавний подвиг с воспроизведением сложным способом буквы *а*, после чего решительно стёр иноземные липосомы рукавом маечки. Затем Николаич заметил, что на одном из наташиных флакончиков был нарисован иностранный логотип – чья-то чёрная женская голова, правда здесь же, к счастью, оказалась и надпись на русском языке, из которой он узнал, что *вот это* «возвращает блеск». «Глотнуть, что ли», равнодушно подумал художник, «что бы уже всё разом?», но вдруг испугался этой мысли. Отставив флакончик в сторону, Валера было направил свои стопы на кухню – в поисках какого-нибудь кислого питья, как вдруг заметил вырванный из его (!) альбома для эскизов листок. Он расправил его, узнал почерк жены, но прочитать не смог – буквы, хотя и были явно русскими, но вели себя как фашисты, строчки прыгали и налезали друг на друга, точно котята мужского рода через полгода от рождения на шаловливых сестрёнок из одного помёта.

Я на кошечке трудился –
и не понарошку!
Что ж поделать, коль родился
я котом – не кошкой!

«Ага, святой Малевич!», подумал Муравлёв. «Значит, всё-таки письмо есть!». Он ещё раз поизучал записку, снова ничего не разобрал, кроме первого слова послания – *ухожу* – и это вселило в него неслыханные надежды на личное счастье!

Глава 42. УТРО НИКОЛАИЧА (окончание)

Он тщательно сложил листок вчетверо, засунул поглубже в карман штанов и подумал: «Покажу Володе – он наверняка разберёт, что здесь к чему!», после чего всё-таки проследовал на кухню. Не найдя в холодильнике ничего холодного и кислого, что могло бы помочь измученному похмельем организму, живописец решил хотя бы поесть – для набирания минимальных сил, которые могли ему пригодиться в путешествии к Бермудскому Учпучмаку. После такой продуктивной мысли к нему немедленно пришёл голод, к тому же он вспомнил, как ночью, встав по нужде, поймал жену на месте преступления, открывшую холодильник, и при неярком освещении внутри агрегата пожиравшую огромную сардельку.

– Наташа, закрой холодильник, эти сардельки на завтра! – успел крикнуть он – в надежде, что она подавится от испуга, но супруга не испугалась, а хладнокровно доела продукт и отправилась спать. Так вот сейчас выяснилось, что из длинной связки вкусных и нежных колбасок, которые он видел сутки назад, в углу верхней полочки ёжилась от искусственного холода одна-единственная сарделька.

«Художник должен быть голодным!» –
не зря в народе говорят.
Такие мудрости пригодны,
в ком брюхо выросло не зря.
Я утром восемь блюд по списку
заставил у себя отнять –
на завтрак съел одну сосиску,
хотя обычно двадцать пять!

И здесь случилось чудо. Наверное, оно пришло как компенсация за все утренние страдания нашего героя, а, может, чудеса здесь были ни при чём, а случившееся было всего лишь плодом неуёмной фантазии автора «Русской кочерги». Открыв хитрую дверцу под кухонной раковиной, где пряталось невидимое гостям мусорное ведро, – для того, чтобы выбросить бледную кожурку от сардельки, Валера вдруг заметил, как что-то блеснуло слева, не сразу видимое за ним (ведром, а не Валерой). Он, кряхтя и постанывая, наклонился – и нашёл монетку в 100 назарбаксов! И это было не просто чудом, а каким-то знамением, ведь именно столько стоил проезд на такси от муравлёвского до́ма до до́ма № 17 второго микрорайона Отцеябловска, где и проживал ВОКИП, или Великий Организатор Карточной Игры Покер, крупнейший саксаульский писатель и поэт двух веков Владимир Альбионыч Кулемзин.

Аккуратно положив найденную монетку в карман, чтобы не потерялась по дороге к автотрассе, он решил попить хотя бы чая, но не нашёл ни его, ни полагающихся к чаю деликатесов вроде конфеток или печенек. И если бы сейчас здесь был только что упомянутый Альбионыч, он бы непременно записал в свой виртуальный блокнот писателя какую-нибудь интересную фразу по такому случаю – в надежде, что когда-нибудь она пригодится ему, ну, скажем, в главе 42 четвёртого тома великого романа «Русская кочерга» – например, такую: «Стройное тело Наташи унесло бурным *печеньем*!»

Мне назначили леченье!
Сожрала я всё печенье…

Художник ещё раз с удовольствием вспомнил одно разобранное слово из записки и понял, что Наташа ушла куда-то с утра. «Наверное, к своей маме», подумал он и тут же решил проверить догадку. Набрав номер, который на всякий случай был записан на обоях рядом с телефоном, он дождался, пока снимут трубку и, услышав голос тёщи, произнёс по возможности трезвым голосом:

– Надежда Петровна! Наташа у вас?

– Да, – коротко ответила тёща.

– Хорошо, – обрадовался зять. – Тогда я лично скажу вам вот что: ума у меня не прибавилось, денег как не было, так и нет, по дому вообще ни хрена ничего не делаю, а ваша дочка могла бы выйти замуж за гораздо более лучшего мужчину, например, какого-нибудь лейтенанта внутренних войск, чтобы начальство далеко не посылало!

И, пока тёща приходила в себя, вспоминая, что же он пропустил в этом скорбном списке, добавил:

– Ваш самый хреновый зять доклад окончил! Разрешите идти к друзьям – алкоголикам, тунеядцам и бабникам – таким же, святой Малевич, как я?

Разговаривая, он понял, что ему стало холодно, и, придерживая одной рукой трубку, другой Николаич попытался натянуть на себя какой-то клетчатый плед, через мгновение став похожим на кадр из фильма про жизнь Циолковского в Калуге. Но Надежда Петров-

на, разделённая с ним (Николаичем, а не Циолковским) несколькими километрами телефонных кабелей, этого, конечно, не видела.

Меня колотит жизнь и день, и ночь:
наотмашь бьёт, с плеча порою рубит.
Я был бы распрощаться с ней не прочь,
но жизнь опять колотит! Значит, любит…

Удовлетворившись только что состоявшимся телефонным саммитом, Валера всё-таки умудрился завернуться в плед, когда из глубин сознания стала медленно всплывать какая-то смутная мысль, – так же, как утопленник всплывает в неподвижной зелёной воде заброшенного мельничного омута. Затем мысль начала постепенно проясняться и, наконец, прояснилась до того, что её уже можно было прочитать. Она оказалась на удивление короткой – всего в одно слово, заканчивающееся восклицательным знаком, похожим на короткий римский меч, а именно

ПИВО!

И, хотя мысль была бледной, как спирохета, видно её было хорошо, как самую яркую звезду на ночном небе, то есть Сириус из созвездия Огромного Бультерьера[55].

[55] Что это за вольности в мире научных фактов?! Уважаемый автор, не вводите читателей в заблуждение: это созвездие южного полушария неба называется Большой Пёс – прим. науч. редактора

Художник тут же набрал володин номер и, услышав осторожное *алло*, признался, как на очной ставке:

– Умираю.

– Яйчики-бабайчики, и ты тоже? – удивился Кулемзин, уже успевший поговорить с несколькими членами покерной хевры. – Эко вас всех разобрало!

– Так что же делать? – задал главный риторический русский вопрос Муравлёв.

– Слушай, я, когда последний раз был у вас в гостях, видел у твоей Наташи на трельяже флакончик с ароматическим маслом.

– Да, святой Малевич, вот он, – подтвердил Валера.

– Тогда это твоё спасение! Намажь виски́ этим маслом, и теперь тебе будет казаться, что у тебя не просто раскалывается тыква с похмелья, а ты будто тихо умираешь в сосновом лесу.

Страдалец положил трубку и, кое-как обувшись, вышел из дома.

Нас невозможно сбить с пути!
Нам по́ хрену куда идти!

«А как же добираться в родной Учпучмак?», неожиданно подумал он, покрываясь холодным по́том го́ря. Затем залез в карман, чтобы достать платочек и вытереть этот пот, и вдруг обнаружил там (в кармане, а не платочке) купюру в 200 назарбаксов. А вот сейчас ты, мой внимательный читатель, угадай, откуда она там взялась? Не помнишь? Ну, тогда загляни в главу 45 прошлого, третьего тома «Русской кочерги», и ты сразу же вспомнишь, что именно в ней (главе, а не кочерге) Кулемзин отобрал у Курманбаева эту купюрку, которую случайно достал педагог, и тут же незаметно подложил её в карман Муравлёва – как знал, что пригодится! И так велико было счастье обретения денег, что Ни-

колаич даже забыл, что буквально 15 минут назад нашёл возле мусорного ведра монетку в 100 назарбаксов. А ведь пригодится она, ещё как пригодится, и это говорит даже не автор сего произведения, а сама Сука-судьба!

Уже через пару минут живописец ехал в какой-то случайной раздолбанной саксаульской телеге и неспешно перебирал в памяти обмылки вчерашнего вечера. Вспомнилось, что супруга внезапно изъявила желание пожертвовать свою одежду бедным и голодающим семьям, а он сказал ей на это, что если им её одежда будет по размеру, то, значит, не такие они уж и голодающие, после чего и началась ежевечерняя ссора.

Какой же умной быть должна жена,
какой должна быть тонкою натура,
чтоб муж не усомнился, что она
безмозглая, законченная дура!

Глава 43. УТРО САЛИХДЗЯНЫЧА

Но не лучше, чем у других персонажей нашего великого романа, было пробуждение старшего прапорщика Батыршина. Да что там говорить, ужасным было это пробуждение! Единственным отличием от других членов покерной хевры и примкнувшего к ней художника было только то, что Салихдзянычу перед четверговой побудкой приснились сразу два сна, а не один, как остальным. И оба они были также ужасны!

Это, как утверждал умный Кулемзин, было типичное *рхвэ* – слово, означающее сон в пьяном состоянии, в одежде, на полу, и он же (Кулемзин, а не пол) постоянно недоумевал, как так получилось, что подобное слово есть в южноафриканском языке *тонго*, но нет его в русском?!

Вначале музыканту привиделось, что его друг прапорщик Кожамкулов[56], работавший старшиной роты, выдал ему по накладной огромную, килограммов на пять, жестяную банку сапожной радости, то есть гуталина, служившего в родной саксаульской армии оружием кожно-нарывного действия. Потом картинка по сне стала ещё страшнее – военный музыкант измазал всю банку на свои парадные хромовые сапоги, да так, что гуталин тут же стал разъедать вначале нежную телячью кожу сапог, а потом и грубую кожу с цыпками самогó Батыршина. И спасло от смерти обер-корнета только то, что он вовремя проснулся, но и после этого ещё несколько минут чувствовал жжение в тех местах, куда во сне попал гуталин, и это жжение позволило уменьшить только тихое упоминание Талгатом чьей-то матери и различных животных – от раков до козлов.

[56] *Об этом персонаже – в главе 137 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора*

Я, снимаясь для рекламы,
поступал как весельчак:
вспоминал чужую маму,
а мою – другой чувак!

Ещё хуже был второй сон, где в каком-то почему-то синем трамвае напротив стоящего из-за отсутствия сидячих мест татарина сидела женщина и читала журнал «Крестьянка». Даже после просыпания наш герой запомнил, что на ней выше пояса были надеты блузочка, кофточка, пиджачок, да ещё и платочек на шее. И вот, перелистнув страницу, женщина неожиданно сняла с шеи платок, ещё через страницу пиджак, а когда, прочитав следующую страницу, она сняла кофточку, он понял: да она же читает «Крестьянку» *на раздевание*!

«Ёкарный трамвай!», подумал он, и в это время женщина повернулась к столбом стоящему трубачу и подмигнула ему. И тут он понял, что это не просто какая-то «Незнакомка», как у художника Муравлёва-Крамского, а володина соседка старшая по дому Жанна Пантелеевна, которую писатель называл всегда сокращённо – Ж. П.

И тут он окончательно проснулся, но сразу открыть глаза не смог – оказалось, что под его веки ночью проник какой-то маленький гад, рассы́пал там битое стекло, и сейчас ходит по нему ногами, втаптывая в глазные *антоновки*. Затем прапорщик осознал, что такого просто не может быть, и немного успокоился. Правда, он хорошо понимал, что сейчас пребывает примерно в том же состоянии, что и условный кинозритель, которому вместо «Терминатора» Джеймса Фрэнсисовича Кэмерона вдруг показали учебный фильм по ампутации конечностей режиссёра Дрындрынбаева.

Несчастный военный пытался вызвать на поверхность суровой действительности хотя бы один маленький мыльный пузырь воспоминаний, но таковой не вызывался. Для того чтобы вспомнить вчерашний день, он даже попытался вытянуть руки вперёд, отчего только стал похож на человека, внезапно попавшего в темницу и временно лишившегося зрения. Плохо было и то, что его интенсивно потряхивало, как смертника американского штата Южная Каролина, посаженного злым прокурором на электрический стул «Electric Chair KE-614»

Проводнице по имени Даша
электрический стул не так страшен:
пусть разряд был велик,
в Дашу он не проник –
Даша очень плохой *проводник*!

Правда, Салихдзяныч, имея многолетний алкогольный опыт, был стреляным воробьём и хорошо понимал, что жадность сгубила не только какого-то неизвестного фраера из расхожей поговорки, но и множество вполне солидных, уважаемых и даже умных людей – типа старшины роты Кожамкулова, а также ещё одного *кухо́нного* прапорщика из соседней части, выносящего каждый день из *расположения* по одной алюминиевой солдатской ложке. Он (Талгат, а не прапорщик) даже помнил, чем закончилось дело: в один относительно прекрасный день вся часть уподобилась свинскому семейству из мультфильма «Кошкин дом», прихлёбывая армейские деликатесы в виде *кирзы*[57] и жидкое картофельное пюре с кусочками несвежего сала.

[57] Печально известная в Красной Армии перловая каша – прим. воен. редактора

Здесь унтер-знаменосец понял, что потерял нить рассуждений, и, чтобы её восстановить, прислушался к организму. Голова по-прежнему гудела, как советская (б) переносная широкодиапазонная войсковая рация Р-159, во рту было, словно в полковом нужнике, а язык распух, казалось, до размеров хлебной лопаты. К тому же всё остальное, как в повторяющемся фильме про алкоголиков, было тут как тут, то есть ужасный набор ежеутренних проклятых спецэффектов: в голове периодически взрывались бомбочки разной степени детонации, мир по-прежнему косо шарахался куда-то в сторону, а к горлу подкатывало так, что военный трубач судорожно зажимал рот обеими руками. Тогда он решил зажмуриться, и это немного помогло: перед глазами у него медленно распустились сгустки белого цвета, очень красивые на чёрном фоне, но, к сожалению, тоже вызывающие тошноту.

Мучился военный без фуражки –
без фуражки *тыква* как горшок:

«Почему всегда похмелье тяжко,
ведь вчера мне было хорошо?»

Но хуже всего, конечно, было то, что его голова, которую писатель Кулемзин остроумно называл тыквой, кружилась, как у плохого космонавта на тренажёре, а в желудке какой-то виртуальный менделеев проводил неясный химический опыт, потому что разные части его (желудка, а не опыта) периодически вспыхивали адским огнём. Здесь Батыршин вдруг вспомнил, что ему уже давно не 25 лет, и застонал. «Попробовать, что ли, встать?», мелькнула нелепая мысль. «Попробую, ёперный возраст…»

Он осторожно приподнял скрипящие суставы, с преувеличенной аккуратностью поставил босые грязные пятки на пол и, убедившись, что может держаться в таком положении, пошлёпал на кухню. И вот здесь его ожидал сюрприз: на полу стояло полное ведро воды. Увидев его, Талгат не успел сильно удивиться, потому что упал на колени перед жестяным ведром, как перед киотом[58], взялся двумя руками за его (ведра, а не киота) края́ и стал жадно пить. Пил он долго, боясь, что воды не хватит. Но вдруг и ведро растаяло, и сухость во рту оказалась пуще прежнего, и трубач понял, что ведро это – похмельный мираж, а явь – это Бермудский Учпучмак и Володя Кулемзин, у которого в кармане рубашки лежат очень много бутылочек крепкого пива «Маршал», которое и есть концентрированный аспирин, анальгин, пенталгин и даже спаздолзин. «Йодистые таблетки», подумал он, «откуда я всё это знаю?»

[58] *От гр. kivotos – шкафчик или полочка для икон – прим. богосл. редактора*

Когда я захожу в аптеку
и покупаю анальгин,
как будто тянет кто за веко –
без всяких видимых причин.
Как у нелепицы во власти,
шепчу: «Мне нужен анальгин…»,
и в этот миг – что за напасти? –
мигает глаз тотча́с один!

Глава 44. УТРО САЛИХДЗЯНЫЧА (продолжение)

Лишившись спасительного ведра, музыкант опустился на корточки, потому что стоять было всё труднее, и неожиданно вспомнил старую военную рекомендацию, которую автор приводит здесь – в надежде на то, что она (рекомендация, а не надежда) когда-нибудь поможет хотя бы кому-то, потому что прапорщику сейчас не помогла:

**Если командир не может
предотвратить пьянку,
он должен её возглавить!**

А не помогла нашему герою такая рекомендация сразу по двум причинам: во-первых, Батыршин был не замполитом, а обычным военным музыкантом, и, во-вторых, у него элементарно не было ни одного назарбакса, чтобы личным примером возглавить предполагаемую пьянку.

В сидячем положении голова болела уже меньше, хотя и горела, словно там, в мозгах, некий иблисёнок разжёг маленькую топку. К тому же в ней (голове, а не топке) гудел набат. Тогда трубач, кряхтя, поднялся вновь, прошёл в ванную комнату, открыл холод-

ную воду и сунул голову под кран, как однажды видел в каком-то кино. Вода показалась ему не просто холодной, а ледяной – так, что Батыршин взвизгнул и попробовал отпрыгнуть, но одна нога наступила на другую, и он только чудом удержался, чтобы не упасть затылком на равнодушный фаянс унитаза. В ушах после холодного упражнения тонко зазвенело, и он потряс тыквой во все стороны, чтобы вытряхнуть этот звон, но этого не произошло – просто звон внезапно сменился барабанной дробью.

Если бы сейчас здесь оказался Альбионыч, который знал всё на свете, он бы объяснил прапорщику, что, яйчики-бабайчики, удивляться не надо, так как слово *набат* – арабского происхождения[59] и переводится именно как «барабанный бой»

[59] Это действительно так, только арабское слово немного сложнее – naubât – прим. главы гильдии переводчиков романа «Русская кочерга»

Нахожусь как на обрыве –
жуток тот и каменист:
барабанщик бьёт по тыкве!
Неужели он садист?

Перед выходом из ванной комнаты враг всего саксаульского человечества *иблис* дёрнул Талгата посмотреться в зеркало. Сказать, что выглядел он (Талгат, а не *иблис)* сейчас жалко и убого, как значки азбуки для слепых, было бы не сказать ничего. Что-то странное творилось с лицом, которое менялось прямо на глазах: вот только что оно было белее одинокого паруса из одноимённого стихотворения классика, и тотчас стало каким-то серым – цвéта остывшего чугуна. Затем с прапорщицкой рожей стало твориться вообще невообразимое – она сейчас служила как бы наглядным пособием по изучению классического спектра, быстро меняя цветá: из красного становилось бледно-розовым, потом неожиданно белым с красными пятнами, потом стало отдавать желтизной, которая постепенно перешла в какую-то нездоровую фиолетовинку, и, наконец, стало синевато-серым, словно сырая гипсовая маска.

«А, может, это всё как ведро на кухне – миражное явление мифического порядка?», подумал военный. «И вообще, задолбало всё! Похоже, у меня начался… этот, как его… авитаминоз. А ещё недосыпоз, деньгипропадос и отпусканехватоз!»

Но хуже всего из всей общей незавидной картины лицá чувствовали себя глазá музыканта, и зеркало отразило их вполне эндокринологический вид: они, которые так и хотелось назвать зенками, были вывернуты наружу сумасшедшим напором ещё вчерашнего адреналина и выглядели безумными и прожигающими, с налётом остекленелости, как у добровольно загипнотизированного мужичка из публики на разоблачительном сеансе в цирке.

Прямо на воскресном гáла-представленье
фокусник Авдотьев, видно, с бодуна,
зá уши из шляпы всем на удивленье
на арену цирка вытащил слона!
Спит факир в прихожей, скромно пообедав,
а на кухне слёзы льёт рóдная жена:
«В понедельник скунса, крокодила в среду,
в пятницу макаку, а теперь слона…»

А, приглядевшись, можно было заметить и совсем ужасное: воспалённые белки́ (а, может, даже и желтки) этих самых зенок. Талгат вгляделся в зеркало внимательнее и, на-

конец, понял, почему ему было тяжело дышать – шею стягивала концертная *бабочка* фиолетового цвéта. «Не было у меня такого цвéта», подумал он. «Да и бабочки такой вообще никогда не было!». Музыкант поморщился и слишком резко потянул вверх узел *бабочки*, на мгновение ощутив себя висельником в кульминационный момент американского суда имени Уильяма Чарлзовича Линча.

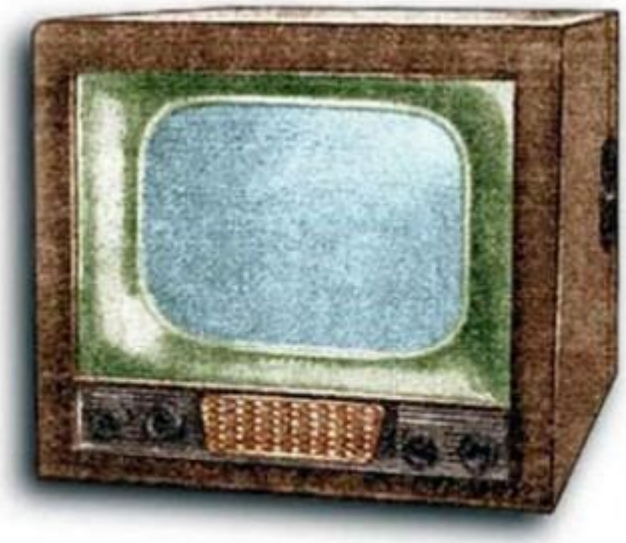
Кроме этого, честное стекло отразило слегка растрёпанную военную стрижку трубача, а также его решительно поджатый рот, что делало татарина похожим на Нестора Ивановича Махно, причём, сам легендарный батька выглядел так всего один раз – при печально известном штурме станции Блюменталь, что в те суровые годы находилась рядом с Екатеринославом.

Историками не оценено
всё человеколюбие Махно!

Выйдя из ванной комнаты, ноги страдальца вновь пришли в неповиновение голове и вынесли их владельца к месту ночного упокоения. Оказалось, что в том углу, где ночевал старший прапорщик, царил некий кавардак, хотя, судя по всему, находясь в отключке, Талгат именно здесь недурно провёл время – разумеется, с точки зрения человека, чудящего в режиме сонного автопилота. Внутри у трубача всё сместилось, и ему стоило немало усилий удержать хоть какое-то равновесие – отравленный парáми алкоголя (прости, русский язык!) вестибулярный аппарат работал как попало, вразнос. Сейчас он (трубач, а не аппарат) чувствовал себя готовым развалиться на куски глиняным болваном – раскисшим, рыхлым, текучим, растрескавшимся и не способным сопротивляться гнусной выдумке проклятого английского буржуина Исаака Исааковича Ньютона, то есть силе земного тяготения.

Не могу пошевелиться –
это просто *твою мать!*:
тяготит меня землица –
видно, скоро в ней лежать!

Тут Талгат хотел было выругаться, но, пошлёпав губами с добрую минуту, вдруг осознал, что прямо сейчас мог бы начать сниматься в немом кино. Вчерашний день возникал в сознании отрывочными фрагментами, как на прерываемом помехами экране плохо настроенного советского телевизора «Енисей-2» (б) – вот такого:



И если бы автор романа сейчас описывал утро не Батыршина, а Кулемзина, то он бы, несомненно, вспомнил один из стишков Володи, который размещал подобные нехитрые экзерсисы на каком-то поэтическом сайте в рубрике «История вещей»

Глава 45. ТЕЛЕВИЗОР МОЕГО ДЕТСТВА (короткий поэтический Хронотоп № 26)

Я в третьем классе был, когда купили
мы телевизор первый – «Енисей»,
а мы в ту пору Пушкина учили
и говорили «Королевич Елисей».
Внутри него всего два цвéта жили
на долгие мои 12 лет,
но мы его смотрели – не тужили,
и думали, что лучше просто нет.
Сейчас на стенке гордо светит *плазма*,
и нет на свете ничего её цветней.
А я частенько вспоминаю сказку –
наш телек старый «Королевич Елисей»…

Глава 46. УТРО САЛИХДЗЯНЫЧА (окончание)

Военному было настолько плохо, что его смертельные флюиды легко преодолели несколько кирпичных перекрытий, попав прямо в квартиру писателя. «Однако!», удивился тот и решил помочь страдальцу, мысленно произнеся заклинание одной из важнейших марсианских технологий *трръъхрръъ■■■чшшааъ*[60], которое могло выполнять сразу два задания – эфемерное и материальное, например, внушить некую мысль и осуществить транспортировку некой вещи. И проверенная технология сработала на совесть – вначале похмельного татарина посетило воспоминание о том, что якобы на кухне, за холодильником, у него есть заначка в виде холодной бутылочки пива «Маршал». Талгат знал, что этого не может быть, но воспоминание, внушённое писателем, было таким явственным, что ноги сами понесли его в предполагаемую точку блаженства. Дрожащей рукой он пошарил за холодильником и – о чудо! – достал из пыльного угла совершенно ледяной сосуд. Рядом с ним валялись ещё несколько тёмно-зелёных бутылок с погаными лиловыми наклейками.

[60] Не ошибка: автор намеренно пропустил три буквы, так как у него нет гарантии, что этой технологией не воспользуется какой-нибудь нехороший человек для своих пропадлючьих целей – прим. автора

Не в силах осознать, как именно бутылочка могла сохраниться настолько холодной в течение всей ночи, он, скрипя зубами от нетерпения, с треском сорвал крышечку и присосался к горлышку. «Похмельный синдром», подумал он без всякого раскаяния, становясь в позу горниста, играющего *подъём* в пионерлагере. «Первый и основной признак начинающегося алкоголизма…»

Эти мудрые мысли неожиданно ему понравились, и он, прихлёбывая целебную сóму[61], продолжил строить в уме замысловатые конструкции: «А кто из нас не ёкарный ал-

[61] От протоиранского sauma – ритуальный напиток у индоиранцев и в более поздних ведийской и древнеперсидской культурах, персонифицируемый как бог – прим. ист. редактора

коголик? Угадайте с трёх раз! Не знаете? Хорошо, так я вам отвечу: тот, кто уже помер от водки…»

В жизни был я слабоумней,
чем какой-то психопат:
хорошо сейчас в раю мне –
здесь построен *водкопад*!

Допив бутылочку «Маршала», Салихдзяныч, конечно, догадался, что к вовремя присланной помощи никакой *дедушка* не имеет отношения, а, скорее всего, это дело добрых рук его марсианского друга Кулемзина. «Надо позвонить Альбионычу и сказать ему моё глубокое татарское зур рәхмәт![62]». Правда, как он это будет делать, Батыршин не решил, потому что во рту до сих пор першило от горечи, словно он только что без запивки проглотил пуд соли.

[62] Большое спасибо – тат.

Затем Талгат сделал сразу два дела: во-первых, поставил подмышку градусник, который второй его друг Серёнька Полтавцев называл смешным словом *тюрьмометр*, и, во-вторых, набрал заветный володин номер. Правда, когда Кулемзин произнёс в трубку: «Привет, Талгат!», в ответ он не услышал ничего, и понял, что в этот момент прапорщик вместо *вербального* приветствия отдаёт трубке честь. А сам военный музыкант, пока возился с термометром, тут же забыл, зачем звонит своему другу, поэтому сказал ему то, что сейчас было на языке:

– Что-то голова болит. Наверное, давление подскочило…

– Ничего, – успокоил его прямолинейный писатель, – в следующем браке повезёт!

Если вдруг женюсь я снова,
буду враз отдрессирован!

– Слушай, Володя, а что вчера было? – с натугой спросил обер-корнет. – А то что-то у меня картинка засвечена…

– Да всё нормально, – успокоил его марсианин, после чего осведомился тоном врача-проктолога:

– А ты случайно не чувствуешь нарастающую слабость?

Нарастающая слабость военного не дала ему ответить.

– Болею я, – признался трубач, покрываясь сероватой бледностью, похожей на благородную сырную плесень.

– Это тоже не страшно, – ещё раз успокоил его Кулемзин. – Наверное, ты просто отравился нехорошими продуктами суррогатного алкоголя.

Больной остолбенел от удивления,
когда анализ подтвердил: да-да,
действительно, причиной отравления
явилась в спирт попавшая вода!

– Володя, вот было бы такое ёперное лекарство, чтобы раз – и всё прошло! – решил немного помечтать похмельный.

– Тогда, сынок, тебе к палачу. Или, яйчики-бабайчики, на худой конец, к мяснику…

Писатель немного помолчал, слушая ответное молчание старшего прапорщика, и понял, что надо просто позвать Салихдзяныча на улицу – в благословенное пространство Бермудского Учпучмака. «Вот только как бы это сделать потактичнее?», подумал он. И придумал.

– Талгат, а что ты думаешь об эзотерической теории кармических взаимодействий? – спросил он. – Ты никогда не задумывался о себе как о мессии, призванном скорректировать (прости, русский язык!) экзистенцию отдельных индивидуумов, стоящих на более низкой ступени ментального уровня?

Батыршин всегда уважал Альбионыча за умение выражать сложную мысль простыми словами и тотчас ответил:

– Иду.

– Не забудь запереть на засов городские ворота! – посоветовал ему советчик.

«Какой засов? Какие ворота?», мелькнуло в военной тыкве. «Видать, ему так же плохо, как и мне! А вида, молоде́ц, не подаёт…»

Факт подобный всем известен –
дополненьем к основным:
коль вчера буха́ли вместе,
утром оба-два больны!

И только было собрался ныне небравый прапорщик на улицу, как был остановлен телефонным звонком. Ничего не подозревая, он снял трубку и сразу же, без всяких приветствий, услышал суровый голос своей супруги Аиды Яковлевны.

– Батыршин! – строго произнесла она, словно владела на военного музыканта авторским правом или, по крайней мере, получила трубача в пожизненную аренду. – Надеюсь, ты хотя бы сегодня не будешь пить?

«Хороший человек», нежно подумал Талгат, «вот уже семь лет вместе живём, а сколько в ней ещё оптимизма…», но вслух сказал совсем другое:

– Ну, что ты, дорогая, конечно, нет!

– Что нет? – уточнила жена.

– Всё! – горячо заверил татарин.

Здесь еврейской супруге показалось, что над ней издеваются, хотя это было совсем не так, и она гневно отключилась от линии, незримо соединяющей город Кустанай, где она сейчас гостила у своей тётушки Симы, от Отцеябловска, где в данную минуту её непутёвый муж наверняка предавался пьянству и разврату. А несчастный супруг вспомнил про градусник, который уже жёг ему подмышку, вытащил его, подошёл ближе к окну, чтобы лучше видеть показания, и с ужасом разглядел красный ртутный столбик, остановившийся на отметке 38.

У меня 38! Ослаб,
стала что-то неровной походка,
чуть не рвёт ли при мысли о водке,
и совсем не глядится на баб.
И хотя говорят мне: «Держись!»,
всё равно это кажется странным:
как каким-то двум градусам сраным
удалось испоганить всю жизнь?!

Он наскоро побрызгался поддельным польским одеколоном «President» и вышел из квартиры, расточая вокруг своей персоны миазматические запахи. Из своего армейско-

го опыта прапорщик Батыршин хорошо знал, что запах такого алкоголесодержащего вещества вперемешку со стойким перегаром производит неизгладимое впечатление на начальство, которое, вместо того, чтобы распекать подчинённого, начинает судорожно завидовать ему и размышлять о том, как бы и самому́ приобщиться к светлому празднику похмелья.

Выйдя из родного подъезда, военный тут же привязал свой перманентный бодун к местности, после чего узнал родной Бермудский Учпучмак и на время успокоился.

Топ-топ, очень нелегки
после пьянки первые шаги…

Глава 47. ИЗ ЖИЗНИ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ

Вот именно так и появились в Бермудском Учпучмаке наши, без преувеличения сказать, главные герои, а, значит, пора было начинать четвёртый игровой покерный день. А как его начнёшь, когда самая сильная $^{1}/_{5}$ коллектива сейчас возвращалась из магазинчика Калимы, а остальные $^{4}/_{5}$ тихо стонали на разные голоса и регистры – в ожидании очередного чуда.

Воевать уже пора,
да не кричится нам *ура*!

Между тем, ещё не слишком полные сил солнечные лучи, но уже заметно горячие, через полутаёжные кроны карагачей начали легко добираться до покерного столика. В лазурном небе галдело вороньё, словно предрекая, что день будет нелёгким, а пиво, если его не выпить быстро, тёплым.

И вот, наконец, в сияющей и светлой дали появился марсианский гуру Кулемзин. Всё в его облике было прекрасным: сократовский лоб, библейские патлы, арбузный живот, и особенно серёжина котомка в его правой руке. Он (Кулемзин, а не живот) легко преодолел заветные 22 метра, составляющие расстояние от выхода из сельпо до покерного столика, и подошёл к страждущим, но всё ещё смертельно больным игрокам (числом 3) и художникам (числом 1), которым очень хотелось назвать себя *потерпевшими*. В отличие от других героев нашего занимательного повествования, он накануне, кроме пива, ничего не употреблял, так что злые чары бодуна до него пока не добрались, и, наверное, поэтому взгляд марсианина был добрым и многообещающим. «Что русскому хорошо», подумал писатель, «то потом ему же и плохо!»

Здесь Володя понял, что только придумал новую пословицу, но решил пока не педалировать это открытие, потому что в таком состоянии его вряд ли бы понял кто-нибудь из присутствующих. «Ну, сейчас я вам расширю сосуды», весело решил спонсор похмельного мероприятия, «получше всякого нитроглицерина!»

Пока не кончится лавэ[63],
одна мыслишка в голове!

[63] От цыганского лавэ – деньги

Больше всего приходу Альбионыча обрадовался охранник – его глаза сейчас светились от счастья, как у собаки английской семейки Баскервилей. Правда, просыпающаяся *шустрость* Серёжи немного пугала.

– И ещё раз гутен морген, товарищи саксаульцы! – произнёс литератор бодрым голосом, но с холодным удовлетворением хирурга, подумав при этом несколько другое: «Ну, что, голытьба, царапнем по бутылочке?»

«Да какой уж там guten[64]», подумал Полтавцев, который уже несколько лет изучал какой-то иностранный язык. «Если уж *морден*, мать честна́я, то, скорее, schlecht[65]!». Додумав эту трудную мысль до конца, сторож кое-как уселся на покерную скамеечку – неуклюже, словно трудно складывающийся фотографический штатив.

[64] Хороший – нем.
[65] Плохой – нем.

«Врождённый столбняк ума?», подумал диагност с журналистским образованием, но думал он недолго, так как надо было заниматься излечением коллектива.

Встать и поприветствовать главврача-похметолога у присутствующих не хватило сил, кроме Муравлёва, который считал приветствие интеллигента Альбионыча своим долгом такого же интеллигента. Для совершения этого подвига живописец сделал своё лицо сосредоточенным и собранным, как у космонавта перед стартом, жаль только, что голос у него пока не проре́зался, и поэтому вместо ответа он поклонился, словно ему сейчас припомнились светлые образы хороших манер, виденные в каких-то советских (б) фильмах о *благородной* жизни, где роли столбовых дворян исполняли томные внуки советских (б) аптекарей и огородников. Он открыл рот в попытке что-нибудь произнести, но тут его скрутил диковинный приступ кашля, от которого Валера перегнулся пополам и мгновенно приобрёл вид переспелого баклажана. Терпение его подходило к концу, и об этом можно было догадаться по своеобразной позе, в которой обитал художник, выражающей неприкрытое страдание и напряжение.

– Не дай… кхе-кхе… помереть… кхе-кхе… святой Малевич! – сквозь кашель попросил он, и потому радуйся, читатель, ибо голос один из героев всё же приобрёл, а, значит, различные искромётные диалоги с его участием мы ещё услышим (увидим) на этих волшебных страницах.

Вот стучится к нам веселье –
поздравляем с Днём Похмелья!
Этот праздник – апогей
дня по имени «Налей!»
Не волнуйся, пиво пей –
и вернёшься в мир скорей!
Не грусти, ведь скоро снова
будешь, словно бык, здоровым…

– Я вижу, ты уже пришёл в себя, – обрадовался писатель. – Поэтому, пока ты, Валера, яйчики-бабайчики, вновь не впал в алкогольный транс, в чём я лично нисколько не сомневаюсь, хочу поручить тебе написание новой картины, тему которой подсказала мне суровая жизнь – сегодня ночью.

– К-к-какой к-к-картины? – заикаясь, произнёс живописец и обрадовался, так как понял наконец, на какой именно букве он заикается чаще всего. А ведь мой памятливый читатель наверняка мучился тем же вопросом, заданным чуть ранее – в главе 38.

– Сюжет прост, – объяснил Кулемзин. – А вот сделать его гениальным – твоя задача. Так что запоминай название: «Черепаха Тортилла на церемонии вручения деревянному мальчику ключика от швейцарского банка»

Буратино ключ нашёл,
только тот… не подошёл!

«Как всё-таки хорошо!», в этот момент подумалось Николаичу. «Как же хорошо, что Володя не заставляет меня написать картину «Иван Грозный убивает файл со своим сыном на www.repin.ru»

Здесь оказалось, что голос прорéзался ещё у одного персонажа, а именно педагога Курманбаева.

– Валера, мать моя партия, я тебе тоже могу хорошую тему для картины подсказать, – зачастил он. – Такое примерно название: «Товарищ Сталин – организатор первой стачки в Отцеябловске»!

Николаич дико зыркнул на него глазом и побежал к кустам, откуда через секунду донеслись характерные звуки восторга перед талантом Мусаича. Все закручинились, а вот Альбионыч порадовался – тому, что ещё не успел вручить первую бутылочку пивка несдержанному на эмоции живописцу.

– Зачем ты, Нуртай, так? – наконец обрёл голос ещё один член русскокочерговской хевры – старший прапорщик Батыршин. – Ведь ёкарный Валера – наш друг, хотя и полный дуб в покере.

И лучше бы он этого не говорил.

– Да я не виноват, просто спал неважно, – самозабвенно врал Мусаич, – к тому же, всю ночь болело сердце: как там, думаю, мои друзья, все ли живы?

А вот этого прапорщик вынести не смог: с утробным рёвом он кинулся в кусты, чуть не сбив по дороге уже возвращающегося художника, где и отдал свой ежедневный долг родному суглинку.

«Зачем ты, Нуртай, так, царица лесная?», хотел было спросить последний пока молчащий игрок – сторож-охранник Полтавцев, но вовремя сдержал себя, так как понял, что может тоже отправиться вслед за своими товарищами.

Без друзей – совсем убого,
вроде как дерьмо не смыл:
мне друзья всегда помогут
осознать, в чём жизни смысл!
Хорошо, что есть друзья –
без друзей совсем нельзя!

Глава 48. ИЗ ЖИЗНИ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ (продолжение)

Получил свою бутылочку и Афанасьич, но в это время, как иногда бывало, у него в голове что-то щёлкнуло, после чего он замер с открытым ртом.

– Посмотрите на него, – возмущённо произнёс Володя, – ему пиво принесли, а теперь что – должны прямо в рот влить? Да на тебя, старичок, прямо никакого Дарвина нет!

– Что ты, Володя, какой Дарвин? – со скользкой улыбкой поддержал разговор педагог. – Он и слова-то такого не знает!

От оскорбления Полтавцева тут же отпустило.

– Да что же я, Дарвина вашего не знаю, что ли?! – страшно заорал он. – Да это же первый человек, который произошёл от обезьяны!

Все немного посмеялись, но тихо и неуверенно, так как были сейчас озабочены другим. Но вот, наконец, страсти улеглись, игроки удобно упокоили на покерной скамеечке свои не самые поэтические части тел, после чего писатель торжественно вручил всем

смертельно больным по бутылочке пивка – кому какое: отошедший Серёжа попивал родное «Жигулёвское», кислое и сильно отдающее стиральным порошком «Лотос», Талгат – уже второго за день «Маршала», а Валера и Нуртай – знаменитый на весь Бермудский Учпучмак «Тянь-Шань», после чего не обделил и себя – всё той же бутылочкой.

«Наш квадрат от века пёстрый»,
говорю кладовщику.
«Ты раздай по серьгам сёстрам,
ну, а братьям – по пивку!»

Сделав первый глото́к, знойный большевик Курманбаев вдруг радостно вспыхнул всем лицом подержанного юноши, как будто к нему на мгновение вернулась комсомольская молодость. Но потом, присосавшись к бутылочке, от острого наслаждения он начал пыхтеть, причём, так громко и протяжно, словно стонал от оргазма, что у Кулемзина, сидевшего напротив него, засосало под ложечкой, как у больного печенью – от жирного. Он даже некоторое время пристально смотрел на Мусаича, словно отгадывал в журнале «Наука и жизнь» головоломку про инспектора Ва́рнике[66].

[66] Главный герой криминальных задач, публиковавшихся в 60-70-х годах прошлого столетия в журнале «Наука и жизнь». Эти задачи представляли собой вольный перевод историй из немецкого журнала «Eulenspiegel»[67] (ГДР) – прим. науч. редактора
[67] «Уленшпигель» – нем.

В это время, уже взяв ледяную бутылочку за талию, Салихдзяныч вспомнил, что ещё вчера дал себе зарок с сегодняшнего дня… то есть уже вчерашнего… а зарок дал ещё раньше… не похмеляться, а перетерпеть, но окончательно запутался в днях недели и своих обещаниях, поэтому терпел недолго, ибо от жажды у него страшно горела гортань, и это было видно по кадыку, который передёргивался сам собой, как затвор армейского карабина СКС. Поэтому он, не мешкая, уже на грани обморока схватил «Маршала»-искусителя за горло и сделал долгий, трижды булькающий глото́к, затем прислонил горлышко бутылки к губам и тут же стал похож на иллюстрацию к пионерской песне «Отзовитесь, горнисты!». Глаза военного музыканта лихорадочно блестели, словно он загнал себе в вену пару лишних *кубиков* морфия.

Писатель ещё раз поглядел на похмельного страдальца, после чего ему в голову пришла забавная мысль: «Если бы у печени были руки, она бы вылезла из брюха и задушила эту ненасытную гло́тку!»

Тут пришла пора реанимироваться и Муравлёву. Сделав первый глото́к, Валера тут же оторвал бутылочку от синих губ и заулыбался, как бобик, наконец-то вспомнивший, куда закопал сахарную косточку три недели назад. «Ради этого мгновения», подумал он (Валера, а не бобик), «и стоило, наверное, терпеть все ужасы советской действительности!», после чего припал к *тянь-шанчику* уже более основательно, время от времени застенчиво икая, точно девочка, объевшаяся шоколадом.

Говорил с утра буфетчик –
наш знаток из знатоков:
«Шоколад с похмелья лечит
только полных дураков!»

Допив первую бутылочку до конца, он тяжело вздохнул, как будто только что завершил трудную работу по поднятию египетской пирамиды.

Дождавшись, пока все остальные члены хевры начнут святой процесс опохмелки, и, убедившись, что условный реанимобиль, стоящий в ожидании эксцессов за условным углом, уже можно отпустить, писатель сделал первый глотóк (в коллективе, потому как *наособицу* это был уже глотóк 25-й как минимум), за ним второй, а потом и третий, после чего довольно, хотя и тихо, чтобы не мешать реанимации остальных, замурлыкал:

– Не пишите мне писем,
дорогая графиня, –
для сурового часа
письма слишком нежны…

И уже через несколько мгновений он почувствовал, как от выпитого его желудок стал расширяться стремительно, как Вселенная.

Но вот закончились стартовые бутылочки пивка, и жадные руки недоопохмелённых уже тянулись за следующими, и были они тотчас розданы, как патроны перед решающим боем, когда Альбионыч, никогда не упускающий случая образования коллектива, проговорил после очередного глоткá:

– Приятно быть первооткрывателем в русском языке, когда в нём до тебя уже давным-давно всё открыли!

«О чём это он?», лениво подумал человек с высшим образованием по имени Нуртай, жадно дохлёбывая вторую бутылочку.

– Сегодня я хочу познакомить вас с моим открытием, – пояснил писатель, а в данное время, как выяснилось, филолог.

«О чём это он?», лениво подумал человек без образования по имени Афанасьич, жадно дохлёбывая вторую бутылочку.

– И это открытие – *спряжение* русских существительных!

«О чём это он?», лениво подумал Николаич, жадно дохлёбывая вторую бутылочку.

– И не надо возражать, что, дескать, такого не может быть!

«О чём это он?», лениво подумал человек с военным образованием по фамилии Батыршин, жадно дохлёбывая вторую бутылочку.

– А поясню вам мою искромётную мысль я лучше вот на таком примере:

Прошедшее время – деньги,
настоящее время – пиво,
будущее время – счастье!

До сих пор сегодня живы,
и ведь спас отнюдь не квас:
если деньги есть на пиво,
значит, счастье есть у нас!

Глава 49. ИЗ ЖИЗНИ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ (окончание)

И почему-то не нашлось ни одного критика в описываемом коллективе, кто мог бы сказать Володе слово против, но вовсе не потому, что боялись остальной недопокупки пивка, а только по одной-единственной причине: никто не понял ни одного слóва из произнесённого спича. А вот мой высокообразованный читатель наверняка понял всё и даже успел порадоваться остроумию нашего главного героя!

– Эх, мать честнáя! – неожиданно воскликнул сторож. – Сейчас бы лещика вялено-го – хучь бы хвостик!

И так задорно это было произнесено, что коллективные руки выздоравливающих тут же начали обшаривать карманы своих штанов, но никто в них ничего не нашёл, а вот Муравлёв недоумённо вытащил сложенный вчетверо листок. Он развернул его, увидел какую-то картинку, наваянную, судя по технике письмá, лично им самим, но совершенно непонятного содержания, и подумал, зачем же носит в кармане такую дрянь.

Потом перевернул листок обратной стороной и понял, зачем: это была та самая записка, которая сегодня утром досталась ему в наследство от супруги – ещё в главе 41. Но, как и утром, буквы всё ещё разъезжались в разные стороны, как встречные поездá Москва-Воркута и Воркута-Москва, а угадать смысл написанного тоже не было никакой возможности. На всякий случай он прищурился более старательно, после чего ему показалось, что записка извещает его о том, что «В моей смерти прошу винить Луи Уильямовича Армстронга!»

Пару литров без закуски –
моему ничто уму:
напиши хоть не по-русски,
всё равно тебя пойму!

– Давай, – предложил свои услуги Кулемзин, чьё зрение и не думало пропадать после вчерашнего. Валера подал записку, и Альбионыч убедился, что написана она на русском языке и весьма хорошим почерком, после чего с выражением прочёл весь текст:

**Ухожу от тебя к маме! Я больше не в состоянии
выносить твои пьянки, от них у меня бессонница!
Вот и сегодня ночью я не смогла заснуть, потому
что как только я закрывала глаза, в мозгу
происходила какая-то яркая вспышка,
и я сразу же просыпалась обратно!
Прощай навеки, твоя бывшая N.**

– Володя, как ты думаешь, это серьёзно? – волнуясь, спросил его несчастный брошенный навеки.

– Думаю, что нет.

– А вот эти, святой Малевич, вспышки в мозгах?

– И это тоже довольно легко объяснимо: наверное, тараканы в наташиной голове просто приобрели фотоаппарат!

– А-а-а, ну тогда ладно, – успокоился живописец, но всё-таки решил уточнить:

– Так значит, ты думаешь, с её головой всё в порядке?

– Всё да не всё, – задумчиво ответил писатель. – Больше всего в наташиной записке меня смутила именно последняя буква – N. К чему бы она?

– Да чего тут думать, царица лесная! – воскликнул сторож, довольный тем, что может легко помочь друзьям. – Твоя N, Валера, значит твоя Nausea[68].

– А, может, всё-таки Neck?[69] – с надеждой спросил Николаич.

[68] Тошнота – англ.
[69] Горлышко бутылки – англ.

Говорил подруге гордо,
вмиг пока не развезло:

«Мне моей бутылки горло
лучше, чем твоё горло́!»

– А я поддерживаю нашего друга Серёжу, – поддержал друга Серёжу Володя. – Яйчики-бабайчики, здесь действительно всё просто. Вот если бы она подписалась N.N., то это было бы расшифровать значительно сложнее, ибо эти две буквы иностранного алфавита, поставленные рядом, обозначают словосочетание «неопределённая величина»

– Какая уж тут неопределённая? – покачал головой Муравлёв. – Я на днях видел, как она с весов слезала, так они чуть не треснули. 112 кг как одна копеечка!

И тут марсианин ласково, как психиатр, погладил живописца, которому вернуть румянец не помогло даже пиво, по голове и проникновенно сказал:

– Да не скорби ты так – депрессивная фаза у тебя обязательно со временем сменится на маниакальную!

И хотя насчёт попить пивка Володя был безотказный, как автомат Калашникова, он всё же не забывал о своей просветительской функции в коллективе.

– Кстати, – обратился он к частично похмелённому коллективу, – знаете ли вы, что лучшее средство от похмелья запатентовал ни кто иной, как русский царь Пётр Первый?

Вот последнее открытье,
что пополнило карман:
Петербург придумал Питер
с погонялом Number One[70]!

[70] Номер один – англ.

– Так это он огуречный рассол придумал? – изумился сторож.

– Нет, Серёжа, речь идёт не о нём.

– Не о Петре Первом? – уточнил живописец.

– Не о рассоле, – уточнил рассказчик.

– А что тогда? – уточнил военный.

– Это был густой компот из сухофруктов, – ещё раз уточнил Альбионыч.

– Не может быть! – воскликнул Полтавцев, который всегда считал, что компот придумала его бабушка Федо́ра из деревни Семижопино.

– Кстати, в этом ничего удивительного нет, – завершил просветительство просветитель, – ведь отравленный организм из такого компота одновременно получает калий, аминокислоты и фруктозу.

– Ну, это ты, Володя, загнул, – нахмурился сторож. – Я ещё со школы точно помню, что калий и вот эту кисло́ту придумал Менделеев!

Все немного посмеялись над неразумным.

К тому же, писатель считал своим долгом немного отвлечь Муравлёва от содержимого записки, так как художник, несмотря на уже принятые пару «Тянь-Шаня», всё ещё выглядел, по выражению знатных индуистов, словно человек, получивший тяжёлой чакрой в неумытую мантру, безвозвратно испортив при этом свою похмельную карму. Его курносое лицо бурлака было в печали.

Я рядился в пониманья тогу:
говорил, прищуря левый глаз,
что по жизни шёл *саха́дж*а йогом,
был в реинкарнациях не раз!

Поэтому Альбионыч решил далеко не отходить от темы, после чего рассказал своим будущим сопокерникам и примкнувшему к ним живописцу некую историю, которую, если бы он воткнул в свой роман, то назвал бы

Глава 50. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПИВА

– Всё началось, други мои, – начал он ровным и тихим, как полёт совы, голосом, – с европейских монахов. Да-да, не только сейчас, но и в те давние времена эта ленивая и праздная часть европейского общества делала всё, чтобы не только не работать, но также и не молиться, и не читать разные церковные книжки, как предписывало монахам их начальство в виде Пахана Римского. Что же делали эти бездельники? Вы не поверите, но они были хранителями секретов пивоварения, а так как безделье их было (прости, русский язык!) перманентным, то довели они эти секреты до совершенства, попутно разработав и новые способы применения, и хранения душистого хмеля. Ну, а с применением хмеля увеличилась и *стойкость* пива, и, конечно же, яйчики-бабайчики, его срок хранения. Только благодаря этим бездельникам, не желающим почитать слово *дедушкино*, пиво стало возможным не только пить на месте, но даже перевозить, после чего оно и стало предметом оживлённой европейской торговли!

– Вона как, мать честнáя! – очарованный рассказом, пробормотал Афанасьич.

– А кто у них главшпаном был? – поинтересовался художник. – Ну, не могло же быть, святой Малевич, чтобы этот папа из Рима специально им всё это разрешал?

– Володя, – перебил его военный музыкант. – Этот йодистый Валера хочет узнать, кто был покровителем у древних пивоваров, – перевёл Талгат муравлёвские слова на человеческий язык, а писатель порадовался правильно построенному предложению.

В голове всё время пятна,
но я всё ж не бестолков:
говори со мной понятно –
на любом из языков!

– Спасибо, Талгат, – улыбнулся Альбионыч. – Так вот, покровителем у пивоваров, которых после этих монахов-бездельников развелось, как вшей на подводной лодке, заделался некий король Гамбринус, в честь которого, кстати, впоследствии была названа самая знаменитая одесская пивнушка. И эта легенда о короле возникла ни где-нибудь, а во Фландрии, куда вскоре и переместился центр европейского пивоварения.

– Можно подумать, раньше про пиво никто не знал, – проворчал пламенный большевик Курманбаев. – Я вот, мать моя партия, слышал…

– …и даже читал в трудах Ленина, – перебил его Володя, – что о пиве, конечно, знали ещё в древнем Египте и Шумере, поэтому давайте уточним…

– Давайте! – в ажитации воскликнул Серёжа, подставляя левую ладонь под перевёрнутую бутылочку «Жигулёвского» – на предмет извлечения из неё последних кáпель.

– …что сказочный король Гамбринус является изобретателем европейского пивоварения именно по германской легенде.

– Вечно эти германцы хотят быть первыми! – подтвердил словá сказителя охранник. – Недаром мы им в 43-м под Сталинградом…

– Серёжа, стоп! – прервал начинающуюся историческую диссертацию рассказчик.

– Кстати, а чего этот Габитнуз, – педалируя последнюю букву, задал вопрос военный, – какой-то сказочный? Его что, придумал, что ли, кто-то?

После трудного предложения, видимо, чтобы успокоить расшатанные вчера нервы, старший прапорщик залился весёлым смехом.

– А ведь ты прав, друг мой, – усмехнулся марсианин. – У этого сказочного персонажа был таки вполне реальный прототип – некий герцог Брабантский со смешной фамилией Ян Примус.

После услышанного весёлым смехом залился и Полтавцев.

– Так это что, в его честь примус назвали? – воскликнул он.

– Да, – чтобы не портить древнюю легенду, кратко ответил Володя, хотя доподлинно знал, что простое латинское слово *примус* переводится на русский язык как *первый*.

Толковать – большие нервы
нам сейчас нужны с тобой:
primus это значит первый,
как secundusus – второй!

– И что этот герцог? – скривился в вопросе Мусаич.

– А этот герцог, – пояснил писатель, – очень любил рыцарские турниры, потому что в те далёкие времена не было ни радио, ни телевидения, ни телефона, вот и приходилось заниматься чем попало, лишь бы не было скучно. Правда, к его чести будь сказано, этот Примус был человеком не заносчивым, поэтому после турниров, несмотря на своё высокое положение, любил садиться и выпить с подданными…

«Прямо как Володя», подумал художник. «Интересно, а этот Гамбитас им тоже наливал *за свой счёт*?»

– И так как такие посиделки случались всё чаще, со временем герцог стал…

– …алкашом! – под общий смех выдвинул версию Афанасьич, а затем, видимо, чтобы подчеркнуть свою «мысль», задрал штанину и почесал шишковатую от нехватки витаминов ногу.

– Нет, Серёжа, он стал просто большим любителем пенистого напитка, – объяснил рассказчик, после чего прервал рассказ, так как заметил, что после сло́ва *пенистого*, которое Курманбаев явно принял тоже за латинское, тот покраснел и закашлялся.

Перевод обыкновенный,
хоть в мозгах – сплошной туман:
в пиве слишком много пены,
а вот пениса – нема!

– И так ему всё это нравилось, что однажды этот герцог, яйчики-бабайчики,– продолжил байку Володя, – даже записался в почётные члены…

После этого слова педагог покраснел ещё больше.

– …гильдии пивоваров в Брюсселе! И вот тогда-то, в знак благодарности и уважения к знатной особе, пивовары и стали украшать свои подвалы его статуями и портретами, на которых этот Гамбринус обычно изображался сидящим на бочке с неизменной кружкой пива «Брюссельский Тянь-Шань» в руке.

И вот здесь автор даст своему читателю ещё раз погордиться своим читательским приоритетом, ведь наши герои ничего подобного не увидели, а вот ты сейчас видишь одно из таких изображений:

Глава 51. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПИВА (продолжение)

– Ну, а потом все эти пивные пирушки стали просто модными, и буквально во всех средневековых городах стали появляться свои «пивные королевства», и королём Гамбринусом в них мог стать любой.

– Мать моя всемирная революция, а давайте и у нас такого короля выберем! – загорелись глаза у Нуртая. – Во-первых, я считаю, что он должен быть коренной национальности, во-вторых, с высшим образованием, в-третьих, обладать незаурядным авторитетом в коллективе…

– Точно! – уловил его мысль сторож. – Выбираем Володю! Кто за?

И тут педагог с горечью увидел сразу пять взметнувшихся к небу рук – по одной Полтавцева, Батыршина и Муравлёва, и сразу две Кулемзина – так, на всякий случай! Мусаич был так поражён предательством коллектива, что даже не стал объяснять всем этим придуркам, что он, а не какой-то там Кулемзин – настоящий представитель коренного населения родной Саксаулии.

Будем жить по этой кройке,
не пугая остальных:
коренной один я в тройке,
двое в тройке – пристяжных!

– А как там короля выбирали? – вернулся к теме разговора саксаульский гоген.

– Да очень просто, – просветил собравшихся рассказчик. – Новым королём становился тот, кто мог перепить всех остальных. Легенда гласит, что иногда доза, необходимая для *вступления на трон*, доходила аж до 60 литров за вечер!

И вот тут покерная хевра и примкнувший к ней художник дружно поглядели на кулемзинский живот и поняли, что сделали правильный выбор!

– Кстати, – дополнил рассказ Альбионыч, – уважение, которое питали к своим, так сказать, коллегам истинные земные владыки, тоже было нешуточным: например, пивного короля из немецкого города Йены владетельный герцог тех мест принимал у себя в замке как равного.

– Ёперный герцог! – восхитился рассказом старший прапорщик.

– А вообще кто его изобрёл? – поинтересовался Николаич, с любовью дохлёбывая последние капли из своей бутылочки «Тянь-Шаня»

– Ёперного герцога? – уточнил писатель.

– Да нет, пиво это, – уточнил живописец.

– О, это тоже интересная история, пришедшая к нам, как выражаются наиболее продвинутые историки, из глубины веков.

– А я вот лично слышал, – понизив голос до шёпота, как бы выдавая товарищам некую тайну, сказал Серёжа, – что «Жигулёвское» появилось при Сталине.

– Ну что ты, старичок, – поправил его марсианин. – «Жигулёвское» появилось гораздо раньше – ещё при шумерском царе Алулиме, а ведь правил он, как тебе, надеюсь, хорошо известно, аж 8 са́ров, а если учесть, что каждый сар тогда равнялся 3.600 годам, то ни много ни мало 30.000 лет назад!

Полтавцев после полученной информации поднял свою бутылочку и посмотрел её на просвет с явным уважением.

Знают до сих пор в дере́внях,
сколько кто существовал:
пиво – столь напиток древний,
что его шумер вкушал!

– Так что, Серёжа, первые упоминания о нашем любимом напитке относятся аж к 7000 году до нашей эры.

– А откуда у тебя такая инфог'мация? – прищурившись по-ленински и по-ленински же картавя, спросил Курманбаев.

– Да это не у меня, а у историков зафиксировано, – объяснил лектор. – Они утверждают, что первые рецепты пива были для верности даже высечены на камне, найденном в так называемом Двуречье – как раз между реками Тигр и…

– …Лев! – дополнил скудную научную информацию тянущийся к знаниям Серёнька Полтавцев.

– Нет, Серёжа, – мягко поправил его Володя. – Эти речки древние люди назвали абсолютно нелогично – Тигр и Евфрат.

Три реки назвал урод:
Крот, Енот и Бегемот!

– Жаль, – разочарованно произнёс охранник. – А я думал…

– Ты слишком много думаешь, – улыбнулся писатель. – Оставь это умение лучше для игры, которая, как я надеюсь, начнётся уже очень скоро. Да, так вот, в 1935 году любопытными американскими археологами в Месопотамии были найдены глиняные дощечки, которым, как они определили, было не меньше чем 6 тысяч лет, а на них были изображены два человека – как раз в процессе работы у пивоваренного котла.

– А откуда это известно? – сделал ещё одну попытку дискредитировать историю партиец. – Может, они в этом котле варили борщ или вообще какую-нибудь хашламу?

– Несерьёзный ты человек, Нуртай, – неожиданно обвинил педагога Володя. – Я же не досказал, что на этом котле была надпись именно на месопотамском, которую учёные и перевели как *пиво*.

Без ненужных говорилен,
с соблюдением всех норм,

пиво древние варили –
мы хлебаем до сих пор!

– И вообще, Нуртай, не перебивай меня всё время, – попросил писатель. – Я ведь тебе не номерá на краденых автомобилях! Да, так о чём это я?

– О табличках, – кратко по-военному доложил старший трубач.

– Да, таблички… они многое рассказали современному человечеству, – продолжил лекцию Альбионыч. – Например, то, что древние народы, населяющие Месопотамию, то есть шумеры, вавилоняне и ассирийцы, знали уже более 70 сортов этого славного пенного напитка, что составляет величину, ровно в 70 раз бóльшую, чем знание о пиве нашего друга Серёжи.

Афанасьич не понял из спича ни слова, но на всякий случай важно кивнул головой: мол, дескать, так всё оно и есть.

– Например, в этом списке было пиво сладкое, которое якобы любили женщины. Наверное, именно поэтому женщины сейчас так не любят его (пиво, а не список).

– А почему, царица лесная? – призадумался сторож.

– Да потому, что современные жадные пивовары больше не кладут в него сахар, – объяснил Володя.

– А-а-а, – сообразил сообразительный. – Так бы сразу и сказал…

– А вот ты всё говоришь – варили, варили… Что, прямо в кастрюльке какой? – очнулся от похмельного дурмана старший корнет.

– Конечно, нет, старичок, так что выброси мысли о коммунальной кухне прямо в испаскуженные тобой учпучмакские кусты.

Все дружно обернулись и посмотрели на обхаянные кусты.

– Даже в те далёкие годы процесс пивоварения был примерно таким же, как в наши дни. Сначала из солода вырабатывался пивной хлеб, или, как остроумно называли его шумеры, *баппир*, потом его крошили, опускали в бочку (кстати, бочки тоже они изобрели – как раз для такого случая), ну, а потом заливали водой из Евфрата и квасили…

– Прямо как мы!

– Нет, Талгат, вы квасите совсем по-другому! И мне, как автору будущего романа «Русская кочерга», это очень даже хорошо известно!

Натощак, до полусмерти,
утоляя к пиву страсть,
персонажи пьют как черти,
без закуски обходясь.
Пьют все дружно – коллективом,
каждый здесь – пока живой,
а закуска, отомстив им,
попадает в рот чужой!

Глава 52. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПИВА (ещё одно продолжение)

– Кстати, пили пиво тогда куда как эстетичнее, чем вы, хлебающие его из горлá с изданием всяких непотребных звуков.

– А гиппопотамцы эти как? – заинтересовался Муравлёв и даже подтолкнул рукой охранника, намекая на то, чтобы тот как можно быстрее доставал свою знаменитую книжечку «Для му.мы.»

Но Серёжа только клацнул зубами о край пивной бутылочки, надеясь высосать оттуда последние капли, и только поэтому его сегодняшняя рубаха осталась сухой, но всё-таки грязной.

– А эти названные нашим другом мифические люди пили своё древнее пиво через специальные тростниковые трубочки.

– Зачем же так манерно? – вопросил Курманбаев.

– Вовсе не манерно, – парировал рассказчик, – а для практической пользы – чтобы нерастворившиеся зёрна и *плевела* не попадáли в пищевод пьющего.

«Хорошо, что мы сейчас другое пивко пьём», подумал Афанасьич. «Без всяких там древнемесопотамских плевков!»

Ты не плюй в мои бокалы –
мне и так сегодня мало!

– Кстати, – продолжил лекцию писатель, – у шумеров даже была покровительница пивоварения – некая богиня Нинкáси.

– Как-как? – внезапно заинтересовался военный трубач.

– Нинкаси, – ещё раз повторил Володя. – А имя её означает «Та, которая так щедро напоила меня».

– Какое хорошее имя, мать честнáя! – откликнулся один любитель напитка.

– Какое хорошее имя, мать моя партия! – откликнулся второй.

– Какое хорошее имя, святой Малевич! – откликнулся третий.

– Какое хорошее имя, йодистое пиво! – откликнулся четвёртый любитель.

«Эко их всех переклинило», подумал Альбионыч, но тем не менее продолжил свою увлекательную лекцию.

– Так вот все эти месопотамцы так любили пиво, что полюбили и саму богиню, и даже сочинили в её честь гимн, который впоследствии историки датировали аж 1800 годом до нашей эры!

– А ты его знаешь? – почему-то волнуясь, спросил живописец.

– Конечно, – ответил Кулемзин, который, как уже убедился мой читатель, знал всё на свете. – Он так и называется –

Гимн Нинкаси

Расписной горшок – украшенье дома,
поливной горшок – для хранения пива,
и горшок-бычок, что хорош для слива
из кувшина пива!
Трубочки камышовые, кружечки тростниковые,
черпаки и ковши – вся кувшинная братия,
что пригодна для пития!
Пусть *дедушка* твой всегда о тебе хлопочет!
Отверстия крýжки – наши глаза,
сердцá наши – на дне чаши,
что тебе услада, то и нам отрада:
смеётся печень, и сердце радо!
На кирпич Суки-судьбы изольёшь возлияние,
а в душе своей возведёшь храм ликования!
Нинкаси, только ты и даёшь эту жизнь!
И наше пиво пусть всегда для тебя журчит,

медовуха пусть тебе сладко поёт,
через трубочки сладкой струёй бежит!
А вы, пивовары и кравчие[71] – со мною в круг,
пока, пивом наполненный, я кружусь, кружусь,
кружусь, блаженствуя, блаженствую, кружась!
Да, пива испив, я в веселии,
медовухи хватив, я в охмелии,
сердце я взвеселил, печень я ублажил,
сердце своё радостью наполнил!
Пусть же и сердце Нинкаси возрадуется,
сердце царицы небес да возрадуется!

[71] ***Придворный чин, отвечающий за подающих питьё – прим. ист. редактора***

– Классно! – восхитился Муравлёв и подумал: «Вот бы выучить наизусть и Наташе на день рождения спеть!»

– Ещё как классно, – подтвердил его слово Альбионыч, – особенно если учесть, что эти шумеры так полюбили своё доисторическое пиво, что даже освободили пивоваров от воинской службы!

«Да, жалко я то время пивоваром не был!», ёрзая на скамеечке от военных воспоминаний, хором подумали служившие в Красной Армии Талгат, Серёжа и Валера.

Но – раз взялся за дело наш герой, то непременно должен был завершить его. А делом этим был дальнейший рассказ легенды о происхождении пива.

– В Вавилоне, кстати, возникшем на территории шумерской цивилизации, уже существовали вполне определённые правила изготовления пива, своего рода ГОСТы, которые и были отражены в своде законов царя Хаммурапи, сына Син-Мубаллита, а ведь эти законы являются одним из самых первых юридических памятников Древнего Востока! И вот уже тогда, да 1800 лет до нашей эры, «Судебник Хаммурапи» предусматривал суровое наказание пивоварам, разбавлявшим пиво водой.

– Яйца им, что ли, отрывали? – со смехом поделился юридической тонкостью Полтавцев.

– Если бы, Серёжа, но всё было гораздо хуже, – серьёзно ответил писатель. – Таким преступникам предоставлялось право выбора: либо быть утопленными в бочке с испорченным пивом, либо пить его, пока не упадут замертво!

Как пристало одиночке,
говорил один осёл:
«Буду пиво пить из бочки –
пусть до смерти, только всё!»

– А я бы второе выбрал, – плотоядно улыбаясь, проговорил педагог, – и думаю, что человек, вооружённый марксистско-ленинским учением, никогда бы не скончался от такой чепухи, как *много пива*!

Глава 53. ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПИВА (окончание)

– Кстати, один чешский востоковед и лингвист по фамилии Грозный…

– Иван, царица лесная? – с глупым смешком перебил рассказчика сторож.

– Нет, Серёжа, – серьёзно ответил ему Альбионыч, – его звали Бендржих Миколасович. Так вот он обнаружил в Египте некие памятники старины, которые прямо указы-

вали на то, что пиво там варили уже в 2800 году до нашей эры, то есть 48 веков назад! А когда он лазал по всяким пирамидам, то среди других рисунков, которые оставляли там древние люди, нашёл и такие, которые показывали процесс приготовления нашего любимого напитка, и с удивлением узнал, что уже в те далёкие времена египтяне знали немало сортов пива – начиная от обычного ячменного, тёмного и светлого мягкой (прости, русский язык!) консистенции, светлого с тончайшим ароматом и обычного пива из смеси разных видов солода, и заканчивая пивом, для изготовления которого использовался пшеничный солод! Яйчики-бабайчики, вот лично я, как крупнейший историк двух веков, имею свою научную версию: как раз из-за того, что вся пшеница у древних египтян уходила на пивной солод, они и вымерли от голода, потому что пшеницы на хлеб у них просто не оставалось!

Жили люди еле-еле,
так что просто впору выть:
пиво пили, хлеб не ели –
так откуда ж жизни быть?

– А откуда оно там у них взялось? – полюбопытствовал Салихдзяныч, всё ещё пошатываясь после освобождения желудка.

– Пиво-то? В основном, из книжек некоего Геродота Ликсовича Галикарнасского, который был историком и, на всякий случай, записывал всё, что знал. Так вот он описывал пиво под видом «ячменного вина» – знать, крепкий был в те годы напиток! А его собрат, тоже историк Диодор Агириевич Сицилийский, будучи не знакомым с основными атеистическими трудами современного писателя Вл. Горького, вообще утверждал, что египтян научил варить пиво сам Осирис Гебович – один из наиболее почитаемых богов в древнеегипетской мифологии. Кстати, в древнем Египте качеством своего пива славились пивовары из Пелузиума – небольшого городка, расположенного в устье Нила. Так что, я думаю, отцеябловские производители «Тянь-Шаня» наверняка стырили рецепт именно у них!

– А что римляне, мать моя партия? – вклинился в лекцию Курманбаев, который почувствовал, что если сейчас не скажет своё весомое слово, то потеряет последний авторитет в коллективе.

– А что римляне? – эхом откликнулся Володя. – Они, придурки, пивом вообще пренебрегали, предпочитая какое-то древнеримское вино, да и то разбавляли его водой.

– И правда придурки! – резюмировал охранник. – А ты, Нуртай, в следующий раз думай, когда такую чепуху спрашиваешь.

После такого смелого заявления Серёжи авторитет несгибаемого коммуниста упал в коллективе ещё на 8,7 процента.

«Когда людей не уважаешь»,
мне говорил наш кадровик,
«годами славу наживаешь –
её теряешь ты за миг!»

– Но вообще-то пиво в его современном понимании, то есть напиток из солода и хмеля, появилось сравнительно недавно – в XIII-XIV веках, ведь до этого времени в пиво не добавляли хмель, а вот теперь стали! Во многих городах Европы сразу же возникли сословия мастеров-пивоваров, специализирующихся на изготовлении собственных сортов: так в Германии особую известность получили два сорта пива – *бок* из Мюнхена и *мумме* из Брауншвейга, а вот знаменитый английский *портер* появился только в конце XVIII века – в 1770 году.

– А чё, русского пива не было? – не оставил своего любопытства Полтавцев.

– Почему же не было? – пожал плечами Кулемзин. – Конечно, было. Уже в древних русских летописях встречается упоминание о некоем *переваре* – достаточно крепком напитке, который наши предки изготавливали из пива и мёда, а во времена Ивана III пиво вместе с хлебным вином, то есть водкой, уже начали официально продавать в царёвых кабаках. Кстати, в начале XVIII века, например, в Новгороде ведро простого пива стоило 4 алтына, то есть 12 копеек.

– Правда? – аж взвизгнул от счастья Афанасьич. – Вот бы в то время попасть!

– Тогда уж лучше попади в царствование Алексея Михайловича, – посоветовал ему рассказчик. – У этого русского царя был другой пивной тариф – он продавал пиво бочками, и стоила такая бочка всего 4 рубля!

На хрена мне ваши почки –
я и печень огорчу!
Мне ведро! Иль лучше бочку!
Я по курсу заплачу…

– Слушай, так этот царь, похоже, небедный человек был! – прозрел саксаульский левитан. – Если он, святой Малевич, всю пивную торговлю под себя подмял…

– Правильно, Валера, – не стал спорить Володя. – Но отмечу при этом, что четыре раза в год – на пасху, дмитриевскую субботу[72], масленицу и рождество сына *дедушкина* – крестьянам дозволялось самим варить не только пиво, но и брагу для домашнего питья. И я считаю, что именно от этого послабления на Руси и возникло то, что позже назовут самогоноварением!

[72] В традиции РПЦ – день всеобщего поминовения усопших, родительская суббота, отмечается в конце октября – начале ноября каждого года – прим. богосл. редактора

– Ёкарное самогоноварение! – счастливо повторил трудное слово трубач, и лектор порадовался за товарища, явно приходящего в себя после вчерашнего.

В сказках пóлно отражён
крепкий русский самогон!

– И в заключение моей высоконаучной лекции хочу отметить, что пивоварение в дореволюционной России не получило такого широкого распространения, как, например, в большинстве европейских стран.

– А почему? – вопросил военный музыкант, икая от сухости во рту.

– Нетрудно догадаться, – улыбнулся Альбионыч. – Да потому, что к тому времени приоритетным напитком для русских стало вовсе не пиво, а…

– Водочка! – хором закричали слушатели.

– Так что теперь вся наша надежда только на два предприятия в Республике Саксаулия – это отцеябловский пивзавод № 1, производящий «Тянь-Шань», да магазин с вывеской «Суперрмаркет Колема», где мы эти прекрасные *тянь-шанчики* ежедневно и покупаем.

После упоминания вывески художник Муравлёв срочно добавил в цинковые белила своего лицá приличный слой кармина, то есть, говоря человеческими словами, густо покраснел[73]. А, может, он просто вспомнил дорогую Наташу, которая сейчас наверня-

[73] История этой вывески – в главе 85 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

ка страдает от его отсутствия. Кулемзин был хорошим физиогномистом, поэтому мгновенно расшифровал выражение лица саксаулького репина и, будучи знатоком именно постинтоксикационного периода, дал живописцу совет из опыта своей жизни:

– Старик, на будущее: жениться сто́ит только на тех женщинах, которые способны понять тебя именно в состоянии похмелья. Это высший пилотаж семейного счастья! Я вообще думаю, что если жена приносит мужу опохмелиться прямо в постель, то она не только умница, но и красавица!

Вот подруга упорола –
так и дал бы ей пинка:
принесла жена рассолу!
Но ведь я просил пивка…

Глава 54. ПРО ЁПЕРНЫЙ КАЦБАХ

Все, в этот момент сидящие на покерной скамеечке, глубоко задумались над сказанным, и только писатель был спокоен – в данную секунду он был поэтом, так как, увидев, что остальные ушли в себя, не спеша сочинял очередную поэтическую нетленку. Правда, он успел мысленно сваять только один катрен:

В моих стихах – в обрывках и кусочках
каких-то мыслей целостности нет,
лишь только жизнь в моих простейших строчках,
каких не пишет ни один поэт…

, как его покой был нарушен каким-то звуком.

– Ой-ё-ё-ё-ё-ёй! – вдруг заполошно заверещал Серёжа. – Мать честна́я, царица лесная! Как же так?

– Что случилось? – встревожился Альбионыч.

– Володя, беда! Нет, даже две беды – одна в настоящем времени, а другая – в будущем!

– Ну, положим, о беде в настоящем времени я уже догадался, – спокойно отреагировал марсианин. – Наверное, пиво кончилось?

– Точно! – восхищённо вскричал Полтавцев.

– А вот насчёт будущей беды даже не знаю, что и подумать.

– А что тут думать? – скривил губу педагог. – Думаю, что в скором будущем Серёжа окончательно сойдёт с ума, Талгат сопьётся, а Валера разведётся.

«Какое хорошее будущее», подумал художник.

– Не угадал! – ещё раз вскричал сторож и отвесил Курманбаеву щелбан. Мусаич потёр пальцем раненое место и с ненавистью посмотрел на обидчика.

– Так что с будущим? – вопросил писатель. – Неужели оно по твоей милости навсегда скроется за фиолетовой занавеской грядущих веков?

– Не скроется, – торжественно пообещал бывший текстильщик. – Просто ты забыл рассказать про Кацбах – только сегодняшнего дня.

– Святой Малевич, какой ещё Кацбах[74]? – поднял бровь Муравлёв.

[74] Действительно, о сражении у реки Кацбах рассказано в главе 44 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– А такой, что Володя вчера и позавчера рассказывал нам, какие события произошли много лет назад. Не знаю, как вам, а мне лично это очень интересно!

Не в трактире, не в сортире,
но всегда из года в год
происходит что-то в мире,
что в учебники войдёт…

– Слушайте, а ведь правда забыл, – пробормотал Кулемзин. – Спасибо, старичок, что напомнил. Кстати, а почему ты про эти события в будущем времени говоришь, ведь они как бы уже случились – в давно прошедшем?

Тут охранник понял, что наконец-то наступил его звёздный час – пусть все знают, что именно в это мгновение он оказался умнее самогó гуру, а это, согласитесь, дорогого стóит.

– Потому что если мы узнаем про эти события, то в недалёком будущем, а именно вечером сможем опрокинуть за них рюмашку-другую!

– А также третью-четвёртую-пятую-шестую? – ошеломлённо покачал кудлатой головой Володя.

– Точно! – ещё раз повторил краткую формулу согласия Афанасьич.

– Конечно, расскажу, – не стал чиниться знатный историк. – Но вначале пройдёмся по настоящему, как и предлагал наш памятливый друг.

– А кто проходиться будет? – попросил уточнить Курманбаев. – Я имею в виду – ногами?

– А вот ты и пройдёшься, – улыбнулся Володя. – Ноги-то, надеюсь, не отсохли?

Педагог размахнулся и дал сам себе ещё один щелбан, правда, виртуальный, – в то же место, что и Полтавцев. «Дурак, зачем вылез?», горько спросил он себя. «Знаю же, какой паскудный коллектив подсунул мне в покер-партнёры *иблис*!»

Жребий мой весьма суров –
впору закричать:
чёрт подсунул игроков –
в дурака играть!

– Пусть кто-нибудь другой сходит, – внезапно заартачился Мусаич. – Я, если вы все пóмните, вчера аж три *ходки* сделал!

Это, конечно же, было чистейшим враньём, и все поняли, что зарвавшегося большевика нужно поставить на место. И пока Кулемзин вынимал из кармашка необходимую сумму, этим делом, то есть поставкой Курманбаева на место, неожиданно занялся охранник.

– Эх, Нуртай, забыл ты старую истину, которую мне втюхал Володя на днях.

– Какую ещё истину? – пробормотал педагог, не зная, как отбояриться от недалёкого похода.

– А вот какую. – Серёжа открыл заветный блокнотик, нашёл нужную страничку и прочёл с выражением:

Лучше иметь и не нуждаться,
чем нуждаться и не иметь!

– Резонно, – заметил ошеломлённый Володя, который совершенно не помнил, чтобы он диктовал Афанасьичу такую чепуху.

– И что это значит? – надменно вопросил Мусаич.

– Эх, Нуртай, – повторил заклинание сторож, – а ведь я тебя до сегодняшнего дня за умного держал!

Чтобы не развивать эту оскорбительную для зрелого интеллигента тему, педагог молча взял в одну руку предложенные деньги, в другую – котомку, после чего отправился строго на юг – в царство жуликоватой Калимы.

Все молча посмотрели ему вослед, как бы благословляя на великий поход, пока молчание не нарушил старший тромбонист Батыршин:

– Так что про ёперный Кацбах?

Альбионыч вздохнул и приступил к историческому обзору сегодняшнего дня – 28 августа, но много-много лет назад.

Чтоб про важные событья
никогда не забывать,
календарь тебе мы дарим –
в нём ты сможешь отыскать
даты, праздники и будни,
чи́сла и недели дни…
Наш подарок очень нужный –
посмотри и оцени!

Глава 55. ПРО ЁПЕРНЫЙ КАЦБАХ (окончание)

– Итак, сегодня, други мои, 28 августа. И не говорите мне, что это обычный день, и он страшно похож на предыдущие.

– Не будем, – ответил за всех Полтавцев и для верности даже перекрестился.

– Кстати, этот день – 240-й в году…

– Надеюсь, ты говоришь сейчас про григорианский календарь? – уточнил живописец. – Володя, рот закрой. Серёжа, рот закрой. Талгат, рот закрой. Нуртай, рот закрой.

– Про него, – сглотнув слюну, согласился историк. – А если бы сейчас на планете царил юлианский календарь, то сегодня было бы всего 15 августа, то есть тот день, который мы прожили почти две недели назад.

– Ты по делу давай, – сурово попенял ему Салихдзяныч, с нетерпением ожидая пивного ходока.

– Хорошо, – кротко ответил Володя и продолжил:

– Особенно памятен этот день так называемым верующим – открывают они утром календарь, глядь, а сегодня ни много ни мало – великий праздник!

– День Парижских Коммунистов? – под общий смех выдвинул версию Афанасьич.

– Нет, Серёжа, ты чуть-чуть промахнулся – сегодня у РПЦ праздник другой – успение так называемой богородицы.

Паства вся оторопела,
оценив вранья объём:
богородица успела
на успение своё!

– А, это та тётка, что Христосика родила? – на этот раз выдвинул правильную версию охранник.

– Точно! – подтвердил Альбионыч.

– А что это такое вообще? – застенчиво вопросил Валера.

– Успение? А ты попробуй спросить об этом у верующих, так они вряд ли тебе внятно объяснят: начнут гнать всякую лабуду, что смерть это не смерть, а сон, да ещё про

воскрешение души приплетут, а наиболее продвинутые из них даже вспомнят о том, что именно в этот день апостолы были *перенесены* (видимо, *дедушкой*) из разных мест в Иерусалим.

– Как это из разных? – поразился Николаич. – А разве они не все уже в раю жили?

– Дело в том, – терпеливо пояснил историк, – что к тому времени они ещё были как бы живы, а вот так называемая матерь божья только что *скончамши*, и вот это успение – тот научный факт, что она после своей кончины, как выражаются православные попы́, была *восхищена* на небеса, где её душа воссоединилась с телом.

«Ну и хрень собачья!», подумал немного верующий Афанасьич.

Вот такое, братцы, дело
на конце карандаша:
коль душа так рвётся к телу,
значит, слабая душа!

– А вот ты вчера и позавчера, и позапозавчера говорил, – проявил незавидную память военный музыкант, – что во все дни, когда мы играем в покер, проходили исторические сражения. Да возьми тот же Кацбах!

«Далась ему эта еврейская… тьфу, французская речка!», подумал Кулемзин, а вслух сказал:

– И этот день, Талгат, одновременно и стал и не стал исключением.

– Как это? – удивился Батыршин.

– А вот как: 28 августа 1739 года случилось сражение под Ставучанами – было такое село в местности, которая на современных картах обозначена как Черновицкая область Украины.

– И кто там кому навалял? – поинтересовался живописец Муравлёв.

– А наваляли там, как, впрочем, и всегда, русские туркам, а если говорить конкретно, то наши войска под руководством генерал-фельдмаршала Бурхарда Кристофа фон Мюнниха, которого русские солдаты, незнакомые, как наш друг Серёнька, с иностранными языками, звали просто Христофором Антоновичем Минихом, дали сражение турецкому войску Вели-паши́, сераскиру[75] Бендерскому, и, разумеется, победили!

[75] Главнокомандующий в старой Турции, позже – военный министр – прим. ист. редактора

«Мы за что их не любили?»,
недоумевал отряд.
«Турок русские побили –
не по-русски говорят!»

– Да где же этот иблис ходит? – нетерпеливо поглядывая на часы «Командирские», воскликнул трубач. – За это дело уже пора бутылочку «Маршала» оприходовать!

– Кстати, а почему этот день и исключение и не исключение? – на этот раз фантастическую память проявил Муравлёв.

– Фантастическая у тебя память, Валера, – удивился Володя. – Не исключением 28 августа стало потому, что планета всё-таки воевала, а вот исключением – потому что это была всего одна войнушка в этот день!

– А другие события были? – полюбопытствовал Полтавцев, вовсю тянущийся к ненужным знаниям.

– Конечно, были, – подтвердил Кулемзин. – Но они не такие интересные, как разные сражения. Например, ровно через полвека после этих Ставучан, то есть 28 августа 1789 года английский астроном Уильям Исаакович Гершель открыл спутник Сатурна, а его сынок Джон назвал его (спутник, а не Сатурн) Энцеладом – в честь древнегреческого гиганта Энкелада Тартаровича.

– А фамилия его как? – не угомонился сторож.

– А фамилий тогда не было, – объяснил историк. – Одни отчества…

Где по центру, где по краю –
светлые фонарики –
возле всех планет летают
небольшие шарики!

– А в 1883 году в этот день случилась катастрофа – неожиданно извергся знаменитый вулкан Кракатау, правда, обошлось без жертв, так как предусмотрительное правительство Индонезии, обеспокоенное постоянным дымком над вулканом, запретило своим жителям селиться ближе, чем за 3 километра от Кракатау.

– А в XX веке? – решил проявить любознательность Николаич.

– А в прошлом веке практически ничего интересного в тот день не произошло, – пояснил Альбионыч. – Вот разве что в 1968 году, когда я ещё ходил в 8 класс, сингл[76] «Hello, I Love You»[77] американской группы «The Doors»[78] в этот день был продан в количестве одного миллиона копий!

[76] Виниловая грампластинка, на каждой стороне которой помещалась только одна композиция. Их обычно называют сорокапятками – за скорость звучания 45 оборотов в минуту – прим. муз. редактора
[77] «Привет, я люблю тебя» – англ.
[78] «Двери» – англ.

– Что, за один день? – поразились все, кроме Курманбаева, который, как помнит мой читатель, всё ещё находился в сельпо Калимы.

– В том то и дело, – подтвердил писатель. – И этот рекорд не побит до сих пор!

А автор даёт редкую возможность своему читателю увидеть конверт этого сингла – на предыдущей странице 121.

И если кто присмотрится к са́мой последней строке конверта, то увидит, что на обратной стороне сингла была записана композиция «Love Street»[79], которую автор сего романа считает *самой лучшей* песней великой группы – с простыми, но такими красивыми словами:

Она живёт на улице Любви,
давно пребывает на улице Любви,
у неё есть дом и сад,
а я хотел бы видеть своими глазами,
что́ там и как.
У неё есть вычурные платья,
у неё есть шуты – ленивые шестёрки,
усыпанные бриллиантами.
У неё хватает мудрости,
она знает, что делать,
у неё есть я, у неё есть ты,
она умна и знает, как ей быть.
Я знаю, ты живёшь на улице Любви,
там есть магазинчик –
место встреч разных созданий.
Вот интересно, чем они там занимаются
летними воскресными днями,
да и вообще весь год?
Думаю, мне бы тоже понравилось…

[79] «Улица Любви» – англ.

Глава 56. УПРОСТИТЕЛЬ МИРА

Именно в этот момент на краткой трассе «Сельпо – БУ[80]» показался Курманбаев, который, не выиграв сегодня ещё ни одной партии, уже удостоился титула пивного скорохода, и через минуту вся описываемая в нашем романе компания самозабвенно употребляла очередную дозу *упростителя мира*.

[80] Бермудский Учпучмак – прим. автора

Нас дорога вдоль зовёт!
По «Тянь-Шаню» – и вперёд!

– Любая женщина, способная бегать за пивом, – сделав огромный глото́к, воскликнул Володя, – достойна, яйчики-бабайчики, даже не уважения, а безмерной любви!

Здесь все почему-то посмотрели на Нуртая, видимо, вспомнив, что он по гороскопу Дева, но Афанасьич решил спасти подмоченное (прости, русский язык!) реноме соседа по лестничной клетке и начал путано объяснять на нестабильном русском, знал который только он один, что Кулемзин сейчас имел в виду его подругу Зулю, а он сам (Серёжа, а не Кулемзин) любил её именно за умение без скандалов и женских причин принести бухло из магазина.

Впрочем, обижаться педагог умел весьма избирательно, и поэтому сейчас не обижался, так как игра ещё не началась, а он уже вкушает третью за сегодняшний день бутылочку «Тянь-Шаня», причём, заметьте, бутылочку бесплатную. Он попросил Полтавцева вырвать листочек из знаменитого блокнотика «Для му.мы.» и синим концом карандаша нарисовал на девственной целлюлозной поверхности три палочки, на всякий случай оставив место для будущей халявы:

Под косяк, забитый в «Яву»,
да под водочки стакан,
сладко пьётся на халяву –
можно выпить океан!

Осталось только добавить, что пламенный борец за дело мира на земле пил медленно и сосредоточенно, как Единодушное Одобрение семидесятых годов прошедшей эпохи. Правда, в какой-то момент он чуть не поперхнулся, когда спонсор мероприятия намекнул ему на то, что неплохо бы вернуть сдачу, на что Курманбаев, вытирая рукой залитую напитком маечку, стал горячо объяснять, что вот только что Калима повысила расценки на пиво, причём, весьма значительно. Все знали, что он врёт, а он знал, что остальные это знают, и от этого всем было неловко, кроме Володи, который в назидание будущим скороходам даже привёл евангельскую цитату – из Книги притчей Соломоновых: «Не заботься о том, чтобы нажить богатство; оставь такие мысли твои» (23:4).

Собираясь в жизни путь,
лучше с детства бедным будь!

И тут автор заметил сам себе, что он как-то всё больше рассказывает о пивных посиделках Афанасьича, Николаича, Салихдзяныча и Мусаича, а вот своего любимого героя Альбионыча как-то забывает. А ведь именно писатель среди всего этого коллектива любил пиво как раз таки больше всех! Когда он занимался этим полезным для себя трудом, то через какое-то время становился огромным, как цеппелин – порождение одноимённого графа Фердинанда Фридриховича фон Цеппелина, а вот когда изредка завязывал это занятие, то всегда сожалел, восклицая:

– Как почки жалко – вхолостую работают!

Вот и сейчас Володя припал к своей бутылочке с таким видом, словно только что совершил пеший переход через пустыню Гоби *насухую*. Ему было хорошо, и мой читатель сейчас сам убедится в этом, потому что именно этим словом начиналась следующая фраза писателя:

– Хорошо! Вот именно в такие минуты я чувствую вкус жизни, её течение, как она огибает меня, пенится, бесится, будто вода (прости, русский язык!) в джакузи!

Но у похмельного коллектива не было сил откликнуться на иностранное слово, и все промолчали.

Без поддержки и опоры,
беззащитные навек,
могут рухнуть даже горы,
а не то что человек…

– Знаете ли вы, други мои, – сделал марсианин слабую попытку новой лекции, – что всего лишь 26,4 литра пива достаточно взрослым людям типа нас для покрытия дневной потребности кальция?

– Нет, не знаем, – признались Серёжа, Талгат и Валера, но Нуртай, который считал себя умнее всех, этого не признал.

– А я вот, мать моя Октябрьская революция, читал, что не 26,4 литра, а ровно 26 с половиной!

Хорошо, что Володя давно не обращал внимания на такую чепуху, потому что тут же воскликнул ещё раз:

– Здоровое питание – это так просто!

Что впустую говорить,
мы́сля слишком криво:
главное, не есть, а пить,
и не чай, а пиво!

Здесь внимание всех присутствующих ненадолго привлёк к себе военный трубач, который присосался к своей бутылочке «Маршала», как изголодавшийся клоп к чьей-то раскормленной заднице. Сделав ещё один глото́к, он вдруг почувствовал, что к пиву ему страшно захотелось шершавого татарского вак балиша[81], но где его взять на просторах саксаульской родины, было неведомо.

[81] Дословно: маленький пирог – тат. Если же читатель хочет представить, как выглядят эти пирожки с мясом, то пусть попробует сообразить, почему слово балиш так похоже на беляш – прим. автора

– Как же я хочу ёперного вак балиша! – страшно заорал он, испугав при этом дворовых детей, которые до этого мотались вокруг покерного столика, как мелкие спутники вокруг Сатурна, сливаясь в широкое и неразличимое кольцо, крича при этом разнокалиберными голосами, а вот теперь смолкли. Душевное волнение Салихдзяныча неожиданно проявилось ещё и в том, что он решил насвистеть ариозо Мизгиря из оперы Римского-Корсакова «Снегурочка», правда, в результате этой попытки все собравшиеся за покерным столиком, временно переименованным в *банкетный*, услышали только какой-то шипящий звук, как из пробитого водопроводного шланга.

Кулемзин, как самый отзывчивый из всей компании, решил спасти товарища от психического расстройства, видимо, вызванного уездом любимой супруги Аиды Яковлевны из до́ма, и стал отвлекать его от татарских разносолов, как умел.

– Кстати, дорогие алкоголики, а знаете ли вы, что от пива можно похудеть?

– Как это? – хором воскликнули все, кроме пламенного большевика, потому что Нуртай воспринял новость молча, но, выражая (прости, русский язык!) скепсис, скривив свои и без того узкие губы в тонкую кривую линеечку.

Говорит прокуратура:
«Да, да, да, да, да, да, да –
у кого губа не дура, –
она умная всегда!»

Глава 57. УПРОСТИТЕЛЬ МИРА (окончание)

– Вот смотрите, – начал просвещение похмельного коллектива Альбионыч.

Все, как и предлагалось, дружно посмотрели на него.

– Как известно, одна калория, или, как пишут физики, 1 кал – это количество энергии, расходуемое на разогрев 1 грамма воды на 1 градус по товарищу Андерсу Нильсовичу Цельсию.

«Что-то сомневаюсь я», подумал Афанасьич, «что на 1 кал, даже иностранца, можно подогреть воду!», но вслух этого не сказал, а доверил свои сомнения только книжечке «Для му.мы.»

– Таким образом, – продолжил Володя, – если вы, например, выпьете 1 литр холодного пива, температура которого 4°, ваш организм затратит для его разогрева до температуры тела следующее количество энергии…

Здесь лектор подобрал веточку, валявшуюся в пыли под ногами, и начал писать в ней (пыли, а не веточки) какую-то формулу, приговаривая:

– 1000 граммов умножить на 33 будет 33.000 калорий. И, если учесть, что энергетическая ценность пива равняется 10.000 калорий, то получается 23.000 калорий чистого похудения, что, кстати, как утверждают наиболее продвинутые учёные, приравнивается к 30 минутам бéга так называемой трусцой!

«Да не буду я так бегать», не успокаивались мысли в шалой полтавцевской голове, «пусть трусцой одни трýсы бегают!»

– Следовательно, – завершил научный обзор писатель, а в данное время учёный, – чтобы похудеть, пейте больше пива!

Сообщение было настолько эмоционально сильным, что Батыршин, конечно, сразу же забыл про свой татарский пирожок, а захотел пива ещё – исключительно для похудения военного организма.

Пиво пей, поменьше ешь –
будешь бодр, здоров и свеж!

Вкус любимого пива для Талгата был подобен красной кнопке дистанционного управления для TV, которой попросту отключались все другие функции. Он залпом выпил сразу полбутылочки довольно крепкого «Маршала», но удержать напиток удалось лишь на мгновение – изнутри словно ударил кулак, и далее всё понеслось по давно отработанной схеме: прапорщик побежал в близрастущие кусты, и справедливый автор на этот раз констатирует, что педагог здесь был ни при чём.

– Э-э-эх, святой Малевич, – тоскливо вздохнул Муравлёв, глядя ему (прапорщику, а не Малевичу) вслед, – бросить бы всё да уехать далеко-далеко!

– Ты только не забудь оставить записку, чтобы Наташа не волновалась, – улыбаясь, посоветовал ему марсианин. – Уехал, мол, в Гондурас – лечить тропическую гонорею!

– А правду говорят, что пиво – это шампанское бедных? – спросил начитанный живописец.

– Чепуха! – развенчал его *потугу* Володя. – Это шампанское – пиво богатых!

Почесав довольно брюхо,
говорил мне старый граф:
«Чтоб во рту не стало сухо,
мне любой напиток – кайф!»

Мусаич, у которого халява никогда не отбивала инстинкта жадности, неожиданно так шумно стал допивать из своей бутылочки, как если бы некий великан попытался через соломинку добрать из гигантского стакана остатки коктейля с не менее гигантскими вишенками. Жидкость при этом засасывало, как в хорошо прочищенном унитазе.

Охранник, не желая отставать от соседа с высшим образованием, тоже начал втягивать в себя пиво с идентичным шумом, словно голодный пылесос – зазевавшихся блох.

– Эх, к такому бы пивку, – мечтательно закатил глаза писатель, – да парочку дохлых членистоногих…

– Чего, мать честнáя? – лицо Афанасьича немедленно вытянулось, как банан.

– Да раков, говорю, не хватает, яйчики-бабайчики…

Глядя на сомлевшего Полтавцева, Володя подумал о том, что пить «Жигулёвское» – это то же, что пить «Тянь-Шань», но только из потной прапорщицкой фуражки Батыршина. Наконец из кустов вернулся второй герой предыдущей фразы и стал тихо допивать остатки «Маршала». Володя грустно осмотрел своё прихлёбывающее воинство и подумал о том, сколько же сил и воли затрачивает человек, чтобы иметь возможность потакать своим слабостям.

Больше пива мне и баб –
я на жизнь запаслив:
в слабостях всегда я слаб –
оттого и счастлив!

За покерным столиком стало так тихо, что было слышно, как по его металлической поверхности топает пара захожих бактерий, но тишина эта, конечно, была условной – только для игроков, которые старались не отвлекаться от любимого занятия, а вот всем остальным, которых к тому времени значительно прибавилось на территории Бермудского Учпучмака, было слышно, что, например, дворовые дети во время своих страшно подвижных игр орали так, как обычно орут командиры гаубичных батарей во время боя. Доходящий до покерной скамеечки звук метался в панике по всей территории Великого Треугольника.

Глава 58. НАСЕЛЕНИЕ Б/У… ТЬФУ, БУ[82]!

[82] См. прим. к стр. 122 – прим. автора

В это время будущие сегодняшние игроки и уже сейчас присоединившийся к ним саксаульский живописец, погружённые в трясину пивной опохмелки, внезапно услышали справа от себя какой-то шум и возню. Все дружно обернулись и увидели привычную картину: возле Старушечьего Столика, или СС, как сокращённо называл его Кулемзин, собралась целая стайка жильцов дома № 17, в котором проживали двое из наших героев – Володя и Талгат. В центре стайки находилась неизменная старшая по дому Жанна Пантелеевна, или Ж. П., как опять же сокращённо называл её Альбионыч, потрясая какой-то бумагой, зажатой в правой руке, в левой же пока смирно, но явно готовая в бою, покоилась авторучка.

Зовём вас, женщины, вперёд, –
для созидательных работ!

– Опять очередное йодистое письмо подписывать, – с тоской произнёс Батыршин.

– Не говори, – с тоской подтвердил писатель, – совсем Жанна Пантелеевна в своём коммунальном раже распоясалась!

– А я считаю, мать моя партия, – обрадовано затараторил педагог, – что все жильцы, проживающие в доме, должны участвовать в этих мероприятиях, ведь это сплачивает коллектив людей, разделённых несущими и другими стенками данного строения!

Всё же разная оценка
нас, когда мы горячи:
все мы люди, только стенка
делит нас на кирпичи!

При этих словах все сидящие за покерным столиком посмотрели на Курманбаева с презрением, а Серёжа, который не понял ни слова из произнесённого, даже подумал: «*Дедушка*, какой придурок!»

Неутомимая Ж. П., которой не спалось во время душной летней ночи, придумала, как, наконец, сделать жильцов дома счастливей, и до са́мого рассвета сочиняла письмо какому-то Главному Коммунальному Начальнику. А идея её состояла в том, чтобы к их жилью прибыла бригада рабочих, которые, пользуясь вспомогательной машиной системы *кобра*, развесили по всем тополям, растущим по улице Жубанова вдоль до́ма № 17, некие вентиляторы, направленные лопастями на окна жильцов, и которые должны были включаться ночью – для обдува разгорячённых тел саксаульцев.

Правда, ни в письме, ни сейчас устно, она не могла правильно растолковать свою идею, и бестолковые, как ей казалось, старушки всё время переспрашивали одно и то же, отчего стихийный митинг стал напоминать вокзал во время войны, когда поездов для всех желающих уехать не хватает, а где-то невдалеке уже бу́хает артиллерия врага. Жильцы размахивали руками, что-то выкрикивая, и всё это было похоже на начальные дни первой русской революции.

Не хотим по-прежнему
жить, когда знобит:
пишем письма Брежневу, –
чтоб наладил быт!

Марсианин никогда не любил то́лпы и частенько завидовал Робинзону Крузо – до его встречи с Пятницей. Вот и сейчас в накале страстей определённо было что-то военное, и нашим героям в какой-то момент даже стало казаться, что вся сцена напоминает декорацию к фильму про оборону Сталинграда, и именно тот момент, когда в осаждённый город тайными тропами пробрался полковник Брежнев и научил сталинградцев, что им делать дальше. Особого гвалта прибавляло и то, что на сбор подписей явились исключительно лица женского пола, как будто по прихоти неведомого волшебника дом № 17 – общего проживания – ночью превратился в женское общежитие № 88. Писатель Кулемзин, приглядевшись, тут же придумал определение для такой митинговщины – ЖОПА. Но пусть мой читатель не подумает о нашем главном герое ничего плохого, так как этот только что сочинённый термин означал всего лишь

Женский
Отдельный
Полк
Авиации

А авиационная ассоциация пришла к нему потому, что гул, издаваемый этой относительно небольшой женской кучкой, вполне мог бы сравниться с гулом работающих винтов советского транспортного самолёта Ан-22, или «Антей»

Пикантности собранию придавало и то, что некоторые соседки, отчаявшиеся понять, что хочет от них Ж. П., продолжали обсуждать очередную серию бессмертной «Санта-Барбары», показанной вчера вечером:

– А этот-то, который Альфредо, такую *пачку* себе нажрал!

– Да, да, прямо как наш Володя…

Вскоре стихийный митинг неожиданно разросся: если вначале он выглядел как ЖОПА, то теперь здесь появились и мужчины: володин ненавистник омуртай и дядя Петя, муж тёти Нади. «Откуда же он взялся?», спросит автора читатель, и будет прав, так как такого персонажа в «Русской кочерге» не было на протяжении аж трёх томов, а вот теперь его откуда-то надуло ветром! И автор смиренно объяснит, что по Великому Плану Построения Романа дядя Петя как раз накануне описываемых в книге событий получил законную пенсию и несколько дней благополучно её пропивал, не выходя из дома, так как хранил в чулане целых пять трёхлитровых банок с самогоном, который – по велению новых времён – *гнал* вполне легально.

Кругом разговоры, одни разговоры,
принять ведь не могут простейший закон:
бюджетные деньги не тратить в оффшорах,
а пить лишь отечественный самогон!

И вот благодаря ему (и дяде Пете, и самогону) в этой относительно небольшой главе появилась уже вторая (прости, русский язык!) аббревиатура – как раз про это пойло, драгоценное для многих сердец и в России, и в сопредельной ей Саксаулии:

Самый
Авторитетный,
Многими
Обожаемый,
Горло
Обжигающий
Напиток!

Дядя Петя, вклинившийся в разгорячённый соседский коллектив, сразу же дал понять присутствующим, что на завтрак ел лук, но не просто так, как, например, Буратино, а исключительно в виде закуски, потому что самогоном от него несло даже больше, чем луком. Вторым сшибающим с ног запахом, несущимся от пришельца, был духан только что выкуренной сигареты из антикварной советской пачки «Прима»

Но в толпе его (дядю Петю, а не духан) практически не заметили, так как сосед этот был скучным и незначительным, как уже отъезженный автобусный билет. Вытянув баклажанные губы, он попытался было спросить у супруги, что здесь происходит, но она, увлечённая общей бедой, его не расслышала, и даже не увидела, как на его острой, как у киношного Дуремара, лысине, появилась какая-то светло-фиолетовая жидковатая отметина – тот знак, которым любят обозначать своё присутствие в небе пролетающие мимо воро́ны.

«Дайте, дайте мне бумажку!»,
закричал бузила.
«Мне на лысину какашку
птичка посадила!»

Дядя Петя плюнул от досады, вытер дырявым платочком лысину и пошёл домой – продолжать так хорошо начатое несколько дней назад. А общественница Ж. П., отчаявшаяся что-то объяснить туповатым старушкам, неожиданно нашла новое решение – она

подходила к соседке, тыкала ей в лицо бумагу и говорила: «Если хочешь в квартиру новый бесплатный вентилятор, подпиши!». Старушка выискивала в бумаге слово «вентилятор», тут же подписывала письмо и, счастливая от будущей халявы, продолжала те же бессмысленные разговоры ни о чём.

Мы по сбору подписéй
впереди планеты всей!

А закончился весь этот балаган тем, что старшая по дому наконец заметила сидящих на покерной скамеечке, подскочила к ним и тут же заставила подписать глупое письмо Альбионыча и Салихдзяныча, правда, Володя попенял ей на то, что такую спецмашину, чтобы не заморачиваться, сами работники называют *коброй*, а вот полное и настоящее её название АГП-22, или автогидроподъёмник с вылетом стрелы на 22 мэ.

– Глупости всё это, – парировала Жанна Пантелеевна и с листком, полным чужих автографов, поспешила на консультацию к начальнику КСК, забыв отвязать от дерева своего пса Борю.

Глава 59. НАСЕЛЕНИЕ Б/У… ТЬФУ, БУ! (продолжение)

Серёжа, увидев, что *корма* общественницы быстро исчезает в мареве начинающего теплеть дня, подскочил к карагачу и отвязал от него Борю, после чего уселся на скамеечку обратно. Благодарное животное тут же положило ему голову на колени, и сторож автоматически стал поглаживать замеревшего от счастья пса.

– Собачек любишь, святой Малевич? – полюбопытствовал художник, у которого никогда в жизни никаких собачек не было, а была только жена Наташа, которая иногда была хуже всякой собаки.

– Да не то что бы люблю, – задумчиво ответил Полтавцев, – а глажу так, царица лесная, на всякий случай.

– На какой же? – удивился Валера. – Чтобы ненароком не куснул?

– Нет, – убеждённо ответил охранник. – Я, как и мой друг Володя, мыслю более широко, глубоко и ещё дальше! Вот, скажем, я умру и стану *веществом*, а потом перейду, допустим, в собачку. Глядишь, к хорошему хозяину и попаду…

Все подивились острой направленности «ума» охранника, но комментировать его слова́ не стали.

Я от рая открещусь
и других картинок:
как умру, так превращусь
в чью-нибудь скотину!

Между тем, по случаю завершения стихийного митинга страсти улеглись, и собравшиеся соседи стали расходиться. Вскоре на бельевой площадке остался только муж Анны Петровны – единственный герой нашего романа, которого автор по воле другого своего героя, а именно Кулемзина, называл со строчно́й буквы – омуртай. Этот одноклеточный шоферюга, одетый в шмотки *от кардана*, дико вращал глазами, спрятавшись за железным столбиком на краю площадки. Ему было удобно прятаться за столбиком, так как он был тощим, словно смерть, – видимо, все питательные соки организма у него ушли на рост скелета. На его лице удавленника выдавался только нос – неровный, как горная дорога, а вся рожа – плоская и круглая, словно монета. Был нехороший сосед в том возрасте, который Володя кратко называл ПУС, или *песок уже сыплется.*

И, наконец, чтобы полностью завершить облик этого антиперсонажа нашего повествования, к нему надо было только прикрепить ценник с надписью «Ходячий суповой набор». омуртай ещё несколько минут повращал глазами, тихо бормоча какие-то грязные ругательства, пока не раздался голос его жены:

– Пойдём чай пить!

Тогда он вышел из-за столбика, с наслаждением плюнул в сторону покерного столика и с умным видом отправился в свою квартиру № 2.

В одной стране обычай был какой-то странный:
ежли́ кто плюнет дальше всех – тогда он главный!
Олимпиады проводили по плевкам,
и, в общем, жизнь была в стране той нелегка…
А самый главный – тот, который ими правил,
плевком в длину всех позади оставил,
рекорд поставив заодно и в высоту –
он выше всех заплюнул в пустоту!

Но такого, чтобы на пространстве Бермудского Учпучмака не было посторонних, может, в жизни и случалось, а вот на страницах нашей бессмертной «Русской кочерги» – никогда!

Вездесущих соседок пока не было видно, наверное, потому, что они до глубокой ночи смотрели понравившиеся им сериалы, но затем, чтобы собравшись завтрашним утром, поделиться своими сокровенными мыслями о поступках бесчисленных марио, хуанов, розалинд и донов педров. Поэтому выходили они (соседки, а не герои сериалов) попозже, а сейчас осуществляли необходимые утренние дела: кто ещё понеживался в постельке, кто уже допивал чаёк с сушками, размоченными в том же чайке́, а кто уже и застёгивал старенькие боты, непременно надеваемые на случай дождя, потому что радиопрогнозам погоды верить было совершенно нельзя!

Зато, ненароком выпятив свои выдающиеся ТТХ[83], отметилась появлением крайне раздражённая железнодорожная проводница Ира, у которой сегодня заканчивался отдых, а вечером в 19.11 отходил её поезд в Воркуту.

[83] Тактико-технические характеристики – прим. тех. редактора

Ту-ту, ту-ту –
на Воркуту!

А раздражение её проистекало от того, что она вчера так и не дождалась свидания с каким-то кавалером[84], которого накануне нашла по интернету. Он представился ей научным сотрудником Вадимом Сергеевичем Заславским и пообещал, что если у них всё срастётся, поехать с ней осенью куда-нибудь на юг – за его счёт.

[84] Об этом случае – в главе 142 третьего тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

В принципе, Ира была чрезвычайно милой, добродушной и застенчивой девушкой, правда, только в те редкие минуты, когда её никто не раздражал. Сейчас она нетерпеливо грызла семечки, ожидая почтальона Олю, которая пообещала принести ей с утра подписку на мужской журнал «Верзилка», где на последней странице публиковались объявления холостых мужчин, иногда даже с фотографиями.

Замечательный мужик
меня вывез в Геленджик!

Шелуха от железнодорожных семечек постепенно устилала всю площадку от володиного подъезда до асфальтированного входа в Бермудский Учпучмак, и писатель, с интересом наблюдающий эту картинку, подумал о том, что съесть стакан семечек – это то же самое, что выпить ложку растительного масла и облизать грязную пятку.

«Она так расцвела от своего *мужеловства*», подумал писатель и завершил эту свою мысль красивым писательским определением, «поэтому совершенно не удивительно, что все её мысли сейчас – об опылении!»

В это же время из подъезда стремительно вышла Жанна Пантелеевна, и Альбионыч страшно удивился, так как буквально несколько минут назад видел, как она также стремительно удалялась в сторону микрорайоновского КСК. «Яйчики-бабайчики, телекинез в действии!», лозунгово подумал он и даже в мгновение ока сочинил небольшой катренчик на мелькнувшую *придумку*:

Мыслью я толкать умею
спичек полный коробок:
глубоко я вник в идею –
даже рифму двинуть смог!

Когда Кулемзин увидел Ж. П., его мысли, и без этого скачущие без перерыва, заскакали дальше. «Конечно, и в 55 баба ягодка опять, но ведь не всем подряд нравятся сухофрукты!», подумал он, краем уха цепляя короткий диалог двух соседок:

– О, Ира! Как дела?

– Да знаете, Жанна Пантелеевна, не очень.

– А что так?

– Вот вчера вечером – звонок в дверь. Открываю, а там красавец-мужчина с голубыми глазами! С тортом, шампанским, цветами и пакетом фруктов. Оказалось, адресом ошибся, сволочь такая!

– Да? – невнимательно отозвалась старшая по дому и удалилась так стремительно, что даже не оставила за собой инверсионного следа, как это обычно делают быстрокрылые истребители в небе.

Наши женщины густо и часто
не питают любви к мужику:
им бы в избы горящие шастать
да коней тормозить на скаку!

«Как опьяняет любовь!», ещё раз взглянув на юную соседку, подумал марсианин. «Правда, водка дешевле…»

Глава 60. НАСЕЛЕНИЕ Б/У… ТЬФУ, БУ! (окончание)

После того, как все женские персонажи внезапно исчезли из поля зрения похмеляющихся игроков и примкнувшего к ним живописца, на территории Бермудского Учпучмака появились персонажи мужские, и автор торжественно клянётся, что он тут ни при чём, а просто именно так сложилась история к этой странице.

Первым из мужского населения БУ Альбионыч заметил своего соседа Имаржана – героя сантехнического труда Республики Саксаулия. Ему нравился этот немолодой мужик,

который пахал день и ночь, чтобы прокормить жену и сына-оболтуса. Он (Альбионыч, а не сын-оболтус) нередко встречал сантехника даже в почтовом отделении, где тот оплачивал коммунальные услуги, но чаще всего всё-таки виделся с ним в лавке Калимы, где тот добывал ежедневный подножный корм. Имаржана так переклинивало на своей работе, что даже находясь на отдыхе, он не мог не думать о каких-то манжетах и муфтах, клапанах и накидных гайках, заглушках и каболках[85], отводах и патрубках, диве́рторах[86] и грязевиках.

[85] Джутовая, льняная или пеньковая прядь, пропитанная смолой и антисептиком – прим. тех. редактора
[86] От английского divert – отклонять. Переключатель в смесителе между душем и носиком – прим. тех. редактора

Заработавшись, он иногда забывал самые элементарные вещи, знакомые ему с детства, и однажды в сельпо Калимы, куда его послала жена купить макарон, напрочь забыл, как они называются, и так как перед глазами всё ещё стояли какие-то сантехнические трубы, какими он сегодня *оперировал*, на вопрос продавщицы, что ему нужно, начал мучительно объяснять:

– Мне нужны трубы сечением от 5,6 до 7,0 миллиметров и толщиной стенки не более 1,5 миллиметра.

Хорошо, что одновременно с Имаржаном в тот же магазинчик заглянул писатель, который быстро разобрался в ситуации и помог осуществить необходимую покупку – пачку макарон.

– Спасибо, брат! – неожиданно повысил Володю в звании работяга. – А то ведь и до развода могло дойти!

Допустим, муж потребовал развода,
а вы найти замену не успели –
напомните ему: согласно КЗОТа[87]
он должен отработать две недели!

[87] Кодекс законов о труде – прим. юр. редактора

Имаржан в это время подошёл к покерному столику и степенно, как и подобает рабочему классу, поздоровался с присутствующими, слегка поклонившись. Все по очереди пожали руку герою труда, а Нуртай даже так обрадовался появлению соседа, что долго-долго тряс ему руку, после чего, вконец расчувствовавшись, обслюнявил его, как Брежнев Суслова во время вручения пятой Золотой Звезды.

Всё это происходило бы в полной тишине, если бы не два фактора: во-первых, прапорщик Батыршин уже це́лую минуту выражал своё отношение к педагогическим замашкам в учпучмакских кустах, и, во-вторых, не обращая никакого внимания на происходящее за покерным столиком и возле него, орали дворовые дети, которых было много, как у расчёски зубьев. Они кричали так, словно хотели прикончить всех героев «Русской кочерги» акустическим ударом, при этом продолжая кружить вокруг игроков, точно диск патефона, чудом уцелевшего на развалинах снесённого дома.

«Дети – это радость наша!»,
с похмела блюёт мамаша…

И здесь на поле будущей битвы неожиданно появились наши старые знакомые – заслуженные саксаульские клошары Танкист и Одиссей. С утра у них во рту не было… нет-

нет, о маковых росинках здесь речь не идёт… ни глотка́ никакого спиртного, и даже пива, и они устремились сердцами к тому, кто, как они верили, им в такой малости не откажет. Речь, конечно же, шла о Кулемзине, который изредка подкармливал (и подпаивал) этих бомжей в обмен на исполнение пронзительных песен из репертуара советских исполнителей (б) блатняка Аркаши Северного, Лёвы Пильщика, Кости Беляева, Вити Тюменского и Вали Сергеевой. Современных авторов так называемого шансона они не знали и знать не хотели, так как те, по их мнению, занимались исключительно бизнесом, к тому же многие из них никогда *не сидели*, а, значит, не могли в полной мере передать страдания честных бродяг.

Встав метров за пять от покерного коллектива, Танкист и Одиссей, не ожидая вступительных аплодисментов, затянули песню, которая, к удивлению слушателей, оказалась вовсе не блатная, а где-то даже лиричная:

Гул самолёта ветерок стирает –
инверсионный след, как шёлка нить,
я встретил вас сегодня у трамвая,
и вот решился вдруг заговорить.
Я так взволнован принятым решеньем,
стесняюсь, но по жизни не жуир:
«Мадмуазель, простите за вторженье
в хранимый ваш от посторонних мир!
Вам так идёт сиреневое платье,
и всё к лицу, я честен, видит бог,
мне полчаса назад сказали братья:
«Шерше ля фам!», и я у ваших ног.
Как жаль, что нет во мне былого жара,
хотя в чести́ у женщин до сих пор,
под пиджаком усталого клошара
стучит неровно пламенный мотор.
Простите, что так пафосно и пылко,
и с языком немного не в ладу,
мадмуазель, добавьте на бутылку,
и я клянусь, что сразу же уйду!»

Володя в полном восторге от услышанного схватил две бутылочки «Тянь-Шаня», приготовленные для себя и Нуртая, вскочил с покерной скамеечки и, отбежав от столика метров семь, поставил их на траву рядом с муравьиной кучей, после чего вернулся обратно. Бомжи, тактично дождавшись приземления этого безразмерного цеппелина, по какой-то замысловатой (прости, русский язык!) синусоиде обогнули покерный столик, добежали до угощения и, схватив каждый по бутылочке, жадно припали нечищеными пастями к их содержимому.

Между тем Альбионыч, поглядев на братьев-клошаров, неожиданно вспомнил, что на Руси таких издавна называли *бродниками*. Наконец братья допили пивко, и один из братьев, а именно старший по тюремному имени Танкист, с благодарностью поглядев на Кулемзина, громко произнёс:

– Да-а-а, как говорил один честный писака, в пацане всё должно быть в ажуре: и харя, и шмотки, и волына, и понты!

– Эт’ точно! – подтвердил младший бомж Одиссей, после чего оба-два, обнявшись, как будто собрались танцевать греческий танец *сиртаки*, отбыли в неизвестном направлении, на прощание, видимо, бонусом, подарив покерному коллективу куплет ещё одной песни:

– От звонка до звонка я свой срок отсидел,
отмотал по таёжным делянкам,
снег щипал мне лицо, ветер вальсы мне пел,
ну, а с Сукой-судьбой мы играли в орлянку[88]…

[88] Старинная и крайне примитивная азартная игра, основанная на двоичном счислении. Смысл её заключается в том, что игрок бросает монету любого номинала, и тот, кто угадает, какой стороной она упадёт, выигрывает. Не удивительно, что в песне сиделого человека, которому за решёткой больше нечего делать, упоминается именно эта игра – прим. автора

И, наконец, на авансцене описываемых событий появился ещё один персонаж романа, но только для того, чтобы тут же исчезнуть – это был старый володин друг Насиб Кураев, который решил сделать писателю подарок со своего участка – два овощных плода: патиссон, похожий на небольшую летающую тарелку, и совершенно гигантский цукини, такой большой, что Альбионыч даже сбегал домой и сфотографировал плоды, для наглядности поставив рядом спичечный коробок, после чего тщательно заархивировал подаренное в специальном разделе холодильника – до будущих времён. А чтобы мой читатель не сомневался в сказанном, автор нашёл и само фото:

На чудо я гляжу заворожёно,
и в голове зажёгся новый стих:
«Зачем ты приволок мне патиссоны,
ведь я ни разу не готовил их?!»

Глава 61. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ

Посмотрел сейчас автор на название этой главы, а потом перевёл взгляд вниз – на нумерацию этой страницы, и задумался: «Почто?». А задуматься было от чего! Кряхтя, слез он с завалинки, где грел свои старые кости, вошёл в избу и, тяжело дыша, снял с полки аж 6 килограммов своих нетленок, то есть три первых тома «Русской кочерги» – по два кило каждый. А для чего же он это сделал? Да всё просто: открывая по очереди тома́, Вл.

Горький находил в них то место, где в уже описанные понедельник, вторник и среду происходило то же самое, что сейчас отражено в названии главы, то есть утреннее начало покерных сражений в Бермудском Учпучмаке. И вот что он выявил:

■ в первом томе игра началась на странице 166, и это было понятно, так как в начальной книжке, кроме необходимого предисловия, которое заняло страниц 20, нужно было рассказать читателю обо всех персонажах, так что здесь всё было в порядке;

■ во втором томе было уже лучше – как и положено по Великому Плану Построения Романа «Русская кочерга», игра началась на 104-й странице;

■ том третий в этом плане практически не отличался от второго – здесь начало битвы произошло уже на странице109.

Так почему же в этом, четвёртом томе получился такой перехлёст? Да всё оттого, мой любезный читатель, что от книжки к книжке автор всё больше любит своих героев, жалеет их, и потому всё более подробно описывает их утренние страдания, но не с целью садизма, как это может показаться, а, напротив, с целью благородной: не пейте, мол, мои дорогие читатели, так же, как пьют мои герои, а то, не дай *дедушка*, не доживёте до седьмого, заключительного тома нашего великого повествования!

Изучай героев лики,
получай от них ты кайф,
и роман читай великий,
только сильно не бухай!

♠ ♠ ♠

И вот наконец-то началась первая партия. К началу битвы покерный столик выглядел вполне пристойно: в правом краю, где сидел *записывающий* Альбионыч, лежала покерная *раскладка*. Этот *кондуит* позволял не только отобразить текущий момент игры́, но и проанализировать все игры, случившиеся за день, а их, как правило, набиралось от шести до десяти за день, – в зависимости от интенсивности пивопотребления на душу учпучмакского населения.

Справа от *раскладки* располагалась длинная, как американская баллистическая ракета «Minuteman III», авторучка Володи, а слева, тревожно подрагивая от предвкушения интеллектуального сражения, лежала только что распечатанная новая колода карт – раритетный ныне «Золотой век». Кстати, впервые такие колоды были отпечатаны в Петербурге ещё в 1890 году, но печатаются и поныне. А чтобы у моего читателя было представление об этих красивых картах, приведу только одну *линейку* карточных персонажей, выбрав самых красивых – дам:

Как прописано в уставе,
чтобы был наш день велик,
нам *колоду* предоставил
Родион Петров – мясник!

Все пятеро персонажей этого тома, включая неиграющего Муравлёва, сидели на покерной скамеечке: слева строго смотрели друг на друга Курманбаев и Батыршин, а справа на противоположных сторонах *визави* находились ещё двое игроков, представляющие собой живую иллюстрацию к философии Декарта – здоровенный интеллигентного вида мужик, по виду писатель-народник, несомненно, олицетворял субстанцию *мыслящую, но не протяжённую*[90], и крестьянского вида индивидуум с пустотой в глазах, представляющий, напротив, субстанцию *протяжённую, но не мыслящую*[90]. Как мой читатель уже, наверное, догадался, это были Кулемзин и Полтавцев.

[90] Цитаты из труда Декарта «Размышления о первой философии» (1641) – прим. философ. редактора

Рядом с довольно худым – по причине затянувшегося алкогольного кризиса – старшим прапорщиком сидел такой же худой (по той же причине) живописец. Сколько его ни просили наши игроки, он упорно не хотел овладевать тонкостями *русской кочерги*, напирая в своём отказе на несчастное детство, несчастную юность, а также несчастную зрелость в виде поспешной женитьбы на толстушке Наташе. А автор, полностью согласный со своим героем, решил отметиться вот таким незатейливым стишком – в виде саксаульской притчи:

На ком надо жениться

«Жениться надо лишь на той,
что обладает красотой!»,
весёлый юноша заметил.
Но грустный так ему ответил:
«Дурнушку в жёны надо брать –
не страшно будет потерять!»
А третий был благоразумный,
он так сказал: «Женись на умной»
Им бросил старец, шедший мимо:
«Жениться надо на любимой!»

– Ну что, мои дорогие бойфренды, начнём? – улыбнулся писатель.

– Почему это бойфренды? – вдруг взвился Полтавцев, по наитию сумевший перевести сложное для него иностранное слово как *мальчики-друзья*. – Ты что же, мать честнáя, нас за пидоров держишь, что ли?

– Серёжа, – укоризненно посмотрел на товарища Кулемзин, – яйчики-бабайчики, как ты можешь? Это совсем не то, что ты подумал. Данное слово, а именно *бойфренд* – составное, и делится, как ты правильно подумал, на два, но не совсем тех: первое слово бой – русское, а вот второе как раз английское – друг. Так что всё вместе означает всего-навсего боевой товарищ!

Ни на что не претендуя,
хоть с утра изрядно пьян,
в *кочерговый* бой иду я
вместе с другом – из славян!

Глава 62. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (продолжение)

– Итак, – видя, что страсти после объяснения улеглись, предложил Альбионыч, – пора, как говорят в Одессе, начать другим путём!

Кстати, то, что он проделал до короткого конфликта со сторожем, ещё не было ни игрой, ни даже её началом – просто именно так, по большему номиналу карты определялся первый ход битвы. Володе, Нуртаю и Талгату пришли три разных восьмёрки, а вот Серёже – пиковый король, и, значит, именно ему предстояло сделать не только первый ход в игре, но также и сделать первый заказ, что он радостно и произвёл, громко выкрикнув в пространство:

– Одну, царица лесная!

Пробегавшего мимо дворового ребятёнка звуковой волной отбросило на 0,4 метра назад, но он, закалённый в детских играх, быстро пришёл в себя и побежал дальше, старательно расплющивая ногами пространство Бермудского Учпучмака, а также наглядно опровергая придумку древнегреческого учёного Пифагора Без Отчества Самосского о шарообразности планеты.

Знает даже малый птах,
жизнью пополоскан:
коль наш шар на трёх китах,
значит, он суть плоскость!

Следующим за Афанасьичем должен был произносить свою заявку Курманбаев, но замешкался, хотя чаще всего вслед за заявкой в одну взятку следовали три паса. А дело было в том, что когда Серёжа своими кривыми пальцами сдавал этот короткий роббер, он бросил карту по направлению к педагогу не очень квалифицированно, и она не просто упала перед Нуртаем, а как бы легла сверху на золотистую зажигалку Талгата, и в этот момент он (Нуртай, а не Талгат) заметил, что в зажигалке, как в маленьком зеркальце, мелькнуло что-то чёрное.

Памятуя о том, что роббер разыгрывается на пиковых козырях, пламенный большевик начал мечтать о том, что вот сейчас – в са́мом начале партии – он, если только закажет тоже одну взятку, не только возьмёт свои 50 очков, но и отбросит на те же 50 в минус одного конкурента, правда, не самого умного в игре, но всё же, а именно сто́рожа, и вот тогда дальше уже будет значительно легче. Все эти шалые мысли в один миг пронеслись в воспалённом воображении Курманбаева, но Володя со свойственной всем писателям проницательностью недаром называл вот такие моменты трусливой нерешительности *ссыкундой*!

– Пас, мать моя партия,– натужно выдавил из себя педагог, после чего отпасовались и остальные участники процесса.

Тут же выяснилось, что острое зрение не подвело Нуртая: Серёжа открыл карту, которая оказалась козырной тройкой, а вот Нуртай, когда перевернул свою карту, чуть не заплакал от огорчения, ведь это был ни кто иной, как плавающий гранд в виде козырного пикового туза. Поэтому первая же запись в *раскладке* оказалась следующей: С – минус 50, Н – плюс 2 (удвоенный перебор), а В и Т – по 10 очков (удвоенный пас).

О, трусость – ненавистнейший порок,
и надо тут особенно быть мудрым,
чтоб сделать через страх простой рывок
и смелость сохранять в житейских буднях!

Особенно радовался своей «победе» всё ещё не разжалованный старший прапорщик.

– Курочка по зёрнышку клюёт, – важно произнёс он старинный русский трюизм, который Кулемзин ещё в советские (б) времена называл главным лозунгом так называемых *несунов*, кои воровали на производстве не *избирательно*, а всё, что попадётся под руку, приговаривая при этом ещё один русский трюизм: авось, в хозяйстве пригодится!

Дальше дело пошлó проще: до роббера шестого-седьмого никаких подводных камней замечено не было, и все брали то, что заказывали, за исключением редких случаев, когда кто-то – в надежде на Великую Халяву – пытался обмануть Суку-судьбу. Но даже эти пролёты на одну взятку, или 25 очков, не могли существенно повлиять на общую картину начавшегося сражения. Так, Батыршин, проиграв в седьмом роббере пресловутую взятку, дурея от собственной храбрости, воскликнул дрожащим голосом:

– Ещё не всё потеряно! Правда, ёперный Валера? – после чего подтолкнул художника под руку, которая в этот миг направляла бутылочку пивка в раскрытую пасть.

Муравлёв подавился, заперхал, отставил бутылочку и, неслышно матерясь, стал оттирать пивные пятна с маечки, но товарища в трудную минуту решил не оставлять, выдавив из себя очевидную ложь:

– Правда, святой Малевич.

Высказался по этому поводу и штатный афоризматик Бермудского Учпучмака Альбионыч, поэтому автор своей волей оформил его фразу именно как афоризм:

Если ничего не потеряно, то где оно?!

Вино надежды разлитó –
чего уж тут итожить?
Ведь ищем мы с тобой Ничто,
и всё найти не можем…

Не отстал в стремлении поддержать товарища и бывший текстильщик.

– Не расстраивайся, Талгат! Удача – она ведь как баба, – объяснил военному трубачу Серёжа.

– Как это? – заинтересовался Муравлёв, хотя участия в игре не принимал вообще.

– А так, – продолжил объяснение бывший житель деревни Семижопино, – она любит, когда ею пользуются, как только такая возможность представится, а вот если не ублажишь сразу – может и сбежать!

Несколько секунд все сидели молча, переваривая деревенскую мудрость охранника Полтавцева, впитанную им ещё в босоногом детстве от бабушки Федóры из вышеуказанной деревни.

Не остался в стороне от оценки произошедшего и пламенный коммунист: вначале он хотел фальшивым голосом успокоить музыканта какой-нибудь цитатой из классиков марксизма, но вспомнив, как именно реагирует Салихдзяныч на подобные цитаты, говорить ничего не стал, а просто стал меняться в лице, играя цветом: вначале он, как бы от волнения за судьбу товарища, сделался бледным, а потом резко покраснел.

– Нечто похожее, – произнёс Альбионыч, внимательно разглядывая педагога, – до сих пор можно увидеть в национальном парке Перу – на выставке хамелеонов.

Хамелеон, хамелеон –
в стихах совсем не отражён!

Но, навернувши полбатона,
я отражу хамелеона!
Теперь, читатель, ты поверь:
увековечен этот зверь!

Глава 63. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (ещё одно продолжение)

И тут неожиданно открылся рот у Валеры, который, как известно, в игре не понимал вовсе.

– Я думаю, Талгат, что ты всё сделал неправильно, – мягким голосом проговорил он. – Я бы *на твоём месте* забрал уже вторую взятку своим младшим джокером, а не стал бы ждать, пока его на четвёртом ходу заберёт Нуртай.

Батыршин открыл рот и долго через него дышал, пока не выдавил из себя:

– Валера, ты когда уже начнёшь с нами йодистой игрой заниматься? А то только сидишь рядом да бухáешь!

Муравлёв понял, что здесь надо найти причину повесомее.

– Вот если бы вашу игру включили в список олимпийских игр, тогда другое дело, – наконец нашёлся он. – А то как-то несерьёзно, не подтверждено, понимаешь ли, международным движением. Был бы здесь сейчас святой Малевич, он бы подтвердил!

Распалившись до упаду,
воплощением легенд,
проведём олимпиаду
мы по *русской кочерге*!

– А ведь в словах нашего друга есть рациональное зерно, – неожиданно закрепил его мысль Володя. – Правда, всего одно…

– Почему? – заинтересовался Серёжа и, на всякий случай, приготовил заветную книжицу «Для му.мы.»

– Да потому, что наша великая *русская кочерга*, как вид спорта, совершенно не отвечает олимпийскому девизу, а он, как известно изучающему некоторые иностранные языки Полтавцеву, звучит как яйчики-бабайчики… тьфу, «Citius! Altius! Fortius!», что переводится как «Быстрее! Выше! Сильнее!»

Афанасьич немедленно кивнул тыквой, подтверждая правильность сказанного.

– А вот возьмите нас, – продолжил после кивка Кулемзин. – Где тут, например, быстрее? Правда, так иногда играет Афанасьич, но чем это заканчивается, знает, наверное, не только он один.

– Да уж! – со смехом согласился Муравлёв, но после уничтожающего взгляда сторожа понял, что только что нажил себе ещё одного врага.

– Или возьмите выше, – крайне печально произнёс писатель. – Или, что ещё смешнее, сильнее… Ни мифической вышины, ни, тем более, мифической силы здесь нет и быть не может!

Буду пить я беспробудно,
потому что, *та-та мать*,
в мозговой игре так трудно
силу духа показать!

– А как же тогда? – ядовито сузив губки, вступил в разговор педагог. – Без лозунга, то есть девиза, никак!

– Да придумать девиз не проблема, – отмахнулся Альбионыч, и Нуртай в который раз остро позавидовал его титаническому уму.

– И всё же, мать моя КПСС?

– Наш девиз, други мои, в контексте русской кочерги должен быть предельно конкретным – всего в одно слово:

SMARTERUS!

– Точно! – выдохнул короткий отклик охранник. – «С матерью!». А ещё лучше: «С такой-то матерью!»

– Эх, Серёжа, переводчик ты, конечно, знатный, но не с латинского.

– Не угадал, мать честнáя? – опечалился переводчик.

– Не расстраивайся, это же я назвал по-латински, – оправдался Володя. – А ты, как нам всем известно, блестящий знаток английского языка. Поэтому запомните все: то, что я сейчас сказал на этом мёртвом языке, означает по-русски – «Умнее!»

Полтавцев ближе придвинулся к марсианину и тихонько осведомился на ушко:

– А чего этот язык мёртвый?

– Болел долго, – так же тихо ответил Кулемзин. – А потом совсем сдох.

– Жалко, – пробормотал сторож и тут же записал в свой знаменитый блокнотик: «Не забыть вечером помянуть латинский язык. Видать, недолго пожил, бедолага»

Закусив бутылку дыней,
что достал из казана,
помяну бухлом латынь я –
всё же мёртвая она!

Но не думай, читатель, что во время всех этих разговоров больше ничего не делается, ибо даже за праздной болтовнёй ни на минуту не прекращается игра в *русскую кочергу*, не расслабляются наши герои, напряжённо *моча* друг друга в каждом роббере. А их (роббеpов, а не героев) прошло уже ни много ни мало 11, и осталась всего одна длинная игра – в 12 карт – до второй *тёмной*, ибо *тёмная* первая, если ты помнишь, была в сáмом начале партии. Надо заметить, что эта вторая *тёмная* была очень важным рубежом в игре, ибо здесь все выигранные, равно как и проигранные, очки удваивались! Но вот прошёл и этот роббер, и настал момент истины – локальный, но всё-таки момент.

Хуже всего приходилось Полтавцеву, который, пролетев в сáмом начале, к середине партии так и не выбрался из минуса, и сейчас в его *раскладке* было записано всего минус 8 очков. Глядя на 12 карт, в которые до заявки нельзя было подглядывать, он думал трудную думу: «Вот закажу, например, четыре, а если пролечу хотя бы на одну взятку, то мой минус будет ещё больше! Так что, пожалуй, скажу три…»

– Три! – озвучил он своё решение.

А дело было в том, что на средней *тёмной*, даже если очень опасаешься пролететь, нельзя было заказывать взяток меньше трёх, поэтому решение Серёжи было оптимальным. Но, как выяснилось вскоре, его персональная Сука-судьба не дремала!

Почему меня все хают –
особливо мужичьё?
Знать, Фортуна – мать плохая:
я ведь пасынок её!
Но и я сынок плохой –
в голове сплошной пробой…

Остальные, словно следуя за охранником на верёвочке, заказали тоже по три взятки и, наконец, открыли карты. На удивление, они (карты, а не остальные) пришли к Афанасьичу неплохие, и он, тайно помолясь царице лесной, начал роббер. Карты летели на покерный столик, как из пращи, взятки молча сгребались по его углам, игроки пыхтели, но сражались самозабвенно. И вот тут произошло то, о чём автор сообщал тебе, мой читатель, ещё в первом томе нашёго искромётного романа – в главе 93: экс-текстильщик, сдуру хапнув своими неплохими картами законные три взятки, которые и заказывал, зачем-то (а, скорее всего, на всякий случай!) оставил на конец роббера пиковую семёрку, или Его Величество Покера. Если бы он сейчас не произнёс ничего, то это был бы именно непобиваемый покер, и взятка автоматически была бы приписана охраннику, поэтому последним ходом Полтавцева был такой – бросив покера на столик, он радостно произнёс:

– За простую, мать честнáя!

В этом случае самая главная карта в игре превращалась просто в банальную семёрку пиковой национальности. Но было совершенно не удивительно, что к концу такого напряжённого игрового момента, когда каждый ранее старался забрать своё, ни у кого из игроков к этому времени просто не осталось ничего крупного. Будь, например, у Володи хотя бы пиковая девятка, и он, к этому моменту уже набравший свои три взятки, просто бы забрал четвёртую – переборную!

«У тебя мозгов нехватка»,
говорил мне генерал.
«Перебрал вначале взятку,
после просто *перебрал*!»

Теперь же именно это пришлось сделать сторожу. Он тупо смотрел на выигранные четыре взятки, хотя и заказывал три, и ещё пока не понимал, почему все вокруг вдруг стали посмеиваться и шутливо зажимать носы. «Чего это они?», хотелось воскликнуть *пролетевшему*, но всё объяснил записывающий писатель.

– *Жопа*, Серёжа, – весело объявил он, – или проще говоря, яйчики-бабайчики!

И это было так: как помнит мой читатель, до этой *тёмной* у Афанасьича было минус 8 очков, а после выигранных четырёх взяток стало тоже 8, то есть удвоенных 4, и поэтому сейчас вместо какой-то внятной цифры в столбике, помеченном в *раскладке* буквой С, появился кружок с точкой внутри. А если мой читатель забыл, как он выглядит, пусть откроет уже упомянутый первый том и поглядит уже упомянутую 93 главу, после чего освежит сей рисунок в памяти.

Вот такие кульбиты иногда устраивает в общем-то незлобная Сука-судьба для тех, кто сильно хочет научиться хорошо играть, но не может – в силу интеллектуальной ограниченности мозгового ума.

Мозг мой как под скорлупою –
так какой с придурка спрос?
«Почему такой тупой я?»,
задаю 100 лет вопрос.

Глава 64. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (и ещё одно продолжение)

Правда, одним личным неприятным моментом для писателя было то, что взявших свои заказы было двое – он сам и Нуртай, так как в результате серёжиного перебора од-

ну взятку недобрал Салихдзяныч, который и оказался самым пострадавшим в этой ситуации – на минус 50 очков.

Курманбаев же сидел гордый, как горьковский буревестник, хотя и понимал, что Володя, имевший на руках неплохие карты, мог бы с лёгкостью его опрокинуть. Почему же не сделал этого Альбионыч? Неужели в последний момент его обуяла ненужная идея альтруизма, а также бескорыстия, самоотвержения и доброты? Конечно, нет. При всей своей нелюбви к педагогу великий покерный гуру всегда был рационалистом в игре – вот и теперь, посмотрев в *раскладк*у до этого роббера, он увидел, что Мусаич отстаёт от него на 87 очков.

И что? – спросит читатель, который ещё не сыграл ни одной партии в *русскую кочергу*. И то, ответит автор, что если бы Кулемзин опрокинул ленинца на одну взятку, то перебрал бы сам, и в этом случае позиция была бы следующей: минус 50 у Нуртая и плюс 4 у Володи, а всего 54 очка в его пользу. Вот поэтому он и решил сохранить, как говорят снукеристы, *комфортное* преимущество – в 87 очков! Теперь понятно?

Не спешите – просто взвесьте,
приведёт куда вас нить:
лучше сделать шаг на месте,
чем немного отступить!

Понимал это и Курманбаев, поэтому – в силу своей пропадлючести – решил поблагодарить… конечно, не Альбионыча, а весь коллектив!

– Спасибо, друзья, – проникновенно произнёс он, прикладывая руку к сердцу. – Спасибо вам, мать моя партия, за скромную оценку моих выдающихся способностей…

И в эту же секунду старший трубач забыл о том, что только что пролетел, а вспомнил о том, что ему срочно нужно лететь в учпучмакские кусты – на предмет вещественной оценки слов противного иблисоида, что он поспешно и сделал.

Через какое-то время Батыршин вернулся к ожидающим его игрокам, по дороге вытирая плохо пахнущие губы сорванным листиком, тяжело плюхнулся на скамеечку и сделал предложение:

– Предлагаю поставить на голосование: расстрелять ёперного Курманбаева как врага нашего ПОЛКá[91]!

[91] Напомним ещё раз читателю, что эта таинственная аббревиатура переводится как Партия Откровенных Любителей Карт – прим. гл. редактора

Конечно, это было слишком суровое наказание для педагога, и голосование сорвалось, даже не начавшись, хотя каждый в душé был бы не против просто взять да и повесить Мусаича за яйца – чтобы не тратить на него пулю!

Объяснит литература,
коя жизнь перемудрит:
что дешевле – пуля-дура
иль верёвки метра три?

Но – вернёмся к сáмой первой партии этого непростого дня, ведь была сыграна только первая её половина, а вторая – самая интересная – была впереди. Теперь нашим игрокам предстояло сыграть точно такие же робберы, что и в первой половине игры, только как

бы в зеркальном порядке, по нисходящей – от 12 карт до одной, плюс последнюю, решающую *тёмную*.

Плохо слушающими руками Салихдзяныч сдал всем, кроме неиграющего живописца, по 12 карт, открыл пришедший роббер и глубоко задумался. Карта, как нарочно, пришла к нему хорошая, но вот что с этим делать, он решительно не знал. При таком раскладе можно было взять и семь, и восемь, и даже девять взяток, но правила ограничивали количество заказов до пяти. «Погублю всех!», пришла в его голову простая гитлеровская мысль. «Буду играть блеф!». Ещё раз окинув карты адольфовым взором, он, как бы сомневаясь, с трудом выдавил из себя:

– Три.

Сделали свои заказы и остальные участники битвы, причём, пять взяток заказал Афанасьич, которому вдруг показалось, что сейчас кто-то из соперников обязательно перевернёт игру, объявив мизе́р. Что это было – *дедушкино* знамение, неожиданно проснувшаяся интуиция или просто блажь ещё не конца очухавшегося от вчерашнего алкашика? Суровый и непростой вопрос, но и на него автор ответит уже через некоторое время, подумав про себя: «И не на такие вопросы приходилось отвечать в жизни!»

Без бакланьих прибауток,
но пройдясь по всем статьям,
жизнь вопросы ставит *круто* –
отвечаю *всмятку* я!

В это время Серёжа ещё раз перебрал пришедшие карты и неожиданно увидел ранее не замеченного покера. Увидев главную карту в игре, он сразу заулыбался, обрадовавшись ей как ребёнок Виталька приходу Деда Мороза из местного тюза. И это, конечно же, не ускользнуло от внимания остальных игроков, которые теперь, кроме мыслей о предполагаемых заказах, стали ещё думать, а что же означает эта дебиловатая улыбка.

Кулемзин за свою многолетнюю игровую жизнь не раз выкручивался из таких ситуаций, поэтому сейчас решил не заказывать четыре, как хотел вначале, а заказал только две взятки. Военный музыкант так и не понял, почему улыбался Полтавцев и просто решил, что сторож – полный придурок, что, конечно, было недалеко от истины, поэтому Талгат, прикинув так и сяк, укрепился в своём решении долбить всех без разбора. Больше всех этой искренней улыбке идиота испугался Курманбаев, который по опыту знал, что Афанасьич просто не умеет блефовать, а, значит, на руках у него что-то такое, от чего можно прийти в ужас.

– Пас, – наконец вымучил он, а про себя подумал: «Лучше случайно перебрать одну-две взятки, чем откатиться назад, увеличив разрыв с главным оппортунистом Бермудского Учпучмака Кулемзиным!»

«Жаль», в это время додумывал мысль охранник, «что у меня только один покер – без поддержки какого-нибудь младшего, а то бы я ещё и свой мизе́р объявил!». И так мысль о мифическом мизере засела в его угловатой голове, что в момент, когда все сделали свои заявки, он неожиданно воскликнул:

– Мизе́р, мать честна́я!

Весь от счастья замирая
в миг сей переломный,
на мизе́ре я играю,
потому что скромный!

Но вот игра наконец-то началась. «Кого бы саданутъ для начала?», с арийским безразличием подумал знаменосец. «А, впрочем, с такой йодистой картой – всех!», после чего двинул вперёд тяжёлую артиллерию:

– По покерам!

Да-да, не удивляйся, мой читатель, именно такую формулу произносят игроки, когда хотят выбить *единственный* покер в игре, и в этом случае остальные участники просто сбрасывают самые плохонькие, маленькие и ненужные карты, что сейчас и произошло. Правда, сделанный Батыршиным ход стал таким шоком для охранника, как владельца покера, что он сбросил его так же, как остальные, да ещё и пролепетал:

– За простую…

Следующую взятку забрал Володя, у которого был единственный младший джокер – не дожидаясь, пока его (джокера, а не Володю) кто-то выбьет оставшейся са́мой сильной картой в игре – старшим джокером, после чего затаился со своим червовым тузом – при бубновых козырях. И вскоре выяснилось, что его расчёт был верным – как правило, после взаимного уничтожения *грандов*, приходила очередь крупных козырей, которыми все, кто их имел, старались взять своё, а уж потом наступал последний этап битвы – в игру вступали *разномастки*, и вот тут роль тузов была решающей.

Дождавшись, пока Нуртай, который чувствовал, что уже пролетает на одну взятку, с замиранием сердца не кинул червового короля, Альбионыч забрал его своим тузом, что в итоге и составило искомые две взятки.

Без напруги и тревоги,
соответственно уму,
я своё забрал в итоге –
мне чужое ни к чему!

После роббера выяснилось, что Серёнька не только пролетел на плохой игре, недобрав сразу две взятки, но также ещё получил и штраф – за объявление мизе́ра при одном только покере. Все, как могли, принялись утешать страдальца, но он был безутешен. Надо было что-то делать…

Глава 65. СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПО БОЛЬНИЦЕ

И вот тут все присутствующие, включая Муравлёва, попросили у *записывающего* марсианина тайм-аут. И то: напряжение от последних трёх робберов, которые все были по 12 карт (до *тёмной*, сама *тёмная* и после *тёмной*), возросло, как в проводах знаменитой советской (б) высоковольтной линии ЛЭП-500, то есть до 1150 киловольт! Игрокам стало казаться, что не только их го́ловы, но даже покерный столик страшно раскалился, а Серёнька Афанасьич даже проверил эту догадку, плюнув на палец и прислонив его к металлическому листу, правда, не услышав даже слабого шипения.

И всё же наваливающаяся на город жара уже чувствовалась в августовском воздухе. Солнце, которое уже можно было визуально заметить сквозь скудные кроны карагачей, плавилось в небе, как кусок оранжевого мороженого, и только что упомянутые карагачи, изнемогшие от зноя, стояли не шелохнувшись, да и с чего им было хоть немного качать ветвями, когда ветерка в эту пору, как утверждал архив местного Гидрометцентра, в Отцеябловске не было с 1913 года.

В черепах сопокерников и примкнувшего к ним Валеры было горячо, словно вместо мозгов некий садист напихал туда горячих камней, и чтобы эти камни не прожгли

дыру в костях и не вывалились из *тыквы* на траву, надо было выпить какой-нибудь холодной жидкости, а вот какой именно, вопрос даже не стоял.

Без дурного мазохизма,
исключающего грех,
охладим мы организмы
тем, что любим больше всех!

Володя решительно залез в карман рубашки и вытащил крупную купюру.

– На все, – не глядя на номинал, протянул он финансовую бумагу живописцу.

– А почему я, святой Малевич? – сделал слабую попытку отбрыкаться Николаич.

– Яйчики-бабайчики, да потому, Валера, что всем нам сейчас необходимо проанализировать только что случившееся, – просто ответил спонсор мероприятия.

Аргумент был непобиваемым, и художник, отобрав котомку у всё ещё находившегося в шоке сторожа, поскакал в магазин, а писатель Кулемзин заметил, что в этот момент Муравлёв был похож на счастливого кенгуру. При своих хаотических движениях Валера чувствовал, что нагревшийся с утра асфальт уже начал проваливаться под его подошвами, как *пастозная* кожа под пальцем дерматолога, но сделать с этим ничего не мог. Достиг он магазина скоро, но внезапно увидел перед входом бомжа Одиссея, который, ответно увидев Николаича, приободрился и негромко – видимо, на одну персону Муравлёва – пропел:

– Это было в тайге, где кончается воля –
утром ранним отряд шёл на лесоповал:
заключённых вели под надёжным конвоем,
а парнишка один о побеге мечтал…

Живописец смутился, на всякий случай поспешно полез в карман, откуда с изумлением вынул небольшую металлическую денежку, затем сунул её в руку страдальца от советского режима, пробормотав что-то вроде: «Исключительно на дело развития народного творчества…», и наконец вошёл в сельпо. А ведь эту денежку он нашёл только сегодня утром – в главе 42. Но помнишь ли об этом ты, мой не всегда внимательный читатель?

Оставшиеся сидели пригорюнившись – потому что, кроме взявшего свои две взятки Кулемзина, пролетели все – кто перебрал, а кто и недобрал. Кроме несчастного Афанасьича, плохо пришлось и большевику, так как теперь, в результате недобора одной взятки, его разрыв с писателем увеличился до 157 очков! Почему, наивно спросит читатель, а автор объяснит ему простым арифметическим уравнением:

87 (разрыв до роббера)
+ 45 (выигранные 2 взятки Володи)
+ 25 (проигрыш Нуртая)
= 157

От мысли, что вот теперь он уже вряд ли догонит Альбионыча, у Курманбаева стало жарко не только в голове, но и подмышками, и *подкошками* – короче, везде, и от него стало заметно пованивать, как от *золотаря* Ивана Петровича с 25-летним стажем.

– В голове не укладывается! – нервно воскликнул педагог. – Вот только что у меня были два джокера, а я недобрал! Не может быть!

И, видимо, для закрепления материала, простонал ещё раз:

– В голове не укладывается…

– Старик, что же ты так отчаиваешься? – улыбнулся Альбионыч. – Если у тебя в голове не укладывается мысль, то её надо просто заархивировать. Например, в zip'е…

Коммунист недобро взглянул на него, тяжело поднялся и сказал:

– Ну, вы тут анализируйте, мать моя партия, а я скоро, – после чего отправился домой – принять душ.

– Объявить бы тебе строгий выговор! – мечтательно произнёс покерный гуру, глядя в спину ушельцу. – С занесением на надгробие…

Именно в это время до Полтавцева вдруг дошло, как же он обмишулился со своим покером.

– Каким же я был дураком, царица лесная! – воскликнул он.

– Как самокритично, – улыбнулся Володя и тут же вспомнил свою старую мысль:

Одно из ярких проявлений оптимизма – фраза «Каким же я *был* дураком!»

Не думай, что ты изменился,
хоть чувствуешь, что бог – не вошь:
каким придурком ты родился,
таким же здесь и проживёшь!

От горя Афанасьич начал раскачиваться, как маятник Жана Бернаровича Фуко́, пока амплитуда таких раскачиваний не пришла в равновесие с его взглядом в сторону магазинчика Калимы.

– Ой, Володя, а что это там такое на горизонте? – воскликнул он (Афанасьич, а не магазинчик).

– А это, Серёжа, уплывающие персонально от тебя возможности.

– Ёкарные возможности, как красиво, – вздохнул прапорщик Салихдзяныч и позавидовал сторожу.

В это время со стороны дома № 16 появился Курманбаев – посвежевший после принятого ду́ша.

– Ага, вот и он, – хмуро глянул на него Володя. – И, в связи с этим появлением, предлагаю разобрать поведение Мусаича.

– А чего тут разбирать? – нахмурился пламенный коммунист, – я ведь и так отстал от тебя намного.

– Именно поэтому, яйчики-бабайчики, – пояснил покерный гуру. – То, что ты отстал, это хорошо. А вот то, что ты не порадовался выигрышу своего товарища, это плохо. Все согласны?

Ответом на этот простой вопрос было энергичное кивание головами всех присутствующих в Бермудском Учпучмаке, включая дворовых детей.

– А ты, Нуртай, повёл себя в этой, признаю́, нелёгкой для тебя ситуации как последний жлоб!

– Чего это я жлоб? – вскинулся Курманбаев. – Я же интеллигентный человек.

– А знаешь ли ты, о педагог еврейского колледжа, – как-то по былинному воскликнул писатель, – что интеллигентный человек прежде всего тем и отличается от жлоба, что испытывает вечное чувство вины.

– В чём? – напористо спросил педагог. – И перед кем, мать моя КПСС?

– Да перед тем же жлобом хотя бы, – спокойно ответил Кулемзин. – За то, что он лучше и выше этого жлоба, и понимает это, а жлоб об этом даже не догадывается…

Все его ругали в клубе:
жлоб ведь – это тот же клоп!
«Почему жлобов не любят?»,
думал в это время жлоб.

Покерная хевра числом три персонажа, правда, без художника, отправившегося за пивком, все как один посмотрели на марсианина, и им даже померещилось, что во взгляде писателя появилось что-то общее с Арнольдом Густавовичем Терминатором из одноимённого фильма режиссёра Джеймса Филиппо́вича Кэмерона. Сидящим по обе стороны покерной скамеечки на секунду даже помни́лась возникшая в глазах Альбионыча прицельная сетка.

Глава 66. СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПО БОЛЬНИЦЕ (окончание)

А что же наш друг Муравлёв? Куда он пропал на вот как уже две полных страницы? Не споткнулся ли, разбив себе голову, и не вызывает ли добрая Калима одной рукой скорую помощь, а второй обшаривает его карманы на предмет изъятия денег? Нет-нет, не подумайте плохого – исключительно для того, чтобы процесс покупки совершился без задержек.

Стоп-стоп, товарищ автор, что-то ненужно разыгралось твоё воображение! Всё оказалось гораздо проще: зайдя в сельпо, Николаич сразу же немного отвлёкся от покупки. И было от чего! В левом от входа углу прямо на грязноватом полу, правда, застеленном бесплатной рекламной газеткой, были навалены мягкие игрушки для развития юных саксаульцев. А вот чуть повыше висел небольшой плакатик, на который и загляделся пришедший покупатель – совместное творчество поэта Кулемзина и художника Муравлёва. На плакатике неровными буквами цветными фломастерами был изображён рекламный (прости, русский язык!) слоган:

Для девчонок и мальчишек
есть у нас слонов и мишек!

Данный плакатик был не просто произведением искусства, но и неким бартером: так как Володя и Валера наваяли его для владелицы лавки бесплатно, то и она, немного по-думав, разрешила им (также бесплатно!) держать своё пиво в морозильной камере – вме-сте с мороженым.

Живописец бывал в магазинчике не часто, и вот сейчас увидел знакомую картинку: за прилавком громоздилось несуетливое создание лет сорока с изрядным гаком, на монументальном корпусе которого (создания, а не гака) неловко прилепилась маленькая головка, украшенная перманентом, сквозь который просвечивала лоснящаяся от жира кожа. Создание смотрело на него бессмысленным коровьим взглядом, неспешно колыхая телесами и, по причине последней августовской жары, выдыхала отработанный кислород со свистом компрессора.

Увидев Валеру, мадам Калима вдруг вспомнила, что именно он так и не занёс двух назарбаксов, не хвативших в прошлый раз при покупке бутылочки «Тянь-Шаня», поэтому у неё тут же возникло чувство антипатии. И хотя денежки не додал Кулемзин, но вот этот, с испачканными красками пальцами, был его другом, а, значит, нёс *общую* ответственность за содеянное. Николаич хорошо помнил этот случай: дело было, конечно, не в том, что у Володи не было денег, – они были, но слишком крупные, чтобы разменивать

на такую мелочь, а потом просто забыл об этом незначительном факте своей замечательной биографии.

Короче говоря, если бывает любовь с первого взгляда, то у этой героини нашего романа при появлении художника перед прилавком с первого взгляда возникла (прости, русский язык!) идиосинкразия, хотя он был вовсе не виноват в её несложившейся личной жизни.

Не таращь глаза покаты,
не сжимай ты пятёрню:
упустила мужика ты –
я его не заменю!

Видя, что настроение у магазинщицы не очень, Муравлёв быстренько рассчитался за покупку, закинул за плечо серёжину котомку и поспешил на волю, где его нетерпеливо ожидала покерная хевра. Рывком преодолев 22 метра пути, он плюхнул хурджин за покерный столик, заставив заветную тару возмущённо зазвякать, развязал тесёмки и раздал каждому по бутылочке, как по последней гранате – для подрыва лично себя.

И вовремя он появился, так как средняя температура по больнице… тьфу, по Бермудскому Учпучмаку уже достигла 38°! А если мой читатель не верит этому, то вот ему ещё один арифметический *расклад*:

Средняя температура игроков 37°
Температура разбушевавшегося светила 39°
Среднеарифметическое: 37 + 39 = 76 : 2 = 38°!

Правда, в этом уравнении был ещё один неучтённый фактор, но учесть именно его было крайне затруднительно. Этим фактором были дворовые дети, которые бегали по пространству Бермудского Учпучмака, как хоккейная команда, получившая шанс спасти игру в последние 10 секунд матча, при этом визжа в контрапункте с хаосом Вселенной, так что просто поймать хотя бы одного ребятёнка, чтобы поставить ему подмышку термометр, было просто невозможно!

Заметил дворовых детей, которые, надо признаться, уже давно вертелись перед покерным столиком, и Нуртай, который даже немного привстал и торжественным голосом озвучил свою позицию насчёт поколения next[92] словами покойного поэта Василия Лебедева-Кумача:

Кто нигде не унывает?
Кто рекорды побивает?
Кто врага бросает в дрожь?
Кто всех лучше запевает?
Каждый скажет, каждый знает:
это наша молодёжь!

[92] Следующее – англ.

«Почему же я не заткнул ёкарные уши раньше?», мелькнула мысль у прапорщика Батыршина, но, увы, уже на бегу́ – к многострадальным учпучмакским кустам, ежедневно принимающим в свои соцветия, веточки и листочки плохо пахнущее овеществлённое отношение к паскудным песням педагога.

Володя дождался возвращения страдальца и, чтобы сгладить неприятное впечатление от инцидента, решил рассказать присутствующим короткую байку, так как знал, что ещё минут десять игра не возобновится ни под каким предлогом.

Байка о вкушальце из райской реки

– На том свете дело происходило, – смело начал он. – Течёт, значит, там река, полная пива, а в ней, яйчики-бабайчики, вобла плавает.

– Кайф, мать честна́я! – воскликнул охранник.

– Итак, сидят на берегу трое, разговаривают, не спеша потягивают пиво, закусывают воблой, короче, рай. Вдруг из кустов выбегает человек, в ужасе подбегает к ним и орёт:

– Дайте скорее кружку!

Ну, они, ясен перец, дали, а тот подбегает к реке, зачёрпывает полную кружку, наспех взахлёб выпивает, быстро закусывает воблой, бросает кружку и убегает в кусты. Те трое переглянулись, мол, как так можно, не поздоровался, не посидел.

Через 15 минут снова тот же человек выбегает, и с ещё большей силой орёт:

– Дайте кружку, скорее!

А те трое ему в ответ:

– Мужик, ты куда торопишься, может, посидишь с нами, расскажешь, какие у тебя проблемы?

Но прибегалец снова быстро зачёрпывает из реки, выпивает, закусывает и с криком «Не могу, святой Малевич, я ещё в реанимации!» убегает в кусты.

До мыслишки вы дозрейте,
ртом ловя свою струю:
лучше сдохнуть поскорей бы,
чтобы жить в пивном раю!

Глава 67. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (почти окончание)

И всё же первую партию надо было заканчивать! Хотя надо признать, что вторая половина игры началась не сразу, а через 8 минут – после того, как живописец доставил в коллектив благословенное питьё. Именно столько времени ушло на благодарственные и приветственные возгласы, а затем и на неспешное хлюпанье.

Согласно *раскладке* очередным сдавальцем был Салихдзяныч. Он взял в руки карточную колоду и стал уже более уверенно, нежели часом назад, сдавать роббер из 12 карт. Первым розданное жадно схватил Курманбаев, хотя никто даже не помышлял отбирать его карты, и тут же просмотрел их. И вот здесь Нуртай почувствовал, что вот сейчас настал тот момент, когда он… нет, ещё не догонит ушедшего далеко вперёд Альбионыча, но всё же значительно приблизится к нему. А поводом к его смелым мечтам стал старший джокер и сразу три туза, включая трефового, который был козырем в этой части игры.

– Четыре, мать моя партия! – заказал он и сделал значительное лицо, чтобы все подумали о том, что у него как минимум три или четыре *гранда*.

В это время изучил свои карты и Полтавцев, который без волнения, так как заметил среди пришедшего младшего джокера, спокойно сказал:

– Пять, царица лесная.

Сделав этот фантастический заказ, Серёжа – в глазах остального покерного коллектива – как бы предложил игрокам два традиционных варианта развития событий: наихудший и маловероятный.

Распрямляясь, как пружина,
рвался я вперёд, как танк –
что бы я на стол не кинул,
всё равно грядёт *цугцванг*[93]!

[93] Положение в шахматах, когда любой ход ведёт к ухудшению ситуации – прим. спорт. редактора

– Серёжа, разреши задать тебе вопрос, пока твой заказ не попал в *раскладку.*

– Разрешаю, – разрешил разрешалец.

– Ты точно заказываешь пять?

– Точно, – ответил сторож. – А что?

– Понимаешь, яйчики-бабайчики, в чём дело: в психиатрии есть один термин – под названием (прости, русский язык!) синдром Мюнхгаузена.

– Так ты думаешь, что я вру, как тот барон? – удивился охранник.

– Нет, не думаю. Так вот этот синдром – болезненное состояние, характерное внутренней убеждённостью в правоте своих домыслов, почти насильственная тяга к *псевдологии* и фантазированию, причём, без всякой видимой пользы.

– Володя, надеюсь, *ключевые слова* здесь – внутренняя убеждённость? – поинтересовался Полтавцев.

– Нет, Серёжа, ключевыми словами в моей фразе является словосочетание болезненное состояние!

– Пиши, – окончательно решил Афанасьич.

Удивляется семья:
врёт Мюнхгаузен, как я!

Наконец сделал заказ и военный музыкант, который тоже отметился скромной троечкой. Володя оглядел соперников и сделал вывод, что сейчас они были похожи на запутавшееся семейство мух, которое старательно пеленает молчаливый паук, одновременно что-то записывающий в *раскладку.* А всё почему? Да потому, что Пруха, эта неверная троюродная сестра великого Случая, то ли клюкнула лишнего с утра, то ли просто отвлеклась, но как-то пропустила тот факт, что к Кулемзину пришли не просто два *гранда*, а покер и младший джокер, что давало ему право объявить мизéр. Правда, была опаска, что у кого-то ещё окажется ещё два *гранда*, и тогда этот кто-то сможет отменить его заявку, но так ровно сияло солнышко, так спокойно стояли деревья, не тронутые ветерком, так приветливо щебетали в ветвях карагача мелкие птахи, что литератор полностью уверился в том, что всё будет хорошо.

– Пять, – объявил он. – Играем на мизéре.

– Мать честнáя, как мизер?! – воскликнул экс-текстильщик, который, как помнит мой памятливый читатель, сделал самый большой заказ. В ожидании ответа он даже открыл рот, словно собирался продолжить бесславный диалог.

– Так мизер, – просто объяснил Альбионыч и сделал первый ход – покером:

– По старшим джокерам.

При таких картах он не волновался нисколько, сердце стучало ровно, спокойно и точно, как кварцевые часы «Rolex» – с отставанием 1 секунда в 10 лет.

Мне прислали в бандерольке
чепуху – хоть утопись!
Отстают часы на сколько?
Отстают часы на жизнь!

– Серёжа, рот закрой и ходи, – видя общее замешательство, нетерпеливо предложил Володя.

Полтавцев поспешно вытащил некозырного туза, так как козырный был у педагога, и бросил его в общую кучку. Нуртай же долго-долго прощался со своим старшим джокером, но был вынужден бросить его в жестокий костёр володиных амбиций. При этом он сделал такое лицо, что даже неиграющий Валера проникся его горем и под столом незаметно пожал ему коленку. Скинул какую-то незначительную карту – вроде червового короля – и старший прапорщик Батыршин, который пока ещё не совсем задумывался над ходами – по известной читателю причине.

– По джокерам! – ещё раз известил безжалостный писатель, ходя своим младшим джокером.

Это был поистине иезуитский ход, так как по правилам Великой Игры младший джокер, который был у Афанасьича, не мог побить такого же младшего джокера, которым только что пошёл покерный гуру, поэтому и он (джокер Афанасьича, а не гуру) отправился в ту же топку. Скорее всего, именно из-за этого охранник тут же стал не красным, как ранее, а цвéта хорошо вызревшего баклажана.

– Вот оно, – известил при этом сторож, – абсолютно бессмысленное существование трансцендентности бытия!

– Серёжа, у тебя что, IQ стабилизировался? – улыбнулся писатель.

– Так выиграть же хочется, – жалко пролепетал несчастный охранник.

– Как-то ты быстро хочешь победить, старичок, – покачал головой владеющий ситуацией. – Прямо-таки veni, vidi, vici[94].

[94] Пришёл, увидел, победил – лат. Таковы были слова Юлия Цезаря из его донесения о победе над понтийским царём Фарнаком – прим. ист. редактора

– Да никакой я не Вицин, царица лесная, – заоправдывался охранник.

– Заметно, – улыбнулся писатель. – Кай Юлий Афанасьич Цезарини-Саксаульский!

Крупно овощи нарезав
и добавив чуть маслят,
я решил сожрать, как Цезарь,
его имени салат[95]!

[95] В салат «Цезарь» входят сухарики из белого хлеба, салат ромэн, грибы, сыр пармезан и соус из оливкового масла, чеснока, почти сырых яиц, лимонного сока и вустерского соуса – прим. кулинар. редактора

Следующий ход неожиданно выиграл Салихдзяныч, забравший какие-то крупные пики своей затесавшейся девяткой.

– Прекрасный ход, – похвалил его Володя. – Как говорят русские бильярдисты, кладка на две лузы. Он вообще мог бы стать суперходом и войти в историю покерного движения планеты, если бы ты, Талгат, сделал его в полном сознании!

Особенно старался, правда, безуспешно, Мусаич, которому ох как не хотелось отставать от лидера ещё больше. Его игра напоминала сейчас потуги мышки, пытающейся сбежать от забавляющейся с ней и нагуливающей аппетит кошки.

Дальше было легче: Володя по очереди сходил козырными двойкой, тройкой и четвёркой, выбивая козыри из рук соперников, дождался, когда из руки́ трубача вылетит козырная пятёрка, и пошёл шестёркой, окончательно деморализуя противника. Короче говоря, в этот раз получилось так, что Кулемзин взял 10 взяток из двенадцати, а оставшиеся две вне себя от счастья забрал Талгат, пролетевший всего на одну взятку, или 25 очков. Счастье его было даже двойным, так как в результате володиной военной операции назад откинулся не только Полтавцев – на фантастические 90 очков, и залетев при этом в минус, но и главный соперник обер-музыканта Курманбаев, который недобрал все свои три взятки, то есть 60 очков. Вот теперь ты видишь, мой неравнодушный читатель, какие извивы Суки-судьбы наблюдаются в ходе наших покерных сражений: проиграл человек, а счастлив!

– Вот он, Случай-кореш![96] – торжествующе воскликнул писатель, но, к его удивлению, никто не разделил с ним радость победы. А зря: даже в го́ре надо всегда оставаться человеком или хотя бы его подобием…

[96] Для восстановления справедливости следует заметить, что это не моё выражение, а хорошего писателя-фантаста советской поры (б) Владимира Савченко – из его романа «Открытие себя» (1967) – прим. автора

Глава 68. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (ещё одно почти окончание)

Долго не мог придти в себя и охранник, и Альбионыч даже вынужден был пощёлкать пальцами перед его сизым носом. Наконец он (охранник, а не нос) очнулся и так объяснил задержку в развитии:

– Да мысель одна приходила, мать честная. А когда есть мысель, её думать надо…

Правда, о чём была эта «мысель», никто так и не узнал.

Был он как-то весь измучен –
тих, печален и задумчив…

Произнеся эту фразу, Полтавцев вновь впал в ступор, и писатель, на время ставший диагностом, объяснил присутствующим, что это так называемый *симпатикус*, или запредельное торможение, которое случается в нервных тканях, когда сила раздражения превосходит допустимый предел.

– Как это, йодистое торможение? – попросил уточнить военный.

– Ну, помнишь, Талгат, как писали когда-то в дореволюционных романах: «От неосознанного ужаса у него расширились зрачки и учащённо забилось сердце»? А чего тут думать: как раз *симпатикус* и сработал!

Жизнь, что река – нырнул и понесла…
Борись с теченьем, лодка без весла!

И в этот момент Афанасьич припомнил, что на шестом ходу, когда он скинул червовую десятку, вслед за ним кинул червовую восьмёрку Курманбаев, что в условиях мизе́ра должно было означать побивание его карты – если бы, конечно, всё это роскошество не забрал червовой тройкой писатель. Но об этом сторож как раз забыл, и сей-

час решил, что в своём страшном проигрыше виноват именно Нуртай. Он стал пристально смотреть на педагога, придавая своему взгляду невиданный ранее жар.

– Ты чего на меня, Серёжа, уставился? – занервничал Мусаич.

– Да вот смотрю на тебя и думаю, как такие гады на земле рождаются!

– Серёжа, успокойся, – посоветовал ему Володя, а затем сразу же дал и второй совет:

– Ты лучше почитай классическую «Гинекологию» мудрого еврея Штекеля[97], там как раз про рождение уродов всё написано!

[97] Вильгельм Авиноамович Штекель – австрийский психиатр и композитор-любитель, один из пионеров психоанализа, изобретатель термина «парафилия» – прим. мед. редактора

И хотя на этот раз Мусаич был точно не виноват, но для чего-то начал оправдываться – скорее всего, по привычке. А разбушевавшегося Афанасьича было не остановить, поэтому педагог не нашёл ничего лучшего, как произнести в своё оправдание, что, мол, он не хотел. А знатному саксаульскому поэту Кулемзину, вспомнившему, что приблизительно те же невнятные аргументы предъявлял когда-то *дедушке* в своё оправдание небезызвестный тип по имени Каин, грубо подставивший братишку Авеля, на память пришёл его старый стишок

Разговор Каина с мамой Евой

Мама, мама, брат мой Авель
пьяный в дым приходит в дом,
никого не узнавая,
мебель ветхую ломает,
и кричит, что он из рая –
завербованный святой!

Что ему теперь всё можно,
он кичится, словно царь,
потому что взял и ожил,
а в канаве придорожной
блеет тихо, осторожно,
как побитая овца.

Мама, мама, брат мой Авель
вечно пьян и снова юн,
тяготится нашим раем
и не знает наших правил,
я люблю его, но знаю,
что опять его убью…

– Странный ты какой-то, Володя, – ни во что не веришь, – покачал головой Нуртай.

– Почему же не верю? – возразил философ. – Я верю в то, что наш мир – детерминирован![98]. И, как говорили латиняне, а теперь и я повторю за ними вслед:

Ecsitns acts probat

[98] От лат. determinare – определять

, что, как известно любому придурку ещё с первого класса общеобразовательной советской школы (б), означает яйчики-бабайчики, или *результат оправдывает действия*!

«Святой Малевич, о чём это они?», удивился художник Муравлёв, сидевший во время всей этой перепалки тихо-тихо, чтобы и ему не попало. А ведь, кстати, именно это и было планом Володи, который понял, что отвлечь охранника было можно только неким отвлечением.

– Результат результатом, – согласился с философом педагог. – Но ведь не он является критерием истины, а сам знаешь что!

– Ну, раз ты такой умный, – скривился Володя, – то должен знать, что абсолютные гарантии в этом мире даёт лишь один *дедушка*, да и тот безнадёжно надувает так называемых верующих, впаривая им вместо реальных земных радостей типа покера и пива какую-то будущую бодягу на небесах!

Как ты думаешь, мой внимательный читатель, а какое слово в конце концов пробило брешь в бетонном черепе Полтавцева? Ну, не *дедушка* же, а, конечно, пиво! Именно после произнесения этого волшебного сло́ва Серёжа начисто забыл все имущественные претензии к коммунисту и стал поспешно дохлёбывать из бутылочки, не ощущая вакуума в своём «мозге»

Банку я пивную взял,
но чего-то не поня́л –
этикетка на боку:
«Пиво в собственном соку»!
И подумал: «Этот сок
вдруг на стеночке присох?
А внутри, гляди-ка, кум, –
только голый вакуум!»

А Нуртай в это время начал озираться по сторонам, пока маленький саксаулец лет пяти от роду, гулявший с немолодой уже мамой, ожесточённо курившей тонкую *сигариллу*, не показал ему украдкой средний палец крошечной ручонки. Его мамаша, снисходительно улыбнувшись непринуждённости жеста, явно подсмотренного малышом на телеэкране, принялась что-то ласково выговаривать своему чаду.

Увидев эту в высшей степени поучительную картинку, Володя задумался. Одно из двух, рассудил он: либо Курманбаеву не стоило пялиться на окружающих, либо тлетворное влияние Запада уже проникло в среднеазиатскую Саксаулию, поразив подрастающее поколение и научив его всяким неприличным штучкам, которые так весело демонстрировать взрослым и глупым дядям.

Педагог же, заметив неприличный жест малыша, вспыхнул, но сделал вид, что не заметил.

– Это он тебе показал, – с улыбкой уточнил Альбионыч.

– Мать моя КПСС! Какой ты злой, Володя, – вздохнув, произнёс Нуртай.

– Я не злой, а злопамятный, – ответил писатель. – И считаю это весьма приличным качеством для человека – в противовес библии, заставляющей получившего пощёчину простака подставить ещё и вторую щёку. Просто я знаю, что зло надо помнить, как свою биографию или историю государства. Зло надо помнить так же, как добро, его надо помнить хотя бы для того, чтобы *упредить* повторение. Ведь забыть сотворённое зло – это предать истину.

От этой незапланированной филиппики все потрясённо молчали.

– Знаете, яйчики-бабайчики, как сказали французы о второй мировой войне? – закончил речь Кулемзин. – Гениально: «Простим, но не забудем…»

Мозг вскипает, словно в домне,
предлагая мне учесть:
не добро, а зло я помню,
потому что память есть!

В это время мамаша, докурив *сигариллу*, дала её своему мальчику, и он, прицелясь, швырнул её в сторону покерного столика, но, так как располагал силами малыми, не добросил, а попал в муравьиную кучу, где тут же началось незапланированное народное движение по пожаротушению.

В ответ на выпад человечка Серёжа выхватил из котомки папиросную пачку и достал одну папироску. Она – с народно-чекистским названием «Беломорканал» – начала́ распространять такой омерзительный запах, как если бы на табачной фабрике в основной продукт добавили отходы тряпкопрядильного производства. Малыш, который недавно обидел дядю Нуртая неприличным жестом, закашлялся, и мамаша, подхватив его, поспешила от покерного столика, что-то негодующе ворча. Правда, вслед за юным саксаульцем закашлялись и сами игроки, и примкнувший к ним художник, так что у Афанасьича совместными силами отобрали папироску и выбросили куда подальше.

Лошадь – слабая скотина.
В умных книжках я читал:
лошадь капля никотина
убивает наповал!
А людей не убивает –
капли мало для людей.
Хорошо, что не бывает
сигарет для лошадей…

Глава 69. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (8 страниц до окончания)

То, что Нуртай постоянно подкидывал игрокам *подлянки*, остальных игроков уже не особенно-то и удивляло, ведь современный кодекс приятельства, в отличие от пушкинских времён, такие развития жизненных сюжетов, к сожалению, допускает. Но вот нервы сопокерников в процессе такой игры нередко становились как кисель. И успокоить их было нелегко, но Володя знал один способ – надо просто отвлечься от всего, что его окружает и начать думать именно о пришедшем роббере. А роббер этот был всё ещё серьёзным – на 10 картах, и они, на удивление, пришли неплохие, так что писатель сейчас же почувствовал себя как *коммандос*, который вынужден провести шутейную схватку с детсадовцами. «Сыграть блеф, что ли?», лениво подумал он, но всё же отбросил эту мыслишку. «Да, это несерьёзно», пронеслось в его марсианской голове, «самодеятельность какая-то, балетный кружок при макаронной фабрике…»

Он скосил глаза влево и увидел, что Нуртай обеими руками стиснул свои пришедшие карты, словно подросток коленку одноклассницы, до которой дорвался впервые в жизни. И это *замечание* ситуации неожиданно дало ему твёрдую уверенность, что у педагога тоже неплохая карта, а, значит, бдительность надо не только удвоить, но, как минимум, усемерить!

Я сыграю нестандартно,
чтобы план осуществить:

раз семнадцать гляну в карты –
брошу и отправлюсь пить!

– Четыре! – подтвердил его самые худшие опасения Мусаич и даже улыбнулся, чем неожиданно привёл в ярость старшего гусара Батыршина, потому что Талгат, словно ему дали аминалон[99], тут же вспомнил, как ещё позавчера Курманбаев не дал ему взять недостающую взятку на решающем *тёмном* роббере, и он, вместо того, чтобы занять почётное третье место, оказался в конце игры́ разглядывающем спи́ны не только вырвавшихся вперёд Альбионыча и большевика, но даже Полтавцева!

[99] Таблетки для улучшения памяти – прим. мед. редактора

– Три йодистые взятки! – решительно двинул свою бредовую идею в массы военный трубач.

Крупный заказ несгибаемого ленинца произвёл впечатление и на Серёжу, который был вынужден задуматься, правда, такое страшное мозговое усилие всё равно ни к чему хорошему не привело, и тогда он, не потрудившись изучить пришедшие карты, просто пролепетал *пас*. А вот если бы он всё-таки раздвинул карты слипшимися от пота руками, то непременно бы обнаружил среди них и сразу несколько козырей, среди которых была парочка весьма приличных, и таких же слипшихся пару тузов, которые имели вес до той секунды, когда кто-нибудь не объявлял мизе́ра.

Все эти нюансы мгновенно пронеслись в голове Кулемзина, оставив после себя такую мысль: «Интересно, почему до седых волос на яйцах мужчины любят играть, как дети?». Вслух же писатель не слишком по-русски заметил вот что:

– От многая знания – многая печали, и умножая познания, мы умножаем скорбь[100].

[100] Книга Екклесиаста, или Проповедника, 1:18 – прим. богосл. редактора

– Что это, мать моя Октябрьская революция? – воскликнул Нуртай, почувствовавший некий подвох, словно Володя обещал процитировать Карла Генриховича Маркса, а опустился до цитаты оппортуниста Зиновьева.

– Это Екклесиаст, – пояснил Альбионыч. – Даю перевод на общечеловеческий язык: меньше знаешь – крепче спишь!

Хоть ты гением считайся,
не учись, как пьяный гот[101]:
меньше знаешь – оставайся
ты, дружок, на третий год!

[101] От англ. gothic – готический. Субкультура, зародившаяся в конце 70-х годов XX века в Великобритании на базе панк-движения – прим. социолог. редактора

Последним заказывал Альбионыч.

– Пять, – тихо произнёс он, и прозвучавшее слово тут же превратилось в циферку, улёгшуюся на своё место в *раскладке*.

И вот от этого тихого голоса, а вовсе не из-за крупного заказа Курманбаева остальным вдруг стало ясно, что что-то здесь нечисто, а, значит, надо постараться, не глядя на соперников, просто-таки выхватить свои заказанные взятки. Марсианин ухмыльнулся в усы, так как получил именно рассчитанную им реакцию. Он был холоден, как мозги налогового инспектора, хотя ему сейчас было немного жаль всех, включая противного пе-

дагога, которому он всё-таки решил подарить одну взятку А дело было в том, что Володе из 10 карт пришли сразу три *гранда*, то есть все джокеры (кроме покера), да к ним ещё четыре крупных козыря, да пару тузов некозырной национальности.

«Что это за странный альтруизм?», подумал сейчас уже искушённый в покерных боях читатель. «Зачем же Кулемзину отдавать Мусаичу одну взятку? Зачем так резко менять мнение о себе, как о принципиальном игроке? Зачем развивать во мне, читателе, ненужные мысли о какой-то ненужной жалости?». И здесь ты, читатель, будешь не прав, так как, в отличие от автора этих правдивых строк, не знаешь, что у партийца на руках, кроме прочего мусора, был именно покер, который давал хотя и одну, но гарантированную взятку.

Не нарушу я порядка,
видя даже без очков:
покер есть – пишу в *раскладк*у
сразу 25 очков!

И здесь, словно почувствовав важность момента, на Бермудский Учпучмак опустилась тишина: замолчали дворовые дети, которые только что метались по периметру Великого Треугольника, как куски масла на раскалённой сковородке, резвясь, словно молодые, не обременённые семьями и долгами, дельфины, притихли бабушки-пенсионерки, до этого весьма шумно играющие за соседним СС, или Старушечьим Столиком, и даже ворóна, напряжённо следящая за игрой из скудных ветвей карагача, которая как раз собралась гаркнуть: «Ёкар-р-рный покер-р-р!», решила не издавать ни звука.

Альбионыч один знал, что сейчас произойдёт, и потому решил заранее приободрить сáмого слабого на голову и нервы сопокерника.

– Знаешь главную формулу успеха, Серёжа? – серьёзно обратился он к сторожу.

– Нет, мать честнáя, – так же серьёзно ответил Афанасьич.

– Не стой под стрелой, яйчики-бабайчики.

Есть закон у нас простой:
ты не прячься под стрелой!

– Как это? – глаза охранника затрепетали так часто, словно он смотрел сейчас не на гениального поэта двух веков, а на дробящуюся вспышками советскую (б) люминесцентную лампу, которую согласно ГОСТ 6825-64 с 1948 года выпускали в стране недоразвитого идиотизма.

– Знаешь, старичок, – продолжил писатель, увидев, как Полтавцев начинает проваливаться в ступорозное состояние от его мудрости, – во время игры нет времени думать, как именно материя относится к сознанию.

Бывший текстильщик машинально потёр пальцами материю своих штанов, прошептал одно слово: «Осознал!» и понял, что дело действительно плохо. «Да, положение – хоть рыдай в занавеску!», пришла в его угловатую тыкву чья-то чужая мысль. Он так расстроился, что руки его пришли в хаотичное движение, пока не разбросали все карты – половину на покерный столик, а половину на вытоптанную травку под ним. Серёжа наклонился за упавшими картами, и кости его хрустнули, словно засохшее печенье.

– Ну, вы уже играть будете, йодистые болтуны? – вскричал военный музыкант, и всем показалось, что он даже как-то взмахнул виртуальной саблей.

От этого окрика все взяли себя в руки и приготовились к побоищу.

Не берём с собой винтовок,
не нужна патронов смесь:
к битве мы всегда готовы,
если с нами пиво есть!

Глава 70. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (6 страниц до окончания)

Первым ходил Курманбаев.

– По джокерам! – бодро известил он, бросив на столик своего единственного *гранда*, после чего все скинулись по самой маленькой карте, а Володя, улыбаясь, отдал *старшего* джокера.

«Что это значит?», сразу же завертелись мысли у Мусаича. «Значит, у него нет ни одного младшего джокера?!». И вот на этой крайне слабой логической посылке он сделал второй ход – пошёл своим козырным тузом. А ведь это была не просто ошибка, а даже двойной просчёт: во-первых, ему можно было догадаться, что у Кулемзина *все оставшиеся гранды*, поэтому какой сейчас отдавать, писателю было всё равно, а, во-вторых, была вероятность блефа, о которой, зная игровой стаж литератора, нельзя было забывать ни на секунду.

Храбрый я, как некий лев, –
потому сыграю блеф…

Надо ли говорить, что козырный туз несгибаемого ленинца был побит первым из оставшихся младших джокеров, после чего марсианин тут же пошёл козырным королём, затем такой же дамой, дождался, когда вылетит козырной валет, оказавшийся у замеревшего от ужаса обер-дудочника, и, наконец, двумя тузами, которые в отсутствие козырей уже не мог побить никто. А в конце, когда заказанные пять взяток лежали перед ним, как сжатые снопы, Альбионыч выбросил оставшегося второго младшего джокера со словами: «За простую!», которого чудом прибрал к рукам Афанасьич, для чего-то оставив напоследок трефового короля. И, пока Володя записывал всё это безобразие в *раскладку*, сторож сидел рядом и шумно гордился своим умением играть в *русскую кочергу*, хотя и пролетел на две взятки, или на 45 очков.

– А ведь я планировал всё по-другому, – с горечью признался Курманбаев, – но кто же мог знать, что у тебя *такое*? Эх, если бы в правилах было, чтобы можно было сделать звонок другу или подсказку из зала…

– Старик, никто никогда не знает, что тебе придёт в следующем роббере, – улыбнулся писатель, – ведь среди нас нет ни Нострадамуса, ни Ванги, ни даже захудалого астролога Павла Жло́бы. Поэтому всегда приходится думать самому́ – правда, при условии, что есть чем…

Не веди себя спонтанно,
как какой-то раздолбай:
коль планируешь ты планы,
эти планы выполняй!

Нуртай, который вот совсем недавно смотрел свои карты с восторгом антиквара, за копейки купившего на толкучке правое яйцо Карла Густавовича Фаберже, сейчас отчаянно завидовал умению Володи *перевернуть* игру, и недоумевал, как это у него получается, и нельзя ли этому научиться.

– Нельзя! – ответил его мыслям знатный игрок. – Тут всё дело в понимании того, что внешний враг является лишь отражением и проекцией *вовне* врага внутреннего…

Ведь чёткость движений и чуткость ушей
поможет не только при ловле мышей!

Услышав это, Полтавцев чуть не подавился очередным глотком, бросился к котомке, раскрыл её, выхватил свою знаменитую книжечку «Для му.мы.», подаренную ему писателем как раз для таких случаев, и занёс произнесённую мысль на чистую страничку концом плохо отточенного синего карандаша:

«Мудро», подумал он, а вслух неожиданно попенял остальным:

– Вот смотрите, как надо правильно распределять ресурсы!

– Какие ресурсы, мать моя партия? – возмутился Курманбаев. – Володя про них вообще ничего не говорил!

– Эх, Нуртай, – прищурился сторож. – Не умеешь ты, царица лесная, как видно, *читать между строк*.

«А между них, святой Малевич, ничего и не написано», хотел было произнести Валера, но понял, что проговорить такое будет означать его полную капитуляцию перед Вселенским Разумом.

Между тем, время, как условие *возможности* изменения всего, медленно ползло дальше, как и повелел ему Альберт Германович Эйнштейн, – из утреннего прошлого в дневное будущее, а Альбионыч, следя за ним (временем, а не Эйнштейном) по внутреннему хронометру, спрятанному в левой коленной чашечке, неожиданно вспомнил старый стишок своего тёзки Маяковского на эту тему:

Дайте отпор
        словоблудию
                праздному –
Эйнштейн не напутал
        со скоростью света:
время реально
        течёт по-разному –
по обе стороны
        дверей туалета!

«Где же могли пересекаться эти два гения?», подумал писатель. «Хотя, если разобраться, в год смерти Владимира Владимировича Альберту Германовичу было уже за пятьдесят, так что времени на знакомство хватало…»[102]. Потом он ещё раз воспроизвёл

[102] В 1930 году, когда погиб Маяковский, великому физику исполнился 51 год – прим. автора

в памяти незамысловатый стишок и вдруг вспомнил, что написал его сам – как раз четыре года назад, в тот день, когда он впервые переступил порог своего Личного Место-Имения, то есть квартиры № 4.

Но заканчивать первую партию этого нового дня было нужно, и игроки разобрали очередные пришедшие карты, затем внимательно осмотрели их на предмет наличия покеров-джокеров, козырей и других приятных неожиданностей, после чего начали делать заказы. Первым был Афанасьич.

– Один, – наконец вымучил он из себя, но тут же поправился:

– Или два?

– Я вижу вопросительный знак в твоём предложении, сынок, – насторожился записывающий. – Так сколько всё-таки?

– Дай чуток подумать, – попросил сторож и обхватил свою тыкву двумя руками, после чего засопел носом.

– Хорошо, – согласился Володя. – А я пока поведаю остальным некую тайну как раз об этих двух цифрах.

– Каких? – проснулся Валера.

– 1 и 2, – уточнил писатель, а в данное время математик. – Именно о них сейчас «думает» наш друг Полтавцев.

– Какая же здесь может быть тайна? – скривил тонкую губку педагог, который всегда остро завидовал володиным знаниям.

Мы замешаны в скандале,
вычисляя, что есть пуд:
тайна цифр – в их номинале,
на который нам нальют!

– А вот такая: если мы возьмём какую-нибудь цифру, например, пять, и представим её, скажем, в виде существительного, а потом посредством филологии сделаем из неё определение, то есть пятый, то сразу же заметим, что эти два сло́ва как-то странно похожи друг на друга.

– Чего же здесь странного? – пожал плечами старший прапорщик. – Это же ёперные однокоренные слова!

– Браво, обер-корнет! – воскликнул Альбионыч. – А можешь ещё один пример привести?

– Конечно, – отозвался оказавшийся умным музыкант. – Например, сто двадцать три – сто двадцать третий.

– Молодец, – похвалил его математик с филологическим уклоном. – Но есть две цифры, яйчики-бабайчики, которые этому правилу следовать никак не хотят.

– Как это? – вышел из интеллектуальной комы охранник.

– Это Серёжа, именно те две цифры, над которыми ты сейчас размышляешь. Возьмём, к примеру, два самых распространённых языка, которые имеют хождение в нашем Бермудском Учпучмаке – это русский…

Все важно покачали головами, как бы подтверждая, что да.

– …и английский.

Здесь важно покачал головой Афанасьич, который уже два года с подачи Кулемзина изучал этот язык.

Глава 71. НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ИГРЫ (окончание)

– Итак, один – это существительное, а первый – это определение. И где тут корень, как недавно предположил Талгат? Где он, я вас спрашиваю?!

– А по-английски? – спросил трубач, который, кроме русского матерного, других языков не знал вовсе.

– Да, кстати об английском… По-английски существительное будет one, а вот определение – first.

Устный счёт совсем не прост:
русский – *раз*, английский – *фёрст*!

– Да, дела, мать честна́я, – почесал тыкву экс-текстильщик.

– А про двойку? – напомнил Муравлёв.

– Здесь ещё хуже, – признался писатель и привёл *в столбик* требуемые примеры:

Два – второй
Two – second

, после чего горько добавил:

– Казалось бы, два разных народа, два разных языка, две разных культуры, – а итог один!

– One, – как зачарованный подтвердил сторож.

– Молодец, ты, я вижу, новое слово выучил, – обрадовался за товарища Володя.

– Да нет, это я уже заявку делаю, – поправил его охранник. – Что-то этот *один* меня больше впечатлил, чем два.

– Точно?

– Да я зуб даю на отсечение! – *подедушкился* Полтавцев.

Повторяю, как в молитве,
я слова́ готовые:
«Потеряю зубы в битве –
может, станут новые?»

Вот так, за весёлыми шутками-прибаутками, незаметно пришло время последней *тёмной*, после которой, собственно, и заканчивалась вся партия. К тому времени честная *раскладка*, которую вёл покерный гуру, отразила весь расклад заканчивающегося сражения: примерное количество очков было у Володи и Нуртая, чуть-чуть от них отставал Талгат, а позади, как это часто бывало, плёлся Афанасьич, который, впрочем, был весьма доволен этим, так как плёлся, во всяком случае, не в минусе.

Сдавать заключительный роббер выпало Кулемзину, и он начал тасовать карты не глядя, причём, с очень большой скоростью, чему всегда завидовал Полтавцев, который пытался делать так же, но только ковырялся в колоде, как дитя прутиком в муравьиной куче. Вот и сейчас нужные карты, порхнув стрижами, улеглись точно напротив каждого из сопокерников, но не были разобраны, так как последний заказ предстояло сделать на *тёмной*. В этой игровой ситуации были свои нюансы: например, нельзя было заказывать меньше трёх взяток, а вот больше – можно, причём, заказывай хоть все 12 – лишь бы потом не было хуже от глубокого погружения в так называемую *шпалу*[103].

[103] О происхождении этого термина читайте в главе 93 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Ох, попал, друзья, я круто
в нечто небывалое:
весь облепленный мазутом,
погрузился в *шпалу* я!

Второй нюанс заключался в том, что сразу трое игроков, которые сейчас были впереди Афанасьича, имели практически равное количество очков, и именно тот из них, кто сможет взять своё заказанное, автоматически становился победителем. Сейчас каждый из них тупо пялился в пришедшие карты, перевёрнутые рубашкой вверх, пытаясь угадать, что же скрывают эти мини-колоды.

Наконец все сомнения остались позади, и игроки сделали свои заявки: Володя и Талгат заказали по четыре взятки, а вот педагогу пришлось заказать пять, так как, в случае *положительной* игры писателя у того оказывалось очков на 15 больше, чем у Мусаича, а ведь мой внимательный читатель, конечно же, помнит, что при игре *втёмную* все очки удваивались, и даже одна взятка становилась номиналом не 25 очков, как обычно, а сразу 50! Разумеется, это был великий риск, потому что *невыигранная* взятка оценивалась тоже в 50 очков – только с минусовым значением.

Бывший текстильщик, выслушав чужие заявки, долго загибал корявые пальцы, высчитывая их общее количество, но каждый раз у него получались разные числа – то 13, то 17, а то и вовсе 9 с половиной, поэтому он решил довериться интуиции, громко выкрикнув:

– Два! Нет, три! Нет, царица лесная, четыре!

, чем спугнул ворóну, прятавшуюся в ветвях карагача. Ворона возмущённо захлопала крыльями, перелетела на куст сирени (б) возле СС, или Старушечьего Столика, откуда и выразила своё отношение к охраннику:

– Ёкар-р-рный дурр-р-рак!

– Так всё-таки, Серёжа? – вопросительно поднял бровь *записывающий* Альбионыч.

– Пять! – решил сторож, что и было немедленно отражено в основополагающем документе Великой Игры.

Много хапаю, аж ужас –
и доллáры, и рубли:
взяток столько взять мне нужно,
чтоб хватило на Бали́!

Игра началась, и сразу стало видно, что на маленьком покерном столике забурлило море страстей, в котором игроки бултыхались, как потенциальные утопленники. Так как общее количество заявок не совпадало с цифрой 12, ведь их было 18, то, значит, целых 6 взяток были здесь лишними, а 6 взяток на *тёмной*, друг мой читатель, это ведь ни много ни мало 210 очков (105 х 2), и только от ума и *прух*и игроков сейчас зависело, будут ли они (очки, а не игроки) плюсовыми или минусовыми.

«С подводной лодки в боевых условиях выход только один – через торпедный аппарат!», подумал писатель и решительно сделал первый ход старшим джокером:

– По джокерам!

Это был поистине иезуитский ход, так как он знал, что кто-то просто будет вынужден сбросить свои младшие джокеры, а кто-то заберёт всё это роскошество пиковой семёркой, или Его Величество Покером. Так и случилось, причём, покер сегодня играл в команде Афанасьича «Stupid Team»[104]. Серёжа схватил взятые карты и поочерёдно расцеловал всех пристреленных *грандов*.

[104] «Тупая команда» – англ.

А читатель, конечно же, догадался, зачем Кулемзин пошёл именно так. И правильно догадался, потому что старший джокер, карта, несомненно, сильная, в данном случае был не нужен, так как к гуру пришли аж шесть козырей разного достоинства – от туза до восьмёрки. Кроме того, у него из двенадцати карт, к счастью, не оказалось ни одной трефовой – при бубновых-то козырях! А что это значит, будет понятно буквально через пару строк.

Нетрудно догадаться, что взявший первую взятку сторож тут же пошёл трефовым тузом, на который все скинули младших трефей, и только Володя – свою козырную восьмёрку, после чего забрал взятку себе, и тут же пошёл козырного туза.

Гениален и пузат,
я люблю ходить с туза!

Дальше было проще: крупные козыри Альбионыча произвели разрушительное действие в станах противников, и он, разумеется, не взял свои заказанные пять взяток, так как взял их аж семь! И хотя при этом литератор продвинулся вперёд всего на 14 очков, зато насколько же упал авторитет остальных игроков: Курманбаев получил 180 очков в минус, Батыршин – 150 (тоже, разумеется, в минус), а вот Полтавцев, к его удивлению, взял оставшиеся пять взяток, и стремительно поднялся вперёд – на 180 очков.

– Серёжа, ты, кстати, на втором месте, – скромно объявил Володя.

От счастья охранник выронил из руки́ свою бутылочку «Жигулёвского», которая тут же больно стукнула по ноге Мусаича, чья потенциальная энергия (бутылочки, а не Мусаича), в соответствии с законом классической механики, перешла в равную ей кинетическую энергию вылетевших из педагога ругательств.

– «И упал он, и было падение его великое»[105], – не удержался от цитаты писатель, на чём, собственно, наконец-то, к этой странице 163, и закончилась первая партия сегодняшнего дня.

[105] Евангелие от Матфея, 7:27 – прим. богосл. редактора

– На далёкой Амазонке
не бывал я никогда,
никогда туда не ходят
быстроходные суда…

, замурлыкал Володя, чему очень обрадовался художник Муравлёв – потому, что если у писателя было хорошее настроение, значит, святой Малевич, и левый кармашек его марсианской рубашки не будет застёгнут до конца дня.

♠♠♠

«Вот *иблис*!», выругался про себя покерный гуру. «Я же забыл дома сегодняшний лозунг…», после чего поспешил домой, предупредив коллектив, что ненадолго. И, действительно, уже через несколько минут он вернулся и торжественно повесил между двух столбиков, принесённых сюда вчера кулемзинским другом Насибом, кусок ватмана с художественной надписью:

Король умер.
Да здравствует туз!

«Так, вот теперь конституционный порядок во вверенном мне Бермудском Учпучмаке восстановлен полностью!», с удовлетворением решил Альбионыч, а автор в это время подумал следующее: «Ну, что же, мой читатель, не кажется ли тебе, что пора уже заканчивать с этой коллективной паранойей, да немного отдохнуть – персонажам с пивком, а тебе – с весёлым рассказом о нашей такой непредсказуемой русской жизни?»

Så var det[106].

[106] Да будет так – швед.

Глава 72. ЯВЛЕНИЕ ВАСЮХАНА

– Здоро́во, пацаны! – раздался голос откуда-то с кра́я Великого Треугольника. Все прищурились от неугомонного солнца, а Полтавцев, чтобы лучше разглядеть кричавшего, даже сделал над своим лбом домик из правой ладони, поставив фаланги пальцев строго под углом в 100°, хотя и не знал об этом. Через мгновение выяснилось, что коллектив неожиданно посетил вчерашний старший *джус* Васюхан Митрохин[107].

[107] О приключениях этого персонажа рассказано в третьем томе «Русской кочерги», в главах 154-156 – прим. гл. редактора

– Це́лую вечность вас не видел! – радостно завопил он, поднимая над головой объёмистый полиэтиленовый пакет, но не такой, какие сотнями в день отрывают от общей связки саксаульские продавцы, а плотный такой, настоящий, в какие по моде нового времени умещается сразу весь постельный комплект – простыня, пододеяльник и две наволочки. Но что сразу же отдалось счастьем в сердцах сопокерников и живописца, то это, конечно, не его (пакета, а не счастья) плотность, а звук, возникший от сотрясения, а именно тонкое позвякивание заветных стеклянных сосудиков. «Свой человек!», одобрительно подумали присутствующие.

Не затмит спиртное разум,
сколько денежек не трать:
своего мы видим сразу –
с нами он готов буха́ть!

А Кулемзину, как крупнейшему саксаульскому философу двух веков, очень понравилось обращение Васюхана – про це́лую вечность, потому что он тут же вспомнил, как ещё на заре своей юности, году эдак в 1975-м, как-то распивал портвейн № 12 со своим другом Володей Решетовым – в кустах возле Дома правительства Саксаульской ССР, и тогда тот в качестве тоста сказал запомнившуюся будущему писателю фразу:

Вечность – это мания
величия кратковременности…

А под следующий стаканчик на этот импровизационный афоризм откликнулся уже сам Альбионыч:

Так из каких узнать нам книг,
как проявляем мы беспечность?
Что жизнь? Один лишь только миг,
а кажется, что это – вечность…

– Присоединяйся к гуще товарищей, товарищ! – заметив полный пакет с пивом, радостно ответил на приветствие педагог.

– Талгат! Ты куда? – вскричал Васюхан, не обращая внимания на глупый призыв Нуртая, а вот старший музыкант, как только что выяснилось, на него (призыв, а не на Нуртая, хотя на Нуртая тоже) внимание обратил, потому что понёсся к учпучмакским кустам, успевая лавировать среди встречающихся по дороге дворовых детей, которые в этот момент, активно болея радостным безумием, носились по периметру Бермудского Учпучмака, по дороге озвучивая видимый участок Вселенной воплями ошпаренной кипятком недорезанной свиньи.

Пришелец в это время неловко опустился на самый краешек покерной скамеечки, словно был в гостях у больного человека, у которого сидеть развалясь позволит себе не каждый, да и доктор отругать может, а Кулемзин в очередной раз сказал мысленное *тешекюрлер*[108] своему другу Насибу Кураеву, изготовившему в своём столярном цехе скамеечки не на четыре персоны, а с запасом – на шесть.

[108] Очень странное турецкое спасибо – сама благодарность во множественном числе, но так как подразумевается, что одному человеку она полагается только одна, значит, этим словом благодарят как бы многое, а в данном случае не только самоź столяра, но и его умение работать, а также аллаха, который это умение ему дал – прим. автора

– А как ты, мать честнáя, научился эти антенны ставить? – поинтересовался Серёжа, неожиданно вспомнивший, зачем к ним приходил вчера этот весёлый человек, и все невольно подивились силе памяти охранника.

– Да я и сейчас не умею – это же мои подчинённые *джусы* ставят, – признался Митрохин. – Я-то по образованию электрик – когда седьмой класс закончил, меня к себе в помощники двоюродный дядька Юра взял, так он лучше всякого учителя физики объяснил мне и про вольты, и про омы, и как потерянную фазу найти, но так, чтобы током случайно не дёрнуло!

Прочитал в одной газетке
я про токову струю:
бьётся током из розетки –
вольтом, что ли, мать твою!

Здесь Афанасьич на всякий случай отодвинулся от гостя подальше, и не потому, что испугался каких-то там фаз, а потому, что с детства не любил именно электриков. А давнее это дело происходило в деревне Семижопино, где Серёжа и коротал своё тяжёлое советское детство. Однажды, когда от пролитого дедом Михеем на чердачном сеновале самогона закоротило всю проводку в избе, и бабушка Федора была вынуждена потратиться на электрика, пришёл как раз похожий на сегодняшнего Васюхана человек в брезентовых штанах и со страшными железными штуками на ногах.

Но потом оказалось, что этот электрик обманул маленького Серёньку аж два раза: первый раз он соврал, что железяки на ногах – это *кошки*, хотя малец к тому времени уже перешёл в 6 класс и изучал, как он выражался, *зачатки* зоологии, а второй раз, после ремонта, и вовсе заявил, что теперь у стариков в счётчике будет *кило ваты*! Серёнька, конечно, ему не поверил, и после ухода тщательно изучил внутреннее устройство электроприбора, правда, не залезая туда пальцами, чтобы не *ахнуло*, а потом понял, что ни кило, ни даже одного грамма ваты там спрятать было невозможно! Вот с тех пор у него и зародилось недоверие к электрикам, которое держалось до сегодняшнего дня.

Враз вдруг стало плоховато –
стал я чуть не убиен:
бьют по пальцам киловатты,
коль в розетку сунул хрен!

– А ты, Васюхан, в ёперной армии служил? – также почувствовав доверие к пришельцу, с симпатией спросил бывшего электрика военный трубач.

– А как же, – весело ответил Митрохин. – Два года отмантулил на радость матушке-родине!

– Надеюсь, мать моя партия, вы в этот ответственный период вашей жизни были отличником боевой и политической подготовки? – спросил его Мусаич, и ответ бывшего бойца услышали все, кроме задавшего вопрос Батыршина, который, легко спровоцировавшись невинным вопросом педагога, продолжил орошение ни в чём не повинных бермудских кустов.

– Яйчики-бабайчики, а не расскажешь ли ты нам что-нибудь интересное? – как бы вскользь поинтересовался писатель, но на всякий случай незаметно нажал в своей тыкве кнопочку *safe*, которая отвечала за сохранность поступающей информации.

– Конечно, – легко согласился пришелец. – Тем более что за два года службы мне пришлось служить аж в четырёх войсковых частях!

«Нам только *летуна* не хватало», мелькнула неприязненная мысль у несгибаемого большевика.

Коль трудиться неохота,
чтоб не сохнуть от тоски,
всяк *летун* менял работу
так же часто, как носки!

Глава 73. ДУПЕЛЬ, или АРМЕЙСКАЯ БАЙКА ВАСЮХАНА

– Надо сказать, что мне очень повезло со своим дядькой, потому что он у меня был военкомом.

– Это который Юра? – вновь проявил память Афанасьич.

– Нет, тот был двоюродный, а этот (звали его Ефрем) – родной. Так вот когда пришла пора отдать долг родине…

– …хотя ты у неё, яйчики-бабайчики, ничего не занимал, – под общий смех добавил Кулемзин.

– Эт’ точно! Так вот, в армию я, конечно, пошёл, но дядька подобрал мне знатную службу – быть на побегушках у начальства одной из заштатных военных академий, в неком областном центре России. Академию обслуживала всего одна хозрота – дневальные, повара́, уборщики и прочие свинари. А я – усилиями дядьки – через полгода стал младшим сержантом и начал командовать дневальным взводом.

– А вы не могли бы, товарищ, – вмешался в рассказ педагог, – назвать фамилию, мать моя партия, этого вашего нечестного дяди-коррупционера?

– Пожалуйста, – легко согласился Митрохин. – Митрохин его фамилия. Только он уже два года как покойник.

– Как жаль, – скривил губу Нуртай. – Примите мои искренние соболезнования…

Плохо, конечно, но продолжения рассказа пришлось ждать минуты полторы – из-за отсутствия Салихдзяныча – по, надеюсь, известной тебе, мой читатель, причине. И тут же выяснилось, что рассказ пришельца – не о себе и своей нелёгкой (?) службе, а о двух раздолбаях, учившихся в ту пору в академии.

– В этом военном учебном заведении повышали свою армейскую квалификацию только старшие офицеры, то есть званием не ниже майора. И вот украшением одного из *потоков* стала пара жутких разгильдяев – профессионалов в борьбе с Зелёным Змием, который почему-то всегда воевал на их стороне!

Никто не знает, от каких времён –
я думаю, что от времён Адама,
мы упиваться стали вдруг вином,
не видя в том подвоха и обмана.
Зелёный Змий проник в горячее нутро,
ожёг нам плоть и отравил нам души,
взыграла кровь и в мозг ударило тепло, –
мы разучились здравый разум слушать.
Ну, так давайте же не выпьем, не нальём!
Хотя бы раз мы скажем тост без алкоголя:
вместо «Шумел камыш» мы «Отче наш» споём –
да будет *дедушкина* нам на это воля!

Здесь Васюхан взял паузу, отхлебнул глото́к из своей бутылочки, посмотрел на Курманбаева и продолжил:

– Но так как у части нашего вре́менного коллектива наблюдается нездоровое любопытство…

Здесь на Курманбаева посмотрели уже все, сам же он сделал вид, что тщательно изучает в *раскладке* итоги только что пролетевшего первого роббера.

– …то мне придётся изменить фамилии этих майоров до неузнаваемости – ну, скажем, Гирченко и Мырченко. История умалчивает, были ли они знакомы до академии, так как служили в разных частях, но вот во время учёбы порознь их никто не видел! Были они, как говорится, однотипными…

– Как же так, царица лесная? – перебил рассказчика Серёжа. – Ты же говорил, что их двое! Значит, эти военные алкаши не одно-типные, а два!

Все немного посмеялись над дурковатым.

– У них был один рост, одна комплекция, одни и те же усы, словно купленные в лавке для солдатской самодеятельности. Жили они, разумеется, тоже вместе в одной комнате в офицерской общаге. И даже лицами они были похожи, как Сигал и Сталлоне.

– Ты имеешь в виду ёкарного Стивена Сэмюэловича и ёперного Сильвестра Фрэнковича? – уточнил Батыршин.

– Их, чертей нерусских, – уточнил Митрохин. – Наверное, за это друзей и прозвали сначала Дубль, а потом и вовсе Дупель.

– А они что, в домино всё время играли? – уловив некий псевдоспортивный термин, вновь перебил его Афанасьич, но на него все зашикали, так как жаждали продолжения истории.

В *кочергу* играя с Ноем,
становился всё трезвей:
отдуплился в домино я,
разменяв двоих ферзей!

– А почему Дупель, святой Малевич? – наконец проснулся Муравлёв, который тоже решил проявить своё участие в общем разговоре.

– А именно это слово, – охотно пояснил рассказчик, – как нельзя лучше объясняло их практически ежедневное состояние – к вечеру.

– Не понимаю, – жеманно повёл плечиком ленинец.

– Да чего тут понимать! – укорил его сторож. – Мы же и сами такие: как ближе к ночи – так все *в дупель*!

– Ах, в этом смысле? – Нуртай сделал узкие губки ещё у́же, после чего забросил второй пробный камень:

– Так как вы говорите, были их подлинные фамилии?

Глава 74. ДУПЕЛЬ, или АРМЕЙСКАЯ БАЙКА ВАСЮХАНА (окончание)

Но Васюхан вновь проигнорировал глупый вопрос и продолжил рассказ:

– Итак, одним прекрасным утром (для всего человечества, но не для Дупелей) дверь аудитории отворилась и на пороге появились Гирченко и Мырченко. Сказать, что они были с бодуна – значит, не сказать вообще ничего. Или лучше так: они были

С БОДУНА!

Как потом выяснилось, накануне у них случился повод, мимо которого пройти было никак нельзя: то ли очередная годовщина Ланкастерхаузской конференции[109], то ли день рождения Патриса Эмериевича Лумумбы, то ли вообще 300-й день с начала года, то ли что-то ещё, да, впрочем, это и неважно. В общем, после их появления от привнесённого *выхлопа* с потолка аудитории стали падать мухи!

[109] Переговоры в Лондоне, проведённые при посредничестве Великобритании между правительством Зимбабве-Родезии и повстанческими движениями ЗАНУ и ЗАПУ в 1979 году – прим. ист. редактора

Слышал я такие слухи
(почему бы им не быть?):
с алкоголя дохнут мухи –
не умеют, видно, пить!

И вот, как назло, первой парой в тот день был немецкий язык. А преподавателем у них была худенькая старушка по кличке Фрау, которая, судя по её внешнему виду, готовилась через пару лет отметить свой первый столетний юбилей. А первый – потому что энергии и любви к языку Иоганна Иоганновича Гёте ей хватило бы ещё как минимум лет на 300! Причём, здесь надо заметить, что она на́ дух не переносила запах спиртного.

– Как наш Володя, – умильно уточнил Курманбаев, так что впечатлительного военного пришлось в очередной раз дожидаться из осквернённых учпучмакских кустов.

– Именно по этой причине, – дождавшись прапорщика, продолжил рассказ Митрохин, – братья Дупели сразу же зарезервировали себе места́ за самыми последними столами – на так называемой *камчатке*.

Приезжайте на Камчатку –
алкашам купить взрывчатку!

И вот, едва войдя в аудиторию, Фрау ещё издалека засекла две рожи зеленовато-фиолетового цве́та, поджала губы, потом немного многозначительно помолчала и, наконец, сухим голосом изрекла:

– На прошлом занятии я просила подготовиться к опросу. Надеюсь, все готовы?

– Так точно! – ответил ей дружный хор офицерских голосов.

– Ausgezeichnet. Also, Girchenko und Myrchenko, zum Schultafel[110]!

[110] Отлично. Итак, Гирченко и Мырченко, к доске – нем.

Гирченко и Мырченко, кроме того, что были названы их фамилии, причём, с каким-то иностранным акцентом, остального не поняли, но сидевший рядом с ними подполковник Мунтяну, молдаванин по национальности, плохо владевший русским, просто толкнул Мырченко в бок, что означало: идите! Плохо соображающие Дупели, стараясь идти строевым шагом, начали по-черепашьи телепаться к доске.

– Слушайте задание, – звенящим голосом объявила Фрау. – Вам надо составить диалог. Тема: допрос военнопленного. Du kannst anfangen[111].

[111] Можете начинать – нем.

После боя на вокзале
с нежным русским словом *мать*,
в плен мы столько немцев взяли,
что их некуда девать!

Несколько секунд в аудитории стояла тишина, которая затем была нарушена похмельными голосами друзей-майоров.

– Ви ест руссиш партизанен? – спросил Гирченко.

– Ja, ja, – на чистом немецком ответил ему Мырченко.

В следующую секунду в аудитории не рыдали от смеха только портреты классиков на стене. А Фрау, выждав мхатовскую паузу, негромко распорядилась:

– Вон. До конца года не сметь появляться на занятиях. Увидимся на экзамене.

– А чего это она их выгнала? – удивился Афанасьич, сам изучавший какой-то иностранный язык. – Они же, мать честна́я, правильно всё сказали, я сам такое в кино слышал.

– Кстати, экзамен оба майора сдали на тройку, – завершил свой рассказ Васюхан, – после чего получили звания подполковников и разъехались по своим частям – служить дальше…

У меня в войсках контракт
вовсе без стипендии:
отслужил я *четвертак* –
и бегом на пенсию!

– Слушай, а откуда ты всё это знаешь? – спросил Альбионыч, который особенно внимательно слушал такие истории – для пополнения копилки будущих томов романа «Русская кочерга»

– Так ведь тогда лето было, – объяснил антенный *джус*, – так что двери всех аудиторий были распахнуты настежь, ведь в советское время никаких кондиционеров военным не полагалось.

«А им, в смысле нам, они и сейчас не положены», хотел было пожаловаться на Сукусудьбу старший прапорщик Батыршин, но не стал – сразу по двум причинам: потому что вспомнил аж два пункта Дисциплинарного устава Вооружённых сил СССР (б): о том, что воинская дисциплина обязывает каждого военнослужащего не только стойко переносить все тяготы и лишения военной службы, но и строго хранить военную и государственную тайну.

Хоть и выпил много в чайной,
но врагу не выдал тайны!

Глава 75. ОБО ВСЁМ НА СВЕТЕ (частные объявления)

Хочешь, мой читатель, угадаю, о чём ты думаешь сейчас? Да о том, что ведь ещё вчера, то есть в третьем томе, в главе 198 Володя, когда отобрал у Полтавцева рекламную газетку и запихал её в знаменитую котомку, пообещал, что дочитает её завтра, то есть уже сегодня – в четверг! А автор, который никогда не компрометирует ни одного из своих главных героев, просто не может допустить, чтобы это обещание было не выполнено, поэтому своей волей прямо сейчас заставил Афанасьича открыть свой *хурджин* в поисках папироски, но сторож её не нашёл, а вот газетку обнаружил.

– О, рекламная газетка, – тут же вспомнил своё обещание писатель. – Давай-ка, Серёжа, дочитаем, – после чего взял «Обо всём на свете» в руки, развернул печатное слово и приступил к чтению, удивляясь, как в условиях нарождающегося капитализма в Саксаулии открылось столько талантов одновременно.

Продаём и покупаем,
приглашаем, предлагаем,
расшугаем, настрогаем,
отругаем попугаем,
угощаем расстегаем!

Именно поэтому писатель вначале изучил страничку частных объявлений:

«Куплю. Продам. Поменяю. Интим не предлагать»

«Ищу мужчину со стержнем. P.S. Фото стержней не присылать»

«Вниманию руководства мясокомбинатов! Курильщик с 40-летним стажем убивает лошадь поцелуем взасос! Иван Парфёнович Куренной-Оглы»

«Помогите стать миллионером. Впоследствии отблагодарю»

«Народный целитель Иван Иванович Стоячий быстро и безболезненно избавит вас от девственности»

«Уничтожаю крыс. Приносить ежедневно с 9.00 до 18.00»

«Куплю винчестер. Жёсткие диски не предлагать!»

«Сниму одно койко-место в мавзолее. Порядок и тишину гарантирую!»

«Молодая программистка с маленькими скриптами ищет солидного провайдера, способного удовлетворить ее сайт»

«Помогу обналичить Нобелевскую премию»

По какой-то там причине,
чтоб совсем не исхудал,
Нобель премию вручил мне –
я с друзьями пробухал!

«Требуются девушки на хорошо оплачиваемую работу. тел. 22-22-22»

«Приглашаются юноши хорошо провести время. тел. 22-22-22»

«Приглашаем бойких, смышлёных девчонок для работы в кооперативе «Трахтарарах». Не гербалайф»

«Кодирую от онанизма на один день. Дорого. Таня»

– Володя, дай-ка ёкарную ручку, – неожиданно попросил Салихдзяныч и переписал танино объявление.

– Зачем тебе это? – поинтересовался Муравлёв.

– Ручку? – уточнил военный музыкант.

– Таню, святой Малевич, – уточнил Валера.

– На всякий случай, – привычно ответил бывший житель СССР.

– Ты только учти, мать честна́я, что онанизм неизлечим, – расстроил его Афанасьич и, пригорюнившись, тихо добавил:

– По себе знаю.

Педагог с большевистским уклоном изумлённо посмотрел на своего соседа и воскликнул:

– А Зуля, мать моя партия?!

– Одно другому не мешает, – объяснил сторож. – Володя, читай дальше.

И тут автор нашего замечательного повествования, как это ни странно, согласился со своим персонажем, а вот почему, ответил тебе, мой любопытный читатель, в следующем катрене:

Букву за буквой вношу в афоризм –
в муках, на сердце паскудственно!
Всякое творчество есть онанизм,
но не вульгарный, а умственный…

Правда, здесь же были и объявления тех, кто искал чистую, незапятнанную плохими помыслами любовь. Вот некоторые из образцов этого душевного жанра:

«Ищу спутницу жизни. Первый и пятый этаж не предлагать!»

«Молодой человек ищет жену, подругу, собеседницу и хозяйку в одном лице. Если придут все четыре, не возражаю!»

«Мужчина в расцвете сил ищет бескорыстную, чистую и большую любовь – раз в месяц. Чаще не могу…»

«Мужчина-Лев познакомится с женщиной, желательно Раком!»

«Бедный несчастный еврей ищет бедную несчастную еврейку для создания богатой и счастливой семьи»

– Хорошо, что у меня уже есть такая, – с явным сомнением в голосе поведал Батыршин, но присутствующие так и не поняли, что он имел в виду – ёперную семью или йодистую еврейку.

В этой же колонке обнаружились объявления, так или иначе связанные с заявленной темой, но как-то опосредованно:

«Жена ведущего программы «Очумелые ручки» просит мужа наконец выкинуть бутылку, розетку и скотч и купить нормальные презервативы»

«Дети – цветы жизни! Продаю семена!»

Были здесь и несколько объявлений *от* и *для* семейных людей:

«Исполним самые смелые и неожиданные мужские фантазии: уборка квартиры, приготовление ужина и даже вынос мусора»

«Пропала жена и собака. За собаку – приличное вознаграждение!»

Выбью надпись на граните –
вот такую ерунду:
«Вы собачку мне найдите,
а жену я сам найду!»

Глава 76. ОБО ВСЁМ НА СВЕТЕ (сага о шишках)

– О, смотри, Серёжа, как раз для тебя объявление! – воскликнул Альбионыч. – А то я чувствую, тебе уже надоело ходить летом на службу в магазин «Пингвин и гагара» в

зимней форме[112].

[112] О том, как Полтавцев нашёл эту работу, в главе 241 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

– Читай, – дал разрешение охранник.

– На шишкосушильную фабрику, – выразительно прочёл Кулемзин, – требуется шишкосушильщик для работы на шишкосушильном аппарате.

– А я справлюсь? – с сомнением в голосе спросил Афанасьич.

– С твоими-то талантами? Яйчики-бабайчики, да конечно!

– А я думаю, – встрял в разговор Курманбаев, – что не всё так просто. Полагаю, что квалифицированный шишкосушильщик всё-таки должен иметь хотя бы минимальный опыт шишкосушения на шишкосушильном аппарате с использованием шишкосушильной технологии качественного шишкосушения для наилучшего шишкосушения!

– Чего?! – открыл рот Полтавцев.

Здесь узнай – скажи другому
(но не биотоками):
шишки сушим для того мы,
чтоб не бы́ли мокрыми!

– А я, кстати, тоже придерживаюсь такого же мнения, – подключился к разговору Талгат. – Думаю, что такой шишкосушильщик должен хотя бы отличать аппарат шишкосушения от аппарата нешишкосушения, а также уметь отремонтировать шишкосушильный аппарат, ну, и не лишним будет отличать шишки, пригодные для шишкосушения, от шишек, негодных для шишкосушения, а также отличать шишки недошишкосу́шенные от шишек перешишкосу́шенных, а если дело шишкосушения будет идти не на воле, а где-нибудь *на зоне*, то за каждую недошишкосу́шенную или перешишкосу́шенную шишку шишкосушильщик может получить шишкосушилкой по голове!

– Чего?! – открыл рот Володя. – А откуда вы всё это знаете?

– Да кто же не знает технологию шишкосушения? – удивился художник.

– А ты что, тоже знаешь? – засомневался писатель, который стал подозревать, что всё это или ему снится, или пора вызывать в Бермудский Учпучмак бригаду скорой психиатрической помощи.

Ненавязчиво и тихо,
потому что сам он тих,
психиатр поможет психу
враз узнать, что тот есть псих!

– Конечно, знаю. Невелика наука, – ответил саксаульский айвазовский. – Технология же крайне простая: шишковоз при помощи шишкосвального аппарата сначала сваливает шишки в шишкосортировочный отдел, где шишкосортировщики с использованием шишкосортировочной машины шишкосортируют шишки, пригодные для шишкосушения, от непригодных для шишкосушения. Затем шишки, пригодные для шишкосушения, поступают в шишкошлифовальный отдел, а там шишкошлифовщики на шишкошлифовальных аппаратах шишкошлифуют шишки от нешишкосушительных шишкоотростков.

– А дальше? – дрожащим голосом осведомился Альбионыч.

– Ну, а дальше шишки, уже прошедшие шишкошлифование, конечно же, попада́ют в шишкодробительный отдел.

– Стоп! – воскликнул Кулемзин. – Пора вызывать психиатров! Кстати, а ты, Васюхан, случайно не знаешь, что с ними происходит дальше?

– Конечно, знаю, – степенно ответил Митрохин. – Все, кого забирают психиатры, в дальнейшем подлежат дальнейшему излечению от психических заболеваний.

– Да я про шишки! – страшным голосом уточнил литератор без шишкосушильного образования.

– И это знаю: шишкодробильщики на шишкодробилках дробят шишки до шишкодробильного состояния, выбрасывая нешишкодробные шишки на шишкосвалку, где шишкосвальщики сжигают нешишкодробные шишки в шишкопечи.

– А шишкодробные шишки, царица лесная? – тихопомешанно улыбаясь, уточнил Полтавцев.

– А шишкодробные шишки, конечно же, высушиваются в шишкосушилках, – объяснил знатный антенщик-шишковед.

Как ненужную примету,
шишки эти изживу!
И давайте кончим эту
очень страшную главу!

Глава 77. ОБО ВСЁМ НА СВЕТЕ (полезные советы)

Традиционно много в подобных газетах было объявлений с приглашениями на разные работы.

– А вот кто у нас без работы? – с трудом отойдя от предыдущей темы, весело воскликнул чтец-декламатор. – Яйчики-бабайчики, сейчас мы что-нибудь подыщем.

– Только не на шишкосушильную фабрику, – вздрагивая всем телом, пробормотал Серёжа.

– Хорошо, старичок, слушай другие вакансии:

«Театр одного актёра приглашает на работу одного актёра»

«Предприятию по производству туалетной бумаги срочно требуется инженер-испытатель. Опыт работы по специальности не менее 3 лет»

«Объявляется набор на курсы иностранных валют»

После праздничных салютов,
разменявши по рублю,
иностранную валюту
я по курсу, но пропью!

«Требуются рабочие для работы на работе. Оплата деньгами»

«Для интересной и творческой работы приглашаются грузчики с высшим образованием»

«Цыганскому фольклорному коллективу срочно требуется ромалэнький айнанист»

«Требуется специалист-универсал для работы в живом уголке. Резюме приносить по адресу: г. Отцеябловск, Первое городское кладбище. Приходить трезвым, со своим инструментом»

«Зоомагазин примет на работу самку продавца»

Это объявление Афанасьич на всякий случай переписал на левую ладонь красным концом своего двухцветного карандаша. «Может, Зуле, мать честнáя, пригодится», мудро решил он.

«Предлагаем долевое участие в вашей выпивке»

А это объявление переписали все присутствующие, включая пришельца Васюхана и непьющего Володю. «Может, запью когда – от такой жизни», мудро решил он. «Авось, тогда и пригодится…»

«В новый пельменный цех требуются сытые работники»

Ищем красавиц, ищем отличниц,
ищем для наших пельменей варильщиц!

Газета «Обо всём на свете» просто-таки пестрела самыми разными предложениями, и поэтому создавалось впечатление, что у саксаульцев вообще не бывает скучных дней. Им всё время что-то предлагалось – были бы только деньги для осуществления их самых невероятных желаний!

«Бюро ритуальных услуг «Последний привет» проводит интересную акцию «Загляни под крышечку»

«Высококвалифицированный хирург поможет плохому танцору»

«Быстро и качественно:

■ отбеливаем зубы;

■ удаляем родинки;

■ красим волосы;

■ меняем пигментацию кожи.

Недорого, фирменное оборудование (Adobe Photoshop 9.0)»

«Продам корень женьшеня. Дорого. Самопоиск. Самовыкоп. Самовывоз»

«Продам электрический стул. Всё включено!»

«Рекламная акция в цветочном магазине! Купив у нас три розы, четвёртую вы получаете совершенно бесплатно!»

«Предлагаем зубную пасту «Эпилепсия» – только она даёт обильную пену изо рта!»

«Купите у нас 1000 мегабайт оперативной памяти, и 24 мегабайта вы полу́чите абсолютно бесплатно!»

«Продам два лома для занятий тяжёлой скандинавской ходьбой»

«Новая зубная щётка «Rich Access» проникает в самые труднодоступные места!»

– Интересное объявление, – пробормотал Кулемзин. – Даже жаль становится, что у меня нет зубов в труднодоступных местах…

«Соберите 500 обёрток от кубиков «Maggi» и выиграйте бесплатное лечение язвы!»

Мы поели супчик «Магги» –
не хватило нам бумаги!

«Утренний стул от «Данон»! Теперь с кусочками фруктов!»

«Чтобы не тратиться на детскую жевательную резинку «Dirol Kids» завтра, не забудьте воспользоваться резинкой «Contex» для взрослых сегодня!»

«Пользуйтесь батарейками «Duracell»! Даже полностью разряженные, они лежат в письменном столе в 10 раз дольше, чем обычные!»

«Кефир и селёдка! Авокадо и хрен! Квашёная капуста и гашёная известь! Ананас и засохшая краска! Любые гастрономические капризы в нашем магазине «Еда для беременных»

«Покупайте духи́ «Маленькая фея»! Волшебный шаг в мир алкоголя…»

Интересной оказалась и последняя страница газетки, где по традиции печатались всякие разности под рубрикой «Полезные советы»:

«Хозяйке на заметку. Ужин будет гораздо вкуснее, если готовить его через день»

«Если вас считают *полным* идиотом, постарайтесь сбросить несколько килограммов»

«Стеклянный глаз, вставленный в дверной глазóк, отпугнёт от вашей квартиры любого вора»

«Ваш проездной билет прослужит вам немного дольше, если вы проедете свою остановку»

«Чёрная рубашка в белую крапинку – идеальная защита от перхоти!»

Дал задание мне сверху
голос очень вкрадчивый:
не могу продать я перхоть –
говорят, нет качества!

«Кабачковая икра станет вкуснее, если заменить ее чёрной или красной»

«Водку нужно пить не просто холодную, а желательно ледяную. Тогда у вас наутро будет не позорный бодун, а благородная ангина, на основании чего любой врач просто обязан выдать вам больничный!»

Наконец Афанасьичу надоело слушать разные разности, и он выхватил из рук Володи газетку:

– А давай-ка я, царица лесная, лучше кроссворд разгадаю!

И, действительно, на той же последней странице всегда печатались кроссворды для особо умных жителей Отцеябловска, а так как таких кроссвордов было целых три, все понимали, что умных в этом городе живёт много.

– Бог еды и плодородия у народов Крайнего Севера, – прочёл он, спотыкаясь на каждой букве.

– А сколько там всего букв? – поинтересовался Митрохин.

– Восемь.

– Тогда вертолёт! – под общий смех разгадал Васюхан, и в это время выяснилось, что пиво у всех давно закончилось, а Володю, который вообще любил что-нибудь почитать, все слушали с пересохшими глóтками только из вежливости.

Ты, друг, много не болтай –
лучше в магазин слетай!

Глава 78. ТОП-ТОП-БУС ТУДА И ОБРАТНО

Заглянул здесь автор в Великий План Построения Первой Части Четвёртого Тома Романа «Русская Кочерга», и понял, что находится уже на странице 175, а, значит, до конца этой части осталось всего каких-то несколько десятков страниц. И решил, что ключевым в последнем предложении будет всё-таки словосочетание *русская кочерга*, то есть его (автора, а не предложения) любимая игра, и, надеюсь, читателя тоже. А посему – вот вам начало второй партии сегодняшнего дня. Но перед этим…

«Пора позаботиться о сирых и убогих», подумал писатель, после чего привычно расстегнул кармашек рубашки.

– Ну, кто у нас тут самый смелый? – вопросил он и помахал зажатой в правой руке купюркой, которая была предназначена для того, чтобы через малое время стать вещественным осуществлением этой мечты.

И вот какой парадокс: только что все присутствующие страдали наждачной болезнью горла, а вот сейчас как-то неуверенно заухмылялись, заощерились, залыбились и даже заосклабились давно не чищенными ртами. А всего-то и надо было светло улыбну-

ться, чтобы прочувствовать этот момент помощи не только себе, но и своим товарищам по покерному промыслу, а также неиграющим Муравлёву и Митрохину.

Улыбайтесь, фотографируясь!
Быть может, именно это фото ваши
близкие выберут для надгробия…

Идёшь сниматься – выгляди пилотом
кого-нибудь суперНЛО:
на память изготовь такое фото,
чтобы оно на памятник пошло…

– Серёжа, твоя очередь за пивом идти, – наконец навскидку предложил Кулемзин.

– Почему это опять моя? Я же, мать честнáя, только что ходил!

– Да потому, – терпеливо объяснил ему старший по покерному столику, – что ты глупый, быстрый и легкоуговариваемый.

– А-а-а, ну тогда ладно, – ответил сторож, после чего сделал попытку задуматься.

– Иди, Серёжа, – строго попросил Володя, насильно вкладывая в его грязную длань чистую купюру.

– Как? – по-глупому отозвался Полтавцев.

– Как? Хороший вопрос. Отвечу тебе так: учитывая расстояние до магазинчика Калимы, езжай-ка ты к нему топ-топ-бусом!

– А, понял! – засиял радостной швейковской улыбкой Афанасьич и отправился в путешествие.

Надо отметить, что здесь нашим персонажам повезло, потому что к этому времени (а оно уже приближалось к половине двенадцатого) все необходимые утренние покупки уже были сделаны, и в магазине покупателей не наблюдалось совсем. Наверное, поэтому совершение ритуала обмена денег на товар прошло быстро – всего за каких-то 15 минут. «А почему не за две?», спросит автора внимательный читатель, и тот ему ответит, что можно было, конечно, купить несколько бутылочек пивка и за две минуты, если бы не природное любопытство охранника, который каждый раз входил в лавку Калимы как в пещеру Аладдина – для знакомства с местными сокровищами.

Я сам себя всегда врачую –
и вот сейчас мечта близка:
«Сим-сим, откройся!», бормочу я,
но дверь не знает языка!

Что больше всего каждый раз поражало Афанасьича, когда он входил в учпучмакское сельпо, так это то, что магазинчик как бы манил иллюзорной прохладой, то есть издалека казался тёмным, а, значит, прохладным, но каждый раз внутри оказывалось страшно жарко, душно, пылко и паляще. Серёжа не раз задумывался над этим феноменом, пока не догадался, что текущее время года – лето.

Попав в гости к Калиме, он тут же стал оглядываться – с интересом семиклассницы, впервые увидевшей журнал «Playboy», и даже заметил кое-что, что отсутствовало вчера. Так, на одной из полок появилась тушёнка, судя по рисунку на этикетке, из китайских собак. В витрине справа матово отблескивали силиконовые сардельки, а слева лежали их младшие сёстры – сосиски, напоминавшие неприличные части тела карликов. Ровно посередине витрины бился случайно залетевший сюда контуженный шмель, размышляющий о своём суровом бытии.

Сделав заказ продавщице, Полтавцев продолжал вертеть головой, пока не наткнулся взором на полочку, которую он называл *вечерней*, так как продукция, предложенная такой полочкой, была водочными бутылочками. Сторож не раз бывал здесь вместе с Кулемзиным, который объяснял ему, что практически вся водка в магазине была явно *палёной*, и Володя даже не раз предлагал владелице лавки изготовить и повесить над полочкой вот такой, хотя бы от руки написанный, плакатик:

За водяру отвечаю репой!

В стакан палёной водки наливая,
ты хлёстко бьёшь по умному челу:
бывает часто близость половая
у пьяниц, возлежащих на полу!

А что же наши сопокерники и примкнувшие к ним гости романа? Неужели они сидели в ожидании пивного скорохода просто так, то есть скучая и ковыряясь в носу? Конечно, нет, ибо на пятой минуте ожидания первым напряжения не выдержал Валера, который традиционно обратился к Альбионычу:

– Володя, кажется, Серёжа опять где-то застрял. Ты бы рассказал пока что-нибудь.

– А давайте я что-нибудь расскажу, – встрял в разговор не знакомый с бермудскими традициями Васюхан.

– Подожди-ка, друг, – серьёзным голосом остановил его Батыршин, после чего обратился к гуру:

– Старик, может, расскажешь о феменологических нормах переживаний?

– Нет, Володя, расскажи нам лучше, святой Малевич, о выключении чистой логики как mathesis universales[113], – горячо вскричал живописец.

[113] Универсальная математика – лат.

– Слушайте, какие-то темы у вас несерьёзные, – попенял предлагальцам Курманбаев. – Владимир Альбионыч, не могли бы вы, мать моя партия, просветить нас по поводу алгоритмов вывода формулы ускорения Кориолиса[114]?

[114] Гаспар-Гюстав Шарлевич де Кориолис – французский математик, механик и инженер XIX века – прим. науч. редактора

Митрохин дико заозирался по сторонам и решил немного помолчать, так как понял, что Сука-судьба занесла его сегодня на заседание Клуба Анонимных Интеллектуалов.

В голове звенит бесшумно
мысль, которою клеймён:
как же сложно жить средь умных
мне, кто раньше был умён!

– Хорошо, – согласился литератор. – Просвещу-ка я вас сегодня о таких глубоко взаимосвязанных понятиях, как понимание и непонимание.

«Понимаю!», мысленно воскликнул военный трубач.

«Не понимаю!», мысленно воскликнул антенщик.

– А чтобы вы хорошенько поняли мой замысел, расскажу-ка я вам одну восточную притчу – про моего хорошего знакомого Сиддхартху Шуддходановича Гаутаму, который

ни хрена ничего не делал, а сидел пень пнём много лет, после чего стал Буддой. Итак, короткая притча под названием

О понимании и непонимании

Проходил как-то Будда со своими многочисленными фанатами мимо одной деревни и решил провести там незапланированное мероприятие по просвещению этой отсталой части Индии. Но оказалось, что на собрание явились какие-то не те люди, а именно противники его учения, которые, узнав пришельца, тут же стали горячо и зло его оскорблять.

Молча и спокойно слушал их Будда, и от этого спокойствия его противникам стало как-то не по себе. У них даже возникло некое нелепое чувство: они оскорбляют человека, а он слушает их ругательства как пластинку группы «Eagles»[115] 1976 года под названием «Hotel California»[116].

[115] «Орлы» – англ.
[116] «Отель Калифорния» – англ.

И тогда один из хулителей обратился к Будде:

– В чём дело? Ты что, не понимаешь, что мы говорим именно о тебе?

– Именно при моём понимании возможно такое глубокое молчание, – ответил им Будда. – Случись это с нами десять лет назад, я бы бросился драться с вами, ведь тогда у меня не было понимания. Теперь же оно пришло, и мне нет нужды из-за вашей глупости наказывать себя разговором с вами.

«Понимаю!», мысленно воскликнул педагог.

«Не понимаю!», мысленно воскликнул художник.

– Так что ваше дело, – продолжил Будда, – оскорблять меня или нет, но вот принимать или не принимать ваши оскорбления – в этом и состоит моя свобода. Вы же не можете насильно навязать мне оскорбления – я от них просто отказываюсь, ибо они не сто́ят того. И именно поэтому я, живущий в царстве собственной свободы, сейчас приказываю своим ученикам: отметельте-ка хорошо этих тупых крестьян!

Говорил подруге Вася,
как дебилке, по слогам:
«Кто во мне за-сом-не-вал-ся,
тот по-лу-чит по ро-гам!»

Глава 79. РАССКАЗ О ГЕНИАЛЬНОМ ПРОДАВЦЕ

Здесь Мусаич взглянул на часы и отметил, что время ожидания псевдоскорохода уже перевалило за 10 минут. Выяснилось, что эта же мысль овладела и старшим прапорщиком Салихдзянычем.

– Да где же этот йодистый Серёжа? – воскликнул он.

– Может, у него начался внезапный и бурный роман с Калимой? – выдвинул страшное предположение Муравлёв.

– А ему-то это зачем? – удивился писатель. – Яйчики-бабайчики, у него же Зуля есть.

– Запасной аэродром, – многозначительно объяснил саксаульский шагал, и всем стало ясно, что эта мысль была для его истощённого алкоголем организма не новой.

– А-а-а, понял, – довольно отозвался бескорыстный большевик. – Калима же – продавец, а, значит, у неё денежки водятся!

– Эх, Нуртай, – попенял ему покерный гуру, – не все продавцы одинаковые. А чтобы ты это понял хорошенько, расскажу-ка я вам ещё одну историю, тем более, что Афанасьича можно ждать часами.

Хоть шестую, хоть седьмую, –
под бутылочку бордо,
проживаем жизнь пустую
в ожидании Годо[117]!

[117] «В ожидании Годо» – пьеса ирландского драматурга Сэмюэля Уильямовича Беккета (1949) – прим. лит. редактора

Увидев, что высказались все присутствующие, антенщик Васюхан решил промолчать и на этот раз.

– Итак, жила-была продавщица (назовём её для удобства восприятия *контента* Леной), которая могла улыбаться так, что ей верили. Она искренне смотрела в глаза посетителям, помогала при выборе товаров, была очень милой, и люди с удовольствием фантазировали себе, что перед ними близкий друг.

И вот однажды в магазине случилась недостача, а внутреннее расследование показало, что виновата в краже Лена. Её публично обвинили, но она не признала свою вину, а когда приговорили к возмещению убытков, то согласилась.

– Почему? – воскликнул Митрохин, так как понял, что имеет право на один вопрос.

– Да потому, – ответил рассказчик, – что такова жизнь. Бывшие товарищи стали сторониться Лены, в том числе потому, что её громогласно обвинил в воровстве ни кто иной, как администратор магазина – человек далеко не последний в коллективе, а потому уважаемый.

И вот друзья исчезли, после чего Лена стала натыкаться на неприятные эмоции коллектива в свою сторону. Всеобщая любимица быстро стала изгоем и объектом травли. Она продолжала улыбаться людям, но теперь её улыбка стала, как у всех, ведь в ней пропала искренность! И ей перестали доверять… Её глаза прятались от покупателей по сторонам, чтобы не показывать, что улыбка на лице – всего лишь часть её спецодежды. И тут выяснилось, что многие ходили в этот магазин именно за её улыбкой, за заботой, как это не звучит глупо, и, потеряв всё это, ходить в магазин перестали.

Бьётся мысль проворной рыбкой,
обозначивши сюжет:
где бы мне купить улыбку,
ведь своей, к несчастью, нет?

Через два месяца в магазин из Абхазии приехал ругаться хозяин, потому что прибыль катастрофически скатилась вниз, как ему казалось, по совершенно непонятным причинам. И хотя администратор рассказал о неблагоприятных факторах, влияющих на продажи, хозяину на это было плевать, ведь убытки стали заметны слишком очевидно. Тогда администратор сказал, что Лена воровка и для повышения продаж её надо уволить. И вот это стало роковой ошибкой глупого администратора, потому что хозяин вызвал Лену в кабинет для разбора, а когда увидел, что она боится, то послал администратора сделать ему кофе, после чего стал изучать её лицо.

Изучаю я лицо:
нет ни шрамов, ни рубцов!

Лена сидела напротив хозяина с пустотой в глазах. Они молчали оба: владелец бизнеса изучал измученное лицо продавщицы, а она не знала что говорить: с одной стороны, она собиралась уволиться, а, с другой, боялась вообще всех богатых людей с властью. Потом пришёл администратор, принёс кофе и двинулся назад, неожиданно будучи посланным, потому что хозяин не любил людей, которые сваливали вину на обстоятельства и окружающий мир. И вот после такой мысли он принял решение уволить плачущую продавщицу с должности.

– Чего с лицом? – спросил он.

– Всё нормально у меня с лицом.

– Денег не хватает?

– Хватает.

– А зачем украла?

– Я не крала.

Многие знают, что в русском бизнесе не нужно много доказательств, ибо бóльшая часть решений принимается на уровне интуиции.

Может, это и наивно,
но себя во всём блюдý:
я живу интуитивно –
с интуицией в ладу!

И вот на уровне ощущений вдруг было принято решение об увольнении… администратора, и хозяин тут же стал искать человека, который его заменит. А так как ему понравилась независимость Лены и её честный взгляд, он почувствовал, что сможет ей доверять и стал надеяться, что именно от неё не услышит больше никакого отчётного вранья[198]. И придумал он бредовый эксперимент:

[118] Напрасно автор назвал эту главу рассказом. Это явная сказка! – прим. гл. редактора

– Предлагаю тебе должность администратора, а то у меня что-то последнее время продажи падают.

– Нет, – засмущалась Лена, – не моё это.

– Твоё, твоё, – успокоил её хозяин. – Ты сможешь.

И, так как хозяин был человеком красноречивым, то легко смог убедить Лену стать администратором. И вот через какое-то время навстречу теперь уже Елене Александровне снова засветились улыбки коллег.

– И чего дальше? – нетерпеливо ёрзая на покерной скамеечке, хором осведомились Валера и Васюхан, а Нуртай и Талгат не осведомились, так как просто подумали такую же мысль.

– Ну, выручка постепенно вернулась, всё стало пучком, к тому же новый администратор уволила всех своих старых коллег, которые над ней посмеивались, и наняла новых, а так как денег стало больше, этим новым даже подняла зарплату. Короче, набрала себе таких же комсомолок с горящими глазами, и они у неё прямо тащились, когда продавали. В общем, передала им свой талант!

И здесь, несмотря на оптимистичный финал, по лицу Альбионыча промелькнула какая-то нездоровая тоска.

– Володя, ты чего? – забеспокоился Николаич. – Здóрово же всё кончилось!

– Нет, други мои, не здóрово.

– Почему?!

– Да потому что через месяц ушла Елена Александровна из магазина и снова стала Леной – на базаре мясом торговать.

– А чего так?

– Да потому что не её это было – администрировать…

Все подавленно замолчали, переживая за персонажиху нашего романа.

– Был я, кстати, на этом Зелёном базаре, прошёлся по рядам и увидел, что у всех продавцов одинаково скучно, а вот у Лены очередь в километр, и светится она вся изнутри, и любит и людей этих, и мясо, и гири, и весы, – понимает, что людям нужна…

Вождь поздравил с новым блюдом,
и костёр его не мерк.
«Как я нужен этим людям!»,
говорил миссионер.

Глава 80. СЧАСТЬЯ ПОЛНАЯ КОТОМКА

Все немного помолчали, переваривая только что рассказанную историю. И тут случилось приятное: на горизонте появился Полтавцев, весело побренькивая своей полной счастья котомкой. Он шёл покачиваясь, как саксаул под самумом. Его иногда даже заносило в сторону, и тогда охранник становился похожим на труп, который изредка рефлексирует на свет.

Подойдя к покерному столику, он отрапортовал Володе неизвестными коллективу словами «Mission Complete!»[119], после чего споро раздал весёлые бутылочки присутствующим, причём, пожелал каждому побольше добра в личной жизни, чем весьма удивил и игроков, и гостей. Впрочем, удивляться здесь было нечему, ведь Серёжа сейчас являл собой зримый образ полностью счастливого человека, потому что купил себе не только любимого[120] «Жигулёвского», но также и пакетик каких-то подозрительных чипсов, которые хрустели в котомке, как керамзитовая крошка. Он принялся раздирать вожделенные пакетики, как мартовский кот от переполняющих его чувств вместо надушенной домашней кошечки дерёт кору весеннего дерева.

[119] Задание выполнено – англ.
[120] От слова любовь – прим. автора

– Вот и тебе, Володя, персоналка! – поставил сторож перед Кулемзиным его бутылочку «Тянь-Шаня»

– Спасибо, сынок, – взял из рук скорохода напиток Альбионыч.

– Да *пожалуй*, царица лесная! – ответил охранник. – С дорогой душенькой!

Мой внимательный читатель, наверное, уже заметил, что литератор на протяжении уже четвёртой книги ещё ни разу не отказался от предложенного пивка. А знаете почему? Да потому, что на предложение поработать покерный гуру, как правило, отнекивался, а вот на предложение выпить пивка – *отдакивался.*

Пьют медведи и слоны,
дяди пьют и тёти –
все на свете пить должны.
Даже на работе!

Зато все замечали, что когда Володя начинал пить пиво, он увеличивался в размерах, точно шар, запускаемый в рекламных целях в небо в дни всенародных праздников.

Затем Афанасьич наклонился к Салихдзянычу, таинственно улыбнулся и поставил перед ним некую жестяную баночку.

– Вот, мать честна́я, специально для тебя. Новинка! Пиво «Маккаби», израильское.

– А при чём здесь я и какой-то ёкарный Израиль? – вскинулся тот.

– Ну, как знать, как знать, – тонко улыбнулся педагог.

Талгат заинтересованно оглядел баночку, но очень скоро скривился.

– Так ведь здесь написано: *кошерное*!

– А что это такое? – перепугался охранник.

– А это такое очень слабоалкогольное пиво, – объяснил Володя. – Как раз, Талгат, для тебя. Им, яйчики-бабайчики, просто нельзя напиться, как свинья…

В это время открыли свои бутылочки и даже весело чокнулись ими художник Муравлёв и пришелец Митрохин. Тут Васюхан почувствовал, что от радостной полноты бытия он просто обязан открыть ставшему ему родным коллективу некую истину.

– А знаете ли вы, друзья, – произнёс он, рассматривая принесённую бутылочку на просвет, – что мы сейчас пьём пиво по закону сохранения энергии, который сформулировал ещё покойный батюшка Ломоносов?

– Царствие ему *дедушкино*, – перекрестился корявыми пальцами экс-текстильщик.

– Это как? – заинтересовался живописец.

– Ну, раз в магазине что-то убавилось, – вспомнил школьную программу антенщик, – то значит, у нас в брюхе то же самое и прибавилось…

Я скажу сейчас контрастней –
в пониманье мировом:
в нас энергия не гаснет,
потому что пиво пьём!

– Браво, старший над всеми джусами вольного города Отцеябловска! – вскричал на это писатель, после чего, по примеру Митрохина, тоже решил немного просветить слабый знаниями коллектив.

– Знаете ли вы, мои маленькие друзья, что пиво – это величайшее изобретение человечества?

– А колесо, мать моя партия? – завопил Курманбаев.

– Не кричи, Нуртай. Колесо, тоже, конечно, хорошая штука, но признайся, что колесо утром, да с похмелья, как-то совершенно не лезет в гло́тку!

– А, ты в этом смысле, – дал задний ход большевик.

– Кроме этого, нельзя забывать, – напомнил присутствующим Кулемзин, – что пиво на Земле, как хорошо известно из учёной книги «Открытия и изобретения» профессора Фекалина, изобрели гораздо раньше, чем колесо и порох!

Не монетки, не таблетки,
не салфетки, не кушетки,
не отметки, не беседки,
не креветки, не ракетки,
не кривые горбыли, –
хорошо, что наши предки
пиво нам изобрели!

Замечательно чувствовал себя и Николаич: во-первых, было пиво, во-вторых, не было Наташи, в-третьих, были друзья, в-четвёртых, не было тёщи, в-пятых, впереди был весь день, в-шестых… А, впрочем, для счастья вполне было достаточно и этого. Валере очень нравились вот такие посиделки, напоминающие ему светлые дни юности, в которых непременным атрибутом входили многочасовые полудиссидентские сидения на

кухне с водкой и обсуждением жизненных драм, приносимых социализмом. За последние десять лет не изменилось ничего, за исключением того, что драмы теперь приносил капитализм.

И так хорошо стало художнику, что даже захотелось немного потворить, захотелось написать и подарить каждому из сидящих сейчас вместе с ним по *значительной* картине – на долгую-долгую память. От такой мысли его, как когда-то святого Малевича, даже прошибла малая слеза, и он вспомнил катрен, который когда-то посвятил ему его друг Альбионыч:

Жизнь – как горная дорога
на картинах у Ван Гога,
а судьба – как колесо
на полотнах Пикассо!

И только Афанасьич, раздав боеприпасы, не слушал эти глупые разговоры, втягивая в себя «Жигулёвское» с шумом, словно голодный пылесос – зазевавшихся блох.

– Серёжа, а потише нельзя? – возмущённо обратился к нему Мусаич.

– Нельзя, – авторитетно ответил сторож.

– Почему?!

– Да потому, что в пиве мало витаминов, и поэтому его надо пить больше!

На это у заносчивого Курманбаева ответа не нашлось.

В пиве каждый славянин
враз отыщет витамин!

Глава 81. РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ

– А во что это вы всё время играете? – поинтересовался в это время Васюхан, но Володя не ответил, кивнув на неиграющего живописца, а стал тщательно тасовать колоду перед второй партией за сегодняшнее утро. Муравлёв, уловив кивок, взял Митрохина под ручку и, отведя в сторонку, стал объяснять тому правила *русской кочерги* – в собственной интерпретации.

Правда, при этом он не смог объяснить антенщику главного, а главным признаком профессионала, как это понимал один только Кулемзин, было умение ждать, то есть мучительно-тревожное состояние, при котором необходимо сохранять и хладнокровие, и выдержку, и присутствие духа, чтобы при новых *вводных*, то есть резко изменившейся ситуации, суметь молниеносно принять единственно верное решение и провести единственно верное действие. Именно это Володя и называл мастерством боя.

Чтоб снести бандиту башню
в поединке ключевом,
мастер боя – рукопашник
бьёт не пальцем – кирпичом!

И пока Митрохин проходил бесполезный для себя ликбез, игра уже началась – после того, как Володя, тщательно растасовав колоду, сдал всем игрокам по одинаковому количеству карт, а остатки колоды положил сверху на открывшегося козыря – трефовую четвёрку. Автор уже не раз рассказывал о дебютах и даже гамбитах покерных партий, и потому сразу же перенесётся на несколько робберов вперёд – к игре на 7 картах. К этому времени у всех игроков были разные достижения: у Кулемзина 112 очков, у Курманбаева – 94, у Батыршина – 46, а у Серёжи, как это часто случалось, минус 15! Впрочем, это

не значило ровным счётом ничего, так как до конца партии оставалось сыграть ещё ровно 20 робберов, а, значит, любой минус в этой ситуации мог вполне вырасти в плюс и наоборот.

Хуже всего – в силу минусового сидения – было, конечно, Афанасьичу. Но что это? Увидев пришедшие карты, он вдруг издал чисто индейский нечеловеческий вопль, разрушая тем самым свою только что обдуманную конспирацию. А причиной столь бурных восторгов стал банальный козырный марьяж, то есть король и дама трефей, да ещё младший джокер. Альбионыч, например, по хорошему заказал бы здесь всего одну взятку, так как джокер-недоросток легко убивался сразу тремя картами (не двумя, как подумал читатель!): покером, старшим джокером и своим же собратом младшим джокером, если пойти им немного раньше, а уж про марьяж и говорить нечего!

Громко пели менестрели
про такой вот анекдот:
«Будет джокер наш пристрелен,
коль себя он так ведёт!»

Но сторож немедленно впал в ересь всемогущества и выкрикнул:

– Две!

А это означало только одно – что на трёх игроков осталось всего 5 взяток. Вторым заказ делал военный трубач, который оглядел своё бесславное воинство и скромно озвучил принятое решение:

– Одну.

Сложив 2 и 1, и получив 3 в результате, Мусаич страшно перепугался и, на всякий случай, отпасовался.

Оставалась только заявка писателя. Карта к нему пришла отменная, то есть младший джокер и сразу четыре козыря, но Володя сделал безразличное, как чугунная крышка люка, лицо, намереваясь сыграть блеф. Правда, услышав, что Нуртай объявил пас, он тут же отменил своё решение, и в итоге недолгих раздумий заказал три взятки. У него (Володи, а не Нуртая) появилась одна мыслишка, которую он высокопарно назвал планом, и тут же принялся его осуществлять.

Я придумал хитрый план –
и построил *ероплан*!

Хотя была, конечно, опаска, что Курманбаев блефует, ведь Кулемзин традиционно не доверял ему, как, например, не доверяет врач операционной сестре, у которой в руке дрожит *кохер*, а из глаз на марлевую повязку стекает не пот, а слёзы.

Но вот, наконец, роббер начался, который тут же пошёл совсем не так, как представляли это сделавшие свои заказы игроки. Во-первых, педагог, который ходил первым и, если помнит читатель, объявивший пас, сразу же пошёл козырным валетом, на который каждому предстояло скинуть такие же козыри – у кого младше, а у кого и старше. В результате взятка досталась Серёже, который забрал её своим маленьким джокером. Он сокрушался, что пришлось отдать столь большую карту, но делать было нечего, так как Володя скинул козырного туза, а у Полтавцева самый крупный козырь был, как помнится, король.

Дальше всё было ещё хуже. Подумав, что раз из текущей игры вышли самые старшие козыри, то есть туз и король, Афанасьич смело пошёл дамой треф, но здесь Талгат, испугавшись, что недоберёт одну заказанную взятку, хапнул полтавцевскую женщину старшим джокером.

После такого афронта сторож стал выглядеть как Христос на второй минуте снятия с креста. Нечто подобное, наверное, испытывали первобытные люди, наблюдавшие, как солнце исчезает за горизонтом, – а вдруг навсегда?!

– Ты что, старик, с ума сошёл? – задал он глупый вопрос музыканту, на который у Салихдзяныча не нашлось ответа, а вместо него он только стал нелепо пожимать плечами, испытывая сейчас двойственное чувство: во-первых, радость по поводу своей скромной победы, и, во-вторых, сочувствие к своему другу-недоумку, который играет уже столько времени, а всё никак не научится!

Коль знаньями вооружён,
будь трижды осторожен:
чтоб жизнь узнать со всех сторон,
нам школа не поможет!

Испытывая го́ре, бывший текстильщик застыл в йоговской позе *всё напрасно*, но ненадолго, так как роббер надо было доигрывать. И вот тут случилась ещё одна беда. Если бы её можно было обозначить как название фильма, то на афише могло быть написано: «Непоправимое-2». После взятки Батыршин, которому не хотелось *перебора,* скромно пошёл пиковой пятёркой, за ним пикового валета скинул Володя, а вот Серёжа, у которого вспыхнул, как пишут плохие поэты, лучик надежды, кинул на покерный столик пиковую даму, столь пронзительно воспетую Сергеичем. А в чём же была непоправимость этой, казалось бы, простенькой игровой ситуации? Да в том, что у Курманбаева были две пикушки – король и девятка. А это означало, что если бы он сейчас скинул младшую карту, то получил бы свой пас, а Серёжа вожделенную взятку. Но он бросил короля – сверху уже набросанного!

Это была пакость, причём, ничем не мотивированная: во-первых, Мусаич вместо пяти пасовых очков получал только одно – за перебор, и, во-вторых, в результате этого хода недобирал одну взятку в 25 очков Афанасьич, который, как знали все игроки, и так был на последнем месте, тем более, в минусе!

Оценив очередную пакость Нуртая, литератор, а в данное время певец, тут же яростно исполнил песню о пионере-герое Великой Отечественной войны:

К врагам и фашистам он был беспощаден,
ведь был он знако́м с Ковпаком:
его называли козлёнком в отряде,
враги называли козлом!

После исполнения песни Полтавцева прорвало, как американскую плотину «Сент Фрэнсис» в 1928 году близ города Лос-Анджелеса. Вначале вспомнив всех родственников Курманбаева до 17-го колена, он прошёлся по месту его работы, то есть еврейскому колледжу, а затем и персонально по директору этого учебного заведения Бенику Мойшевичу. Нуртай же, слушая обличения разбушевавшегося охранника, молчал, как засланный в тыл врага разведчик, но по несчастью пойманный гестапо. Вторым несчастьем было то, что он всё-таки решил ответить Серёже:

– А, может, ты просто не умеешь играть?

И это вызвало новый вал критических замечаний проигравшего – на этот раз по поводу внешности коммуниста.

– Но ведь это правда! – воскликнул Курманбаев.

И здесь Кулемзин сделал старый трюк, которым пользовался уже неоднократно – он решил отвлечь Афанасьича.

– Ты, Нуртай, осторожнее с этим словом, – предупредил его Володя. – Если оно, конечно, не название газетки советского периода (б).

– Почему это? – заносчиво отреагировал педагог. – Правда – это всегда хорошо!

– Ой ли? А знаешь ли ты, о пламенный большевик, что правда – это изобретение маньяков: она колет глаза и режет уши?

Как сильно любит кот мышей,
так лжи мы любим пуд.
А правдолюбы без ушей
и без очей живут!

Серёжа, услышав такую *невероятность*, немедленно выхватил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и тут же внёс мудрость на скрижали бумажной памяти: «У маньяка правда одна – сделать членовредительство основой своего бесславного существования!». Писатель через плечо ознакомился с записью и с горечью поразился, насколько же серёжина мысль отличается от его фразы – в сторону непререкаемой мудрости.

Глава 82. МЕТОД МОНТЕ-КАРЛО

И здесь автор решил пропустить рассказ ещё о нескольких робберах, рассудив, что если он будет подробно описывать всего одну схватку, то ему не хватит и целого то́ма, чтобы завершить рассказ только об этой партии. И, кстати, подумал он и о том, что пора́ бы объяснить своему читателю, почему эту главу, которая его волей прервала рассказ о второй партии в *русскую кочергу*, автор назвал именно так.

Дело в том, что под таким методом у умных учёных принято понимать один из способов статистического моделирования, который, в свою очередь, был основан на концепции *чёрного ящика*. Обычно он (способ, а не ящик) задействуется в тех случаях, когда использование аналитической модели явления представляется затруднительным или вовсе невозможным, – к примеру, при решении задач теории массового обслуживания, исследования операций, сведённых к изучению случайных процессов и т.д.

Вот такая вышла дуля –
распрощался я с мечтой:
в чёрный ящик заглянул я –
он был полон чернотой!

Применение данного способа статистического моделирования можно проиллюстрировать, скажем, в экономике – на примере из сферы теории очередей. Итак, предположим, что требуется выяснить, как долго и как часто необходимо ждать покупателям в очереди при определённой (изначально заданной) пропускной способности некоего магазина. Такие вычисления, в первую очередь, необходимы для принятия решения о том, следует ли вообще расширять магазин, ведь, как известно, подход покупателей, как правило, носит случайный или неопределённый характер, следовательно, распределение так называемого времени подхода, то есть промежуток между каждыми двумя последовательными приходами покупателей можно установить самостоятельно, исходя из имеющейся информации. С другой стороны, время обслуживания каждого покупателя также имеет случайный характер, следовательно, его распределение также можно обнаружить. В итоге мы получили два (прости, русский язык!) стохастических процесса, непосредственное взаимодействие которых и создаёт очередь.

Как показывает практика, используя метод Монте-Карло в реальной жизни, можно наугад много раз перебирать все возможности, при этом сохраняя одинаковые характе-

ристики распределения, в результате чего можно получить *искусственную* картину данного процесса, а уже затем, повторяя эту картину вновь, каждый раз изменяя условия, получить статистические данные, будто они были собраны в *реальном* времени.

Вывод полностью прозрачен –
пусть застрянет он в башках:
коль условия задачи
ты изменишь – просто швах!

Сложно? Не то слово. Тогда проще – на примере, близком моему читателю: вместо магазина возьмём партию в покер, а вместо товаров – те самые 27 робберов, которые ведут кого-то к победе, а кого-то к поражению – заменяя ими покупки или непокупки в магазине. И после такой замены всё становится предельно ясно: метод Монте-Карло – это банальная вера в Случай, который, как хорошо известно, является пасынком само́й Суки-судьбы. А чтобы это было ещё понятнее, то вот вам пример из жизни – в виде карточного анекдота. Итак,

Покер и статистика

«Школьник, студент и профессор математики обсуждают стратегию игры в покер.

– Если сопернику четыре раза подряд пришли тузы, – говорит школьник, – значит, в пятый раз уж точно не придут, ведь ёкарная статистика учит, что в долгосрочной перспективе шансы всегда должны уравниваться.

– Это неверно, мать честна́я, – поправляет его студент. – Статистика как раз учит, что прежние независимые события никак не влияют на будущее, поэтому шансы соперника получить тузы продолжают быть теми же, что и раньше.

– Яйчики-бабайчики, вы оба не правы, – вступает в разговор профессор. – Статистика учит, что если сопернику четыре раза подряд пришли тузы, то этот соперник – просто шулер, и вам лучше уйти из катрана[121] подобру-поздорову. Надеюсь, что вы, недоросли, не будете спорить со мной?»

[121] Место сбора шулеров для игры в карты – феня

– А ты что сам думаешь по этому поводу, мать моя партия? – решил подколоть рассказчика Мусаич.

– А я думаю, что сначала ты играешь в покер, а потом у прохожих на виду!

– Как это, святой Малевич? – аж подпрыгнул на покерной скамеечке Муравлёв.

– Но это только в том случае, – уточнил писатель, – если ты, Валера, будешь играть на деньги – например, со мной.

«В покер бой не рукопашен»,
говорят профессора́.
«Деньги ваши стали наши!» –
как же истина стара…

Глава 83. РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ (продолжение)

«Куда там Станиславскому и Книппер-Чеховой!», сдавая очередной роббер – по 10 карт, – думал Володя. «Жизнь – вот лучший режиссёр, люди – вот лучшие актёры. Какая страсть, какие виражи Суки-судьбы, какие матёрые жесты и ужимки! Пружина интриги закручивается так, что время поворачивается вспять!»

Но – прочь ненужную лирику, так как карты уже были сданы, и наши игроки погрузились в их изучение и сложные расчёты, которые, по их мнению, должны были привести к сияющим победным вершинам. Особенно вертляво при этом вёл себя Курманбаев: к нему пришли четыре козыря, но все какие-то не такие – не большие, не малые, а так себе – средненькие, правда, на поддержку к ним явился младший джокер, но это, как известно, была тоже не самая лучшая карта в колоде.

– Не нервничайте, юноша, – прыщи заведутся! – предупредил педагога заботливый покерный гуру, и, чтобы его слова́ запали в самое сердце, добавил своё таинственное присловье:

– Яйчики-бабайчики!

Было видно, что Мусаич и Альбионыч перед игрой настроены вполне дружелюбно – как два медведя в одной берлоге. Кстати, Нуртай долго не мог понять, за что литератор не любит его. А, между тем, марсианин любил его, но, как утверждают наиболее оптимистические романы, странною любовью – например, как папуасы любят толстеньких аппетитных миссионеров.

Примерно такие же карты – не хорошие, не плохие – пришли и к нашему покерному Швейку: Полтавцев, «изучая» их своей «головой», кряхтел и пыхтел, как какой-то неопознаный мультфильмовский герой советской эпохи застоя (б). Володя, который уже давно определился с заказом, глядя на его (Полтавцева, а не заказа) мучения, решил поддержать и сторожа.

– Серёжа, запомни, – поднял он вверх указательный палец правой руки, как делал всегда, когда хотел зафиксировать в народной памяти что-то важное:

Тот, кто ждёт лета,
не жалуется на весну.

– Как это, царица лесная? – встрепенулся охранник.

– А вот так, – ответил писатель, через мгновение ставший поэтом:

– Не торопи судьбы расчёт,
хотя она и лжёт:
придёт к тебе всё в свой черёд –
не забегай вперёд!

– А-а-а, так ты в этом смысле? – поразился Серёжа и, чтобы не забыть мудрость, тут же записал её в книжечку «Для му.мы.»: «Ожидая весны, не удивляйся, если летом пойдёт снег, ибо время – субстанция не только коварная, но и непознаваемая», после чего решительно сделал заказ:

– Три!

В это время определился с заказом и преподаватель еврейского колледжа – Нуртай печально опустил глаза, изображая из себя раскаявшуюся деву Марусю, и прошептал:

– Три, мать моя партия.

Просмотрел пришедшие карты и старший прапорщик Салихдзяныч, после чего от неожиданности стал похож на снежного человека, очутившегося под одноимённой лавиной. А дело было в том, что к нему пришли сразу два *гранда* – козырный туз и старший джокер, но вот как распорядиться этими неплохими шансами, у него также не было ни малейшего представления.

– Ёперные три! – наконец бодро выкрикнул он в пустоту Вселенной, и от этого, столь оптимистического настроя Батыршина, все почему-то пригорюнились.

Оставалось сделать заказ только Кулемзину, который и сдавал карты на этот раз. Как было замечено, он давно определился с заказом, и поэтому сейчас легко выдохнул уже привычное для этой главы слово:

– Три!

Хотя на вид наш герой был суров, и сейчас походил на гинеколога, но, в отличие от остальных сопокерников, писатель также тихо, как бы боясь вспугнуть Суку-Судьбу, добавил ещё одно слово, которое всегда пугало игроков своей непредсказуемостью:

– Мизе́р.

Путь прям, но вот вдруг поворот,
да с ямами уго́льными:
мизе́р весь мир перевернёт,
а роббер – так тем более!

Первым ходил Нуртай, кого привычный вид нескольких козырей бодрил, словно стакан водки на танцплощадке. Он зажмурил глаза и пошёл червовую тройку, на которую тут же стали скидываться карты всё крупнее и крупнее достоинством, пока первую взятку не забрал Серёжа – червовым королём. «Так», переводя дух, подумал он, «значит, червового туза ни у кого нет. Нужное знание!». Правда, как распорядиться этим «нужным» знанием, он не придумал, а, в свою очередь, пошёл трефовым тузом, на который очень надеялся. В его расчётах был свой резон, так как из десяти карт у игроков наверняка нашлась хотя бы одна *крестушка*, и это действительно было так, но здесь вступил в силу Закон Пропадлючества Курманбаева, который поспешно забрал двоюродного *гранда* своим младшим джокером. И тут все посмотрели на мугалима[122] – взглядом хозяина квартиры на сантехника, который пришёл чинить вентили пьяным вдрыбадан.

[122] Учитель – сакс.

Что и говорить, начало *акции* было многообещающим – в духе нашего удивительного времечка: ждёшь серьёзного отношения к делу, а случается такой извив, что в са́мом дурном сне не приснится!

«Сунуть голову в водопроводный люк», беззлобно помечтал Володя, «и крышкой, крышкой!»

– Смотри, Нуртай, – воскликнул сторож. – Как говорят *у нас* на Востоке, бомба моего терпения скоро перестанет ти́кать, и взорвётся внутри твоего гнилого арбуза!

– Как ты можешь, Серёжа? – в ответ вскричал Мусаич, причём, так горько, словно у него накануне перебили всю родню.

«Всем поставлю обелиски!»,
говорил своей родне.
«Потерял я самых близких –
знать, теперь все деньги мне!»

На охранника было страшно смотреть – его лицо, всё ещё не отошедшее от вчерашнего, сморщилось, как авокадо, лежащий под горячим саксаульским солнцем на отцеябловском базаре 8 дней без перерыва. У бедолаги сейчас был такой ошарашенный вид, словно он всю жизнь верой и правдой вкалывал на комбинате, и вдруг ему объявили, что пенсии у него никогда не будет, да ещё при этом грубо выставили за ворота ОХБК[123].

[123] Напомню читателям, что эта аббревиатура расшифровывается как Отцеябловский хлопчато-бумажный комбинат – прим. автора

– А дни нашей жизни летят, как бумажные самолётики, пущенные из окна, – успокоил его философ Кулемзин. – Вот только жаль, яйчики-бабайчики, что не все они долетают туда, куда мы хотим…

– Эт’ точно, – печально подтвердил сторож без философского образования.

– Святой Малевич, вот Иуда! – прошептал наблюдающий за этой некрасивой картиной художник, но не знал он, что одним только словом, даже произнесённым очень тихо, сподвиг Альбионыча на сочинение (в одно мгновение!) нехилого катрена, который тут же улёгся на специальную полочку в его марсианской голове:

Мы листья, мы сорваны с мест,
мы шумно трепещем, покуда
целует старательно крест
у новой голгофы Иуда…

Между тем, игра, как и вся многострадальная жизнь наших многострадальных персонажей, продолжалась…

Глава 84. РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ (ещё одно продолжение)

…пока не достигла той роковой отметки, которая в нашем замечательном повествовании называется средняя *тёмная*. К этой отметке игроки подошли с самыми разными показателями: на первом месте пока находился Курманбаев, на втором Альбионыч, на третьем расположился военный музыкант, а на последнем традиционно отдыхал Серёжа, который в который раз успокаивал себя тем, что входит в четвёрку лучших игроков Бермудского Учпучмака.

Хуже всех чувствовал себя писатель, который бился за первое место, как кашалот на суше. И вот сейчас, когда смотреть карты до заказа было нельзя, он (писатель, а не кашалот) вдруг почувствовал, что ему должнó повезти. Это было ни с чем не сравнимое чувство, когда всё тело – от кончиков пальцев до кончиков ушей – ощущало некую вибрацию, и марсианин точно знал, что такая вибрация находится сейчас в унисоне с вибрацией его родной планеты Марс, а, значит, и данный роббер (хотя, скорее всего, это была не слишком логическая посылка) будет выигран именно им.

Но душа не изнывала,
чувствуя: сейчас пойдёт –
марсианские каналы
ей подгонят с картой бот!

Но вот, наконец, настала секунда, когда карты можно было безбоязненно раскрыть, и все углубились в их изучение, стараясь не показывать на рожах ни степени радости, ни степени разочарования, ведь психологическую составляющую *русской кочерги* пока ещё не отменил никто. И вот здесь, словно бы давая игрокам ещё раз провести свой внутренний аудит, по территории Великого Тругольника, а потом за его пределами, а потом даже в небе появились различные отвлекающие факторы, и, чтобы как следует сосредоточиться на игре, надо было вначале уделить хотя бы малое внимание этим факторам – чтобы они не досаждали после, во время кидания карт на покерный столик.

Итак, вначале по Бермудскому Учпучмаку несколько минут гулял чей-то неопознанный ребёнок, размалёванный зелёнкой, и от этого схожий с ядовитым мексиканским как-

тусом – пахицериусом Прингла. Затем слева – по одному из катетов, который вёл от улицы Жубанова в сторону магазинчика Калимы, проехали сразу несколько подростков на скейтах – специальных дощечках на колёсиках – для желающих одновременно свернуть шею, ушибить копчик и размазать мозги по асфальту.

Затем по второму катету – справа – мимо игроков прошла очень странная пара, по виду обычные бабушка и дедушка, а странного в них было то, что оба ходока были в молодёжных футболках, причём на футболке дедушки было написано: «Живу с дурой!», а у бабушки – «Не со мной, я любовница!», что немало повеселило и наших сопокерников, и примкнувших к ним живописца и антенщика.

Не надо, дядя, тётю мацать –
ведь ей за 100, тебе – 120!

И, наконец, в небе, как раз над покерным столиком, пролетел очередной игрушечный самолётик, делавший заход на очередную посадку в отцеябловском аэропорту, находящемся ровно за 12 километров от места сражения. Проводив самолётик глазами, Полтавцев неожиданно вспомнил, как однажды в жизни летал на такой чудо-птице. Тогда, на всякий случай помолившись, он заметил, как над проходом в пилотскую кабину зажглась красная надпись

Не курить! Пристегнуть ремни!

, а дальше что-то иностранными буквами. В те времена он ещё не изучал английский, иначе сразу бы узнал неведомый язык. «Может, по-иностранному написано то же самое?», довольно логично подумал он, «а, может, царица лесная, совсем наоборот: «Пожалуйста, курите! А ремни вообще можете порезать на ленточки!»

– Ты ходить уже будешь, йодистый ходок? – оторвал его от воспоминаний голос трубача. – Дома выспишься!

Оказалось, что партия уже началась, и все трое игроков даже скинули по первой карте, и ждали именно Серёжу. Он кинул какую-то масть на такую же, не глядя, так как всё ещё был под впечатлением самолётного воспоминания. А надо было бы посмотреть повнимательнее, ибо масть эта была пиковой, а сторож только что бездарно побил никчёмные карты ни чем иным, как своим покером. Причём, именно побил, так как не произнёс стандартную фразу *за простую!*, а, значит, для всех остальных это был именно покер! Он (сторож, а не покер) ещё раз оглядел своё карточное воинство и решил пойти с бубнового туза. Вторым после него сидел Талгат, который, увидев, как безбоязненно пошёл Афанасьич, задумался – он чувствовал подвох в таком ходе, но вот в чём тот заключается, сообразить никак не мог.

Должен выбрать я из множеств
вариантов, вашу мать! –
каждый ходит, кто чем может,
я же должен разгребать!

– Ложь быстрей! – поторопил прапорщика Полтавцев, а Валера, сидевший рядом с военным трубачом, даже ткнул его локтем в бок – видимо, для лучшей передачи важной информации.

– Серёжа, – манерно отставил в сторону мизинчик пламенный большевик. – Надо говорить не ложь, а…

– …ложи́! – тут же предположил художник.

– И ты туда же, мать моя партия, – расстроился Мусаич. – А ведь вроде человек интеллигентной профессии.

– А как правильно? – поинтересовался музыкант, но почему-то не у Курманбаева, а у Володи, на что педагог страшно обиделся.

– Правильно, Талгат, *клади*, – улыбнулся Кулемзин. – Кстати, если ты когда-нибудь захочешь закадрить интеллигентную дамочку, то говори, яйчики-бабайчики, именно так, иначе ничего не получится.

– Почему?

– А вот почему, – произнёс писатель, в то же мгновение превратившись в поэта:

– В постель эстетку не уложит
мужик, сказавший слово *ложит*, –
с тем на интим она пойдёт,
кто скажет правильно – *кладёт*!

Вот так – ни шатко, ни валко, под неспешные разговоры про жизнь и другие *отвлечения* – игра продолжала потихоньку двигаться сразу в две стороны: во-первых, в сторону завершения этой партии, и, во-вторых, в сторону окончания первой части данного четвёртого тома «Русской кочерги», до конца которого, как уже успел сосчитать мой талантливый читатель, осталось всего 8-9 страниц.

А Володя, который уже был близок к тому, чтобы выйти на первое место, был близок также и к приёму взяток, словно акушёр-коновал в конюшне столичного ипподрома, готовясь своей талантливой игрой обеспечить противникам быстрый вынос тел и направление их в качества пепла на вечное поселение в колумбарий. В глазах его светились ум и затаённая боль, но при этом он многозначительно улыбался, как действительный кавалер ордена Подвязки.

Глава 85. О БАТКЕНСКОМ АЭРОПОРТЕ

А что же новый друг игроков Васюхан? Уже несколько страниц не слышно его и не видно. А всё дело было сразу в двух причинах такого явления: первое – это то, что он тихо дремал, прислонившись затылком к карагачу, и второе – это то, отчего его внезапно сразила такая дрёма, а именно: оказалось, что до прихода в коллектив Митрохин, зная, что на работе его никто не контролирует, успел опрокинуть ни много ни мало 200 граммов черноплодного саксаульского вина со странным названием «Жеміс-жидек табысты өтті», что переводилось как «Плодово-ягодное успешное», причём, в чём состоял успех этого бормотушного напитка, не знал никто, и даже сами производители.

Внезапно Васюхан очнулся, обвёл шалыми глазами покерный коллектив и одного художника и произнёс – так, словно бы всего полминуты назад рассказывал что-то, потом прервался, чтобы закурить, и вот начал повествование снова:

– Было это несколько лет назад, причём, предупреждаю, что никого этим рассказом ни обидеть, ни оскорбить не хочу, хотя все герои – настоящие и по жизни очень добрые.

Все немного удивились, но не слишком – всё ещё свежи были в памяти прошедшие три вечера, когда подвыпившие персонажи романа, немного приняв на грудь, бормотали ещё не так слаженно, а много хуже.

– Так что с тобой случилось, йодистый антенщик? – воскликнул старший знаменосец, но Митрохин поднял палец, как иногда это делал Кулемзин, и начал свой скорбный рассказ.

Раз такой я невезучий,
что неведом мне покой,
расскажу из жизни случай,
но не знаю – из какой…

– Понадобилось как-то мне добраться из Худжанда[124] до Бишкека[125]. Вариантов маршрутов было несколько, но я выбрал самый простой: Худжанд – Исфара[126] на попутке, оттуда до Баткена[127] на такси, а уже с баткенского аэропорта – на самолете в сам Бишкек. И надо сказать, что в Бишкек мне надо было очень срочно.

[124] Город на севере Таджикистана – прим. геогр. редактора
[125] Столица Киргизии, ранее город Фрунзе – прим. геогр. редактора
[126] Индустриальный город в Северном Таджикистане – прим. геогр. редактора
[127] Город на юго-западе Киргизии – прим. геогр. редактора

– А зачем, святой Малевич? – внезапно озаботился вопросом Валера.

– Это отдельная история, – старым русским объяснением объяснил ему рассказчик. – Итак, попал я в Баткен – маленький городок, пыльные дороги, разбитый асфальт, на котором, как в позапрошлом веке, всё ещё встречались вьюченные ослики. Таксист притормозил у ветхого одноэтажного здания, больше походившего на сельпо. Как потом мне объяснили, раньше это было здание детского сада. Машина остановилась, но я, разумеется, сидел: мало ли, для чего он остановился, может, сломалось что-то в машине, а, может, шофёр задумался просто, ведь у сельских людей совершенно иное понятие о времени. Чаще всего у них два времени: *до обеда* и *после обеда*, а всё остальное им просто не нужно. Это городским важно знать, на сколько часов и сколько минут они куда-то опаздывают.

– Эт’ точно, мать честная! – подтвердил Афанасьич и, чтобы никто не сомневался в этом, добавил:

– Я – городской. Могу прописку показать…

Я скитаюсь по куличкам,
словно поезд фирменный:
в моём паспорте страничка,
там, где адрес, вырвана!

– Вот аэропорт, – повернулся ко мне водитель и улыбнулся:

– Выходи.

Я не поверил и, не выходя из машины, стал из окна разглядывать здание, – потому что у меня вдруг появилась идея, что меня хотят банально кинуть. И только потом я заметил некие атрибуты лётной площадки, а также красно-полосатый флюгер и, наконец, надпись АЭРОПОРТ. Вот тут я и понял, что это был реально настоящий аэропорт. Я расплатился, вышел из машины и медленно пошёл в сторону аэропорта, на ходу отмечая, что там не было ни забора, ни охраны, а лётной площадки не было видно вообще.

– Как же так, мать честная? – воскликнул Курманбаев. – Неужели на территории СНГ до сих пор встречаются ещё такие порочные факты?

– Ещё как встречаются, – криво усмехнулся Митрохин и продолжил:

– Итак, я тихо открыл скрипучую дверь и вошёл в помещение – простое такое пустое помещение в 20 квадратных метров, после чего заметил у противоположной стены окошко кассира – естественно, одно. Я подошёл к окошку и неуверенно, даже не поздоровавшись, спросил:

– Здесь билеты на Бишкек продают?

За стеклом сидел мужчина в очках, вязаном свитере и пиджаке поверх него, и вписывал что-то в огромный журнал. Он посмотрел на меня, не снимая очков, и кивнул.

– Билет на самолёт? – уточнил я, показывая ладонью вверх, как будто отдавал пионерский салют, потому что ждал, что тут как максимум могут продавать билеты только на автобус.

Истину кассир открыла,
перейдя с альтá на бас:
«Наш автобус – быстрокрылый:
он летает, как «Airbus»![128]

[128] Французский самолёт «Эрбас» – прим. тех. редактора

– Да, – утвердительно кивнул кассир.

– А можно мне тогда один билет на Бишкек? – спросил я, чувствуя себя так, как будто участвую в розыгрыше, и вот-вот из туалета выбегут смеющиеся люди со словами «Вас снимала скрытая камера!»

– Нет, – коротко ответил мужчина в вязаном свитере.

– А почему? – спросил я.

– Билетов нет!

В Бишкек мне надо было очень срочно, поэтому я решил попробовать ещё раз:

– А можно как-то решить этот вопрос?

– Подождите, – ответил он, как настоящий советский чиновник-бюрократ, любимым словом которого было *ждите.*

Простояв минут десять, я снова подошёл к окошку, показывая всем видом, как сильно жду решения, и когда терпеть уже не было сил, спросил:

– А, простите, долго ждать?

– Сейчас начальник придёт, – кивнул головой мужчина, указывая на стенку, – он и решит.

Знают с детства все поэты,
как позиция тверда:
что решит начальник этот,
так и будет – навсегда!

Я посмотрел в сторону, куда он кивнул, и заметил дверь с надписью «Начальник». Надо же, здесь даже начальник свой есть! Ну, что ж, начальник так начальник. Простоял ещё минут 20 и снова подошёл к окошку:

– А во сколько он обычно приходит, начальник ваш?

Мужчина в свитере посмотрел на часы и ответил:

– Сейчас подойдёт. Начальник у нас никогда не опаздывает.

Тут я вновь удивился: надо же, какой ответственный начальник, которого так уважают работники, затем отошёл к окну и стал ждать. Вдруг мужчина в свитере встал, потянулся, застегнул пиджак и открыл дверь – оказывается, между кассой и кабинетом начальника была смежная дверь, которую я прежде не заметил. Потом уже дёрнулась ручка парадной двери начальника, и изнутри звучно покрутили ключом, после чего дверь открылась, и в зал вышел тот же мужчина, только уже в застёгнутом пиджаке и фирменной фуражке работника местного аэрофлота.

Глава 86. О БАТКЕНСКОМ АЭРОПОРТЕ (окончание)

Он посмотрел на меня и спросил:

– Вы ко мне?

– Да, – изумлённо ответил я.

– Проходите, – позвал мужчина в свитере, застёгнутом пиджаке и фуражке.

Я, всё ещё до конца не понимая возникшей ситуации, вошёл в кабинет начальника. Он пригласил меня присесть, а сам сел в своё кресло, сложил руки на столе и важно, как настоящий начальник, произнёс:

– Ну, рассказывайте!

– Мне бы билет…На Бишкек… – неловко сказал я, а потом подумал и добавил:

– На самолёт.

Ох, боюсь, меня пошлёте –
так, что мне не уцелеть:
я хотел на самолёте
прямо к Солнцу улететь!

Причём, когда я говорил слова *на самолёт*, то снова отдал салют по-пионерски, всё ещё не веря, что я в аэропорту.

– Хм-м, – хмыкнул мужчина в свитере, сложил губы трубочкой и начал барабанить пальцами по столу, как бы показывая, что он думает, как решить мою проблему, потом достал какие-то книги, немного их полистал, сделал какие-то важные записи и неожиданно заявил:

– Билетов нет!

– Ну, мне очень надо… – начал говорить я, но не успел договорить фразу целиком, как начальник оборвал меня:

– Ладно! Очень так очень! Будет вам билет. Пройдите в кассу, вам там выпишут.

Будет новый поворот –
касса деньги отберёт!

Я так и не понял, издеваются надо мной или просто я очень устал, поэтому сказать что-то ещё не нашёл, молча встал и вышел в зал. В кассе никого не было. Я только хотел было вернуться к начальнику, как дверь вдруг закрылась, и послышался поворот ключа. Зато открылась дверь кассы, куда и прошёл мужчина, по дороге расстёгивая пиджак. Фирменной фуражки на нём уже не было. Когда я вновь подошёл к окошку, мужчина посмотрел на меня так, как будто увидел первый раз.

– Здравствуйте, – наконец-то поздоровался я, после чего просительно добавил:

– Мне бы билет. На Бишкек. На самолёт…

– А, – сказал всего одну букву мужчина, потом достал из шкафа авиабилеты и стал аккуратно заполнять один из них. Я не верил своим глазам: это были настоящие авиабилеты! Заполнив мой билет (мой!) и, взяв с меня деньги, он произнёс:

– Ждите в зале ожидания.

– А где у вас этот зал? – удивился я.

– Так вот же, – правой рукой указал начальник на коридор, в котором я уже стоял как минимум полчаса..

«Наверное, он имел в виду, чтобы я никуда не уходил», подумалось мне.

Через час стали подходить другие люди, все были с багажом и провожающими. Я подошёл к одному старику, и, показывая на свой билет, спросил, куда он летит. Он отве-

тил, что в Бишкек. Я снова спросил: на самолёте? Он кивнул. Я попросил его показать билет, потому что подумал, что было бы смешно, если бы все ехали в Бишкек на автобусе с обычным билетом, и только я один в этом же самом автобусе, но с билетом на самолёт. Старик показал такой же, как у меня, билет, после чего я немного успокоился.

Я в тоске гляжу на глобус,
постигая тайну тайн:
есть билет – садись в автобус,
нет билета – так шагай!

Через некоторое время я услышал страшный гул – это прилетел маленький АН. Это был самолёт! Больше всех, наверное, радовался я. Шум был просто ужасный, так как остановился самолётик метрах в двадцати от здания. Тут включился хриплый динамик, и человек в свитере произнёс то, что обычно говорят диспетчеры в аэропортах. Кстати, если бы он высунул голову в окошко и прокричал своё сообщение, то было бы намного понятнее, так как комната, в которой мы находились, была не столь большая, а через динамик мы услышали только хрип и отдельные слова, причём, на киргизском языке.

Я взял сумку и стал ждать. Человек в свитере вышел в зал, и теперь уже без микрофона что-то сказал ожидающим – снова на киргизском, а потом повернулся ко мне и перешёл на русский язык:

– Пройдите, пожалуйста, на таможенный контроль, вас досмотрят.

Я пошел за ним. Человек в свитере прошел за стойку, достал из-под неё фуражку с таможенной кокардой и надел её.

– Покажите сумку, – сухо сказал он.

Я поставил на стол сумку и стал внимательно смотреть на нового мне персонажа – таможенника.

– Покажите билет! – добавил таможенник.

«Для смелых есть у нас возможность»,
как сообщил мне персонал,
«всегда даёт *добро* таможня,
коль взятку на таможне дал!»

От этих слов я чуть не лопнул: я хотел сказать ему, что купил билет в кассе у кассира по личному распоряжению начальника аэропорта, но свой билет всё-таки показал. Таможенник шлёпнул на билет какой-то фиолетовый штамп и попросил пройти в накопитель.

Накопитель! Оказывается, тут был даже накопитель! Я прошел в этот накопитель, который оказался закутком в общем зале, правда, огороженный какой-то верёвочкой, и стал ждать. За мной стали проходить другие пассажиры, а затем накопитель пополнился провожающими.

В самолёт пассажиры, и я в том числе, садились как в маршрутку, то есть толкаясь и ругаясь. Кстати, меня толкали не сильно, – наверное, потому, что я был в галстуке. Мужчина в свитере ходил вокруг трапа и громко ругал тех, кто не соблюдает правила техники безопасности, заодно бдительно проверяя билеты у пассажиров.

И вот, усевшись в кресло, я стал ждать, когда же самолёт взлетит, но думал о том, что если бы из кабинки сейчас выглянул человек в свитере с фуражкой пилота на голове, то я бы нисколько не удивился.

В конце рассказа замечу, что простоял наш самолётик в этом аэропорту больше трёх часов, даря нам незабываемые ощущения, причём, для меня, как иностранца, это тоже

было полнейшей экзотикой. В самолёте было душно, и мы время от времени выходили на взлётную полосу, а некоторые даже бегали (благо дело это было несколько метров) в буфет. Кстати, продавщица в буфете (нет-нет, это не был человек в свитере, это был другой человек – женщина), видя мои мучения, бесплатно напоила меня горячим чаем, причём, брать деньги категорически отказалась.

Был вот случай – отвечаю –
в доме у болгарки:
«Я бесплатно дам вам чаю –
по седьмой заварке!»

– Так ты во Фрунзе этот попал, яйчики-бабайчики? – осведомился Альбионыч.

– Попал, – вздохнул Васюхан. – Чего и вам желаю – если вы, не дай *дедушка*, когда-нибудь попадёте в Баткен…

Глава 87. РАДОСТЬ ПОБЕДЫ И ГОРЕЧЬ ПОРАЖЕНИЯ (окончание)

Как бы люди ни стремились скрыться за лаковыми фасадами добропорядочности во вроде ничем не примечательной жизни *простых людей*, сутью их всегда оставались страх, тоска, слезливое нытьё о происходящем на свете да безнадёжная суета уносящейся жизни. Наблюдая за человеческой комедией, писатель Кулемзин, казалось, физически ощущал треск изломанных хребтов и судеб, синхронное движение тысяч челюстей, пережёвывающих плоть, мозг и ду́ши себе подобных.

И особенно наглядно всё только что произнесённое автором проглядывало во время игры в *русскую кочергу*. Здесь невозможно было соврать, ибо враньё сразу же выглядывало наружу, или прикинуться лучше, чем ты есть, ибо и эта вредная привычка раскусывалась остальными на раз. Здесь был только один критерий истины – это игровой опыт, позволяющий выигрывать *с любыми картами*, и даже в том случае, когда повезло не тебе, а твоим партнёрам.

**Опыт – это то, что позволяет человеку
делать новые ошибки вместо старых…**

Мы мудрость пьём по малой капле,
что не рассмотришь в микроскоп.
Но под ногами – те же грабли,
что больно лупят в тот же лоб…

Ближе к концу описываемой партии положение, бывшее в начале, почти не изменилось, за исключением того, что Володя и Нуртай поменялись местами, потому что марсианину всё же удалось вырваться вперёд, хотя и не намного – на 86 очков. Между тем, робберов до конца партии осталось всего восемь, и за это короткое время игровая ситуация ещё могла измениться неоднократно.

«Надо бы их чем-то отвлечь», подумал писатель-философ, но вслух произнёс нечто другое:

– А вы слыхали что-нибудь о двух парадоксах идиотов?

– Мать честна́я, а это из какой философии? – поинтересовался тянулец к знаниям Полтавцев.

– Из аристотелевой, – пояснил Альбионыч.

«Сам небось придумал, мать моя партия», подумал педагог, а вслух решил в очередной раз унизить соседа по лестничной площадке:

– Как будто вы не знаете, что этот Серёжа вообще ни о каком Аристотеле в жизни не слыхал!

– Так это что, по-твоему, я Аристотеля не знаю, что ли? – расстроился охранник.

– А можно подумать, что знаешь, – насмешливо посмотрел на него педагог.

– Да уж знаю, – заносчиво закричал сторож. – Это же парень, который три года учил одного мальчика, а тот вдруг взял да и вырос бандитом!

– К-к-какого мальчика? – заикаясь, изумился Курманбаев.

– Македонского, – объяснил Афанасьич. – Александра Филиппыча…

Виски пил и папиросы
ученик вовсю курил –
не тому, видать, философ
Македонского учил…

– Так что там с ёкарными дураками? – нетерпеливо поигрывая пустой бутылочкой из-под пива «Маршал», вопросил военный трубач.

– Нет, Талгат, – попенял ему Кулемзин, – ты как-то, яйчики-бабайчики, неправильно расслышал. Речь идёт не о ёкарных дураках, а о йодистых идиотах.

– А что, есть разница?

– Ещё какая!

Парадокс такой живёт,
хоть и страшно грубый:
что дурак, что идиот –
всё равно дуб дубом!

– А-а-а, – протянул Салихдзяныч, как будто для него это действительно имело какое-то значение, ведь на самом деле он думал сейчас только об одном – как бы пополнить свой пивозапас в свой пивоживот.

– Серёжа, готовь свою книжечку «Для му.мы.», – распорядился распорядитель, и Афанасьич послушался его, благодаря чему сейчас и ты, мой читатель, узнаешь эти удивительные парадоксы. Итак, вот что продиктовал сторожу Кулемзин:

1-й парадокс идиота.
Идиотов мало, но они везде!
2-й парадокс идиота.
Даже если идиот всего один,
ты на него всюду натыкаешься!

– Чепуха какая-то! – завопил Мусаич.

– А вот и не чепуха, – возразил ему Володя. – У любимого тобой Ильича I тоже написано немало по поводу дураков, идиотов, кретинов и болванов. Но ты же не будешь отрицать, что Ленин не чурался бранного русского слова?

– Не буду, – согласился коммунист, – но заметь, что подобные слова он говорил только по поводу врагов рабочего класса и оппортунистов всех мастей! Так что позволь мне дать тебе совет…

– А вот по поводу твоего совета, Нуртай, у меня припасён ещё один парадокс идиота.

3-й парадокс идиота.
Не хочешь получать идиотские советы –
не делись с идиотами своими знаниями!

«Парадокс…», в это время думал Серёга Афанасьич. «Какое красивое имя! Если у меня когда-нибудь родится сын, назову его именно так: Парадокс Сергеич! Прямо как Пушкина…»

Ну вот, опять отвлеклись мы от игры, а осталось-то всего ничего – три-четыре коротких роббера да последняя *тёмная*. Игроки лихорадочно сдавали карты, торопливо проглядывали их и, словно спеша на последний киносеанс, делали свои заказы.

Так, Полтавцев, неожиданно получив хорошие карты, сразу же успокоился, как *новый русский* на кладбище. Так Батыршин, неожиданно получив хорошие карты, захохотал, точно гиена, на которую нарочно наступил слон. Так Курманбаев, неожиданно получив хорошие карты, для верности надел очки, которые достал из кармана, и тут же стал похож на спившегося бухгалтера садового товарищества «Труд-1»

А ведь так не бывает, возразит автору мой внимательный читатель, чтобы у каждого игрока были хорошие карты! И он будет прав, потому что, неожиданно получив хорошие карты, Кулемзин объявил мизе́р, чем окончательно деморализовал Мусаича. От полученного сообщения рот большевика пришёл в какое-то странное движение – он то широко раскрывался, то захлопывался, напоминая зрелище, знакомое любому, кому случалось поймать карася и полюбоваться на последние минуты его рыбьей жизни.

Затих водоём – хоть картину пиши:
шутливо шуршали в тиши камыши,
и там, где блестела вода как слюда,
застыл поплавок – ни туда, ни сюда!

И вот сыграны эти короткие робберы, и практически начисто определился победитель этой партии – покерный гуру Кулемзин. Но тут случилось ещё более неожиданное – так как Курманбаев зверски проиграл все последние робберы, то откатился далеко назад, а на второе место вышел милитаристский трубач. Сейчас Талгат сидел с гордым видом, как будто только что покорил гору Эльбрус – на па́ру с другом-прапорщиком, старшиной роты Кожамкуловым.

Пора открыто, а не тет-а-тет
таланта оценить приоритет!

– Талгат, как ты умудрился выиграть? – завистливо прищурился педагог.

– Путём подбора комбинаций! – тут же ответил ему татарский музыкант, широко раздвинув рот в незатейливой ухмылке военного человека.

Не повезло партийцу и на последней *тёмной*, и тут случилось, как пишут изредка киноафиши, «Неожиданное-2», то есть Афанасьич, сдуру заказавший пять взяток, случайно взял их, после чего вышел на третье место, оставив Курманбаева за бортом разбитых надежд. Такого удара Суки-судьбы Мусаич не испытывал давно!

– Не стремись к самопожертвованию, старичок, – сделал попытку утешения Володя, – потому что всегда найдутся желающие пожертвовать именно тобой…

Судьба нас посылает на убой,
себе оставив лучших на десерты –
ты не старайся жертвовать собой,
ведь жизнь твоя – уже большая жертва…

– Так я вообще-то в своём уме человек, – как-то неуверенно, словно после шестой стопки, произнёс Курманбаев.

– Вообще-то, – согласился с ним Альбионыч, – я на это время от времени надеюсь.

А автор, заглянув в Великий План Построения Четвёртого Тома «Русской Кочерги», вычитал, что на этой странице, должен быть завершающий первую часть стих Кулемзина, наваянный им в период философско-маразматических измышлений. Итак…

Глава 88. С ПОСЛЕДУЮЩИМ ВЫЧИТАНЬЕМ

Живу, как баловень судьбы, –
один на вольном поселенье:
хочу – туды, хочу – сюды,
и никакого сожаленья.
Кромсаю чёрным белый лист,
то есть пишу в своей тетрадке –
почти как старый фаталист,
не длинно и не слишком кратко.
Живу, как будто бы всегда
так жил – не замечая скверны,
но то, что горе – не беда,
не выучу уже, наверно.
Пишу в тетрадь стихи, стихи,
как заповедь и как молитву –
отчитываюсь за грехи,
в заборе отомкнув калитку.
Прислушиваюсь к тишине –
она вокруг, она повсюду,
как дерево в моём окне –
сухое, старое, как чудо.
Разглядываю облака,
что медленно, но мимо, мимо,
как будто тихая река –
лениво, как бы и пугливо.
Считаю птиц на проводах –
не воробьи и не синицы –
не те, что прячутся в кустах,
а те, что ночью будут сниться,
не где-нибудь, а на земле –
поближе к дому и знакомым,
к кормушке ближе и к воде,
к оставшимся в ней насекомым.
И кажется, от фонаря
спасает форточка и штора,
иль буква та – из словаря,
не справлюсь я уже с которой –
за неумеренность и прыть,
что, кажется, была некстати,
но чтобы что-то изменить,
опять не достаёт кровати.
Вот так страдал недосыпаньем
по поводу любви – игра
с последующим вычитаньем:
сегодня, завтра – во вчера…

Конец первой части

Часть II.
День

♠♠♠

А теперь – посвящение, которое уже традиционно стало появляться в наших толстых книжках не перед первой частью, а перед второй:

**АЛЬБИОНУ, НИКОЛАЮ, МУСЕ,
АФАНАСИЮ И САЛИХДЗЯНУ –
ОТЦАМ НАШИХ ГЕРОЕВ,
БЕЗ КОТОРЫХ ОНИ БЫ
НЕ ПОЯВИЛИСЬ НА СВЕТ,
А, ЗНАЧИТ, НЕ БЫЛО БЫ
И НАШЕГО ВЕЛИКОГО РОМАНА!**

Глава 89. О ГАГАРИНЕ И ФРАНЦУЗСКОМ ПОПЕ́

– Эх, сейчас бы винца стаканчик! – мечтательно произнёс Полтавцев, и его слова вызвали ответное тёплое чувство у всех собравшихся за покерным столиком, кроме, разумеется, Володи.

– Да-да, мать моя партия, – подтвердил мечту Курманбаев. – Хотя бы кисленького!

– Дорогие сопокерники, а также примкнувшие к ним художники-передвижники и антенщики-джусы! – твёрдым сталинским голосом обратился ко всем покерный гуру. – До так называемого обеда, коий почившая советская власть установила в 13.00 каждого рабочего дня, осталось всего ничего. А, значит, яйчики-бабайчики…

– …что в обед надо бухну́ть, а пока немножко подождать и помучиться! – завершил его мысль Афанасьич.

– Нет, Серёжа, я хотел сказать не об этом, а о том, что продолжающееся календарное лето на па́ру со своим подельником Солнцем продолжает терроризировать наши организмы своей ультрафиолетовой бомбардировкой.

«Точно, царица лесная!», оглядев по очереди всех потенциальных алкоголиков, подумал сторож. «То-то я замечаю, что у всех рожи какие-то фиолетовые! А это, оказывается, от солнышка… Надо бы вечером рассказать эту занятную историю Зуле!»

Как знакомо всё до боли!
Как похож я на отца:
у меня от алкоголя
изменился цвет лица!

– А насчёт не просто винца, а именно кисленького, есть у меня одна история, после которой, я надеюсь, у вас пропадёт это порочное желание – в середине дня.

– Давай, святой Малевич! – разрешил Муравлёв. Он очень любил вот такие не относящиеся к покеру истории, так как сам не играл и учиться игре не хотел, но в коллективе покеристов прижился плотно, как веточка смородины на кусте *гуми*, или лоха многоцветкового[129] – по прихоти генного инженера Мичурина.

[129] Кустарник с крупными красными съедобными плодами, завезённый в Россию из умеренной Азии. В России культивируется в основном на Сахалине, куда был завезён японцами до войны – прим. ботан. редактора

– Итак, мой очень короткий рассказ с поэтической концовкой, – возвестил докладчик, – под названием

Прокисшее вино

Наверное, все присутствующие – в силу своего крайне преклонного возраста – ещё помнят, что после полёта Юрия Гагарина в 1961 году этот советский космонавт стал героем поистине мирового масштаба: не осталось практически ни одной из стран мира, где бы его не встречали первые ли́ца государства. И однажды вот какой забавный случай произошёл на приёме президента Франции Шарля Анриевича де Голля, куда Гагарина прямо с орбиты забросила Сука-судьба. А так как этот случай поразил меня прямо в сердце, я не мог не отозваться на него (случай, а не сердце) своим гениальным творческим экспромтом:

На президентской процедуре,
отвесив вежливый поклон,
вдруг встретил поп французский Юру,
держа бокал с шато брюньон.
И без ненужных брудершафтов,
себя считая на щите,
тот поп спросил у космонавта:
мол, как там бог – на высоте?
Не получился тут сценарий,
что бог – Вселенной торжество,
ведь произнёс тогда Гагарин:
«Я не заметил никого…»
И стало тихо в тронном зале,
и слышно было: бьют сердца –
шато брюньон прокис в бокале
из-за поповского лица…

– Ловко, ёкарный космос! – восхитился Батыршин, дохлёбывая последние капли из последней бутылочки «Маршала». – Я бы тоже этому попу́ так ответил!

– По-французски? – уточнил писатель.

– По-татарски, – под общий смех уточнил охранник. – А я бы вообще с таким по-английски разговаривал – я же умею…

– Тогда бы тебя, Серёжа, неверняка не поняли бы ни де Голль, ни Гагарин, ни сама королева Елизавета.

– А она что, тоже с ними тогда буха́ла? – уточнил бывший текстильщик.

– Нет, – уточнил Альбионыч, – она в то время сидела в своём Букингемском дворце и остро завидовала.

После этого все присутствующие стали рассказывать всякие истории, как их когда-то обижали не только православные попы́ и подотчётные им христиане, но также и сектанты, коих в период демократизации суверенной Саксаулии развелось как-то слишком много. И то, достаточно вспомнить, что и в первой нашей книге[130], и во второй[131], и даже в третьей[132] эти *дедушкины* овцы так и норовили передать свои гнилые идеи нашим романтическим героям.

[130] Глава 153, 164, 173 и 267 – прим. гл. редактора
[131] Главы 26, 119, 199 и 258 – прим. гл. редактора
[132] Главы 118 и 158 – прим. гл. редактора

Глава 90. НЕ РАЗВЕШИВАЙТЕ УШИ!

– А вот я, например, думаю, мать честна́я, – смело употребил странный для него глагол Афанасьич, – что религия – не такое уж плохое дело.

– А знаешь ли ты, старичок, – улыбнулся Володя, – что именно из-за религии, а вернее, религиозных предрассудков, а ещё вернее, из-за религиозных праздников, в прошлом году погибли 11 иностранцев?

– Нет, не знаю, – вынужден был признаться охранник.

– Так вот знай, что аж восемь американцев, два бразильца и один филиппинец погибли от переохлаждения, всего лишь рассматривая в интернете фотографии из России о так называемых крещенских купаниях.

– Вона как, – потрясённо пробормотал Полтавцев, а сам в это время подумал: «Ох, и хитёр же этот Альбионыч! Так ведь он к концу седьмого тома из меня полного атеиста сделает…»

Читатель уже давно осознал, что наш главный герой – писатель Кулемзин не верил в *дедушку* в любых его ипостасях – от сакраментального белобородого старичка, патриархально восседающего на облачке, до модернизированного повелителя гиперпространства, о коем любят писать глуповатые фантасты. Поэтому одним из его (писателя, а не *дедушки*) жизненных постулатов был следующий:

Ни у одной из религий нет будущего,
так как жизнь гораздо удивительнее
всех *обозначенных* принципов.
В. Кулемзин

Не любил он и церковь, как институт глобального обмана, и самих церковников, как работников этого института, а более других не любил церковь христианскую, прикрывающую свой обман именем литературного персонажа Христа, так как исторически существование этого человека и так называмого сына *дедушкина* доказано не было. Главное же зло, которое несёт в себе церковь, считал литератор, это *отлучение человека от жизни*. Поэтому всё остальное церковно-тухлое «добро» со скрежетом разбивалось об этот постулат.

У Володи было не одно объяснение, почему *дедушки* всё-таки нет на нашем белом свете, но более других ему нравилось вот такое, правда, несколько странное: он утверждал, что, кроме физики, химии да ещё биологии, в природе больше не существует ничего другого, а всё сущее является только их плодами, и вот в это уверовать гораздо проще и приятнее, чем в придуманный людьми миф.

Не знают глупые народы,
что жизнь – уже есть этот рай,
а бог и есть сама природа…
Её ты смело покоряй!

Марсианин был уверен, что главное предназначение церкви всё-таки коммерческое, ведь именно она продаёт выдуманную *дедушкину* любовь неразумным верующим. И совершенно напрасно она (церковь, а не любовь) настаивает, что в царствии *дедушкином* будет лучше, чем здесь, на Земле. Смерть ничуть не лучше жизни, утверждал Кулемзин, и в царстве мёртвых наверняка будет так же скучно, как на собрании одураченных пайщиков эстонского отделения ООО «МММ»

Например, христианство – посредством некоей «святой» книги, будто бы продиктованной лично *дедушкой*, заставляет поверить нас в то, что перволюди Адам и Ева совершили изначальный грех, и всё человечество до сих пор страдает именно из-за этого. А как же быть учёным, которые давно доказали, что человечество существует миллионы лет, и можно ли представить себе более нелепое наказание для нас, ныне живущих?! Согласитесь, что это всё равно, как, например, меня, автора этой книги, осудили бы на смертную казнь только потому, что я, как, впрочем, и все остальные люди, являюсь прямым потомком братоубийцы Каина.

И, кстати, о первородном грехе. По́мните ли вы, что он заключался лишь в том, что Адам и Ева не послушались своего отца? Вот была печаль! Наверное, с тех самых *допотопных* времён люди и знают, что грех – он слаще святости. Думаю, что это подтвердит любой апостол, если, конечно, будет честным мужиком!

Зато одно хорошо в этой истории: теперь мой многотерпеливый читатель точно знает, какой страшный грех совершило человечество в лице его первого человека, и для чего понадобилось пришествие Христа, чтобы спастись всем нам. Аминь!

О том, что святость – это дым,
известно даже мху,
ведь будь хоть трижды ты святым,
бегом бежишь к греху…

Володя, изучавший много лет библию, которая, кстати, и являлась основным источником его атеизма, утверждал, что Адам и Ева были… коммунистами. А кто ещё, говорил писатель, может быть голым, иметь одно яблоко на двоих, и при этом считать, что живёт в раю? Шутка.

А не шутка то, что читая эту «святую» книгу, Альбионыч давно стал подозревать, что не Адама и Еву изгнали из эдема, а из рая бежал сам *дедушка*, – именно тот, что фигурирует в этой занятной книжке под именем господа бога. Ведь если Адам был создан по образу и подобию его, то *дедушка* наверняка был молодым симпатичным пареньком. «Все ли сюжеты библии мы расшифровали?», думал несогласный. «И всё ли расшифровали правильно?»

Наш литератор был твёрдо уверен, что раскрывая историю развития отношений человека и *дедушки*, эта «книга книг» тщетно пытается представить неопровержимые свидетельства, якобы удостоверяющие возможность лицезрения «творца». Так, в книге Бытие (32:30) можно прочесть: «Я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя». Не удивительно, что о сохранившемся рассудке здесь не сказано ни слова. Или в книге Исход (33:11): «И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим». В такую дружбу, надо заметить, тоже поверить очень трудно, особенно учи-

тывая множество маленьких триллеров из библии, в которых наш невидимый герой принимал непосредственное участие.

Сказала в лавке продавщица:
«Товарищ! Ты, что так мордаст,
коль хочешь с богом подружиться,
подумай 330 раз!»

Но, как уже не раз замечал автор романа, библия зачастую противоречит себе же. Вот, например, в сцене диалога так называемого «гóспода» с тем же Моисеем мы с удивлением читаем: «Лица Моего не можно увидеть тебе, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых». Вот так так! А как же насчёт того, что «я видел бога лицом к лицу» из книги Бытие?!

В другом месте сообщается, что «Бог обитает в неприступном свете» (Первое послание к Тимофею, 6:16). Но ещё категоричнее утверждается в Первом послании Иоанна Богослова: «*Бога никто никогда не видел*»[133] (4:12).

[133] ***Курсив мой – прим. автора***

Товарищи верующие! Слушая поповские мантры, не развешивайте уши, а проверяйте их слова́, тем более что источник всегда у вас перед глазами. А ещё лучше не стесняйтесь задавать умным богословам *неудобные* вопросы.

Читая книгу, туп и жертвен,
знай: с библией не совместим,
и, веря вракам тихой церкви,
не забывай *деньгу* нести!

Чем больше наш герой изучал «книгу книг», тем прочнее у него складывалось впечатление, что авторы библии сами не понимали того, в чём пытались его убедить. Это было не живое учение, каким, например, на все века останется «Русская кочерга», а догмы, которые без предварительного обдумывания предлагалось заучить наизусть, причём, одна часть которых изобиловала прописными истинами типа того, что красть и убивать нехорошо, а уж поглядывать на жену ближнего, пуская слюну, и того хуже, а другая – весьма спорными утверждениями, вообще заставляющими усомниться в умственной полноценности того, кто их когда-то высказал.

Поэтому все десять христианских заповедей наш неуёмный герой легко укладывал в свои две:

1. Ты не должен изменять сознание своего ближнего.
2. Ты не должен мешать своему ближнему изменять своё сознание.

Короче, живи сам и дай жить другому…

Ударенье в слове *бог*
ставьте лишь на первый слог!

Глава 91. НЕ РАЗВЕШИВАЙТЕ УШИ! (продолжение)

Кулемзина иногда захлёстывало просто-таки горестное чувство за таких клёвых чуваков, как Христос, Кришна, Будда, Ошо и Гурджиев, которые, просветлев и получив билет в нирвану, всё равно кантовались на Земле, пытаясь вбить истину в тупые зомбиро-

ванные репы так называемых homo sapiens'ов, теряя при этом своё *личное счастье.* И если бы тупые появились на нашей кривоватой планетке только что – так нет: они были ещё до рождения, как утверждает библия, Иисуса. Правда, нельзя отрицать, что (как, наверное, и в любом обществе) были в те поры люди и умные. Например, некий афинянин Эпикур Неоклович Самосский додумался до одной мысли и в одном из своих сочинений высказал её аж 2300 лет назад. Вот она:

Глупо просить у богов то,
что человек способен
и сам себе доставить.

У так называемого *простого* человека множество аксиом в голове, и он не привык задумываться над жизнью, а просто подгоняет все факты под эти надуманные аксиомы, так и не сумев ничего понять. Неудивительно, что миллионы недоумков читают библию, но не понимают её. А ведь там так много удивительного и интересного, если научиться *правильно* читать её и научиться *понимать.* Например, прочти несколько страниц повнимательнее, и ты увидишь, что *дедушка*, этот «великий бог», похоже, всего лишь бог маленького еврейского народа. Прочти, не зашториваясь бабушкиными и поповскими догмами, и ты увидишь, как этот любвеобильный «бог» поощряет коварство, убийства, совокупление отца с дочерью, деверя с женой брата, *любого с любой* – главное, чтобы род продолжался, – разумеется, во славу его, всесильного!

Говорят библейские пророки,
как мужать, рожать, бежать, лежать:
разрешает *дедушка* пороки –
чтобы род евреев продолжать!

Несомненно, что самым известным евреем был Христос, хотя и это тоже – сказка, достаточно только вспомнить, на каких языках разговаривал этот сын *дедушкин.* Можно, конечно, возразить, что Иисус всё-таки был, и именно он завещал любовь к ближнему. Может быть, это и верно: согласно книжке без картинок, Иисус учил любить и, взяв на себя грехи людей, погиб от происков коварного папаши.

Но что исправил он в этом мире? Где посеянные им семена? Может, они находятся в óбразах наших невежественных правителей? Или в сморщенных лицах покорно следующих их подлым капризам подданных? Нет! За два миллениума христианской эры человек изменился только к худшему.

Все примеры самых светлых подвигов мы черпаем из истории, но за последнее столетие вряд ли найдётся хоть одно человеческое деяние, про которое можно без оговорок утверждать: да, вот оно совершено во имя Христа и по его завету. Всякий по первому впечатлению благородный поступок при ближайшем рассмотрении оказывается продиктован либо корыстью, либо дуростью, либо неуёмной жаждой славы. Кровь, дикость и предательство веками тянутся по следу неудачника-учителя…

Рассуждая о христианстве, писатель всегда добрым словом поминал индийский пантеон весёлых богов, которых было несколько, и индусы выбирали, кому поклоняться сегодня – в зависимости от ситуации.

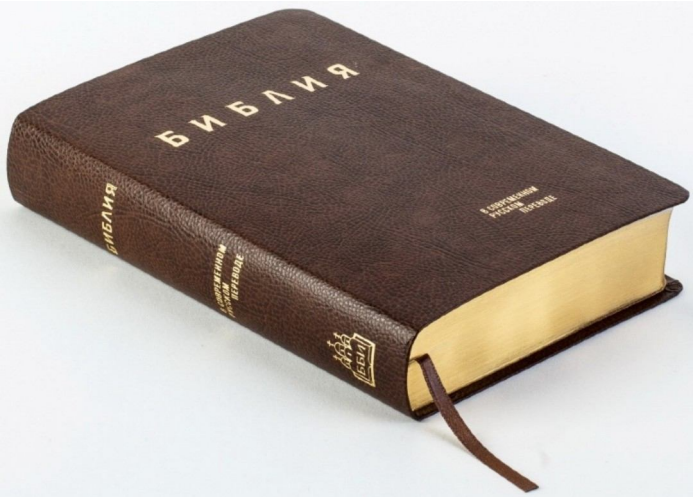
Этих персонажей так пытливо
изучают в Индии как кнут:
Вишну, Кришна, Лакшми, Брахма, Шива –
ох, индусы весело живут!

Володя всегда утверждал, что атеизм и не должен быть повсеместным, как это пытались когда-то внедрить в массовое сознание в стране советской (б), он должен быть исключительно личным, интимным и… Он даже придумал вот такой афоризм, который автор, полюбивший своего героя, должен выделить его так, чтобы читатель, шестнадцатый раз перечитывающий этот том, всегда выделял эту фразу и для себя тоже:

Атеизм – это тонкий слой льда,
по которому один человек может пройти,
но целый народ ухнет в бездну!

Если из атеистического взгляда на мир кто-то и сможет логически сделать дурные выводы, то это только те верующие, те проповедники религии и те богословы, которые судят о других по себе примерно так: «Вот если бы лично мы перестали верить в существование *дедушки*, который следит за нами в обязательном порядке на том и на этом свете, который будет наказывать нас за наши злые, не богоугодные поступки, и будет награждать нас за хорошее, богоугодное поведение, то мы в соответствии со своими личными скотскими желаниями поступали бы только по-скотски, только плохо»

И если проповедники и защитники религии ни с того ни с сего начнут плохо говорить об атеизме и об атеистах, никогда не забывайте, что они в образе рисуемого ими ужасно отвратительного атеизма и атеистов олицетворяют *свои* слегка прикрытые богом низменные страсти…



Я прочёл эту книжку, и сразу же стал атеистом!

Большинство людей, и я в том числе, говорит автор этой толстой книги, думают, что хорошо известные истины касаются кого угодно, только не их самих. Так постарайтесь постичь всю суть в малом, не тратьте времени на долгое пережёвывание ситуации. Давно замечено, что смотреть на цветы нет времени, а вот на пересчитывание шипов иногда уходит вся жизнь…

Таятся в женщинах загадки,
что ранят, как шипы у роз:
схватился, думаешь, всё гладко –
ан нет, поймал трихомоноз!

Глава 92. НЕ РАЗВЕШИВАЙТЕ УШИ! (окончание)

Думается, что человек был второй, после динозавров, неудачей *дедушки*, поэтому он столь долго цацкался с людьми, посылая им всякие ненужные знаки и пошлые откровения, а потом не пощадил даже сына своего, но образумить человека было невозможно, как нельзя внушить благодать скорпиону. Кстати, откуда мы знаем о *дедушке*, ведь не было бы этой единственной книжки, как было самому́ догадаться, кто именно поднёс шведскую спичку к са́мому первому атому, чтобы вызывать Большой Взрыв? Но сам *дедушка* в этой библии чаще всего показан не добрым старичком на облачке, а злым и ревнивым старикашкой, любящим карать за всякую малость.

Поэтому любому, кто прочтёт библию хотя бы дважды (или раз семь, как это сделал автор «Русской кочерги»), откроется истина о том, что нет другого бога, кроме жизни, и если человек захочет приблизиться к истинному богу, он должен жить наиболее полно, наиболее напряжённо, наиболее страстно. Ведь бог не личность – это просто другое название жизненной энергии, это отдалённый зов кукушки, это чириканье птиц, это наше безмолвие.

Практически во всех мировых языках произошла подмена существительного – *божественности* на тривиального бога. Нет бога как личности, есть божественность – качество, определённый оттенок, определённое переживание, живое, протекающее, не заключённое в границы…

Во мне божественность без бога,
как есть *дожественность* у дога!

Хитромудрые учёные, которые никак не могут доказать ни существование *дедушки*, ни его несуществование, на всякий случай придумали ему некое определение, в которое не верят и сами, потому что уверены в другом: глуповатое человечество после изобретения электрокофеварки привыкло доверять умным людям. Так вот эти учёные назвали этого несуществующего персонажа *онтологическая сущность*, то есть изобрели эвфемизм, который обозначает ненаблюдаемую и нематериальную сущность, которая, тем не менее, *возможно*, влияет на материальный мир…

Кстати, людей, знающих, что *дедушки* нет – гораздо больше тех, кто думает, что он как бы как существует наяву. А единственные, кто знает наверняка, что *дедушки* нет и не было, это сами священники, после окончания семинарии прославляющие этого несуществующего – за то, что он дал им такую славную непыльную работу́ по засеранию мозгов людей, более глупых, чем они. Православные жулики-попы́ однажды проводили на эту тему тайный опрос среди населения и были очень расстроены его результатами.

Почему наш герой Кулемзин часто называл верующих людей глупыми? Да только потому, что каждый из них, одурманенный лживыми словами храмовых служак и терпким запахом сгоревшего ладана, всегда путают два понятия – бога и веры. Поговоришь с ними и понимаешь, что сам *дедушка*, которого не видно и потрогать нельзя, как-то и не нужен, а вот вера, то есть то, что якобы есть в них самих, гораздо ценнее. «Я верую!», коверкая русский язык, торжественно, как на празднике 1 Мая, восклицают они – вместо «я верю». И не понимают они, глупые, простую формулу, юбилей понимания которой наш герой отметил буквально на днях:

Вера – это то, что не доказано.

Как проста ты, жизнь земная,
где с собакой мы – семья,
ведь моя собака знает:
бог в квартире – это я!

Но просто так верить не интересно, и вот тогда на помощь как раз и приходят попы́, которые навязывают так называемым верующим множество обрядов и условностей, которые те в силу своей глупости тут же начинают радостно исполнять – от повязывания платком головы у женщин при входе в церковь (почему только у женщин? они чем-то хуже мужчин? – Вл. Г.) до поглощения крашеных яиц один раз в год.

Попы́ – не глупые ребята,
да и устроились неплохо,
приватизировав когда-то
и рай, и ад, и веру в бога…

А праздники – эти поистине святые дни для каждого русского?! Если веришь – отмечай их все. А сколько их, кстати? Главных – так называемых *двунадесятых*, судя по этому странному слову, ровно 12. Ан нет! Они тоже делятся – на непреходящие и преходящие. Непреходящие – это рождество Христово, крещение господне, сретение, благовещение пресвятой богородицы, преображение господне, успение пресвятой богородицы, воздвижение креста и введение во храм пресвятой богородицы – всего, как видите, 8. И преходящие праздники: вход господень в Иерусалим, вознесение господне и пятидесятница, или день святой троицы – всего 3. А вместе – 11! Как же так?!

Правда, в отличие от этих есть ещё так называемые великие праздники – числом 5: обрезание господне, рождество Иоанна Крестителя, апостолов Петра и Павла, усекновение главы Иоанна Крестителя и покров святой богородицы.

А посты? Не те, которые пользователи интернета оставляют в своих и чужих виртуальных страничках, а добровольные голодовки – по указанию церкви. Есть многодневные посты – их четыре в году, есть однодневные, связанные с датами – их три, а есть однодневные – каждую неделю, то есть по средам и пятницам. Но, в придачу к ним, есть и так называемые седмицы – это недели, в которые посты по средам и пятницам отменяются! Короче, не только *дедушка*, но и сам *иблис* ногу сломит…

Пост – как супермышеловка
нашему бюджету:
пост – суть та же голодовка
после дней диеты!

А незначительных, так сказать, неосновных праздников и отмечаний у РПЦ тоже хватает: например, в январе их (не поверите!) всего 31, то есть каждый день! И ведь все важные какие: 16 января, например, поминание пророка Малахия (кто он?!), 26 – мучеников Ермила и Стратоника, а 29 (внимание!) – поклонение веригам апостола Петра. Как же может так называемый верующий обойтись без этого праздника?! Думаете, в другие месяцы лучше? Нет, в феврале такой лабуды 28 (не нахо́дите забавным совпадение количества дней и количества праздников? А не расслабляйся, верующий! – Вл. Г.), в марте – 31, в апреле – правильно, 30! И т.д. – до конца года. А если веришь правильно, то есть истинно, то и свечечки не забудь поставить – за каждого, а это минимум 365 свечей в год! И, кроме того, не забывай обновлять свой деревянный, правда, *новодельный* иконостас, да поминальник в церковной лавке прикупи, да крестик запасной. А ладан? А свечи? А лампадное масло? А распятия? Уфф!

Тяжко всё это – не только делать, но даже рассказывать об этом. Поэтому напоследок этих нелёгких глав – одну весёлую, но правдивую историю под наванием

О знании псалмов

Однажды один священник предложил монахине подвезти её. Сев в машину, она тут же закинула ногу за ногу, да так, что бедро её обнажилось. Увидев сей грех, священник с бо́льшим трудом избежал аварии, но, выровняв машину, украдкой положил ей руку на ногу. Тут монахиня и говорит: «Батюшка, а вы по́мните псалом 129?». Разумеется, поп тут же отдёрнул руку. Но, поменяв передачу, он вновь приступил к домогательствам.

Тогда монахиня повторила: «Батюшка, так вы по́мните псалом 129 или нет?». Пришлось священнику извиниться: «Прости, сестра, но ты же знаешь, как слаба наша плоть. И, пожалуйста, не говори ничего отцу настоятелю…»

Добравшись до монастыря, монахиня тяжело вздохнула и вышла из машины. А священник, приехав в свою церковь, бросился к псалтирю и тут же нашёл псалом 129. А в нём и говорится:

Иди дальше и ищи, выше ты найдёшь счастье.

Мораль сей истории такова: если вы плохо знаете свою работу, многие возможности для счастья пройдут прямо у вас перед носом!

Споём в честь *дедушки* псалмы,
на женщин глядя с вожделением.
Как это здорово, что мы
не размножаемся делением!

Глава 93. СТАРТ И РЕСТАРТ

– Ловко она его провела, царица лесная, – гулко захохотал Полтавцев.

– Да не царица, а монахиня, – поправил его саксаульский поленов и, для более полного уточнения добавил пару слов про святого Казимира Севериновича.

Серёжа тут же достал свою знаменитую книжечку «Для му.мы.», порылся в страничках и, найдя искомое, радостно прочитал:

– И монахиня тоже может быть царицей, если она случайно попадёт в мужской монастырь!

– Мать моя партия, откуда у тебя это? – потрясённо прошептал ленинец.

– Да Володя как-то продиктовал, – не стал отпираться сторож, хотя сам писатель в этот момент подумал о том, что ему бы никогда не пришла в голову такая умная мысль.

– Да-а-а, – протянул старший корнет, доглатывая последние капельки из последней бутылочки, – значит, ёкарного греха так и не случилось. А жаль…

– А я вот давно хотел у тебя спросить, – обратился к знайке Афанасьич. – А что такое грех – вообще?

Сотворив вчера грешок,
испытал я сильный шок.
А сегодня, сделав грех,
только вскользь промолвил: «Эх!»

– Грех? – переспросил Кулемзин. – Да, к тому же, вообще? Ну, это совсем просто. Грех, Серёжа, это несовпадение твоей воли с волей *дедушкиной*, а что́ ты при этом делаешь – уже не важно. Кстати, у так называемого Аврелия Августина Иппонийского, за сомнительные делишки прозванного народом Блаженным, есть замечательная мысль:

Возлюби *дедушку* и делай всё, что захочешь!

– Классная отмазка! – обрадовался охранник.

– Правда, есть тут некий (прости, русский язык!) алогизм, – предостерёг писатель. – Если уж возлюбил *дедушку*, то как потом цитировать такое явное *дедушко*хульство?!

– Да, нестыковочка, – расстроился бывший текстильщик, да так сильно, что зашарил руками в поисках бутылочки «Жигулёвского» не только возле себя, но даже вблизи того места, где сидел Муравлёв. Живописец ахнул и плотнее прижал свой *тянь-шанчик* к впалой груди. А писатель, чтобы разрядить обстановку, не сходя с места, рассказал короткий анекдот в тему, который назвал **О разных грехах.**

Подходит мужик к церкви, а на воротах листочек, на котором написано крупными буквами:

Если ты устал от грехов,
заходи сюда!

А внизу красной помадой добавлено:

А если нет, звони по телефону:
123-45-67. Вероника

«Ладно, хватит мракобесия», наконец решил Володя, увидев, что остальные погрузились в пучину раздумий. «Пора заняться настоящим делом, то есть *русской кочергой*!»

Правда, начать игру без любимого напитка было довольно сложно, так как игроки *насухую* начинали намеренно ошибаться, делали круглые глаза и потихоньку подталкивали друг друга локтями – в знак солидарности против жадности Кулемзина. Но мой внимательный читатель уже хорошо знает, что Володя жадиной никогда не был, а, напротив, всеми (прости, русский язык!) *фибрами* так называемой души был готов поспособствовать реставрации повреждённых вчерашним днём организмов.

Всем знакомые мотивы –
вот и ты себе отметь:
реставрирую я *тыкву*,
чтобы снова захмелеть!

В это время подотчётный коллектив, почувствовав слабину Альбионыча, последний раз пихнул по очереди сам себя, после чего на раскалённый от жары покерный столик посыпались нескромные предложения.

– А я вот, – прищурился Полтавцев, – в одной книжке без картинок читал как-то такие слова: ищите и обдрищетесь[134]! Думаю, они хорошо подходят в нашему моменту.

[134] Как же всё-таки вольно автор обращается с евангельскими текстами. В Евангелии от Матфея (7:7-8) этот отрывок дан в правильном написании: ищите и обрящете – прим. богосл. редактора

– Да-да, – тут же подхватил мысль педагог, и для верности упомянул мать его Октябрьскую революцию, что делал в особо напряжённых жизненных ситуациях.

– А пиво-то кончилось, святой Малевич! – добил коллектив своим искренним признанием Валера.

– Короче говоря, что-то ёперный нос чешется, – неуверенно потёр часть тела военный трубач Салихдзяныч.

Альбионыч посмотрел на *приживальцев* долгим взором и наконец изрёк:

– Если нос чешется, а выпить нечего, – как-то падает доверие к народным приметам.

– Эт’ точно! – подтвердил слова литератора Серёжа и для наглядности даже показал ему блокнотик «Для му.мы.»

– Кстати, друг мой, – обратился марсианин к вечному ходоку Афанасьичу, – а не пора́ ли тебе нанести нашему страждущему коллективу какую-нибудь пользу?

– Да я завсегда, мать честна́я! – согласился ходок. – А какую?

«Придурок!», подумали все хором. «Да иди ты уже наконец за пивом!»

– А-а-а, – догадался сторож. – За пивом сходить, что ли?

– Move it, move it, I said[135]! – сунул ему в руку купюру спонсор сопокерников и примкнувших к ним саксаульского рембрандта и саксаульского антенщика.

[135] Двигай, двигай, я сказал – англ.

Хоть иди по потолку –
прямо или криво:
двигай, брат, по холодку –
за холодным пивом!

– Слушаюсь и повинуюсь, – вдруг сказал охранник, скорее всего, вспомнив какой-то старый фильм про джинна и Аладдина, после чего цапнул купюру, как ястреб – зазевавшегося цыплёнка.

В следующее мгновение экс-текстильщик наглядно доказал некогда спорный вывод о том, что человек произошёл от обезьяны, а не был вылеплен *дедушкой* из некачественной глины месторождения Райское, потому что ни одно глиняное изделие не было бы способно за доли секунды проскочить 22 метра до лавки Калимы, после чего так же лихо взобраться, цепляясь за вертикальные столбики, стоящие на пути любого, кто поднимался в магазин – как бы на *полуторный* этаж, потому что путь к нему был не из подъезда, а прямо от горячего асфальта. Впрочем, утверждает автор нашего замечательного повествования, и для большинства обезьян эта задачка была бы нелёгкой, особенно если надеть на них раздолбанные кроссовки системы «Odidaz» и отре́зать хвост.

Остаётся только добавить, что во время пути скороход что-то кричал, но поняли его не все, так как не изучали никаких иностранных языков.

– Je sais où je vais, je le fais fort, reine de la forêt[136], – донёс вестовой ветер до покерного столика.

– Bon voyage, aventurier[137]! – ответил ветру полиглот Кулемзин.

[136] Я знаю, куда иду, и потому делаю это решительно, царица лесная! – фр.
[137] Доброго пути, искатель приключений! – фр.

Ох, уж эти феномены –
от народа далеки:
полиглот глотал отменно,
изучая языки!

Глава 94. СТАРТ И РЕСТАРТ (окончание)

Между тем, сторож, быстренько закупив необходимый для всеобщего здоровья и счастья продукт, назад не спешил. А почему? Да потому что, будучи человеком увлекающимся, сейчас припал взором к витрине, где размещались всего два вида продуктов – плавленые сырки и куриные яйца, и напряжённо размышлял, что именно объединяет их

в одном месте? А всё было очень просто: Калима, в отличие от Серёжи, над такой чепухой не задумывалась, а рассовывала свои товары куда придётся. Володя тоже на днях заходил в сельпо и видел эту странную витрину. Яйца на какие-то размышления его не натолкнули, хотя и лежали в аккуратных картонных коробках, правда, были какие-то очень уж мелкие – как бы голубиные. Писатель, увидев этот съедобный товар, тут же назвал нерождённых куриных детей *мальчиковыми.*

А вот сырки натолкнули. Имена этой злокозненной *закуси* – «Волна» и «Дружба» – настолько въелись в сознание советских алкашей (б), что, когда они слышали по радио фразы типа «Всю Африку охватила *волна* народного гнева» или «Изо в день крепнет *дружба* советских республик», от этих двух ключевых слов у них начинался приступ язвенной болезни. И как после этого было не поверить в пресловутые условные рефлексы академика Павлова, тоже не последнюю скотину в физиологии?

В какой большой мне описать поэме,
какой в те времена казалась прыть?
Рефлексы нам придумал академик,
чтоб без рефлексов мы не смели пить!

Но вот зрелище товаров наконец надоело, и Афанасьич отправился в обратный путь, прижимая к груди котомку, как новорождённого младенца. Кстати, в *хурджин* поместился не весь товар, и карманы его нелепого камуфляжного костюма с провисшими коленками тоже оказазались набитыми бутылочками, сделав их (карманы, а не бутылочки) похожими на бахвальскую купеческую мошну.

Возвращаясь из магазина, бывший текстильщик покачивался, словно боцман Джон Сильвер после трёх литров грога. На лице охранника ясно читалась му́ка, как будто он по ошибке вместо ёперного театра, как выражался его друг Талгат, попал в заросли крапивы. А му́ка эта случилась потому, что ему вдруг захотелось быстренько проскочить мимо коллектива, затем забежать за угол дома № 17 и там выхлебать всё предназначенное для сопокерников и примкнувших к ним Валеры и Васюхана.

Но совесть, эта пресловутая косточка, не отражённая ни в одном анатомическом атласе человека, победила – Полтавцев подошёл к покерному столику и тяжело, но осторожно (стекло!) плюхнул на него котомку. Затем он отдал Альбионычу сдачу, и марсианин заметил, что носильщик оставил себе процентов пятнадцать, очевидно, причисляя украденное к *чаевым* – по графе «Срочная доставка»

«Я на деньги в аппетите»,
говорил я с а́рами.
«Мне за срочность доплатите –
лучше бы долла́рами!»

Курманбаев первым схватил бутылочку свежего и холодного «Тянь-Шаня», споро открыл её, припал к влажному горлышку, выдул половину, и только после этого попенял скороходу:

– Серёжа, мать моя партия, ты как-то неправильно пиво покупаешь.

– А как надо, царица лесная? – растерялся скороход.

– Надо внимательно посмотреть на все ценники, – объяснил Нуртай, – и потом купить пиво по формуле «Дёшево и качественно»

– Не слушай его, старичок, – успокоил Полтавцева Володя. – Дешёвым и качественным, яйчики-бабайчики, одновременно может быть только навоз!

Уловив знакомое слово, в разговор вступил старший прапорщик, который тоже хотел, чтобы о нём не забывали в коллективе.

– Йодистый навоз, – строго объяснил он, – это необходимый на даче химический элемент, который химики-дачники сокращённо зовут Na.

– Эх ты, – попенял ему Валера. – Na – это вредный натрий, а навоз пишется как Nz.

– Да-да, – согласился военный музыкант, – извини, товарищ, я что-то напутал.

При слове *товарищ*, произнесённом Талгатом, педагог-ленинец тут же отправился блевать в учпучмакские кусты.

– Кстати, не все химические элементы вредны, – пояснил в это время Кулемзин, с удовольствием общаясь с ледяным *тянь-шанчиком*. – Вот, возьмём, например, водород и кислород. По отдельности, я считаю, они совершенно бесполезны для человека, хотя иногда так называемая кислородная подушка может продлить страдания больного, а вот водородной подушки ещё не придумали вовсе. Но, говорю я! Но – без этих двух элементов нельзя получить воду, правильно? А без воды нельзя получить пиво!

Серёжа крякнул, быстро достал знаменитую книжечку «Для му.мы.» и накаракулировал на чистой страничке: «Надо бы прикупить в аптеке кислородную подушку, дождаться, пока изобретут подушку водородную, наделать из них побольше воды, а потом прочитать в какой-нибудь *википедии*, как из этой воды добыть немного пивка для похмелья!». Он перечитал записанное и поразился, насколько его точная мысль была умнее расплывчатой кулемзинской.

«Вот ведь как несправедливо»,
говорю, глотая бром,
«есть вода – добудем пиво,
нет воды – совсем умрём!»

Глава 95. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Пятый блок)[138]

[138] ***Последний блок сказок опубликован в третьем томе, в главе 167 – прим. гл. редактора***

И всё-таки начать играть сразу же после полтавцевского похода за пивком было бы слишком жестоко, и Володя постановил: дать коллективу сполна насладиться любимым напитком. А чтобы он легче проникал в присутствующих, писатель решил рассказать очередную порцию своих знаменитых сказок III миллениума. И рассказал…

1

Сидит Алёнушка на камне и плачет: одежда вся порванная, сама голодная, а денег нет. Да и откуда деньгам-то взяться, если у неё братец – козёл?!

2

Подъехал Илья Муромец к развилке дорог и увидел большой камень. А на камне написано. И накакано. И наблёвано…

3

Было у царя три сына. И вот вышли они в чисто поле, пустили по стреле, а после женились – на тех, в кого стрела попала. И стало у царя 9 внуков, а через какое-то время 27 правнуков. Схватился тогда царь за голову и воскликнул:

– Да ну вас на хрен с вашей геометрической прогрессией!

4

Вскрытие показало, что Лиса умерла оттого, что Колобок оказался просроченным. Так сильно Колобка уже давно не просрачивали!

5

Поймал как-то Буратино Золотую рыбку, и через мгновение на Земле не стало бобров, дятлов и спичек!

Эх, почему я не Емеля?
Сказал заветные слова,
и – как и не было похмелья,
и – ясно мыслит голова!
По мелочам? Какого хрена?
Дворец мне! Лайнер! Самолёт!
С баблом немеряным царевна
любая за меня пойдёт!

6

– Царь-батюшка, дракон проголодался!
– А что он ест?
– Девушек невинных.
– Да, жаль зверюшку, как бы совсем не подох…

7

В чёрном-чёрном городе, на чёрной-чёрной улице, в чёрном-чёрном доме, в чёрной-чёрной квартире сидит чёрный-чёрный мужик и говорит:
– Никогда больше не буду сам заправлять картриджи!

8

А от этой сказки, к сожалению, осталось только название: «Как один мужик двух каннибалов прокормил»

9

Стал Винни-Пух крутым, открыл офис, обзавёлся секретаршей. Приходит к нему Пятачок и спрашивает:
– Пух до́ма?
– Ну, во-первых, не Пух, а медведь Вениамин, а, во-вторых, его нет, – отвечает ему девица.
– Ну, тогда передайте, – важно отвечает секретарше Пятачок, – что приходил кабан Полтинник!

Раз, два, три, четыре, пять –
вышел зайчик погулять!
Повстречался с Пятачком –
грипп свиной лечил потом!

10

Сидит Золушка после бала и тихо бормочет:
– Бабло кончилось, туфли потеряла, принц послал, сижу в тыкве, буха́ю с крысами!

Рассказав последнюю, но такую короткую сказку, Альбионыч вдруг вспомнил, что на свете, кроме неё, существует ещё и весёлый (хотя и немного садистский) стишок, – но не о Зóлушке, а о Золушкé, то есть персонаже мужского рода. «Порадую-ка я не только пропитонов-сопокерников, но и моих непьющих (?) читателей», решил он.

Золушок (сказка для совсем уже взрослых)

Жил-был на земле Золушок.
Мужчиною был он не старым,
работал, тренькал на гитаре
и складывал деньги в горшок.
Чуть вечер, поближе ко сну,
в конической шляпе из фетра,
росточком чуть более метра
являлася Фея к нему.
А он провода обжигал,
решал в сопромате задачу,
готовил бутылки на сдачу,
а также слагал мадригал.
Просила она: «Золушок!
Коль музами ты почитаем,
давай-ка с тобой испытаем
культурологический шок –
закатим в клубняк на тусу,
я буду твоею принцессой,
процесс доведём до эксцесса,
прокатимся по колесу!»
«Приелись твои чудеса –
такого мне больше не втюхать:
опять превратишься в старуху,
лишь полночь пробьёт на часах!
Вот это действительно шок,
не то что дикарские пляски.
Короче, не верю я в сказки!»,
ответствовал ей Золушок
Какая голимая хрень!
В единообразии версий
горят два страдающих сердца –
и так каждый день!
Каждый день…

Глава 96. КАК ТРУДНО БЫТЬ ГОНДУРАСОМ

Игра началась вновь. Правда, сопокерников от заказов, взяток и покеров-джокеров немного отвлекали два фактора, справиться с которыми своими силами они не могли – это жара и дворовые дети.

Больше другого, конечно, доставала жара, потому что неугомонное солнце, разглядев на небесном циферблате, что стукнул полдень, прочно засело в макушках деревьев, словно в гамаке, пропагандируя праздный образ жизни. Жара навалилась на город, как борец сумо на боксёра-классика веса пера. Карты липли к рукам, рубахи игроков и примкнувших к ним Муравлёва и Митрохина – к спинам, и всем очень хотелось, чтобы рядом

сейчас оказался какой-нибудь продавец-китаец разного барахла, у которого можно было дёшево купить хлипкий вьетнамский веер, а если нет, то хотя бы заснуть – и чтобы приснилось, что ты сидишь в московском фонтане на Пушкинской площади.

Более других жара, точно изнурительно пылкая любовница, мучила толстого Кулемзина, который багровел и отдувался, как тритон.

Наступило лето –
можно, как всегда,
снова не поехать
в отпуск никуда!

Отвлекали от игры и дворовые дети, которые носились по пространству Бермудского Учпучмака, как узаконенные дармоеды младшего возраста, старательно изображая кинопробы к фильму «Сумасшедший день в аду». Они только на мгновение останавливались в своём бесконечном движении, но тут же начинали вести себя, словно стихийное бедствие в виде тайфуна, срывающего с привязи утлые лодчонки и разрушающего мирные хижины. Они (дворовые дети, а не хижины) скакали, точно чертенята из сказки о попé и работнике его Балде сочинения народного гения Сергеича, мелькая перед сопокерниками, как платья цыганок, отчего глаза их (сопокерников, а не цыганок) бегали вдвое быстрее, чем это было заложено природой, и мысли просто не успевали за этими хаотическими движениями.

Но недаром великий гуру Альбионыч занимался образованием этих людей уже не первый год, вбивая в их тыквы постулат о том, что когда их задницы приходят в соприкосновение с покерной скамеечкой, всё пустое и наносное отходит на второй план, а на первый, толкаясь острыми локтями, вылезает только одно: стремление играть в лучшую игру на Земле – *русскую кочергу*. Глядя на потные лбы своих товарищей по битве, он лишний раз утверждался в своём суровом кредо: пессимизму – бой!

Мы прочтём в своём уставе
выдающийся девиз:
«Пессимизм другим оставим,
взяв на битву оптимизм!»

И вот за этими нехитрыми авторскими размышлениями довольно быстро промелькнули первые, не самые значительные робберы, так как количество разыгрываемых взяток было от одной до семи, а, значит, возможность крупных заказов и сопутствующих им крупных выигрышей была невелика. Поэтому к девятому робберу на восьми картах честная *раскладка* отразила практически одинаковые достижения игроков.

И вот здесь выяснилось, что Серёжа перед началом очередного розыгрыша раскрыл сразу две вещи: 1. пришедший роббер и 2. рот от изумления. А изумиться было чему: из восьми карт ему пришли три козыря и сразу два джокера. И долго бы он сидел так, с раскрытым ртом, сквозь который проглядывал штакетник его зубов, росших через один, если бы не возглас писателя, вернувший сторожа к жизни:

– Старичок, яйчики-бабайчики, срочно вынимай свою знаменитую книжечку и записывай!

Упоминание блокнотика «Для му.мы.» сразу же вывело Афанасьича из состояния интеллектуальной комы – он быстро развязал котомку, достал требуемое и приготовился внимать, попутно облизывая красный конец знаменитого двухцветного карандаша. И тогда писатель произнёс:

Часто бывает так, что есть над чем задуматься, но нечем…

– И что, царица лесная? – записав новую мудрость, произнёс Полтавцев.

– И то, – прямо ответил Альбионыч, – что, даже набираясь отсутствующей у тебя мудрости, не стоило бы класть свои карты вверх картинками!

Охранник глянул вниз на покерный столик, затем как-то возмущённо взвизгнул, но было поздно – все восемь карт уже были изучены жадными взорами сопокерников и даже художником – на всякий случай! Причём, у Николаича даже мелькнула мысль о том, что, может, вот он и наступил, этот момент, чтобы начать изучение великой игры.

– Валера, может, начнёшь изучать *русскую кочергу*? – с лёгкостью прочтя его мысли, улыбнулся марсианин, но живописец на это нелепое предложение отозвался интенсивными маханиями руками, задевая конечностями разные части тел сидящих рядом Батыршина и Курманбаева.

– Для начала – жёлтая карточка! – возвестил Володя и списал в *раскладке* против инициала Полтавцева 20 очков. – А для того, чтобы до тебя, старичок, полностью дошла так называемая суть жизни, подкреплю свой афоризм следующим стишком, и буду надеяться, что знание его на 11,9 процента изменит твою бесполезную жизнь:

Вино надежды разлито
в желанный новый мех.
Не тонет в проруби лишь то,
что мы зовём успех…

На слово *прорубь* охранник отреагировал вяло, а вот на *вино* – слишком бурно: он тяжело задышал и с надеждой посмотрел на почётного спонсора четверга, но, встретив его (спонсора, а не четверга) слишком твёрдый взгляд, которым можно было колоть сухой саксаул для шашлыка, понял, что часов до шести вечера его удел – только бутылочки *жигулёвского*.

– А теперь, яйчики-бабайчики, продолжим наши игрища! – возвестил Кулемзин и первым, так как карты сдавал сидящий перед ним педагог, сделал заявку:

– Три!

При этом он выразительно посмотрел на педагога, который тут же сделал вид, что не заметил этого острого взгляда.

Серёжа, хотя его карты уже были изучены соперниками, всё же сделал жалкую попытку реабилитироваться на ристалище:

– Четыре!

Две взятки заказал и старший трубач Салихдзяныч, после чего Нуртай, испугавшись недобора, решил отпасоваться, хотя карта у него была неплохая, и при хорошем раскладе сулила две взятки как минимум. И всё же будущее этого роббера было призрачным, как мечты гимназистки.

Надо заметить, что нынешняя ситуация, когда были известны карты одного из игроков, была игрой несколько странной, в которой участвовали как бы спортсмены разных весовых (мозговых) категорий, и напоминала поединок, в котором сражались чемпионы по вольной и греко-римской борьбе с чемпионом по сумо, а саму борьбу судил чемпион по самбо.

Бой такой неравноправен,
словно ты на ринге пьян,
ведь всегда в бою без правил
побеждает лишь судья!

И вот это знание (пардон за каламбур!) сыграло с игроками плохую шутку, ведь каждый из них думал, что коль он знает серёжины карты, то запросто догадается не только до того, как тот будет ходить, но и как будут играть далее остальные, а вот уж он-то, разумеется, самый умный, и будет забирать все взятки подряд своими *крупняками*. Но беда была в том, что думали так все, кроме Володи, у которого была другая мысль: играть так, как задумал, не обращая внимания на знание о чужих картах. И это вскоре принесло свои плоды – ему, оставив остальным только шелуху и очистки.

Глава 97. КАК ТРУДНО БЫТЬ ГОНДУРАСОМ (продолжение)

Первый ход, как уже было сказано, был у Альбионыча, и перед ним он вдруг произнёс страшную для понимания остальных фразу, причём, перед её произнесением сердце писателя сжала мягкая лапа сожаления:

– Как трудно быть Гондурасом, знает только Гваделупа.

Тихо сделалось в мире, как перед большой бедой. И она не преминула случиться!

– По джокерам, – мягко проговорил Кулемзин, кидая на столик покера, после чего с лёгкостью придвинул ближе к себе первую взятку, включающую не только младшего джокера Полтавцева, но и старшего – Курманбаева, который проводил его в последний путь затухающим взором.

Примкнём и мы к великой тайне,
коль *дедушка* нас не продаст:
последний путь – он точно крайний,
но лишь для одного из нас…

Дальше было проще: гуру намеренно пошёл небольшим козырем – и всё только для того, чтобы последний в очереди игрок, то есть Афанасьич, забрал эту взятку последним из джокеров. Так оно и случилось. А далее, используя козыри покрупнее, литератор добрал недостающее и смело распрощался с трефовой двойкой – кстати, единственной картой этой масти среди своих. В этом тоже был свой замысел, так как – при отсутствии козырей – остальные игроки начинали надеяться только на масти.

Надо ли говорить, что володина двойка пропала в пучине алчности и страсти, но его это уже не волновало – три своих заказанных взятки уже смирно лежали возле его правой руки. Хуже было остальным.

Нуртай, недобравший одну взятку, сидел обескураженный, точно человек, который только что понял, что вложил деньги в очередную финансовую пирамиду, потеряв тем самым их навсегда. «Какой ненужный демонизм!», по-писательски подумал писатель.

Неожиданно взяв две взятки из четырёх заказанных, Серёжа озарился светлой улыбкой идиота, которому пообещали купить мороженое – и купили! Правда, огорчало то, что в *раскладке* через несколько мгновений в его колонке спишется аж 45 очков, но к таким незначительным пощёчинам Суки-судьбы охранник уже привык, поэтому не слишком расстроился, тем более, что Альбионыч решил утешить его по-своему:

– Серёжа, не бери в голову. Понял? Главное – не брать в голову, – втолковывал ему марсианин. – Брать надо в руки, и сразу же лить в горло – пока не нагрелось…

– Да это-то как раз понятно, – ответил сторож, чем ещё раз подтвердил слух о своей полной невменяемости.

Узнаем только на погосте,
что нам по жизни суждено:

быть дураком светло и просто,
а умным – трудно и темно!

Несколько портили общий вид мироздания выпученные глаза Салихдзяныча и судорожно шарящие в воздухе руки, которые вот только что делали какие-то нелепые движения картами, что привело к потере всех заказанных взяток! И что было наиболее обидным для постороннего зрителя, если бы он сейчас здесь присутствовал, так это звуковое сопровождение военного музыканта, которое совершенно не годилось для международных кинофестивалей: во-первых, оно не переводилось на язык Голливуда, потому что в английском нет такого разнообразия речевых оборотов и таких тонкостей их употребления, и, во-вторых, прапорщик даже не потрудился извергать мощный поток неповторимого русского фольклора грозно, сурово и мужественно, а просто визжал, как поросёнок под неловким ножом.

«Да, сделал добро – отойди на безопасное расстояние», подумал Володя, «чтобы тебя ударной волной благодарности не зацепило…». А вслух сказал:

– Старик, не расстраивайся. Помни, что жизнь у нас интересная, но нервная, поэтому мы весёлые, но злые.

На свете множество пустых
слетают фраз из рта –
проблем так много мировых,
но голова пуста…

– Вот-вот, святой Малевич, – решил по-своему успокоить обретённого друга Муравлёв. – Талгат, вот вспомни такой момент из своей военной жизни…

– Какой ещё йодистый момент? – перестал визжать трубач.

– Бывало, ждёшь свой автобус, а его всё нет, и ты от безысходности садишься в любой другой, и тут же видишь, как уже подъезжает долгожданный твой. И ведь так в жизни не только с автобусами…

– А при чём здесь *русская кочерга*? – строго спросил писатель тоном преподавателя марксистско-ленинской философии, уточняющего, читал ли студент «Апрельские тезисы» покойного вождя.

Уловив поминание Ильича I всуе, хотя и мысленное, Нуртай начал нервно потирать руки, как муха лапки, но перечить не стал, хотя немедленно стал красным, точно переходящее знамя ЦК ВЦСПС[139] (б).

[139] Всесоюзный Центральный Совет профессиональных союзов – прим. ист. редактора

Помнит каждый, кто нетрезв:
был и ВЦСПС!

Отбросив противников на значительное расстояние, Альбионыч не расслабился, а, напротив, смотрел на них, словно пулемётчик на наступающие вражеские цепи, подпуская ещё ближе, чтобы бить наверняка, думая при этом о том, что людям можно дать и второй, и третий шанс, но, согласитесь, куда приятнее дать им по роже. От предчувствия удачи у него серебряными иголочками закололо всё тело. Чувствовалось, что писатель был переполнен энергией, как средняя полоса России – берёзовыми пеньками.

Впрочем, игра продолжалась, и сейчас приближалась к одному из рубежей, который среди покеристов принято называть знаковым, то есть средней *тёмной*. Зачастую именно

здесь Сука-судьба партии решалась прямо на глазах, и Володе предстояло быть протагонистом[140] великой драмы!

[140] Первый из трёх актёров, играющих главные роли в древнегреческом театре – прим. др.-гр. редактора

Сдавал карты на *тёмной* Мусаич, причём, видя внимательные взгляды своих противников, на этот рез решил не жульничать, а, значит, шансы на такую важную победу сразу же снизились процентов на 90! Он, улыбнувшись, искоса глянул на Кулемзина, и их взгляды встретились как клинки, едва не заискрившись от напряжения. В это мгновение все трое – Володя, педагог и его улыбка – стали бесконечно чужими друг другу.

Поэтический смысл – он всегда как в тумане,
слышишь так, но, скорее, всё наоборот:
от улыбки врага мне светлее не станет,
так что песня задорная что-то здесь врёт!

«Да этот Кулемзин ведёт себя, как террорист!», мелькнула мысль у пламенного большевика. «Разве не об этом предупреждал нас Владимир Ильич в своей гениальной статье «Революционный авантюризм»? Ох, как же был прав вождь мирового пролетариата, говоря: «Террор выступает перед социал-демократами как одно из возможных подсобных средств, а не как особый приём тактики, оправдывающий отделение от революционной социал-демократии»[141]

[141] В. И. Ленин, ПСС, т. 6, с. 371 – прим. ист. редактора

Запросто услышав эти провокационные мысли, Альбионыч хотел было возразить педагогу, что в данном случае уместна совсем другая цитата из его кумира, а именно:

«Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это – одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии вóйска и при известных условиях»[142]

[142] В. И. Ленин, ПСС, т. 5, стр. 7, «С чего начать?» – прим. ист. редактора

И вот эти цитаты, как недавние взгляды Кулемзина и Курманбаева, также встретились в виртуальном пространстве Бермудского Учпучмака, также заискрили, и от этой искры тотчас родился очередной Хронотоп нашего великого повествования.

В постижении законов,
что лежат на самом дне,
вспоминаем время óно,
существуя, как во сне…

Глава 98. БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЦЕНТР КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА (Хронотоп № 26)

Мало кто знает, что в начале прошлого века был создан и функционировал так называемый БЦ, или Большевистский Центр, работавший с 1903 по 1908 годы. Однажды писатель Кулемзин, иногда прикидывающийся историком, в ветхом дореволюционном из-

дании некоего Богданова[143], о котором весьма нелестно отзывался Ильич I, вычитал следующие строки:

«Большевики, учредившие на Лондонском съезде Большевистский Центр, смотрели на него как на организацию, которая, с одной стороны, выражает основные идеи революционного крыла партии, развивая их печатно, с другой же – объединяет различные большевистские группы, разбросанные по России, и *заведует*, *под их контролем*, *материальными средствами* большевиков»

[143] А. А. Богданов, настоящая фамилия Малиновский – российский учёный-энциклопедист, революционный деятель, большевик, один из крупнейших идеологов социализма, член партии РСДРП в 1896-1909 годах – прим. ист. редактора

Как нас классики и учат,
пусть вперёд идёт трамвай:
у меня деньжонок куча –
революцию давай!

Именно в этих словах и была зарыта собака столь необычного и, казалось бы, вовсе ненужного объединения. Деньги! Деньги давали возможность не только вести пропаганду, но и безбедно содержать в эмиграции многочисленные се́мьи революционеров, начиная с папы Ленина. Кстати, эти же деньги впоследствии позволят легальным социал-демократам, депутатам Думы открыто, с трибуны, осуждать экономическую, внешнюю и внутреннюю политику царского правительства, которое, кстати, само содержало этих депутатов из расчёта десять рублей *золотом* в месяц.

Социальная заплата
нам позволит ресторан:
депутатская зарплата
больше, чем у столяра́!

Деньги эти были не просто большими, а огромными. Трудно сейчас подсчитать, сколько крестьянских дворов можно было бы поднять, если бы эти деньги пустили в долгосрочные займы на сельское хозяйство. Если взять список тогдашней Думы, вычесть из него людей *с достатком*, которые осуществляли свою деятельность, отказавшись от государственного содержания (это не фантастика!) и приплюсовать их к графе *сельское хозяйство*, а из оставшихся выделить непримиримых оппозиционеров, что раз уж они были в таком антагонизме с правительством, то и незачем было пользоваться их деньгами, то набиралось не так много, и на общую сумму они существенного влияния не имели. Получалась любопытная картина: за год-другой существования тогдашней Думы можно было полностью поднять целую Сибирскую губернию вместе со всеми переселенцами! Но даже не это было главное.

Но в словах Богданова таился ещё и другой смысл. Когда он говорил о материальных средствах, то уж, конечно, речь шла не о тех деньгах, что поступали в кассы местных первичных организаций в обычном порядке, путём всевозможных взносов и добровольных пожертвований: их всегда с трудом хватало на текущую работу местных организаций, порой даже не имевших возможности отправлять в ЦК требуемые уставом отчисления. Речь шла о средствах другого происхождения, которые иногда исчислялись сотнями тысяч рублей. Именно они и составляли главную партийную тайну и не подлежали разглашению ни перед рядовыми членами, ни перед спецфинкомиссией!

Богданов был хитрецом, его формулировки отличались осторожностью и обтекаемостью, но, как заявляла одна забавная книжка без картинок, *имеющий глаза́ да увидит*.

Имеющий уши да услышит.
Имеющий глаза́ да увидит.
Имеющий мозги, да воспользуйся ими уже,
чтобы уши услышали нужное,
а глаза́ увидели важное !

Господин Богданов несомненно прилагал все усилия, чтобы не нарушить партийной дисциплины, не дать волю собственным настроениям, и как можно меньше приоткрыть завесу тайны над секретными сторонами жизни Большевистского Центра, но существо его обвинений ясно: Ленин с единомышленниками, прикрываясь *торговой маркой* БЦ, перестав считаться с мнением организаций, его же создавших, захватили в распоряжение своей группы огромные денежные средства *всей фракции* и на них укрепляют положение кружка́ лиц, способствуя коррумпированию оставшихся с независимым мнением товарищей, да и всей партии вообще. Кстати, именно это, доведённое до абсурдной циклопичности, и погубило КПСС в конце XX века…

Каковы же были источники происхождения этих денег? Само собой, на память сразу же приходит знаменитое *тифлисское дело*, или сталинские *эксы*[144]. Но тогда деньги должны быть в крупных купюрах, и в ведомости, приведённой Богдановым в книге, ведомости передачи товарищу Красину[145] для обмена в Америке, значились 45 купюр достоинством по 500 рублей каждая.

[144] Так революционеры, поставившие на конвейер моду на сокращение слов, называли экспроприации или, проще говоря, грабежи – прим. автора
[145] Л. Б. Красин – участник социал-демократического движения в России с 1890 года, член ЦК РСДРП в 1903-1907 годах, член ЦК ВКП(б) в 1924-1926 годах – прим. ист. редактора

Но здесь есть маленький нюанс. На любой такой купюре есть факсимильные подписи управляющего банком и даже кассира, кроме того, серия и номер. Подумайте, какой же приличный банк и в какой стране станет связываться с купюрами, номера́ и серии которых *сообщены повсеместно*?! Разве что мафия, американская мафия? И теперь это подтверждено документально: кровавые тифлисские деньги обменивались на не менее кровавые у чикагских гангстеров. А если ещё вспомнить тайну пропажи наследства весьма революционно настроенного лейтенанта Шмидта, который был очень обеспеченным человеком? А ведь это 280.000 рубликов!

Всё здесь шло без вариантов:
Шмидт, конечно, мог мечтать,
только старшим лейтенантом
было суждено не стать!

С помощью финансистов из БЦ Красин разработал план *одновременного* размена тифлисских пятисотрублёвок в ряде крупных банков Европы. Наведённые предварительно справки давали основания полагать, что широкого оповещения по пятисотрублёвкам не было, но было совершенно ясно, что после размена первого же билета соответствующие меры будут приняты, и тогда остальная сумма, то есть 100 тысяч рублей, потеряет всю ценность. В качестве экстренной меры была мобилизована большевистская молодёжь, и в первых числах января 1908 года были предприняты попытки одновременного

размена в банках Парижа, Женевы, Стокгольма, Берлина, Лондона, Антверпена и других крупных европейских городов. Все они закончились провалом.

А вот настоящая причина неудачи вскрылась только после революции: оказалось, что ставленник Ленина в финансовой группе Житомирский[146] с 1903 года, то есть с момента образования Большевистского Центра, стал ещё и главным осведомителем парижского отделения охранки по большевикам. Через него департамент полиции был в курсе всех финансовых махинаций БЦ и, естественно, такого крупного дела, как сбыт награбленных группой Петросяна[147] денег.

[146] Партийная кличка Отцов – прим. автора
[147] Партийная кличка Камо – прим. автора

Перед лицом европейской демократии большевики оказались заляпанными таким количеством грязи, что, казалось, вовек не отмыться. Пришлось срочно собирать конференцию и выступать, как это ни горько, с осуждением своих же товарищей. Парадокс: люди, отдавшие приказ, бичевали подчинённых, этот приказ исполнивших…

Не боись начальства молний,
не боись его гримас:
не стремись быстрей исполнить
ты полученный приказ!

Глава 99. КАК ТРУДНО БЫТЬ ГОНДУРАСОМ (ещё одно продолжение)

Автор уже не раз описывал накал страстей, который происходил именно на средней *тёмной*, к которой сейчас приблизились наши сопокерники, ведь именно здесь – на линии, которая делит всю партию ровно пополам – зачастую и решался исход битвы. И вот тут нередко происходили события, которые не вписывались в привычную логику игры. Конечно, чаще всего игроки рисковали, заказывая максимальное количество взяток – кто четыре, а кто и все пять, и делали это исключительно в надежде немного приподняться над остальными соперниками.

Но что есть надежда в контексте *русской кочерги*? Да то же, что и надежда в глупой церковной триаде надежда-вера-любовь, где эта первая из сестёр была абсолютно ненужным приобретением человечества, как, кстати, и сестра вторая, то есть вера. И только любовь (да-да, именно любовь, а не Любовь, как нравится называть её плохим поэтам) имела право на существование – потому что только она и давала это самое существование, разумеется, на па́ру со своим младшим братом – сексом.

Что важней: любовь иль секс?
То и то – сплошной рефлекс!

А иногда в игре создавались ситуации, когда игроки, напротив, заказывали минимальное количество взяток – разумеется, не от желания перебрать, а просто реально оценивая пришедшие карты – чтобы не пролететь. В такие моменты, например, Полтавцев, который соотносился с *русской кочергой* как графит с алмазом, недоумённо морщил брови и горько спрашивал:

– А остальные куда, царица лесная?!

Хотя все, да и он, кстати, тоже, знали, куда именно, ведь уже несколько лет при подобных ситуациях сторож был чем-то вроде канализационного коллектора, куда и стекало никому не нужное и лишнее… м-м-м… *вещество* игры.

Но вот, наконец, заказы были оформлены Володей в *раскладке*, и соперники приступили к таинственному обряду уничтожения себе подобных. Первым ходил Афанасьич, но его кривые от рождения ру́ки подвели его и на этот раз: неловко пытаясь зажать все 12 карт в одной левой руке, ибо правая была занята очень важным делом, а именно подносила к его воспалённым губам уже тёплую бутылочку «Жигулёвского», он уронил карту, и, как назло, она оказалась важной – это был козырный король червовой национальности. К карте словно кто-то невидимый приделал маленькие крылышки, так как она вспорхнула и улетела за покерный столик. Серёжа тут же, азартно кряхтя, свесился головой вниз через столик с явным намерением сверзиться сле́дом, а затем пробуравить макушкой утоптанную землю Бермудского Учпучмака и посмотреть, как там дела в Мексике. Левая рука его при этом осталась выше поверхности столика и развернулась так, чтобы все присутствующие, включая неиграющих живописца и старшего джуса, могли ознакомиться со всем роббером полностью.

Хитрой нет в игре науки –
вам я истину припас:
в картах главное – не руки,
а острейший зоркий глаз!

Положение у марсианина было ни шатко ни валко, так как к весьма сомнительным двум младшим джокерам прилагались всего четыре козыря, да и то не самых крупных, поэтому он решил рискнуть и пошёл именно с джокера, добавив при этом весьма неприятную короткую фразу:

– По старшим козырям, яйчики-бабайчики!

«А почему же писатель не объявил мизе́р?», воскликнет здесь уже поднаторевший в покерных боях читатель. И автор объяснит ему (ей), что маленьких карт у Володи не было, а так бы он непременно не забыл…

Все тут же скинулись – кто со стоном, а кто и со стоном страшным, и всё это великолепие своим покером забрал Батыршин. Впрочем, Альбионыч рассчитывал именно на такой исход, и теперь, когда покера в игре не было, дождался его (Батыршина, а не покера) хода, и взял первую взятку своим вторым младшим джокером, после чего сходил ненужной трефовой четвёркой, на которую, как ястреб на мышь, тут же накинулись и педагог, и сторож, и трубач, словно именно от этой взятки зависело, сколько ещё раз прокукует персонально для них невидимая в ветвях карагача кукушка.

Глянул на куста верхушку
я в попытке всё решить –
попросил сейчас кукушку
дать ответ: так сколько жить?
Ты ответь мне, сиротинке!
А она: merci beaucoup[148] –
как заевшая пластинка:
всё ку-ку, ку-ку, ку-ку!
Может, взять у ней талончик,
чтоб была видна печать?
Если б школу я закончил,
то сумел бы сосчитать…

[148] Большое спасибо – фр. Читается: мерси боку́ – прим. главы гильдии переводчиков

Но пусть не думает читатель, что автор намеренно нагнетает какие-то страхи – нет, в основном, игра шла легко и местами даже весело. Например, с трудом взяв свои три взят-

ки, Талгат облегчённо вздохнул, точно подсудимый, которому расстрел в последний момент заменили пожизненной каторгой. А вот Серёжа, не сумевший набрать заказанные пять взяток, напротив, вначале вёл себя как неуравновешенный шимпанзе на почве проигранной в домино самки, но затем, глядя, как безмятежно ведёт себя марсианин, немного успокоился и даже сделал попытку чуть-чуть пофилософствовать, что всегда вызывало приятные мгновения у покерного коллектива.

– Средства оправдывают цель, – важно произнёс он.

– Наоборот, – поправил его педагог.

– Не оправдывают? – поразился сторож. – А я всегда думал…

Над последним словом, которое Афанасьич забыл взять в кавычки, все немного посмеялись. Кроме Володи.

– Напрасно вы смеётесь над нашим товарищем, – попенял он присутствующим. – Вы, наверное, просто забыли, что абстрактный гуманизм хорош в предвыборных речах, а гуманизму конкретному не мне вас учить.

После чего, не удержавшись, добавил:

– Эх, хорошо сказал!

– Да ты, святой Малевич, просто король формулировок! – похвалил Альбионыча художник, а охранник, выхватив из котомки заветную книжечку «Для му.мы.», быстро зафиксировал полученную мудрость, правда, в некой своеобразной форме: «Хочешь толкнуть речь на выборах, начинай гуманизировать абстрактно, иначе электорат, не приученный к этому, пойдёт голосовать за другого!»

– Не грусти, Серёжа! – подбодрил неумного литератор. – Помни, что го́ре только рака красит…

– Ну что ж, будем делать нелицеприятные выводы, – сообщил покерной хевре записывающий Кулемзин, а они, то есть выводы, действительно были неутешительными, принимая в расчёт то, что сам писатель, как ни старался, всё-таки пролетел на одну взятку, или 50 очков. «Вот оно, проклятие *тёмной*!», подумал он и отозвался катреном, потому что понял, что на этой странице 226 его (катрена, а не проклятия) ещё не было.

После партии разбитый,
водки выпей, а не чай:
сделай вывод из игры ты –
лучше больше не играй!

Лучше всех сейчас себя чувствовал бравый оловянный прапорщик, взявший свой заказ в полной мере и получивший за этот подвиг аж 120 очков в плюс.

– Гляди, ёперный покер, как я поднялся! – хвастливо заявил он.

Альбионыч коротко глянул на него *насквозь*, как пионер-герой на немецкого оккупанта: чтобы тебе подавиться, недобрый гость!

– Многие думают, что они поднялись, – промолвил он на этот нескромный вызов, – но нет, яйчики-бабайчики, – они всплыли…

И всё же эту партию, которая и так уже затянулась, надо было как-то заканчивать. Робберы катились волнами, бумажная *раскладка* стонала, сожалея, что её в своё время не сделали из легированной стали, числа в ней менялись ежеминутно, даря надежду одним и полный alles другим. Варианты мелькали в голове, словно конфетти в новогоднюю ночь, а в головах игроков был полный сумбур, где мысли вертелись беспорядочно, словно грязное бельё в стиральной машине.

Приближался конец партии, и этот факт не мог не отразиться на общем настроении коллектива, среди которого один только Валера чувствовал себя превосходно, безмятеж-

но посасывая очередной *тянь-шанчик*, и не задумываясь, крикнуть ли ему во всю глóтку слово *мизéр* или тихо прошептать какой-нибудь стишок на тему текущего дня:

Нашёл удобный способ обходиться
я без календаря – его отверг:
четвёртый день не хочется трудиться,
что означает – на дворе четверг!

Нуртай привычно злодействовал без оглядки на моральный кодекс строителя коммунизма, хотя и волновался при этом, как будто неожиданно вспомнил, как вступал в пионеры. Кулемзин же, напротив, был сосредоточен, но не только на картах, а тоже на одном воспоминании: ему почему-то припомнился лозунг китайских хунвейбинов[149]:

粉碎他們的狗頭[150]

[149] Члены созданных в 1966-1967 годах отрядов студенческой и школьной молодёжи в Китае, одни из наиболее активных участников так называемой культурной революции – прим. ист. редактора
[150] Размозжим их собачьи головы! – кит.

Глава 100. КАК ТРУДНО БЫТЬ ГОНДУРАСОМ (почти окончание)

А что же новый друг игроков и художника – Васюхан Митрохин? Помнится, оставил его автор прислонённым затылком к горячему карагачу – и всё из-за того, что этот начальник джусов перед тем, как придти в Бермудский Учпучмак, начал потреблять *горькую* ещё дома, потому сейчас немного *устал* раньше остальных.

Васюхан дремал, и снился ему сон про его первую жену, с которой он развёлся уже как 8 лет назад. Иногда он и хотел бы её увидеть, но она переехала с новым мужем в Индию, где очень любили *белых* девушек, а вот теперь довелось посмотреть на Танюшу, как он её когда-то называл, хотя бы во сне.

В этом сне Митрохин со своей пока ещё женой Таней поехал куда-то за границу отдыхать. Сейчас он тревожно вглядывался в проплывающие сновидения, пытаясь угадать, куда их по турпутёвке занесла Сука-судьба, но так ничего и не понял. И вот гуляют они по местному рынку и вдруг натыкаются на объявление, что какая-то электронная фигня типа навороченного мобильника продаётся за 200 у. е. местной валюты. И откуда-то приходит знание, что это очень дёшево, словно бы за русские копейки.

Моя совесть очень-очень хрýпка,
потому я так ожесточён:
самая дешёвая покупка –
это просто *стырить* телефон!

Потом сон сразу перескочил на следующий день. Антенщик с Таней снова пошли на рынок, пробрались сквозь толпу людей и когда подошли, стало ясно, что вожделенный телефон продаётся с аукциона: типа кто больше даст денег, тот его и возьмёт, а цена к тому времени уже подобралась к 700 местных у. е. Подошли они к кенгуру (а именно она продавала телефон), и решили бросить ей в сумку немного монеток – типа подмазаться, а Таня, хотя никогда ничем подобным в реальной жизни не отличалась, когда бросала монетки, умудрилась из той сумки вытащить купюру в 1000 назарбаксов. И, как им показа-

лось, кенгуру этот жест заметила! Да, кстати, на кенгуриной сумке они заметили лейбл «Gjord i Tyskland»[151].

[151] *Сделано в Германии – швед.*

И вот пошли они скорее обратно в номер, а в это время как-то быстро стемнело, и Васюхан во сне начал переживать, что их с Танюшей найдут и тут всё – звиздец, как говорится, – но их по дороге занесло в пустой супермаркет, где к ним пристал некий мужик, желающий купить кофе, а продавщица куда-то отлучилась – видимо, по нужде. Они ничего объяснить ему не могли, к тому же вспомнили, что по дороге слышали немецкую речь, и начали подозревать, что их занесло в Германию. Отвязались они кое-как от мужика, который кричал им вслед: «Verkauf mir Kaffee, Arschlöcher!»[152], и убежали обратно в свою гостиницу. И вот там, на первом этаже, напротив бара была большая стойка во всю стену – с алкоголем, и надпись на ней: «Her şeyi ücretsiz al!»[153], судя по хвостику под буквой s, на турецком языке.

[152] *Продайте мне кофе, засранцы! – нем.*
[153] *Берите всё бесплатно! – тур.*

Знают сильный и дистрофик,
знают бомж и свинопас:
деньги есть – хлебайте кофе,
денег нет – хлебайте квас!

Митрохины, каким-то образом (ну, сон же!) легко поняли, что речь идёт о халяве, и стали выбирать, что бы им взять и быстренько свалить, и, наконец, взяли по паре бутылок ви́ски «Isabella's Isla»[154] – вот таких:

[154] *Самый дорого́й ви́ски в мире, бутылка его сто́ит 6,2 миллиона долларов – прим. автора*

, и ещё пачку крабовых палочек и креветок (почему-то с закуской там дефицит был, да и выбор не ахти). И вот едут они в лифте, и Таня Васюхану говорит: мол, па́ру бутылок с собой возьмёт домой. И тогда Митрохин позавидовал её уму и решил вернуться, чтобы тоже домой ещё парочку пузырей прихватить. Но, пока они ехали в лифте, он в какой-то железяке, которая была на стенку лифта приклеена, стал ковыряться горлышком бутылки, чтобы её (бутылку, а не железяку) открыть. И тут эта железяка заискрила, и супруги

испугались, что сейчас сгорят заживо. К счастью, лифт в это время остановился, и они бегóм побежали в свой номер, а когда прибежали, то увидели на стенке, что там цветными китайскими фломастерами было написано:

Конец фильма!

И тут же из гостиницы они переместились в какой-то поезд, хотя на отдых явно летели в самолёте, и поняли, что едут назад, но почему-то без багажа и – самое страшное – без заветных бутылочек!

Взметая нашей жизни кутерьму,
грохочет мой курьерский или скорый, –
и вот уже в тумане и дыму
последние мигают светофоры…

«Как же так?», подумал Васюхан и в отчаянии дёрнулся, да так, что с размаху ударился тыквой о старый сухой карагач. И тут он понял, что это был не конец фильма, а конец его сна. Правда, он на всякий случай пошарил по карманам в поисках ви́ски, но не нашёл, расстроился и проснулся. Но самое интересное было в том, что всего этого не заметил никто, ибо остальные в это мгновение были поглощены завершением сразу двух событий – очередной партии и очередной главы под экзистенциальным номером 100.

Глава 101. КАК ТРУДНО БЫТЬ ГОНДУРАСОМ (окончание)

А последние робберы этой партии и впрямь выдались крайне напряжёнными. Отражали это и ли́ца игроков, которые сейчас были сосредоточенными, как у группы пенсионеров на унитазе. Везло, как это часто бывало, Курманбаеву – пруха шла ему, как сёмга на нерест. Играя, он привычно приоткрывал перед партнёрами позорную сторону своего внутреннего мира – муки тщеславия и корчи непризнанности. Кулемзин этим фактом особенно не заморачивался, но вот остальные, то есть Батыршин и Полтавцев, из последних сил старались вырваться чуть-чуть вперёд, чтобы оказаться хотя бы на третьем месте и получить два очка в общий медальный зачёт, ибо оказавшийся последним в сражении получал всего одно очко.

Мысль прямá, хоть грубовата,
ибо есть и в ней подвох:
тот, кто первый, тот богатый,
кто последний – бомж и лох!

Талгат, потупив глазá, чтобы их блеском случайно не выдать свои карты, несколько секунд внимательно разглядывал ладони, зажавшие пришедший роббер, будто по их линиям пытался определить свою Суку-судьбу. Но Альбионыч точно знал, что в ближайшую минуту она будет весьма незавидной, ибо внутренним взором видел, как педагог оглядывает музыкального военного, словно прикидывая, чем бы повкуснее его накормить: стрихнином или всё-таки мышьяком – чтобы наверняка. «Чего здесь больше?», думал писатель. «Ухмылки Суки-судьбы или мерзкого смешка подонка Произвола?»

Нуртай, словно угадав эти мысли, повернул голову налево – в сторону марсианина, и внимательно посмотрел на него. Но с таким же успехом можно было пытаться разгадать мысли сфинкса, ведь физиономия литератора сейчас была непроницаемой, словно свин-

цовая оболочка ядерного реактора. У Мусаича были вроде бы неплохие карты, но какие-то невнятные – ни слишком крупные, чтобы играть привычный роббер, ни слишком маленькие, чтобы объявить мизе́р, и он мучился этим выбором, так как ошибиться было нельзя. Ему очень хотелось выиграть эту партию, и он даже заранее, как это бывает у алкоголиков, чувствовал опьянение будущей победой, но при этом помнил и об афоризме знатного афоризматика Кулемзина, который как-то на днях произнёс такую фразу:

За опьянением победой нередко следует алкоголизм…

Трезвым непременно в жизни будь,
чтобы различать пороков лица.
Опьянён победой? Не забудь
после всех побед опохмелиться…

Но вот всё устаканилось: взятки на последней *тёмной* были объявлены, записаны в *раскладку*, игра началась. Первым ходил Афанасьич, который, неожиданно повысив голос, словно, как Соловей-разбойник, собрался добить противников верхним регистром, проорал, бросив на покерный столик старшего джокера:

– По козырям, мать честна́я!

– Йодистый Серёжа, зачем тебе это? – с усталой терпеливостью спросил Талгат Салихдзяныч.

– Так надо, – твёрдо и весомо ответил охранник.

«Абсолютно логическая посылка», подумал Володя, с сожалением выбрасывая козырного короля, но помня, что на руках у него из *крупняка* остались ещё такие же дама и валет. «Абсолютно логический вывод, не допускающий дальнейших нелепых и ненужных вопросов типа «кому надо?», «зачем надо?», «как надо?»

– Кишмир тухес[155], – пробормотал старший корнет, от возмущения надув щёки, как хомяк из мультфильма, и скинул козырного туза, показав даже Муравлёву, который *не рубил* в игре вообще, причину своего возмущения.

[155] Поцелуй меня в задницу – ивр.

Кончилась задумка Афанасьича, как это и предполагалось всеми без исключения, неважно – Курманбаев забрал все скинутые козыри, включая серёжиного старшего джокера, своим покером, и тут же, не дав никому опомниться, пошёл джокером младшим:

– По козырям, мать моя партия!

Вот это было серьёзно, и Володя порадовался, что, скинув козырную даму, у него остался самый старший козырь в игре – валет, который, радуясь вместе с хозяином, даже подмигнул писателю и улыбнулся в свои волшебные карточные усы.

Избегай приоритетов:
взял бутылку – так налей,
ведь усы лишь у валетов,
борода – у королей!

Он был спокоен, так как абсолютно точно знал, что чувства не обманывают никогда. Обманывает разум, расчёт, надежда на выгоду, корысть, а чистые помыслы неуязвимы для злобы и зависти. Наверное, почувствовал это и пламенный ленинец, потому что решился сейчас на излюбленный подловатый приём, который позволял временно вывести из игры хотя бы одного из соперников. Он немного привстал со скамеечки, видимо, для того, чтобы было слышней, и пропел:

– Я по свету немало хаживал,
жил в землянках, в окопах, в тайге,
похоронен был дважды заживо,
знал разлуку, любил в тоске…

Покерный гуру дождался конца куплета, при этом сочувственно глядя на то, как, услышав только первую строку знаменитой советской песни, стрижом метнулся в учпучмакские кусты военный трубач, а затем тихо пробормотал:

– Вообще-то первая строка в исполнении Нуртая должна быть несколько иной:

Я по свету немало гаживал…

Плохо было и то, что татарин по дороге обронил остатки роббера, да так неудачно, что все они легли на позднелетнюю травку лицом вверх, и педагог сейчас тщательно изучал заветные картонки, потому что Талгат сидел, как выражаются картёжники, *под ним*.

– Happy shit![156] – с досадой воскликнул марсианский полиглот.

[156] Нецензурное и непереводимое ругательство с одного из европейских языков, множеством коих владеет наш герой – прим. автора

При этих словах на глазах раздосадованного страшным выражением Мусаича засверкали горькие слёзы, словно у потерявшей разум интеллигентной портнихи, сослепу обжёгшейся о раскалённый утюг.

И всё же сразу из-за трёх факторов повезло именно саксаульскому партийцу. А факторы эти были таковы: во-первых, он изучил все карты Батыршина, во-вторых, эти же карты изучил и Серёжа, но как применить полученное на халяву знание, так и не понял, в результате чего кидал карты на столик как *дедушка* на душу положит, и, наконец, в-третьих, во время играния этого последнего роббера мимо сражающихся прошла одинокая старушка без имени и отчества, а, может быть, даже и без фамилии, на кою Володя и отвлёкся, так как не хотел упускать возможности добавить пару строк в четвёртый том своей книги жизни, а эта старуха такую возможность как раз давала.

От игры нас отвлекают
те, кто вовсе не играют!

В результате *раскладка*, которая в печали даже загнула один из своих уголков, зафиксировала победу Курманбаева, за ним следом шёл Кулемзин, а далее, как говорят на выборах, по списку, то есть Батыршин и Полтавцев. Лучше всех себя чувствовал сторож, который чуть было не окончил партию в *шпале*, но чудом удержался на плаву со своими 14 очками, но в плюсе.

– Повезло тебе, Нуртай, – печально промолвил писатель. – И только многовековое чувство достоинства не позволяет мне сводить с тобой счёты…

Но тут неожиданно соседскую солидарность решил проявить Серёжа..

– Нуртай, царица лесная, поздравляю тебя от всей широты моей души!

– Старик, – улыбнулся Володя. – Если уж ты решил упомянуть одну из географических координат, то, яйчики-бабайчики, упоминай, пожалуйста, и вторую, иначе сообщение будет не полным.

– Эт’ как? – подпрыгнул на скамеечке Афанасьич.

– Так, мол, и так, соседушка, разреши поздравить тебя с крайне сомнительным успехом от широты и долготы души!

– Вот так вот? – удивился Полтавцев, после чего вытащил заветный блокнотик «Для му.мы.» и записал: «Сегодня великий день! Я узнал от Володи, что для того, чтобы поздравить Курманбаева с какой-нибудь чепухой, надо хорошо знать географию!»

– А я поздравляю тебя, Володя, – неожиданно произнёс Мусаич, и, видимо, для того, чтобы все без исключения обратили внимание на его слова, добавил:

– Со вторым местом.

«Да», подумал Кулемзин, «видимо, счастье не будет полным, если им не поделиться с завистником…». Затем он, заглянув охраннику через плечо, прочёл последнюю запись, улыбнулся повторно и решил, что в следующей партии будет внимательнее ещё на 12,8 процента.

Перед ним жестоко сыплют карты,
джокеры швыряют как из блюдца:
как ужасны и монголы, и татары,
но поэты просто не сдаются!

Глава 102. О БРЕНДИ

– Думаю, – сидя в незаслуженно горделивой позе, возвестил педагог, – что я, мать моя КПСС, выиграю и следующую партию тоже.

– Да ты сбрендил, святой Малевич! – воскликнул Валера, почувствовав, что если сейчас не обратит на себя внимание, то при следующем походе к Калиме его обязательно обойдут стороной.

– Кстати, старичок, ты сделал весьма своевременное замечание, – посерьёзнел Альбионыч.

– Почему это? – поинтересовался старший тромбонист. – Потому что он упомянул йодистое бренди?

– Ну, во-первых, – отозвался знаток всего, – не йодистое, а йодистый, так как бренди (равно как и ви́ски) – мужского рода.

– Жаль, – опечалился бывший текстильщик, – значит, если нам с Зулей попадётся такая бутылочка, придётся мне, как мужскому роду, пить её одному.

Алкоголем перепуган
(верно, лучше керосин!),
берегу свою подругу –
водку пью всегда один!

– Серёжа, не отвлекай. Так всё-таки почему? – настаивал прапорщик. – Что, есть такой анекдот?

– Вообще-то это не анекдот, как смело предположил наш друг Талгат, а вполне таки историческая история.

– Расскажешь? – неожиданно попросил Митрохин, который наконец-то отошёл от тяжёлого сна и даже стал забывать некоторые его детали.

– Конечно, – легко согласился историк. – Итак, речь в данном случае идёт не о напитке, а о географическом объекте.

«Опять география?!», подумал Афанасьич. «Это не к добру…»

– Так вот, коротко расскажу вам о битве за станцию Бренди. Как утверждают историки, к славному племени которых отношусь и я, эта битва была крупнейшим кавалерийским сражением американской гражданской войны, произошедшее 9 июня 1863 года в самом начале так называемой геттисбергской кампании – между федеральной кавалерией

генерала армии Севера Альфреда Стефановича Плезонтона и кавалерией генерал-майора Конфедерации Джеба Арчибальдовича Стюарта.

«Кто все эти иностранцы?», мелькнуло в воспалённом мозгу ещё немного е тошедшего от похмелья саксаульского моне́.

– Плезонтону удалось неожиданно атаковать кавалерию генерала Стюарта именно около станции Бренди, что в штате Вирджиния. Само сражение длилось ни много ни мало 10 часов…

– Мать честна́я, неужели без перерыва на обед? – испугался сторож.

– Вот именно! К тому же, шло оно как бы с переменным успехом, и в итоге федералы отступили. Именно с этого дня федеральная кавалерия начала оказывать хоть какое-то влияние на ход войны, а для кавалерии Юга завершился период абсолютной безнаказанности…

Кавалерийским выиграть бой фурором –
напоминает нам вирджинский Бренди.
И если прёшь вперёд с лихим напором,
то говорят сейчас: «Ты что же, сбрендил?»

– А, так вот в чём дело! – обрадовался охранник, ещё раз подтвердив неясные слухи о своей полной невменяемости.

И хорошо, что Володя успел рассказать эту поучительную историю до конца, так как в ближайшие пять минут его миниатюрный телефончик – предмет зависти Курманбаева, который зарабатывал хорошо, но позволить себе этот девайс не мог, раскалился от поступивших звонков. Если бы, например, писателю сейчас позвонил кто-то из старых друзей – Насиб Кураев, Гена Власов или Юра Стабников, то телефончик наверняка бы остался холодным, но дело было в том, что все шесть звонков (!) поступили от женщин. И это было страшно.

Я в мгновение ослаб –
все звонки пришли от баб!

Глава 103. ЛЮБОПЫТНЫЕ ОСОБЫ

«Кстати, а почему шесть?», воскликнет здесь мой внимательный и любопытный читатель. «Ведь героев-то пять – четыре игрока и художник?!». А вот и нет, забыл ты, что в данное время за покерным столиком сидели не только уже упомянутые тобой персонажи, но и временный пришелец в коллектив – Васюхан, поэтому пять звонков пришли на телефончик Альбионыча, а один – на аппарат Митрохина, коий и обнаружился в кармане его штанов после звонка.

– Алё, – хрипло сказал антенщик, ещё не отошедший от алкогольного сна. – Вера, ты что ли? Да, нет, я не сомневаюсь, – забормотал он, – просто так неожиданно. Ну, почему ты сразу ругаешься? Я же на работе! Почему голос хриплый? Да нет, никакого холодного пива я не пил… В общем, пока.

– Что, жена? – сочувственно произнёс Муравлёв, у которого дома была такая же.

– Жена, – обречённо подтвердил Васюхан и, немного подумав, уточнил:

– Вторая.

– А где первая? – озаботился вопросом музыкальный военный, и тут автор в который раз порадовался за тебя, читатель, ибо ты уже знаешь всё – из этой книги, а наши герои – ничего.

– Развёлся, – признал свершившийся факт Митрохин. – Кстати, и со второй тоже…

Если взять козла за яйца
и три раза покрутить,
то немало при разводе
можно с парня отсудить!

– Расскажешь? – заинтересовался фактом и Афанасьич, который всё никак не мог жениться на Зуле, потому что больше всего в семейных отношениях боялся именно развода. Это слово пробудило в нём смутные воспоминания, и он попросил писателя:

– Володя, а помнишь, ты как-то раз – по пьянке – рассказывал, что про развод с женой Лермонтов написал?

Альбионыч смутился, причём, дважды: во-первых, он решительно не помнил, чтобы что-то кому-то рассказывал по пьянке, потому что такая последняя пьянка с ним случилась аж 9 лет назад, и, во-вторых, он также решительно не помнил, чтобы Михал Юрьич (дай ему *дедушка* счастья на том свете!) писал когда-нибудь о разводе. Но делать было нечего – реноме двух поэтов, то есть Лермонтова и Кулемзина, могли серьёзно пострадать, поэтому, призвав на помощь верного муза Васю Курочкина, он тут же стал поражать присутствующих экспромтом на заданную тему, взяв за основу лермонтовскую поэму «Бородино»:

«Скажи-ка дядя, ведь не сразу
жена твоя с подбитым глазом
к разводу подала?
Ведь были ж схватки боевые,
да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся деревня
про ваши с ней дела!»
«Я после свадьбы всё молчал,
жена же без конца ворчала:
то стул купи, то всё продай!
Но вот настал конец терпенью,
настало время драться.
Построили редут:
жена на кухне, а я тут.
Скрутил подушку туго-туго,
ну, думал, угощу супругу –
как вдруг свистят над головой
утюг и тазик голубой!
Но вот на поле бранной сечи
ночная пала тень.
Прилёг вздремнуть я у буфета,
и слышно было до рассвета,
как из печи
берёт супруга кирпичи.
Лишь только небо засветилось,
моя супруга всполошилась!
Мелькнул за табуреткой стул,
сервиз, подаренный нам сватом,
но жаль его – сражён лопатой –
он вдребезги разбит.
Вам не видать таких сражений:
носились сапоги, как тени,
кастрюлям пролетать мешала

гора пуховиков!
И, так как мой бивак открытый,
я был помоями облитый,
и щупал нос я свой разбитый,
И синяки на лбу...»

«Хорошо, что я вовремя свалил из родной деревни Семижопино», прослушав страшную историю, обрадовался Полтавцев. «А то, вишь, у них в деревнях-то как…»

Второй и все последующие звонки поступили уже на володин телефон, и первый из них был от муравлёвской жены Наташи:

– Володечка, передай трубку этому аспиду.

– Валере? – догадался писатель.

– Ага, – по-полтавцевски ответила толстуха.

Марсианин, поставив аппаратик на громкую связь, передал трубку живописцу, и тот немедленно алёкнул в неё.

– Валера, – сходу взяла разговор в свои руки супруга, после чего все вздрогнули – от силы её голоса, – я только сегодня поняла, что была глухая и слепая, когда выходила за тебя замуж!

– Вот видишь, святой Малевич, от скольких болезней я тебя исцелил, – осторожно порадовал жену Николаич.

– Мама! – взвизгнула Наташа, и все поняли, откуда она звонила на володин телефончик. – Он ещё и издевается!

– А я тебе давно говорила… – раздался издалека голос муравлёвской тёщи, но вот что именно втюхивала она дочери, никто не узнал, так как саксаульский рембрандт поспешно нажал на красную кнопочку, которая отключала связь.

«Брак ваш больше невозможен»,
говорила дочке мать.
«Только мама мне поможет
в муже гада опознать!»

Глава 104. ЛЮБОПЫТНЫЕ ОСОБЫ (окончание)

Но не успел писатель положить телефончик в карман, как раздался уже третий звонок подряд. И, так как связь всё ещё оставалась включенной, игроки и их гости услышали чей-то неведомый женский голос, но ве́домый только для одного персонажа нашего романа, а именно Серёньки Полтавцева. Да, это звонила его сердечная подруга Зуля, говоря словами Швондера из кинофильма «Собачье сердце»[157], «и вот по какому поводу».

[157] Именно из кинофильма, так как в повести М. А. Булгакова эта цитата звучит несколько по-другому: «– Извиняюсь, – перебил его Швондер, – вот именно по поводу столовой и смотровой мы и пришли поговорить» – прим. лит. редактора

– Володя, дай трубку этому придурку, – заявила она и, после того, как приказание было выполнено, сказала уже сторожу, который держал маленькую трубочку в огромной лапе осторожно, как гранату без чеки:

– Серёжа, придурок, ты где был вчера?

– До́ма, мать честна́я, – лапидарно осведомил её квартиросъёмщик.

– Да я знаю, что до́ма, – разозлилась подруга. – Ты почему дверь не открыл?

– Устамши, наверное, был, – начал оправдываться Афанасьич. – С устатку…

– Я же не с пустыми руками приходила, – попеняла ему незадачливая гостья, – я же тебе, как человеку, пузырь водяры принесла.

– Правда? – аж задохнулся бывший текстильщик. – И куда ж ты, царица лесная, его де́ла?

– Куда, куда… Теперь вот похмелиться не на что…

Услышав такую явную угрозу срыва коллективного отдыха, Кулемзин поспешно отключил аппарат связи, не попрощавшись с абонентом.

Никого ведь не волнует,
сколько мне сегодня лет:
с кем хочу, с тем говорю я,
остальным же – красный свет!

Царица лесная Зуля ещё немного поалёкала в чёрные дырочки своего домашнего аппарата, после чего коротко выматерилась одной женской профессией, не зарегистрированной ни в одном «Справочнике профессий Республики Саксаулия», и тоже отключилась – в размышлениях, где же сейчас взять 99 назарбаксов на три бутылочки «Жигулёвского», ибо её предпочтения в пиве ничем не отличались от предпочтений её дружка.

Видно ведь по нашим рожам –
пиво пьём одно и то же!

Четвёртый звонок, как ни странно, прозвучал в адрес самого́ покерного гуру. Да, это была его ночная гостья Стелла, которая, осознав, что немного поторопилась с расставанием навек, решила, что так называемые отношения можно будет ещё немного попродолжать.

– Володя, – сказала она, не подоровавшись, чем немало удивила педагога, который считал себя интеллигентом в первом поколении (его мама была школьной техничкой), – я решила, что если ты немедленно извинишься за причинённый мне моральный ущерб, то я вернусь к тебе прямо сегодня!

Здесь удивился уже сам писатель, который посчитал, что полностью рассчитался с ночной гостьей, хотя и не накормил её завтраком – по причине поспешного ухода, поэтому пробормотал в трубочку что-то вроде того, что ему надо трансцендентально подумать об экзистенциальной сущности их спорадических отношений, чем поверг в культурный шок Муравлёва, который подумал, что его друг Володя внезапно заговорил на каком-то сатурнианском языке. «Жаль», подумал он в который раз, «что я так мало знаю иностранных языков…», а марсианин, легко уловив эту мысль, вспомнил старую басню на эту же тему:

О пользе иностранных языков

У норки мышиной дежурил наш кот,
но, ждать бесполезно устав,
он план безотказный придумал, и вот
отчётливо гавкнул: «Гав-гав!»
«Раз в доме собака, – подумала мышь, –
то кот далеко. Красота!»,
но, высунув носик из норки, – шалишь! –
попала вдруг в лапы кота.

♠ ♠ ♠

Мораль формулировать Мурзик привык:
«Стремись изучать иностранный язык!»

Следующий звонок, как уже, наверное, догадался мой внимательный читатель, был от особы, находящейся ровно за 1908 километров от места нашего действия, то есть в Кустанае. Да , это звонила прапорщицкая жена Аида, чтобы в очередной раз высказать мужу своё отношение к его карточным посиделкам, пивному отдыху и вообще. Вот это *вообще* было самым страшным, ибо включало в себя всё остальное, что могло взбрести ей в голову в данное время.

– Талгат, – заорала она, даже не пытаясь узнать, на месте ли её военный супруг. – Знай, что я решила никогда к тебе не возвращаться!

«Ну, наконец-то, ёкарная жизнь!», обрадованно подумал трубач, но в этот момент еврейская логика отказала обиженной женщине.

– Так что ты не рассчитывай на спокойную жизнь, – сурово объявила она, – вот погощу ещё несколько дней у тёти Симы, и тогда ты узнаешь, какие последствия будут тебя ожидать!

– Конечно, дорогая, возвращайся скорее, – заблеял вечно виноватый. – А то я уже так соскучился, так соскучился…

– Не сомневайся, вернусь! – страшно пообещала жена, видимо, забыв о своём недавнем решении не возвращаться к мужу – пропитону и игроку.

Не забудь прибрать шалаш –
я вернусь к тебе, алкаш!

– Короче, решай прямо сейчас: или я, или водка?

– А сколько водки? – заинтересовался Салихдзяныч.

– Скотина! – взвизгнула Аида и отключилась.

А Альбионыч в это время вспомнил старый стишок советской эпохи под незатейливым названием

Кто чем держит мужа?

Немка – властью,
испанка – страстью,
кубинка – пляской,
полька – лаской,
китаянка – лестью,
мексиканка – местью,
гвинейка – пением,
грузинка – терпением,
гречанка – красотой,
армянка – полнотой,
француженка – телом,
американка – делом,
итальянка – шиком,
еврейка – криком,
японка – грацией,
а русская – парторганизацией!

И, наконец, последний звонок поступил от жены пламенного ленинца Курманбаева, имени которой не знал никто из присутствующих, и, кстати, так и не узнал до конца

этой нескончаемой книги. Попросив Володю подозвать мужа к телефону, она строго осведомилась у педагога:

– Нуртай, ты не забыл, что сегодня вечером мы с тобой собирались перечитать наши старые конспекты по марксистско-ленинской этике?

– Конечно, дорогая! – восторженно откликнулся Мусаич и, немного прикрыв трубочку, обратился к покерному коллективу:

– Не скрою, друзья, к диалектическому материализму меня влекло с детства!

Надо ли говорить, что́ именно через мгновение испытали учпучмакские кусты – от незапланированного визита старшего знаменосца!

«Да», подумал Альбионыч, «столько лет в партии – это, яйчики-бабайчики, даром для психики не проходит…»

А педагог еврейского колледжа, мечтающий как можно быстрее встретиться со своими богатыми учениками, думал о том, что как же всё-таки плохо, что его время упущено навсегда, и до конца жизни ему не придётся кичиться своим партийным билетом и лучшим званием в мире – коммунист СССР (б). «Эх, вернуть бы всё обратно!», мечтательно думал он, допивая последние глотки́ из бутылочки Валеры.

Вернув социализм обратно,
вновь можно будет как тогда,
горчицей мазать хлеб бесплатно,
и стать ударником труда!

И вот на этом, слава *дедушке*, все звонки от разных женщин и закончились. Аминь.

Глава 105. О НЕПОСТИЖИМОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОРОДЕ

И здесь за покерным столиком воцарилось тяжёлое молчание – все переживали только что полученные звонки от любимых и не очень. Правда, это молчание изредка перебивалось страстными выкриками старушек-соседок, сражающихся *в дурака* неподалёку от наших героев, и воплями дворовых детей, которые кричали так, словно сам *дедушка* возглашал наступление так называемого страшного суда. Впрочем, такое тягостное молчание, как уже знает мой внимательный читатель, не было долгим уделом сопокерников и их гостей, и его (молчание, а не читателя) нарушил всё тот же Кулемзин.

– Знаете, – горько вопросил он присутствующих, – от чего больше всего страдают люди в наше время?

– От чего, святой Малевич? – поинтересовался Муравлёв. – От недостатка денег?

А Полтавцев в это время даже подкрепил мысль живописца похлопыванием по (прости, русский язык!) перманентно пустому карману.

– Нет, яйчики-бабайчики, от недостатка эмоций! И это не просто ущербность эмоциональной жизни – это настоящий эмоциональный голод! Вот вы думаете, что старички со старушками шатаются по митингам и прочим сборищам из-за пенсий?

– А для чего же ещё, мать моя партия? – подключился к разговору партийный педагог, который старался не чураться социальных споров.

– Может быть. Но в целом – из-за этого вот неутолённого, зверского эмоционального голода, сидения в четырёх стенах собственной невостребованности.

Афанасьич скорбно покачал головой, как бы соглашаясь с горькими словами великого писателя современности.

Будь хоть трижды ты ремеслен
(ремесло не даст пропа́сть!),

невостребован ты если,
значит, жизнь не удалась…

– Скудность эмоциональной жизни – вот бич нашего времени, смертельная болезнь скуки! И не я ли спас вас всех от неё, научив играть в нашу великую *русскую кочергу*?

– Ты, ты, йодистый Альбионыч! – протянул руку к Володе, как к *спасителю*, военный трубач.

– Но если бы эта скудность и скука только разрушала се́мьи и толкала человека к бутылке, на иглу, к суициду! Ведь от этой эмоциональной недостаточности и все наши инфаркты…

Педагог тут же схватился за сердце и начал интенсивно потирать в области левого кармана рубашки, где лежали заначенные от жены 300 назарбаксов. В это время Серёжа, поражённый невиданным обилием мудрых мыслей, выхватил из своей котомки книжечку «Для му.мы.» и торопливо записал: «Ну Вовка, мать честна́я, и даёт! Прямо Анаксагор[158] Анаксименович какой-то!»

[158] Анаксагор из Клазомен – древнегреческий философ, математик и астроном, основоположник афинской философской школы, живший около 500 года до н.э. – прим. ист. редактора

Средь философов бугор
был такой Анаксагор –
он под корень мандрагор
потреблял один кагор!

Марсианин между тем продолжал своё горькое исследование непостижимой человеческой породы:

– В сердце человека поселяется тоска и точит, точит его незаметно и фатально, пока не сожрёт совсем…

«Смотри-ка», подумал музыкант, «прямо как про мою Аиду!»

«Смотри-ка», подумал педагог, «прямо как про мою жену!»

«Смотри-ка», подумал художник, «прямо как про мою Наташу»

«Смотри-ка», подумал сторож, «прямо как про мою Зулю!»

– А всё почему? Всё это, мои маленькие друзья, из-за несоответствия грёз и действительности! Серость, обыденность окружающего жрёт людей почище язвы! И никакого выхода, никакого!

Говорили санитарки,
постаравшись не шуметь:
«Человек такой он яркий,
что серятина как смерть!»

Сторож при этих ярких словах с тоской посмотрел на карман володиной рубашки, который оттопыривала немаленькая *свёртка* саксаульских купюр.

– Правда, каждый при этом ищёт забвения и эмоций: кто в водке…

Здесь вздрогнул художник.

– …кто в окаянном разгульстве…

Здесь вздрогнул старший прапорщик.

– …кто в книгах и кинофильмах, создающих иные, *блёсткие* миры, где чувства свежи, страсти остры, решения фатальны, а противостояния титанически!

Здесь вздрогнул учитель информатики еврейского колледжа.

– Короче, люди спасаются от скуки окружающего.

Здесь вздрогнул гость Бермудского Учпучмака Васюхан Митрохин, который вот уже второй день спасался от скуки окружающего.

– А главное, царица лесная, – неожиданно поддержал лектора бывший текстильщик, – наша сексуальная жизнь да и, что греха таить, сама любовь подчиняются закону эмоционального старения!

Все, кроме Альбионыча, вылупились на Серёжу, который тут же испуганно умолк и стал озираться по сторонам, как бы отыскивая тот шаловливый ветерок, который неожиданно занёс в его тыкву столь умные мысли.

– Кстати, – продолжил мысль охранника покерный гуру, – наша сексуальная жизнь да и, что греха таить, сама любовь непременно подчиняются закону эмоционального старения!

Хотя в миру всё так реально –
от пузырей пивка до клизм,
старею эмоционально,
переживая катаклизм!

– Вот, например, ты, Нуртай, можешь представить себе Джульетту в чепце гоголевской Коробочки, а Ромео – пьяным пузатым мужиком, разглагольствующим на тему неправильной социальной политики правящего герцога?

– Нет, не могу, – честно ответил Курманбаев, который не знал, кто такие Коробочка и правящий герцог.

– И я не могу, – честно признались хором сторож, музыкант, живописец и джус.

Глава 106. ДЕКОЛЬТЕ И ГАЛИФЕ

И тут Кулемзин понял, что тема, не отпускающая наших героев уже четвёртую книгу подряд, всё ещё нуждается в дополнениях. Вот только на чьём примере это сделать? И его озарило.

– Думаю, – уверенно произнёс семейный психолог, – что раз наш четвёртый том называется в честь почётного Ёкарного Бабая второго микрорайона, то разберём некоторые (прости, русский язык!) матримониальные отношения именно на его примере.

– Ёкарный бабай! – сокрушённо промолвил Батыршин, а остальные поняли, что не только их, но и Володю тоже пока не отпустило – после вчерашних пятнадцати бутылочек свежего «Тянь-Шаня». «Зело сильнó похмелье!», например, подумал при этом Афанасьич.

Вставая с тяжкого похмелья,
я проклинаю день и час,
когда мартышка в день творенья
нашла *бродящий* ананас!

– А, может, святой Малевич, ты нам, Володя, расскажешь о матримониальных отношениях? – неожиданно предложил художник, после чего испугался незнакомого слова и затих.

– Конечно, расскажу, только предупреждаю, что мой нелёгкий рассказ будет иногда перебиваться некими авторскими отступлениями.

«Мать моя партия», подумал педагог, «ну, почему он не может разговаривать с простым народом тоже по-простому – как товарищ Ленин?!». И хорошо, что это была мысль

непроизнесённая, ибо учпучмакские кусты давно заждались обер-корнета, остро реагирующего на подобные слова Мусаича.

– Итак, начнём нашу нелёгкую лекцию. Вспомни, Талгат, как ты рассказывал мне некую историю…

«Да со мной сроду никаких ёперных неких не случалось – всё только реальные!», хотел было возразить музыкальный военный, но пока решил не сбивать такое удачное начало лекции.

– Это ты о подарке?

– Именно, – подтвердил лектор. – Помнишь, ты тогда спросил Аиду: что, мол, тебе, дорогая, подарить на вторую годовщину нашей свадьбы?

– Помню, – согласился трубач. – Правда, я ни про какой мол тогда не говорил.

– Хорошо, яйчики-бабайчики, а что она ответила?

– А она, – с обидой в голосе вспомнил Салихдзяныч, – пожелала, чтобы я подарил ей отдых на Кубе!

– А ты?

– А я тогда, помнится, спросил, из какого материала мне этот куб сделать! Вот с этого всё и началось…

После 23-й рюмки
поспешил я на вокзал:
«Si,»[159] сказал я про Урюпинск,
«No»[160], про Кубу я сказал!

[159] Да – исп.
[160] Нет – исп.

– Итак, – поднял вверх указательный палец Альбионыч, как делал всегда, когда хотел приковать к себе повышенное внимание, – первый совет: делайте своим женщинам подарки – кто дорогие, а кто и не дорогие.

– Эт’ как, царица лесная? – поинтересовался пролетарий Полтавцев.

– А так: если мужчина подарил женщине дорогое кольцо, а та в свою очередь подарила ему в наплыве чувств незабываемую ночь, то самое большое их заблуждение в том, что теперь так будет всегда. И запомните ещё, авторы недорогих подарков: семечки от подсолнечника, подаренные вами жене или любовнице, – это не только 1-2 килограмма шелухи, но и 3-4 часа женского молчания!

– Точно! – восхитился Николаич, который покупал необъятной супруге Наташе семечки мешками.

Жареные семечки – русская забава,
щёлкаются семечки налево и направо:
острым краем кверху и наоборот –
жареные семечки так и лезут в рот!

– Эх, раньше бы знать, – сокрушённо промолвил Талгат. – Я-то всегда думал, что покупать семечки жене как-то несолидно, западло, что ли. Вот кило йодистой колбасы или поллитру ёкарного *красненького* – в самый раз!

– Так она же у тебя не пьёт! – вспомнил Курманбаев.

– Да то-то и оно, – с досадой сказал старший знаменосец. – С этого, как правило, все скандалы и начинались…

После произнесённого он закручинился, вспомнив что-то своё, наболевшее, и тихо дополнил рассказ:

– И вообще мы с ней часто ругаемся.

– А из-за чего? – поинтересовался Муравлёв, у которого семейная жизнь тоже была не сахар.

– Да, наверное, из-за недопонимания друг друга, – авторитетно объяснил сторож.

– Точно! – восхитился предмет кулемзинского исследования. – Мы с Аидой когда познакомились, то стали жить вместе ещё на моей старой квартире. Так вот однажды я пришёл домой с работы, а она в квартире что-то целый день делала. И говорит мне:

– Дорогой, а ведь я сегодня за день ни разу не присела.

– А ты? – заинтересованно спросил писатель, ещё не слышавший этой истории, и открыл канал марсианского архивирования: он очень любил вот такие забавные семейные дела – как будущие странички для уголовного дела… тьфу, для великого романа «Русская кочерга»

– Я? Ну, я, конечно, сжалился над бедной женщиной и заставил присесть её 100 раз – чтобы суставы лучше работали!

– Нет, такое лечение не поможет, – авторитетно заявил Серёжа. – Вот моя бабушка Федóра от суставов моего деда Михея всегда какими-то травами лечила…

Зверобой, шалфей, багульник,
конский щáвель, хрен, солодка,
баранéц, чабрец бодрящий,
василёк, болиголов –
собирать в конце июля,
заливать «Столичной» водкой,
принимать как можно чаще –
будешь весел и здоров!

– Кстати, о подарках, – вновь вспомнил самое страшное музыкальный прапорщик. – Однажды Аида, когда я забыл поздравить с каким-то юбилеем тёщу (это, кто не помнит, её мама)…

Полтавцев стремительно выхватил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.» и, торопясь, чтобы не забыть полученное знание, быстро накаракулировал на чистой страничке: «Сегодня – День Знаний! Только что я случайно узнал, что некая тёща, о которой я много читал в художественной литературе разных веков – это двоюродная родственница моего друга Талгата по линии жены!»

Я люблю её святые мощи:
каждый год, лишь наступает май,
мумия моей нетленной тёщи
охраняет дачный урожай!

– …подарила мне чуть позже, на 23 февраля, странный ёкарный подарок, – наконец завершил предложение Салихдзяныч, после чего чуть не заплакал, вспомнив своё тогдашнее унижение.

Альбионыч помнил эту историю и, чтобы она показалась моему читателю, для которого, собственно, и написана эта книга, более интересной, автор и приведёт сейчас его (Альбионыча, а не читателя) коротенький творческий отчёт об этом ужасном происшествии:

Что носки не те, и галстук ярок,
год назад сказал – не ждал подлянки:

получил на этот раз в подарок
подворотничок и две портянки!

И именно в этот момент в голове Володи сработала некая марсианская технология *ттъъъщщщъъъаа*, которая позволяла услышать разговор того, о ком сейчас шла речь, то есть о талгатовой жене Аиде. А она, как помнит мой читатель, сейчас вместе с детьми находилась в гостях у своей тёти Симы в Кустанае.

– Как же мужчины глупы! – говорила в данное мгновение еврейская супруга. – Представляешь, тётя, каждый раз, когда мне нужны деньги, я устраиваю мужу скандал, угрожая уехать к тебе!

– И что, это таки действует?

– Ещё как! Каждый раз он даёт мне денег на проезд!

Но Кулемзин, будучи экуменистическим гуманистом по природе, конечно, не стал расстраивать своего товарища по партии[161], промолчав о подслушанном диалоге.

[161] Конечно, речь идёт о партии в русскую кочергу! – прим. автора

– Эх, Талгат, – расстроился от всего услышанного Серёжа, который считал трубача своим другом, – а ведь ты, помнится, как-то по пьянке говорил мне, что у тебя супруга – просто клад! Так почему же ты за неё 75 процентов у государства никак не получишь? Знаешь, как бы мы с тобой напились на эти деньги!

Жену без лишних там акцентов
могу я кладом называть,
но всё ж приходится скрывать,
иначе 25 процентов
придётся родине отдать!

Глава 107. ДЕКОЛЬТЕ И ГАЛИФЕ (продолжение)

А писатель земли русской и саксаульской вспомнил продолжение этой истории про портянки – когда на следующий день встретил Аиду и Талгата в то время, когда они шли в магазин – купить… нет-нет, не пива похмельному мужу, а конфет – детям!

– Злая ты какая-то, Аида! – попенял тогда Володя. – Как же ты могла сделать такой подарок своему любимому?

– А ты не лезь в чужую жизнь, – бензопилой завизжала военная любимая.

– Ты что, не с той ноги встала? – кротко осведомился Альбионыч. – Или не на ту метлу села? Да ещё и полетела не в ту сторону?

– Придурок! – завизжала еврейская жена. – А ты что стоишь? – толкнула она в плечо мужа. – Твою супругу оскорбляют как хотят, а тебе всё равно?

– А я не слышал! – храбро ответил Салихдзяныч. – Вот сейчас бы парочку стопок – и мои уши снова бы заработали как лучшие на планете советские (б) локаторы 5Н79/90Н6 «Дарьял»[162]!

[162] Не представляю, откуда такое мог знать хоть и военный, но всё-таки музыкант! Действительно, именно такие радиолокационные системы второго поколения применялись в советских (б) войсках как РЛС надгоризонтного обнаружения запуска баллистических ракет – прим. воен. редактора

Именно тогда Кулемзин и придумал сразу две литературные придумки: одну – о том, что супруги Батыршины являлись бытовой ракетной установкой СС-2ПС, что означа-

ло Семейный Скандал при участии Двух Противоборствующих Сторон, а вторую – о том, что, если бы он (Кулемзин, а не Скандал) когда-нибудь стал композитором, то первым своим глобальным музыкальным произведением, который бы он написал *по личным впечатлениям*, стала бы рок-опера «Декольте и Галифе»!

Приснилась пицца мне двойная,
но пицца, жаль, увы и ах! –
у музыканта жизнь иная:
на ужин дан всего лишь Бах!

Эмансипация для мира казалась Кулемзину, давно изучающему этот нелёгкий вопрос, не менее губительной, чем алкоголь: ведь женщина должна быть нежной, чтобы мужчина хотел её защитить, а не наоборот, иначе мужики просто перестанут быть мужиками и быстро деградируют: кто в нюнь, кто в самцов, и тогда мир превратится в ухоженный бардак.

Пример тому – Америка. Тамошние тётки получили всё, за что боролись: прокладки, исключающие протекание даже в тропический ливень, вибраторы, настроенные на суперменскую частоту, заботу государства, выплачивающего пособия на деток при разводе, дабы свободная личность женщины могла свободно их воспитывать такими же уродами, как она сама, – короче, они получили всё, кроме одного: обыкновенного бабского счастья, того, что зачастую уже заложено в генах наших женщин – пусть не таких успешных, не таких значимых, но таких нужных и ценимых не государством, а просто своим мужиком.

Не вижу принцев я вокруг –
как дура, вглядываюсь в лица
(мне далеко уже за тридцать…):
ты только встреться мне, мой друг,
а там тебе уже не смыться!

Погубило американских женщин и то, что они не знали волшебного русского слова *мужик*, да и сами являлись не бабами, как это было принято у нас, а какими-то *вуменами*, от которых и толку-то – ноль, разве что взгромоздишься на неё раз в неделю, да и то, если у неё сегодня хорошее настроение, а если нет – даже не подступайся, иначе (прости, русский язык!) харассмент[163]! А у нас же дал разок по морде, как это делал Серёнька Афанасьич Полтавцев со своей подружкой Зулей, и порядок – стелется перед ним, как шёлковая!

[163] Домогательство – англ.

Славно в нашей деревушке,
шайка наша весела:
дал по морде я подружке –
сразу водку принесла!

Но главный недостаток Аиды выяснился совсем недавно – когда трубач увлёкся новой игрой – *русской кочергой*, проводя время с новыми друзьями, среди которых был откровенный враг их *мишпухи* – Альбионыч. К тому же Аиде очень не нравилось то, что вся покерная *хевра* делала игру не насухую, как это было принято в приличном обществе, а потребляя пиво и кое-что ещё в неограниченных количествах. После забойной ругани с мужем по этому поводу к несчастной жене подходил её папа Яков Моисеевич и успокаивал дочку мудрыми еврейскими словами:

– Аварну эт паро, наавор гам эт зе[164].

[164] *Дословно: мы преодолели фараона, также пройдём и через это – ивр.*

Но это был только один повод для скандала, и с каждым прожитым днём их (поводов, а не дней) набиралось всё больше. Свойственная еврейским женщинам терпимость закончилась довольно быстро.

– Талгат, чёрт нерусский! – звала его Аида голосом, весьма далёким от сестры милосердия, словно, выходя замуж, она не знала, какая национальность записана в его паспорте. Затем горячо любимая супруга всегда произносила несколько слов, в которых только специалист мог бы узнать проклятие старого Яхве[165].

[165] *Одно из многочисленных имён дедушки в иудаизме – прим. богосл. редактора*

В такие моменты Аида была неприступной, словно Кронштадт, и похожа на взрыв-пакет в красивой упаковке. После её пароксизмов неуправляемой ярости бедный военный музыкант никнул ушами, стараясь не слышать голос любимой. Внутрисемейные разборки на почве морально-материальных расхождений случались всё чаще, и это немного настораживало саксаульского обер-фельдфебеля.

– Ты с ней поосторожнее, Талгат, – с опаской говорил ему друг Афанасьич. – Я читал, что у женщин в голове – кило триста!

Было плохо и то, что Аида частенько делала выговоры мужу не одна – она, как правило, приходила на серьёзный разговор с детьми: младшая умещалась на руках, а старшая стояла возле материнской ноги и спокойно копалась в носу. Эти картины по своей поучительности напоминали сценку времён энергичного исхода евреев из Египта.

– Папа, папа, вернись в семью! Брось этого противного дядю Володю! – хором кричали подученные мамой сёстры, причём, делали это довольно громко, чтобы с балкона их слышал дедушка Яша.

Жена, работа, дети, тесть –
его обид не перечесть!

«Замужество – это как мираж в пустыне: дворцы, пальмы и верблюд», горько думала Аида. «Сначала пропадает дворец, потом пальмы, и, в конце концов, остаёшься с одним верблюдом…»

– Ёперная family[166] ! – на неизвестном языке вдруг завопил герой этих нелёгких глав. – Я же сегодня утром какую-то записку от Аиды получил, но прочитать не смог!

[166] *Семья – англ.*

(В этом месте автор специально вернулся назад, в главы 41, 42, 43 и даже 45, где самолично описывал утро Батыршина, но ничего подобного не нашёл – ни о какой записке в этих главах не было ни сло́ва, и понял, что его герой полностью вышел из-под авторского контроля!)

– Почему?

– Да думал, что я от пьянки ослеп совсем. А как похмелился, мир передо мной вновь возник во всей его красе. И, главное, память вернулась!

– А записка с тобой?

– Конечно! – обрадовался трубач. – А ты почему спросил?

– Ну как же! Это ведь так редко бывает, когда жена, не в силах выразить свои чувства к супругу устно, прибегает к эпистолярному жанру!

– Так она что, рубанком написала? – неожиданно поинтересовался охранник.

– Почему рубанком? – удивился писатель.

– Ну, ты же сам говоришь, что жанр у неё – какой-то столярный.

Затем Салихдзяныч долго рылся в карманах, но записку так и не нашёл, чем успокоил автора нашего замечательного романа, так как тому стало казаться, что он уже потихоньку сходит с ума – из-за поведения своих непредсказуемых героев!

Пусть замысел и многогранный,
но получается всё брак –
герои этого романа
ведут себя совсем не так,
как это автору хотелось –
всем показать свою умелость…

– Бессмысленно всё это, – неожиданно резюмировал Митрохин, допивая из своей бутылочки, и все вспомнили, что на покерной скамеечке сегодня не пятеро участников нашего повествования, а целых шестеро.

– Эх, Васюхан, – горько промолвил писатель. – А есть ли он вообще на Земле?

– Кто, Васюхан? – поинтересовался Муравлёв.

– Я – вот он, – испуганно представился начальник джусов.

– Да нет, Валера, я о смысле. Кстати, чтобы было понятно, что это такое, вот вам маленькая сказочка.

– А почему не большая? – расстроился сторож. – Я страсть как сказки люблю!

Полюбил я сказки с детства –
и сейчас от них не деться!

Глава 108. СКАЗКА О СМЫСЛЕ

Решил один мужик свести счёты с жизнью, а если конкретнее, повеситься. И вот спускается к нему некий архангел, посланный *дедушкой* мужика от этого безобразия отговорить. И спрашивает архангел:

– Мужик, ты зачем глупость такую удумал? Вот, например, разве не хорошо сейчас пивка попить?

– Хорошо, – соглашается мужик.

– А на рыбалку разве не хорошо смотаться, с удочкой посидеть на бережку, под костерок да под бутылочку?

– И это хорошо, – опять не стал спорить мужик.

– А в баньке с веничком попариться?

– Да задолбал ты меня! Всё это хорошо, вот только смысл, смысл-то в чём?

– Ах, тебе, кроме всего этого удовольствия, ещё и смысл нужен? Ну тогда иди – вешайся!

Добрали́сь седи́ны
до моих кудрей,
что отнюдь не повод
сделаться мудрей…

Глава 109. ДЕКОЛЬТЕ И ГАЛИФЕ (окончание)

Глядя на взаимоотношения Талгата и Аиды, литератор думал о том, что, наверное, вообще не бывает хороших мужей и хороших жён, а счастливая семья – это выдумка тех, кто завидует холостякам, и хочет, чтобы они тоже непременно влезли в это ярмо, тем более, что с холостяками было куда удобнее, чем с женой, заниматься игрой в карты и распитием пивка.

Запомни мысль – в квадрате? в кубе! –
её не сыщешь ты мудрей:
чем больше женщину мы любим,
тем меньше пива и друзей...

А в случае с военным трубачом всё было гораздо сложнее, так как, кроме карт и выпивки, у него была ещё одна страсть – чужие женщины! Он изо всех сил старался не изменять любимой супруге, но получалось это плохо. Прапорщик давно уже убедился, что как только находишь свою половинку, вокруг тут же начинают бродить другие половинки, заставляя тебя сомневаться!

Но от печальных мыслей его отвлекли советы друзей – каждый старался помочь товарищу.

– Талгат, вот ты всё на Аиду жалуешься, – посетовал лектор о семейной жизни. – А что, яйчики-бабайчики, твоя первая жена была чем-то лучше?

– Конечно, нет! – горько ответил Батыршин. – Она так меня достала своим ёкарным порядком в доме, так за всем следила, что я просто не мог этого выдержать!

– Слушай, но ведь порядок в доме – это же неплохо.

– Да чего там хорошего? Вот смотри: когда я ночью просыпался и шёл на кухню водички попить, а через минуту возвращался, постель была уже убрана, а жена бегала с тряпкой – пыль вытирала! Я прожил с ней в таком невыносимом режиме целых пять лет, и до сих не знаю, как не подвинулся рассудком…

Хоть мой дом аэродромен,
в нём такая вот фигня:
задолбал порядок в доме,
ведь на месте даже я!

– А сейчас?

– А сейчас ещё хуже! – поделился бедой военный музыкант. – Я, к примеру, как выпью, так сразу спать иду, а как засну, Аида все карманы выворачивает! А как утром без денег? Даже пивка взять не на что!

– Да, тебе не позавидуешь, – пожалел страдальца Альбионыч. – Что-то она у тебя прямо хуже Чубайса какого!

Тут на посту сочувствующего Володю сменил Нуртай.

– Слушай, Талгат, – блудливо улыбаясь, поинтересовался он, – а твоя Аидочка может, мать моя партия, коня на скаку остановить?

При этой фразе он пригасил улыбку, но взамен конфузливо засмеялся. Правда, прапорщик шутки не принял.

– Когда она без макияжа, – ответил он, – кони сами дыбом встают…

Мне в горящую и́збу? А надо?
Не могу управляться с огнём!

И коня на скаку? Вот досада –
не сумею я сладить с конём!
В общем, я не отважная баба
из простого родного села,
уж побуду-ка лучше я слабой…
Может, этим-то я и сильна!

– Я, как человек женатый, очень хорошо тебя понимаю, – попытался утешить приятеля Курманбаев. – Вот у меня самогó на днях был случай. Представляешь, мне предложили стать президентом Отцеябловского общества мужей-подкаблучников.

– И ты согласился? – возмущённо спросил музыкант.

– Нет, конечно, жена не разрешила!

– А вот у нас в семье всё по-другому, – облегчённо вздохнул Салихдзяныч. – Я решаю все главные глобальные вопросы, а жена – повседневные.

– Как это, мать честнáя? – заинтересовался Афанасьич.

– А так, – пояснил семейный. – Ну скажем, я решаю, есть ли смысл в ядерной войне с Америкой, а жена – где мы будем проводить отпуск.

– Шутишь, наверное? – попытался влезть в разговор Митрохин.

– Нет, Васюхан, какие уж тут шутки! Я уже и забыл, когда последний раз острил…

Не острите
при гастрите
и не врите
при неврите!

– Вот бы узнать секрет счастья, – тоскливо заявил старший дудочник.

– Старик, да ведь это очень просто, – улыбнулся Альбионыч. – Запоминай! А ты, Серёжа, записывай! Секрет счастья заключается в следующем:

Никогда не сравнивай с другими здоровье, жену и зарплату!

Перед изумлённым музыкантом засверкали бриллиантовые зёрнышки счастливой семейной жизни, а Полтавцев стремительно выхватил заветный блокнотик «Для му.мы.» и торопливым почерком, которому страшно завидовала участковый врач-терапевт, записал: «Возьмём, как только что предложил Кулемзин, для сравненья здоровье, жену и зарплату. Ничего общего! Даже странно слышать такие *вялые* рассуждения от в общем-то умного человека…»

– Может, уйти в запой? – с надеждой на будущее счастье предложил военный.

А Кулемзин подумал, что, действительно, нет в нашей стране более действенного способа заставить людей оставить тебя в покое. У тебя может быть грипп, геморрой, стенокардия или даже рак головы, но люди всё равно будут допекать тебя звонками и неотложными делами. Но стóит сказать им, что ты в запое, как они тут же проникнутся к тебе каким-то особым уважением и сочувствием и будут терпеливо ожидать, когда эта коварная болезнь наконец-то тебя отпустит!

В уме покой, в душе нирвана,
когда, застыв благоговейно,

слежу, как гранями стакана
играет золото портвейна,
как сыр раскрошен по газете,
лучок нарублен хаотично…
Пока всё это есть на свете –
тужить грешно и неприлично!

– Да, святой Малевич, – решил проявить сочувствие и Муравлёв. – С женщиной – как на рыбалке: главное – терпение!

– Как это? – встрепенулся военный.

– Ну, в смысле: наливай и жди…

– А-а-а, – протянул Батыршин, который надеялся услышать что-то более значительное, а затем повторил уже много раз сказанное ранее:

– И вот всё ругаемся с ней и ругаемся… А особенно часто она!

– А ты ей ответь, – посоветовал страдальцу сторож, – что лучше, мол, умереть сидя, чем жить с тобой лёжа!

– А почему сидя, а не стоя?

– Ну, сидя не каждому даётся, царица лесная, – это как мы сейчас: в хорошей компании и с пивком…

– А-а-а, – вновь раз протянул Талгат, ещё раз понадеявшись услышать что-то более значительное. Да где там, ведь его окружают одни недоумки, которые даже не знают, что нагрудным знаком отличия вооружённых сил Республики Саксаулия награждаются военнослужащие, добившиеся высоких показателей в боевой подготовке, служебно-боевой деятельности и имеющие примерную воинскую дисциплину!

«Бессмертен я», сказал Кощей,
но зря он так хвалился –
хлебнул Кощей солдатских щей
и… замертво свалился!

И ещё долго бы продолжался этот разговор про семейные отношения, если бы трубач, вспомнив, как он, минимизируя затраты на случившуюся свадьбу, купил себе новые носки *по акции*, вдруг не охарактеризовал свою любимую совсем уж неожиданно, ласково назвав её *моя волчара*…

И в это время, как бы подтверждая мысль о практически разрушенных семейных отношениях двух музыкантов – военного и гражданского, мимо игроков и гостей Бермудского Упучмака прошли всё те же старшеклассницы, сегодня, равно как и в ранее описанные дни, возвращавшиеся со школьной практики.

– Какие хорошие ёкарные девочки! – забыв о душевных мучениях, вперил в них нескромный взгляд Салихдзяныч.

– А какие умные… – улыбнулся Володя.

– А, по-моему, мать моя КПСС, – посмурнел взором Мусаич, – плохие! Да-да, товарищи, очень плохие!

Правда, эту откровенную ложь в глазах присутствующих тут же развенчала его похотливая гримаса.

И ду́ши в рабство запрягая,
ведя поводья, вынув плеть,
когда-то выгнав нас из рая,
царица Похоть сеет смерть…

– А знаете, – вопросил Кулемзин, – как все эти прилагательные правильно распознать?

«Совсем с ума съехал», тепло подумал сторож. «Какие же это прилагательные, если уголовный кодекс Республики Саксаулия запрещает прилагать их к себе до 16 лет?!»

– Как? – вдруг заинтересовался саксаульский тициан, который, оказывается, ещё со школы помнил, что такое прилагательное. И Володя ответил ему.

Глава 110, короткая, но важная. ПРО ХОРОШИХ, ПЛОХИХ И УМНЫХ ДЕВОЧЕК

– А вот как. Слушайте и не говорите, что не мыли уши три недели…

Хорошие девочки лишаются девственности в первую брачную ночь, плохие – при первом удобном случае, а умные два-три раза.

Хорошие девочки отдаются по любви, плохие – за деньги, а умные когда сами захотят.

Хорошие девочки читают сказки, плохие – «Камасутру», а умные медицинскую энциклопедию.

Хорошие девочки верят мужчинам, плохие – не верят мужчинам, а умные не верят никому.

Хорошие девочки от огорчения плачут, плохие – пьют, а умные делают шопинг.

Хорошие девочки комплексуют по поводу размера своей груди, плохие – закачивают в грудь силикон, а умные гордятся тем, что имеют.

Хорошие девочки берут в кино попкорн, плохие – презерватив, а умные губную помаду.

Когда сажусь смотреть я порно,
всегда беру с собой попкорн –
его влиянье благотворно
для порн!

Хорошие девочки верны мужу, плохие – любовнику, а умные обоим.

Хорошие девочки одеваются аккуратно, плохие – вызывающе, а умные быстро!

«Откуда он всё это знает?», ревниво подумал педагог еврейского колледжа, который ежедневно видел в своём учебном заведении одних страшненьких, причём, не только девочек, но и мальчиков тоже…

Глава 111. ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО?

В конце рассказа компания неожиданно прибавилась ещё одним участником – оказывается, за ближайшим карагачом уже некоторое время прятался незадачливый водитель (б) Саша Дубровский, который никак не мог показаться на глаза, не придумав, как бы половчее попросить у Володи на бутылочку пивка. И в конце концов придумал!

– Женщина – она как инспектор ГАИ, – неожиданно сообщил он коллективу, выйдя из тени дерева. К его чести (коллектива, а не дерева) будь сказано, что никто не удивился появлению нового персонажа, которого мой читатель последний раз видел ещё в главе 186 третьего тома «Русской кочерги»

– Как это? – заинтересовался Альбионыч, затем отобрал у Полтавцева заветную книжечку «Для му.мы.», вырвал оттуда страничку и начал ждать продолжения.

– А так, – поведал шофёр (б). – Она, как и гаишник, нахамит, деньги отберёт, настроение испортит, а в итоге ты же ещё и виноват!

«Браво!», мысленно воскликнул писатель и тщательно переписал сказанное на листочек. И, кстати, благодаря именно этому ты, мой читатель, сейчас и знакомишься с этим шедевром поистине народного творчества. После нетрудной работы литератор одарил Дубровского последней бутылочкой пива, и тот отправился восвояси – навстречу своим убогим приключениям этого дня. Володя же достал из кармашка новую купюру, тщательно расправил её и витиевато обратился к известному в этой компании вспоминальцу считалок:

– Серж, друг мой, посчитайте, кому трудить ноги в этот час?

– Запросто, – задорно ответил охранник и принялся считать, тыча железным пальцем идиота[167] в тела́ сидящих на покерной скамеечке, включая временного члена коллектива Митрохина:

– На златом крыльце сидели
по порядку дни недели,
только Пятница лежала, –
видно, выпила немало!

[167] Выражение Валентина Катаева из романа «Алмазный мой венец» (1978) – прим. лит. редактора

На этот раз не повезло Курманбаеву, который, натужно кряхтя, встал со скамеечки, взял протянутую Альбионычем купюру и тяжело зашагал в сторону лавки Калимы. И это было хорошо, ибо в заключение этих нелёгких строк сейчас будет рассказана некая поэтическая история под названием, вынесенным в заглавие этой главы. Итак…

Юный сын к отцу пришёл
и сказал, смущаясь:
«Я любовь себе нашёл,
часто с ней встречаюсь,
я дарю ей шоколад,
покупаю кексы,
но мой опыт маловат,
папа, в плане секса»
У меня секретов нет –
слушайте, ребята,
папы этого ответ
не витиеватый:
«Не в подарках дело, сын –
глупость и нелепость!
Выход здесь всегда один:
женщина – как крепость.
Эту крепость надо брать
нежностью и лаской,
силу можно применять,
но всегда с опаской.
Ты садись, раз уж пришёл,
и послушай, кроха:
с сексом в жизни – хорошо,
а без секса – плохо!
Краткий экскурс в чудный мир –
мир противоречий –
мы с тобою совершим

в этот тёплый вечер.
Если девушка сама
задирает юбку
и глядит на твой карман –
это проститутка:
с ними лучше не ходить,
так как, между прочим,
мне за год не оплатить
стоимости ночи.
Если девушка с тобой,
а потом с Андрюхой,
а наутро с Мустафой –
это просто шлюха:
с нею можно так, разок,
коль совсем тоскливо,
но не суйся к ней, сынок,
без презерватива.
Если девушка с другой
даже на гулянке,
помни, сын мой дорогой, –
это лесбиянки:
их тебе не возбудить,
здесь, сынок, другое,
лучше сразу обходить
лесбос стороною.
Если ты её ласкал,
а она молчала.
если ты *его* достал,
а она убрала,
участь женщины такой,
друг мой, незавидна:
это подтвердит любой –
женщина фригидна.
Если ходит за тобой
мальчик неотвязно,
этот мальчик *голубой*,
что весьма опасно.
Прочь гони его скорей
без заездов пробных,
пусть бежит искать друзей
средь себе подобных.
Если ты, Андрей, Иван
с Таней и Варюхой –
бей в зелёный барабан! –
это групповуха.
В этом есть какой-то смысл,
я не возражаю,
потому что даже мысль
эта возбуждает.
Об одном тебя прошу:
обойдись без грязи –
я тебе не разрешу,

блин, случайных связей!
Ты одну себе найди
девку поприличней,
познакомить приводи.
Понял? Ну, отлично!
И, уж раз ты в это влез,
помни, сын мой Сёма:
самый безопасный секс –
секс по телефону!»

Глава 112. О РОСОМАХИНЫХ КАКАШКАХ (первый рассказ Васюхана о своей нелёгкой воинской службе)

Но путь Курманбаева к магазинчику Калимы оказался нелёгким, и вот по какой причине: на его пути внезапно возникли дворовые дети, которые, находясь в беспрерывном движении, сейчас образовывали собой некий (прости, русский язык!) конгломерат, который уплотнялся и, даже казалось, вспучивался, а Володя, наблюдая за всем этим безобразием, подумал, что, наверное, именно так сжимаются и взрываются галактики.

Между тем, безобразие неожиданно стало развиваться не по сценарию, утверждённому автором для этой части нашего замечательного повествования, ибо большевик, забыв о коллективе, остановил дворовых детей и стал втюхивать им избранные положения правил поведения на улице и, в частности, в Бермудском Учпучмаке.

Что такое этикет?
Это можно, это нет!
Этикет, как этикетка,
и хорошая отметка –
очень просто жить культурно:
всё прекрасно, что не дурно!

– Сука-судьба! – пробормотал Альбионыч, уже зная, что такие лекции, как правило, не ограничиваются парой минут, а могут длиться, в зависимости от важности сказанного, от 10 до 30 минут.

Тревожный взгляд писателя заметил и живописец Николаич, который неожиданно обратился к Митрохину:

– Васюхан, а ты где служил?

– За два года в двух местах, – чётко ответил бывший солдат срочной службы вооружённых сил СССР (б).

– Расскажи какую-нибудь историю, – попросил Валера, – а то этого Мусаича ещё столько ждать придётся.

Знатный антенщик, разумеется, не стал чиниться, как это иногда делал Нуртай, и рассказал Николаичу и сопокерникам вот что.

– Вначале служил я на Кольском полуострове, в городе Оленегорске. Точнее сказать, под Оленегорском, на *точке*. Была это обычная воинская часть, казарма, ДОС[168], техздания, баня, кочегарка. Кроме этого, были ещё теплица и свинарник, стоявший чуть в стороне от КПП[169].

[168] Дом офицерского состава, жильё в военных городках для офицеров и их семей – прим. воен. редактора
[169] Контрольно-пропускной пункт – прим. воен. редактора

Скукотища на *точке* была смертная, и вот приноровились мы летом устраивать себе что-то типа пикника, для чего делали следующее: какое-то время те, кто стоял на КПП, докладывали дежурному по части, что по ночам в лесу возле поста замечается какое-то движение, сопровождаемое жутким и пугающим воем, принадлежащим, скорее всего, росомахе. Ввиду того, что армия была тогда ещё советская и интернациональная, изображали этот вой все по-своему, и росомаха, в зависимости от национальности рассказчика, была то с волжским, то с эстонским, а то и с грузинским акцентом.

На второй год – старожилы,
а на первый – каждый сер:
вместе нации служили
в армии СССР!

Подготовив, таким образом, нужную почву, очередной дневальный по КПП в заранее оговоренное время проковыривал дыру в латаном-перелатанном заборе у свинарника и выпихивал в неё подходящего хряка, пинками загоняя его в лес, так как добровольно идти в лес эта свиняка, как правило, наотрез отказывалась. К тому же, ввиду того, что свинарник находился далеко от кухни, то, часто не доходя до него, дневальные, что кормили свиней, оставляли их без обеда, втихаря вываливая бак с отходами где-нибудь по дороге. Видимо, из-за этого наши свиньи были весьма спортивными и поджарыми, и запросто могли перемахнуть через забор обратно в свинарник.

После того, как КППшник отгонял хряка в лесок, он звонил дежурному офицеру, докладывая об очередном свином побеге. А в этой ситуации, учитывая возможность нападения на хряка кочующей поблизости росомахи, весь свободный личный состав части немедленно посылался на поиски сбежавшего военного имущества.

Исключая свинокрадство,
не страдая ерундой,
преумножим мы богатство
нашей армии родной!

Дальше схема была отработана на раз-два – все разбегáлись в разные стороны, собираясь в заранее оговоренном месте на озере, где всё уже было готово для пикника: банка браги из местных ягод, сало, картошка, а также сковородка и специи. Обычно с картошкой жарились грибы, которых было столько, что мы срезáли только одни шляпки, и доедали всё то, что присылали нам из дóма.

А в часть, отдохнув таким макаром, мы возвращались за полночь, докладывая о тяжёлых и безрезультатных поисках удравшего хряка, который, впрочем, к тому времени уже обычно возвращался из леса сам, и все в итоге оставались довольны.

Такую фишку мы успели провернуть уже пару раз за короткое кольское лето, и хотели повторить ещё, как вдруг к нам на *точку*, сразу после училища, назначили нового ретивого и вредного летёху[170]. В наши байки о росомахе он не поверил сразу и потребовал веских доказательств её присутствия в окружающей нашу *точку* тайге. Будучи от природы человеком въедливым, лейтенант даже где-то вычитал, что росомаха на самом деле не воет, а якобы как-то там по-особому плачет.

[170] Так обычно солдаты вооружённых сил Советского Союза (б) называли младшего командира с воинским званием лейтенант – прим. воен. редактора

Всё в природе как-то толком,
особливо возле сёл:

росомаха плачет волком,
волк рыдает как осёл!

Глава 113. О РОСОМАХИНЫХ КАКАШКАХ (первый рассказ Васюхана о своей нелёгкой воинской службе, окончание)

И вот, поняв, что наш дальнейший летний отдых очутился под угрозой, мы, посовещавшись, решили соорудить в лесу, вблизи КПП, что-то вроде лежбища нашей «росомахи», после чего предъявить его (лежбище, а не КПП) новому лейтенанту. Наш кочегар, кстати, саксаулец Арман Джумагалиев, который, плохо зная русский язык, неплохо разбирался в охоте, на ломаном великом и могучем посоветовал, что для осуществления плана надо, словно когтями, расцарапать какой-нибудь сосновый пенёк, подбросить туда клочки шерсти и – обязательно звериные какашки: звери, мол, так и метят свой дом.

Предложение было принято на ура: с зимнего овечьего тулупа мы надёргали немного шерсти, штык-ножом от СВД[171] почикали подходящий пенёк, а вопрос со звериным дерьмом поручили решить самому́ Джумагалиеву, в кочегарке которого жил наш единственный на *точке* пёсик Мишка. К поставленной задаче Арман подошёл со всей серьёзностью и, отобрав за пару дней лучшие, на его взгляд, мишкины какашки, искусно вылепил из них несколько шариков, коими, по его мнению, и должна была гадить такая зверюга, как росомаха. А полученный *продукт* он решил для достоверности подсушить на крыше кочегарки, где и спрятал его прямо за трубой.

[171] Снайперская винтовка Драгунова – прим. воен. редактора

Лежит у дороги какашка –
не то чтобы просто лежит:
её одолели мурашки,
как листик осенний дрожит.
Засуну её в рукавицу,
согрею, домой принесу –
как в сказке, она превратится,
быть может, в деви́цу-красу!

Джумагалиев парень был добросовестный, поэтому весь этот день он периодически залазил на крышу проверять своё творчество. Но, увы, сделать это незаметно у него не получилось! Увидев, как время от времени наш саксаулец шныряет на крышу, его, как на беду, спалил всё тот же вездесущий летёха и, решив, очевидно, заработать очки перед командиром части, наутро выстроил всех нас у кочегарки. Кроме, присутствовавшего на построении командира части, подошёл ещё и наш замполит-особист, которому лейтенант, вероятно, уже успел *стукнуть* о замеченном безобразии. Вызвав из строя Курмангалиева, летёха показал ему кулёк с сушёным псевдоговном росомахи и ледяным тоном вопросил:

– Товарищ солдат, вы знаете, что это такое?

Джумагалиев побледнел и ответил первое, что мог придумать:

– Никак нет, товарищ лейтенант.

На что лейтенант понимающе усмехнулся, оглянулся на замполита, затем оглядел наш строй и неожиданно для всех заявил:

– Вы что думаете, товарищи солдаты, я не знаю, что это такое? Вы думаете, я в наркотиках совсем не разбираюсь?

Я работал комбайнёром
на уборке анаши:
не за водку, не за деньги, –
волонтёром, для души!

По всей видимости, лейтенант решил, что в пакете был насвай[172], который, несмотря на проверку посылок, иногда пытались прислать солдатикам из наших тогда ещё азиатских республик.

[172] Вид некурительного табачного изделия, традиционный для Центральной Азии, основными составляющими которого являются табак и щёлочь, или гашёная известь – прим. соц. редактора

И тут, решив, как видно, преподнести всё происходящее как можно эффектней, лейтенант, пристально глядя в глаза испуганному Арману, не торопясь достал из кулька средних размеров шарик, так же медленно положил его к себе в рот и начал жевать. Мы все просто замерли от увиденного! Особенно бедный Джумагалиев, который от страха совсем побелел и уже почти падал в обморок. Пикантности ситуации придал явившийся из кочегарки Мишка, который, маша хвостом, прошёлся вдоль строя, и подозрительно принюхиваясь, остановился возле жующего его, то есть собачьи, экскременты, заносчивого лейтенанта.

Примерно через минуту этой немой сцены начали хрюкать вначале старослужащие, а вслед за ними и все остальные. Вскоре весь личный состав нашей части издавал отчаянно заглушаемый хохот, неумолимо переходящий в дикое ржанье. Летёха, до которого, наконец-то дошло происходящее, густо и багряно покраснел, поспешно выплюнул остатки «наркотика» на землю и, отдав честь командиру с замполитом, попросил разрешения удалиться.

До сих пор я весь в мурашках,
ведь к такому не привык:
я попробовал какашку –
правда, хуже, чем шашлык!

Вот такая вот была у нас нехитрая история с росомахиными какашками. Спустя примерно неделю после этого случая жизнь на нашей *точке* снова спокойно пошла по кругу, поскольку незадачливого говноеда-лейтенанта командование перевело от греха куда-то под Кандалакшу, как будто его никогда здесь раньше и не было.

Глава 114. ДЕНЬ ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

И тут, на счастье невольных слушателей армейской байки Васюхана, на условном горизонте наконец-то показался неторопливый педагог, который, отдуваясь, тащил на себе полтавцевскую котомку. Почему же так долго отсутствовал Нуртай? А причина была проста: он, пользуясь вот таким случаем, незапланированным Сукой-судьбой, решил на всякий случай собрать компромат на своего соседа Серёжу.

Купив достаточное количество пива, он подошёл к продавщице и что-то тихо сообщил ей на ухо, одной рукой прижимая котомку с товаром к груди, а второй показывая работнику прилавка своё *иудостоверение* с золотым могендовидом на красной обложке. Работница, как и он, была тоже из бывших советских, поэтому, увидев красные корочки, понимающе кивнула, после чего провела Мусаича вглубь торгового контейнера и выпустила через заднюю дверь.

Буду полностью неви́дим,
как промытое стекло, –
я в шпионском фильме видел,
как ведут себя шпио…

Зачем же знатный партиец напустил столько туману? А вот зачем: сев в тени, отбрасываемой само́й лавкой и деревом позади неё, он не спеша и аккуратно вытащил всё только что купленное, поставил товар на травку, после чего аккуратно перевернул на неё котомку. Из неё тут же выпали некие вещи и предметы, которые ежедневно менялись в *хурджине* сторожа волшебным образом. Сегодня здесь были найдены:

1. пластмассовая пробочка от бутылки кока-колы
2. муравлёвский штопор, который тот ещё вчера уронил возле покерного столика
3. половинка газетного листа от прошлонедельного «Каравана» и
4. старая, по виду изданная ещё в СССР (б), общая тетрадка в 96 листов.

Внимательно оглядев привалившее ему сокровище, Курманбаев приступил к его изучению и, к своей радости, сразу же обнаружил в нём (сокровище, а не Курманбаеве) то, что искал, то есть следы не только уголовного, но даже политического криминала. Воистину 28 августа 2003 года было днём великих потрясений!

Знаю – без приёма водки –
что сейчас я отграню:
криминальные находки
просто тянут на статью!

Сначала он поднёс к глазам пробочку от буржуазного напитка, прочёл на ней иностранную надпись, затем понюхал её (пробочку, а не надпись, хотя и надпись тоже), чихнул от раздражающего советский нос заморского запаха, после чего сделал первую запись в *книге жизни*: «Как только что выяснилось, мой сосед С. А. Полтавцев из квартиры № 30 оказался полным моральным разложенцем, очевидно, под влиянием полного морального разложенца В. А. Кулемзина. Доказательством этого факта служит найденная мной (в результате блестящих оперативно-розыскных мероприятий) пробочка от буржуазного напитка кока-кола! Если бы Полтавцев носил с собой пробочку от лимонада «Дюшес» или напитка «Буратино», то у *органов*, которых я в данное время представляю, к нему вопросов бы не было…»

Откуда же он взял эту книжечку, которую, как наверняка помнит мой внимательный читатель, педагог держал под кроватью – рядом с бюстиком Дзержинского? А для того, кто не помнит, автор напоминает, что ещё в главе 37 этой книги Мусаич засунул её (книжечку, а не главу) в карман штанов. И, как видите, не зря – пригодилась таки!

Да, и ещё одно надо отметить здесь же: писалось всё это не своей ручкой, прихваченной вместе с *книгой жизни* из родного до́ма, а серёжиным двуцветным карандашом, красным концом – ввиду важности нарытой информации. Осознав этот великий факт, верный ленинец перевернул тетрадочку, и с другой стороны, где им отмечались текущие доходы, появилась строка о сэкономленной пасте в дешёвой авторучке, стоившей всего 14 назарбаксов.

Если экономику не трогать,
не чинить препятствий ей и пут,

це́ны на сатин, пеньку и дёготь
на нью-йоркской бирже упадут!

Затем в заветной тетрадке (всё в той же графе о доходах) появилась ещё одна радостная запись, на этот раз просто таки уголовного содержания: «Считаю необходимым изъять штопор тов. Муравлёва в свою собственность. Данное мероприятие обусловлено тем, что я искренне желаю тов. Муравлёву: 1. Поскорее избавиться от алкогольной зависимости; 2. Поскорее избавиться от зависимости врага всей передовой мировой общественности некоего Кулемзина по кличке Марсианин»

Кстати, а при чём здесь уголовщина? А при том, что изъяв вещь, принадлежащую не ему, Нуртай просто-напросто своровал её, попав тем самым под статью 175 Уголовного кодекса Республики Саксаулия под названием «Кража», которая (статья, а не Республика или «Кража»), между прочим, грозила такому преступнику наказанием штрафом от 700 МРП[173] до семилетней *отсидки* с конфискацией имущества!

[173] Месячный расчётный показатель – прим. экон. редактора

Далее также состоялось изъятие и общей тетради, так как педагог, раскрыв её, сразу же узнал почерк Альбионыча. Оказалось, что эту тетрадку своих стихов Володя недавно передал охраннику для ознакомления со своим гениальным творчеством, дабы собственным примером добавить в тыкве Полтавцева несколько лишних извилин. Курманбаев, с трудом разбирая быстрый почерк поэта, прочёл один из володиных стихов:

Без андижанского портвейна,
что протекает по судьбе,
я слышу время по Эйнштейну,
и вижу время по себе.
Оно портвейном в нас струится,
ведь время на Земле – вино,
мы в нём летаем словно птицы:
здесь мы с Альбертом заодно.
В полупрохладе лу́на-парка,
где нет в тенёчке бытия,
мы время разольём по чаркам –
мой верный друг Эйнштейн и я.
Скользнёт оно, заполнив тело,
хоть мозг противится ему,
и мы, под утро осовелы,
растаем в бархатном дыму.
Останемся мы с ним благими,
как посетители шинка,
и скажет мне Эйнштейн: «Владимир,
не тай во времени пока…»

и грустно подумал: «О чём это?». И невдомёк было партийцу, что этот гениальный стих был как раз о том, о чём в нём было написано.

Последним просмотренным предметом была, как уже сообщалось ранее, половинка листка старой газеты «Караван». Правда, страница попалась рекламная и не очень интересная, но, если уж этот листок достался ему на халяву, Мусаич решил прочесть и его. И вот что он там вычитал:

«Куплю квартиру в двухэтажном доме. Первый и последний этажи не предлагать!»

«Новая услуга – пицца в автомобиль! Со всей дури в лобовое стекло!»

«Организация купит в неограниченном количестве кошек – для ликвидации последствий аварии на Отцеябловском молочном комбинате № 2»

«Круглосуточно! Автомобили на любой вкус! Неохраняемая стоянка возле ЦУМа»

«Водка «Машина времени»! Выпил – и уже завтра!»

«В продаже свечи церковные, автомобильные, геморроидальные»

Было здесь и сообщение от городского УВД:

«Вниманию горожан! Срочное сообщение отцеябловской милиции! Пропал мальчик, 10 лет. Особые приметы: мальчик, 10 лет, пропал»

Последнее объявление коммунист перечитал три раза и тяжело вздохнул, не найдя в нём ни слова о вознаграждении за находку, так как очень не любил неоплачиваемую работу, которая, будучи общественной, надоела ему ещё в Советском Союзе (б).

С дня того, как он родился,
был худой, а также вял:
за бесплатно ведь трудился –
чуть пупок не надорвал!

Последняя же запись была общей и выражала собой крик души́ партийного стукача: «Мать моя партия, как я не люблю этих антисоветчиков!». Записав эту ценную мысль, Нуртай сложил пиво обратно в котомку, спрятал в карман своих штанов *книгу жизни*, а также чужие штопор и тетрадку со стихами, а пробочку от кока-колы вообще выбросил в кусты, после чего с чувством исполненного долга, тяжело кряхтя под ве́сом *хурджина*, поплёлся по направлению к покерному столику.

Глава 115. САГА О БРУСЕ

Добрался Курманбаев к родному коллективу уже через несколько секунд, молча выслушал общественное порицание по поводу долгого отсутствия, привычно соврал о том, что он в этом не виноват, а просто у Калимы проводится некая комплексная проверка, правда, не уточнил, из каких о́рганов, раздал бутылочки и уселся сам.

И, кстати, возмущение собравшихся было здесь вовсе не лишним, ибо вконец распоясавшийся местный климат, казалось, навсегда сроднился с небесным светилом, отличающимся в этих широтах особо знойным характером. Воздух вокруг Бермудского Учпучмака, казалось, превратился в горячую густую канифоль, солнце било из зенита прямой артиллерийской наводкой, пылая привычным для космоса термоядерным реактором. Игроки и гости Великого Треугольника поспешно глотали холодные напитки, не обращая внимания на заливающие их рожи пот. Впору было встать в позицию и заорать, как это делают цирковые (прости, русский язык!) шпрехшталмейстеры: «Выступа-а-ает! Ха-а-а-лод-ный! Пот!»

Много солнца! Оно слишком ярко!
Много пота, печали и стресса!
И становится мокро и жарко,
как внутри большого компресса...

И всё же природа давала какой-то неразличимый пока знак – того, что эта изнуряющая жара не вечна, и если в течение ближайшего часа не начнётся благословенный летний дождик, то, значит, опять что-то не то случилось на планете: то ли где-то близ Фран-

цузской Полинезии упал метеорит величиной с дом, то ли в китайской провинции Хэйлунцзян[174] случился очередной неурожай маиса и сои.

[174] Река чёрного дракона – кит. Так китайцы называют исконно русскую реку Амур – прим. геогр. редактора

От мыслей о дожде Володя постепенно перешёл к другим мыслям, причём, логической связки между ними не было, но, видно, так соскучился он по творчеству среди этих, в общем-то, нетворческих людей, исключая, конечно, Муравлёва, как наследника святого Малевича, что остро захотелось ему немного развеяться творчеством, а для этого, как уже догадался мой искушённый в нашем повествовании читатель, ему надо было всего лишь попасть домой. И сделать это не представляло никакого труда, но лишь для тех, кто в совершенстве владел марсианской технологией *ллчъшиъдр*, или Вре́менной Заморозкой Мгновения, которую Кулемзин применял не задумываясь, так как давно выяснил, что она нисколько не вредит земным организмам, переполненным слабым алкогольным напитком, коим являлось пиво.

Вот и сейчас, прошептав заветные слова́, он убедился, что вокруг, как пелось в старой советской песне, «замерло всё до рассвета», правда, на такое длительное время технология была не рассчитана, а так – максимум минут на 30. «Вполне хватит», решил неугомонный литератор, «для реализации моих безумных творческих планов, иначе вот это свербение в мозгах просто не кончится никогда!»

Говорила идиотка:
«Дай скорей карандаши!
Завелась в мозгах чесотка –
прямо хоть стихи пиши!»

После этого Альбионыч споро направился к родному дому, по дороге давая сам себе страшную клятву, что надолго здесь, конечно же, не задержится, а всего лишь напишет несколько строк или о своём великом романе, или их же – но в сам роман, а также один незатейливый стишок и одну литературную пародию. Но всё оказалось не совсем так, как он планировал.

Включив компьютер, писатель сразу же заметил в уголке монитора значок, означающий, что на его почту пришло новое письмо, которое он немедленно открыл, так как не ждал писем вообще ни от кого, подумав при этом, что интернет всё-таки великое изобретение человечества – как колесо или одноразовая зажигалка. Книги, газеты, фильмы, музыка, телетрансляции, даже эротика – найти в нём можно всё! Плохо было только одно – по интернету все старались или писа́ть друг другу письма, или представлять те же письма в виде рекламы, или вообще в виде спама, которого становилось всё больше и больше. Володя открыл новое письмо, убедился, что это действительно спам, предлагающий ему срочно воспользоваться новым эпилятором для интимных мест, и решительно отправил его (письмо, а не эпилятор) в неведомые *дедушкины* дали, куда старичок последние лет 20 и складировал весь ненужный компьютерный хлам.

Я от мысли той сбега́ю:
ох, и трудно небесам –
есть у бога кладовая,
где валяется весь спам!

Глупое письмо нисколько не расстроило компьютеровладельца, а, скорее, немного повеселило. Альбионыч улыбнулся и вспомнил, как в прошлую среду ему на почту свали-

лось сразу несколько писем на одну и ту же тему, и он даже перед тем, как удалить их, всё же решил сохранить в электронной памяти – неизвестно для чего, и только теперь выяснилось, что известно – для этой главы 115 четвёртого тома «Русской кочерги». Вот эта небольшая (прости, русский язык!) эпистолярно-рекламная сага. Итак…

«Брус. Недорого!»

«Безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Надёжно. Быстро. Красиво!»

«Американский английский и русский украинский за один день! Знающим английский и украинский – скидки! Качественно. Возможна ускоренная программа за 1 час»

«Горящие туры в Израиль! Желающим – безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Отличный отдых! Недорого. Надёжно. Также обучаем американскому английскому и русскому украинскому на иврите. Качественно! Знающим иврит – скидки!»

«Ритуальная фирма «Акрополь». Мы хороним – вы наслаждаетесь! Также в нашем морге возможно безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике. Санитары говорят только на американском английском и русском украинском. Вы хотите понять, о чём они говорят? Обучение во время операции. Вы останетесь довольны! Надёжно!»

Наконец цветы мне подарил супруг –
красные гвозди́ки, целых 8 штук!

«Недорого продам брус!»

«Вниманию страховщиков! Конференция по страхованию в Израиле! Номера́ люкс в пятизвёздочном отеле на побережье! В гостинице – безболезненное увеличение или уменьшение пениса по израильской методике, обучение американскому английскому и русскому украинскому. Делегатам конференции – скидки! В случае вашей смерти во время конференции ритуальная фирма «Акрополь» отправит вас на родину бизнес-классом! Качественно!»

«Продаю брус. Недорого!»

«Гороскопы. На секунду, минуту, час, день, неделю, месяц, год, пятилетку, век, тысячелетие. Мы знаем всё! Вы хотите безболезненно увеличить или уменьшить пенис по израильской методике? Рыбам это лучше делать во вторник. В среду Тельцов ждут на курсах по обучению американскому английскому и русскому украинскому со скидкой 8 %. Овнам в пятницу следует позвонить в ритуальную фирму «Акрополь». Избавьте своих родственников от проблем! Каждому позвонившему Овену – личный гороскоп на 9 и 40 дней в подарок! Качественно. Недорого. Надёжно»

От знакомых санитарок,
что водили в туалет,
я на 9 дней в подарок
получил второй букет!

«Дёшево! Брус! Продам!»

«Лучшие рассылки сети! Вы мечтаете безболезненно увеличить или уменьшить пенис по израильской методике? Выучить американский английский и русский украинский? Достойно похоронить родственника? Ежедневно получать личные гороскопы? Всё это есть в наших рассылках! Качественно! Недорого! Скидки!»

«Бесплатно увеличу пенис тому, кто бесплатно заберёт у меня брус!»

«Привет! Меня зовут Жози́. Посмотри горячее видео со мной и моими подружками. Такого ты ещё не видел! Наши девушки также помогут тебе составить гороскоп и похоронить родственника, безболезненно увеличат или уменьшат пенис по израильской методике, обучат американскому английскому и русскому украинскому. Позвони! Недорого! Качественно! Надёжно!»

«Мужчина, который забрал у меня брус и которому я увеличила пенис! Позвони! Ведь тебе было хорошо со мной?»

«Вы устали от спама? Ритуальная фирма «Акрополь» избавит Вас от него! Наши недорогие гробы из дорогого бруса – это лучший антиспам! Дёшево! Радикально! Надёжно! Также вы можете посмотреть горячее видео с участием наших ритуальных агентов Жози́ и Антуана. Специально для этих съёмок агент Антуан безболезненно увеличил пенис по израильской методике!»

Увеличил сдуру член…
Мне зачем он до колен?!

Глава 116. ТВОРЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Кулемзин немало повеселился, перечитав сагу о брусе, но пора было уже возвращаться в свой родной Учпучмак, а сделать это можно было только тогда, когда будет выполнен творческий план, намеченный им перед уходом из Великого Треугольника. Поэтому для того, чтобы быстрее соединиться с родным коллективом, писатель решил продолжить составление предисловия для всех семи томов своего ещё не написанного, но уже великого романа.

«Данное повествование – лоскутное одеяло нашей жизни», наваял он первую строку, перечитал её и продолжил: «Такие одеяла создаёт сама жизнь, и шьются они из остатков, накопившихся в доме за многие годы. Это совсем не то, что расчётливо накопить денег и купить, например, одиннадцать сортов материи, чтобы сшить лоскутное одеяло. Скучное будет одеяло! Ненастоящее, яйчики-бабайчики! Но наши жизненные впечатления – суть лоскуты, они накапливаются как *дедушка* на душу положит, неравномерно, хаотично, случайно. И, наверное, будут у этой книги такие читатели, которым покажется, что автор написал её по принципу такого лоскутного одеяла – что вспомнит, что придумает, то в главу и вставит. Но это не так…»

Шью я жизнь из лоскутов –
по-другому не готов!

Альбионыч, будучи не только великим саксаульским писателем, но и русским критиком, твёрдо считал талант своей глубоко личной принадлежностью, а наличие талантов у кого-то ещё полагал такой же нелепостью, как, например, копыта у болонки. Поэтому он старался расставлять знаки на бумаге таким образом, что на глазах читателя начинали пересекаться параллельные прямые, отменялась непрерывность бытия, а знакомые слова́ утрачивали привычное значение, да и сама реальность разлеталась под его безжалостным пером на мелкие осколки, словно глупая солонка под ударом молотка. А всё почему? Да потому, что смертельным оружием марсианина в литературе был невинный цинизм инопланетянина, слегка шокированного незамысловатой нелепостью человеческого устройства.

«Люди часто раздражают меня своей глупой предсказуемостью», продолжал он изливание души́. «Честно говоря, гораздо приятнее иметь дело с книгами. С ними проще –

они, если и обманывают, то никогда не меняют своего мнения, оставаясь на той же позиции, когда к ним ни обратись. В книгах можно найти ответ на любой вопрос, и тут же отыскать противоположный. Они точно бескрайнее море, в котором водишь сачком, вылавливая то сверкающую перламутром ракушку, то трепещущую рыбку, а то и мохнатый куст дурно пахнущих водорослей. В море нет доро́г, а в книгах нет однозначных ответов – можно отыскать любые, но, главное, – это найти те, к которым прилипает твоё израненное жизнью сердце…»

Он ещё раз перечитал написанное, увидел, что это хорошо, и продолжил творческую составляющую сегодняшнего четверга.

Жестоко, словно топором
(ни от кого не скро́ю!)
пишу гусиным я пером,
своей венозной кровью…

Следующим номером намеченной программы была литературная пародия, с которой он также справился легко и блестяще. Пусть же в этом убедится и мой читатель, и порадуется ей вместе с автором:

«Однажды Сергей Львович Пушкин, выходя утром из спальни Надежды Осиповны Пушкиной, радостно потирая руки, сказал:

– Ну, наконец-то, мать честна́я! Арина Родионовна, голубушка, запишите-ка на памятный лист: «До дня рождения Александра Сергеевича Пушкина осталось 9 месяцев»

И в туркменской дальней Кушке
все читают А. С. Пушкина!

Встав из-за компьютера, чтобы немного размять в своём организме так называемые косточки, он прошёлся по комнате и остановил свой взор на неком предмете, от созерцания которого у него стало теплее на сердце. На почётном месте в володиной квартире стояла пишущая машинка «Optima M-10» производства ГДР, верой и правдой служившая писателю более четверти века. Все эти четверть века володина машинка была не просто предметом обихода, а рабочим инструментом – в то время, когда наш герой работал журналистом. Кстати, и все первые стихи, помеченные 70-80-ми годами прошлого столетия, были отпечатаны Альбионычем именно на ней!

За ней страдал он и худал –
за стареньким своим столом.
Он четверть века ей отдал,
но не отдал в металлолом!
Она была не для элит,
и пусть музейщики галдят –
она как памятник стоит
на видном месте – пусть глядят!

В наши компьютеризованные времена этот девайс выглядел как некое необычное устройство, клавиатура которого была напрямую присоединена к принтеру, работало это устройство без процессора, питания и (прости, русский язык!) драйверов. Взгляни на неё и ты, читатель, и поклонись этому памятнику прошедшей эпохи:

Между тем, из намеченного остался только ещё один невыполненный пункт – написание стиха, который смог бы украсить очередной сборник шедевров марсианского поэта. Это был не самый трудный пункт, так как Володя писал стихи легко и свободно, хотя всегда с весёлым удивлением читал на различных поэтических сайтах строки неких экзальтированных дамочек, увлекающихся этим видом литературы, о том, что их стихи им якобы кто-то диктует прямо из космоса. И даже не так, а – из Космоса! Прошло ещё несколько минут – и володин стих был готов и даже помещён в архив, куда он откладывал стихи для своего будущего сборника по названием «Русский дзен»:
\

Мне снился сад, где обречён
себя я чувствовал с начала:
трава стелилась в нём парчой,
и белочка на ней скакала,
деревья в нём за рядом ряд
свивались призрачной фигурой,
в ручье мелькала тень Плеяд,
и вход в пещеру амбразурой
открылся мне, как райский вход,
куда при жизни не попал я,
и на воротах рыжий кот
метлой неспешно прибирался.
И я вошёл в минорный сад,
где в заповедных этих кущах
печально вызрел виноград,
своей красы не сознающий.
И пару бусинок его
я раскусил, забрызгав соком
моё седое ремесло
в существованье одиноком.
Был сладок счастья виноград,
к душе моей он прикоснулся,
и смыл печаль моих утрат,
и я тогда навек проснулся…

Альбионыч перечитал только что сочинённые строки. Его прекрасные глаза излучали при этом небесный свет[175].

[175] Какая пошлая самовлюблённость! К сожалению, мы вынуждены издавать это «произведение» в авторской редакции[176] – прим. гл. редактора
[176] А как он торговался за гонорар! – прим. фин. директора издательства

Глава 117. ОТТАЯВШЕЕ МГНОВЕНИЕ

Писатель с удовлетворением перечитал только что наваленное… тьфу, наваянное, выключил компьютер и вернулся в благословенный Бермудский Учпучмак. Оглядев картинку застывшего ужаса, он, как это делал уже не раз, добавил к марсианскому заклятию два лишних твёрдых знака, что вызвало мгновенное оживление всего застывшего. Он любил эту технологию за то, что она абсолютно не мешала течению общего космического времени на Земле, а ещё за то, что погружённые в неё (технологию, а не Землю) граждане и случайно попавшие животные абсолютно не помнили произошедшего и, оттаяв, продолжали своё незавидное существование на нашем кривом шарике.

Вот и сейчас всё мгновенно ожило, и Великий Треугольник сразу же наполнился шумом: покеристы, в данное мгновение не занятые игрой, громко переговаривались друг с другом, гости в лице Валеры и Васюхана обсуждали достоинства принесённого педагогом пива, причём, доказывали каждый своё: Муравлёв говорил, что «Тянь-Шань» сегодня особенно хорош, а Митрохин, что это пиво прекрасно уже который год. За соседним Старушечьим Столиком или СС, как сокращённо называл его Володя, весело тарахтели пенсионерки, перемежая игру *в дурака* последним новостями Отцеябловска, Саксаулии, СНГ и Вселенной в целом.

Не верьте сплетням, господа!
Да всё в них правда ли?
Хочу, чтоб люди никогда
в их грязь не падали…

Здесь же стала наблюдаться и возросшая активность бермудских животных. Из неопознанных это была некая бабочка и некий воробей. Маленькая бабочка с красными пятнышками и терракотовыми прожилками неспешно махала крылышками, навевая непристойные мысли, а воробей, будучи усаженным Сукой-судьбой на ветку карагача, поднатужился и сделал своё грязное дело, после чего сорвался с ветки и полетел по неотложным воробьиным делам.

Здесь внимание всех присутствующих тут же занял пёс Боря, который, пользуясь тем, что его хозяйка Жанна Пантелеевна, или Ж. П., как называл её Альбионыч, разговорилась с соседкой Анной Петровной по поводу скорого увеличения квартплаты, подошёл к покерному столику и потёрся об его ножку.

– О, Боря, – увидел животное Володя. – Хочешь колбаски?

Боря в ответ бешено закрутил хвостом, хотя тот никак не откручивался.

– Слушай, давай так, яйчики-бабайчики, – предложил Володя, – если хочешь – гавкни один раз, а если нет – то два.

– Гав-гав-гав! – радостно пролаял пёс.

– Что бы это значило? – пробормотал потенциальный угощалец. Да и откуда же было знать бедному марсианину, что Боря всего-навсего сказал ему следующее: «Не только буду, но и с радостью *умну* кило два!»

Вывод сей ветхозаветен
и начертан в небесах:
нет еды вкусней на свете,
чем собачья колбаса!

Наблюдая за жизнью собак, Кулемзин давно понял, что главное в жизни – это любовь и преданность, но вот как применить полученное знание к сидящим рядом с ним людям, так и не додумался. А Боря, ведóмый природным любопытством, неожиданно максимально близко приблизился к Полтавцеву и стал с наслаждением вдыхать миазмы, исходившие от его нестиранных четыре месяца штанов.

– Любопытство не порок, а метод быть в курсе событий? – весело спросил его (Борю, а не Полтавцева) литератор.

Нам крайне важен не вопрос,
а тот ответ, что жизнь вручила, –
и сразу же суём свой нос,
чтобы узнать, так что ж случилось…

Правда, ответа он по известной причине не получил, а вот пёс получил – вытащенный из кармана знаменитой марсианской рубашки кусочек докторской колбаски вéсом в 296 граммов, которую он тут же сожрал, хотя перед этим его (кусочек, а не пса) проводили голодными взглядами Афанасьич, Мусаич, Салихдзяныч, Николаич и Васюхан с неизвестным отчеством.

Из большой, как Афонская пещера, бориной пáсти свешивался язык, похожий на красную детскую лопатку для песочницы. Затем пёс подобрал язык, демонстративно подошёл к ближайшему карагачу и сделал на него своё собачье дело, после чего победно посмотрел на ошарашенных игроков.

– Боря! – в этот момент взвизгнула старшая по дому, и *собачка*, как несправедливо называли пса маленькие дети Батыршина, поплелась к своей хозяйке.

Внимательный наблюдатель, если бы сейчас здесь присутствовал таковой, мог заметить и ещё один вид саксаульской фауны, но, кроме Володи, его в этот момент не видел никто – по причине мелкоростости этих существ. Это были муравьишки из расположенной неподалёку от учпучмакских кустов кучи, напоминающей некий немного мятый конус. Писатель пригляделся к куче и коротко присвистнул.

«И что же ты там увидел?», неслышно спросил его муз Вася Курочкин, который как раз вернулся из краткосрочной командировки к одному саксаульскому поэту.

«У них жизнь», так же неслышно ответил ему Володя. «А у нас суета…»

И на море, и на суше
противоположное:
жизнь простая у зверушек –
у людишек сложная…

И, наконец, последним представителем фауны в Бермудском Учпучмаке был замечен давнишний ухажёр бывшей володиной кошечки Несси по кличке Пушок. Он проживал в квартире № 1 – в том же доме, что и писатель, и поэтому нисколько не напоминал котов помойно-подвального происхождения, коих во втором микрорайоне почему-то было немало. Хозяева мыли его регулярно, потому что если бы не делали этого, то в квартире стоял бы тот же запах, что в жилье их соседки Галлюцинации из квартиры № 3. Причём, такое мытьё напоминало известную всем советским детям (б) сказку про белого бычка… тьфу, кота:

Когда я волнуюсь – я воняю,
когда я воняю – меня моют,
когда меня моют – я волнуюсь,
когда я волнуюсь – я воняю…

Сейчас Пушок, сидя неподалёку от покерного столика, интенсивно чесал себя за ушком, напоминая работающую швейную машинку, и было странно, что он до сих пор не протёр своё ухо до дыр. Причём, делал он своё дело не молча, а как-то коротко шипя, точно пробитая шина. Услышав этот звук, Афанасьич оглянулся, увидел животное, после чего отвесил челюсть по третью пуговицу своей нечистой рубашки.

– Чего это кот орёт? – наконец осведомился он.

– Да это он спрашивает, какого хрена, – ответил ему переводчик со звериного языка Кулемзин.

– Какого хрена что? – уточнил любопытный охранник.

– В целом, – уточнил переводчик.

Надо сказать, что Володя, будучи соседом людей из первой квартиры, хорошо знал и самогó Пушкá, потому что словоохотливая соседка Айжанка как-то рассказала ему о том, что кот иногда подбрасывает им на придверный коврик загрызенную мышь, тем самым доказывая свою профпригодность и желание получать пищу, причём, откуда в цивилизованном месте проживания он брал этих мышей, Пушок не кололся, как его об этом ни просили. Затем мышка выкидывалась, а коту за это усердие перепадало еды.

Разговаривая не только с этой соседкой, но и с другими тоже – исключительно для набора писательских впечатлений – Альбионыч потом выяснил, что им Пушок тоже приносит мышей. И вот в один прекрасный день, случайно проследив за коварным животным, выяснилось, что он, собака, одну и ту же мышь по очереди носит всем соседям, таким нехитрым способом ведя сытый образ жизни! После этого литератор зауважал Пушкá и даже написал в его честь некий катрен:

Для домашнего зверья
люди вроде бога,
только кот, как понял я,
атеист немного…

Глава 118. ИГРА С ОТВЛЕЧЕНИЯМИ

Но вот наконец-то игроки, насладившись и любимым напитком (хотя разве можно насладиться им окончательно?!), и разными историями, вновь приступили к *русской кочерге*. Но так пригревало их тыквы солнышко, так хорош и радостен был этот предосенний день, так весело чирикали над их потными телами учпучмакские птички, что, даже играя, сопокерники и гости Великого Треугольника весело переговаривались, тем более что на этот раз никаких особых потрясений в игре не было, а, напротив, шла она практически ровно, не вызывая, как обычно, ни злости, ни радости.

Правда, случались и перекосы в сознании, но здесь, конечно же, надо винить не наших героев, а исключительно неразумное светило, продалбливающее своими острыми лучиками маленькие дырочки в разговорячённых кочанах игроков. Даже Курманбаев, стремящийся к лидерству, и оттого старающийся играть особенно внимательно, всё же ошибался, тяжело переживая каждую локальную неудачу.

Ищите в жизни позитив,
умейте радоваться счастью,

тогда, все ставки перекрыв,
ложатся карты нужной мастью!

Вот и сейчас, в результате такой незапланированной ошибки, между педагогом и охранником произошёл некий забавный диалог. А дело было в том, что коммунист, заказавший три взятки и уже получивший их, неожиданно почувствовал в себе дракона и решил, несмотря на нелогичность поступка, перебрать, но посадить хоть кого-то, после чего пошёл младшим джокером, как бы позабыв сказать *за простую*. Этим кем-то, на его беду, оказался Серёжа.

– Эх, Нуртай, не понимаешь ты *трудящего* человека, – горько проговорил он после проигрыша, после чего решил опозорить Мусаича:

– Видимо, образования не хватает.

– Да тебе ли говорить об образовании? – возмутился верный ленинец.

Мой читатель, уже хорошо знакомый с героями «Русской кочерги», уровень их интеллекта легко может определить и без всяких тестов – ему достаточно послушать, какие вопросы задаёт человек. Вопрос Полтавцева сейчас был старым и привычным:

– Чё?!

– Да ничё! – чтобы было понятно собеседнику, ответил Курманбаев.

– Эх, Нуртай, мало всё-таки в тебе не только мудрости, но и элементарного ума, – в очередной раз опозорил соседа экс-текстильщик. – Вот послушай, что говорит по этому поводу один умный китаец, ныне покойный…

Фактом я орудую,
зная лишь одно:
все китайцы мудрые
померли давно!

Затем, видимо, для подтверждения сказанного, он раскрыл заветный блокнотик «Для му.мы.», нашёл одну из только ему ве́домых страничек и выразительно прочёл:

– Как говорил великий китайский мудрец Фуфлынций (ну, и имечко, прости *дедушка*!), «Трудно искать в чёрной комнате кошку Несси, потому что там ни хрена не видно». Вот видишь, какая мудрость, а тут ты – со своим *нелепым* джокером…

Педагог оглянулся – в надежде усмотреть упомянутого мудреца, и, криво улыбаясь, спросил:

– Что, Серёжа, тебе это лично Конфуций говорил?

– Я же говорил, нет ума совсем, – подтвердил свою правоту непростой сторож. – Да к тому же, как видно, и уши у тебя больные: сказано ведь – китаец-то покойный!

Знают только украинцы,
что хохлом был тот Фуфлынций!

И всё же было видно, что саксаульский большевик находился в состоянии сахарной эйфории от своей незначительной пирровой победы.

Затем эстафету педагога неожиданно подхватил военный трубач Салихдзяныч, которому никак не удавалось отойти от вчерашнего, ибо практически всё пиво, потребляемое им для этой цели, в результате паскудных действий Мусаича изливалось на невинные кусты за покерным столиком. Нуртай в игре мешал, как раскрытый зонтик в прямой кишке, и потому всему коллективу, и особенно мнительному Батыршину казалось, что тот специально *садит* только его. Был, правда, здесь один плюс – если бы не эта постоянная склонность к повышенному вниманию, не эта мобилизационная составляющая ны-

нешнего дня, то всё было бы гораздо хуже. Был и второй плюс – отсутствие зануды-жены и вертлявых детей, зато присутствие практически безразмерного (до вечера) количества любимого напитка. А вечер должен был случиться ещё не скоро…

– Да для меня наша *русская кочерга* как некая терапия, – неожиданно заявил старший дудочник, после чего сам испугался такой умной мысли.

«А вот это точно», поддержал его Володя, хотя, как видно по этим кавычкам, мысленно. «Кстати, давно я никого не терапировал!». А вот вслух произнёс и вовсе уж неожиданное:

– Хорошо, что я не патологоанатом!

, чем вызвал некоторую панику в рядах противника.

«И неимущим, и богатым
мы одинаково нужны»,
сказал патологоана́том
и вытер скальпель о штаны…

Увидев, что он натворил своим невинным замечанием, Альбионыч (правда, заметив, что уже взял свои две заказанные взятки) так невозмутимо скинул старшего джокера *за простую*, что на ум тут же пришёл небезызвестный Гай Цильний Меценат[177] – римлянин, имя которого стало нарицательным.

– Кстати, Талгат, у тебя минус 111 очков.

– Кама кама[178]? – перешёл на неизвестный ему ранее язык татарский прапорщик.

«Да», в который раз подумал писатель-афоризматик, «в школе жизни отметки ставят на самих учениках!»

[177] Древнеримский государственный деятель и покровитель искусств – прим. автора
[178] Сколько-сколько? – ивр.

Мы все у вечности – истцы
в столь затяжном пике́.
На мне жестокие рубцы –
как двойки в дневнике…

Здесь военный музыкант начал поднатуживаться, а, значит, бездумно рисковать, и всё только для того, чтобы со славой, как ему казалось, вначале выйти из минуса, потом догнать всех соперников, а потом и перегнать их, выиграв эту партию. Всё это исторически подкованному литератору смутно напомнило некую военную операцию.

– Какое героическое форсирование! – насмешливо воскликнул Володя. – Оно мне напомнило такое же, но случившееся довольно давно – ещё в XVIII веке.

– А там кто кого форсировал? – поинтересовался Серёжа, задавшись тайной целью выяснить, что вообще означает это таинственное слово.

Чтоб не выглядеть неважно,
применю сейчас форсаж –
и форсирую форсажно,
чтобы взять на абордаж!

– Кого, не помню, – отмахнулся Кулемзин, – а вот кто – знаю точно. В ноябре 1708 года войска шведского короля Карла Карловича XII старательно форсировали речку Десна – есть такой приток Днепра.

– А для чего? – вновь поинтересовался тянущийся к знаниям сторож.

– Да этот шведский Карлуша как раз в тот момент узнал о переходе некоего гетмана Мазепы на свою сторону, и, чтобы задержать русские войска, шедшие к Батурину, принял решение о переправе.

– Постой, постой, – перебил его обер-корнет. – А разве на этой переправе главный герой не Василий Тёркин был? Помнишь: «Переправа, переправа – берег левый, берег правый»?

– Помню, – не стал отнекиваться марсианин. – У Тёркина точно была переправа, а вот у Карла именно форсирование, так как он осуществлял свою переправу *с форсом* – вот, мол, как я умею!

– А-а-а, – глубокомысленно протянул военный трубач. – Так бы сразу и сказал.

– А вообще ты к чему всё это сейчас рассказываешь? – с подозрением спросил Курманбаев.

– Так ты сейчас похож именно на Карла XII, – ответил Кулемзин. – Тот тоже всё старался-старался, а когда переправился, оказалось, что русские войска уже взяли мазепинскую столицу – городок Батурин, а потом там ещё немного похулиганили, да так, что историки до сих называют этот эпизод русско-шведской войны 1700-1721 годов разорением Батурина!

Мусаич потрясённо поёжился от таких исторических параллелей.

– Но вообще-то, – подвёл черту под разговором литератор, – всё это просто как дважды два.

– Как это? – полюбопытствовал Афанасьич и даже навострил красный конец своего двуцветного карандаша, не забыв вытащить из котомки заветную книжечку.

– А вот так, – ответил писатель и тут же стал поэтом:

– Как всё просто в этом мире,
ведь не сложно нам понять:
дважды два всегда четыре,
даже если это пять.
Наша радость – то же горе,
нам равны плотва и кит,
но синица тонет в море,
а журавлик всё летит…

Глава 119. ПЕРВАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

Вот такая игра – перемежаемая разными разговорчиками – очень нравилась художнику Муравлёву, которому, если вдруг битва начинала искрить, как щётки электродвигателя из-за короткозамкнутых витков, становилось неуютно и тоскливо. Правда, сегодня было немного веселее, так как рядом с ним сидел такой же неиграющий новый друг Васюхан Митрохин, с которым они тихонько, словно два провокатора, обменивались мнениями на ушко. А пока они занимаются этим самым делом, для моего читателя конспективный план очередной партии – в, надеюсь, уже полюбившийся ему (читателю, а не плану) покерной нотации. Итак…

♠♠♠

«Володя бил горячими копытами, точно ахалтекинский скакун в свободной калмыцкой степи»

«Удивительное было дело: в роббере на семи картах Батыршин сделал элементарную ошибку, зайдя с младшего джокера, словно в игре не могло быть карты более сильной. Но не это было удивительно, а то, что точно такую же ошибку он повторил вначале в роббере на восьми картах, а потом ещё и на девяти! Кулемзин внимательно изучил все три позиции, благо дело они были абсолютно одинаковыми, и подумал о том, что история всегда повторяется трижды: один раз в виде трагедии, второй – в виде фарса, а третий – для тупых…»

Говорил индеец турку,
поправляя аксельбант:
«Как же я люблю придурков,
ведь средь них – как бриллиант!»

«Полтавцев глянул на пришедшие карты и подумал: «Как говорила моя бабушка Федóра из деревни Семижопино, сложно быть дураком – слишком много конкурентов!»

«– Да, Нуртай, яйчики-бабайчики, разочаровал ты меня! – воскликнул писатель. – А это сложно пережить… без пива! Серж, друг мой, не соизволите ли…

– Соизволю, мать честнáя! – подпрыгнул на скамеечке сторож и тут же протянул в сторону кармашка володиной рубашки экскаваторную длань»

«Выиграв сложный роббер на 12 картах, Альбионыч попросил Афанасьича записать в его книжечку «Для му.мы.» только что придуманный афоризм, что тот и сделал. В результате действия этого тандема на свет появилось следующее изречение:

Моим врагам можно позавидовать,
ведь у них такой достойный соперник!

Наточены сарказма стрелы
и остроумия наждак!
Но что прикажете мне делать,
коль сам себе я страшный враг?!

«Пятно полусвета легло в это миг на лицо Курманбаева, и литератор отчётливо разглядел во взгляде взметнувшуюся муть печально знакомой мерзости»

«Иногда очень хочется избавиться от совести», подумал Володя. «Как же она всё-таки мешает поступать с людьми так, как они поступают с тобой, потому что совесть – она ведь такая: мучает не тех, кого должна мучить, а тех, у кого есть…»

«Грамотно обороняется», посмотрев на Талгата, подумал писатель, «прямо как кавказский сепаратист!»

«Молодец этот Вовка, царица лесная!», удовлетворённо подумал Афанасьич. «Дал мне выиграть ничью!»

«Марсианин вдруг почувствовал, что немедленно хочет оказаться на Северном полюсе в гостях у белых медведей, которые единственные, по его мнению, могли сейчас оценить его печаль»

«– Смотри, Нуртай, – по-доброму предупредил педагога старший дудочник, – будешь себя так вести, ликвидирую как ёперный класс!»

Кулаков из всех колхозов
уничтожили как класс –
в этом нам помог угрозыск
и Шарапов черноглаз!

«Давно известно, что несогласованность действий во время боевых операций всегда приводила к краху любых тактических построений»

«Талгат посмотрел на явление покера, как на холерный эмбрион»

«Мусаич вдруг замер, как суслик перед атакой – спина сгорбилась, подбородок мелко задрожал, и все поняли, что сейчас поизойдёт нечто. Но, к счастью сопокерников большевика, не произошло ничего толкового»

«Пытаясь отвлечь Курманбаева, Володя неистово засвистел ноктюрн Фридерика Николяевича Шопена – тот, после которого Шарапова попросили сыграть «Мурку»

«Увы, надежды сторожа Полтавцева тут же пошли ко дну, так и не успев поплавать в открытом море победы»

«– Зачем ты так пошёл? – воскликнул недобравший взятку Афанасьич.

– Мне, мать моя партия, так нравится! – заносчиво произнёс Нуртай.

– Ну, кое-кому нравится играть и в русскую рулетку, – обронил Володя, – с шестью патронами в барабане семизарядного револьвера системы 1895 года братьев Эмиля и Леона Эженовичей по оружейной фамилии Наган!»

«– Какой ты молодец, Володя! – воскликнул Салихдзяныч, которому писатель только что подарил одну недостающую взятку. – Храни тебя *дедушка*…

– Merci, конечно, старичок, но запомни на будущее, что *дедушка* хранит нас всех, правда, сроки хранения разные, да и условия хранения тоже…»

Хоть мы живём неосторожно
в своих стремленьях комариных,
хранит нас *дедушка* надёжно, –
пересыпая нафталином…

«Увидев карты, Батыршин *взорлил*, как полковая лошадь от «Военного марша» Георгия Свиридова. Правда, Кулемзин знал, что у того (Батыршина, а не Свиридова) ничего не выйдет, потому что тоже успел увидеть *свои* пришедшие карты, и решил тактично предупредить товарища от фатальной ошибки.

– Знаешь, Талгат, – мягко проговорил он, – есть такое выражение «Много шума из ничего», ещё покойный Уильям Без Отчества Шекспир об этом когда-то говорил?

– Нет, не знаю, ёкарный Шекспир, – честно признался военный музыкант»

«– ПомнишьМаркса? – спросил Курманбаев.

– Нет, – ответил Володя. – Векá запылили мою память…»

«Серёжа неторопливо расстегнул свою котомку и вдруг вытащил оттуда здоровенную лупу, после чего отложил карты, а лупу, напротив, приложил к глазу и посмотрел через неё на всех присутствующих. И этим всем сделалось не то чтобы страшно, а как-то неуютно, потому что описанный глаз казался раз в десять больше, чем он есть на самом деле, а сам охранник в этот момент напомнил какого-то персонажа из голливудского фильма про учёных-убийц»

После первой же бутылки –
за здоровье всей страны –
голливудские страшилки
нам, советским, не страшны!

«– Смотри, Нуртай, не забывай, что я – народный интеллигент!

– Эт’ как? – аж подпрыгнул на покерной скамеечке сторож.

– Да так, яйчики-бабайчики: могу не только понять тонкий намёк, но даже дать за него в рыло!»

♠♠♠

И вот в этот момент произошло то, что немного поменяло Великий План Построения Четвёртого Тома Романа «Русская Кочерга», а именно: на пространстве Бермудского Учпучмака появились старые знакомые моего читателя – саксаульские клошары Танкист и Одиссей…

Глава 120. БЕЗ КОНВОЯ ВЫЛОМЛЮСЬ НА ТРАССЕ

День у этих персонажей сегодня, как видно, задался, ибо для наших друзей-бомжей был просто урожайным – уже к середине дня тележка, которую возили они за собой, наполнилась пустыми бутылками почти доверху. И теперь Танкист с Одиссеем не спеша продвигались к магазинчику Калимы, а, вернее, к его заднему крылечку, оформленному табличкой ПППП, о происхождении которой мы уже рассказывали в главе 53 второго тома романа. «Сдать и выпить!» – вот такой простенький план был начертан на их сморщенных жизнью челах.

Сдам бутылки, куплю ероплан –
вот какой замечательный план!

А чтобы дорога казалась не длинной и более радостной, они дружно вполголоса напевали песню тревожной молодости, которую (молодость, а не песню) нынешние бомжи провели в одной из колоний Республики Саксаулия:

Хотел я в море утопиться, –
вода холодная была,
хотел я с горя удавиться, –
меня веревка подвела…

По причине страшной жары рукава некой одежды Танкиста, которую при всём желании не смог бы опознать ни импортный модельер Джанни Джованниевич Версаче, ни *наш* Юдашкин, были закатаны, неожиданно открыв для наблюдателей из числа покеристов и их друзей татуировку – вот такую:

«При чём же здесь эта автомобильная компания?!», воскликнет мой читатель, и будет не прав, так как данная надпись, сделанная на живом, но *нашем* человеке, а не на немце, обозначала совсем другое, а именно

Бей Мусоров Всегда!

Увидев членов покерного клуба «Ни дня без жопы!»[179], клошары остановились, выстроились по ранжиру и почтительно поклонились, как провинциальные артисты после удавшегося бенефиса, а Кулемзину поклонились ещё раз, персонально, со следующими словами:

– Всем бродягам воровского фарта, в крови азарта…

На что он (Кулемзин, а не фарт) тут же дал отзыв:

– …и чтоб всегда ложилась козырна́я карта!

[179] Об этом клубе в первом томе «Русской кочерги», в главе 93 – прим. гл. редактора

Володя вспомнил, как вчера эти персонажи удивили бермудский коллектив отличным исполнением лермонтовского стиха «На смерть поэта», поэтому жестом подозвал бомжей встать метра за три от покерного столика и, чуть усилив голос, обратился к ним с неким предложением:

– Бухну́ть хотите, яйчики-бабайчики? Ну, не так, конечно, чтобы в валежник[180], и не так, чтобы лебежатник[181] над вами поизмывался, а слегка?

– Фа́рта, ма́сти ,чертям по пасти![182] – довольно откликнулись клошары.

– Ну, тогда вчерашний заход.

[180] Сильно пьяный человек – феня
[181] Человек, обирающий пьяного – феня
[182] Конечно, согласны – феня

– Вчерашний? – почесал тыкву Одиссей. – Напомни, хозяин.

– Напоминаю: это не песня, а стих, причём, некоего поэта Лермонтова.

– А-а-а, – вспомнил Танкист, – мы же вчера один объявили, но в завалинке ещё есть.

– Давай, – дал отмашку заказчик музыки. И бомжи дали.

Без конвоя выломлюсь на трассе[183]

[183] Стихоторение М. Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу» – прим. лит. редактора

Без конвоя выломлюсь на трассе,
в непонятке маякнёт бульвар,
ночь нишкнёт, как жулик на атасе,
и звезда с звездою трёт базар.
В небесах – сплошной отпад и глюки,
в сисю закемарила земля...
Что ж мне в таску эти чики-пуки?
Жду ль чего, как сучка кобеля?
Что мне здесь ловить – звиздюлю, что ли?
Что же мне жалеть, набычив рог?
Я хотел бы втихаря на воле
отрубиться, блин, без задних ног!
Но не в деревянном макинтоше –
просто массой придавить кровать,
чтоб не дул сквозняк, не грызли воши,
и не в кипиш жабры раздувать,
чтобы всю дорогу в бессознанке
мне про Мурку пели бы кенты,
чтобы дуб шумел, а не поганки...
Просто дайте дуба – и кранты!

Альбионыч, смахнув непрошенную слезу, коя выступала всякий раз, когда он слышал произведения своих любимых русских авторов, вытащил из кармашка марсианской рубахи купюру в 500 назарбаксов и передал её Полтавцеву – для последующей передачи исполнителям, что тот немедленно и сделал. Танкист и Одиссей на прощание ещё раз поклонились, подхватили свою скрипучую и вонючую тележку, сделанную из старой детской коляски, и пошли дальше – по направлению к приёмному пункту Калимы. Все сидели в оцепенении от только что услышанного шедевра. И здесь тишину нарушил голос Васюхана:

– А ведь у нас на зоне такого не знали…

– Так ты тоже, мать моя партия, сидел? – вскричал Курманбаев и на всякий случай отодвинулся от Митрохина аж на целый метр, но не рассчитал длины покерной скамеечки и свалился на пожухшую от летнего зноя травку.

– Сидел, – горько признался антенщик. А вот писатель Кулемзин, иногда притворяющийся писателем Вл. Горьким, наоборот, обрадовался, так как понял, что воспоминания этого нового для романа персонажа станут дивными главами для последующих томов!

С каждым днём растёт мой семитомник,
поражая не одну страну:
то, что я ещё сегодня помню,
обязательно в роман воткну!

Глава 121. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ

Между тем, неумолимое время, давно перевалившее за полдень, неуклонно приближалось к часу дня, или, как как любят выражаться точные военные люди, к тринадцати часам. А что это значит? А только то, что настаёт время так называемого обеда, и, наверное, поэтому немного пригас в творческих глазах Валерия Николаевича Муравлёва, художника эпохи Вырождения, как называл его великий пересмешник Кулемзин, некий огонёк, ибо он (Валерий Николаевич, а не огонёк), сидевший с игроками уже четвёртый день на текущей в небытие неделе, почти наверняка знал, что именно сегодня пришла его очередь приглашать покерный коллектив к себе в гости, к тому же ещё в главе 40 этого то́ма Муравлёв из записки супруги Наташи с великим счастьем узнал, что сегодня она покинула его (может быть, навсегда?!), уехав к своей маме – в бесконечных беседах с ней за завтраком, полдником, обедом, ужином и ещё одним ужином рассказывая, какой муж ей достался по жизни.

Альбионыч, зная, как тяжело приходится Наташе, даже однажды дал ей некий поэтический совет, но вот как применить его, не научил, и толстая Муравлёва очень мучилась этим. А чтобы моему читателю было понятно, о чём идёт речь, вот тебе этот незатейливый стишок:

Если ваш любимый муж
вам сказал, что вы – корова,
что ужасно растолстели
и его от вас тошнит,
не давитесь гербалайфом,
не бросайте дружбу с тортом,
не валяйтесь с красной мордой
в кулуарах финских бань –
вы в музей его сводите,
пусть он Ру́бенса посмотрит,

он тогда поймёт, зануда,
что вы стройная, как лань!

И, действительно, его прогнозы насчёт своего будущего начали сбываться тут же.

– Итак, дорогие мушкетёры и их приятели, – возвестил марсианин, – предлагаю следующий план на ближайшие несколько часов: сыграть последнюю *дообеденную* партию, а потом, яйчики-бабайчики, дружно двинуться в сторону муравлёвского дóма. Валера, надеюсь, ты не забыл, что ещё вчера, напившись, как некая условная свинья, торжественно пообещал завтра, то есть уже сегодня, пригласить всех присутствующих на обеденный *жор* с последующим разглядыванием твоего сомнительного «творчества» на нечистых стенках соответствующего жилья.

– Неужели я такое мог сказать, святой Малевич? – заволновался Николаич, который решительно не помнил, чтобы он кого-то приглашал в гости. – Завтра? Ну, значит, завтра и придёте.

– Так вчерашнее завтра уже превратилось в сегодняшнее сегодня, – философски поправил его Володя.

– А сегодняшнее сегодня завтра будет вчерашним вчера, – добавил свой решительный аргумент в диалог только что поумневший Полтавцев, после чего художник понял, что окончательно запутался в этих бесконечных временны́х понятиях, и отчаянно махнул рукой, как бы соглашаясь с предложением. А, между тем, всё было довольно просто, и Кулемзин однажды в приступе творческого бреда даже наваял стишок на эту тему – с повышенным процентом в нём собственного интеллекта:

Сегодня завтра заместило,
как будто было так всегда,
вчера ещё не наступило
без памяти и без стыда.
Годá нарезаны резьбою, –
на них, поранясь, заберусь.
Я время путаю собою,
и мести времени боюсь.
Жизнь не вмещается в горнило
того, что мы зовём игра:
сегодня завтра наступило,
а мне всё кажется – вчера…

После окончания спора о бесконечных сегодня, завтра и вчера карты, наконец, были розданы. По традиции начало игры было очень коротким – на одной карте *втёмную*. Игроки, кто во что горазд, сделали свои заявки, а Валера и Васюхан с тоской уставились на эти прямоугольные картонки, зная, что в ближайшие минут 40 они будут сидеть, скучая. Тогда Митрохин потихоньку толкнул Муравлёва в бок, и когда тот обернулся к нему, сделал некий международный жест, выразительно, но тихонько щёлкнув себя указательным пальцем по горлу. Живописец тут же откликнулся на предложение и вышел из роли глухонемого, обратившись непосредственно к финансисту:

– Володя, я вот что подумал…

Кулемзин насмешливо глянул на приятеля, оценив его шутку про «подумал».

– Может, мы с Васюханом, пока вы играете, за пивком сходим?

– Да-да, – подтвердил согласие на поход Митрохин, – мы можем.

– Хорошо, – согласился литератор и немедленно вытащил из кармашка крупную купюру, но не в валюте, а исключительно в назарбаксах, имеющих хождение в Республи-

ке Саксаулия. В это время он был похож на русского исторического персонажа, четвёртого сына московского князя Даниила Александровича – Ивана Калиту. Кстати, вот это Калита было не фамилией, потому что фамилий в те далёкие годы не было вообще, а прозвищем, которое обозначало ни что иное, как денежный мешок.

А автор, в данное время сочиняющий всю эту белиберду, тотчас вспомнил стишок на эту тему своего большого друга, бывшего советского, а ныне израильского поэта Игоря Губермана:

Я хоть и вырос на вершок,
но не дорос до Льва Толстого,
поскольку денежный мешок
милее мне мешка пустого!

Новые друзья, получив наличные и только что не обнявшись от восторга, споро вскочили с покерной скамеечки и направились в знакомую сторону по знакомой дороге. И, пока они ходят по своим и коллективным делам, мы продолжим наше неспешное повествование о великой *русской кочерге*. Первые, самые короткие робберы летели в ней, как пульки в ти́ре: вот сопокерники сыграли на двух, затем на трёх, потом на четырёх и пяти картах, а затем Серёжа сдал всем оставшимся по шесть карт. К этому времени положение у играющих была практически равным, как это часто бывает в са́мом начале партии, правда, немного вперёд вырвался Батыршин, чем он страшно загордился и поклялся себе, как когда-то клялись защитники Сталинграда, что именно на этом рубеже не отступит ни шагу назад! А писатель, глядя на такое буйство военной фантазии, вспомнил свой старый афоризм на эту тему:

Самооценка – она как чулки:
её нужно периодически
легко и элегантно подтягивать…

На последнем месте, как всегда, плёлся человек с двойной профессией – сторож-охранник Полтавцев. Он делал настолько нелепые ошибки, что если бы в стране проводился конкурс на совершение этих ошибок, то он бы наверняка занял последнее место. «Всё-таки «Дебилы» – это самая мощная организация в мире», подумал Альбионыч. «У них везде свои люди!». И только партийный, который также традиционно оставался посередине, кривлялся, как спившийся актёр-комик театра купца Ебошкина.

А вот дальше дело пошло совсем не так, как хотелось бы пламенному большевику Курманбаеву: Сука-судьба, видимо, заглянувшая в какие-то свои формуляры, неожиданно вспомнила, что есть такой человек Кулемзин, и стала усиленно подбрасывать ему неплохие карты. И тут Володя сообразил, что он уже второй день не видит за спиной педагога тени *иблиса*. И хотя об этом так и не узнал ни один из игроков и, тем более, отсутствующие за столиком живописец и антенщик, ты, мой дорогой читатель, узнаешь сейчас всё: *иблис* был в командировке, которую ему выписал сам таинственный Люцифер, а вот куда именно, автор, конечно же, знает, но сказать не имеет пра́ва, так как ему такого пра́ва никто не давал.

Это дело мне по нраву:
даже и назло судьбе,
поступаю я по праву,
что доверил сам себе!

Глава 122. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (продолжение)

Ну да, повезло немного Володе, не скроет от читателя автор сего приятного факта. Так что ж из этого? Все помнят, что везение Альбионыча было чрезвычайно редким, так как он давно был *в контрах* с тремя сёстрами игрового пространства – Прухой, Пёркой и Фортуной, этими непутёвыми внебрачными дочерьми великого Случая. И вот тут, как это часто случается в игре, стало происходить то, что и должно было случиться: все промахи остальных игроков они стали списывать не на кулемзинское везение, как это действительно происходило сейчас, а на происки внешних врагов, благо дело далеко искать их было не надо. Поэтому ссоры и свары начались как бы сами собой, а продолжались вплоть до середины партии, то есть второй *тёмной* на 12 картах. Правда, к этому моменту покерный гуру уже так далеко оторвался от преследователей, что догнать его можно было только кому-то одному, да и то на таких же условиях, то есть чтобы везло ему одному, а это случалось крайне редко, и не потому, что так карта ложилась, а просто потому, что опыта *игроцкого* было немного.

Не дави, мой друг, слезу:
мне везёт, и я везу!

Наконец Володя не выдержал вала ошибок и в сердца́х подумал: «Я никак не могу понять людей, которые не любят признаваться в своих ошибках. Вот я бы легко признавался в них, если бы когда-нибудь их делал», но вслух этого не сказал – из своего природного человеколюбия, чтобы не расстраивать и без того расстроенных игроков. Впрочем, такое расстройство буквально у всех окончилось в тот момент, когда на горизонте показались запыхавшиеся Валера и Васюхан. Игра тут же была прервана, как говорили советские пенсионеры, смотревшие редкие сериалы по одной серии за вечер, «на самом интересном месте»

Муравлёв и Митрохин выгрузили на покерный столик разномастные бутылочки, к которым тут же потянулись жадные и потные руки, которые понесли эти бутылочки к горячим пастям, которые мгновенно разверзлись, как адовы глубины, принимая в свои не менее горячие организмы волшебные глотки́ прохладного пойла, которые тут же начали сладко в них усваиваться, которые и т.д.

Да, бутылка пива
выглядит красиво,
даже и без титров –
если 10 литров!

И вот здесь Володя, чтобы успокоить возникшие волны общего всенародного возмущения, решил на несколько минут сделать перерыв в игре, так как знал, что такие страсти, столь легко возникающие в процессе, улегаются легко – после того, как этот процесс ненадолго приостановить.

– Проверьте свою эрудицию! – неожиданно заявил он.

Все вздрогнули, но перечить не стали, ведь никому не хотелось выглядеть глупее, чем они были на са́мом деле.

– А нам можно? – в один голос спросили Валера и Васюхан, так как участия в игре не принимали, а вот в распитии пивка – вполне ударно.

– Можно, яйчики-бабайчики, – великодушно разрешил Альбионыч и, увидев, как сторож начинает поспешно копаться в своей знаменитой на всю Вселенную книжечке «Для му.мы. Том 2», на всякий случай предупредил:

– Постарайтесь не заглядывать в ответы.

Полтавцев тут же стыдливо отложил заветный блокнотик, пробормотав, что он – вместе с двумя дамами, то есть матерью честнóй и царицей лесной – просто искал цитату Франсуа IV Франсуаовича де Ларошфуко из его забавной книжки «Мáксимы и моральные размышления»

На других лишь те чихают,
кто не видел мудрых сутр,
всяк про мудрость рассуждает
тот, кто сам не очень мудр…

– И какую же? – поинтересовался писатель. – Случайно не эту: «Кто никогда не совершал безрассудств, тот не так мудр, как ему кажется»?

Серёжа открыл рот и очень долго не мог его закрыть – из-за потрясения, вызванного таким прозрением великого покерного гуру. «А ведь этот Кулемзин не такой дурак, каким иногда кажется…», подумал он.

– Так что там с эрудицией, мать моя партия? – нетерпеливо произнёс Курманбаев, которому очень хотелось поделиться ей с коллективом.

– Да-да, – вернулся к заданию литератор. – Итак, назовите устройство, позволяющее видеть удалённые небесные тела.

– Называю: телескоп! – восторженно заорал педагог еврейского колледжа и победно поглядел на остальных.

– Правильно, – поощрил его экзаменатор. – Только, Нуртай, не надо так радоваться, ведь это был вопрос, предназначенный средней группе детского сада для детей с серьёзными отклонениями печени.

Коль болит, не надо охать,
словно разгрузил вагон:
знай, ребёнок, водка – плохо,
пей-ка лучше самогон!

Мусаич потупился.

– Вопрос второй: назовите устройство, позволяющее видеть очень мелкие объекты.

– Ёкарный микроскоп, – хором заорали Батыршин, Полтавцев, Муравлёв и Митрохин, да так, что Кулемзин аж вздрогнул, немного пожалев, что вообще затеял этот сложный для разума присутствующих тест.

– Молодцы, – натужно улыбнулся он. – Тогда вопрос третий – потруднее: назовите устройство, позволяющее видеть то, что наверху, когда вы находитесь под водой.

– Перископ, – хором ответили проходившие мимо бомжи Танкист и Одиссей, а сидящие за покерным столиком посмотрели в их сторону – кто с удивлением, а кто и с завистью.

– Ну, и наконец, последнее: назовите устройство, позволяющее видеть сквозь стены.

Дар имею я бесценный
для узла семейных нужд:
вижу каждый раз сквозь стену,
где заначку прячет муж!

Все погрузились в тягостные размышления, включая дворовых детей, пенсионерок за старушечьим столиком, а также кошечку Несси и пса Борю. На их лицах и мордах от-

разилось такое глубокое погружение в возникшую проблему, что марсианин не спеша допил свою бытылочку «Тянь-Шаня», а затем отпил по одному глотку́ из бутылочек педагога, трубача, живописца и антенщика, проигнорировав только сосуд охранника с противным «Жигулёвским»

– Может, это тепловизор? – наконец выдал версию Васюхан.

– Может, – подтвердил Володя, – но только не в нашем случае. Тепловизор, как известно, выдаёт на своём экране только некие цветные пятна, позволяющие узнать, что в доме вообще находится хоть кто-то.

Вскоре пауза стала неприлично длинной. Альбионыч безмятежно прихлёбывал начинающее теплеть пивко и думал о том, что в его домашнем холодильнике на вечер (а, может, и на ночь) припасены ещё 3-4 бутылочки заветного напитка, которые не в пример сейчас употребляемому всегда были холодны, блаженны и утешительны. И тут эти мысли о прекрасном были прерваны тихим голосом военного музыканта:

– Сдаёмся, йодистый Володя.

– И это, Талгат, говоришь ты? Ты – славный воин света, стоящий со своей дудкой на охране священных рубежей Республики Саксаулия?

Салихдзяныч потупился и виновато кивнул головой: да, мол, это я, а что делать, если в нашем оркестре, кроме дудки, мне больше ничего не выдают – ни ружбайки, ни пестика, ни какой-нибудь завалящей базуки. При этих мыслях ему неожиданно привиделось новое оружие – для семейного быта. Полюбуйся на него и ты, читатель:

Затем, осознав, что военный назвал себя во множественном числе (по́мните: сдаёмся?), Кулемзин обратился ко всем остальным:

– А вы, господа, товарищи и неизвестно кто?

Все названные также печально покачали головой справа налево и наоборот, как бы говоря: что ж поделаешь, плоховато у нас и с эрудицией, и с памятью, и вообще.

– Придётся сказать вам правильный ответ, – также печально произнёс загадывалец. – Это таинственное устройство называется окно…

Если о́кна запотели,
и скрипит к утру кровать,
значит, будет в самом деле
евро аж по две 0,5!

Глава 123. ВНЕПЛАНОВЫЙ СТИШОК

– Окно, святой Малевич? – недоверчиво воскликнул Николаич и даже посмотрел на соседа слева – *джуса* Васюхана.

– Точно! – воскликнул тот. – Окно! Я, как человек с неоконченным техническим образованием, подтверждаю: да, через окно вполне можно видеть сквозь стены!

Курманбаев закусил губу и начал думать горькую думу – о том, что вот всё как просто, и как же он, человек с оконченным высшим образованием, не смог догадаться о таком пустяке. «Вот что капитализм проклятый делает», наконец резюмировал он свои думы, после чего начал постепенно успокаиваться. Наконец успокоились и остальные.

И только Володя, которого слово *окно* натолкнуло на какие-то смутные воспоминания, наконец осознал, что в его памяти завалялся старый стих, наваянный как-то нескончаемой тёмной ночью, полной демонов и (прости, русский язык!) флуктуаций. А автор, чтобы стих этот не растворился в обозримой Вселенной, посвящает его сейчас именно тебе, мой читатель, и пусть твоя жизнь будет легка, светла и иногда печальна, ведь если всё на свете безоблачно и приятно, то сто́ит ли жить вообще?

О разных окнах

По вечерам гляжу в окно одно.
Там жизнь бурлит, как микросрез Вселенной:
показывает это мне окно,
что может быть простая жизнь нетленной.
Я видел в телевизоре окна́,
как пара целовалась бездыханна,
и чувствовал: любовь уценена,
хотя в стихах всегда тысячегранна.
Мне всё равно, что вижу я в окне –
предела нет тому воображенью,
что зависает на немой струне,
всегда ведя меня к уничтоженью.
Но рядом есть ещё одно окно,
и в нём уже проходит жизнь другая:
жильцами там давно всё сочтено –
живут, судьбой своей пренебрегая.
Там существа в вечерней тишине,
которые по смыслу вроде люди,
мелькают каждый день в своём окне,
застывши в блуде, словно в чудном чуде.
Напротив в доме окон тех не счесть –
о стёкла старые разбил глаза я,
и мне давно бы с места пересесть,
да так приворожила жизнь чужая.
Там бытие навек оценено,
там страсти скоротечно-бесконечны.
И каждое окно – моё кино,
где жизнь, как сериал, проходит вечно…

Глава 124. ИЗ ЖИЗНИ РОДНОЙ СТРАНЫ И ЕЁ СОСЕДЕЙ

И, может быть, ещё долго продолжался бы этот разговор за покерным столиком, а, может, продолжилась бы за ним же неоконченная дообеденная партия, но в ближайшие

минут 15-20 не суждено было ни того, ни другого. И виновником, а, вернее, виновницей этого стала старая знакомая моего читателя – соседка Серёжи Полтавцева из дома № 16 Ангелина Ивановна, чьи óкна выходили как раз на игровое пространство. А запомнилась она тем, что строго по графику, ровно в 13.00 на всю громкость включала свой огромный *транзистор*, выставленный на подоконник – с тем, чтобы ознакомить видимую часть бермудского электората с новостями, случившимися за день. Вот и сейчас игроки, а также их гости вздрогнули от давно ставшего родным очень громкого голоса ведущей радиостанции «Азия Минус»

«По традиции наш выпуск открывается блоком новостей из мира науки», возвестила ведущая и продолжила уже более конкретно.

«Саксаульские учёные установили, что в случае, когда очень сильно хочется в туалет *по-большому*, и неожиданно появляется возможность облегчиться, человеческие зрачки расширяются в 1,2 раза в момент начала процесса, и ещё в 1,4 раза в момент, когда обнаруживается, что в туалете нет туалетной бумаги»

«Саксаульские учёные наконец выяснили, чего хочет женщина, но она, к сожалению, уже передумала!»

«Саксаульские селекционеры в недоумении: какие бы опыты они ни проводили, всё равно вырастает конопля!»

«Новое средство от депрессии изобрели саксаульские фармакологи. По их утверждению, для поднятия общего тонуса достаточно три раза в день перед едой принимать по одному зелёному горошку и запивать его 100 граммами коньяка»

«И последнее сообщение от отечественных учёных. На днях саксаульские деятели науки обнаружили, что давно ничего не обнаруживали»

«В заключение нашего научного обзора – новость из России. Российская Академия медицинских наук признала «мама подула на ранку» лженаучным методом лечения»

Везёт такому вот ребёнку,
кто ранясь, криком изойдёт:
подует мама на зелёнку –
и ранка быстро заживёт!

Между тем, выпуск новостей от радиостанции «Азия Минус» продолжился подборкой новостей политической жизни родной страны и её соседки – России.

«В связи с тем, что суд присяжных в судебной системе Республики Саксаулия как-то не приживается, а от Запада отставать не хочется, в министерстве юстиции нашей страны рассматривается возможность введения в Республике Саксаулия суда Линча»

«Интересная околополитическая новость пришла к нам из России. В окрестностях Москвы группа энтузиастов-биологов из Национал-большевистской партии обнаружила два новых вида выхухолей. Как заявил лидер партии Эдуард Лимонов, по праву первооткрывателей национал-большевики назвали их нахухоли и похухоли. Внешне зверьки одинаковы, и их можно отличить друг от друга только отношением к жизни…»

«В Саратове участвовавшую в оппозиционном митинге саксофонистку Эсфирь Либерманишвили обвинили в оскорблении гимна Российской Федерации»

«Как заявил на днях известный политический деятель Владимир Жириновский, никакие акции протеста и вообще претензии к действующей власти не могут быть признаны законными, так как всё плохое, что она делает, является заслуженным наказанием народу за неправильный выбор!»

«И в конце этого блока – ещё одна интересная новость из России. Кремлёвские геральдисты по поручению президента Владимира Путина выяснили, почему на рублёвых моне-

тах изображён двуглавый орел. Оказалось, что одна голова орла внимательно следит за курсом доллара, а другая – за курсом евро»

Природное чудо, двуглавый орёл
на гéрбе России величье обрёл,
и надо молиться, чтоб гордость орла
не стала бы ровней упрямству осла!

Здесь в голове Ангелины Ивановны или что-то звучно щёлкнуло, или ей просто надоели новости, так как она переключила свой транзистор на другую волну. Тут же выяснилось, что неизвестная радиостанция транслировала какие-то слишком миниатюрные радиоспектакли и, пока соседка не переключила приёмник вновь, нашим невольным слушателям удалось захватить два таких спектакля. Первый из них был на два гóлоса – мужской и женский.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Всех перетопила?

ВТОРОЙ ГОЛОС. Сто штук.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Ещё один где-то бегает!

ГОЛОС ДИКТОРА: Вы прослушали радиоспектакль «Сто и один далматинец»

Второй спектакль был не длиннее первого, и голосов в нём было тоже два, но только они оба были мужскими.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС: Слушай, да у тебя тени под глазами! Опять пил всю ночь?

ВТОРОЙ ГОЛОС: Да! Ох, ты бы знал, как мне хреново... Попробую дотерпеть до обеда, а там опохмелюсь, что ли…

ГОЛОС ДИКТОРА: Вы прослушали радиоспектакль «Тени исчезают в полдень»

Свет как будто на щеколде,
и вообще – где этот свет?
Исчезают тени в полдень –
потому что света нет!

Глава 125. ИЗ ЖИЗНИ РОДНОЙ СТРАНЫ И ЕЁ СОСЕДЕЙ (окончание)

Видимо, и Ангелине Ивановне не понравились эти слишком короткие спектакли, и она вновь переключила приёмник на знакомую волну – радиостанцию «Азия Минус». Здесь как раз пошёл блок разнообразных новостей со всего мира.

«На Великой Китайской стене обнаружена великая русская надпись!»

«Невиданная афера в Рязани! Злоумышленники под видом плоскогубцев продавали гражданам пассатижи!»

«Библиоманам на заметку. Вышла в свет книга Ивана Сусанина «Сборник польских нецензурных выражений»

«О новом чуде нашей редакции сообщил отец Пантелеймон, служащий в Отцеябловской епархии. 76-летняя суицидница Мария Степановна, выпрыгнув из окна, упала именно на проходившего внизу Николая Х., который всю жизнь молился о том, чтобы бабки падали к нему с неба»

«И ещё две новости мировой религии. Новость первая: основываясь на современной российской попсе, Ватикан предсказал, что приход *антихриста* ожидается где-то на девятой-десятой «Фабрике звёзд»

«Новость вторая: папа римский Иоанн Павел II неожиданно выступил в роли продюсера, сняв фильм «Водитель для католической веры»

Группу туристов из снежной России
на званый обед в Ватикан пригласили:
купили наряды, надели брильянты,
для храбрости выпили ви́ски и кьянти.
Инструкции чёткие дал группе гид:
чтоб в пьянку не смели обед превратить,
и чтобы туристы в угаре хмельном
не вздумали *папу* назвать бы отцом!
Он их умолял: «Я прошу вас, ребята!
Он – папа! Он вам не отец и не батя!»

«Новая монорельсовая дорога соединила города Барановск и Урюпинск. Сейчас сотрудники транспортной прокураторы выясняют, кто спёр второй рельс»

«В номинации «Прорыв года» пятый раз подряд победил трубопровод в городе Урюпинске»

«Вышла российская версия фильма «Терминатор» под названием «Восстание машин против обязательного страхования автогражданской ответственности»

«Собака, натасканная на наркотики, в аэропорту Внуково несколько раз взглядом давала понять пассажиру из Голландии, что дело можно уладить килограммом говядины»

«В городе Грусть-Каменодырске КамАЗ провалился в огромную яму, которую приехал засы́пать»

«Состоявшаяся вчера в отцеябловском Доме культуры сантехников-передвижников дискотека «Кому за 70» была нагло сорвана подвыпившими 50-летними малолетками»

«Недолго проработала на Западе наивная Алла П., клюнувшая на газетное объявление о наборе девушек в посудомойки. Каково же было её возмущение, когда после пересечения границы у неё не отобрали паспорт, не продали в бордель, а действительно заставили мыть грязную посуду!»

По завету своих дедов –
мир от зла освободить –
за границу девки едут –
видно, замуж выходить!

«Криминальные происшествия», переведя дух, возвестила радиоведущая, после чего сделала свой голос тихим и таинственным, вспомнив, что именно это место в новостях так читать научил её продюсер радиостанции.

«Из оперативной сводки. Слесарь Андрей Барманкулович Петросян, придя с завода после работы и выслушав сообщение жены о том, что их сын выиграл олимпиады по физике и математике, молча развернулся, вышел, позвонил в дверь соседу Семёну Абрамовичу Циммерману, и нанёс ему побои без объяснения причин»

«Вчера экскурсовод Отцеябловского краеведческого музея Айгуль Архипова захватила автобус с американскими туристами и три часа удерживала их в заложниках, подробно рассказывая историю родного кра́я»

«Милиция задержала группу мошенников, продающих дипломы и другие документы возле отцеябловского ЦУМа. «Нам пришлось их отпустить», сообщил нашему корреспонденту доктор филологических наук сержант Казыбаев»

«Новый магазин для любителей рыбной ловли открылся по адресу: ул. Керенского, 25. Здесь вас ждёт широкий выбор разнообразных снастей, спиртных напитков и продуктов питания. В продаже имеются также живая рыба и книга «Рыбацкие истории», в которой вы всегда найдёте то, что можно рассказать жене»

Пока с утра дождёшься клёва,
наступит ломота в затылке:
рыбак привычен без улова,
но не привычен без бутылки!

«И в заключение нашего выпуска», наконец-то объявила ведущая, «рекламный блок», чем очень порадовала радиослушателей из числа учпучмакских любителей *русской кочерги.*

«Вы всё ещё сами хóдите за покупками? Пошлите за ними прислугу! Сеть магазинов «Шестёрочка»!

«Хотите похудеть? Воспользуйтесь нашим новейшим изобретением – чудо-пластырем «Стройняшка»! Чудо-пластырь «Стройняшка» – лепится на рот!»

Следующая реклама просто-таки поражала своим неприкрытым садизмом:

«Чехов умер в 44 года, Пушкин – в 37, Есенин повесился, Маяковский застрелился. А что сделал ты для Пенсионного фонда страны?»

«В продаже появился специальный номер журнала «Playboy» для слепых: картинки в нём те же, но теперь их можно пощупать!»

«Реклама из мира искусства. Скоро на экранах появится киносага Никиты Михалкова «Никто не хотел воровать, или Утомлённые баблом». Это художественное повествование неопровержимо доказывает, что никакой другой коррупции, кроме вынужденной, в нашей стране не существует!»

«Вышла в свет «Камасутра» для тех, кому за 60! Она так и называется: «А вдруг?!»

Вчера свою подругу без сомнения
в неловкое поставил положение!
Возможно, поступил слегка рискованно,
но так уж в «Камасутре» нарисовано…

Глава 126. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (ещё одно продолжение)

Но вот Ангелина Ивановна, сжалившись над всей видимой частью Вселенной, наконец-то отключила ненавистный радиоприёмник, так как по графику, который придумала для жизни сама, пошла на полчаса разгадывать сканворды, кои последние годы стали публиковать буквально все газеты и журналы Саксаулии, и нашим игрокам не осталось ничего большего, как просто попытаться все жё закончить дообеденную партию, которая, как успел заметить мой внимательный читатель, началась аж 5 глав назад!

И эта партия так таки продолжилась, но вот вал ошибок, о котором говорилось ранее, так и остался прежним. Что же было тому виной? А разное: то Курманбаев по своей пакостной привычке сажать всех без разбора, неожиданно (сделав особо крупный глоток «Тянь-Шаня»), забывал о припрятанном в левой руке под остальными картами джокере, в результате чего тот бездарно пропадал под ударом более крупной карты в виде старшего джокера или вообще покера, то Полтавцев, которому в глаз попала шелуха от хвоста карликовой русалки, прятавшейся в ветвях карагача, начинал ожесточённо тереть свои пáрные óрганы зрения, из-за чего рассыпáл все карты на покерный столик, которые, как на грех, падали на раскалённый лист металла *лицом* вверх, и чем, естественно, пользовались остальные игроки, то Батыршин, ни на минуту не забывающий про вчерашний день рождения супруги Аиды, отвлекался на разные мысли о ней и брошенных детях, а это, сами понимаете, качественной игре никак не соответствует, то, наконец, Кулемзин, хотя и играл получше других, но тоже ошибался, потому что именно в этот момент на его ле-

вое плечо приземлился Вася Курочкин – его верный муз, который тут же начал надиктовывать ему вот такой стих:

Похоже маемся и лечимся,
и у аптечного окна
стоит с рецептом человечество,
и эта очередь длинна.
Мы, нечестивцы и апостолы,
от мудрецов до королей –
лишь комбинации из фосфора
и органических солей,
в нас одинаковые атомы
и хромосомы мельтешат,
и нас патологоана́томы,
как перепёлок, потрошат.
И зная всё, до самой малости,
толчёт провизор порошки
и дарит нас отцовской жалостью
сквозь близорукие очки…

, что, согласитесь, тоже отвлекало Альбионыча от того, что составляло не только сегодня, но и вообще в жизни его главное предназначение в данной точке Земли, то есть Бермудском Учпучмаке.

Но больше всего доставал покеристов, конечно же, троюродный брат *иблиса* Нуртай, причём, что было ещё хуже, делая свои пакости, он как бы *самоотмазывался* сразу тремя способами: во-первых, всегда помнил, что в детстве семь раз переболел свинкой, во-вторых, старался сделать так, чтобы остальные игроки не просто почувствовали, а явственно увидели, что именно он играет лучше всех, и, в-третьих, тут же переваливал свои ошибки на других, приборматывая при этом старую трюизматическую приговорку про соломинку и бревно – в разных глазах.

Найти в своём глазу бревно –
невыполнимая задача,
иначе бы давным-давно
из брёвен тех стояла дача!

При этом был он необыкновенно суетлив, но суетливость педагога со стороны казалась какой-то похотливой. Увидев в пришедшем роббере сразу трёх джокеров, он как-то непристойно хищно передёргивался, а при виде покера и вовсе рисковал задохнуться от счастья, потому что в голове тут же начинал играть целый ансамбль из 999 домбр[184], а в сердце поселялась какая-то нелепая фраза типа «Слава революции, пришёл!»

А вот, например, в данное мгновение, увидев, что в роббере на 10 картах не оказалось вообще ничего приличного, он применил свой старый испытанный приём – глядя прямо в глаза старшего дудочника, внятно проорал песню тревожной молодости:

– По степи грохочут танки,
самолёты петли вьют,
о будёновской тачанке
в небе лётчики поют!

[184] ***Национальный саксаульский инструмент – прим. муз. редактора***

– Ну, закомиссарил, – с неодобрением прослушав куплет, произнёс Володя. И неодобрение это было вызвано сразу двумя факторами: виде́нием стрижом метнувшегося в учпучмакские кусты Салихдзяныча и очередной задержкой на минуту или даже две само́й игры. А такая задержка была совсем ни к чему, так как время текущего дня уже перевалило далеко за час, а, значит, всему коллективу надо было срочно проявить заботу, где бы сегодня перекусить скромным обедом, чтобы тела́ игроков и их гостей дожили до вечерней пьянки, когда о еде никто даже и *не думал думать*.

Кулемзин дождался, когда прапорщик вернётся из кустов, поручил сторожу вытереть губы Талгата от чего-то противного, затем выслушал пожелания сопокерников о заказанных взятках на очередной роббер, и только после этого – исключительно в целях сбивания Мусаича с толку – выразительно произнёс:

– Противник атакует в двух случаях – когда он готов и когда не готовы вы…

Курманбаев даже дёрнулся от таких слов, потому что осознать их влёт не было никакой возможности, а думать долго не позволяла оперативная обстановка, хотя прервать игру на минутку всё же пришлось, так как, услышав очередную мудрость, Серёжа встрепенулся, быстренько достал из котомки блокнотик «Для му.мы.» и твёрдой рукой занёс её (мудрость, а не котомку) на новую страницу: «Атакуй не атакуй, но мозгами всё фильтруй!», и в пылу сражения даже не заметил, что превратил банальную мыслишку писателя в полноценный гениальный стих.

Увидев, что большевик никак не может выйти из интеллектуального ступора, Володя примирительно произнёс:

– Не обижайся, яйчики-бабайчики, это всего лишь шутка.

Затем, подумав секунду, добавил:

– Невинная шутка гения, – чем заставил Нуртая передёрнуться ещё раз, и хорошо было, что тот по примеру трубача не побежал в бермудские кусты.

Я называю гением собрата,
и чтит меня рифмующая рать,
поскольку, избегая плагиата,
мы поклялись друг друга не читать!

А вот дальше дела пошли хуже: на робберах в 9, 8, 7 и даже 6 карт Мусаичу стало так везти, словно находящийся в командировке *иблис* неожиданно вернулся – только для того, чтобы помочь ленинцу довести весь коллектив до безумия.

Выиграв эти четыре роббера, в результате чего почти все откатились назад, педагог воскликнул с пафосом:

– Человек, мать моя партия, может всё!

– Вот это и настораживает, – отозвался Володя, заметив, как от этих слов бросились к опаскуденным кустам старые друзья Муравлёв и Митрохин. Но так как они участия в игре не принимали, сражение немедленно было продолжено – без посторонних зрителей. Попутно выяснилось, почему на этот раз компанию стремительных беглецов не составил военный музыкант: он за секунду до этого, услышав какой-то шорох, задрал голову вверх, и очередная русалочья чешуйка попала ему не в глаз, как недавно Полтавцеву, а в ухо, и он тут же занялся её выковыриванием, благодаря чему не расслышал гнусного высказывания Курманбаева. А вот литератор, поглядев на уши старшего знаменосца Салихдзяныча, а также в целом на его похмельную рожу, неожиданно придумал вот такой невинный стишок:

Винсент Васильевич Ван Гоголь
писал с натуры отчий дом –

в нём «Нос» и *уши* уживались
с большим-большим-большим трудом!

Глава 127. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (и ещё одно продолжение)

Обычно сентиментальные авторы, описывая зна́чимые, на их взгляд, события, стараются облечь деяния рук человеческих в утончённый флёр мистицизма и наделить их трогательной взаимосвязью с некими роковы́ми предначертаниями, весьма красноречиво указующими на крайнюю исключительность данного происшествия и необходимость немедленного помещения его в анналы.

В нашем же случае никакого мистицизма не предполагалось вообще, а предполагались совместные усилия Кулемзина, Батыршина и Полтавцева, чтобы остановить строптивого Курманбаева, но, кроме Володи, об этом тщательно продуманном им плане, к сожалению, не знали остальные участники несостоявшегося заговора. А почему? Да потому, что если бы Альбионыч только заикнулся об этом, как тотчас был бы вынужден списать самому себе аж 100 очков в *раскладке*, и мой внимательный читатель, конечно же, помнит, что именно такой штраф полагался любому преступившему это правило – *не подсказывать*.

Вот такая жизни сказка –
наказанье за подсказку!

Но доигрывать партию тем не менее было надо, и все принялись обдумывать стратегию и тактику на оставшиеся короткие робберы и один длинный – последнюю *тёмную* на 12 картах. Шутка. А писатель, а в данное время и поэт тоже, решил закрепить только что промелькнувшие мысли неким афоризмом вместе с катренчиком – вот такими (и не ругайся, мой читатель, что я его сделал таки большим он сто́ит того):

В погоне за счастьем не всем, увы, достаётся роль погонщика…

Жестоко жизнь проводит кастинг,
ведь нас не любит эта мать –
мы все гоняемся за счастьем,
но счастье сходу не догнать…

«О чём это он?», тоскливо подумал педагог, но думал недолго, так как Серёнька, поминутно поминая то мать честну́ю, то её подругу царицу лесную, уже сдал всем короткий роббер из 5 карт, после чего раскрыл свой и начал его разглядывать, при этом потирая лоб так, что даже на 7,6 процента становился похожим на умного. Хорошо разглядел свой роббер и марсианин, в результате чего же стал выглядеть таким же загадочным, как стихи Гийома Флюджиевича Аполлинера. А чтобы ты, мой читатель, хорошенько осознал эту фразу, то вот тебе пример такого стиха:

После этого он (марсианин, а не Аполлинер), не колеблясь, сделал свою заявку:

– Две!

Кстати, для такой небольшой сдачи это было много, так как остальным *на круг*, как выражаются геометры, то есть ещё трём игрокам, оставалось всего три взятки. Первым понял это педагог, подумавший при этом следующими словами: «Экая наглость выставлять напоказ свою гениальность, не считаясь с исторической обречённостью!». А причиной его не слишком большого испуга была всего-навсего одна карта – пиковая семёрка, которая, между тем, звалась страшно и грозно – покер.

– Две! – эхом повторил Мусаич, рассчитывая вторую взятку хапнуть случайно подвернувшимся червовым тузом.

Салихдзяныч с удивлением выслушал эти заявки, после чего тоже произнёс *две!*, так как у него на руках было аж три короля, а розданных карт было всего 20. И в этом, конечно, был свой резон, но только в том случае, если вместе сойдётся сразу несколько факторов, но автору не хотелось бы слишком длинных отступлений, каких именно.

С не меньшим удивлением выслушал всё произнесённое и Афанасьич, у которого на руках были те же пять карт, но все настолько разные, причём, из них не было ни одного козыря, что он тоже пробурчал:

– Две.

Играть по-разному все могут –
кто как один, а кто как ноль:
коль на себя берёшь ты много,
то отвечать за всё изволь!

И вот в результате этого недодумия, как видит мой умный читатель, на пять взяток пришлось аж 8 заявок, а это значит, что как минимум двое из игроков были обречены

(причём, заметьте, в конце партии!) вновь откатиться назад. Первым ходил Володя, который лихо двинул вперёд бубновую даму. Он, разумеется, знал, что эта взятка будет бита, что и произошло: все скинулись по младшим бубям, а карту забрал пламенный ленинец – козырной четвёркой. Это, кстати, было по правилам, так как в отсутствие масти надо было бить именно козырем. Затем Мусаич выбросил покера, но почему-то сказал не привычное *по джокерам!*, а наугад:

– По червям, мать моя КПСС!

И вот это была катастрофа – потому что в результате такого подлого хода вылетело всё, что только могло вылететь: у Володи – туз, у Талгата – король, а у Серёжи – дама! Курманбаев с удивлением посмотрел на вторую взятку, которую положил рядом с собой, и решительно пошёл червовым же валетом. И тут случилась, как выражаются голливудские продюсеры, «Катастрофа-2»: ни у кого из оставшихся сопокерников не осталось ни одного козыря, и Нуртай забрал третью – переборную – взятку.

Не оставив отпечатков,
не залапавши стакан,
перебрал всего лишь взятку –
посадил всех на кукан!

В итоге этого нелепого роббера пролетели все, кроме преподавателя еврейского колледжа, и все трое – на одну взятку, то есть на 25 очков каждый! «Эх, сгубила хлопцев тоталитарная система!», горько подумал Альбионыч. Оставить без внимания такое паскудство, конечно же, было нельзя, хотя покерный гуру знал, что всё, в принципе, здесь было сделано по правилам, но вот Серёжа и Талгат ещё долго не могли успокоиться, тогда как Нуртай по привычке отбрёхивался.

– Дорогие товарищи! – сбивчиво начал покаянную речь педагог. – Я хочу… критика, прозвучавшая в мой адрес… справедливые слова моих товарищей… заставляют думать об ответственности… прекрасный образ нашего современника Володи… величие наших будней… Короче, позор палачу португальского народа Салазару[185]! – закончил он, почему-то вспомнив 1964 год, когда ему и было-то всего лет семь-восемь.

[185] Антониу Антониуович Салазар – премьер-министр Португалии, в течение 36 лет (с 1932 по 1968 годы) фактически управлял страной – прим. полит. редактора

Сделав веером пять пальцев,
отвечая за базар,
угнетал всех португальцев
некий Тошка Салазар!

Слушать Нуртая было не легче, чем с глубокого похмелья вместо патисонового рассола пить одеколон «Кармен»

– Да ты, я вижу, ёкарный хрящ за мясо не считаешь! – страшно выкрикнул прапорщик на такую грязную инсинуацию педагога. Большевик даже вжал голову в плечи, словно ожидал от разбушевавшегося военного не только плохих слов, но также и физического воздействия. А Кулемзин в этот миг позавидовал сказанному: в его писательской голове подобные конструкции просто не могли родиться – здесь нужен был талант *специфический.*

Глава 128. О РОСОМАХИНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ (второй рассказ Васюхана о своей нелёгкой воинской службе)

В это время недалеко от Бермудского Учпучмака, а конкретно за невысоким заборчиком, отделяющим его от всего остального мира, послышался какой-то шум. Вскоре выяснилось, что там, чего-то не поделившие, сцепились сразу двое-трое-четверо-пятеро, а, может, и больше дворовых детей. Пыль, поднятая ими в процессе потасовки, скрыла не только количество участвующих в битве, но даже вообще то, что называется маленькими людьми и частями их тел.

Начиналось всё душевно,
без подвижек боевых –
драка кончилась плачевно:
сорок трупов – нет живых!

Впрочем, драка скоро прекратилась – Нуртай, подхватившись, сорвался с места, подскочил к мальчишкам и за какие-то 20 минут навёл порядок. Альбионыч знал, что во время его отсутствия игру всё равно нужно будет прекратить, поэтому, чтобы не терять драгоценного времени затухающей Вселенной, решил рассказать оставшимся за покерным столиком некую историю.

– Скоротаем часок? – весело предложил он оставшимся. – Что вам рассказать?

– Расскажи что-нибудь, – попросил Серёжа.

– Даже не знаю, что тебе будет интересно, – отозвался Володя. – Ну, разве что об инфинитивных формах югославских глаголов?

– Нет-нет, – тут же открестился охранник. – О фиктивных не надо! Кстати, а что такое глаголы?

– Ох, и тёмный ты, Серёжа, – попенял сторожу образованный старший тромбонист. – Глаголы – это такие русские слова, которые обозначают необходимые *человеку разумному* действия. Например, сходить за пивом, похмелиться и покурить…

– О, тогда можно, – с уважением произнёс охранник. – А как по-югославски будет похмелиться?

Все немного посмеялись над дурковатым.

– А, может, ты, старичок, что-нибудь расскажешь? – неожиданно обратился к Митрохину марсианин.

– Легко, – отозвался антенщик, который уже основательно похмелился, а, значит, как и любой другой русский человек, мог вступить в диалог да хоть с самим *иблисом*!

Я в веселье не упёртый:
перепью – не переем,
мне хоть с богом, мне хоть с чёртом –
было б выпить вместе с кем!

– Довелось мне в са́мом конце семидесятых служить в пограничных войсках. И попал я на заставу – на границе советской Карелии и буржуазной Финляндии, – начал свой рассказ старший джус.

– А сейчас Карелия уже не советская? – наивно поинтересовался Афанасьич.

– Сейчас всё не советское, – ответил ему писатель. – Серёжа, не мешай. Васюхан, давай дальше!

И Васюхан дал дальше.

– Шёл восьмой месяц службы, а стало быть, я был уже *слоном*[186]. Служил со мной на полгода старше призывом (уже *черпаком*) мой земляк, сержант Андрей Илиев по кличке

[186] В Советской армии была своя иерархия: боец, служивший до полугода, назывался дух, отслуживший полгода – слон, год – черпак, и полтора года – дед – прим. автора

Болгарин. В силу землячества взял он надо мной шефство, так что приходилось мне постоянно слушать нудные рассказы о его пьяных похождениях в нашем родном Отцеябловске: как ловко он кадрил девок, пьянствовал и наваливал люлей местным металлюгам и другим неформалам.

Единственный вид службы и работы, особенно у такого молодняка, как мы, был наряд: обход государственной границы, он же дозор, – на вверенном нашей заставе участке около 15 километров. Деды, конечно, тоже ходили в дозор, но редко, в основном замыкающими. При этом остальные деды мирно существовали в казарме, смотрели телек, резались в *штуку*[187], готовили дембельские кители и альбомы, а также мечтательно рассказывали друг другу, кто чем займётся *на гражданке*.

[187] Тысяча – взяточная карточная игра для трёх или четырёх игроков, целью которой является набрать в сумме более 1000 очков. Особенностью игры является использование так называемых «марьяжей» (король и дама одной масти), которые позволяют назначать (или «захвалить») козырную масть – прим. автора

Вчера наш взвод был на гражданке –
бойцам понравилось, аж жутко!
Гражданку эту звали Анка,
короче, Анка – проститутка:
её на час мы оптом взяли –
на каждого по две минутки.
Успели всё! Продлять не стали –
и проводили проститутку…

Дозор состоял из трёх человек: кинолога с собакой, связиста и замыкающего, он же старший дозора, обычно сержант или дед. Я служил кинологом, и была у меня прикреплённая служебная собака – овчарка по кличке Дик. И вот в один из обходов границы произошёл такой случай. Идём мы по тропе, по своему маршруту. Неожиданно Дик начал лаять, мелкими рывками пытаясь увлечь меня за собой. Я не поддался, резко одёрнул поводок и дал команду псу умолкнуть. Мы остановились. Болгарин, как старший дозора, достал бинокль и принялся рыскать глазами по ближайшей местности. А местность, надо отдать должное, была в этих краях просто на загляденье: сосны, берёзы, осины, ручьи и небольшие речушки с чистой водой.

Реку с чистою водой
видел на передовой…

Через какое-то время его взгляд остановился, он снял бинокль с шеи и с довольной ухмылкой школьника-хулигана подозвал жестом меня. Я подошёл. Болгарин передал бинокль и показал в ту сторону, куда ещё несколько минут назад лаял Дик. Я взял оптику, направил её на небольшую опушку в пролеске, куда он показывал, и опешил. На полянке занимались… ну, скажем так… размножением два диковинных зверя – что-то среднее между медведем и барсуком.

Нужно сознаться, что я никогда не был силён в биологии видов, и поэтому не понял, что за звери передо мной. Посмотрел на Андрея, а он говорит: «Гляди, слоняра, росомахи сношаются!». Сказал он это, конечно, в более грубой, но оттого не менее понятной форме, после чего скинул лёгким движением руки с плеча автомат, передёрнул затвор, прицелился и пустил одиночный выстрел в сторону зверей, охваченных страстью.

Глава 129. О РОСОМАХИНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ (второй рассказ Васюхана о своей нелёгкой воинской службе, окончание)

Стрелок он, надо сказать, был отменный, и с единственного патрона попал самцу прямо в шею. Тварь мучилась недолго. Когда мы подошли, а до *мишени* расстояние было не более 100 метров, он уже издавал предсмертные звуки. Дик снова стал лаять, но я его к зверю не подпустил – слишком была велика вероятность подхватить чумку, бешенство или ещё какую болезнь, которыми лесные твари сами не болеют, но часто являются их носителями.

Ветер воет, гром грохочет,
шторм и непогода,
даже пёс гулять не хочет
в это время года.
А на улицах мощёных
труп лежит на трупе,
на раввине – поп крещёный
и судья на плуте:
то чума окрест гуляет,
косит как косою –
кого встретит, забирает
чёрною рукою!

Самка довольно оперативно смылась в кусты, да и, судя по всему, у Болгарина тратить второй патрон, за который придётся потом отчитываться, желания не было. Тогда он достал *зачулкованный* им на стрельбах патрон и вставил его в магазин, потом довольно осмотрел жертву, но трогать её не стал. А на недоумённый вопрос, который я хотел задать, но не посмел, словно прочитав мои мысли, ответил:

– Потому что не фиг устраивать тут всякие безобразия!

И мы спешно зашагали вперёд. Вероятность того, что выстрел слышал кто-то на заставе, равнялась нулю, но в казарме нас ждал горячий ужин и вечерний телевизор. По пути я, конечно, обдумывал всё произошедшее, но упрекнуть Болгарина в аморальном поступке не решился: жалко было зверя, но что поделать, если солдату грустно!

Коль солдату очень грустно,
лучший отдых – водки литр
да кусок леща вприкуску,
извазюкавши мундир!

Шли дни, неделя сменяла другую. После злополучного убийства минуло уже десять месяцев. Болгарин стал дедом, реже ходил в наряд. С садистским удовольствием он каждое утро *пробивал лося* свежеприбывшим духам и спрашивал у них, сколько ему осталось до дембеля.

70, 45, 30, 20 дней... Время тянулось медленно, но Болгарин уже предвкушал будущее: скорую дорогу домой, море *гражданского* алкоголя, любимый мотоцикл и грудастых податливых девок из окрестных колхозов, приехавших в Отцеябловск осваивать профессию швеи-мотористки, а также радостные у́тра без ранних подъёмов в 6.00, без чёртовой сечки и бигуса, без пьяного замполита, страдавшего от *вьетнамского синдрома*, который постоянно мучил нас по ночам, объявляя построения, и изнурял физическими нагрузками.

Для чести нашего мундира,
как приказал наш генерал,
садисты – наши командиры –
гоняли так, как враг гонял!

И вот за три дня до дембеля, по старой погранцовской традиции (а традиции и неуставные обряды Советской армии тогда ещё свято соблюдались – с попустительства замполитов и командиров), наш дембель Болгарин пошёл в свой последний дозор. Было раннее майское утро, казалось, всё живое молчит в обычно шумном лесу, и только ветер чуть сильнее обычного заставлял шелестеть листву.

Мы прошли уже почти половину маршрута, миновав пролесок, на котором когда-то тлели останки несостоявшегося отца – самца росомахи, пока их окончательно не обглодали и не растащили местные хищники, оставив лишь череп да несколько костей.

Болгарин вопреки уставу шёл не последним, а вторым, напялив по дембельской традиции кепку на самый затылок и куря сигарету марки «Опал». В это утро, как, впрочем, и в большинстве случаев, мы нарушали устав и шли не на необходимом расстоянии в 30-50 метров, а всего в 5-7 метрах, чтобы слышать друг друга при разговоре. Сзади, примерно метрах в 20 от нас, шёл связист моего призыва. Мы обсуждали уже не помню что, какую-то ерунду, как вдруг я услышал звук падения и обернулся.

Передо мной лежало тело Болгарина, но без головы! Голова валялась рядом, в метре от него, а чуть правее стояла росомаха и смотрела прямо мне в глаза. Это продолжалось всего мгновение, затем зверь повернулся в сторону кустов и дал дёру. Мне же понадобилась ещё пара секунд, чтобы придти в себя. На удивление, Дик не только не залаял, но вообще не издал никакого звука, а спрятался за меня, прижав уши. Я бросил поводок, вскинул автомат и выпустил весь рожок в сторону убежавшего зверя, но, как потом выяснило следствие, ни одна пуля его даже не задела.

До сих пор тому не верю:
стре́льнул – сразу обалдел:
не задела пуля зверя,
ну, а зверь меня задел!

Здесь ко мне подбежал ошалевший связист и начал орать, что он всё видел: как нечто бросилось с дерева, под которым проходил сержант, и одним движением лапы, как капустный кочан от кочерыжки, отделило голову Болгарина от шеи, после чего тот ещё по инерции сделал один шаг и рухнул. Я нагнулся к голове. Глаза её были открыты и выражали нечеловеческий ужас, который я запомнил на всю жизнь. Потом тело сержанта сначала увезли в комендатуру, а через четыре дня в запечатанном цинковом гробу отправили из части домой – в сопровождении вечно пьяного старшины и двух слонов.

Командиры и военные следователи, конечно, сначала не поверили в нашу историю. Нас заставили сдать анализы мочи не только на бухло, но даже на наркотики, затем меня и связиста долго допрашивали.

Следствие даже привлекало местных егерей и охотников, и из их рассказов следовало, что росомаха – зверь очень умный и осторожный, так что не каждому охотнику доводилось его видеть. А ещё у них уникальный нюх, вот по нему самка и могла запомнить своего обидчика, а потом выследить. Опять же, как показало следствие, судя по когтям, шерсти и помёту на дереве, росомаха много раз приходила на это место в ожидании своей жертвы! Дело закрыли через три месяца. Официальная версия: несчастный случай – сержанту оторвал голову медведь.

А остаток службы я провёл в подразделении, ходя в наряд то по столовой, то занимаясь с собаками. С тех пор минуло больше 20 лет. В лес я иногда, конечно, хожу – по грибы, но часто озираюсь по сторонам. Мне всё ещё кажется, что эта чёртова росомаха прячется где-то поблизости…

Мне снятся кошмары: какие-то тени
меня в темноте обвиняют в измене,
кривляются маски, под крики и хохот
я слышу гигантского молота грохот,
из тьмы выплывают горящие строчки:
«Измерено, взвешено!». Рвусь на кусочки,
извилины словно засыпаны перцем –
мне холодно, жарко, колотится сердце…

Глава 130. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (шестой блок)

Но вот и этот рассказ промелькнул минут за пятнадцать – со всеми переспрашиваниями ненужных подробностей, а Нуртай, разведя драчунов из числа дворовых детей, только-только заканчивал поучительную лекцию о вреде драк и пользе крепкой мальчишеской дружбы. И как же хорошо, что его в это время не слышал старший прапорщик Батыршин…

И так как автор пообещал, что педагог будет отсутствовать минут 20, значит, ему (автору, а не педагогу) надо было чем-то занять игроков на оставшуюся пятиминутку. А кто это мог сделать лучше, как не Кулемзин, тем более что как раз к нему и обратился с вопросом Полтавцев:

– Альбионыч, мать честнáя, а ты сможешь уложиться в пять минут, пока не подошёл Нуртай, если расскажешь нам ещё немного своих сказочек – от которых мне лично хочется то смеяться, то плакать?

– А плакать-то почему, йодистый Серёжа? – поинтересовался Салихдзяныч.

– А не все понимаю, – честно признался охранник.

В сказках так всё зашифровано,
что понять я не могу –
мозг как будто фаршированный,
пробираясь сквозь тайгу!

– А ты, святой Малевич, если что, ко мне обращайся, – доверительно положил ему руку на плечо живописец. – Мы с Васюханом тебе живо всё разъясним…

– Ладно, – согласился экс-текстильщик и, как бы обозначив конец диалогов, выжидательно посмотрел на писателя.

– Ну, хорошо, сказки так сказки, – согласился Володя. – Хотя, честно говоря, очередной их *блок* был запланирован несколько позже.

– Это ты про зятя Менделеева? – поинтересовался Митрохин.

– Ага, – по-полтавцевски ответил литератор.

– Ну, тогда давай! – разрешил Афанаьсич.

И Кулемзин дал.

1

– Не надо стрелять, Иван-царевич, – поморщилась Царевна-лягушка.

– Почему это? – обиделся Иван.

– Не обижайся, Ванюша, просто ты страшненький такой…

2

– А какой ты национальности? – спросил Пятачок у Винни-Пуха.

– Точно не знаю, но когда я смотрю на тебя, то подозреваю, что хохол!

3

– Какой большой сучок! – воскликнул папа Карло. – Сделаю-ка я из него нос!

«Вот старый пидор!», обречённо подумало полено.

В сказки верить – наивно, братан:
Дуремар эмигрировал в Дели,
у Тортилы с Базильо роман,
а Мальвина теперь на панели.
Golden[188] ключик пошёл в переплав,
Артемон с Карабасом напился…
Буратино, об этом узнав,
дрель купил и с тоски засверлился!

[188] Золотой – англ.

4

Женившись, Владимир Ильич часто тешил себя Надеждой…

5

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

– Дурак ты, ёкарный волк! Не видишь, я беременная! И вообще, я не Колобок, а Дюймовочка…

6

Мышка бежала, хвостиком махнула – и тут неожиданно как её занесет, как долбанёт об стенку…

7

«Врачи вынесли мне жестокий приговор – шизофрения. Но я до сих пор не могу поверить, что этот милый пушистый зверёк – лишь плод моего больного воображения…» (Из воспоминаний Крокодила Гены)

8

Собрал как-то Ной в своём ковчеге каждой твари по паре. И пришли к нему через неделю плавания сыновья и сказали:

– Отец, звери всё изгадили – мы уже по колене в дерьме!

– Так выбросьте его в океан, – приказал мудрый Ной.

Так и сделали сыновья. А дерьмо так и плавало по океану ещё много-много лет, пока его не открыл Колумб…

9

– Дёрни за веревочку, деточка, – сказала бабушка, – *тампакс* и выдернется…

10

Поймал старик Золотую Рыбку. И молвила она ему человеческим голосом:

– Отпусти меня, старче, я твои три желания исполню.

Обрадовался старик и говорит:

– Во-первых, желаю, чтобы меня перестали мучить алкогольные галлюцинации… Оп-па! Куда же ты делась, Золотая?!

Поймал дед Золотую Рыбку,
зад почесал и зашептал желанья:
«В две челюсти по золотому слитку –
улучшить форму сосуществованья,
машину – бабке, дедушке – молодку…»
Но рыбка выполняет только три!
Дед психанул и – хрясть на сковородку:
«Не можешь больше? Так огнём гори!»
Расширилось при нагреванье тело
и превратилось в дивную русалку –
количество желаний поредело
до одного...
И ну её – рыбалку!

Глава 131. ДООБЕДЕННАЯ ПАРТИЯ (окончание)

И вот, наконец, пришло время нескольких коротких робберов да последней *тёмной*, после чего партию можно было считать состоявшейся. Кулемзин, отодвинув карты в сторону, начал внимательно изучать *раскладку*. Все насторожились, а Полтавцев даже привстал со своего места, обошёл покерный столик и пристроился за спиной писателя. Он также внимательно оглядел тетрадку, в которой были отражены все победы и поражения, но, кроме каких-то цифр и чисел, не увидел ничего. «Что же он, мать честнáя, там хочет разглядеть?», сокрушённо подумал сторож. Остальные же, видя умственные потуги страдальца, потихоньку посмеивались. А зря.

И это были не простые слова: Альбионыч, изучив *раскладку*, увидел, что ему и надо-то рискнуть всего один раз – на завершающей *тёмной*, заказав 6 взяток. Конечно, это было много, учитывая, что карт в роббере будет роздано всего по 12, но зато в случае успеха можно было подняться сразу на 210 очков, то есть 105 удвоенных. Правда, при этом надо будет посадить Курманбаева хотя бы на одну взятку, чтобы списать у него впоследствии 50 очков. И вот только в этом случае победа останется за покерным гуру!

Победить тогда лишь можно,
коль сыграть мне осторожно!

«Жаль, что я такой честный», подумал Володя, «а то был бы, как Нуртай, сейчас же применил бы марсианскую технологию, позволяющую видеть значения карт сквозь их рубашки!». А автор, попеняв своему герою за такие мысли, всё же подтверждает, что эти слова так и остались мыслями, потому что литератор всё-таки сыграл как и положено, то есть честно, – не видя карт соперников.

Первым заказывал Талгат, который, видя, что в любом случае останется на третьем месте, остановился на трёх взятках, вторым – педагог, который, разгадав план марсианина, заказал чуть больше, чем обычно, то есть четыре взятки, затем свои бездумные пять взяток в общий список виртуальных побед добавил Серёжа.

– Три, четыре, пять, святой Малевич, – вслух сосчитал неиграющий Николаич и даже вопросительно посмотрел на Митрохина. Васюхан понимал в игре ещё меньше своего

товарища, потому что количества сегодняшнего пива пока было недостаточно для того, чтобы в уме сложить эти неподдающиеся разуму сложные цифры.

– Так тебе, Володя, ничего не осталось, – с сожалением констатировал Муравлёв. Остальные смотрели на Альбионыча так, словно ждали от него подвига. И они его, разумеется, дождались!

В две руки я взял по бритве,
чтобы титул подтвердить,
и пошёл один на битву –
надо подвиг совершить!

Но вот пришло время раскрыть до этого скрытые карты. И вот тут началось предсказуемое шоу: все начали охать и ахать, и даже те, кому карты пришли неплохие, но ведь надо было до поры до времени скрыть свою радость. Но больше всего радости было как раз у писателя, и вовсе не потому, что автор любит его больше других своих героев, а просто именно так распорядилась в это мгновение Сука-судьба, пославшая Володе сразу трёх джокеров, а вот пиковую семёрку, или покер, кому-то другому. Были у него, правда, еще три козыря, но не туз или король, а дама, десятка и четвёрка, да крестовый туз – при червовых козырях.

И вот здесь у него (Володи, а не туза) проявился его самый что ни на есть недюжинный талант полководца!

– По козырям, яйчики-бабайчики! – известил он собравшихся и смело пошёл старшим джокером.

«А для чего?», спросит наивный читатель. «Ведь у кого-то непременно есть покер, а, значит, эта сильная володина карта обязательно будет бита!»

«Да, это так», ответит автор. «Но вот смотри, мой читатель, и постигай смысл кулемзинского манёвра: Альбионыч этим ходом терял одного из своих трёх джокеров, но вот чего достигал: старшие козыри, то есть туз и король, вылетали из игры по определению, а вдобавок к ним, как выяснилось, и покер Нуртая, которым он не преминул забрать первую взятку. Но ведь у литератора остались ещё козыри, которые почти все, за исключением валета, были самыми крупными в игре!»

Я смело бритвами махал,
о коих выше написал!

Да, всё было именно так, как и предполагалось. Володя дождался крестового хода, забрал взятку своим тузом и пошёл ещё раз с тем же самым объявлением:

– По козырям!

Он дождался, пока на покерный столик не упадут козырные валет, девятка и восьмёрка, и третий раз повторил этот ход, который уже окончательно лишил его соперников всех козырей. И только после этого ещё трижды выкладывал перед несчастными игроками оставшиеся три козыря. Шесть заказанных им взяток были выиграны! А Курманбаев пролетел даже не на одну, а на две взятки, или сразу на 90 очков…

Имя жертв обмана – легион,
так играть – великое искусство.
Бойся человека, ибо он
может всё! А ты себе сочувствуй…

Создав себе заслуженный ореол славы, писатель почувствовал себя неким солирующим инструментом – как флейта в джеймсластовском «Flamingo Park»[189]. И тут же музыкальная тема продолжилась уже воочию: выиграв партию, Альбионыч не стал стесняться радоваться и минут за пять просвистел жизнерадостный «Moonlight Blues»[191] в исполнении американского короля блюза Би Би Кинга[192]. После этого он (Альбионыч, а не Би Би Кинг) далее сидел невозмутимо, как индейский вождь Козырный Томагавк.

[189] Джеймс Гансович[190] Ласт «Закат в заповеднике фламинго» – англ.
[190] Он, честно говоря, и сам Ганс, ибо рождён был не американцем, а немцем – в Бремене в 1929 году, но в угоду продюсерам стал Джеймсом – прим. автора
[191] «Блюз лунного света» – англ.
[192] Би Би – это псевдоним – от англ. Blues Boy (мальчик-блюз), настоящее имя этого музыканта было Райли, а вот фамилия Кинг – подлинная, но как же она ему подходила, ведь King по- английски Король! – прим. муз. редактора

«Жалко-то как, мать моя партия», думал в это время горькую думу Мусаич. «И только несколько кусочков хорошей, качественной еды могут примирить меня с позором поражения от этого оппортуниста!». И хорошо, что не сказал он этого вслух, поэтому учпучмакские кустики за покерным столиком ещё какое-то время остались в относительной чистоте, на этот раз не испоганенные продуктами жизнедеятельности старшего прапорщика Батыршина.

Кулемзин без труда прочёл мысли большевика и, на удивление, согласился с ними, но не с тем, что жрать нужно только одному Нуртаю, а с тем, что хорошая, качественная еда – всегда залог персонально его (Кулемзина, а не Нуртая) настроения!

В мыслях я отменно собран –
летом, осенью, зимой:
как поем – так сразу добрый,
а голодный – страшно злой!

И, хотя настроение его было отличным, всё же проигравших было немного жаль. Марсианин, будучи человеком сочувствующим, немного развил эту мысль, потом ещё и ещё, пока при виде свежеубиенных врагов на его глаза не навернулись слёзы. Впрочем, через секунду выяснилось, что это было всего лишь началом дождика.

Глава 132. ВЕЛИКИЙ ПОХОД

– По-моему, пора, – стирая со лба первые нежные капли, проговорил Талгат, озабоченно разглядывая своё левое запястье, на котором должны были поблёскивать, но сегодня почему-то не поблёскивали часы «Командирские» – с проникновенной дарственной надписью от его друга старшины роты Кожамкулова. – А то этот йодистый дождик скоро мне душу зальёт…

Неожиданно литератор хлопнул себя по лбу с такой силой, что дворовые дети, приняв это за некий таинственный сигнал, забéгали вокруг покерного столика ещё быстрее.

– Серёжа, а не взять ли нам, яйчики-бабайчики, пивка на дорожку? – предложил он (литератор, а не столик). – А то вдруг в валерином магазине оно внезапно закончилось? Ты как думаешь?

– Я думаю? – не сомневаясь, воскликнул сторож. – Вообще-то я об этом, царица лесная, всегда думаю через призму счастья!

– А куда это вы вдруг собрались? – волнуясь, тихо вопросил Валера, услыхав в кулемзинском предложении своё завуалированное имя.

– Вот именно, куда? – поддержал его тихий ужас Васюхан.

– Да к тебе же! – ответил писатель. – Даром мы, что ли, читали всем коллективом замечательную записку твоей супруги Наташи?

– Недаром, недаром, – зашумел дружный коллектив.

– А-а-а, святой Малевич, пошли! – махнул рукой живописец и, как всегда, ранил в плечо своего соседа Курманбаева.

– Тише ты, мать моя партия, – попытался приструнить Муравлёва педагог, но тот разошёлся ещё больше и попенял Полтавцеву:

– Серёжа, а ты чего сидишь? Володя ведь именно с тобой вёл разговор о некоем напитке, который мы *обязательно* должны взять с собой!

Я, друзья, скажу вам честно
мысль, что любит вся страна:
с пивом жизнь – всегда прелестна,
а без пива нам – ханá!

– А я что? Я ничего! – тут же обозначил своё место на планете Земля охранник. – Мне, мать честнáя, только денежку дай, так я завсегда!

Здесь он огляделся по сторонам и, как оказалось, не напрасно: недалеко от лавки Калимы стояли позапозапозавчерашние патрульные[193], поедающие мороженое в вафельных стаканчиках. Увидев милиционеров, Афанасьич покопался в котомке, достал из неё маленькую бумажную иконку с изображением Николы-угодника, который, как хорошо известно всем рабам *дедушкиным*, являлся покровителем путников, поцеловал не очень качественный *принт* со словами «На всякий случай! А то мало ли чего!» и, наконец, спрятал её обратно.

[193] Об этом случае – в первом томе «Русской кочерги», в главе 250 – прим. гл. редактора

Денежка быстроногому экс-текстильщику была выдана немедленно, и он также немедленно пустился в недалёкий, как его «ум», путь, причём, побежал за пивом так быстро, словно собирался выиграть Гран-при в гонках на выживание. Саксаульские менты, завидев спешащего в магазин Серёжу, вначале было насторожились, узнав одного из недавних игроков в карты, но тут же рассеянно отвернулись: даже их проницательный на преступников ум с негодованием отверг мысль о том, что у этого оборванца могла найтись при себе сумма, способная хоть как-то заинтересовать правоохранительные óрганы страны.

И в Перý, и во Вьетнаме
видно каждому уму:
если денег нет в кармане,
ты не нужен никому!

И вот тут внезапно прямо в знойном мареве Бермудского Учпучмака соткалась неожиданная проблема, которая немедленно стала требовать своего разрешения.

– А как же мы добираться будем? – дрожащим голосом обозначил проблему один из гостей, а именно Митрохин.

А дрожал его голос сразу по двум причинам: во-первых, он понял, что в стандартную машину влезут только четверо персонажей – как раз по числу игроков, а, во-вторых, осознал, что его (да, скорее всего, и Валеру тоже) могут просто забыть здесь – как людей неиграющих! Правда, к концу предложения дрожание голоса стало на 27,7 процента мень-

ше, так как антенщик сообразил, что без ключей, которые покоились сейчас в кармане штанов Николаича, вся *хевра* в квартиру просто не попадёт.

Вот видишь, мой терпеливый читатель, какие проблемы возникают с нашими героями, казалось бы, на ровном месте! Но не таков автор, который всегда берёт пример со своего главного героя Кулемзина, чтобы стопорить наше великолепное повествование на нём (ровном месте, а не Кулемзине)!

Ведь итог нам всем известен:
прямо без отсрочки
мы на нашем ровном месте
разровняем кочки!

– Точно! Спасибо, Васюхан! – ещё раз хлопнул себя по лбу Володя, и дворовые дети при этом повторном звуке начали носиться вокруг покерного столика ещё быстрее – со скоростью, приближающейся к третьей космической. А писатель, достав из карманчика рубашки мобильный телефон, покопался в списке необходимых номеров и, наконец, нашёл один из них.

– Искомый ёкарный номер? – поинтересовался старший музыкант.

– Он, – коротко ответил Кулемзин и нажал на кнопочку соединения.

Оказалось, что в аппарат предусмотрительного Альбионыча был на всякий случай вбит номер компании, которая занималась перевозкой людей, животных и мебели, а это сейчас было как раз то что нужно! Он (Кулемзин, а не аппарат, хотя и аппарат тоже) продиктовал неведомому диспетчеру с женским голосом адрес Бермудского Учпучмака, и ему ответили, что машина будет подана через минут 10-15.

Веселей шуршите, шины –
гости наши ждут машину!

Но вот наконец вернулся Афанасьич с пивом, и его встретили с каким-то недоверчивым удивлением. Так бывает часто: уходит человек, его долго не видят, и вдруг – будто встреча с мамонтом: считалось, что их давно и в природе-то нет, а он нате вам – живой! Сторож споро раздал каждому по бутылочке «Тянь-Шаня», а Батыршину и Митрохину – по «Маршалу», так как военный трубач постепенно начал приучать антенщика к более серьёзному напитку, себе же Полтавцев по традиции взял кислое и сильно отдающее стиральным порошком «Жигулёвское»

Мелкий дождик и не думал затухать, видимо, пока раздумывая, а не ударить ли по этой весёлой гоп-компании посильнее, но он всё-таки сделал своё тухлое дело, намочив серёжину курточку, отчего резко усилил запах, который мог называться запахом только в устах интеллигентного писателя. Литератор оглядел «одежду» охранника, потом принюхался и подумал: «Такого только бензином отмывать. Да и то опасно: от трения не исключена возможность самовозгорания!».

Коль бензином я воняю,
этим честь свою роняю!

Глава 133. ВЕЛИКИЙ ПОХОД (окончание)

– Подождите минутку, – попросил всех Володя и быстро побежал домой. И, действительно, уложился он именно в этот временнóй отрезок, так как точно знал, что ему надо взять с собой, и где это у него лежит. Вначале он споро переодел немного припотевшую

рубашку – на новую, цвéта увядшего жасмина, затем вытащил из специального ящичка с инструментами, которыми никогда не пользовался, плотный скотч, а уж потом изъял из кухóнного шкафчика литровую банку с плотной крышкой, завернул её в несколько слоёв газетной бумаги, а затем засунул в полиэтиленовый пакет с надписью «Менің туған елім[194] – Саксаулстан»

[194] Страна моя родная – сакс.

Наконец заказанный автомобиль прибыл – им оказался раздолбанный минивэн с неким кавказцем за рулём. Увидев его, все как один вспомнили козлевичский лозунг «Эх, прокачу!»

– Садысь! – со страшным акцентом пригласил кавказец, и все догадались, что он совсем недавно жил очень высоко – близ горы Эльбрус, а некоторые слова русского языка выучил по телевизору.

– I invite everyone to the phaeton![195]– перевёл кавказское слово писатель и распахнул дверцу минивэна.

[195] Приглашаю всех в фаэтон! – англ.

– Вперёд, товарищи! – воскликнул Курманбаев и, не дожидаясь, пока вернётся старший дудочник Батыршин, спровоцированный его невинным словом и побежавший в учпучмакские кусты, затянул походную песню молодых строителей коммунизма (б):

– Красное знамя над нами вьётся,
солнцу и празднику каждый рад,
юное сердце взволнованно бьётся –
идёт комсомол на октябрьский парад!

Марсианин тут же достал из кармана заранее припасённую изоленту и быстро заклеил ею рот Нуртая, потом с помощью Афанасьича завёл руки педагога за спину, с которыми проделал ту же процедуру, отчего Мусаич на глазах превратился в пленного бойца Красной Армии, только значительно откормленного.

И в этот момент дождик, видимо, вспомнив о своей назначенной ему *дедушкой* обязанности мочить всех без разбора, наконец-то пошёл сильнее – прохладный и жёсткий, как жесть, а пассажиры кавказского минивэна порадовались, что успели сесть в весёлую машину сухими.

– Ну, яйчики-бабайчики, ключ на старт! – увидев, что все наконец расселись по местам, дал команду старший группы.

– Ни магу, – ответил кавказец, – я иво уже в дырка под руль засунул!

– Итсит ту ара мисамарти? Тавдамскхмели![196], – перешёл на другой язык полиглот.

– К’арги![197] – отозвался водитель и нажал на газ.

[196] Адрес знаешь? Вперёд! – груз.
[197] Хорошо! – груз.

Не волнуясь, не горюя,
страшно толст и величав,
по-грузински говорю я,
сацибели заказав!

Уже в машине литератор с помощью опять-таки охранника освободил Курманбаеву руки, но вот рот пока оставил заклеенным. А теперь вспомни, мой читатель, как несколькими минутами назад Альбионыч брал в своей квартире некую таинственную баночку, а потом тщательно упаковывал её в плотный пакет. Именно сейчас выяснилось, что эта предусмотрительность была вовсе не лишней, так как любопытный педагог, освободившись от скотчевых оков, сразу сунул свой нос в пакет, откуда тут же его и высунул – с большим разочарованием, не увидев содержимого банки.

А, чтобы дорога не казалась слишком долгой, Кулемзин решил прочитать своим невольным попутчикам стишок под названием «**Хосе, Лучано и Пласидо**», и если в этом названии ты, читатель, уловил имена великих теноров двух веков, то ты не ошибся. Дело было в том, что водитель кавказского такси, начав движение, включил радио, по которому тут же зазвучал незабываемый концерт в Париже, состоявшийся пять лет назад – 10 июля 1998 года, и в котором принимали участие как раз эти три певца. А пели они тогда все вместе знаменитую неаполитанскую песню «Torna a Surriento»[198], написанную Эрнесто Джузепповичем Де Куртисом и его братом Джанбаттистой – тоже Джузепповичем. Именно эта песенка и звучала сейчас на полном ходу! Поэтому не удивительно, что некая басня в исполнении Володи, который дождался, пока итальянские певцы не замолчат, и прозвучала вначале в разгорячённом дорогой автомобиле, а сейчас – вот на этой странице 303.

[198] «Вернись в Сорренто» – ит.

Каррерас, Паваротти и Доминго
задумали втроём сообразить –
ну, в смысле, спеть втроём и поразить
весь мир своим прекрасным громким пеньем,
снискать всеобщую любовь и уваженье.
И вот на сцену троица выходит,
с неё биноклей публика не сводит!
Две тыщи музыкантов собралось,
сыграли *вступу.* Что тут началось!
Каррерас тянет вверх, Доминго сбился с такта,
а Паваротти – тот вообще молчит. Вот так-то...
А зритель словно и не замечает –
в ладоши хлопает, цветами в них бросает,
кричит халтурщикам и «Бис!», и «Браво!»

♠ ♠ ♠

Вот так всегда: одним цветы и слава,
другому – стоит лишь вполголоса запеть –
стучат соседи, просят не шуметь,
заткнуться требуют жена и дети...
Нет справедливости на этом свете!

– Маладэц! – неожиданно воскликнул водитель с роскошными кавказскими усами, обратившись к Альбионычу, и даже взмахнул руками, на мгновение бросив руль.

Володя опасливо отодвинулся от разбушевавшегося, как ему показалось, шофёра, и пробормотал что-то вроде «Вот как?», не зная, как реагировать на горячие слова усатого дальше.

– Харашо гаварыл, – между тем продолжал нахваливать его представитель рабочего класса одной из бывших советских республик, после чего признался:

– Я тоже одын басен знаю.

Причём, сделал это признание так горячо, что всем показалось, что сейчас, бросив *баранку*, он тут же взмахнёт суровым кавказским кинжалом.

– Вот как? – ещё раз полувопросительно проговорил писатель.

– Да! Да! – ещё горячее подтвердил водитель. – Это национальный грузынский басен «**Стрэкоз и Мурашь**».

Пил со мной один верзила,
я с ним тоже выпивал.
По-грузински говорил он!
Почему ж я понимал?

«Где-то я уже, святой Малевич, похожее название слышал», подумал Муравлёв, а Нуртай в это время, пользуясь всеобщим вниманием не к нему, потихоньку освободил себе рот от скотча.

– А рассказать нам можете? – поинтересовался Кулемзин и, на всякий случай, включил свой марсианский запоминательный центр *сссъъъхххъър* – для того, чтобы услышанное можно было использовать, например, в четвёртом томе «Русской кочерги»

– Канешна! – ещё более горячо воскликнул таксист и резко, как, наверное, и всё, что он делал вообще, остановил машину. Курманбаев, сидевший за передним сиденьем, со всего маха впилился в подголовник кресла и, потирая чудом не разбитый нос, спросил:

– А вы зачем остановились?

Таксист обернулся к педагогу, посмотрел на него, как на придурка, и, уже совершенно бесконтрольно махая руками, объяснил:

– Басен буду гаварыт. А когда я басен гаварю, машин ехат нэ хочет.

– А-а-а, – протянул Серёжа, удивившись тому, как же всё-таки отличаются формы жизни разных народов.

Кавказец приосанился, ещё раз взмахнул виртуальным кинжалом и в один дух выдал следующее:

– Папригуний Стрэказа,
абальделие глаза,
цэлий лэта толка пригаль,
водка жраль, нагами дригаль,
и работат нэ хатель, –
патаму и нэ вспатель!
А Мурашь завскладам биль,
в юрта он в мешках насиль
чай, урюк, кищмищ, хурьма –
гатавляльcя на зима!
А Стрэкоз над ним смеяль,
водка жраль, нагой балталь!
«Ти смеёшся пачему?»,
гаварит Мурашь ему,
«Скоро с неб вада летить,
где патом твая сидить?»
Стрэказа ха-ха запэль,
вдаль паслаль и улетель.
Скоро с неб вада пашоль,
Стрэказа к Мурашь пришоль:

«Вах! Салам! Мароз в степе!
Ти пусти мене к себе,
а пака на двор хана,
буду я тибе жина!»
А Мурашь анашкой пых:
«Твоя думаль, я кутых?
За лепёшка спат с табой?
Думаишь, я слонь тупой?!
Целий лето толко пригаль,
жраль арак, нагами дригаль,
не здаровался са мной!
Кель атсюда! Пестни пой!»

♠ ♠ ♠

В этай басен правда есть:
если хочишь вкусна есть,
лэтам нада рабата́ть,
а зимой нага балтать!

Затем, оставив обалдевших слушателей переваривать услышанное, кавказец ещё раз включил мотор, нажал на газ и поехал дальше, но до са́мого крыльца муравлёвского дома в машине стояло относительное молчание, так как невольные слушатели были до самых своих пропитых печёнок потрясены «национаалным грузинскым баснем»! И только когда автомобиль повернул на прямую, как солнечный луч, улицу ещё одного саксаульца Са́ина, где и проживал живописец, он (живописец, а не Саин) потихоньку разговорился со своим другом Васюханом. Они сидели, плотно прижавшись плечами, словно первоклассники в слишком многочисленном классе на школьной линейке 1 сентября.

Глава 134. СПОНТАННАЯ ЛЕКЦИЯ

И вот, когда кавказский автомобильчик свернул на финишную прямую, то есть улицу Саина, случился некоторый перерыв в движении. Оказалось, что здесь с утра какие-то рабочие, исполняя волю начальства, вырыли яму прямо посередине дороги и сейчас вытаскивали из неё старые проржавевшие трубы диаметром с Кулемзина, которые, по всей видимости, несколько веков служили для подачи горячей воды вначале в саксаульские юрты, затем в саманные постройки, а потом уже и в многоэтажные дома́. И тут стало ясно, что не только вперёд, но даже назад, чтобы объехать опасное место, возможности не осталось никакой, потому что за машиной с покерными попутчиками тут же образовалась очередь из таких же бедолаг. По старой шофёрской привычке, которую Володя заметил ещё тогда, когда ездил с водителем Сашей Дубровским, все машины, поневоле участвующие в процессе затора, начали гудеть на разные лады и регистры своих клаксонов.

Хоть и нет за мной погони,
но какой-то я тупой:
нажимаю на клаксон я –
раздаётся волчий вой!

Горячий кавказец заглушил мотор, выскочил из машины и побежал вперёд, чтобы узнать, когда же закончится это безобразие. К его счастью, выяснилось, что эти работы

велись уже целый час, и до их окончания осталось всего минут десять. И тогда Володя решил, что даже этот короткий временной отрезок надо использовать с умом, то есть прочесть попутчикам давно задуманную им лекцию – о том, как трудно создавать литературное произведение, если сразу запланировать сделать его гениальным.

В тыкве – супермастерская,
ведь писатель я большой:
хоть и быстро сочиняю,
но выходит хорошо!

Он объявил тему, призвал всех к тишине, и, несмотря на робкие попытки Мусаича дискредитировать намеченное, начал свой суровый рассказ.

– Во времена Диккенса, други мои, когда каждый роман издавали в трёх томах, чтобы увеличить оборот книг в великобританских библиотеках, читателя совершенно не утомляли подробности. Почему? – спросит меня Серёнька.

Валера тут же подтолкнул локтем Полтавцева, глазеющего в окно на ударный труд неведомых работяг, после чего Афанасьич повернулся к нему и спросил:

– Почему, мать честнáя?

– Да потому, мой крайне любопытный друг, – ответил писатель, – что тогда литература соревновалась не только с театром, но и с музыкой и даже сплетнями. Сегодня же автору, тем более, такому гениальному, как я, гораздо труднее. Например, однажды, когда я взялся сочинять для кино, сразу же оказались лишними все описания, к которым я привык, работая на бумаге. Экран, однако, показывал всё, что я мог сказать, отбирая львиную долю моего труда и ставя под сомнение мою незаменимость.

«В жизни не пойду в ёперные писатели!», содрогнувшись, подумал Салихдзяныч.

– Поскольку всякое соревнование с техническим прогрессом, – продолжил Володя, – так же безнадёжно, как состязание в силе с трактором, писатель просто-таки вынужден сократиться. Проигрывая в массе, литература выживает, лишь увеличивая удельный вес написанного, или, проще говоря, яйчики-бабайчики.

Без ненужных выкрутасов
я пишу тепло, светло,
увеличивая массу:
каждый том – по два кило!

– И это страшный путь, – горько проговорил Альбионыч и вновь дал знак художнику. Тот немедленно подтолкнул опять отвлёкшегося сторожа.

– Почему, царица лесная? – попугайски повторил Серёжа свой вопрос.

– Да потому, мой никак не успокаивающийся друг, что именно этот путь ведёт словесность к сокращению смысла: от романа – к притче, от драмы – к анекдоту, от монолога – к реплике, от рассуждений – к метафоре, от поступка – к жесту, от прозы – к стихам (как бы они ни назывались и чем бы ни казались).

«Да рогор кмнис мат?»[199], содрогнувшись, подумал кавказский водитель. «Цховребаши ар мивдивар поетебши!»[200]

[199] А как же он их сочиняет? – груз.
[200] В жизни не пойду в поэты! – груз.

– И именно стихи, – продолжил странное исследование марсианин, – стали бесценными именно тогда, когда искусство стало стремиться стать безразмерным и универсальным, словно фильм «Титаник»

«О чём это он, мать моя партия?», привычно-тоскливо подумал Курманбаев.

– Но если мы хотим понять другой язык, народ, его идеал и культуру, то должны прочесть чужих поэтов, – в ажитации воскликнул лектор, – ибо поэзия – от Гомера до «The Beatles» – это своеобразный спецхран сгущённой словесной материи!

Почему я так печален?
Почему себя браню?
Что за жизнь насочинял я,
это всё в мешках храню!

Глава 135. СПОНТАННАЯ ЛЕКЦИЯ (окончание)

– Все вы наверняка знаете, что рифма, ритм и грамматика меняют онтологический статус речи, – продолжил засерание мозгов Володя.

Но оказалось, что все те, о которых и шла речь в предыдущем предложении, энергично начали кивать головами, как бы соглашаясь: чего ж тут не знать? это нам ещё в детстве мама объяснила! Причём, писатель заметил, что вместе со всеми кивал головой и совершенно незнакомый ему человек, то есть водитель такси с неопознанной грузинской фамилией. И тогда писатель, чтобы не расстраивать тебя, мой читатель, просто придумал ему эту фамилию: Угунуришвили, что можно было бы перевести на русский примерно как Бесшабашнов.

Удивляясь, рот разинул –
как же истина близка:
знают русские грузины
сразу оба языка!

– Наверняка вы знаете и то, яйчики-бабайчики, – продолжал настаивать Кулемзин, – что в прозе является фактом, то в стихах – уже истина, тающая в переводе.

«Ну, вот это уже – полная хрень!», одновременно подумали 6 голов, но все 6 повторно закивали сами собой, как бы соглашаясь с «мудростью» лектора.

– Поэзия, – как-то в одной из бесед со мной безапелляционно заявил Роберт Артурович Фрост[201], – это всё, что утрачено в переводе. Отсюда следует, что только лишь пытаясь перевести стихотворение, мы понимаем, что, собственно, делает его непереводимым. Например, я впервые задумался об этом благодаря моему другу Сергеичу, которому за границей, кстати, до сих пор приходится тяжелее всех русских гениев. В Америке его знают понаслышке, в основном – по операм.

[201] Один из крупнейших поэтов в истории США, четырежды лауреат Пулитцеровской премии – прим. лит. редактора

«А это кто такой?», подумал Афанасьич.

«Да Пушкин же», подумал Муравлёв. «Не мешай слушать!»

– Став для иностранца автором óбразов и сюжетов, Сергеич вот уже два века сопротивляется переводу. Когда я услышал «Онегина» на английском, мне показалось, что декламатор перепутал тексты. Пушкинские стихи звучали как пушкинские письма: лёгкая, элегантная, остроумная проза. И это значит, что самый усердный перевод не способен, в чём всех убедил Набоков, передать на чужом языке ту недоступную толкованию простоту, за которую Пушкина боготворят русские. Для нас Сергеич *упразднял границу*, выделявшую Россию, но чужеземцу он (по обидному выражению, встречающемуся у того же Набокова) казался «русским шампанским»

Наверное, именно из-за этого тайна Пушкина по-прежнему остаётся достоянием избранных. Поэтому мне лично не удивительно, что в Нью-Йорке, скажем, лучше всего Сергеича знают… в Гарлеме!

Лектор горько замолчал, замолчали и поражённые слушатели. Наконец раздался несмелый голос охранника:

– Так что, царица лесная, я так и не понял: эти переводчики вовсе не нужны – пиши всякую хрень, потому что всё равно *в загранке* тебя никто не поймёт?

С другом мы с похмелья бродим –
в голове сплошной туман:
говорю по-русски вроде,
ну, а он не понима…

– Да нет, Серёжа, – тихо ответил Альбионыч. – Этот казус объясняет проблему, но не отменяет её: переводчик всё-таки нужен всем. Вспомни, что ведь и некоего Христа весь мир знает только в переводе. Например, я сам по гроб жизни обязан Пастернаку за Пóля-Мари Николяевича Верлена и Райнера Йозефовича Рильке, Эренбургу – за Франсуа Гийомовича Вийона, Вере Марковой – за хокку, которые в моей беспутной юности шли даже под туркменский портвейн «Чашма», и всем сразу – за старых китайцев, древних греков и вечных римлян. Правда, с американскими стихами сложнее: научившись сравнивать, я обнаружил, что перевод автоматически повышает их градус.

При слове *градус* одновременно вздрогнули все, кроме кавказского шофёра, так как тот просто не знал этого русского слова, ведь градус по-грузински звучал куда как экзотичнее: харисхи!

– Поэтому на выходе получается больше, чем на входе, – закончил литературоведческое исследование литературовед, – громче, что ли, выше, но и дальше от оригинала. Честный подстрочник – тоже не выход, он таким не бывает[202].

[202] Кстати, это так. Возьмём несколько строк, например, из романа в стихах «Евгений Оне-гин» того же Сергеича:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.

А теперь подстрочник этого четверостишия на английском:

The theater is full; the lodges shine;
Parterre and chairs - everything boils;
In Rayke impatiently splash,
And soaring, the curtain roars.

(Вот и пропал куда-то раёк – не знает английский язык такого слова!)
А теперь ещё раз – на русский:

Театр заполнен; домики сияют;
Партер и стулья – всё закипает;
В Райке нетерпеливый всплеск,
И парящий занавес ревёт.

(А тут раёк и вовсе превратился в некую русскую женщину!)
Чувствуете разницу?! – прим. автора

– А синонимы, святой Малевич? – приобщился к прекрасному художник.

– А синонимы, мой творческий друг, встречаются лишь в словаре, а в жизни и, тем более, в стихах, слова́ значат только то, что им нужно здесь и сейчас. Всякий перевод – это сознательный и мучительный выбор. Даже тогда, когда мы целимся ниже стихов и на них не претендуем, результат оказывается компромиссом между двумя языками и одним читателем. В данном случае – мной…

– Вах, кто эта? – наклонившись к Васюхану, спросил кавказец. – Балшой учоный, да?

– Нет, – честно ответил Митрохин. – Это очень большой учёный!

– Гтхов швилишвилебс![203] – подвёл конец лекции водитель на кавказском языке.

[203] ***Расскажу внукам! – груз.***

«В мире главное – наука»,
понял я и поседел:
расскажу своим я внукам,
как внезапно поумнел!

♠ ♠ ♠

В это время дорожно-строительные работы были закончены и наши герои благодаря усилиям кавказского минивэна наконец-то добрались прямо до муравлёвского подъезда, куда их – в знак признания большого человека – довёз грузин. Альбионыч рассчитался с ним, как говорят в соседней России, копейка в копейку, а сверху дал ещё 200 назарбаксов.

– За басен? – догадался кавказец.

– За нэво, – так же по-кавказски ответил Володя.

– Бери мой тэлэфон! – сунул ему в руку смятую бумажку водитель. – Будишь обратна ехат – звоны!

Глава 136. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (подъезд)

– Хорошо добрались, быстро, – одобрил поездку военный трубач.

– Да и поумнели немножко, – добавил антенщик.

– «С добрыми попутчиками и дорога короче», – раскрыв книжечку «Для му.мы.», прочёл старый трюизм Серёжа.

– Светлая дорога к коммунизму, – поправил его Нуртай.

Талгат тут же схватился за горло, как будто его начали душить, и привычно кинулся в кусты, растущие близ муравлёвского подъезда. Через минуту он вернулся к терпеливо ожидающему его коллективу, и все заметили, что Салихдзяныча заметно перекосило, как шхуну на крутой волне, поэтому игроки и сопровождающие какое-то время постояли молча, оглядываясь по сторонам, как бы давая прапорщику придти в себя.

Первым, что они заметили, было то, что возле са́мого подъезда росла старая берёза, которая со временем роста превратила ближайшую ко входу в дом огромную ветку в некий длинный и кривой сучок, похожий на нос Буратино с похмелья, существующий (сучок, а не нос), видимо, для того, чтобы со временем, прицелившись, выбить чей-нибудь пьяный любопытный глаз.

Торчит таинственный сучок,
как символ вспрянувшей природы,
как данный нам в наказ значок,
что понемногу наши годы

ползут неспешно, как жучки,
и превращаются в сучки...

Затем, ещё раз оглядевшись, они заметили, что все увиденные ими дома́ в валерином микрорайоне были так похожи друг на друга, что в адресах путались даже тараканы, которые в своих ночных делах частенько забега́ли не туда, куда их приглашали чёрные и рыжие сородичи.

И всё же настало время вступить в провал подъезда. Страшно скрипнула раздолбанная входная дверь, и гостей внука святого Малевича тут же окутал какой-то катастрофный сумрак, ибо у каждого подъезда в Отцеябловске в описываемый нами год была одна и та же болезнь – постоянно перегорающие лампочки Ильича I. Володя, поражённый этой мыслью, даже остановился, что вызвало некоторый затор в общем движении, но решил зафиксировать этот факт в своей памяти. Он нажал в голове виртуальную кнопочку *safe* и поместил в специальный файл вот такую мысль: «Подъезд был тёмным, как неграмотный крестьянин. В нём (подъезде, а не крестьянине) пахло проросшей картошкой и классовой ненавистью»

Говорил подруге бездарь:
«После нашенских женитьб
я боюсь в таких подъездах
не ходить, а просто жить!»

Затем гости, поднявшись на этаж выше, где было не так темно, так как в межэтажном проёме было прорублено небольшое оконце, дающее несколько *люксов* света, обратили внимание на панели буро-зелёного гостиничного цвета. И почему-то никто не удивился, когда увидел, что эти панели, как это и было принято в суверенной Саксаулии, оказались исписанными названиями смешных местных футбольных команд и не менее смешных саксаульских рок-групп, и, кроме того, маловразумительными воззваниями типа «Бей жидов, спасай евреев!» и откровенной похабщиной с анатомическими подробностями. «Впрочем», подумал единственный философ в компании, и мой внимательный читатель, несомненно, угадает, кто именно, «у каждого есть право на свободное падение в бездну бесконечного подсознания…»

Надо сказать, что здесь путешествующих по этажам настигли также и некие запахи, которые автор, который с детства отличается крайней брезгливостью, даже не стал идентифицировать, но, чтобы не вводить читателя в заблуждение, всё-таки решил предоставить ему некий творческий отчёт об этом, как говорят умные учебники, специфическом ощущении присутствия в воздухе летучих пахучих веществ, обнаруживаемых химическими рецепторами обоняния, расположенными в носовой полости животных и людей, или, проще говоря,

О запахах

Ещё заметил Казимир,
оставив кисть свою во мгле:
как странно пахнет этот мир,
погрязший в радости и зле.
Здесь пахнет гордостью полёт,
за коий платят медяки,
а из того угла несёт
миазмом счастья и тоски.

Вынóсишь запах ты с трудом
того, кто делает укол,
младенцем пахнет новый дом,
и свежей краскою в нём – пол.
Мне аромат дарует мирт
и краска с цинком на рубле –
как странно пахнет этот мир,
в любви погрязший и тепле…

Обозрев наскальную живопись, Полтавцев дёрнул за рукав Муравлёва.

– Ты рисовал, мать честнáя? – бесцеремонно поинтересовался он, сразу же поставив Валеру в трудное положение – потому что один раз, правда, с большого бодуна, живописец, поминутно озираясь, не выглядывают ли на лестничную площадку соседи, написал синим баллончиком вот такую высокохудожественную надпись:

Если я повешусь сегодня,

кто завтра заплатит за газ!?

– Нет, не я, – всё же признался художник, и было видно, что такой ответ не понравился гостю – сейчас на лице Афанасьича было вкратце изложено иное мнение о жизненных ценностях.

Вы не слушайте брехню
обо мне, как типе:
в жизни больше я ценю
то, что можно выпить!

Глава 137. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (прихожая)

Попав в ареал проживания художника, гости почувствовали себя неважно ещё до входа в квартиру – со всех сторон их сейчас окружали микрорайоновские домá, представляющие уродливые ящики цементной архитектуры. Остановившись перед дверью на третьем этаже, где и проживал саксаульский рембрандт, гости вначале обозрели входную (в данном случае) дверь. Было видно, что она уже давно потеряла былой рельеф, заложенный в неё неведомым Генеральным Конструктором Советских (б) Дверей – из-за немыслимого количества слоёв краски, нанесённых на невинную фанеру производства Отцеябловского фанерного комбината.

Валера, позволив пришельцам насладиться этим зрелищем, коротко зазвенел какими-то железяками, отчего всем показалось, словно прямо здесь, на крутом вираже, проехал игрушечный трамвай. Наконец он (Валера, а не трамвай) достал из кармана два ключа, представляющие собой большие *лепестки* – похожие на те, что носили в старину тюремщики Бастилии.

– А почему два, йодистые ключи? – тут же спросил его любопытный трубач.

– На всякий случай, – привычным объяснением объяснил квартировладелец. – Если вдруг один потеряю.

Это была загадка похлеще той, кстати, до сих пор неразгаданной, кем же всё-таки были гиксосы – кочевые племена, властители пустынных нагорий, вторгшиеся в Египет около 1700 года до нашей эры? А загадка заключалась в том, что оба железных гиганта висели на одном колечке, и как потерять один, чтобы при этом остался второй, представить было совершенно невозможно!

Любой из вас наверняка
хотя бы раз, хоть на немного
под коврик прятал от замка
дверного ключ, идя в дорогу!

Не смазываемый много лет замóк издал хрестоматийный скрежет темницы, и наконец дверь со скрипом, похожим на песенный стон, растворилась, впуская в нутро жилья непрошенных Муравлёвым гостей. И тут хозяин покачнулся, как от ипритного удара в голову, так как её внезапно пронзила страшная в своей очевидности мысль: «А вдруг Наташа, уходя к маме, забрала всю еду?». Но потом, вспомнив, сколько припасов припасено в доме, успокоился, ведь их было столько, словно хозяйка, прослушав сообщение по радио о начале войны, 16 раз подряд сбéгала в магазин, закупив там *на все* макароны, пшено, гречку и другие крýпы, а также не меньше чем 200 банок тушёнки, кильки в томатном соусе и баклажанной икры.

Хозяин дома был переполнен энтузиазмом

– Добро пожаловать в мои шпинаты! – радушно пригласил он, сделав какое-то круговое движение, видимо, символизирующее гостеприимство, но попал по уху Нуртая. «Отомщу!», подумал педагог. «Найду что-нибудь припрятанное – и сожру один!»

Войдя в квартиру, Альбионыч остановился и осмотрел тесное помещение, называемое в приличных домах прихожей, как полководец осматривает на рассвете ещё мирное, покрытое парны́м туманом поле, которое через несколько часов будет завалено окровавленными телами и искорёженным металлом. Затем он отметил, что данная прихожая была тёмная, как в общественной бане. Бросался в глаза и низкий, в стиле развитóго социализма, потолок. Под потолком с весёлой верой в будущее плодились паучки, увеличивая своё поголовье в тригонометрической прогрессии.

Увидев паучков, писатель Кулемзин, а в данный момент поэт, тут же вспомнил свой давний стих, в котором он как раз встретил вот такого паучка. И жалко будет автору, если его читатель не ознакомится с этим несомненно выдающимся произведением.

Встреча по имени Случай

Я жил, как все, пока вчера
случайно в светлом переулке
под треск осеннего костра
не разглядел на штукатурке
старинного особняка,
что переулок этот прятал,
таинственного паука
в сутане чёрного аббата.
Чем мог привлечь меня паук?
Их видел множество дотоле,
но только этот – многорук,
привлечь собою соизволил.
Он что-то ткал и песню пел,
и я прекрасно это слышал,

от звуков этих онемев,
как кот, проснувшийся на крыше.
Зачем я на него смотрел?
Зачем задумался о бренном?
Но вот паук своё отпел
и замер на углу смиренно.
Я молча зрил на паука,
терпением произрастая,
и только знал наверняка,
что жизнь теперь пойдёт иная…

Разувшись первым, почётный гость по фамилии Полтавцев неожиданно представил хозяину и остальным гостям видеоряд своих носков, один из которых когда-то был красного цвета, а в другом угадывался остаток зелёного.

– А здесь ничего, уютненько, – прищурившись, произнёс он (Серёжа, а не носок). – Вот только, царица лесная, машинки для чистки кедов не хватает…

Пол в квартире был покрыт как бы паласом цвета пыли, впрочем, при ближайшем рассмотрении это и оказалось пылью – как минимум трёхдневной давности. Валера покраснел и вспомнил, как он много раз просил Наташу помыть пол или, в крайнем случае, пропылесосить, на что она отвечала, что не нанималась, а он не знал, как на это ответить, и только злился. А теперь вот этот *косяк* вылез наружу и чрезвычайно опечалил квартировладельца.

Талгат в это время потрясённо смотрел на стенки, словно на них были изображены не какие-то цветные пятна, которые хозяин высокопарно называл картинами, а как минимум фрески самогó Микеланджело Лодовиковича Буонарроти. Он вспомнил, как три дня назад гостил в квартире Афанасьича[204], и сейчас понял, что жильё Валеры и Серёжи отличаются друг от друга, как американские наряды Жаклин Джоновны Кеннеди от москвошвеевских платьев Нины Петровны Хрущёвой.

[204] Об этом жильё рассказано в первом томе романа «Русская кочерга», в главах 312-349 – прим. гл. редактора

Визит казался им спартанским,
ведь разным женский был объём:
Жаклин была в американском,
Хрущёва же во всём своём!

Здесь и другие гости, разувшись и толкаясь, как на отцеябловском Зелёном базаре, заметили, что уже начиная с прихожей, по всему дому висели картины, правда, не было среди них ни «Вала № 9»[205] Ивана Айвазовского, ни «Наёмных рабочих, тянущих при помощи бечевы речное судно против течения на Волге»[206] Ильи Репина, ни даже «Веточки невысокого дерева из рода слива семейства розовых в стеклянном сосуде без ручки»[207] Кузьмы Петрова-Водкина.

– That’s a picture![208] – воскликнул Полтавцев, увидев на стене муравлёвскую абстракцию под названием «Причина невозможного № 401»

[205] Что за художественные вольности! Призываю редколлегию издательства поставить автору на вид! Первая описанная им картина называется «Девятый вал» – прим. худ. редактора
[206] «Бурлаки на Волге» – прим. худ редактора
[207] «Черёмуха в стакане» – прим. худ. редактора
[208] Что за картина! – англ.

Холст дышит сам.
Едва сойдя с мольберта,
тебе уже он не принадлежит –
любая красота легка и смертна,
но время, как речной песок,
бежит…

– Зачем ты так? – огорчился художник, не знавший этого иностранного языка, а знавший только один – язык свободного творческого общения с Вечностью.

– Художник Мудильяни? – поинтересовался Афанасьич.

– Нет, святой Малевич, это я нарисовал, – ещё раз покраснев, признался хозяин.

– Так ты что, фамилию поменял?

Правда, объективности ради, надо отметить, что для Серёжи любая картина была тёмный лес, даже если на ней было изображено море.

В целом же в квартире, недавно лишившейся хозяйки, царил такой бардак, что, казалось, тут только что сделал перестройку какой-нибудь горбачёв. В доме было тихо и скорбно, как в подземелье. Сходство усиливал тонкий и жалобный вой, доносившийся из кладовки, где, по предположению неоднократно бывавшего здесь Володи, ещё с зимы метался попавший в какую-то ловушку домовой.

Увидев, что гости до сих пор толпятся в прихожей, Николаич, который и в этот раз не знавший, что сказать, вновь взмахнул рукой, как бы призывая гостей оценить своё жилище, после чего произнёс:

– Короче, нормально живу…

Я живу в своей квартире,
а стреляю только в тире!

Глава 138. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (квартира без кухни)

Так как со времени нахождения в валериной квартире народу прибавилось, то почти сразу стало ясно, что дышать в условиях закрытых окон становится просто невозможно. Хозяин решительно подошёл к окну, раздвинул тюлевые занавески прошлого века и также решительно рванул форточку. В комнату тут же проник шум дождя, который к тому времени разыгрался не на шутку.

За окном разрасталась настоящая гроза: вода шумно стекала по стеклу, делая его похожим на отлитое неизвестным мастером произведение, превращая очертания вне дома во влажный и сонный мираж. Косматые тучи вели себя, как герои учебного документального фильма из жизни амёб – они очень медленно двигались по небу, но при этом умудрялись размножаться.

О, сколь просторен мне и дивен,
и как чарует влажный блеск
того, что мы зовём как ливень –
чудесный дар пустых небес...

Альбионыч был счастлив: непогода прекрасно гармонировала с его обычным настроением, и, как он наивно полагал, с настроением большинства живущих на этой планете людей, хотя нет, даже не с настроением, а с их внутренней экзистенциальной сутью. В небе под аккомпанемент грома вспыхивали изломанные молнии – видимо, именно так *дедушка* развлекался с природной цветомузыкой, слушая сейчас композицию группы

«Black Sabbath»[209] под названием «Paranoid»[210] из одноимённого альбома 1970 года. Он (Альбионыч, а не *дедушка*, хотя, наверное, и *дедушка* тоже) словно воочию услышал прекрасные строки чудесной песни:

Finished with my woman, 'cause she couldn't help me with my mind!
People think I'm insane because I am frowning all the time?
All day long I think of things, but nothing seems to satisfy,
Think I'll lose my mind, if I don't find something to pacify,
Can you help me occupy my brain?
Oh, yeah! [211]

[209] «Чёрный шабаш» – англ.
[210] «Параноик» – англ.
[211] Я покончил с моей женщиной, она мне мешала думать!
Люди думают, что я псих, сколько ж можно брови хмурить?
Я весь день погружён в мысли, всё вокруг меня плохое,
скоро я с ума сойду, коль не найду покоя!
Ты поможешь обуздать мой мозг?
О, да! – англ.

Писатель вышел на муравлёвский балкон, глотнул разом посвежевшего воздуха, подставил руку под бешено бьющие капли и посмотрел вниз. Увиденная картинка поразила его: под балконом стояли две дамы разного возраста, но похожие друг на друга тем, что обе были под зонтиками. Первая из них, видимо, вышла из дома ещё тогда, когда грозы не было, потому что была под так называемым солнечным зонтом, а вот вторая – под таким же предметом, но уже дождевым. Знатный поэт двух веков покопался в памяти и всё-таки вспомнил замечательную картину Клода Адольфовича Моне «Женщина под зонтиком», которую живописец наваял в 1875 году, и тут же придумал небольшой стишок, чтобы сначала навсегда закрепить в памяти увиденное, а потом вставить его (стишок, а не увиденное), например, в четвёртый том «Русской кочерги», скажем, в главу 138 или в какое-нибудь другое место.

Природа нас оклеветала,
поведав, что вся жизнь – борьба!
Так чем нам солнце помешало,
и уж тем более – вода?!
И в этой всем знакомой ска́чке,
что с детства объяснила мать,
наивно мы под зонтик прячем
всё то, что до́лжно нам внимать!

Марсианин зашёл с балкона обратно и увидел не менее странную картину: видимо, в ожидании обеда по квартире мигрировали пять человек – четверо гостей и хозяин. Муравлёв физически не мог следить за всеми сразу, поэтому решил уделить особое внимание жуликоватому педагогу, который, было видно, страшно этому злился, потому что на са́мом деле хотел положить в карман штанов какой-нибудь скромный сувенир на долгую память – монетку, купюру, колечко или, на худой конец, кисточку. Но ничего подходящего пока не находилось.

«Ничего», решил Курманбаев, «вот доберусь до кухни, а там посмотрим!». Это было, конечно, странным решением, так как кухонные сувениры съедались голодными гостями на раз!

Кулемзин тут же присоединился к квартирным мигрантам и стал делать первые выводы. Правда, впечатление было как при чтении фантастического романа: словно он шагнул в чёрную дыру – и тут же оказался на другой планете! Первым, что его поразило, был раздвижной стол – детище первых пятилеток. Такие столы появились в СССР (б) не случайно, так как только в одной стране мира для жилья своих граждан государство выделяло такие маленькие клетушки, что большие столы, сделанные специально для графских за́мков, например, Великобритании, в советские игрушечные квартирки просто не вмещались, а праздновать всякие даты большим количеством людей здесь так и не разучились, вот и приходилось в экстренном случае просто раздвигать такие столы, увеличивая количество участников сабантуя от четверых до шести-восьми-десяти-двенадцати человек!

Чтоб все гости ели-пили,
рюмка чтоб была горька,
стол развинув, усадил я
сразу целых два полка!

В углу на старенькой тумбочке стоял битый жизнью телевизор «Электрон» – с так называемым гетеродином. Никто в СССР (б) не знал, что это такое, но зато: а) все знали это учёное слово, и б) знали, что без гетеродина телевизор показывать не будет.

Хозяин решил не скаредничать на электричестве и включил сомнительный аппарат. Через пару минут на его экране жутким химическим колером засветились краски, в которых нечеловеческим напряжением ума можно было опознать синюю, жёлтую и красную, или, как выражаются наиболее продвинутые живописцы типа Харменса Харменсовича Рембрандта, кобальт, крон и кармин. Альбионыч пригляделся к «Электрону» и понял, что тот является ровесником пиночетовского[212] путча 1973 года. На третьей минуте работы все краски неожиданно пропали, после чего телевизор стал работать исключительно в чёрно-белом режиме.

[212] Аугусто Аугустович Пиночет – чилийский государственный и военный деятель, пришедший к власти в результате военного переворота 11 сентября 1973 года – прим. ист. редактора

До сих пор для нас сюрпризен,
но поистине святой,
чёрно-белый телевизор
в детстве всё же был цветной!

Полтавцев подошёл поближе, со всех сторон оглядел аппарат и даже на всякий случай понюхал его, после чего спросил у хозяина:

– Валера, так он у тебя что – не УПИМЦТ, что ли?

Художник дико оглянулся, подумав, что сейчас с похмелья ему почудилось, что за его спиной стоит дотошный призрак, интересующийся каким-то уфимцем. Но за спиной никого не было, а вот впереди себя он увидел сторожа, губы которого шевелились в очередном вопросе:

– Ты что, призрака увидал?

– Серёжа, оставь Николаича в покое, – предложил Володя. – У него и так сложное междуна… тьфу, семейное положение, так что отвечу тебе я. Нет, отвечаю тебе я, это не Унифицированный Полупроводниково-Интегрально-Модульный Цветной Телевизор, а гораздо более худший аппарат для просмотра бразильских сериалов. Правильно?

Живописец ещё раз на всякий случай оглянулся, решив, что и эта страшная фраза ему тоже почудилась, но за спиной опять никого не обнаружил, и поспешно кивнул головой: мол, да.

Затем телевизором заинтересовался прапорщик Батыршин – он был голоднее других, и ему, как никому другому, надо было сейчас отвлечься от мыслей о еде. Покрутив какую-то ручку настройки, он увидел, как на пыльном экране засуетился «великий сыщик» Коломбо, с видом полнейшего идиота загоняя очередного преступника в тщательно подготовленную ловушку. С этим западно-германским сыщиком и российский, и саксаульский зритель познакомился только потому, что центральные каналы заплатили за этот убогий сериал производителям в четыре раза дешевле, чем, например, за американский документальный long play[213] о происхождении Вселенной. При виде Коломбо военного трубача внезапно затошнило, как от Нуртая, и он поспешно выключил телевизор, переключив своё внимание на картины. Правда, картины ему тоже не понравились. И вот почему.

[213] Дословно: долгоиграющий – англ.

Художника обидеть каждый
готов, сказав, что это бред,
а это, может быть, «Квадрата
немного чёрного» портрет!

Глава 139. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (квартира без кухни, продолжение)

По стенам творческой квартиры, действительно, там и сям висели многочисленные картины – и собственноручно наваянных хозяином дома, и подарки неизвестных саксаульских художников, и плюс непонятно откуда взявшихся, в том числе несколько абстрактных, лет 40 назад способных довести какого-нибудь Никиту-кукурузника до нервного поноса. А не понравились они Салихдзянычу по причине непонятности сюжетов: на всех почему-то были какие-то линии – где плавные, где прямые, а где и вовсе кривые – кислотного фиолетового цвета.

– Не нравится? – поинтересовался Муравлёв.

– Нравится, нравится, – быстро соврал татарин, испугавшись того, что, обидевшись, художник может не дать ему еды.

– Подарить что-нибудь? – неожиданно расщедрился хозяин, подтвердив тем самым неясные предположения гостей о его так и не унявшемся сильном похмелье.

– Не надо, – выдавил из себя Талгат, – я же всё равно в этих ёперных картинках ничего не понимаю…

Бесчинства творятся в искусстве!
Художники так обнаглели:
уже инсталлируют мусор
на выставках в арт-галереях!

«А не подарить ли какой-нибудь мой шедевр Володе?», подумал Муравлёв. «Умру я, скажем, от белой горячки, а он посмотрит на мою гениальную картину, вспомнит меня и заплачет…»

«А, может, лучше наличными?», в ответ подумал Альбионыч. «Хотя, сегодня, наверное, с этим у нашего хозяина туговато…»

Но денег у Валеры не было, и поэтому в качестве первоначального взноса он всё-таки снял со стенки и подал марсианину свою новую работу, которую наваял неделю назад, но так и не оценённую его женой Наташей.

– Вот, это тебе, Володя, – произнёс он, вызывая страшную зависть у Мусаича, который любил халяву всего на 1 процент меньше, чем марксизм-ленинизм.

– Merci, mon vieux[214], – растроганно произнёс писатель, смахивая виртуальную слезу, а затем ещё одну, после чего внимательно оглядел подарок.

[214] Спасибо, старик – фр.

Это был натюрморт, на котором были изображены полупустая бутылка с мутным напитком, гранёный стакан с обгрызенным краем, полбуханки чёрного хлеба и вскрытая варварским способом консервная банка с мелкорыбьим содержимым. Но особенно выделялись на нём (натюрморте, а не стакане) не напитки, а корочка хлеба с положенными на него не натёртого, как обычно, а тщательно нарезанного корня хрена.

«Явно с натуры рисовал», заглядывая Альбионычу через плечо, подумал Афанасьич.

И мастер завершил своё творенье!
Стоял я тихо за его спиной
и думал, не скрывая восхищенья:
«Какой же хрен красивый и большой!»

Правда, никто из присутствующих не догадывался, каких трудов стоила эта работа, ведь натюрморт был замечателен не только своей идеей, но и одним трагическим фактом: на самом деле бутылка, с которой делался рисунок, была пустой, и Муравлёву пришлось приложить всё воображение, чтобы представить её хотя бы полной наполовину!

Увидев картину, писатель, как тонкий знаток живописи, сразу же предположил, что художник работал над ней (картиной, а не живописью, хотя и над живописью тоже) явно в реалистичной манере раннего Шилова – потому что обгрызенные края́ стакана, которые уже не раз отмечал бывавший в гостях у супругов Володя, да и другие предметы, вполне-таки олицетворяющие русское национальное самосознание, получились на холсте как живые.

– Без названия только, – виновато пробормотал Муравлёв, пожимая плечами.

– Почему же без названия? – пристально поглядел на его работу гость. – Назовём его так: «Натюрморт ежедневный. Экстраполяция № 6»!

Однажды живописца дёрнул чёрт
писать для ресторана натюрморт.
Не дописав тарелку с ветчиной,
он захлебнулся собственной слюной!

– Гениально, Володя! – зашёлся в комплименте Курманбаев. – Какой ты всё-таки талантливый. Талгат, куда же ты?

Но все, кто был сейчас в комнате, да и мой читатель наверняка тоже, конечно же, знали, куда (а, главное, зачем) стремительно удалился Салихдзяныч.

Здесь литератор вспомнил, сколько картин ему уже подарил Николаич, и ему стало немного стыдно. «Надо бы ответку изобразить», сокрушённо подумал он. «Нарисую-ка я на днях какую-нибудь картинку и подарю её Муравлёву, тем более что совсем недавно я приобрёл по случаю новые китайские фломастеры. Умру я, скажем, от чёрной меланхо-

лии, как многие гении, а он посмотрит на мою картину, вспомнит меня и заплачет…». А назову её так: «Левое яйцо Карла Густавовича Фаберже, оторванное у него для празднования пасхи»

А закончить эту главу придётся длинным стихом, но не думай, мой читатель, что всё это просто так: перед этим между гостями неожиданно разгорелся спор, в какой манере писания, или как выразился Васюхан, рисования, лучше всего изображать голых женщин, причём, спор этот возник совершенно на ровном месте – без всякой причины, но сама заявленная тема почему-то была встречена участниками дискуссии крайне горячо. И вот тогда Кулемзин и предложил некую (прости, русский язык!) персонификацию живописного искусства под названием

Кто как пишет

Если видишь: на картине
нарисованы часы,
но они из пластилина,
и висят там, как трусы,
слон и коник с ножкой длинной
затерялися вдали, –
обязательно картина
нарисована Дали.

Если видишь на картине
(хоть не пил ты ни разá)
россиянам всем родные
и знакомые глаза,
на любой портретной роже
всё один лишь человек,
что на Путина похожий,
знай, – конечно же, Ван Эйк!

Если видишь: на картине
нарисован целлюлит,
от которого мужчина
без оглядки убежит,
все раздеты и развратны,
и как будто банный день,
всем, конечно же, понятно –
это Рубенс, ясен пень!

Если видишь: на картине
много чёрных томных глаз,
всякий юноша невинный
смотрит, словно педераст,
женщин нету и в помине,
только парни правят бал,
обязательно картину
Караваджо написал!

Если видишь: на картине
много разных мужиков,
лица вытянуты сильно,

словно сплюснуты с боков,
все ужасно очень длинны,
что ни рожа – то овал,
обязательно картину
ту Эль Греко написал.

Если видишь: на картине
всё совсем наоборот,
всё приплюснуто так сильно,
и приземистый народ,
словно карлики и гномы,
коренасты и грубы,
этот почерк нам знакомый –
то Веласкеса труды!

Если видишь на картине
ты похмельный страшный бред:
звери разные, чудные,
тех, что не было и нет,
много всякой разной хрени,
словно мошки мелкой дым,
всем понятно без сомненья, –
это Босх Иероним!

Глава 140. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (квартира без кухни, ещё одно продолжение)

Но это, разумеется, было не всё, что увидели гости творческой квартиры – до их *капитального* захода на кухню, куда они стремились не только с целью пожрать, но и попить немного пивка, потому что предусмотрительный Володя, войдя в художественное жильё, сразу же отправил Валеру поставить волшебный напиток в холодильник, а свою персональную бутылочку «Тянь-Шаня» так даже в морозильник!

Пиво, что тебе принёс,
срочно помести в мороз!

А увидели они следующее. Во-первых, на стене так называемой большой комнаты, которую Муравлёв по старинке называл залом, а Муравлёва – салоном, висел ковёр – толстый от пыли, как валенок, поэтому его яркие цвета́, когда-то радовавшие глаз, теперь радовали только пылевых клещей. Во-вторых, между ковром и телетумбочкой на стене висел некий странный календарь, который был открыт на странице 31 апреля.

– Ёперный Валера, – заметив безобразие, обратился к хозяину музыкальный прапорщик, – такого же числа не бывает!

– Эх ты, – попенял ему грамотный Полтавцев, – а ещё человек с незаконченным военным образованием! Ты, Талгат, просто не обратил внимание на то, что этот календарь – не нашего года, а прошлого.

– И что, яйчики-бабайчики? – улыбаясь, поинтересовался марсианин.

– А то, что в прошлом, не то что в будущем, всё бывает не так, как в настоящем, – популярно объяснил ему сторож.

О времени раздумья скудны –
не видно нам его корней.

Коро́ток путь любой секунды!
А, впрочем, вечность не длинней…

В третьих, с особым волнением гости обозрели места́ ночлега супругов – наташину кровать в спальне и валерин диван в зале. Женская кроватка была аккуратно застелена и увенчана четырьмя подушками разного размера, положенных друг на друга *в головах*. При их виде всем почему-то пришли на память пошлые китайские фарфоровые слоники, выстроенные *по ранжиру*, которые стояли на комодах практически в каждой советской (б) квартире – на так называемое счастье.

Магический символ терпенья,
могущества, силы, любви...
Фарфоровый слон на комоде –
его ты на счастье храни!

Гораздо хуже выглядел мужнин диван, от которого явственно попахивало перманентным похмельем и ночными страхами. Этот предмет мебели был весьма сноровистым и хватал пружинами за штаны всякого теряющего бдительность. Поперёк дивана валялась несвежая постель – истерзанная так, словно художник, который должен был на ней почивать, не спал, а всю ночь искал в матраце несуществующие бриллианты.

В углу, рядом с диваном, пылились старенькие рваные кеды, которые своим внешним видом, казалось бы, подчёркивали, что они прошли не одну сотню огненных вёрст, причём, левый обувной причиндал оказался и вовсе без шнурков. Здесь же, только с другой стороны дивана, стояли два стула, в позапрошлом веке называвшиеся венскими, а сейчас просто *старыми саксаульскими*. На одном из них висел бинокль, причём, при его виде Николаич страшно удивился, потому что сегодня утром этого столь необходимого в быту предмета здесь не было. Видимо, повторялась история с прибавлением вещей в квартире похмельного обер-корнета. А единственный в этой компании поэт тут же вспомнил стишок далёкой юности под нехитрым названием

Бинокль

В глазах – прицельность Цейса[215]
и ясность лучших линз,
но, как в глазах младенца,
всё – головою вниз:
и облака́, и горы,
и тёмные леса,
и *дедушка*, который
тихонько пас гуся…

[215] Карл Фридрихович Цейс – всемирно известный немецкий инженер и производитель оптики – прим. тех. редактора

На спинке второго стула висел когда-то белый костюм живописца.

– Ты что, царица лесная, в театре подрабатываешь? – поинтересовался Серёжа.

– Да нет, – отверг вздорное предположение хозяин. – Это ещё *свадьбошный*!

– А я-то думаю, почему не фрак? – сделал ещё более вздорное предположение любопытный охранник.

Валера обошёл стул кругом, напряжённо думая, зачем Наташа вытащила фрак из шифоньера. И, конечно же, он не мог додуматься до такой идеи, которую придумала его

супруга: однажды она нашла в кармане свадебных штанов его старую заначку, но так как знала, что в состоянии ежедневного похмелья Муравлёв никогда о ней (заначке, а не супруге) не вспомнит, решила там её и оставить. И вот сегодня она как раз и пригодилась: если мой читатель помнит, для поездки к маме на такси – ещё в главе 38 этой толстой книжки.

Мои штаны к жене попали в руки –
заначке можно передать привет:
я не люблю, когда мне лезут в брюки,
особенно когда меня в них нет!

В-четвёртых, рядом с диваном гостями был замечен шифоньер, мало чем отличающийся от подобного предмета интерьера в квартире Афанасьича[216]. В его приоткрывшуюся дверцу случились сразу два виде́ния. Откуда-то сверху свисал хозяйский галстук, но такой страшно неутешительной расцветки, что даже при советском дефиците (б) он провисел бы в галантерейном магазине ещё несколько лет, если бы не был куплен художником совершенно случайно сразу по двум причинам – первой получки в отцеябловском Гороформлении[217] и пьяного куража по поводу этой получки. Внизу же гостями была опознана торчащая из кучи тряпья пятнистая штанина, похожая на фрагмент оголодавшей анаконды.

Остаётся только добавить, что остальная мебель была в том же аварийном состоянии. Альбионыч, отмечая острым писательским взором всё увиденное – для будущих глав своего великого романа, подумал о том, что валерин *пентхаус* навевал ему атмосферу хиппи шестидесятых годов. «Сюда бы пару ржавых раскладушек, трёхлитровую банку для окурков, фотографию Билли Билловича Айдола[218] на стенку – и можно жить!», подумал он. Впрочем, такая банка вскоре отыскалась – только на кухне.

[216] Об этой мебели – в главе 319 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора
[217] Об этой организации – в главе 123 первого тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора
[218] Британский рок-музыкант, подлинное имя которого Уильям Майкл Алберт Броуд – прим. муз. редактора

Я вспоминаю в пьяном хрипе,
как был весёлым, молодым!
Куда девались наши хиппи?
Какой развеял хиппи дым?

Глава 141. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (квартира без кухни, окончание)

– А чего его твоя жена не погладила? – неожиданно озаботился проблемой костюма муравлёвский друг Митрохин.

Валера не знал, что на это ответить, поэтому горько пробормотал какую-то ерунду:

– Да я со своей Наташей вообще не спорю. Каждый раз чувствую, что её аргументы громче. К тому же, ты знаешь, какой у неё вес…

Смотрю я фотки с детской вечеринки:
хотя у всех похожий гардероб,
все девочки – снежинки как снежинки,
и только Муравлёва – как сугроб!

В это время все непроизвольно вздрогнули, потому что недавно выключенный старшим трубачом телевизор вдруг самопроизвольно включился, но, к счастью, на каком-то спортивном канале. А к счастью – потому, что хотя Володя и не любил массового спорта, но здесь показывали какой-то московский турнир по русскому бильярду, хотя с появлением в его жизни снукера русский бильярд тут же стал для Альбионыча неактуальным. И только Кулемзин было вознамерился немного посмотреть, как двое мужиков лупцуют киями по *строгим* лузам, как подскочивший к телевизору охранник, который больше всего на свете после водки любил футбол, вновь выключил его (телевизор, а не футбол). Писатель только открыл рот для произнесения возмущённого спича, как его опередил тот же сторож:

– Володя, не надо, мать честнáя, ведь нам уже порá!

И писателю стало стыдно: он, как и все остальные присутствующие, понял, что означают эти словá. Порá было выдвигаться на кухню – стройными рядами и колоннами!

С рожами зелёными
мы идём колоннами!

Да, и кстати, чтобы не забыть: все и́гры в русский бильярд – и американку, и московскую, и даже недавно придуманную невскую пирамиду, чтобы не запоминать такие мудрёные словá, Серёжа называл значительно проще – *шарóм покати*.

Оставалась посетить только одну комнатку, которую перед походом на кухню святого Малевича ещё не видели пришельцы. Это был совмещённый санузел – такой же, как и в квартирах остальных персонажей этой страницы, то есть туалет и ванна, разделённые виртуальной демаркационной линией. Туалет здесь был, конечно, не деревенский, который Альбионыч однажды увидел наяву во время службы в армии – в маленьком селе Казанка близ Киева. Помнится, что он тогда написал один из своих первых стихов, которые через много-много лет интернетчики стали называть ироническими.

Стоит шифоньер в огороде –
обычный простой шифоньер:
не слишком обшарпаный вроде,
хотя и не модный теперь.
В нём нет отделений и пóлок,
и вешалок с платьями нет:
нет, он не для дров заготовка,
ведь в должности: он – туалет!.

Правда, обозреть туалет без определённой нужды захотелось не всем, поэтому на осмотр достопримечательности отправились только двое, по ходу дела обмениваясь впечатлениями. Например, увидев на специальной полочке над умывальным *тюльпаном* мыло в мыльнице, один тюбик зубной пасты и две зубные щётки в пластиковом стаканчике, Полтавцев тут же обозвал всё это богатство, да так, что ему остро позавидовал писатель Кулемзин, а именно *мыльно-рыльные* принадлежности.

Не удержавшись, сторож приложился ртом к тонкой струйке из крана, торчащего над упомянутым *тюльпаном*, и понял, что лучше бы он этого не делал, так как рот тут же наполнился водой с каким-то хлорированным сиропом. Затем он внимательно оглядел рулончик туалетной бумаги с таинственными числами, о которых мой читатель уже узнал из главы 41 этого тóма, сообразил, зачем они были нанесены, восторгнулся про себя и по-

думал: «Удобно-то как, мать честнáя! Надо бы применить эту технологию и мне, а то моя Зуля – такая засранка…»

А Альбионыч в это время смотрел только в одну точку – на правой стенке комнатки, над змеевиком, который коммунальщики называли полотенцесушитель, висела ещё одна картина хозяина: портрет хозяйки без ничего, то есть без одежды. Правда, в смешении и буйстве красок догадаться об этом было невозможно, поэтому живописец подписал картину – видимо, для будущих исследователей его незамысловатого творчества: «Портрет жены художника в стиле ню № 337»

Я памятник себе воздвиг нерукотворный –
картину *ню* в общественной уборной!

Позабавил гостей и бачок унитаза, который был без крышки, ибо именно её Валера на днях и расколотил, позже оправдываясь тем, что находился в это время в бессознательном состоянии – в период творческого кризиса.

«Может, это бачок-кабриолет?», мелькнула у литератора смешная мысль, но вслух он озвучивать её не стал, так как подозревал, что слово *кабриолет* не известно никому из присутствующих, то есть Афанасьичу. Дополнял картину помещения нескончаемый утробный гул протекающего с конца девяностых годов самогó унитаза.

Наконец друзья вышли из тесного помещения и в дверях столкнулись с Муравлёвым, которому не терпелось узнать мнение специалистов о его совмещённом санузле.

– Валера, а почему у тебя унитазный бачок без крышки? – поинтересовался Серёжа.

И только было Николаич открыл рот, чтобы объяснить, как было дело, гость из числа саксаульских охранников тут же озвучил свою версию:

– Может, это бачок-кабриолет? – после чего залился искренним радостным смехом, который почему-то не подхватили остальные гости.

Чтоб всерьёз о смысле жизни думать,
позабыв про быта суету,
вдалеке от городского шума
постигать Вселенной красоту,
приоткрыть на миг завесы тайны,
что людей волнуют много лет,
оградившись от зевак случайных,
запирай щеколду в туалет!

Марсианин же вообще не стал комментировать увиденное вслух, но подумал о том, что всякий выходец из *совка* точно знает, чего попросить у золотой рыбки, ведь нормальная канализация для него – неразрешимая метафизическая проблема. «Жалкие потуги на постмодернизм, яйчки-бабайчики», оглядев всю квартиру (кроме кухни), резюмировал он, «выдающие скудность фантазии автора!»

И тут все колонной по одному – из-за узости коридорчика, соединяющих две небольших комнатки – потянулись как раз в упомянутую кухню или, как называл её знатный писатель двух веков Кулемзин, столицу любой квартиры…

Глава 142. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня)

Дом Валеры был так называемой 158-й серии, то есть точно такой же, в котором жили его сегодняшние гости Серёжа и Нуртай, а, значит, и кухня была тоже такая же, то

есть тесная и неуютная. Правда, сам Муравлёв до женитьбы этого не замечал, а вот после свадьбы старался на кухне одновременно с супругой не появляться, так как та, войдя в эту комнатку, сразу начинала занимать ровно половину её полезной площади, вторую же половину занимали стол, газовая плита, холодильник и угловое место, в которое была втиснута кухóнная раковина. Напрягало и то, что между столом и холодильником была такая узкая ниша, пролезть в которую мог разве что Мальчик-с-пальчик или изрядно отощавший карлик.

И, тем не менее, хозяин творческой берлоги и его пятеро гостей каким-то чудом разместились вокруг столика, причём Серёже, сразу не нашедшему места, пришлось сесть на коленки Курманбаева. Тот только крякнул, но, как настоящий коммунист, решил терпеть, лихорадочно вспоминая, что же сказал по поводу такого терпения Владимир Ильич Ленин. И он вспомнил! В своей фундаментальной статье «Две тактики социал-демократии в демократической революции» были такие проникновенные строки: «Даже либералы теряли терпение и выражали свое недоверие на страницах легальной печати, а социал-демократ-новоискровец оказался доверчивее либералов»[219]. Правда, как может помочь вовремя пришедшая ленинская помощь, он так и не придумал. «Как жаль, что этих строк не помнят все эти», оглядев присутствующих, подумал педагог, но вслух, конечно, этого не произнёс, боясь остракизма непартийного коллектива.

[219] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 50 – прим. полит. редактора

Мой вздыхает семитомник,
этим самым огорчён:
ведь ни Ленина не помнят,
ни кого-то там ещё!

Кое-как притеревшись разными частями тел друг к другу и мебели, гости стали оглядываться, а Кулемзин так даже набираться впечатлений, ибо только он один знал, что по Великому Плану Построения Четвёртого Тома Романа «Русская кочерга», начиная с главы 142, начнёт описывать кухню святого Малевича. Географически ближе всех к столу был расположен подоконник, и потому первое внимание было оказано именно ему. На подоконнике, как, наверное, на многих других подоконниках Республики Саксаулии, стояли и лежали некие предметы: пустая бутылка из-под водки, обгрызенный по краям гранёный стакан, горбушка заплесневелого чёрного хлеба и консервная банка с выразительной красной этикеткой.

«Где-то я уже такое видел», начал вспоминать писатель. И вспомнил: да на только что подаренной ему картине! «Так вот что являлось натурой для творчества Муравлёва!», поразился Альбионыч, но тут же расстроился: «А ведь Валера мог бы рисовать всё это не с натуры, а из так называемой головы! Да, плоховато у моего друга с воображением… Впрочем, его ли только это вина? А разве не я каждый день, начиная с понедельника этой недели, вливаю в его обессиленный семейной жизнью организм замечательное пиво «Тянь-Шань», постепенно переходящее во всякое гнусное пойло? И нет бы дать своему другу что-то полезное типа церковного кагора или смородиновой настойки, о которой как-то вдохновенно вспоминал Полтавцев, рассказывая, как он коротал долгие зимние вечерá с бабушкой Федóрой и дедом Михеем в родной деревне Семижопино. Так нет же: именно на мои деньги покупается всякая гадость типа туркменского портвейна «Чашма» или псевдоконьяка, произведённого в Каскелене!»

О, сколько нам открытий чудных
готовит русской водки дух!

Коньяк – источник мыслей мудрых,
и пиво – лучший водки друг!

Особо внимательно литератор рассмотрел банку, потому что на подаренной картине она была повёрнута другой стороной, а вот теперь он узнал, что это – «Килька в томатном соусе»! Володя тут же вспомнил, как по молодости, после развода с первой женой, немного запил – как и любой русский человек, преодолевающий стресс, а закусывал тогда исключительно этой продукцией – за 33 советских копейки (б)!

И снова килька. Хуже горькой редьки
она мне надоела. Сей продукт,
во времена царя Гороха редкий,
в моей еде – главнейший атрибут.
Я морщусь и страдаю от изжоги,
и проклинаю холостяцкий быт.
Коль протянуть придётся вскоре ноги,
то пусть напишут «Килькою убит!»
на гробовой доске, и пусть в пустую
положат банку маленький букет
фиалок, а иначе протестую
и отправляюсь к килькам на обед,
чтоб кто-нибудь, вскрывая мерно банки,
такой же неприкаянный, как я,
найдя хотя б в одной мои останки,
задумался о тайне бытия…

– Чем отличается богатый человек от бедного? – раздались в комнатке чьи-то слова. И тут выяснилось, что Володя, задумавшись об этой самой тайне бытия, начал проговаривать свои мысли вслух. «Да и ладно», подумал он. «Пусть послушают, авось немного умнее станут…»

– И чем же, мать моя партия? – скептически отозвался Мусаич, после чего обвёл коллектив ироничным взглядом, как бы приглашая посмотреть, как сейчас облажается этот непредусмотренный этикетом философ.

– Думаю, – ответил ему философ, – что не количеством денег на счёте, как ты подумал, а тем, что он может себе позволить выключить телевизор или радио и слушать Баха или читать Ошо.

«О чём это он?», тоскливо подумал педагог.

– О чём это ты? – подтвердил общее мнение коллектива Николаич.

– Это я сейчас говорю о *качестве* жизни. А оно, яйчики-бабайчики, определяется только тем, с кем ты общаешься и о чём думаешь. Если, например, у тебя есть возможность быть в тишине и никуда не торопиться, а у других такой возможности нет…

При этом он посмотрел на Батыршина, отчего тот заметно пригорюнился.

Ни работы нет, ни кошта[220] –
всё на свете пропитó:
я горюю от того, что
не философ, а никто!

[220] Расходы на содержание, пропитание – старорусс.

– Вот, наверное, поэтому монахи в монастырях считают себя самыми богатыми в мире, – продолжил нечаянную философскую лекцию марсианин. – Им не надо уделять много внимания деньгам и даже ставить их превыше само́й жизни. Ведь деньги – это не более чем результат разумного построения своей жизни, инструмент измерения твоего места в ней.

– Может, царица лесная, хоть один такой инструмент вытащишь из кармана, Володя? – прервал философские измышления грубый сторож. – А я и сбегаю…

– Нет, Серёжа, до *сбегаю* у тебя в котомке ещё осталось как минимум 12 разномастных бутылочек пивка, а до них – шикарный обед, коим, как я надеюсь, угостит всех нас радушный хозяин.

После слова *радушный* Валера, который было решил немного зажать часть семейной еды, тут же передумал и постановил отдать друзьям всё!

Если не только себе ты берёшь,
более сыто коло́сится рожь.
Больше отдай – и богатство придёт:
щедрость душевная – высший полёт!

Глава 143. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, Репка и другое)

И вот, пока Муравлёв ходил на разведку своего холодильника, писатель двух веков Кулемзин решил ещё раз хорошенько оглядеться – для набора впечатлений, коими он и мечтал нашпиговать несколько глав в четвёртом томе «Русской кочерги», посвящённых пребыванию покеристов и их нового друга Митрохина в берлоге святого Малевича. Для начала он (Кулемзин, а не Малевич) подошёл к кухо́нной раковине. Первым, что бросилось ему в глаза, была целая гора немытых тарелок, возвышавшихся в раковине как (прости, русский язык!) Пизанская башня, и так же, как вышеназванная башня, стремящаяся упасть – для нанесения непоправимого урона странной семейке.

Второе, что Володя отметил, был простенький фильтр, прикрученный к кухо́нному крану. Хорошенько разглядев его и запомнив незатейливую конструкцию, Альбионыч улыбнулся, потому что вспомнил старую истину о русском человеке. Какую? А вот какую. Русский человек, по́мните, вообще какой? Он пьёт всякую гадость, закусывает всякой гадостью, курит всякую гадость, но при этом *обязательно* фильтрует воду на кухне, ведь здоровье – это самое дорогое, что у него есть!

Не испытывать чтоб му́ки
перед каждою едой,
регулярно мойте руки
кипячёною водой!

Правда, такие, как Николаич, хорошую воду пили редко, а вот настойки и наливки – с удовольствием – потому что от них, как они считают, здоровья прибавится больше, чем от какого-то железного фильтра!

Зверобой, шалфей, багульник,
конский щавель, хрен, солодка,
баране́ц, чабрец бодрящий,
василёк, болиголов –
собирать в конце июля,
заливать «Столичной» водкой,
принимать как можно чаще –
будешь весел и здоров!

Третьим предметом, отмеченным писателем и отложенным в память, стал явно самодельный нож, сделанный из полотна слесарной ножовки. Валера, честно говоря, и сам не помнил, откуда взялся этот предмет на его кухне, но подозревал, что занесла его сюда, будучи в ранге невесты, Наташа – в качестве своего приданого.

И, наконец, мозговые поиски литератора увенчались неким электробытовым прибором, символизирующим то, что в данном жилье ручной труд частично замещён техническим прогрессом. Это был экспонат музея социалистического быта, а именно кофемолка «100 лет со дня рождения В. И. Ленина», увидев которую вслед за Володей, Нуртай страшно позавидовал и решил, что если вдруг подвернётся такая оказия, спереть её (кофемолку, а не оказию). Это был, конечно, не очень хороший поступок, но Курманбаев успокаивал себя тем, что именно так начинал свою революционную деятельность на Кавказе товарищ Сталин, называя банальные грабежи красивыми словом *экс* – сокращением от трудного слова *экспроприация*!

Дверца под раковиной была немного приоткрыта, и марсианин на всякий случай заглянул и туда. Правда, ничего интересного, кроме мусора в ведре, он там не обнаружил, зато заметил валявшуюся на полу маленькую репку – плод для Саксаулии крайне редкий, и где взяли её супруги Муравлёвы, было решительно непонятно, и тем более непонятно было, почему репку всё-таки выбросили. Правда, виде́ние огородного плода вызвало некий всплеск в мозгах Альбионыча, и он тотчас вспомнил свою старую басню под таким же названием

Репка

Одной научной следуя мето́де,
Дед репку посадил на огороде,
и через год дождался урожая...
Та выросла большая-пребольшая!
Дед, Бабка, Внучка, Жучка, Кошка, Мышка –
все за ботву тянули – вот в чём фишка !
Но результат совместного старанья,
увы, не оправдал их ожиданья.
Пусть без ботвы, но репка всем на диво
по-прежнему торчит, как в ж… слива.

♠ ♠ ♠

Мораль: когда отсутствует лопата,
неплохо б знать основы сопромата !

После этого он решительно бросил бесхозную сморщенную репку в ведро и, протиснувшись сквозь встречающихся на пути персонажей романа «Русская кочерга», подошёл к окну и открыл форточку, которая при этом заскрипела так, будто царапала своими рассохшимися частями по сердцу. Дождь набирал обороты, и начавшаяся гроза походила на далёкий бой. Облака, до того казавшиеся белоснежными, словно собрались выступить *моделью* для стиха какого-нибудь талантливого поэта, вдруг превратились в неприятные тучи, а свежее синее небо сменилось грязным, точно плохо выстиранным. Они внезапно приобрели очертания мериносов и вовсю перебрасывались молниями. Грохот грома напоминал перестук вагонных колёс. Капли бились о стекло, как птицы.

Кто за лето нам ответит?
Знаю я наверняка:

это всё американцы
гадят нам на облака,
в небе сыплют реагенты,
чтоб всё время дождь стеной,
а их тайные агенты
громы мечут над страной!

Афанасьич, сделав точно такую же попытку, что и Альбионыч на предыдущей странице, то есть тоже протиснувшись через толпу персонажей, усевшись за стол, наконец-то сделал то, что хотел давно – как только появился в муравлёвской кухне. Он взял со стола забытую отсутствующей хозяйкой вилку, прицелился и ткнул ею (вилкой, а не хозяйкой) в ананас, живописно расположившийся в какой-то почти квадратной тарелочке. Валера не успел открыть рот, чтобы предупредить товарища о том, что плод этот – декоративный, а точнее, деревянный, и стоит на столе только для красоты, но не успел – от толчка лжефрукт опрокинулся, упал со стола и ударился верхней острой частью прямо в стопу Курманбаева.

– Мать моя партия! – воскликнул педагог и с ненавистью посмотрел на сторожа.

Наконец плод был восстановлен на место, после чего последовал вопрос:

– И на хрена тебе, Валера, такой ёкарный гипернарбус?

Художник не знал, что такое гипернарбус (как, кстати, не знает этого и автор нашего повествования), но ответил честно:

– Да Наташа моя откуда-то приволокла, кажется, с какой-то бесплатной распродажи. Она теперь, как кому-нибудь своё фото отправляет, так старается на фоне этого ананаса сняться – для красоты восприятия! Всё-таки жена гениального художника…

А Кулемзин подумал о том, что во времена советские (б) люди в нашей стране знали не только это слово, но даже изредка видели плоды – в первом томе Большой советской энциклопедии, на букву А, но никогда не то что ни пробовали, но даже ни нюхали этот заморский продукт.

В советские скупые времена
мы на картинке даже не видали
его, что прятала от нас страна,
но что другие в мире все жевали,
а мы лишь задыхались и желали.

♠ ♠ ♠

Мы только знали: это ананас.
Мы только знали: это не про нас…

Глава 144. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, Сласти и патологен)

Но пора было приниматься за еду настоящую. И через какое-то время гости творческой берлоги поняли, что им несказанно повезло. Во-первых, на столе стояли аж три вазочки, наполненные, как говорится, под завязку: в одной из них горкой лежали шоколадные конфеты со странным названием на фантиках – «Аю Солтүстікте»[221], в другой – печенье с надписью уже на нём само́м, но уже по-русски – «Привет», а в третьей – какие-то запечённые рулетики из теста, с обоих концов которых проглядывало что-то белое и волшебно пахнущее корицей и миндалём.

[221] *«Мишка на Севере» – сакс.*

– Можно? – спросил охранник и, не дожидаясь ответа, засунул в пасть одну печенюшку, один рулетик и одну конфетку, которую, слава *дедушке*, догадался перед этим развернуть. Николаич, видя такое безобразие, обнадёжил голодного:

– Серёжа, подожди, святой Малевич, сейчас поедим что-нибудь существенное!

После чего снял с плиты и метнул на стол прикрытую крышкой сковородку. Всё тот же экс-текстильщик сорвал крышку и аж взвизгнул от радости. На оставленной муравлёвской супругой сковородке, на которую, например, Володя без содрогания смотреть не мог, в толстом слое тяжёлого прогорклого масла, как в нефти, плавали огромные котлеты из свиного фарша. Впечатлительному писателю даже показалось, что он услышал, как они шипели, поджариваясь, словно грешные мужья в аду, и его немного затошнило. Он поспешно прикрыл сковородку крышкой и порадовался тому, что всё это безобразие не видел Талгат, у которого была наследственная тяга к блеванию от чего угодно.

Нет повести печальнее на свете,
чем повесть о Наташе и котлете…

Кстати, а где же был в это время наш бравый военный? Да здесь же, только сидел он, отвернувшись к окну, и барабанил пальцами по скатерти, как бы отбивая популярный эстрадный ритм, а выражением лица демонстрировал полную мысленную отдалённость от происходящего за столом, потому что в этот момент думал о том, что вот вчера случился день рождения у его супруги Аиды, так что Валере даже повезло, ведь от него жена ушла в пределы этого же города, а вот его любимая уехала к тёте Симе в Кустанай, и что́ она там сейчас делает, неизвестно, и, кроме того, у него есть двое детей, которые тоже сейчас не с ним, а с мамой, и они, наверное, сейчас плачут и кричат:

אבא, אבא, חזור למשפחה![222]

[222] ***Папа, папа, вернись к семье! – ивр.***

Между тем Полтавцев, покончив со сластями, проворно, как кот, схватил со сковородки котлету и целиком запихал её в рот. Видя такое дело, вторую котлету хапнул Мусаич, но стал откусывать от неё маленькие кусочки, видимо, растягивая удовольствие. В этот момент от своих тяжких дум очнулся старший трубач.

– Мясо трефное? Кошерное? – поинтересовался он, набравшийся этих глупостей от еврейского тестя Якова Моисеевича, но ответа не получил и затаил горе.

– Серёжа, мечи реже, – попенял Афанасьичу литератор, а вот Валера, наоборот, порадовался за товарищей, и особенно тому, что его глупая Наташа не забрала к маме всё это добро!

– Да жрать охота, – с набитым ртом признался сторож.

– Старик, а ты никогда не состоял в запрещённой в Саксаулии организации «Друг желудка»? – прямо спросил его Кулемзин.

– Нет, что ты! – испугался голодный.

Наконец сторож дожрал котлету и, сыто рыгнув, поинтересовался:

– Володя, а как вообще правильно питаться?

– А тебе это зачем? – дожрав свою котлету, спросил Курманбаев.

– Надо, царица лесная! – твёрдо ответил тот и выжидательно поглядел на всё знающего писателя

– Через рот, естественно! – ответил писатель.

Хапнув со сковороды,
говорю я тётке:
«Рот, конечно, для еды,
иногда – для водки!»

Затем неугомонным охранником овладел демон просвещения.

– А вот ты, Володя, недавно мне говорил, – поведал он, – что ты какой-то патологен на кухне, а я всё думаю с тех пор, уснуть не могу, что это такое? И так иногда страшно становится – за твоё психическое здоровье…

Альбионыч изумился, так как точно помнил, что никогда ничего подобного не изрекал. У него мелькнула одна несложная мыслишка, и он тут же решил её проверить.

– Серёжа, а ты записал это моё изречение? – прямо спросил он сторожа.

– Конечно, – степенно ответил Полтавцев. – Мы в этом деле завсегда аккуратные…

Он вытащил из котомки заветный блокнотик «Для му.мы.», полистал в нём странички, нашёл искомое и выразительно прочитал: «Только что Володя признался мне, что он какой-то патологен на кухне, тем более у него что-то случилось с языком, наверное, *обложило*. И так тревожно стало мне после этих слов за его психическое здоровье!»

– А там дата не приписана? – изумляясь своей неведомой болезни языка, спросил литератор.

– Не понимаю, о чём ты, – ещё степеннее ответил Афанасьич, – но вот число внизу какое-то стоит.

Гений что-то изрекает –
сразу дату проставляет,
чтоб его потомки знали:
предки тоже что-то гнали!

Кулемзин посмотрел на страничку, испещрённую непонятными каракулями, похожими на узелковое письмо майя, и прочёл внизу якобы своего изречения дату. Оказалось, что это было действительно недавно – дней за 10 до описываемых нами событий.

«Наверное, поэтому, яйчики-бабайчики», подумал автор романа, «этот эпизод и не вошёл ни в один из предыдущих томов!»

– Володя, неужели ты оставишь всё это без последствий? – неожиданно воскликнул Васюхан Митрохин, о котором в пылу споров уже стали немного забывать.

– Конечно, нет, – ответил Альбионыч и сделал вот что.

Писателю пришлось срочно прибегнуть сразу к двум марсианским технологиям: одной уже знакомой читателю – вре́менной заморозке мгновения, или *ллчъшишъдр*, и второй, с которой мой читатель ещё не был знако́м – под названием *трррръъбмв*, а суть её состояла в том, чтобы вернуть своё (прости, русский язык!) астральное тело в данную точку времени.

Вот причина корневая,
что живу я не спеша:
тело в воздухе витает
после знатного *ерша*!

Надо сказать, что наш герой чрезвычайно редко прибегал к этой технологии – по моральным причинам, так как она (технология, а не причина) требовала колоссального расхода космической энергии, и сейчас прикинул, как бы нанести минимальный ущерб Вселенной, после чего нашёл только что – всего за 624 миллиона лет до этого – родив-

шуюся галактику, которая находилась в 27 парсеках от дома Муравлёва, или, говоря простым языком сельского пролетариата, в 88 световых годах, или говоря совсем просто, в 832544281587040 километрах от места событий, так что какого-то значительного ущерба от отнятия у неё небольшого количества энергии это вызвать не могло.

– Ты смотри… мать честна́я… того… этого… – поняв, что сейчас произойдёт нечто ужасное, предупредил его бывший текстильщик.

Получив необходимую энергию, марсианин вернулся на 10 дней назад, нашёл отрезок своего разговора с Полтавцевым и наконец понял, о чём тогда шла речь. «Я ведь, друг мой», рассуждал Володя, угощая Серёжу итальянским луковым *супцом* с бараньими почками, вымоченными в португальском портвейне, «*апологет* высокой кухни, или, говоря доступным тебе языком, просто люблю пожрать». Так что происхождение таинственного патологена наконец-то стало понятным!

До чего я докатился,
сам себе сдаваясь в плен:
в организме поселился
червячок-патологен!

А что же *дедушка*? Неужели он, которого глуповатые земляне называют *погонялом* Всеведущий, даже не чухнулся, когда Володя так нерачительно распоряжался его добром? Нет, не чухнулся, утверждает автор этой книги: то ли он был занят созданием новых галактик, которые в мегаломании величия ежедневно плодил одну за другой, то ли, как утверждал Альбионыч, его не было вовсе…

Глава 145. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, Кулинарная лекция)

– А что-нибудь посущественнее у тебя нету? – поинтересовался Полтавцев.

– Конечно, есть! – горячо заверил Николаич, который знал, что холодильник у Наташи никогда не бывает пустым, потому что всё свое свободное время – от звонков маме и наведения макияжа – она оргазмически предаётся созданию простейших кулинарных шедевров типа борща с галушками или вот таких уже сожранных котлет.

– Серёжа, а тебе, яйчики-бабайчики, подойдёт суп вермишелевый с мясом, растворимым без осадка? – насмешливо вопросил писатель.

– Конечно, царица лесная! Давай! – не стал отказываться сторож.

– Володя, ну что ты, – сконфузился хозяин. – Сейчас гляну, что она мне оставила…

– Дай-ка я попробую угадать, – предложил Альбионыч.

Васюхан, сидевший ближе всех к нему, тут же навострил уши – он уже не раз видел в игре способность Кулемзина предвидеть ситуации, возникающие за покерным столиком, и вот сейчас ему стало интересно, угадает ли тот хоть одну позицию из, скажем, десяти, озвученных Валерой.

– В моём холодильнике, святой Малевич, – приоткрыв дверцу, начал обзорную лекцию Муравлёв, – есть следующая еда…

И тут литератор вдруг почувствовал, как на левое плечо присел его верный муз Вася Курочкин – невидимый для остальных, и стал нежно нашёптывать на ушко вот такие строки про упомянутый холодильник, а Володя тут же стал их озвучивать. И вот что услышали пятеро голодных:

– В стиральную машину влюбился пылесос:
он пел ей серенады и целовал взасос,

он весь пылал от страсти, желанья не тая,
и что-то в нём гудело от напряжения.
Приятны с пылесосом прогулки под луной,
но нужен для стиральной машины муж другой, –
стиральная машина не девочка уже,
и финский холодильник ей больше по душе.
Он белый, словно айсберг, солидный как рояль,
с ним ничего не страшно и ничего не жаль…
Что толку в пылесосе – он страстный, но босой,
а холодильник полон копчёной колбасой!
Как трудно сделать выбор и разрешить вопрос –
солидный холодильник иль страстный пылесос?
А тут ещё и третий – от восхищения нем,
так гладит, что не сладить с сердцебиением!

♠ ♠ ♠

Нет в мире совершенства! Давайте о другом:
стиральная машина сбежала с утюгом!
Но по ночам ей снится и пылесос босой,
и финский холодильник с копчёной колбасой…

– Володя, угадывай, что ли, – подтолкнул локтем Митрохин и сглотнул горячую слюну голодного вожделения.

– Хорошо, – не стал спорить угадалец. – Итак, мне кажется, что в данном кухóнном девайсе сейчас находятся: суп из рябчиков с шампанским, а к нему гренки́ с сардинами и пирожки с фаршем из молодой телятины, а к ним ви́на – херес, мадера, портвейн белый. А на второе здесь явно имеется филей из серны или лосося (но тогда портвейн надо уже красный), кстати, можно портер, не возбраняется и шато-лафит. Думаю, что нам предстоит отведать также *гефилте фиш* из цельной фаршированной рыбы с соусом, а из вин к нему больше всего подходит мозельвейн, бургундское, сотерн или рейнвейн.

Педагог схватился за край стола, чтобы не упасть, и в смятении подумал: «Да так только Владимир Ильич в швейцарской эмиграции питался! Но откуда он знает?!»

– Но впереди ещё десерт! – меж тем продолжал кулинарный лектор. – Для него наш хозяин предложит нам печёные в меду каштаны с красным вином (хотя подойдёт и рейнское), шато-д’икем, можно и мускат-люнел, или на худой конец токайское.

Полтавцев с колоссальным напряжением слушал волшебные французские слова и остро сожалел, что уже два года учит какой-то совершенно бесполезный английский.

– Дальше – пунш-гляссе с мараскином. Ну, и закуска – жаркое из рябчиков с салатом и опять же с шампанским, а для дам…

Здесь все почему-то посмотрели на Курманбаева.

– …мороженое тутти-фрутти или желе из ягод. Ну, и для беседы – фрукты, чай, кофе, а к ним – коньяк, ром, ликёры.

Ром, ликёры, бренди, ви́ски
не отдам соседской киске –
потому что, та-та мать,
Шарик любит мой бухать!

Неожиданно послышался звук падения – это бедный трубач, который из всех мировых блюд кухни в последний раз ел только еврейский салат из плавленого сыра и чес-

нока, в название которого как раз уместились все ингредиенты, грохнулся в обморок от услышанного.

– Валера! – пронзительно заверещал Курманбаев. – А у тебя есть хлорид аммония?

– Нет, – честно ответил Николаич. – А что это?

– Это даже я знаю, – отозвался Полтавцев. – По-русски NH_4Cl называется!

– Нет такого, – ещё раз огорчённо подтвердил хозяин. – Есть, правда, нашатырь[223]. Но я его применяю в медицинских целях – только при отёках сердечного происхождения, а иногда для усиления действия *диуретиков*.

[223]Хлорид аммония – это и есть нашатырь! – прим. хим. редактора

Знает каждый богатырь:
нюхай только нашатырь –
только сей продукт полезный
вас излечит от болезней!

Кулемзин, осознав, что обмен знаниями не закончится никогда, подскочил к столу, схватил недопитую бутылочку «Маршала» и дал понюхать её впечатлительному Талгату. Батыршин немедленно открыл глаза, шумно вздохнул и почти трезво спросил:

– А жрать, ёперный нашатырь, когда будем?

Увидев, что товарищ пришёл в себя, Серёжа повернулся к живописцу и поинтересовался, на всякий случай раскрыв чистую страничку в книжечке «Для му.мы.»:

– А что это за дуралетики, про которые ты говорил?

– Да это средства различной химической структуры, тормозящие в канальцах почек реабсорбцию воды и солей и увеличивающие их выведение с мочой, – вместо марсианина машинально ответил Муравлёв и испугался, так как до этой минуты таких слов не знал вовсе. «Надо выпить!», логично подумал он – так же, как подумал бы на его месте любой русский человек, оказавшийся в подобной ситуации.

От проблем я не сбегáю,
хоть и мысли все в дыму:
если что не понимаю,
тотчас выпью – и пойму!

Глава 146. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, «Тайная обедня»)

Здесь Валера, не мудрствуя лукаво, открыл холодильник пошире и просто стал вынимать из него разные блюда – борщ в огромной пятилитровой кастрюле, макароны отварные в кастрюльке поменьше и… К его удивлению, больше ничего в холодильнике не было, а вот в его дверце было – на полочке ниже той, с заранее проделанными вмятинками для яиц, лежала уже начатая толстая палка колбасы – по виду сервелата, которую Наташа, потрясённая коварством и вероломством мужа, просто забыла взять с собой. Правда, она (не Наташа, а палка, но и колбаса тоже) была несколько необычная: прямо к несъедобной шкурке была приклеена полоска бумаги с цифровыми и буквенными делениями, которые заканчивались на отметке 21 см.

«Вот сволочь», тепло подумал любящий муж. «И ведь ни сантиметра не отрежешь!». Но, вспомнив голодный блеск в глазах своих товарищей, он решительно вытащил колбасу и метнул её на стол.

– О-о-о-о-о! – раздался общий вопль восторга, а Нуртай даже потихоньку пукнул от страстного желания приобщиться к такой замечательной еде, которую он ел всего три

раза в год – на день рождения супруги, в Новый год и день очередной годовщины его собственного вступления в партию.

– Картина Леонардо Недовинченного «Тайная обедня»! – прокомментировал поступок товарища Альбионыч.

– Ничего не тайная, – возразил товарищ. – Ешьте в открытую, святой Малевич!

– Серёжа, перед началом трапезы прошу тебя заполнить одну страничку из твоей книжечки «Для му.мы.»

– Запросто! Всенепременно, царица леснáя! – не стал отказываться охранник, схватил свой знаменитый двуцветный каранаш и замер в ожидании.

– Итак, записывай:

Вход строго по пропускам!
Пропустить необходимо
не меньше литра…

– О-о-о-о, какая глубокая мысль! – похвалил его владелец мудрого блокнотика. – А мы это прямо сейчас будем внедрять в массы?

– Нет, яйчики-бабайчики, немного погодя, – честно признался писатель. – Валера, а где твои куверты[224]?

[224] Столовые приборы – фр.

– Вот чего нет, того нет, – сознался Николаич, после чего раздал присутствующим ложки и вилки.

Затем Кулемзин предложил начать питание по-советски, что вызвало дикий восторг у Мусаича. «Наконец-то он начал перековываться в нужную сторону!», подумал он.

– А как это, йодистое питание? – поинтересовался Салихдзяныч.

– А вот как: сначала первое в виде борща, затем второе в виде макаронов с колбасой, а на третье…

– Компот! – радостно закричал Афанасьич.

– Нет, Серёжа, на третье у нас будет то, что так тщательно до поры до времени скрывает твой безразмерный хурджин…

– Точно! – с восторгом выдохнул экс-текстильщик. – Я, увидев такое *изобилие*, честно говоря, даже про пивко забыл!

Я открою холодильник,
пива выну банок пять,
заведу скорей будильник,
чтобы утром не проспать:
технике системы сложной
доверять судьбу нельзя –
нет хронометра надёжней
мочевого пузыря!

– Люблю пиво, – вспомнив о любимом напитке, логично признался Полтавцев.

В этой нехитрой фразе марсианину послышались какие-то первичные эстетические замашки, и он подумал, что в деле обучения охранника прекрасному потеряно ещё далеко не всё. От дум его отвлёк крайне глупый вопрос всё того же Серёжи:

– А ты, Володя, пиво любишь?

– Конечно, люблю, – вслед за Полтавцевым признался и литератор, который, в отли-

чие, например, от педагога Курманбаева, не любил сдерживать порывы своей так называемой души.

– А, интересно, почему? – спросил его антенщик, хотя было видно, что вопрос был задан просто так – от фонаря.

– Эх, Васюхан, откроюсь тебе, как родному: да потому что, кроме большой души, маленькой квартиры и безразмерного таланта, у меня ничего нет, – горько ответил Володя. – Вот и приходится по утрам петь, как некий Томми[225]:

«I'm, мол, free[226]…»

[225] Слепоглухонемой мальчик, герой одноимённой рок-оперы британской группы «The Who»[227] – прим. муз. редактора
[226] Я свободен – англ.
[227] Те, кто – англ.

«Экий он бывает несуразный», подумал Васюхан. «А на вид ничего так, вполне как умный выглядит»

– Да, это, пожалуй, получше, чем китайская диета, – оглядев пиршественный стол, заметил писатель.

– А что это такое? – вновь полюбопытствовал Митрохин.

– А это ровно месяц есть куриный бульон китайскими палочками, – под общий смех объяснил Володя, затем взял кусочек колбасы, тщательно обнюхал её, понял, что есть продукт вполне таки можно, затем произвёл его химический анализ и резюмировал:

– Всегда знал, что одно из самых полезных животных – это свинья.

– Да ну, мать моя партия? – засомневался Нуртай, набивая рот поплотнее.

– Это так, – подтвердил знаток сельхозживотных, – ведь от неё можно использовать абсолютно всё: мясо для пищи, шкуру для кожи, щетину для щёток, а название для оскорблений!

Осознав, что это выпад в его сторону, Мусаич чуть не подавился, но, быстро придя в себя, затолкал в рот новый кусок вместе с огромным слипшимся комком макарон.

Жру всегда на трудовые,
потому и исхудал:
макароны отварные –
наша лучшая еда!

Глава 147. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, О закуске нашей юности)

– Нуртай, ты порежи мечи, – посоветовал ему старший прапорщик. – А то как бы…

Курманбаев, даже не дослушав ценного совета, понял его настолько хорошо, что быстро отдёрнул руку от разложенной в центре стола колбаски, и начал думать горькую думу, «С чего начать»[228]. Видимо, то же самое творилось с голодными собачками профессора-садиста Ивана Павлова, когда он клал на одинаковом расстоянии от них аппетитные куски говядины, после чего предлагал им сделать суровый выбор. В своих учёных записках этот академик с садистским наслаждением описывал, как бедная псина начинала метаться из стороны в сторону, не зная, чему отдать предпочтение. Впрочем, Мусаич оказался значительно умнее давно почивших собачек, – видимо, всё-таки сказалось высшее образование.

[228] Статья В. И. Ленина, опубликованная в газете «Искра» № 4 (1901) – прим. полит. редактора

– Смотрите! – неожиданно воскликнул он, показывая пальцем на окно.

Все послушно повернули головы, как собачки, описанные восемью строками выше, и начали глазеть в стекло, залитое дождём, причём, кроме мутных потоков, увидеть там большего было абсолютно невозможно. Сам же педагог, видя, что отвлёк внимание, проворно схватил сразу два куска колбаски и быстро запихал их в рот, но, чтобы не выдать совершившуюся *проказу*, жевать не стал, а отложил их за левую щёку, как хомяк-молчун из одноимённого советского (б) мультфильма 1972 года – порождение художника и режиссёра Леонида Носырева.

– И что там, царица лесная? – устав пялиться в окно, наконец спросил Афанасьич.

– Видите, дождь не кончился, мать моя партия, – просветил коллектив партиец. – А я так надеялся, что именно сегодня его не будет вообще.

«*Дедушка*, какой придурок!», подумали Талгат, Серёжа, Валера и Васюхан, причём одновременно.

«*Дедушка*, какой циник!», подумал Володя, причём один.

На цинике ценник с одними нулями –
целесообразен и страшно умён,
как горн, раздувает он личное пламя,
считая, что всё же недооценён!

Между тем Салихдхяныч, проявляя явное отвращение, доедал наташин борщ.

– Налить тебе ещё? – вопросил его хояин дома.

– Нет, – ответил трубач и, растолкав едоков, быстро побежал в сторону совмещённого санузла.

И дело было вовсе не в том, что музыканту не понравилась *готовка* хозяйки, а в том, что вместо этого пошлого борща он бы съел сейчас что-нибудь действительно полезное – типа рюмашки-другой водки. Но обер-корнет хорошо знал садистскую натуру своего друга Кулемзина, который не то что не вовремя не нальёт, а ещё и прочитает очередную лекцию о вреде алкоголя. А если и нальёт, то только вечером, как это было вчера, позавчера и позапозавчера. И, уже склоняясь в мучительном пароксизме над унитазом, Батыршин подумал о том, что самое лучшее *время* в русском языке – будущее, так как только оно даёт надежду на счастье. А будущим сейчас было слово *нальёт*, так удачно придуманное им в неудачный момент.

Муравлёв же так обиделся на военного за наташин борщ, что решил вообще не предлагать никому второе, то есть черепах и омаров, сваренных в молоке кокосового ореха, но потом вспомнил, что данное блюдо находится не в его холодильнике, а в домашнем агрегате Кулемзина.

И только педагог не обращал никакого внимания на эти глупости, а ел всё, что подвернётся под руку, – со вкусом, зажмурив глаза, словно до этого никогда не пробовал такой вкуснятины. Афанасьич же, дожевав то, до чего успел дотянуться, достал из своей знаменитой котомки… нет-нет, на этот раз не книжечку «Для му.мы.»… а плавленый сырок с ласковым названием «Янтарь», срок давности которого истёк ещё в прошлой пятилетке, и стал клацать челюстями, точно затвором СКС, что в переводе с военного языка на штатский означало «скорострельный карабин Симонова»

В биатлоне ждут меня медали!
Я на лыжах обгоняю грузовик,
и, пока винтовку мне не дали,
стре́льнул я у деда дробовик!

А Альбионыч, увидев эту картинку, тут же увидел и другие, случившиеся много-много лет назад, когда он вместе с друзьями-студентами только начинал познавать жизнь – в отцеябловских подворотнях, с применением черноплодных напитков и нехитрой закуски из ближайшего продмага, в качестве которой чаще всего и выступали знаменитые советские (б) плавленые сырки.

Он вспомнил исторический факт – о том, что ещё в 30-х годах в Советском Союзе (б) неожиданно озаботились тем, что в стране до сих пор нет своих плавленых сырков. И вскоре в столице СССР (б) появился завод плавленых сыров – первое предприятие в отрасли. Надо ли говорить, что работал он тогда по швейцарским технологиям. А в 1934 году с его конвейеров сошёл «Сырок № 1» – пока ещё без названия.

И только через 30 лет напряжённых технических поисков и смелых инженерных решений в экспериментальной лаборатории была разработана рецептура сырка «Дружба», а в следующем 1965 году создан сыр «Янтарь», как тогда писали московские газеты, «превосходящий по качеству импортные аналоги»

Закушу сырком с селёдкой
я свою родную водку!

Но поистине неисповедимы вкусы советских граждан: почему-то из троицы плавленых сырков («Дружба», «Волна» и «Янтарь»), гражданам полюбился именно первый. И вот с тех пор он – не просто сыр, а понятие целой эпохи социализма (б)!

С тех пор объёмы производства этого знаменитого сырка возросли до 120 тысяч в год, и он тут же стал самой популярной, доступной и любимой закуской, ибо был не только обязательным ингредиентом многочисленных рецептов, но и одним из обязательных компонентов жизни любой категории населения. А самым знаменитым блюдом из него стала так называемая *замазка*: хозяйка вилкой разминала сырок, добавляла майонез, приправляла кошмарным количеством чеснока – и готово!

А знаешь ли ты, мой любопытный читатель, что в России даже существует памятник этому сырку? Он открылся во время Второго Московского фестиваля сыра – как раз возле здания завода плавленых сырков «Карат». А чтобы ты не сомневался в подлинности этого исторического факта, то вот тебе его фото:

Узнаёшь персонажей? Да это же Ворона и Лисица из басни дедушки Крылова, который в своём са́мом знаменитом произведении так и не удосужился объяснить, за какой именно сыр и шла битва титанов!

♠♠♠

И вот здесь, именно в этом месте, прерывая стройный рядок глав о кухне – столице квартиры Валерия Николаича Муравлёва, автор просто-таки вынужден поставить очень важную главу. А почему, будет видно уже из её названия. Итак…

Глава 148. БЕЗ НАЗВАНИЯ, НО ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ, ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО В НЕЙ ПИСАТЕЛЬ И ФИЛОСОФ КУЛЕМЗИН ОПРЕДЕЛИЛ СВОЁ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ

Да-да, мой читатель, именно в этой короткой главе автор решил опубликовать главную фразу своего главного героя – своеобразный итог многолетних раздумий Альбионыча о человеке, жизни и Суке-судьбе. Запомни и ты её хорошенько:

И Македонский,
и Наполеон, и Ленин
***были* великими людьми.**
А хрена ли толку?!

Глава 149. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, О тыквенном продукте)

– Валера, яйчики-бабайчики, а из *правильного* питания у тебя что-то есть? – вспомнил всё хорошее в жизни литератор.

– Посмотри сам, – ответил живописец, ловко забрав из-под са́мого носа Мусаича последний кусочек колбаски, но сам есть его не стал, а отдал своему другу Митрохину.

Альбионыч пошарил взором по кухне, но таким путём нашёл только ручную соковыжималку «Отелло», которая к искомой пище имела отношение разве что *опосредованное*. Затем, получив разрешение хозяина, он залез в холодильник, но из всего правильного питания здесь нашёлся лишь пучок кинзы, правда, настолько маленький, что даже Дюймовочка не смогла бы прикрыть им свою наготу.

Обхожусь я без крахмала –
зелень принесла жена:
и пускай кинзы́ здесь мало,
но – полезная она!

А вот дальше была беда: в холодильнике Наташи, видно, таком же безразмерном, как котомка Полтавцева, обнаружилась традиционная курица, какой-то кетчуп, какой-то соус и пакетик с вредными чипсами. Гости, только что уверявшие, что вполне насытились, набросились на очередную халяву так, как будто у них с утра, как выражался Афанасьич, «маковой соломки во рту не было»

Вначале курица была полита красно-коричневой бурдой из бутылочки с надписью «Кетчуп особый», правда, обмакнув в него палец и облизав, Кулемзин так и не понял, в чём же именно заключалась его *особость*, но всё-таки предположил, что в затхлом вку-

се, напоминающем вкус протухших помидоров пополам с горелой резиной. Затем настала очередь белого соуса с непереводимой этикеткой, которая вкуса тоже не добавила.

Особенно старался Курманбаев, сосредоточенно пожирая куски мёртвого животного. Всем на мгновение даже показалось, что его (Нуртая, а не мёртвого животного) нижняя челюсть пережёвывает что-то очень вкусное – такое, которое можно было жевать до бесконечности.

– Старичок, ты бы хоть кусочек хозяину оставил – на завтра, – обеспокоено произнёс Васюхан.

Но педагог, словно не слыша, со страшной силой работал челюстями. Альбионыч поморщился – он с детства не любил этот тракторный скрежет. Наконец покончив с курицей и один сожрав 92 процента её территории, большевик, не найдя салфеток, тщательно облизал пальцы. «Дурная привычка!», подумал Серёжа. «Нет что бы, как все люди, о штаны вытереть…». Сам он в это время тщательно драл пакетик с чипсами, как мартовский кот от переполняющих его чувств дерёт кору весеннего дерева – вместо надушенной домашней киски.

Так что, поглядев на сидящих перед ним индивидуумов, пожирающих сомнительную пищу, Альбионыч понял, что ничего хорошего в ближайшую пятилетку не предвидится. Правда, чтобы заретушировать тягостное впечатление от только что увиденной серии, Володя рассказал о своём последнем походе в какое-то кафе, после чего сторож, наморщив лоб, поинтересовался, что такое *расстегаи*, если они до смешного напоминают ему одно неприличное слово.

Кардиган из горностая,
волю дав своим рукам,
пожирая расстегаи,
я расстёгивал у дам!

К счастью литератора, еда наконец-то закончилась, но вот вопросы к хозяину ещё остались.

– А чай будет? – наивно спросил Митрохин, с вожделением оглядывая богатство в виде трёх вазочек со сластями.

– «А не испить ли нам кофею? – сказал граф, стуча манжетами», – процитировал Володя неизвестного автора, кажется, середины XIX века.

– Конечно, – скромным голосом Альхена из «Двенадцати стульев» произнёс Валера..

И тут случилось то, начало чего мой читатель уже видел в главе 133 этой книги: помнишь, там было написано про некую литровую банку с плотной крышкой? Володя, словно воочию увидев единственный кусочек сахара в сахарнице, которым Курманбаев вчера пытался угостить пятерых человек (вместе с собой), торжественно достал из пакета с саксаульской надписью упомянутую банку, открыл её и насы́пал в глубокую миску содержимое – какие-то мелкие кусочки чего-то, посыпанного чем-то белым.

– Что это, мать моя партия? – воскликнул Мусаич и проворно схватил один кусочек, после чего тут же сунул его в рот и, не жуя, проглотил. Через мгновение его узкие саксаульские гла́зки стали ещё у́же – от полученного удовольствия.

– Володя, что это, святой Малевич? – несколько расширил вопрос хозяин квартиры.

– Тебе, Валера, как человеку творческому, я отвечу поэтически – только что наваянным искромётным экспромтом:

Карета в тыкву превратится,
а тыква – в лакомство с корицей!

, а вот со всеми остальными, включая читателей этого четвёртого то́ма, даже поделюсь рецептом, или, чтобы было понятно Афанасьичу, поделюся.

Не обращая внимания на шизоидное замечание Кулемзина по поводу какого-то то́ма, гости попробовали угощение и так же, как Мусаич, остались им довольны. Пора узнать эту тайну и тебе, мой читатель: Володя в предчувствии муравлёвского чая захватил с собой некий тыквенный продукт, а именно цукаты. Не слышали о таких? Так вот послушайте теперь.

Короткими летними ночами, которые, тем не менее длились несколько часов, марсианин, у которого в течение всей жизни наблюдалась (прости, русский язык!) перманентная бессонница, любил заготовить что-нибудь впрок – потому что всё равно не спал. И вот как раз на днях его турецкий друг Насиб Кураев угостил его тыквой со своего участка – гигантским плодом ве́сом килограммов в шесть. Часть он тут же отдал приходящей бонне Марине, которая знала, что с ней делать, часть – Серёньке, который не знал даже названия подарка, а часть оставил себе. И вот для чего: он решил изготовить из них цукаты – как говорит запасливый русский народ, на всякий случай.

Как повар, очень я искусен
(для тёщи я – хороший зять!):
на всякий случай запасусь я,
чтоб было что зимой пожрать!

Вначале он очистил тыкву и наре́зал её тонкими ломтиками, затем залил всё это хозяйство водой и сварил на весьма слабом огне – минут 40, после чего процедил продукт через дуршлаг с мелкими, практически (прости, русский язык ещё раз!) дисперсными дырочками. Затем на дно кастрюли с толстым дном, где ранее обычно готовилось фирменное блюдо писателя – мясо на костях, он налил полстакана воды и засы́пал сахарным песком, поставил кастрюлю на огонь и подождал, пока сахар полностью не растворился и начал закипать, и уже в этот кипящий сироп положил кусочки тыквы.

Огонь, разумеется, в этом случае полагался минимальным, и тыквенные кусочки *уваривались* до тех пор, пока сироп не выпарился полностью. Для моего читателя, который вдруг озаботится повторением этого марсианского рецепта, добавлю, что на это уходит примерно час земного времени. Да, и ещё одно: перед самым окончанием варки добавьте немного ванили и корицы – для так называемого вкуса.

Затем Альбионыч достал засахаренные ломтики и остудил их на ровной поверхности – для просушки, хотя иногда, если торопился, просто подсушивал их в духовке, а затем, когда полученные кусочки стали похожими именно на цукаты, обвалял их в сахарной пудре, но есть не стал, так как берёг своё здоровье, а просто сложил в упомянутую стеклянную банку. Всё!

В процессе самовоспитанья
я каждый вечер ровно в пять
стою в углу и повторяю:
«Не жрать! Не жрать! Не жрать! Не жрать!»

Наконец все гости, включая хозяина, попробовали лакомство и остались им весьма довольны, а вот литератор – не очень. Он подумал, что такой трюк надо было сделать не сегодня, а вчера, когда все были в гостях у Нуртая.

А вот автор, который, как известно, отличается крайним гуманизмом, подумал совсем другое: он решил дать не только своим героям, но также и читателям романа «Русская кочерга» один русский совет – в надежде, что тот пригодится им в жизни не раз:

Находясь в гостях,
не бросайте объедки под стол –
там же будут люди лежать!

Глава 148. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, О кофейном продукте)

Здесь надо сказать, что писатель земли русской и саксаульской чай с *авторскими* цукатами пить не стал, так как его литровой банки хватило разве что минуты на две, а он не хотел оставлять своих героев без *сладкого* – зная, как им придётся горько ещё сегодня, во время покерной игры. И только он было решил задать Валере некий вопрос, как раздался звучный хлопóк – оказалось, что это Серёнька, споро достав из котомки половинку газеты «Караван», с размаху треснул ею по столу. А дело было в том, что зоркий глаз сторожа-охранника, привыкший мгновенно вычислять расхитителей хозяйской собственности в подотчётном магазине «Пингвин и гагара», заметил на столе явное безобразие – двух мух, которые не просто смирно сидели в ожидании крошек, а занимались страшным непотребством!

Даже муха между делом,
на обеденном столе,
на другую муху села –
ради жизни на земле!

– Эх, Серёжа, как быстро ты забыл мою лекцию об этих удивительных и полезных животных, – попенял Полтавцеву Альбионыч.

– Каку таку лекцию, мать честнáя? – удивился бывший текстильщик, который хорошо помнил только предложения, составленные не более чем из трёх слов.

– Экий ты беспамятный! – вновь попенял ему Володя. – Я же про этих мух рассказывал в своей искромётной лекции – помнишь, в главах 120-121 третьего тóма? Вот так пишешь, пишешь, а потом выясняется, что никто и не читает!

«Совсем с ума съехал», тепло подумал Николаич. «Наверное, от моего угощения!»

– А-а-а, – протянул сторож, – ты об этом? А я, знаешь ли, как-то про это быстро забыл – по *малозначительности* факта.

А вот автор, разумеется, не забыл, подтверждая эти свои слова вот таким невинным стишком под названием

Незамеченная трагедия

«Вот какая невезуха –
получил я в лоб удар!
Человек подумал: «Муха!»,
ну а я – простой комар.
Если б был я комарихой,
вот тогда ты в лоб и бей!
Я жужжу совсем ведь тихо,
драться ты со мной не смей!»

♠♠♠

Человек смахнул газеткой
насекомое с лица,
потянулся за розеткой,
наложил вареньица,

заварил покрепче чаю,
сахар зубом надкусил,
наслажденье предвкушая,
и – тотчас всё позабыл…

Здесь марсианин вспомнил, что так и не задал хозяину мучавший его вопрос.

– Старик, яйчики-бабайчики, а у тебя кофейку не найдётся? Для старого друга?

– Нет, – развёл руками хозяин и даже посуровел лицом, чтобы было видно, как он расстроен этим фактом.

Но Володя не растерялся и применил некую марсианскую технологию, с которой уже несколько раз успел ознакомиться мой читатель:

– А вот в той комнатке? В шкафчике с огромными бюстгальтерами? На третьей полочке сверху?

Валера поспешно прошёл в наташину комнату, открыл шкафчик, порылся среди милых хозяйке тряпочек, больше напоминающих танковые чехлы, и вдруг вытащил из-под них большую банку колумбийского кофе. Муравлёв недоумённо принёс кофе требовальцу, который тут же стал разглядывать его (кофе, а не Муравлёва, так как Муравлёва он несколько раз в жизни видел раньше), и понял, что перед ним знаменитый сорт «Букамаранга», в чьём аромате можно было угадать сразу два экзотических запаха – банана и южноамериканских душистых трав.

Зная собственные нравы,
зная собственный формат,
мы в продукт пихаем тра́вы,
чтоб почуять аромат!

Это был очень дорогой сорт, но писатель не стал говорить об этом художнику, чтобы не вызывать лишних волнений. Но лишние волнения, тем не менее, уже начали проявляться на лице Вплеры. «Откуда он узнал о банке?», пульсом забилась ревнивая мысль. «А что, если я, пока хожу в Бермудский Учпучмак, Кулемзин ходит сюда?!». Потом он сообразил, что во время этих посещений они всё время находятся вместе, и ревность его уменьшилась на 72 процента, но всё же не окончательно.

А Володя, не дожидаясь окончания этих мозговых действий своего товарища, уже вовсю колдовал над напитком. Отвернувшись от компании, он тут же соорудил ма-а-а-а-а-аленькую бутылочку хорошего французского коньяка «Napoleon Extra Old», разлитую в ёмкость ровно в 19 граммов, и решительно опрокинул её в готовый кофе.

Запах жгучей кофейно-коньячной смеси тут же стал смело проникать в мозговые извилины гостей очередного катрана[229], вызывая самые различные воспоминания. Например, Курманбаев вспомнил, что у него под кроватью стоит банка советского кофе «Желудёвый», которая доставалась из тайника примерно один раз в год – по случаю важных гостей, а Батыршин припомнил, что его однажды тоже пытался угостить каким-то кофе его друг старшина Кожамкулов, с которым они отмечали окончание *финансового года*, но не угостил, так как нескромный гость, то есть он сам, попросил ещё водки.

[229] Место сбора шулеров для игры в карты – феня

Сколь мозгами не тончай,
любим водку мы – не чай!

И, наконец, Полтавцева тоже пробило на воспоминание о том, что недавно он выу-

чил, как будет кофе по-английски, но новое слово ему не понравилось, так как умный сторож обнаружил в нём сразу две ошибки, то есть две лишних буквы – coffee, плюс явно неправильную первую букву, из-за чего несчастным иностранцам приходилось читать слово как со́ффее. Хорошо, что у них водка писалась по-человечески, хотя и импортными буквами – vodka!

Глава 149. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, О пиве лучше воды)

Но вот наконец все наелись, напились и условно успокоились. А условно потому, что неугомонные в мыслях и желаниях сопокерники и их друзья из числа художников и антенщиков не могли спокойно сидеть на месте, но так как после такого плотного обеда ничего делать, а особенно играть, не хотелось, все, на радость Муравлёву, принялись за отвлечённые разговорчики. Правда, старший кларнетист, несмотря на, что времени до вечера было ещё много, на всякий случай щёлкнул пальцами по горлу, демонстрируя известный любому советскому человеку жест, а в Красной Армии ставшим вторым по значению – после отдания чести.

Страсть давнишняя попёрла,
хоть от горя пропадай –
пальцем щёлкаю по горлу,
намекая: наливай!

Володя укоризненно поглядел на потенциального (и не только) алкаша и отрицательно помотал головой в его сторону, а вот в сторону котомки Афанасьича помотал положительно. Серёжа тут же развязал свой хурджин и, как патроны, раздал всем присутствующим по последней бутылочке пивка.

– Давайте лучше продолжим наш вечер воспоминаний с этого некрепкого напитка, – предложил писатель, и хотя абсолютно все были с ним не согласны, но спорить с тираном, который в данное время был одет в волшебную рубашку с волшебным кармашком, как-то не хотелось.

– А почему пиво? – всё-таки попытался взбрыкнуть Митрохин.

– Тебе, Васюхан, как новому члену нашего коллектива, я объясню, – с укором глядя на муравлёвского друга, ответил Альбионыч. – Вот смотри…

Антенщик тут же послушно выпучил на его глаза.

– Чтобы понять, почему мы сейчас будем пить пиво, а не, скажем, *линейку* армянских коньяков со сладкими для Талгата названиями «Арарат», «Двин» или «Ахтамар», надо представить себе стадо буйволов, – начал обзорную лекцию писатель.

Тут уже на него выпучили глаза все остальные.

– Но позвольте, мать моя партия, – воскликнул Курманбаев. – При чём здесь какое-то стадо?!

– Ты, Нуртай, как всегда, царица лесная, отличаешься крайней невнимательностью, – степенно попенял ему сторож. – Володя же тебе только что объяснил: не какое-то стадо, а именно буйволов!

Слы́шны взвизги поросячьи,
потому что факт правдив:
стадо буйволов проскачет,
все бутылки раздавив!

– Спасибо, старичок, – поблагодарил Кулемзин и продолжил:

– Так вот, вышеупомянутое стадо перемещается настолько быстро, насколько позволяет скорость са́мого медленного и ленивого буйвола. Надеюсь, никто не будет спорить с этим постулатом?

Все отрицательно помотали головой, а Серёжа, чувствуя свою причастность к рассказу, даже воскликнул:

– Я лично не буду!

– Поэтому, – продолжил литератор, а в данное время лектор, – когда стадо подвергается нападению хищников или охотников, погибают в первую очередь отставшие, то есть самые слабые и медленные особи, и я полагаю, что такой естественный отбор очень полезен для ста́да в целом, так как при этом существенно возрастает скорость и улучшается здоровье всего поголовья.

Вот такой эффект от пива,
словно от хороших слов:
посчитали нас по *тыквам* –
поголовье возросло!

«Да, но какое всё это поголовье имеет отношение к пиву?!», хотел было воскликнуть Мусаич, но не стал, ибо хорошо знал, что тут же подвергнется остракизму оппортунистически настроенного к нему марсианина.

– Вот также и человеческий мозг может работать так быстро, как самые медленные его ячейки!

При слове *ячейки* преподаватель еврейского колледжа сразу же вспомнил партийные ячейки, которые образовывал в начале прошлого века его кумир Ильич I, а потом даже воспроизвёл в голове несколько нетленных строк из книги Лазаря Моисеевича Кагановича «Хрестоматия для комсомольских политшкол I ступени»[230], а именно главу под названием «Ячейки – основа партии». Правда, его сладкие мысли всё время настойчиво перебивал голос Кулемзина:

– Думаю, что всем вам хорошо известно, что при *чрезмерном* приёме алкоголя погибают ячейки мозга, однако погибают самые медленные и самые слабые.

[230] Л. М. Каганович, «Молодая гвардия», М., 1925 – прим. полит. редактора

– И чё? – по-полтавцевски вопросил Салихдзяныч.

– И то, что регулярный приём пива во внутрь организма устраняет слабые и медленные ячейки мозга, – просто объяснил покерный гуру, – что позволяет превратить его в быстро и эффективно работающую машину! И именно этим объясняется тот факт, что после приёма, например, па́ры кружек пива человек чувствует себя намного изворотливее, ведь в нём раскрываются скрытые возможности!

Как-то по неосторожности
я открыл в себе возможности:
сколько мог, принял на грудь,
а потом – ещё чуть-чуть!

– Так мы же, святой Малевич, – воскликнул хозяин дома, не из кружек пьём, – а…

– …из ёперных бутылочек! – закончил его фразу военный трубач.

– Вот именно, мать моя КПСС! – подтвердил сказанное Курманбаев.

– Dixi[231], яйчики-бабайчики, – коротко ответил им лектор, а затем, видя недоумение, несколько расширил диапазон неизвестного присутствующим языка:

– Dixi omnibus sed, si ita perseveras, aliud dicere non possum[232]…

[231] ***Я всё сказал – лат.***
[232] ***Я всё сказал, но если вы настаиваете, я могу сказать что-нибудь ещё! – лат.***

В этот момент Васюхан сделал неловкое движение и опрокинул на пол и ложку, и вилку, которыми пользовался совсем недавно.

– Народная примета, – тут же отозвался охранник. – Если у вас упала на пол ложка или вилка, значит, у вас руки не оттуда растут!

– А знаете, почему я лично люблю именно пиво, а не, скажем, простую воду? – чтобы сгладить неловкость момента, произнёс Володя.

– Да потому, что дорогие напитки лучше дешёвых, – надменно откликнулся педагог.

– Нет, Нуртай, судя по себе, ты судишь всё человечество в целом, а в его рядах иногда встречаются совсем неплохие люди – вроде меня…

– Так почему, мать честнáя? – взволнованно воскликнул Афанасьич и даже навострил на заветную книжечку «Для му.мы.» свой карандаш, ибо чувствовал, что вот сейчас на одну, давно волнующую его тайну, станет меньше.

– Как известный поэт двух веков, – отозвался Альбионыч, – я облеку свою мысль в поэтическую форму:

Вода не так вкусна –
я пил её однажды.
К тому же влага та
не утоляет жажды!

– О-о-о-о! – простонал охранник и быстро-быстро, как Ленин в шалаше, застрочил в блокнотике. А автор, чтобы никто не остался без этой искромётной записи, заглянул Серёже через плечо, переписал стих, запомнил его, а теперь даёт насладиться им тебе, мой дорогóй и терпеливый читатель:

Вам скажу – не покраснею,
как мне чувство повелит.
Пиво чем воды вкуснее?
Тем, что жажду утолит…

Глава 150. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (кухня, О последних бутылочках)

Сделав свою искромётную запись, Полтавцев от счастья осуществлённого тут же начал махать руками – до тех пор, пока не уронил на пол свой двуцветный карандаш, не попал второй рукой по плечу Курманбаева, заставив его коротко зашипеть, а сам чуть не свалился со стула, ногой зацепив голень Васюхана.

– Ах ты ж, божье наказание! – воскликнул Митрохин.

– Нет, старичок, ты, яйчики-бабайчики, всё попутал. *Дедушкино*, как ты выразился, наказание, это вовсе не то, что ты думаешь.

– А что же? – занедоумевал антенщик, поднимая ноги с пола, по которому начал лазать охранник в поиске карандаша.

– Самое страшное *дедушкино* наказание – это аллергия на пиво!

И тогда все поняли, что Володя прав! Но не в смысле только что прозвучавшего предложения, а в том, что он вообще вспомнил одно из самых главных слов в жизни, стоя-

щее где-то на третьем месте в рейтинге предпочтений лучших представителей второго микрорайона города Отцеябловска Республики Саксаулии – после *родины* и *покера*. И этим словом, как уже догадался мой умный читатель, было слово *пиво*[233]!

[233] Поверьте, это именно так! – прим. автора

Пиво, известно, всему голова –
это совсем не пустые слова!
Пьём мы его каждый день не спеша.
Пиво – ты русская наша душа!

Найдя заветный девайс для создания шедевров книжечки «Для му.мы.», Афанасьич достал из-под стола котомку, до той поры тщательно охраняемую от остальных, и раздал всем по последней бутылочке. Салихдзяныч схватил свою бутылочку и по привычке тут же пристроил её горлышко к столешнице, но рука его была мгновенно перехвачена твёрдой дланью писателя.

– Талгат, – тихо произнёс он, – ты же не в родной казарме находишься.

– А где, йодистая казарма? – так же тихо спросил его унтер-корнет.

– Не заставляй меня применять самую известную на просторах отчизны рифму, – попросил его знатный поэт.

– А какую? – ещё раз уточнил военный музыкант.

– В Караганде, – соврал Володя.

Ведь на вопрос вопросов *где?*
отвечу я: «В белиберде!»

– А-а-а, – протянул трубач и открыл бутылочку зубами, произведя скрежет пенопласта по стеклу.

Кулемзин посмотрел на военного и спросил хозяина:

– Валера, надеюсь, у тебя есть шанцевый инструмент для вот этого трубадура?

Муравлёв молча открыл ящичек кухóнного шкафчика и нашёл там сразу четыре пивные открывалки, но извлёк только одну, которая соответствовала воинской специальности прапорщика – в виде гитары.

Но, как оказалось, на этом вопросы гостей не закончились.

– Николаич, а фужеров у тебя случайно нет? – неожиданно попросил педагог.

– А ты что, святой Малевич, шампанское с собой принёс? – под общий смех развенчал просильца хозяин.

Гусары, что бы там ни говорили,
могли в былые времена подать пример:
из женской туфельки они обычно пили –
в неё вмещалось больше, чем в фужер!

Но, наконец, все успокоились и принялись за пивопитие, а Кулемзин, по старой писательской привычке подмечать детали, сейчас усиленно собирал фактический материал для четвёртого тома «Русской кочерги»

Вот он заметил, как щетинистый кадык Батыршина задёргался, как ружейный курок, и Альбионыч даже поймал себя на мысли нажать на него – для выстрела .

Вот он заметил, как собственный язык, на которые попадáли капли благословенного «Тянь-Шаня», стал уже не таким шершавым, как был за минуту до этого.

Вот он заметил, как живот Митрохина, который и раньше не отличался стройностью, сейчас стремительно разбухал, как портфель бюрократа – справками.

Вот он заметил, как в руках охранника Полтавцева появилась какая-то подозрительная, покрытая соляной корочкой, неизвестная ихтиологам планеты, маленькая рыбка – по виду пиранья, которая округлила, словно от повышенного внимания, широко раскрытый зубастый рот.

Вот он увидел, как Муравлёв после пятой или шестой сегодняшней бутылочки всё же функционировал, но явно неадекватно оценивал окружающую действительность, – примерно как друг Барби по имени Кен с подсевшими батарейками. И так явно увиделась поэту эта картинка, что он даже вспомнил давний стих под нехитрым названием

Про куклу Барби

Воло́с желтеющие пряди,
пайетки, латекс, леопард,
ресницы – перья на параде,
make-up[234], солярий, боди арт –
твои резиновые губы,
из силикона буфера
кричат призывно, будто трубы:
«Меня любить давно пора!»

[234] То же, что фр. maquillage – прим. автора

Вот он заметил, как Курманбаев, прикончив уже которую за сегодня бутылочку, покраснел, как молоденькая практикантка-зоотехник на первом собрании трудового коллектива колхоза, раздувшись от пива (Курманбаев, а не практикантка) и напоминая дирижабль «Гинденбург» в канун рокового для него дня 6 мая 1937 года.

Но так как у каждого из шести присутствующих в руках было только по одной бутылочке, тонизирующее мероприятие закончилось как-то преступно быстро. «И что теперь делать?», билась в тыквах каждого одна и та же мысль. И покерные спецы, и хозяин до́ма, и его друг понимали, что вот сейчас кому-то из них придётся идти за добавкой. И вроде бы пива хотелось всем, а вот идти за ним – никому.

– Как хорошо известно из «Краткого курса печальной истории», – наконец нарушил общее молчание Кулемзин, – в СССР (б) было всего два сорта пива: «Пиво есть» и «Пива нет»

– И что? – с вызовом спросил Мусаич, которому всегда не нравилось, когда *всуе* поминали его любимую, но давно развалившуюся страну.

– Да то, что в Саксаулии, а, конкретно, в ареале нашего сегодняшнего обитания остался только один сорт.

– «Пиво есть»? – с надеждой вопросил его Митрохин.

– Нет, старичок, ты не угадал, – печально констатировал литератор.

– «Пива нет»? – весело догадался сторож, но все посмотрели на него столь сурово, что ему стало неудобно за такие кощунственные слова.

Провинция, столица –
все могут подтвердить:
пусть миру провалиться,
но чтоб пивко не пить?!

– А, может, посмотрим какие-нибудь кинематографические фильмы? – предложил Нуртай и, после того, как прапорщик метнулся в поисках унитаза, немного сменил пластинку:

– Или какие-нибудь телевизионные фильмы? Валера, надеюсь, в твоём доме есть приличный телевизор?

– Экий ты беспамятный, – попенял ему Альбионыч, – ты что, забыл, что свой телевизор Валера ещё 12 глав назад включал? Там ещё по Коло́мбо показывали…

Сериалы про Коломбо –
это, братцы, просто бомба!
Его образ Питер Фальк
протащил на фестиваль…

– А деньги есть? – потёр кончиками пальцев друг о друга Афанасьич, изобразив иностранный жест добычи средств на пивопитие.

Володя уже было решил ответить на страшную мысль сторожа, но вовремя вспомнил, что он поэт, и тут же выдал экспромт:

Глаз не пучь, не порть ты зренье,
словно свет тебе не мил:
нет причины для волненья –
деньги дома не забыл!

И такое, казалось бы, невинное слово *деньги* вдруг вызвало у исторически подкованного писателя мощный хронотопный выхлоп, но, к счастью читателей, которые не любят такие отклонения от основной темы, очень короткий.

Глава 151. О НЕКОЕЙ ДЕНЕЖКЕ (Хронотоп № 26)

– Расскажу вам об одной денежке, – начал он повествование, но был остановлен нервным смешком бывшего текстильщика:

– Так ты что, маразмат?

– Нет, Серёжа, – серьёзно ответил историк с писательским уклоном, – я не маразмат и даже не нумизмат – я просто люблю деньги.

При этих словах коммуниста Курманбаева немного перекорёжило, хотя, честно говоря, деньги он любил тоже.

– Так про какую денежку ты хочешь рассказать? – как хозяин до́ма, вернул повествование на старые рельсы Николаич.

– Она называлась «Тридцать семь рублей пятьдесят копеек», или, по тем временам, 100 франков. Это была *подарочная* русско-французская монета с двойным обозначением номинала, которая была отчеканена тиражом 235 экземпляров на Санкт-Петербургском монетном дворе в 1902 году. А выглядела она вот так.

При этих словах марсианин воспользовался одной из самых сложных технологий родной планеты *ъъъръъъ*, о которой уже упоминалось в главе 110 третьего то́ма «Русской кочерги», в результате чего в кухо́нном мареве появились два изображения – *аверса* и *реверса* упомянутой монеты:

– 37 рублей 50 копеек! – громко прочитал Полтавцев. – Не обманул!

– А мне, святой Малевич, кажется, что я видел такие же монетки, – вставил свои 37 рублей 50 копеек в общий разговор живописец.

– Ты прав, мой друг, – поддержал его воспоминание писатель с маразма… тьфу, с нумизматическим уклоном, – ведь по (прости, русский язык!) лигатурной массе, пробе золота и внешнему оформлению эти монеты были полностью идентичны ещё двум *донативным*[235] монетам достоинством в 25 рублей, выпущенным в 1896 и 1908 годах. Правда, по до сих пор неизвестным историкам причинам на *гурте* монеты вместо обычных инициалов имени и фамилии *минцмейстера* Петербургского двора была проставлена пятиконечная звёздочка, являвшаяся условным знаком Парижского двора.

[235] ***Подарочные, от лат. donо – дарю***

Жить без денег нам в тоске –
что в Париже, что в Москве!

– И для чего нужна была такая байда? – проявил любопытство антенщик.

– Хороший вопрос, Васюхан. Точная цель выпуска данной монеты неизвестна до сего времени.

– Я так и знал, ёкарные денежки, – горько заявил Салихдзяныч.

– Может быть, мать моя партия, её предполагалось использовать для международных расчётов и укрепления дружественных отношений с Францией? – предположил Курманбаев, и зря сделал, так как старший трубач тут же сорвался с места и скрылся в одном из подсобных помещений муравлёвской квартиры, откуда вскоре раздались страшные звуки, напоминающие библейскую иерихонскую трубу.

– В седьмой месяц, в первый день месяца, – пробормотал Володя, с ужасом слушавший всё это безобразие, – да будет у вас покой, напоминание о трубном звуке, священное собрание.

– А эта байда откуда? – вновь проявил любопытство Митрохин.

– Да из библии же, – с досадой ответил Кулемзин. – Там эта байда помечена как Лев. 23:23-25.

Меня всерьёз потряс ваш опыт ценный!
Религия, конечно – дело вкуса,
и всё ж, какие галлюциногены
вы жрёте для общения с Исусом?

– А этот лев, мать честная, действительно лев? – озаботился библейскими проблемами сторож.

– Да в том-то и дело, что нет. Враньё, как и всё остальное в этой книжке. На самом деле это Книга Левит, или третья библейская книга в составе так называемого Моисеева Пятикнижия.

– Так что насчёт денежки? – ломким голосом спросил Талгат, вернувшийся из незапланированной командировки.

– Ну, осталось только добавить, что массовый тираж этих непонятных рублей и копеек так и не был выпущен, а отчеканенные экземпляры были раздарены членам царской семьи: 200 штук получила императрица, 25 штук достались князю Георгию Михайловичу, 10 штук – князю Владимиру Александровичу.

И тут военный музыкант решил отомстить строптивому педагогу.

– А вот я слышал, – храбро заявил он, – что после революции всех вот этих, которых только что упомянул Володя, расстрелял лично Ленин, потом пошарил по их карманам и все денежки забрал себе!

Находясь на бюллетене
(был его желудок вздут),
замутил всё это Ленин
аж в семнадцатом году!

– А ведь мог бы, царица лесная, и пустить их на дело рабочего класса! – с негодованием поддержал версию Афанасьич.

Нуртай сорвался с места и через несколько секунд повторил страшный опыт бравого оловянного прапорщика.

Глава 152. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (зал, О телевизионных страданиях)

Итак, прошёл час жора, и после него должен был начаться долгожданный час игры,

но так хорошо было всем – с набитыми брюхами, что поневоле вспомнилось предложение Курманбаева о просмотре «каких-нибудь телевизионных фильмов»

Начинают отмирать
чувства – то, другое, третье,
начинаю понимать:
вновь настало лихолетье.
Стол, уставленный едой,
блеск посуды, звон бокалов –
мир не шире, чем ладонь
телевизорных экранов…

Все встали из-за стола и по одному – как заключённые на прогулке – начали выходить через узкие двери в собственно квартиру, а Кулемзин при этом подумал, какими же всё-таки садистами были советские архитекторы (б), рассчитывающие на то, что в этих домах будут проживать сплошь дистрофики. Первым из кухни вышел хозяин, споро побежавший в зал, где и включил аппарат для наслаждений, который тут же стал самовыражаться неясными сполохами.

Курманбаев, которому удалось вкусить пищи больше остальных, тяжело опустился на покрытый цветным половиком рассохшийся диван, который стоял в углу так называемой большой комнаты, словно стреноженый конь. Почувствовав 90 килограммов саксаульского тела, он (диван, а не конь) также тяжело вздохнул, крякнул, скрипнул и заметно просел, изображая тенденцию к вероятной поломке. Хозяин хмуро поглядел на неучтивого гостя, но ничего не сказал, боясь обвинений в скаредности.

Рядом с Мусаичем плюхнулся Афанасьич, подняв при этом весёлый столбик пыли, которой тут же начал радостно дышать. Он схватил пульт и стал играть с ним, как девятимесячный малыш с привязанной к изголовью детской кроватки нерадивым и похмельным папашей непомытой сковородкой. В ответ телевизор стал выдавать (в зависимости от включаемых каналов) некие картинки разной степени цветности и яркости. Всё было как всегда: где-то стреляли и убивали, где-то веселились и жрали, где-то любили и ненавидели, заставляя подневольных телезрителей смотреть не то, что они хотят, а лишь то, что предлагает им телепрограмма.

Плохой купил ты телевизор –
в нём лишь убийства и разврат!
Верни наш старый, чёрно-белый,
где мир, Гагарин и «Мосфильм»…

Первым отличился, как и положено по названию, Первый канал, который страшно любил повторять набившую оскомину якобы весёлую передачу «Поле чудес». Так как на экране были только ведущий и худой испуганный мужичок, телезрители из числа покеристов поняли, что показывают уже финал. Так и оказалось.

– А вот и суперприз – квартира в Москве! – орал ведущий. – Вы готовы?

Мужичок испугался ещё больше и втянул голову в плечи, словно ожидая, что его сейчас раздавит страшно сложным вопросом.

– Итак, вопрос из истории государства Российского. Хм-м-м, вообще-то он состоит из двух вопросов. Давайте так: если вы ответите на оба, то к суперпризу – квартире в Москве, мы добавляем ещё и автомобиль! Согласны?

Мужичок с ужасом кивнул головой.

Якубович поглядел в бумажку, хитро улыбнулся и произнёс:

– На мой взгляд, второй вопрос явно легче первого! Ну-с, с какого начнём?

– Хорошо, давайте со второго!

– Попрошу полную тишину в студии! – заорал ведущий. – Итак, второй вопрос: и в каком году это произошло? Минута пошла!

– Серёжа, переключи! – хором попросили все страдающие.

Полтавцев лихо щёлкнул пультом, как пастух кнутом, так и не узнав, чем закончилась эта ужасная история.

Искусство было много лет блестящим,
игра актёров – всякий раз сюрпризом,
но вот театр сыграл однажды *в ящик*,
и эту дрянь назвали телевизор…

На следующем российском канале было не веселее: здесь некие скучные люди в галстуках говорили какие-то бессмысленные слова о демократических реформах, которые не имели ничего общего с проживающим в стране демосом. Писатель, когда видел подобные посиделки, всегда вспоминал свою же мысль на эту тему:

Демократия – это когда народ может послать власть туда, где находится сам…

Здесь только власть в открытой силе,
что удержалась в борозде,
ведь демократия в России –
такой же блеф, как и везде…

– Реформы какие-то, мать честнáя, – пробормотал сторож. – Что это ещё за реформы такие?

– Демократические, мать моя партия, разве не ясно? – объяснил ему Нуртай, после чего Полтавцев в надеждой повернулся к Володе.

– Серёжа, всё это очень просто, – поведал Альбионыч. – Вот представь, что ты приходишь, например, в гости к Зуле и садишься пить с ней чай. Это нормально?

– Завсегда! Всенепременно! – заверил его охранник.

– Или ещё один пример: ты приходишь в гости к Зуле, снимаешь штаны и занимаешься с ней одним приятным делом…

Педагога немедленно бросило в краску.

– Но это же тоже нормально?

– Ещё бы, царица лесная! – подтвердил Афанасьич.

– Но вот если ты приходишь к Зуле, снимаешь штаны, а потом садишься пить с ней чай – вот это уже ненормально. Но именно это и есть демократические реформы!

– Вот теперь вообще всё понятно! – просиял экс-текстильщик, выхватил из котомки книжечку «Для му.мы.» и быстро, чтобы не забыть, записал: «Только что Кулемзин объяснил мне, что когда мы с Зулей трахаемся, то считается, что мы занимаемся демократией – что бы там не говорили всякие большевики из соседней квартиры!»

Затем депутаты, видимо, Госдумы по очереди стали выходить на трибуну и произносить пламенные и яркие речи о борьбе с коррупцией и патриотизме, от которых простому народу всегда хотелось блевать.

«Каждый раз, яйчики-бабайчики», подумал Володя, «когда я слышу о борьбе чиновников с коррупцией, мне почему-то вспоминается старая шутка: «Глупо бороться с проституцией силами самогó борделя!». А вслух пробормотал:

– Кстати, в стране, где народ доволен жизнью, ни о каком патриотизме не слышно ни слова. Так, например, живут в Таиланде…

Известен даже в анекдотах
тот постулат – совсем простой:
нужны стране не патриоты,
а работяги с головой!

Затем в перерыве между заседаниями каких-то рабочих комиссий к уставшим от напряжённой трудовой деятельности депутатам прорвался корреспондент и задал вопрос главному таможеннику России Михаилу Ванину:

– Михаил Валентинович, а вот скажите, как председатель государственного таможенного комитета, почему вы решили стать именно таможенником, а не, скажем, сантехником или космонавтом?

– В детстве я посмотрел фильм «Белое солнце пустыни», – важно ответил депутат. – И ещё тогда меня потряс образ бескорыстного, преданного родине таможенника Верещагина. Ну, и конечно, его ежедневная тарелка чёрной икры!

Глава 153. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (зал, О телевизионных страданиях, продолжение)

После этого корреспондент, радуясь, что развёл чиновника на такое откровение, взял ещё несколько подобных интервью у этих людей из нечистого помёта современных «демократов». Было видно, что он давно работал в прессе, и знал, что жизнь «народных» депутатов напоминает покер в казино под присмотром крупье в виде президента страны: все темнят, блефуют и передёргивают – в силу своих способностей во имя своих потребностей!

Посмотрев этот сюжет, Володя вспомнил забавную прибаутку: «Знаете, почему депутаты *спидом* не болеют? Да потому что их никто не любит!». Он смотрел на этих людей и думал: пройдёт ещё десять лет, и те же самые люди будут говорить с экрана те же самые слова, причём по-прежнему используя глаголы в будущем времени, а остальные – водители, врачи, учителя, спортсмены, продавцы и другие будут жить своей жизнью, вырабатывая ежедневный рабочий пот.

Чем пахнут ремёсла

У каждого дела запах особый:
в булочной пахнет сгоревшею сдобой,
мясом протухшим пахнет мясник,
газом угарным пахнет печник,
пахнет молочник прокисшей сметаной,
пахнут шахтеры горелым метаном,
пахнет газетчик как дохлая *утка*,
как парфюмерный отдел – проститутка,
пахнет хирург неудачным наркозом,
пахнет доярка вечерним навозом,
содранной шкурой пахнет скорняк,
ассенизатор – знаете как,
пахнет кухарка капустою кислой,
пахнет сестра медицинская клизмой,
тёщи, как правило, пахнут блинами,

все на таможне – большими деньгами,
пахнет партиец как красные флаги,
нянечка пахнет подгузником «Хагги»,
пахнет сапожник густым гуталином,
а от портного несёт нафталином,
столяр слегка отдает скипидаром,
а постовой на углу – перегаром,
пахнет аптечный киоск аспирином,
а популярный певец – кокаином,
консул английский пахнет овсянкой,
школьный учитель разит валерьянкой,
пахнет несвежим солдат сапогом,
пахнет горячим браток утюгом,
пахнет ревматик озокеритом[236],
пахнет любитель-рыбак динамитом,
килькой в томате пахнет турист,
йодом с зелёнкой – спортсмен-альпинист,
пахнет священник святою водою,
пахнут раввины кошерной едою,
азбукой Морзе пахнет радист,
а героином – контрабандист,
нефтью разлитой пахнет моряк.

♠ ♠ ♠

Лишь депутаты не пахнут никак…

[236] Природный углеводород из группы нефтяных битумов, является ценным сырьём для медицинских целей. Народное название – горный воск – прим. мед. редактора

Дальше всё пошло ещё хуже – сторож щёлкал пультом, перескакивая с канала на канал, но, как говорили наши бабушки и дедушке на заре телевидения, «смотреть было нечего». Несколько каналов, как будто специально для посиделок Кулемзина, Батыршина, Курманбаева, Полтавцева, Митрохина и принимающего их Муравлёва, продолжали издеваться над невольными телезрителями сюжетами на политические темы. Например, грузинский канал «Аджария» показывал гордых кавказцев, которые, потучнев и расхрабрившись «за гранью дружеских штыков»[237], снова обрели свой вожделенный цитрусовый суверенитет. Хорошо, что передача уже заканчивалась, и гости Николаича увидели на экране титровые колонки, свитые из страшно закорючистых грузинских букв. Канал РТР вспоминал ещё первую чеченскую кампанию, где в кадре вместе с олигархом Березовским мелькал некто Грачёв – министр обороны (б) с лицом уголовника.

[237] Строка из поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (1837) – прим. лит. редактора

Новый канал ВТБ, который никто из нормальных людей не смотрел, так как там без перерыва на еду и сон крутили какие-то биржевые новости под скучные картинки в виде таблиц и графиков, сегодня давал в эфире более-менее живую передачу – о какой-то бирже, что называется, изнутри.

Альбионыч, как и миллионы его сограждан, видел эти биржи только по телевизору, и его всегда поражал их вид – старинные, как правило, здания со стеклянным потолком, каковой, например, была биржа в са́мом центре Москвы. Здесь всё было *как у больших*, как в Токио или каком-нибудь Нью-Йорке – ряды компьютеров, беспрерывный телефон-

ный трезвон, легион мальчиков в белых рубашках и непременно без пиджаков, говорящих в три трубки сразу, ряды часов, показывающих так называемое *мировое время*, электронные табло с загадочными символами, меняющимися с такой быстротой, что разобрать ничего было нельзя, шумная толпа в центре зала, размахивающая руками, как дикари во время ритуальных танцев – короче, всё было воспроизведено с иностранной кальки до мельчайших деталей. Литератора не оставляло впечатление, что вся эта биржа – не более чем декорация, и все, кто работает здесь, кроме разговора в три трубки и ритуальных плясок, должны ещё закидывать ноги на столы, сомкнув на затылках уставшие бизнесменские руки.

Не надо знать учёных книжек,
и в вузе незачем корпеть,
чтоб торговать на нашей бирже –
потеть, кипеть, хрипеть, болеть!

Затем четыре канала подряд предложили своим зрителям тягомотные зарубежные сериалы – тоскливую бодягу для слабоумных. «Важнейшим из искусств для нас стало телевизионное *мыло*!», подумал марсианин. Вот и сейчас на одном из саксаульских каналов шла очередная *мылодрама*, где некий ловкий мачо идеологически поражал наповал всех красавиц, попавших в поле его зрения. Особенно живописно страдала от этого испанообразная девица с оперным именем Кармен. На следующем канале, куда Полтавцев попал с одобрения всех присутствующих, завораживал интеллектом мексиканский сериал «Любовь и отчаяние»

– Ты любишь меня, Альфонсио? – спрашивала молодого мужа Роза.

– Как ты можешь спрашивать об этом, драгоценная? – гнусавым голосом отвечал за героя переводчик.

– Но тётушка Мерсéдес сказала мне, что ты меня не любишь, – капризно и трагично шептала несчастная жена.

– Я же сказал, что обожаю тебя, – ласково поводил бровью красавец Альфонсио.

– Но и сестра Сесилия тоже сказала мне, что ты не любишь меня, – настаивала Роза. – Более того, она сказала, что ты спишь совсем с другой женщиной!

– Роза! Давай не будет говорить об этом, тем более у постели твоего смертельно больного брата Хуана…

Здесь даже Афанасьич отчётливо понял, что эту схватку с заморским интеллектом он проиграл напрочь, и тут же переключил телевизор дальше.

«Да, после таких фильмов начинаешь тихо ненавидеть братьев Люмьер[238]», подумал Кулемзин.

[238] Луи и Огюст Антуановичи Люмьер – изобретатели кинематографа – прим. кинередактора

Я долго сериал понять пытался:
темно, в бунгáло плотно дверь закрыта,
и лишь по именам я догадался,
чем занимались Хулио с Кончитой!

Глава 154. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (зал, О телевизионных страданиях, окончание)

Но вот наконец телевизор показал хоть какое-то разнообразие: на «Eurosport 1», судя

по всему, шло напряжённое соревнование по ушу́. Альбионыча поразило то, что стиль одного из спортсменов комментатор называл *пьяная сабля*, радуя при этом зрителей такими словами:

– Посмотрите, как хорошо выступает этот спортсмен! Как похоже он копирует движения пьяного человека! Сразу видна большаáя работа с тренером…

А на «Eurosport 2» без всякой логики с текущим летом шли женские соревнования по кёрлингу. Володя поглядел на спортсменок, пытающихся выбить так называемые камни из круга, хитро нарисованного прямо на льду, и подумал, что если посмотреть этот кёрлинг в обратной перемотке, то можно будет увидеть, как камень движется на орущих баб, которые пытаются отпихнуть его шваброй!

Если дома очень грязный пол,
ну, а ты не хочешь убираться,
подскажи соседкам: дескать, мол,
кёрлингом им надо заниматься!

На следующем канале проходила модная в этом сезоне новая передача под эпатажным названием «Битва экстрасенсов». На экране *визави* сидели двое – ведущий и какая-то молодая девушка, по виду ведьма.

– Перед вами, Эсмеральда, фотография человека, – показывал ей картинку ведущий.

Ведьма кинула невнимательный взгляд на картинку, как бы подчёркивая, что внимание при её даре вовсе не обязательно.

– Расскажите, что с ним случилось.

– Он сфотографировался.

– Поздравляю, это блестящая отгадка! Вы в финале!

Экстрасенс руками машет –
так внимание привлёк,
что в кармане тёти Маши
рассосался кошелёк!

На канале «Индия» шёл одноимённый фильм про запутанные отношения между индийскими мужчинами и женщинами. Как показалось писателю, речь в фильме шла о некоем психоаналитике, потому что индиец, сидевший в комнате с табличкой «Психоаналитик», втолковывал измождённой жизненными трудностями молодой индианке с точкой на лбу:

– У вас есть проблемы? Вы хотите станцевать об этом?

И, как тут же выяснилось, угадал!

Индийский триллер длится больше часа:
повсюду трупы, близится финал!
И тут один вампир не удержался,
и, умирая, всё же станцевал!

Ну, и конечно же, ни один саксаульский телевизор не обходился без показов музыкальных клипов! Особенно отличался канал MTV, который крутил эту лабуду круглосуточно. Бредятина, что изливалась с экрана, месила мозги словно бетономешалка. Полуголые девицы и явно *голубые* с толстыми задницами скакали под ужасающую попсовую музыку среди каких-то искусственных цветов и казались персонажами некоего алкогольного психоза.

– Прямо *караока* какая-то, – посетовал Серёжа.

– Я пытался уехать в Израиль:
я брал острую бритву
и правил себя…

– тоскливым голосом тянул уже начинающий выходить в тираж когда-то популярный Вячеслав Бутусов из группы «Наутилус Помпилиус»

– Она хотела бы жить на Манхэттэне,
но дома ждёт пакет в пакете с пакетами…

– вторила ему недавно образовавшаяся, но уже успевшая набрать популярность группа с претенциозным названием «Банд'Эрос»

«Почему все эти русские люди поют про зарубеж?», поразился Кулемзин, но делал это недолго, так как в эфир ворвался чей-то неопознанный пронзительный голос, но почему-то не певший песни, хотя это и был явно музыкальный канал, а как бы читающий стихи под музыку. «Рэп», догадался литератор.

Сегодня он читает рэп,
а завтра враг, глядишь, окреп!

И только один канал с хорошим названием «Детский» искренне порадовал марсианина, демонстрируя малышам старый советский мультик «Левша» – о первом русском нанотехнологе, снятый ещё 39 лет назад Иваном Ивановым-Вано. Про нанотехнолога Володя придумал не просто так, а оттого, что как-то вечером – от нечего делать – решил отточить мозги, изображая себя составителем текстов некоего голливудского журнала, который рекламирует фильмы. И вот что, кроме «Левши», у него получилось. Итак, обзор фильмов, крайне необходимых всем саксаульцам для улучшения их многотрудной жизни в родной стране.

Глава 155. ОБЗОР ЛУЧШИХ ФИЛЬМОВ ГОЛЛИВУДА 2003 ГОДА

«Буратино». Футуристический боевик

Дендромутант Буратино бежит от своего создателя – безумного итальянского учёного Карло. Странствуя по стране, он встречает группу мутантов и становится во главе их восстания. Этот фильм показывает жизнь социального дна, где по улицам ходят мутировавшие животные-нищие, а черепахи умеют говорить. Герои узнают, что весь этот театр абсурда контролируется мастером марионеток Карабасом.

У Карло как-то – папы своего
спросил уже подросший Буратино:
– Так почему мне нравится Пьеро,
а остальным – красавица Мальвина?
К вопросу папа был давно готов
и закурил, достав сверло из дрели:
– Все куклы из берёзовых стволов,
а ты – из голубой, гламурной ели!

«Доктор Айболит». Мелодрама

Популярный сериал, получивший несколько наград, показывает жизнь простой сельской ветлечебницы. Любовь и предательство, жизнь и смерть, невиданные страны, куда наш герой едет по линии ООН, жестокая мафия, возглавляемая китайцем Бар Ма Лей – всё это увидят зрители в двух сериях фильма.

«Муха-Цокотуха (Муха-2)». Фантастика, эротика

На этот раз учёный экспериментирует с половыми клетками дрозофил и превращается в муху женского пола. Оказывается, в мире насекомых есть свои сексуальные маньяки и спасатели-женихи.

Приз за лучшую эротическую сцену любви мухи и комара.

«Колобок». Детский мюзикл

Много приключений предстоит пройти главному герою – симпатичному монстру по имени Колобок, прежде чем он научится отличать настоящих друзей от хищников, и едва не погибнет в пасти маньяка по фамилии Fox[239].

[239] *Лиса – англ.*

Премия «Оскар» за музыку к мультфильму. Музыка: Элтон Реджиналдович Джон, Уитни Джоновна Хьюстон, группа «Металлика»

То ли бабка в потёмках амбар помела,
то ли очень лениво сусеки скребла,
но деток иметь Колобку не светило:
бабке с дедом чуть-чуть муки не хватило!

«Лиса и Журавль». Мелодрама

Два одиноких человека (Том Джеффриевич Хэнкс и Мэг Энтониевна Райан) знают друг друга только по надписям, которые оставляют друг другу на меню в ресторанчике в центре Нью-Йорка. Но вот однажды он решился пригласить её на ужин...

«Тараканище (Парк Юрского периода - 5)». Триллер

И снова мы встречаемся с Островом Динозавров, на этот раз весёлую экскурсию туристов-наркоманов (медведи на велосипеде и т.п.) преследуют ископаемые гигантские насекомые, по ошибке выведенные из яиц.

Приз «Оскар» за спецэффекты.

«Репка». Детектив

Полицейский-пенсионер (Альфредо Сальваторевич Аль Пачино) охотно соглашается расследовать своё последнее дело о таинственных захоронениях в городе Репка, штат Миссури. Но, вынужденный вернуться к работе, герой понимает, что без семьи ему не обойтись.

Наконец раскрыт секрет
(случай очень редкий!):
как добился старый дед
гигантизма репки?
А делов-то там всего
на пятак едва ли, –
просто деду ГМО-
семена прислали!

«Федорино горе». Мистика

Героиня этого фильма (Николь Марковна Кидман, приз за лучшую женскую роль)

живёт одна в доме, где внезапно начинают происходить странные вещи в виде полтергейста! Только в са́мом конце она узнаёт, кто на самом деле был чайником...

«Трое из Простоквашино». Авторский фильм

Нетороплива и неспешна жизнь в небольшом американском городке, типичной глубинке. Именно здесь поселяется в заброшенном доме ребёнок, страдающий аутизмом. Он сбежал из семьи, надеясь провести остаток дней в обществе найденных им кота и собаки. И только благодаря самоотверженной душевной работе социального работника-психоаналитика со странной фамилией Pechkin , мальчику начинает открываться мир.

«Царевна-Лягушка». Ужасы, эротика

Кто мог знать, что милая лягушка, приобретённая юным вивисектором, окажется оборотнем-нимфоманкой? Любовь способна творить чудеса? Слишком поздно. Сцена секса на болоте быстро стала классикой эротического кино.

«Мойдодыр». Мистика

Они рядом. Они способны вселяться в любые предметы. Вы думаете, это умывальник? Как мало вы знаете о них!

Умывальник Мойдодыр
рано утром кран открыл.
Приходи к нему умыться
и ворона, и ослица,
утконос и светлячок,
и жирафиха!
Всех умоет поутру
мылом розовым «Дуру́»!

«Чипполино». Молодёжная комедия

Жители бедного чёрного квартала живут своей жизнью. Есть в ней место и приколам, и местным трагедиям, но все они – только для своих.

Парень-рэпер (специально омоложенный компьютером Эдди Чарлзович Мёрфи), чей отец сидит в тюряге, метит в высшие слои общества. Всё это сопровождается гэгами и остроумными выходками, чего только сто́ит сцена пуканья в обществе графинь Черри. Аристократы краснеют как помидоры, но ничего не могут противопоставить жизненной энергии молодости.

Глава 156. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (О московских правилах)

«Пора́!», подумал муравлёвский гость из числа писателей. «Пора́ брать так называемые бразды правления в свои натруженные поэзией руки!», а вслух не сказал ничего, так как в этот момент стоял у окна, заштрихованного дождиком, и смотрел на это непрекращающееся *дедушкино* безобразие.

Небеса работали добросовестно, явно перевыполняя сегодняшний план по мелиорации. Мелкие капли не переставая сыпались из низких и серых, как милицейская форма, облаков. И всё-таки обилие влаги за окном уже перестало казаться прелюдией конца света: это был самый обыкновенный летний дождь, по которому соскучились пересохшая земля и раскалённый солнцем асфальт.

Летний дождик – нету лучше,
чтоб жару предотвратить,
ведь в себя вбирает туча
воду – чтоб её пролить.

Потемней она, чем в мае,
где дожди – на посошок,
туча влагу набирает,
как морковь в худой мешок.
Нити óблака ослабли –
с неба сыплется кефаль:
то пружинистые капли
бомбарди́руют асфальт.
Барабанят так певуче,
словно взяли ноту *ля* –
полилась вода из тучи,
ребятишек веселя.
Послесловье майских оргий,
дождь сейчас чуть-чуть немой, –
жаль, что только он недолгий –
этот летний праздник мой…

– А не сыграть ли нам *гостевую* партию, дети мои? – повернувшись к коллективу, наконец произнёс Кулемзин.

– А почему гостевую? – задал глупый вопрос Полтавцев, на который, к его разочарованию, не спешил ответить никто.

«Какая чёрствость в отношениях!», подумал сторож. «Ничего – в игре наверстаю…»

Остальные покеристы, то есть Курманбаев и Батыршин, тяжело вздохнув разом, как будто тренировались для этого вместе, уселись за стол в центре большой комнаты, которую хозяин, а вслед за ним и автор, именовали зáлом.

Володя с удовольствием разложил возле себя три самые необходимые вещи для прекрасной игры: *раскладку* для записей промежуточных и окончательных результатов, авторучку – для осуществления этих записей, и собственно карты, собранные в одну колоду и смирно дожидающиеся своей очереди побывать в чьих-то руках – тёплых и холодных, сухих и потных, честных и алчных, etc[240]. Но перед тем, как начнётся игра, он решил порадовать своих противников неким знанием, до этого тщательно им скрываемым, но не для того, чтобы всегда побеждать, а просто считал, что пока время не пришло. И вот теперь это время пришло – время краткой лекции о московских правилах.

[240] И так далее – лат.

Спорить с Сукой-судьбой я не буду,
три туза *заховав* в рукаве:
алкаша никогда не забуду,
если с ним побухáл я в Москве!

– Что такое московские правила, мои маленькие друзья? – неожиданно вопросил он, поглядев не только на игроков, но и на друзей – художника и антенщика.

– Думаю, мать моя партия, – тут же откликнулся педагог, – что это правила поведения на улицах столицы нашей родины – СССР!

«Неправильно, йодистая родина!», хотел было воскликнуть старший прапорщик, но мысль не успела за ногами, которые уже вовсю несли его в некую маленькую комнатку, где можно было, не стесняясь, изобразить своё возмущение словами Нуртая.

– А я думаю, что это правила для игры в *московскую*, – выдвинул свою версию Митрохин.

– А эт’ чё? – интеллигентно поинтересовался у него Афанасьич.

– Да бильярд же, – удивляясь его бестолковости, ответил Васюхан. – Есть простая игра, а есть московская – одним шаром.

– Одним шаром, царица лесная?! – не поверил охранник. – И куда его надо катить? В Москву, что ли? – после чего зашёлся истерическим смехом, в явном восторге от собственной шутки.

«Экий он всё-таки бестолковый», подумал гость, а вслух объяснил:

– Нет, Серёжа, белых шаров всего 15, игроков – двое, а вот биток, он же полосатый, он же красный, он же *копчёный*, всегда один. Вот им и играют…

– А остальными-то что делают? – никак не хотел въезжать в правила слишком сложной игры бывший текстильщик.

– Играют, – передёргиваясь от отвращения, промолвил антенщик. – В лузу…

Как сказал, почёсывая пузо
пяткою, персидский падишах:
«Ежели тебя назвали *лузер*,
ты, скорей всего, бильярдный шар!»

– Какие ещё будут мнения? – терпеливо поинтересовался марсианин. – Только прошу, не выдвигайте версию, что это правила выгула московской сторожевой в собственно Москве!

Военный трубач, к тому времени вернувшийся в коллектив, чуть было не подавился именно этой фразой, которую он только что придумал сам – во время тяжёлого возвращения, но которую только что озвучил Володя.

– А я, ёкарная версия, ничего и не выдвигаю, – пробурчал татарин.

– Так ты расскажи, – попросил Васюхан, – а то мы так и скончаемся в полном неведении относительно этой штуки.

– Этой штуки, говоришь? – улыбнулся литератор. – Тогда слушайте. Так называемые московские правила – это вовсе не то, что вы сейчас несли в своём бреде, а просто набор неких (прости, русский язык!) эмпирических правил, сформулированный ещё во время холодной войны сотрудниками западных разведок и дипломатических миссий, работавших в Москве.

От Москвы до ближнего болота,
от морей британских до тайги
быть столпами трезвого расчёта
могут лишь шпионы и враги!

– Эт’ как, мать честна́я? – попросил расшифровать один из слушателей.

– А вот как. Всех шпионов, засылаемых в СССР (б), никак не могли обучить той огромной массе социальных прибамбасов, с которой *наш* ребёнок уже просто рождался. И поэтому шпионы опытные, чтобы помочь своим молодым коллегам, и сочинили эти правила поведения – для того, чтобы не раскрыться перед *о́рганами* раньше времени.

– Ловко, ёкарные шпионы! – похвалил неизвестных лазутчиков старший трубач.

– Конечно, ловко, причём, так ловко, что вскоре эти правила стали *общепринятой базой* для проведения операций в са́мом трудном из всех оперативных окружений – советской столице. Так что когда агенты оказывались в Москве, они уже знали эти правила наизусть.

– Наизусть? – не поверил второй слушатель. – Святой Малевич, так это же трудно!

– Вовсе нет, яйчики-бабайчики, потому что правила были очень простыми и полны здравого смысла.

– А где можно, мать моя партия, с ними ознакомиться? – поинтересовался третий слушатель.

– В Международном музее шпионажа в Вашингтоне, – просто ответил лектор. – Там прямо на стенке есть экспонат под названием «Московские правила», видимо, чтобы никто ничего не перепутал. И вот эти строки американцы на всякий случай выгравировали на металлической пластине:

Ничего не предполагайте заранее.
Доверяйте своей интуиции.
Под контролем противника может быть кто угодно.
Не оглядывайтесь, вы никогда не один.
Двигайтесь с потоком, сливайтесь с ним.
Меняйте темп и рисунок, не отклоняйтесь от легенды.
Успокаивайте противника ощущением соответствия.
Никогда не унижайте и не оскорбляйте противника.
Выбирайте время и место для действий.
Оставляйте открытыми варианты.

– Нет, подожди, – поднял вверх палец Митрохин.

– Подожду, – благосклонно согласился Альбионыч.

– История, конечно, интересная, что и говорить, но зачем она сегодня нам?

– Тебе, Васюхан, – ответил покерный гуру, – может, и не нужна, а вот игрокам нашей ПОЛК, я думаю, всё-таки пригодится.

– И чем же? – скептически вопросил педагог и даже оглядел всех присутствующих, как бы предлагая присоединиться к своему скепсису.

– Да тем, неразумный Мусаич, что эти правила *один в один* применимы и для нашей великой *русской кочерги*!

Мы всё время страшно шутим,
словно *дедушка*-творец:
всяк игрок – шпион по сути:
раз попался, то конец!
Вновь об этом смыслом мутим,
как наглец-купец-делец:
всяк шпион – игрок по сути:
проиграл, и всё – конец!

– Точно! – расцвёл Полтавцев, лихорадочно расстегнул котомку, вытащил из неё заветный блокнотик «Для му.мы.» и накаракулировал только что полученную мудрость: «Только сейчас я понял, что у Вовки всё-таки можно выиграть! Правда, для этого надо иметь хорошую память и быть вашингтонским шпионом!»

Глава 157. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра)

Давно доказано, что все сражения, какие только происходили на Земле с начала времён, имели экономические первопричины. Например, крестовые походы были вызваны поисками новых торговых путей на Восток, и даже война, которую затеял некий сластолюбивый хан для того, чтобы якобы захватить грузинскую царицу Тамару в свой гарем, тоже имела свою таинственную экономическую основу, до которой, правда, ещё не докопались историки.

И только ежедневные сражения, которые устраивали наши герои, имели совсем другие причины, и автор, коий уже впихнул своему читателю аж три с половиной тома романа, предлагает ему самому́ (читателю, а не роману) догадаться об этих причинах, причём, даёт одну подсказку – слово *любовь*.

Четверо покеристов чинно уселись за стол, который в любом доме называется обеденным, потому что стоит в зале, – чего никак не могли понять иностранцы, изучающие русский язык. Володя сел слева от окна, чтобы сквозь серую сетку дождя на *раскладку* попада́ло как можно больше света. В это время с неба ударила неудержимая и испепеляющая, как первая оргазм, молния, и в комнате стало на 17,8 люксов светлее. А у писателя-меломана этот природный катаклизм вызвал воспоминание об одной из самых чудесных и лиричных композиций, какие он слышал в своей многотрудной жизни – песне «Rain[241]» в исполнении замечательной британской группы «Uriah Heep». И вот сейчас он как бы наяву услышал строки:

It's raining outside,
but that's not unusual,
but the way that I'm feeling
is becoming usual[242]…

[241] Дождь – англ.
[242] На улице дождь,
но это не редкость,
ведь то, что я чувствую,
становится привычным ... – англ.

Мысленно допев песню до конца, он сдал всем по одной карте – картинками кверху, ведь именно так определялась очередь: кто начинает игру, а кто ходит за ним вслед. Самая крупная карта, то есть червовый король, досталась как раз Альбионычу, и он тут же сдал вновь по одной карте, но на этот раз кверху рубашкой. Игра началась.

Первые пять-шесть робберов традиционно были как бы разминочными, если, конечно, кому-то одному не везло слишком особенно. Но на этот раз всё прошло ровно, и к концу шестого роббера у всех четверых покеристов было практически по одинаковому количеству очков. Правда, на десяток очков было больше у коммуниста, но до конца партии (не КПСС! – Вл. Г.) надо было сыграть ещё 21 роббер, а, значит, было время выровняться и даже обойти противников.

Чтобы враг мой был убит,
я давлю на газ – first speed[243]!

[243] Первая скорость – англ.

И всё было бы, как всегда, то есть привычно и даже немного скучно, потому что комбинации карт, не смотря на их обилие, всё-таки иногда повторялись, если бы не разговоры во время игры, которые особенно любил Муравлёв – потому что не играл со всеми, а вот теперь хоть за какое-то разнообразие полюбил и его друг Митрохин.

Вот литератор, открыв роббер на семи картах, вдруг почувствовал, что на этот раз Сука-судьба повернулась к нему всерьёз и надолго. С такими хорошими картами тело его, уже немного прибитое пивной влагой, которое называлось живительной только в насмешку, вновь налилось силой, все тревоги съёжились, как пережаренные тефтели, и утонули в соусе отличного настроения. Правда, немного портил игру Афанасьич, который, казалось, швырял карты на стол не думая.

– Включай (прости, русский язык!) потенциал, Серёжа, – попенял ему марсианин.

Полтавцев тут же немедленно густо покраснел.

– Зачем ты так, Володя? – наконец выдавил из себя он. – Какой у меня потенц, царица лесная, только Зуля хорошо знает. И, вообще, при чём здесь покер?

И тогда Альбионыч решил ответить ему своим стишком – вот таким:

Коль страх тебя с собой позвал,
разлившись, словно клей,
включай скорей потенциал –
и в рост иди смелей.
Пустым не будь, как тот бамбук –
будь твёрдым, как гранит:
потенциал – надёжный друг,
ведь он в тебе сидит.
С потенциалом всё грызи,
не доверяя снам, –
и вот тогда пройдёшь в ферзи,
поставив мат врагам!

Было видно, что сторож «задумался», хотя через мгновение уже задал вопрос:

– Думаешь, так понятней? Какие ферзи? Какие пешки? Мы что с тобой, в шашки, что ли, играем?!

Все, словно сговорившись, немного посмеялись над глупым, и охранник стал задумываться: а не уйти ли ему из этой компании, в которой никто его не уважает, но потóм осознал, что его собственный дом слишком далеко, и остался.

Вот Батыршин, заказав аж три взятки на роббере из 8 карт, пролетел, и не просто пролетел, а на все три! Он, не веря глазам, даже немного постучал себе пальцами по голове, видимо, проверяя степень наполненности её мозгами.

– Ну, невезуха! – наконец простонал он. – Как же так? Как же так? Как же так?

«Эко его заклинило», подумал писатель. «Надо выручать товарища – хотя бы советом. А так как я являюсь знатным поэтом сразу двух веков, то выручу-ка Талгата каким-нибудь гениальным стишком!»

– Талгат, – обратился он к страдальцу, – послушай…

Прапорщик тут же обратил свои приёмные локаторы в сторону поэта, прекратив горестные раскачивания.

– Что такое невезуха?
Отвечаю на вопрос:
это сразу золотуха,
зубы, насморк и понос!

При произнесении последнего, видимо, ключевого слова в стихе Володя даже немного взвизгнул от напряжения. Но ведь что только не сделаешь для восстановления психического здоровья друга!

– Вот видишь, – затем произнёс он, – а ты всего лишь проиграл три взятки – и сразу невезуха…

– Так это ничего? – улыбнувшись тихой улыбкой идиота, с надеждой вопросил военный музыкант.

– Конечно, ничего. Тем более, что до конца игры есть ещё время отыграться.

– Да-да, Талгат, за это не переживай, – решил поддержать Салихдзяныча педагог. – Наше горе в другом!

Все насторожились.

– И в чём же? – взволновавшись без меры, воскликнул Николаич.

– Так пиво же кончилось, – объяснил Курманбаев и, усиливая степень тревожности сообщения, добавил тихо, как это делает на сцене актёр в роли умирающего Ромео:

– Совсем…

– Ну, что ж, – согласился Альбионыч, – по крайней мере, именно эта мысль не так поражает своим идиотизмом, как все остальные…

Самокритичный здесь народ –
не много их таких найдётся:
вот крикни «Эй ты, идиот!» –
хоть кто-нибудь, да обернётся…

Глава 158. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (О любимом напитке)

Все встревожено замолчали, так как сейчас должна была повториться практически ежедневная ситуация. И она повторилась!

– Пить или не пить? – поднял палец Володя. – Вот в чём загвоздка!

– Да никакой гвоздодёрки нету, – встрял Серёжа. – Просто надо, мать честнáя, собрать *конвульсиум,* и отдать свои голосá за то, чтобы пить!

– Хорошо, – неожиданно легко согласился литератор. – Попрошу скидываться!

Нуртай тут же заиграл в старинную чукотскую забаву «твоя моя не понимай». Вслед за ним тут же нашлись дела и у других: обер-корнет начал разглядывать рисунок древесины на обеденном столе, прикидывая, а не купить ли ему с получки такой же – на дачу, а охранник для верности даже пошарил по карманам, которые хотя и не были с дырами, но давно и прочно забыли не только запах купюр, но даже металлических кругляшей.

Денег стало мало
кризиса из-за,
и коньяк теперь я
капаю в глаза!

И только хозяин катрана и его друг Митрохин, отвернувшись от коллектива, сделали вид, что обсуждают какие-то неожиданно назревшие творческо-технические проблемы.

– А не часто ли мы ходим за пивом? – неожиданно вопросил старший прапорщик, и все поняли, что такой тяжёлый приступ похмелья надо было ещё снимать и снимать.

– Видишь ли, Талгат… – хотел было ответить какой-то глупостью Курманбаев, но его вовремя перебил Альбионыч:

– Слушайте внимательно все, ибо сказанное мной касается всех без исключения. А особенно внимательно слушай ты, старичок, – он ткнул пальцем в старшего трубача:

– Когда люди занимаются противоестественными для воспитанного цивилизацией человека делами, как, например, мы, просиживающие свою жизнь за *русской кочергой*, психика у них неизбежно пошаливает. И это, тем не менее, вполне естественная реакция на ненормальные деяния рук человеческих.

«О чём это он, мать моя партия?», тоскливо подумал Мусаич.

– А посему, яйчики-бабайчики, – продолжил спич марсианин, – разным индивидам требуется своевременная (прости, русский язык!) релаксация, иначе наша психика ука-

тится куда-нибудь в запредельные сферы, недоступные пониманию обычных товарищей – вроде нашего друга Серёньки Афанасьича.

Серёнька Афанасьич, прослушав спич, не понял ни одного слова из сказанного, и посему твёрдым голосом уточнил:

– Так мы пиво брать будем или как?

«Как, друзья мои, поступим?»,
раздаётся страшный крик.
«Если пива мы не купим,
смерть придёт к нам в тот же миг!»

– Серёжа, а ты чего не скидываешься? – чтобы отвести разговор от себя, внезапно поинтересовался педагог.

– Дак мой банк сегодня не работает! – соврал сторож. – У них, царица лесная, как я утром слышал по радио, сегодня системно-ориентированный аудит.

– Чего? – открыл рот Васюхан.

– А вообще у меня там кругленький счётец лежит! – ещё раз соврал Афанасьич.

– В смысле 0? – улыбнулся марсианин. – Круглее не бывает!

Говорил отец родным:
«Денег нет! И хрен бы с ним…»
«Это что же за херня?»,
говорит в ответ родня.

– Да, наверное, прав был Сергеич, – задумчиво потёр переносицу писатель, – когда говорил об этих *алтушках* следующее:

Я деньги мало люблю,
но уважаю в них
единственный способ
благопристойной независимости.
А. С. Пушкин

– Да где же их взять? – взволнованно спросил Муравлёв, который весьма редко продавал свои, как ему казалось, гениальные картины. Последним, как помнилось, было полотно со страшным сюжетом под названием «Задержавшийся рейс», которую ему удалось спихнуть похмельному директору отцеябловского трамвайного парка № 4. – Может, ты, святой Малевич, предлагаешь их заработать? – ещё более взволнованно задал он ещё один вопрос. – Но как?

– Как заработать денег? – переспросил Володя. – Это очень просто: берёшь стул, кладёшь под него, скажем, 1 доллар…

«Ложишь», мысленно поправил его сторож.

– …после чего садишься на стул.

Афанасьич, услышав такое невероятное предложение, даже привстал со своего стула и посмотрел, не завалялся ли под ним случайно 1 доллар.

– Итак, задача: взять этот доллар.

– Как? – тихо простонали все.

– А вот и решение: встаёшь со стула и поднимаешь доллар.

– А смысл? – повторно простонали все.

– А вот и смысл этого нехитрого физического упражнения: чтобы заработать денег, надо всего лишь поднять задницу.

Это знают даже мыши –
знают очень хорошо:
если ты из дома вышел,
значит, денежку нашёл!

«Зело мудёр Альбионыч!», подумал Полтавцев и решительно записал в книжечку «Для му.мы.»: «Столько лет прожил на свете, но только сегодня узнал, что количество денег в кармане зависит от нашей задницы!». Ещё раз поразившись такой мудрости, он как бы между делом поинтересовался у коллектива:

– А кто пойдёт за пивом? Может, как всегда, посчитаемся?

Вышел месяц из тумана,
вынул ножик из кармана,
соскоблил с полнеба звёзд
и в ломбард с утра отнёс!

– Нет-нет, не надо считаться, – завопили хором остальные. Оказалось, что только теперь, аж к середине четвёртого тома, выяснилось, что абсолютно все участники процесса страдают географическим кретинизмом.

– Вот если бы возле ёкарного дома, – даже подтвердил эту мысль Батыршин, – тогда бы да, а так нет. Дорогу назад боюсь не найти!

Валера обречённо встал и протянул руку по направлению к Володе, в которую тут же были вложены аж три купюры по 500 назарбаксов.

«Да, что-то экономика, яйчики-бабайчики», подумал писатель, «перестаёт быть экономной!»

Глава 159. ТРУДНЫЙ ПОХОД ЗА СЧАСТЬЕМ

– Вообще-то говоря, – поднял вверх палец сторож, – мы почти все здесь в первый раз.

– И что? – с вызовом спросил Николаич, который понял, что за пивом сейчас пошлют именно его.

– А то, – опустил вниз палец Афанасьич, – что никто из нас не знает, где тут у тебя магазин!

– Точно! – воскликнул Салихдзяныч и обратился к Кулемзину:

– Володя, дай скорее денег вот этому, а ты, пока он ходит, расскажешь нам какую-нибудь историю.

И в это время в похмельный мозг живописца неожиданно проник светлый луч надежды.

– Старик, – твёрдым голосом обратился он к спонсору коллектива, – а ведь мы так и не наверстали наше сегодняшнее упущение.

– Это какое же? – поинтересовался Мусаич, который осознал, что под дождь сейчас пойдёт не он.

– Так ведь вы с са́мого утра играете без лозунга!

В игре и так мы виртуозы,
хотя внутри давно всё сгнило,
но только кумачовый лозунг
придаст уверенность и силу!

– А ведь верно, – озабоченно отозвался писатель. – Так что всё-таки придётся считаться. Серёжа, что ты там говорил про месяц, вооружённый холодным оружием?

Все встали возле стола кружком, кроме счастливого Муравлёва, которого Альбионыч отодвинул в сторону твёрдой рукой. И, как это бывало не раз, последний слог считалки опять выпал на Полтавцева.

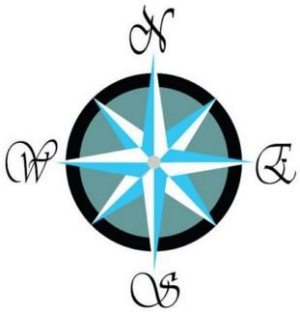
Литератор быстро написал несколько слов на бумажке, вырванной из книжечки «Для му.мы.», и послал художника в соседнюю комнату – ваять лозунг сегодняшнего дня.

– Только без ошибок, – предупредил он. – А то будешь переделывать, если неправильно напишешь фамилию этого китайца!

– Какого ещё китайца? – взвился со стула Курманбаев. – А разве это будет не цитата из Владимира Ильича? Или, на худой конец, из Маркса-Энгельса?

– Нет, Нуртай, из Лао-Цзы, – твёрдо ответил покерный гуру. – Всё, друзья мои, по местам: Серёжа – под дождь, Валера – на кухню, остальные – за стол!

Живописец вырвал из заветной книжечки ещё один листок и быстро набросал на нём план похода в магазин, а в верхнем левом углу ещё и изобразил вот такой рисунок – для лучшего постижения неизвестного маршрута:



Афанасьич хорошенько изучил план, но всё-таки решил уточнить:

– И на какую иностранную букву мне идти?

Валера объяснил ему, что данный рисунок – это *роза ветров*, которая всегда помогала морякам правильно добираться до Америки, после чего сторож понял, что хозяин квартиры окончательно съехал с ума. «Ладно, у людей спрошу», решил он и стал собираться в дорогу.

Выйдя из дома, Серёжа, ещё раз сверившись с планом, стартовал в магазин, как противоракета А-350, на армейском жаргоне называемая *катюшей.*

Блин, ну какая же всё-таки мука
мчаться за пивом со скоростью звука,
осознавая, что кто-то и где-то
мчится за пивом со скоростью света![244]

[244] Переделка стихотворения Леонида Мартынова «Неподвижности мука» (1966) – прим. лит. редактора

Правда, с наскока найти магазин так и не удалось, не помог даже валерин рисунок, коий в конце концов пришлось показать какому-то местному алкашу, который долго вертел бумажку со всех сторон, видимо, изучая, в какую именно Америку послала Афанасьича таинственная *роза ветров*, а потом махнул рукой в сторону, но, как вскоре выяснилось, не в ту.

Но вот, наконец, все препятствия были устранены, и Полтавцев, счастливый от выполнения задания и мокрый как суслик, вошёл в частный магазинчик, который смотрелся как брат-близнец лавки Калимы, то есть тоже был изготовлен из ржавых металлических контейнеров.

– Дайте пива! – обратился он к продавщице, которая тоже была поразительно похожа на хозяйку сельпо близ Бермудского Учпучмака.

– Не привезли ещё, – буркнула продавщица.

– Ась? – прислонил руку к уху охранник. – Говорите громче!

– Да пошёл ты! – пожелала магазинщица.

– Да пошла ты сама! – тут же обрёл слух сторож и вышел из лавки.

От хамства лишь одно лекарство.
Увы! Оно всё то же хамство...

Немного поплутав по незнакомому микрорайону, Афанасьич наконец догадался, как обрести путь, для чего перевернул валерин рисунок вверх ногами, а потом, вспомнив уроки природоведения, которые тяжело давались ему ещё в 4 классе, сверился с солнцем и даже мхом на большом придорожном камне. И это помогло! Через каких-то 20 минут бывший текстильщик увидел знакомого алкаша, попенял ему на то, что тот неправильно указал дорогу, получил ещё одно пожелание «Да пошёл ты!» и, наконец, вернулся в родной коллектив.

В катране в это время как раз проходили очередные литературные чтения, которыми в отсутствие скорохода занимал коллектив Альбионыч. Все потрясённо глядели на *пустого* ходока, пока старший прапорщик не задал ему глупый вопрос:

– Серёжа, а пиво где?

– Облом Петрович, – хмуро представился Полтавцев, видимо, поменявший в чужом магазине имя и отчество, хотя это устоявшееся на просторах родины выражение поняли все, за исключением Нуртая.

Трудно жить нам пропиты́ми,
зная слово *псевдоним*:
ведь чужое стало имя
с бодуна совсем родным!

– Ну вот, опять пиво закончилось! – горько вздохнул Васюхан. – А без него – совсем заняться нечем…

– Может, тебе дать на велике покататься? – предложил Володя. – Серёжа, так что же случилось?

На этот прямой вопрос Полтавцев решительно прошёл на кухню и протянул Валере план похода.

– Держи, айвазовский! Рисуй ещё один магазин.

– Так он же рядом с этим стоит! – возмутился художник. – Прямо *встык*! И где твои глаза были?

Также решительно сторож отобрал у Николаича план и вновь отправился в опасный поход за счастьем. А Муравлёв, счастливый от того, что только что видел промокшего от дождя Афанасьича, а не самого́ себя, наконец-то закончил лозунг, принёс его в зал и развернул – на суд заказчику. Потрясённый учитель информатики еврейского колледжа, которому очень хотелось разглядеть на нём ленинские строки, увидел лишь это:

Стремясь к малому – достигнешь великого,
стремясь к великому – впадёшь в заблуждение.
Лао-Цзы

Глава 160. РАССКАЗ ВОЛОДИ ОБ ОДНОМ СТУДЕНТЕ

Проверив лозунг на предмет ошибок и описок, Альбионыч аккуратно его свернул, поручил живописцу перевязать какой-то ленточкой и поставить ближе к выходу, чтобы не забыть по дороге домой, а сам приступил, как и обещал, к рассказу – на этот раз о некоем студенте. Итак…

Однажды в университете профессор задал своим студентам такой вопрос:

– Всё, что существует, создано *дедушкой*?

И один студент смело ответил:

– Да, всё создано именно им.

– *Дедушка* создал всё? – спросил профессор.

– Да, сэр, – ответил студент.

Тогда профессор сказал:

– Если *дедушка* создал всё, значит, он создал и зло, раз оно существует. И согласно тому́ принципу, что наши дела определяют нас самих, значит, *дедушка* и есть зло!

Вдруг в эту самую минуту
бог смотрит пристально на нас
и думает: «Сначала тапком
или, быть может, дихлофос?»

Услышав такой ответ, студент притих, а профессор был очень доволен собой, ведь он ещё раз доказал, что вера в *дедушку* – это миф. И тут другой студент поднял руку и проговорил:

– Профессор, я могу задать вам вопрос?

– Конечно, – ответил профессор.

Тогда студент поднялся и спросил:

– Профессор, холод существует?

– Что за вопрос? Конечно, существует! Разве тебе никогда не было холодно?

И остальные студенты засмеялись над вопросом молодого человека. Но молодой человек не растерялся и ответил:

– На самом деле, сэр, хо́лода не существует. Ведь в соответствии с законами физики, то, что мы считаем холодом, в действительности является отсутствием тепла. И человека, и любой предмет можно изучить на вероятность того, имеет ли он или передаёт энергию. Например, абсолютный ноль – минус 273,15° градусов по Фаренгейту – есть полное отсутствие тепла, и тогда вся материя становится инертной и неспособной реагировать при этой температуре.

Как отвратительны в России холода –
темно и муторно, и хочется напиться!
Вот выйдешь, например, пугать кота,
а он примёрз к крыльцу и не боится...

Профессор несколько растерялся и заявил:

– Ну-ну, продолжай.

– Итак, я утверждаю, что хóлода не существует, ведь мы создали это слово для описания того, что мы чувствуем при отсутствии тепла.

Профессор опять не нашёлся, что ответить.

– Скажите, а темнота существует?

– Конечно, существует, – облегчённо ответил профессор.

– И вновь вы неправы, сэр. Темноты также не существует, ведь темнота в действительности есть отсутствие света. Мы можем изучить свет, но не темноту. Мы можем использовать призму Ньютона, чтобы разложить белый свет на множество цветов, и изучить различные длины волн каждого цвета, но мы не можем измерить темноту.

Профессор нахмурился.

– Не будете же вы спорить, что простой луч света может ворваться в мир темноты и осветить его? Как, например, вы можете узнать, насколько тёмным является какое-либо пространство? Вы просто измеряете, какое количество света представлено. Не так ли?

Помню я один завет,
хоть и голова пуста:
свет включил – ну, вот он – свет!
Нету света – темнота…

Профессор нахмурился ещё больше. А студент между тем продолжал:

– Темнота – это понятие, которое человек использует, чтобы описать то, что происходит при отсутствии света.

И на этот постулат профессор был вынужден согласиться. И наконец молодой человек спросил его:

– Итак, сэр, зло существует?

– Конечно, – неуверенно ответил профессор и добавил, как бы оправдываясь:

– Ведь мы видим его каждый день – это жестокость между людьми, множество преступлений и насилия по всему миру. Думаю, что эти примеры являются ни чем иным, как проявлением зла!

– Нет, сэр, зла не существует, ведь вы сами утверждали, что зло – это просто отсутствие *дедушки*. Оно похоже на темноту и холод – оно *слово*, созданное человеком, чтобы описать отсутствие *дедушки*.

И профессор вновь не смог возразить умному студенту. А тот закончил своё рассуждение так:

– *Дедушка* не создавал зла, ведь зло – это не вера или любовь, которые существуют как свет или тепло. Зло – это результат отсутствия в сердце человека любви. Это что-то вроде хóлода, который наступает, когда нет тепла, или вроде темноты, которая наступает, когда нет света.

Профессор подавленно молчал, молчали и остальные студенты. А теперь откроем имя этого спорщика: Альберт Германович Эйнштейн…

♠ ♠ ♠

Слушатели из числа покеристов, художников и антенщиков сидели потрясённые. И только Серёнька Полтавцев так никогда и не узнал этой истории, потому что сейчас работал ногами на благо всего коллектива. А вот ты, читатель, теперь её знаешь. И для того, что закрепить это знание навсегда, вот тебе гениальные слова гениального учёного:

Учитесь у вчера,
живите сегодня,

надейтесь на завтра.
Главное – не прекращать
задавать вопросы…
А. Эйнштейн

Глава 161. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра, продолжение)

Между тем в берлоге святого Малевича, как это часто бывает в нашем блистательном романе, одновременно случились сразу два события: во-первых, Володя придвинул к себе поближе *раскладку*, авторучку и покерную колоду, и, во-вторых, наконец-то раздался звонок в дверь. Оказалось, что проворный ногами и «головой» Афанасьич всё-таки нашёл искомый магазин, быстро затарился и успел как раз к последнему слову в рассказе Кулемзина. Открывшему дверь Муравлёву представилась волнительная картина: купленное пиво, нежно спрятанное в котомку, Полтавцев прижимал к своему телу очень осторожно, видимо, сберегая его, как тёща – сведения о своём возрасте.

По театральному канону
Отелло будет много проще,
когда играет Дездемону
его жена. Но лучше – тёща!

И эти два отмеченных автором события вполне ожидаемо слились в одно, крайне приятное для всего коллектива: игроки в количестве четырёх персон и их болельщики числом два чинно уселись за стол, даже немного раздвинутый по случаю торжественного приёма гостей, и начали кто играть в *русскую кочергу*, а кто и просто на них пялиться, но все как один взяли в руки по заветной бутылочке и по очереди открыли их принесённой хозяином открывашкой.

Как же рада вся шарашка:
«Нам поможет открывашка!»

Но так же, как и чуть ранее, игра продолжилась под разные разговорчики, которые так любили неиграющие Валера и Васюхан. И тут автор вынужден признаться, что немного завидует своим героям, ибо он сам даже ставил эксперимент с несколькими старыми друзьями, например, Геной Власовым и Юрой Стабниковым, и вот у них такие разговоры при игре не получались, а если и заводились, то в конце концов кто-то обязательно *зевал*, кто-то забывал объявить мизéр, а кто-то и вообще путал червовые козыри с пиковыми, – словно дальтоник какой-то!

Зелёными ромашки не бывают,
и лебедю оранжевым не быть –
писать картины многие мечтают:
дальтоникам про живопись забыть?!

Но наши герои мужественно преодолевали это препятствие, вызывая изумление у Муравлёва и Митрохина, которые, в отличие от них, наблюдали за покерным сражением молча. Вот только один пример таких посторонних разговорчиков, причём, при весьма сложном роббере на 10 картах.

– Володя, вот ты, когда учил нас играть, – обратился к покерному гуру военный, – говорил, что надо уметь расшифровывать таинственные знаки йодистой Суки-судьбы, которые она подбрасывает нам в виде робберов…

«Ни хрена себе память!», завистливо подумал Полтавцев.

– И что, яйчики-бабайчики? – попросил уточнения писатель.

– Так я с тех пор так и не пойму: а как их надо расшифровывать? Может, для этого надо овладеть искусством цыганского гадания?

– Нет, старичок, – твёрдо ответил Володя. – Цыгане, чтобы облапошивать доверчивых людей, сами придумали расшифровку всех карт в колоде, а вот Сука-судьба, давая тебе ту или иную карту, прямо ничего не говорит, надеясь на твой отсутствующий разум, который, если немного поднапряжётся, возможно, сам поймёт, что к чему.

– Не понимаю, – честно признался трубач, не смогший в данное мгновение напрячь свой разум.

– Хорошо, вот смотри, – терпеливо начал объяснение Кулемзин. – Например, однажды в дверь твоей квартиры № 20…

«Ни хрена себе память!», завистливо подумал Батыршин.

– …постучит неизвестный человек и попросит уточнить, сколько в ней проживает пионеров. И что ты ему ответишь?

– Ни одного, – пожал плечами Салихдзяныч.

– И этим ответом ты очень расстроишь таинственного незнакомца.

– Почему?!

– Да потому, что в твоей квартире проживают аж четверо пионеров – это твои тесть с тёщей, жена и ты сам.

– Так они же давно вышли из возраста! – воскликнул Курманбаев, радуясь, что хотя бы сейчас сможет уесть литератора.

Я так хотел остаться в касте,
что навсегда оставил след:
сначала брал я красный галстук,
за ним – значок и партбилет!

– И что? – отозвался литератор. – Разве пришелец уточнял перед Талгатом это условие? Разве он спрашивал, сколько *нынешних* пионеров проживают в его халупе?

– И что? – всё ещё продолжал не понимать музыкант.

– Да то, что я и сказал. Ты, будучи вооружённым моим непреходящим в веках знанием, должен сразу же поднапрячь остатки своих мозгов и ответить именно так, как я и говорил. Или, в крайнем случае, попросить незнакомца уточнить свой вопрос.

– А он в шляпе был? – внезапно заинтересовался Васюхан.

– А это тебе к чему?

– Ну, если в шляпе, то тогда всё понятно, – туманно ответил антенщик.

– А при чём тут наши карты? – нервничая и даже почёсываясь от непонимания, завопил педагог.

– А вот это, Нуртай, спроси у старшего джуса, который первым из вас догадался, в чём тут дело!

Митрохин довольно разулыбался, хотя Серёжа и стал подталкивать его в бок, как бы прося расшифровать столь сложный ответ.

Толковал вору́ Шарапов,
обвиняя в шельмовстве:
«Дело в шляпе, если шляпа
на толковой голове!»

Итогом таких отвлечений, конечно же, стали неприятности: Курманбаев, который не оставил вредную привычку хапать взятки без разбора, перебрал одну, зато Батыршин и Полтавцев не добрали аж по две, но и Володе не удалось взять своих заказанных, который тоже случайно перебрал одну взятку, хотя, чтобы сбросить лишнюю, последней картой пошёл Его Величество Покера, сказав при этом «За простую!», причём, произнёс это волшебное заклинание тоном миллиардера, решившего вместо чаевых оставить коридорному чемодан с алмазами. И всё-таки уловка не помогла – как назло, у каждого из его соперников нашлись именно пиковые карты, но все как один меньшего достоинства, нежели его (прости, русский язык!) сакральная семёрка.

Глава 162. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра, ещё одно продолжение)

Особенно расстроился Салихдзяныч, который, кстати, и затеял этот посторонний разговор.

– Не понимаю, – честно признался он, как под гестаповскими пытками, – как я мог недобрать две взятки. Ну, ладно, если бы одну! А ведь у меня были неплохие карты…

– Да ты, мать честнáя, просто не сдюжил, – лучезарно улыбаясь, предположил сторож, коий тоже проиграл 45 очков, но отнёсся к этому почему-то прохладно, видимо, полагаясь на дальнейший ход игры, который и позволит ему отыграться.

Я в игре не добиваюсь
никаких себе наград:
то вперёд я продвигаюсь,
то качусь совсем назад!

Дать объяснение пришлось всё тому же Альбионычу.

– Твоя беда, старичок, в том, – сказал он, – что ты слишком углубляешься в себя и не смотришь с интересом по сторонам, ведь самое интересное – смотреть как раз с интересом, причём, по сторонам! А копаются в себе только законченные меланхолики, Сука-судьба которых – горстями пить успокоительное. Это мне, как знатному диагносту, поверь, хорошо известно.

– Володя, – поднял руку, как в классе, трубач. – А тебе не кажется, что мы все здесь, как ты выражаешься, – покончившие малахольные?

– Это ты к чему?

– Да успокоительного до середины партии не хватает!

Афанасьич, услышав это признание, вздохнул, как будто отдавал *своё*, но развязал котомку и поставил перед всеми членами *хевры* ещё по одной бутылочке. «А чего было вздыхать», подумал автор, «когда охранник и сам тут же принялся весело прихлёбывать своё плохо пахнущее «Жигулёвское»

И вот тут, когда партия подошла к своей арифметической середине, и произошло событие, которое опять отбросило лучшую в мире игру аж на 40 страниц! «Да может ли такое случиться?», недоумённо спросит меня мой читатель. «Что же это за атмосферное явление? Давно предполагаемое падение на Отцеябловск кометы Галлея? Извержение вулкана из водопроводного люка близ муравлёвского дома? А, может, просто началась… тьфу-тьфу!.. саксаульско-джедайская[245] война?». Но нет, всё оказалось значительно страшнее.

[245] Джедáи – рыцари-миротворцы, ключевые персонажи фантастической киноэпопеи «Звёздные войны» (1976) режиссёра Джорджа Джорджевича Лукаса – прим. киноредактора

Часто мы подчас плошаем –
нет, игру чтоб оживить:
как же нам война мешает
и играть, и пиво пить!

А всё началось с очередной подлости педагога: заглянув в *раскладку* и увидев, что у его соседа слева, то есть Талгата, набралось на 12 очков больше, чем у него, он неожиданно запел задорную песню своей тревожной молодости:

– Русский с китайцем – братья навек!
Крепнет единство народов и рас,
плечи расправил простой человек,
Сталин и Мао слушают нас!

Старший прапорщик аж подпрыгнул, затем бросил карты, схватился за горло и с ужасающими звуками понёсся в сторону валериного туалета, но его, видимо, всё ещё недостаточно похмелившегося от вчерашнего, подвёл *вектор движения*, хотя он и не знал этого военного термина, и в результате вместо *комнаты задумчивых дел* трубач оказался в маленькой кладовой, спрятанной между спальней и залом, которая до этого гостями замечена не была. Оказавшись в полной темноте, татарский зять неожиданно выздоровел, то есть блевать в этот раз не стал, и даже дослушал вдохновенный припев курманбаевской песни:

Москва – Пекин, Москва – Пекин!
Идут, идут вперёд народы –
за светлый труд, за прочный мир
под знаменем свободы!

Затем он вернулся к коллективу и озабоченно произнёс:

– Валера, у тебя ёперная лампочка в кладовке перегорела.

– Давай я вкручу, – предложил отзывчивый Кулемзин, у которого на столь нехитрые операции руки всегда росли откуда надо.

– Не надо, Володя, – привстал со своего стула экс-текстильщик. – Давай, царица лесная, лучше я!

– Почему?

– Думаю, что эта техническая проблема будет слишком сложной для тебя, как гуманитария.

Альбионыч открыл рот от изумления и не закрывал его до тех пор, пока из кладовки, освещённой умелыми руками сторожа, не раздался удивлённый возглас:

– Царица лесная! Валера, а это у тебя что?

Муравлёв поднялся со стула, встал по стойке смирно, и все поняли, что сейчас услышат нечто крайне важное. И они не ошиблись.

– Это мой «Чёрный квадрат», – срывающимся от волнения голосом произнёс художник. – Я тайно от супруги писал эту копию 4 года, и вот недавно завершил. И считаю…

Тут его голос задрожал от страшного волнения.

– …что у меня получилось не хуже, чем у святого Малевича!

Знает даже и подросток,
если не совсем дурной:
рисовать «Квадрат» непросто,
коль нет сажи под рукой!

– Впрочем, посмотрите сами.

Потрясённые его признанием, все встали и направились к кладовке, где по очереди обозрели вот такое полотно.

Правда, понравилось оно не всем, а, кроме его автора, только одному Альбионычу, который до этого видел *настоящий* «Чёрный супрематический квадрат» Казимира Севериновича Малевича воочию – в московской Третьяковской галерее. В это время Афанасьич вернулся к столу, вновь развязал котомку, но на этот раз достал не очередную бутылочку, а знаменитый на весь Отцеябловск блокнотик «Для му.мы.», куда и занёс следующее признание: «Только что узнал, что в нашем коллективе завёлся настоящий сумасшедший. Это Валера Муравлёв, который вместо одного дня целых четыре года раскрашивал какую-то картонку следующими красками: подольская чёрная, сажа газовая, шунгит, персиковая чёрная и тиоиндиго. Лично мне было бы удобнее сделать это простым карандашом, если на него хорошенько надавить!»

Это, братцы, просто шок:
прибыл в мастерскую,
и простым карандашом
целый мир рисую!

А что всё-таки случилось? Ну, посмотрели игроки и болельщики на полотно, и пошли бы снова за стол да возобновили прекрасную игру, но нет! В играющем тренере Альбионыче виде́ние «Чёрного квадрата» всколыхнуло такую гамму переживаний и волнений, что автор вслед за ним поневоле поддался этим эмоциям – с тем, чтобы подробнее рассказать об этом уникальном предмете искусства. А чтобы этот длительный рассказ не был воспринят моим читателем, как какой-то нечеловечески огромный кусок текста, то по традиции он (текст, а не читатель) будет разбавлен привычными покерными нотациями, тем более, что сама игра, как сообщалось ранее, прервалась на много страниц вперёд…

Глава 163. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (Об истории шедевра)

Кулемзин, гений и философ,
давно узнал воочью, что

«Квадрат» Малевича не космос –
Вселенная! И даже сто…

И это было именно так. Но – начале краткая история шедевра.

«Чёрный супрематический квадрат» – гениальная работа Казимира Севериновича Малевича, созданная им в 1915 году. На сегодняшний день она считается одной из самых обсуждаемых и самых известных картин в русском искусстве. Но все исследователи, как считал Альбионыч, не шли дальше своего гла́за, то есть видели в этой картине только то, что видели, а именно некий квадрат чёрного цвета, и потому в монографиях на эту тему писали примерно такую чепуху: «Казимир Малевич в этой работе исследовал базовые возможности цве́та и композиции», а уже после, говоря о том, что «Чёрный квадрат» якобы входит в цикл его супрематических работ, ещё и пристёгивали это полотно к части некоего триптиха, в составе которого также присутствуют «Чёрный круг» и «Чёрный крест»

Но Володя в своём исследовании этой великой картины отталкивался прежде всего от эпохи, в которой творил художник, ведь предшествовавший созданию картины период с 1910 по 1913 годы был решающим в развитии именно русского авангарда. В это время движение кубофутуризма достигло такого апогея, что в России начали появляться не просто новые картины и художники, а новые художественные направления! И даже модный тогда кубизм и его метод *геометризации* стали казаться художникам слишком односторонним. Одни творцы стремились к более тонкой и сложной согласованности искусства с природой, другим в кубизме мешала его неизменная привязанность к *предметности* изображения. Таким образом, в русском искусстве образовались как бы два пути начавшегося движения к *чистой беспредметности*. Во главе одного, названного конструктивизмом, встал Владимир Татлин, во главе другого движения, названного супрематизмом, – Казимир Малевич.

В искусстве есть немало групп,
их планы широки:
кубисты пусть рисуют куб,
а шар – шаровики!

Поэтому период с 1910 по 1913 годы стал для Малевича как бы испытательным полигоном, ведь он одновременно работал в кубизме, футуризме и даже в *алогизме*, или, чтобы было проще понять, заумном реализме. И не надо здесь говорить, что все художники – с приветом, возможно, они просто так видят! Например, алогизм (думаю, моему просвещённому читателю не надо объяснять смысл этого термина) был реализован Малевичем в его новой художественной системе. Он (алогизм, а не Малевич) не отрицал логику, но означал, что новые работы будут основаны на логике *высшего* порядка.

Совсем недавно, в текущем 2003 году, Кулемзин приобрёл только что вышедшую из печати книгу российского историка искусства Татьяны Горячевой «Рождение знака», в которой она в главе «Картина Казимира Малевича «Автомобиль и дама». Красочные массы в четвёртом измерении» приводит слова самого́ художника, который пишет, что у алогизма «…тоже есть закон, и конструкция, и смысл, и, познав его, у нас работы будут основаны на законе истинно новом, заумном…»[246]

[246] Русский авангард, СПб, 2003, стр. 22 – прим. автора

Нет, ребята, я не даун,
хоть немыт, небрит, лохмат,

но, постигнув слово *заумь*,
отказался от ума!

Таким образом, в творчестве Малевича обрисовалась тенденция к некоей *беспредметности*, к плоскостной организации картины, которая в конце концов и привела его к супрематизму. Правда, первоначальным вариантом названия было слово *супранатурализм*, возникшее, вероятно, по аналогии с супраморализмом русского философа-футуролога Николая Фёдорова. И тут же, как только появился термин, сразу возникли попытки его объяснить тёмному русскому народу, который к тому времени стоял в паре шагов от революции. Например, по мнению историка искусства Евгения Ковтуна, супрематический метод Малевича состоял в том, что «он взглянул на землю как бы извне»[247]. Поэтому в супрематических картинах, как и в космическом пространстве, якобы исчезает представление о верхе и низе, левом и правом, и возникает как бы самостоятельный мир, соотнесённый как равный с универсальной мировой гармонией.

[247] «Победа над солнцем – начало супрематизма», журнал «Наше наследие», 1989, № 2 – прим. автора

Откуда неглупый в общем-то искусствовед взял такую чепуху? А оттолкнулся он от двух фактов. Во-первых, он *предположил*, что Малевич соприкасается с позицией Фёдорова, видевшего сущность художественного творчества в борьбе с земным тяготением, хотя сам художник объяснял, что метафизическое *очищение* происходит, прежде всего, с цветом, который теряет свою предметную ассоциативность, окрашивает локальные плоскости и получает самодовлеющее выражение.

После водки и колбаски,
закричав: «Твою же мать!»,
потерял цветные краски –
чёрным начал рисовать!

И, во-вторых, скорее всего, Ковтун оттолкнулся от вполне исторического факта: в декабре 1915 года в Санкт-Петербурге Малевич представил цикл картин «Супрематизм живописи» на выставке под названием «Ноль-десять». Даже само название выставки имело особое значение, связанное именно с новой концепцией, разработанной художником. Его новая идея состояла в *стремлении к нулю*, а в дальнейшем – и в выходе за его пределы! Кстати, то значение, какое он придавал своей картине, подчеркивало даже её расположение на выставке: работа находилась там, где традиционно располагаются иконы в домах, то есть в так называемом *красном углу*.

Может, я мозгами двинут?
Может, кланяюсь лещу?
На Малевича картину,
как на «Троицу», крещусь!

Так откуда же Евгений Ковтун взял эту победу над земным тяготением? Изучая историю «Чёрного квадрата», Альбионыч понял и это: предвестники картины появились у Казимира ещё в период работы над оперой «Победа над солнцем», декорации к которой Малевич оформлял вместе с единомышленниками. И вот одна из декораций тогда была задумана как чёрный квадрат вместо солнца. Такой ход, по замыслу художника, должен был выразить идею торжества активного творчества человека над природой. А вот земное тяготение искусствовед просто выдумал из головы, скорее всего, чтобы добавить па́ру абзацев в своей книжке.

Глава 164. ВТОРАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ[248]

[248] Первая покерная нотация опубликована в этом томе, в главе 119 – прим. гл. редактора

«Нуртай, сделав очередную пакость, покраснел так, будто впервые объяснялся в любви, и опустил глаза вниз, как на гражданской панихиде по так и не наступившему коммунизму»

«Володя тут же расколол примитивную хитрость Курманбаева, как обезьяна – кокосовый орех»

«Альбионыч проверил пришедший роббер и, увидев, что на него смотрит Полтавцев, сказал:

– А ведь технически, яйчики-бабайчики, птицы на деревьях не сидят, а стоят.

«Какой ужас, мать честнáя», подумал Серёжа. «И ведь мне теперь с этим жить…»

«– Проиграл, – недоверчиво прошептал военный музыкант. – Ёперные карты! Но ведь этого не может быть…

– Ещё как может, – уверенно поправил его умозаключения писатель. – Жизнь ведь не всегда подставляет щедрую руку с отборным зерном, чтобы клевать из неё бесконечно, а иногда, как вот сейчас, эта рука складывается в огромный мозолистый кукиш!»

«Ну что ж, мои дорогие», подумал марсианин, «придётся устроить вам небольшую, эдакую *камерную* Прохоровку!»

«Увидев, что если бы не Мусаич, который намеренно перебрал одну взятку, Володя понял, что проиграл, и тут же налился гвоздичным цветом гнева, после чего высказал всё, что он думает о подловатом педагоге, причём, не на русском языке, потому что вокруг бегали дворовые дети, а на эсперанто, где слово *мать* было нежным, точно сочинский морской закат, а именно patrino»

Объяснил я экскурсантам,
в их глазах заметив муть:
«Слово хрен на эсперанто –
это baca[249]. Просто жуть!»

[249] Читается: бáка

«В то время, как у Нуртая сделалось лубяное лицо чекиста, Кулемзин оставался спокойным, словно памятник писателю Оноре Бернаровичу Бальзаку на парижском кладбище Пер-Лашез»

«Устав от бесконечной беготни, дворовые дети тут же занялись игрой в бадминтон – маленькими ракетками, похожими на сковородки, сработанные оборонным заводом имени Мирового Разоружения по конверсии в конце квартала»

«Всем было давно ясно, что при игре в *русскую кочергу* Афанасьич имел отношение к разуму примерно такое же, как пахан римский – к учению Кришны Васудевовича из рода Ядавов»

«Салихдзяныч посмотрел пришедшие карты, которые, как на грех, были все разными и без *грандов*, примерил на них козырь, но это тоже не помогло никак. И тогда он решился на последний шаг.

– *Дедушка*, помоги мне! – обратился Талгат напрямую к вышестоящей инстанции, причём, несколько нелогично, поскольку был мусульманином на доверии»

Может, нынче я нетрезв?
Голова в тумане?

Не умею класть я крест,
ибо мусульманин!

«От удивления мохнатые брови сторожа поднялись, как у Брежнева, когда тот искоса смотрел на прикалываемую ему на парадный пиджак пятую звезду псевдогероя»

«Глаза́ Батыршина от трёх пришедших джокеров тут же попытались принять форму правильного квадрата. И, как ни странно, это им (глазам, а не джокерам) удалось!»

«Курманбаев, поглядев вначале на свои карты, а потом на литератора, внезапно ощутил на себе неподъёмную массу кулемзинского влияния и веса»

«С са́мого начала сегодняшней битвы охранник мечтал о выигрыше, как отец Фёдор о свечном заводике, но, также, как и поп-расстрига, остался ни с чем, только с одной разницей: тот сошёл с ума ещё в 1933 году, а Серёже это светило аккурат через 70 лет»

«Это была уже третья победа Альбионыча сегодня, что, конечно же, не могло не отразиться на самочувствии остальных покеристов. Увидев эти страдания, он решил успокоить их некой литературной цитатой, как будто не понимая, что литература и вот эти не могут лежать в одной плоскости.

– Как говорил мой друг Уильям в «Короле Лире», – улыбнулся писатель, – «не суйся меж драконом и яростью его!», кстати, уже на 3-й странице своей великой пьесы»

«– Да вы все трое, – в запальчивости бросил Володя, – два сапога пара, хотя и разного размера!»

«Надо ли напоминать моему читателю, что буквально каждый день, проведённый игроками вместе, напоминал весёлые именины в дурдоме!»

Мир – дурдом: со всех сторон
от Невы до Рейна
пялит взор Наполеон
на меня, Эйнштейна!

«– С Хиросимой, конечно, не сравнить, но на развалины Колизея очень похоже, – завершив партию, удовлетворённо улыбнулся литератор»

«И вот сейчас неожиданно сложилось так, что Серёжа выиграл три роббера подряд.

– Да это просто диктатура пролетариата какая-то! – воскликнул марсианин, обнаружив хорошее знание обществоведения»

Глава 165. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (7 заблуждений)

Кулемзин был уверен, что «Чёрный супрематический квадрат» Малевича, как и со́вы Дэвида Линча[250] – это совсем не то, чем он кажется. Поклонники этой самой известной в нашей Ойкумене картины часто наделяют своё любимое произведение различными подтекстами, смыслами и значениями, о которых художник, думаю, даже не подозревал. И главная их ошибка в том, что они стараются усложнить то, что уже и так сложно – без них. А вот противники полотна́ – те, кто думает, что это банальная мазня, – наоборот, упрощают её сверх меры, отказываясь замечать даже самое очевидное. Наверное, поэтому с «Квадратом» и связано столько распространённых заблуждений. Изучая его много лет, Альбионыч нашёл их ровно семь.

[250] Дэвид Китович Линч – американский кинорежиссёр, у нас известен как создатель знаменитого сериала «Твин Пикс» – прим. кинoредактора

Разглядеть в созвездье точек
можно только лишь блезир:

каждый видит то, что хочет!
Но писал-то Казимир…

Итак, по порядку.

1. «Чёрный квадрат» – чёрный

Сегодня, когда «Квадрату» исполнилось 88 лет, условность черноты, пожалуй, видна невооружённым глазом. Хорошо заметно, что сквозь паутину кракелюров[251] просвечивают другие краски: розовая, зелёная, жёлтая. Разговаривая с сотрудниками Третьяковки, наш герой, например, узнал, что в ходе рентгенофлуоресцентного и инфракрасного анализа, выяснилась и вовсе дивная вещь: под квадратом скрыта не одна, а две работы Малевича!

[251] Трещины, со временем появляющиеся на поверхности красочного слоя картины – прим. худ. редактора

Писал ли Малевич свой «Квадрат» на закрашенном холсте потому, что под рукой не оказалось нового, или сделал это для того, чтобы достичь уникального цветового эффекта, сейчас уже, конечно, не выяснить. Впрочем, не прост оказался и верхний чёрный слой – здесь художник использовал краску особого состава, которую готовил сам: матовые и глянцевые краски он смешивал так, чтобы получился объёмный, бархатистый, *таинственный* и не вполне однородный колорит.

Не только воду и металл,
не только неба лист, –
в свои я краски намешал
вино, любовь и риск!

2. «Чёрный квадрат» – квадратный

Картина, о которой идёт речь, имеет сто́роны по 79,5 см. Однако, вооружившись точными измерительными инструментами, мы не найдём в изображении собственно квадрата ни одного (!) прямого угла. И это не небрежность художника, а осознанное решение. Почему? Да потому, что изначально в каталоге картина значилась как… «Чёрный супрематический четырёхугольник»! Таким образом, Малевич постарался создать как бы *подвижную* форму, обладающую собственными энергией, равновесием, и даже своей парадоксальной и алогичной симметрией.

3. «Чёрный квадрат» был написан в 1913 году

А вот этим (в наше время уже не слишком распространённым) заблуждением мы обязаны собственно Малевичу: художник сам датировал свой первый «Чёрный квадрат» именно 1913 годом. Но сделано это было опять-таки не по небрежности, как это может показаться, а с расчётом. Каким же?

Казимир Северинович не однажды *правил* свою творческую биографию, причём двигало им два противоречивых стремления. С одной стороны, он хотел, чтобы его творческий путь походил на эволюцию, некое неуклонное движение вперёд: от незначительных опытов в импрессионизме или кубизме к своей вершине – супрематизму. С другой

стороны, он старался *протащить* свои супрематические работы, что называется, *без очереди*, пораньше, чтобы ни у кого не возникло сомнений, кто именно был первооткрывателем и революционером. А в случае с «Квадратом», как уже было сказано, художник отталкивался от футуристической оперы «Победа над солнцем», для которой он делал декорации и эскизы костюмов, и потому чёрный квадрат Малевича (пусть и другой, в виде солнца) дебютировал на театральной сцене именно в 1913 году.

Однажды один его современник даже утверждал, что именно он подсказал Малевичу идею чёрного солнца в виде квадрата, но марсианин Кулемзин в это не верил…

На это тратятся все нервы,
но у творцов такой удел:
всегда в искусстве кто-то первый,
за ним – вторые и т.д.

4. «Чёрный квадрат»? Да любой первоклассник может также намазюкать!

По́мните эту нехитрую претензию, часто возникающую у обывателя (особенно после того, как обыватель узнаёт новости с аукционов)? Возможно, она действительно уместна по отношению ко многим произведениям современного искусства, но «Чёрный квадрат» Малевича – категорически не тот случай.

Кстати, помимо колористических особенностей, о которых в этом исследовании уже упоминалось, существует ещё такое явление, как *рука мастера*. И это так, ведь «Чёрный квадрат» не просто закрашен малярной кистью. Например, эксперты Третьяковки обнаружили на этой картине вертикальные, горизонтальные, диагональные и даже закруглённые мазки, – словом, самые разнообразные и затейливые, но характерные для кисти Малевича.

Есть и другое явление – просто-таки вселенская харизма автора. Да плюс к этому – его мистико-философские теории, наделяющие «Чёрный квадрат» очертаниями современной мифологемы и своей особенной энергетикой.

Короче говоря, не тешьтесь пустыми иллюзиями – ни любой, ни даже самый талантливый первоклассник так сделать не сможет!

Не теряйтесь, виноделы –
дайте мне не засыхать:
то, что гений как-то сделал,
повторить не в силах я!

5. «Чёрный квадрат» легко подделать

В только что упомянутых разговорах о первокласснике, разумеется, часто всплывает ещё и некий дядя Вася. Мой просвещённый читатель наверняка слышал вот такой анекдот: «Пятый раз из музея похищают «Чёрный квадрат» Малевича, и вот уже в пятый раз сторож дядя Вася успевает к утру восстановить картину!»

Правда, здесь будет уместно вспомнить о том, что повторить «Чёрный квадрат» 1915 года не удавалось не только подражателям, но… даже самому́ Малевичу. Многие знают, что кроме первого (и са́мого знаменитого) «Чёрного квадрата», он написал ещё три: один был написан в 1923 году для биеннале в Венеции (его по просьбе Казимира закрашивали его ученики Анна Лепорская и Николай Суетин), другой он написал в 1929 году, причём, подобно анекдотическому дяде Васе, писал его в спешке – прямо в зале Третьяковской галереи, и, наконец, последний был создан в 1932 году. Однако, по единодушному мне-

нию экспертов, все эти повторения были начисто лишены мистического *драйва* того са́мого первого «Чёрного квадрата»

Это ж надо: ох ты, ух ты –
получается огрех:
как улыбку не рисуй ты,
Мона Лиза лучше всех!

Кстати, справедливости ради нужно признать, что попытки подделывать Малевича всё же случались. Так, совсем недавно слушалось довольно громкое дело: председатель правления Международного фонда «Культурное достояние» Виктор Карцев приобрёл у мошенников около 400 поддельных работ «Малевича» на общую сумму 16 миллионов рублей, но профессиональная экспертиза, заказанная Русскому музею, быстро расставила всё по своим местам.

6. Если повесить «Чёрный квадрат» вверх ногами, никто не заметит

Это ещё одна ходовая насмешка, порождённая воинственным невежеством. С точки зрения Альбионыча, Малевич писал нечто беспредметное, абсолют, Ничто, незамутнённый содержанием цвет, «ноль форм». Володе было абсолютно очевидно, что у «Чёрного квадрата» нет понятий право и лево, верха и низа, севера и юга, головы и ног. У него нет вообще ничего. И повесить его вверх ногами попросту невозможно! Что же касается многофигурных супрематических композиций, где поворот на 180° легко заметить, то Малевич – по воспоминаниям современников – сам на разных выставках вешал одну и ту же картину по-разному…

Изжил сегодня я кручину,
хотя остался в меньшинстве:
чтоб лучше рассмотреть картину,
я сделал стойку на тыкве́!

7. У Репина и Серова получалось красивее

Отчасти на подобные сравнения Малевич обрёк себя сам, когда, например, в реформаторском пылу называл Репина «бездарным брандмейстером», а Серова – «бездарным пачкуном». В те годы он (Малевич, а не Серов) водил дружбу с футуристами, а скандалить и эпатировать публику в той среде считалось хорошим тоном. С годами, больше поняв про себя и мироустройство, художник открестился не только от старомодных понятий о прекрасном, но и от самого́ определения *живопись*.

Он не считал себя художником и не заботился о том, будут ли удовлетворены его работами чьи-то эстетические запросы. Малевич не хотел сделать мир лучше – он пытался организовать новый. А его «Чёрный квадрат» был кирпичом или, если хотите, фундаментом нового мирового порядка. Ну, а если в процессе кому-то *делалось красиво*, то это было всего лишь незапланированным побочным эффектом.

«О живописи в супрематизме не может быть и речи», писал Казимир, «живопись давно изжита, и сам художник – предрассудок прошлого…»

Расскажу вам без утайки –
критики озлобились:
рисовал я как Незнайка –
заработал Нобеля!

Глава 166. ТРЕТЬЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Литератор, выиграв очередную партию, даже откинулся спиной на горячий от солнца ствол карагача и расслабился. Надо ли говорить, что это было приятное, сладостное изнеможение, знакомое людям, хотя бы однажды сделавшим какое-либо важное дело, – например, футболистам, выигравшим финальный матч, или писателям, завершившим книгу, или взломщикам, обчистившим банковский сейф»

«Рассматривая явно неважные карты, Курманбаев что-то тихо бормотал, как будто выплакивал свои горести у А-Котель, или, чтобы было понятно моему и без того образованному читателю, Стены Плача в Иерусалиме»

«Хотя Володя и видел, что Мусаич решил биться с ним с революционным фанатизмом, он, будучи неплохим бильярдистом, всё-таки катнул вперёд пробный шар в виде младшего джокера»

Не став решительным военным,
и разработав план простой,
я пацифист, и жду смиренно,
когда врага убьёт другой!

«И если в начале игры Полтавцев был энергичным, как конь, прямо-таки грызший от нетерпения удила, то к середине сражения его предчувствие сделалось тягостным и заныло, словно коренной зуб шакала. Удивляясь своей беспомощности, Серёжа тут же превратился в пресловутую щепку, без которой, как известно из расхожей русской «мудрости», лес рубить не полагается»

«Нуртай глянул на карты и понял, что в этом роббере ему, как выражаются продвинутые прожектористы, *не светит*, но, чтобы сбить общий настрой, голосисто затянул:

– Комсомольцы, беспокойные сердца!
Комсомольцы всё доводят до конца!

– Конца, яйчики-бабайчики, – это в анатомическом смысле? – поинтересовался писатель, который остро чувствовал значение русских слов»

«Во время игры марсианин напоминал сам себе минное поле, потому что любой, кто вступал на его территорию, на чём-нибудь да подрывался – на мизéре ли, на блефе ли, и Володя его, конечно, тут же хоронил со всеми почестями: гимн, флаг и скупые слёзы по безвременно ушедшему – это с одной стороны. А с другой – à la guerre comme à la guerre[252], даже обидно, что они все такие хилые!»

[252] Известное выражение партизанского командира Сидора Ковпака, к сожалению, до сих пор оставшееся без перевода в силу его непереводимости! – прим. автора

«Прямо под ухом неожиданно раздался жуткий коллективный вопль дворовых детей. Володя, слыша подобные звуки, каждый раз удивлялся, как много воздуха помещается в маленьких человеческих лёгких»

«Талгат, пролетев аж на три взятки, или 60 очков, стал жалобно смотреть на *записывающего* Альбионыча, словно умоляя его нарушить нравственный закон, по которому жил Кулемзин, и не торопиться со списыванием так нужных ему очков. Но с таким же успехом военный трубач мог бы выпрашивать добавочную порцию армейского гуляша у заведующего солдатской столовой старшего лейтенанта Безбрюхера, прославившегося в их части умением заваривать чай с помощью только одной луковой шелухи»

Есть армейская наука –
ей владеют, кто не глуп:
чай заварим мы из лука,
из селёдки сварим суп!

«Втянувшись в игру, Володя словно обретал дополнительные глаза́ на затылке, становясь настороженным и чутким, точно окончательно утративший веру в людей уличный кот, на всякий случай всегда готовый к са́мому худшему»

«Сторож перехватил неприязненный взгляд учителя еврейского колледжа и, вспомнив уроки покерного гуру, решил блеснуть:

– Ты чего, мать честна́я, смотришь на меня, как Медуза Жаргона?

Педагог открыл рот, и вместо того, чтобы забрать серёжиного козырного короля своим джокером, обалдело пробормотал:

– За простую, мать моя КПСС…»

«– А как же выиграть, если два йодистых джокера на руках, и ни один не взял? – удивился Батыршин.

– Играй да постигнется, – словами Покерного евангелия от Владимира ответил покерный евангелист Владимир»

«Писатель с недоумением глянул на то, как споро Нуртай схватил взятку, которую Володя планировал взять сам.

– В одном из самых старых китайских трактатов о военном искусстве, – произнёс он, – сказано о том, что нельзя недооценивать противника.

– И что? – надменно поинтересовался Мусаич.

– Да вот помню, что там было написано следующее: «Иначе в самый неожиданный момент ты можешь схлопотать по своей гнусной и глупой ряхе»

– По-китайски было написано? – поинтересовался Афанасьич, вовсю тянущийся к ненужным знаниям»

Наливая из бутыли,
поминая чью-то мать,
нас китайцы научили,
как играть и воевать!

«– Нуртай, ты чего приуныл? – весело спросил марсианин. – Больше оптимизма: невезение когда-нибудь закончится, – ты же не бессмертный!»

«Глядя на изумлённые глаза́ Серёньки, которые таращились на свет *дедушкин* от непонимания, как он мог так по-фраерски облажаться, Володя улыбнулся и подумал: «А по дороге в новый мир валялись старенькие грабли…»

«– Вот *иблис*! – ругнулся Альбионыч. – Как же я мог нуртаевский джокер прозевать?

– Эх, Володя, мне бы твои проблемы, – попенял ему охранник, который пролетел аж на две взятки, или 45 очков.

– Знаешь, старичок, – прищурил глаз писатель, – я не люблю, когда мне говорят эту дурацкую фразу. Думаю, что если бы у тебя были мои проблемы, ты бы уже мылом верёвку мазал!»

«– Серёжа, ты того… поаккуратнее с головушкой, – посоветовал Кулемзин. – Это же не самое сильное твоё место. А то, не дай *дедушка*, последнюю извилину нечаянно выпрямишь!»

«Поручик Батыршин открыл пришедший роббер и тотчас почувствовал, как по его спине побежали так называемые *мурашки*, причём, числом не менее одного артиллерийского дивизиона»

Всё б ничто, но есть промашка
в организме: из меня
вылезает вдруг мурашка –
характерно, что одна!

Глава 167. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О невидимых смыслах)

Но, помимо только что приведённых заблуждений, традиционно упоминаемых различными авторами – интерпретаторами творчества Малевича, у Альбионыча были свои мысли по поводу этого шедевра. Например, он утверждал, что «Чёрный квадрат» – это… разноцветный куб! И в доказательство своей неожиданной теории приводил самогó Малевича, который неоднократно заявлял, что картина была создана им под воздействием бессознательного, некоего «космического сознания»

И Кулемзин подхватывал это утверждение, говоря, что исключительно квадрат в «Чёрном квадрате» видят лишь люди со слаборазвитым воображением. Если же при рассмотрении картины выйти за рамки традиционного восприятия, то есть за пределы *видимого*, то можно легко понять, что перед нами не какой-то чёрный квадрат, а, к примеру, разноцветный куб!

«Почему?!», визжали в один голос его строптивые оппоненты, зрение у которых, скорее всего, было простым, земным, а не марсианским, как у нашего героя. А он убеждал их очень просто, говоря о том, что тайный смысл, вложенный в эту гениальную картину, можно тогда сформулировать так: мир, окружающий нас, только на первый, поверхностный взгляд выглядит плоским и чёрно-белым. Если же человек будет воспринимать мир объёмно и во всём разноцветии, то его жизнь кардинально изменится, ведь недаром миллионы людей, которых, по их словам, инстинктивно притягивало к этой картине, подсознательно чувствовали объёмность и разноцветность «Чёрного квадрата». На что оппоненты тут же просили предъявить им эти миллионы людей, и Володе не оставалось ничего другого, как предложить им вначале попить пивка, ну, а потом всё как-то быстро забывалось!

Поломай меж нами бруствер,
чтоб не мыслилось узкó:
в разговорах об искусстве
важно, чтоб лилось пивко!

Ну, не напоминать же было этим конченым придуркам, что чёрный цвет поглощает *все другие цветá*, поэтому увидеть в чёрном квадрате разноцветный куб достаточно сложно! А увидеть за чёрным белое, за ложью правду, за смертью жизнь сложнее многократно. Но тот, кому удастся это сделать, станет Личностью, и ему откроется великая философская формула:

Личность –
это то, что не имеет других
оснований, кроме самого себя…

Эх, жизнь моя – шизофрения,
где, жаль, не милуют, – казнят!
Есть только я. Но и другие
со мной сочатся в этот ряд…

Вторым тем, что видел марсианин в «Чёрном квадрате», был некий бунт в искусстве, хотя многие художники, не такие талантливые, как Малевич, утверждали, что буквально всё их творчество пронизано таким бунтом. Да возьмите хотя бы Муравлёва!

Но Альбионыч помнил, что на момент появления картины в России было просто-таки засилье художников кубистской школы. После революции, которая открыла все шлюзы фантазии, российский кубизм достиг такого апогея, что уже через некоторое время порядком надоел не только критикам, но и самим художникам, после чего и начали появляться новые художественные направления. И одним из таких направлений стал супрематизм Малевича и «Чёрный супрематический квадрат» как его яркое воплощение!

Термин *супрематизм* Казимир придумал сам, взяв его от латинского корня *suprem*, что означает доминирование, превосходство цвета над всеми остальными свойствами живописи, и этим утвердил понятие, что супрематические картины – это *беспредметная* живопись, то есть акт чистого творчества.

Супрематизм очень быстро стал одним из центральных явлений русского авангарда, и его влияние испытали многие талантливые художники. Кулемзин, например, точно знал, что Пабло Руисович Пикассо окончательно охладел к кубизму именно после того, как увидел «Чёрный квадрат»!

Он даже жутко исхудал
от грубой похвальбы:
кубист Пикассо рисовал
одни свои кубы!

Третьим, что увидел Володя в картине, и чего не заметили другие, был отказ Малевича от содержания. Казалось бы, простенькая мысль, но именно простоту наиболее часто и не замечают критики, погружаясь в критикуемое полотно слишком глубоко. А всё гениальное, как известно, лежит именно на поверхности, поэтому нашему знатному писателю, а в данное время искусствоведу было видно, что «Чёрный квадрат» знаменовал собой явный переход к осознанию роли формализма в изобразительном искусстве.

Ведь что такое формализм? Это отказ от *буквального* содержания в угоду художественной форме. Очевидно, что художник, рисуя картину, мыслит не столько понятиями *контекст* и *содержание*, сколько такими сложностями, как баланс, перспектива или динамическое напряжение. Поэтому то, что признал Малевич, но не признали его современники, является фактическим для современных художников-творцов, но просто квадратом для всех остальных!

При изучении Альбионычем «Чёрного квадрата» он неожиданно понял и ещё одно, также не улавливаемое другими: этот шедевр – *вообще* кризис идей во всём искусстве. Почти сразу же после появления гениальной картины, Малевича не только стали называть чуть ли не гуру́ современного искусства, но и обвинять в гибели традиционной культуры. Даже в те революционные годы было непросто осознать, что каноны, созданные и утверждённые Леонардо Пьеровичем да Винчи и Рафаэлем Джованниевичем Санти, могут быть ниспровергнуты. А сегодня? Сегодня любой *мазила* может назвать себя художником – лишь на том основании, что он не пожалел денег на мольберт и краски, после чего заявить, что его «произведения» обладают высочайшей художественной ценностью, а

если вы в них ничего не видите, то, значит, что вы просто не разбираетесь в современном искусстве, а вот он этот мир просто так видит!

Во всём нужна драматургия,
а если нет – тогда скандал:
я вижу то, чего другие
не разглядят здесь никогда!

С горечью думал наш герой, глядя в бездну великого полотна, что мировое искусство просто изжило себя, ибо после «Чёрного квадрата» ничего выдающегося уже создано не было. Иногда ему казалось, что картина Малевича – это тотальная пустота, чёрная дыра и даже смерть – смерть именно Искусства. Мало кто знает, что Казимир Северинович к завершению жизни написал ни много ни мало 5 томов – это были философские размышления на тему искусства и бытия. Так вот в одном из них он признавался, что написав «Чёрный квадрат», долгое время не мог ни есть, ни спать, и даже не понимал сам, что же такое он сделал.

Может быть, поэтому для кого-то «Чёрный квадрат» – это прямоугольная трапеция, а для кого-то – глубокое философское послание, которое зашифровал великий художник. Точно так же, глядя на кусочек неба в квадрате форточки, каждый думает о своём. А о чём подумалось сейчас тебе, мой внимательный читатель?

Глава 168. ЧЕТВЁРТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Склонившаяся к покерному столику четвёрка игроков, включая что-то пишущего толстяка, издалека напоминала собрание тихопомешанных филателистов»

«– Да ты просто сукин сын какой-то! – воскликнул Батыршин – после того, как Курманбаев, намеренно переберя одну взятку, не дал себе подняться на 90 очков, но зато списал в раскладке 25 очков у старшего трубача.

– Талга-а-ат, – укоризненно протянул Альбионыч. – Ты не прав! Назвать вот этого сукиным сыном означает обидеть всё местное поголовье собак женского рода, дети которых, кстати, не в пример лучше и честнее его.

Мусаич, слушая справедливые слова, склонил голову и тихо улыбался в скамеечку. Но распалившегося Кулемзина было не остановить.

– Как известно из «Трактата о человеческих пороках» некоего Вл. Горького, – воскликнул он, – честные нуртаи, яйчики-бабайчики, встречаются в природе крайне редко – пожалуй, даже реже глухих пианистов!»

Говорил Афоне Колька:
«Хоть не мне их всех судить,
пропадлюк на свете столько,
что не хочется и жить!»

«Было видно, что пришедший роббер никак не устраивал Афанасьича. От рентгеновского взгляда писателя не укрылась ни растерянность Серёжи, ни его подавленно опущенные плечи. Слипшиеся губы сторожа кривила неопределённая гримаса, как будто ему только что дали конфетку – за 14-е место в соревнованиях по бегу в мешках, в которой вместо ликёра начинка состояла из красного перца пополам с лимоном»

«Много лет не только играя, но и развивая эту великолепную игру теоретически, марсианин понял, что русская кочерга многогранна, как нетрадиционная любовь, и загадочна, как японский язык»

«– Дг’узья, не г’угайтесь на меня, – от волнения картаво попросил учитель еврейского колледжа. – Ведь я сейчас никого не хотел сажать…

И тут случились сразу два события: первое – это то, что Салихдзяныч, который физически не мог переносить лживые слова Курманбаева, бросился к учпучмакским кустам, чтобы излить своё горе, и второе – на голове ленинца внезапно заполыхала пресловутая шапка из русской поговорки, сжигая мозги паническим страхом разоблачения»

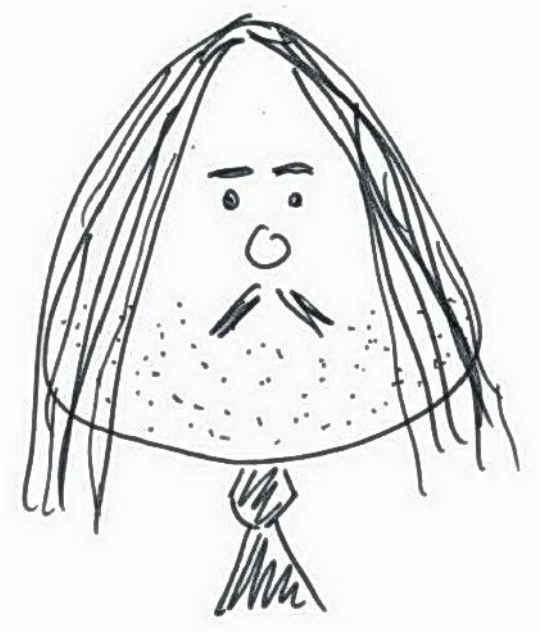
«Дворовые дети, очевидно, осваивая какую-то новую игру, бегали зигзагами, словно тёща из знаменитого анекдота про сердитого зятя[253]»

[253] Напомним его: – Папа, папа, а зачем ты стреляешь в бабушку? – Кому бабушка, а кому и тёща, сынок. Подай-ка новую обойму! – прим. автора

Прокусил большой бульдог
тёще ногу тощую:
от укуса сразу сдох –
отравился тёщею!

«На Батыршина было страшно смотреть: увидев, что в са́мом решающем роббере, то есть на последней *тёмной*, ему пришла такая чепуха, он замер, как медиум от слов гипнотизёра, а его мозг, перегруженный непосильным образованием в прапорщицкой школе имени домбриста Курмангазы, надёжно переклинило»

«От выпитого за день пива писателя двух веков Кулемзина несколько разнесло, и он почувствовал, что становится похож на огромную грушу со́рта «Дюшес летний», причём, представил это так зримо, что перед его мысленным взором тут же оказалась картина, которую он мог бы назвать «Автопортрет чёрным»:



«Видимо, пытаясь напугать сопокерников, Полтавцев неожиданно завращал глазами, как гоголевский колдун из «Страшной мести», но, к счастью, этих жалких потуг никто не заметил»

«– Ну ты и жопа! – посетовал справедливый Володя, пытаясь заглянуть в ускользающие глаза псевдобольшевика. – Не при мне будь сказано…

В ответ Нуртай, напрасно пытающийся скрыть довольную улыбку, только развёл руками, показывая, как он бессилен перед коварно взбрыкнувшей действительностью. И,

на са́мом деле, педагог сидел сейчас спокойно, словно был вооружён памперсом размера XXXL, предохранявшим его от всех игровых неожиданностей, которые ему подкидывала Сука-судьба»

«Афанасьич ещё раз оглядел пришедшие карты, потом ещё и ещё раз, но ничего толкового на «ум» не приходило. Впрочем, по этому поводу расстраиваться и не следовало, ибо это бывало в 99 случаях из 100, когда охранник пытался «думать»

Ещё одно из ярких впечатлений
о родине моей: в толпе зевак
спроси любого – это будет гений,
а поручи, окажется дурак!

Глава 169. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (Вопросы и ответы)

А теперь, чтобы мой читатель поглубже (где-то метров на 600!) погрузился в сию картину, задам сам себе несколько вопросов и сам же на них отвечу.

Вопрос первый. А почему, собственно, именно квадрат?

Это я, чтобы не гадать понапрасну, тоже узнал из философских записок Малевича. Он всегда считал, что именно квадрат является основой основ всех форм. И тогда я понял, что если следовать логике художника, то круг и крест являются уже *вторичными элементами*, ведь вращение квадрата образует круг, а перемещение белых и чёрных плоскостей – крест!

И тогда мне стало совершенно ясно, почему остальные супрематические картины, то есть «Чёрный круг» и «Чёрный крест» были написаны одновременно с «Чёрным квадратом»: они *все вместе* и составили основу новой художественной системы! Но главенство навсегда осталось за квадратом…

Вот четыре стороны,
и они всегда равны!
А фигура та, ребята,
называется квадратом…

Вопрос второй. Неужели только Малевич был таким умным?

Это не праздный вопрос, ведь Малевич был далеко не первым художником, который начал создавать подобные картины. До него многие мастера́ Франции, Англии и России были очень близки к постижению беспредметного искусства. Так, голландский художник Пит Корнелисович Мондриан в 1913-1914 годах уже вовсю создавал некие геометрические композиции, а шведская художница Хильма Викто́ровна аф Клинт писала так называемые цветные диаграммы. И сегодня искусствоведческие словари называют Мондриана художником, который *одновременно* с Кандинским и Малевичем положил начало абстрактной живописи, а Клинт – одной из первых представителей абстрактной живописи, чьи композиции предвосхитили работы таких художников-абстракционистов, как, например, Василий Кандинский.

Однако, именно у Малевича банальная геометрия приобрела чёткий философский подтекст. Никто не спорит, что его замысел ясно вытекал из предыдущего художественного течения – кубизма, где предметы дробятся на геометрические формы, и каждая из них раскрашена отдельно. Но только в супрематизме *перестали* изображать первоначальную форму, и художники перешли к чистой геометрии!

Круг, квадрат, прямоугольник,
пирамида, треугольник,
шар, трапеция – и всё?
Есть ещё параллепипед
(правда, он стереотипен) –
вот и всё, что я усёк!

И это тоже важно. Вспомним отличную работу Пабло Руисовича Пикассо «Три женщины», заметьте, 1908 года – это идеальный пример кубизма, но, тем не менее, здесь художник ещё не отказывается от формы-прототипа – человеческого тела. Его женщины так поразительно похожи на работу некоего скульптора-плотника, который как будто создавал своё произведение с помощью топора, а каждый *срез* скульптуры закрашивал оттенком красного цвéта.

И что? Да ничего. Хороший такой кубический кубизм. Но не супрематический супрематизм. А мы говорим сейчас именно о нём…

Вопрос третий. Как квадрат может быть подвижным?

Несмотря на внешнюю статичность, «Чёрный квадрат» считается одной из самых динамических картин в истории русского авангарда. Я испытал это на себе: разглядывая её (картину, а не историю) несколько часов кряду, я стал замечать, что невольно раскачиваюсь, потом приседаю, потом щурюсь, гримасничаю, открываю рот, поднимаю то одну руку, то другую. Мистика? Вовсе нет – вся эта динамика действительно передаётся человеку. Но, конечно, не всем. Любая мать улыбнётся при виде чужого ребёнка, но качнётся её сердце только к своему.

И ещё о динамике: по замыслу художника, о которой я тоже узнал из пятитомника Малевича, его чёрный квадрат символизирует чистую форму, а вот белый фон вокруг него – бесконечное пространство. Именно поэтому Казимир и употреблял прилагательное *динамический*, – чтобы показать, что эта форма находится в космосе, представляя свой чёрный квадрат планетой во Вселенной. Так что не только форма, но и её фон здесь абсолютно неотделимы друг от друга.

А вот что сказал по этому поводу сам автор шедевра Казимир Малевич: «Самое главное в супрематизме – это два основания: энергия чёрного и белого, служащие раскрытию формы действия»[254]

Давно границы эти смыты
(попробуй новые построй!),
а фон и форма неразрывны,
как атом и Big Bang[255] простой…

[254] Малевич К. Собрание сочинений в 5 томах. М., Из-во «Гилея», 1995, том I, стр. 187
[255] Большой Взрыв – англ.

Вопрос четвёртый. Почему все художники должны передавать только узнаваемые образы?

А они и не должны. Когда мы произносим слово *искусство*, то говорим не только об узнаваемых óбразах, а во многих случаях и вовсе не об óбразах, а, как, например, в случае с «Чёрным квадратом», о геометрии и цвете. Малевич сделал это, а мы наслаждаемся, созерцая его картину (кто, конечно, понимает, о чём я говорю).

Разве вы никогда не замечали, что окружающий нас мир – это зачастую именно геометрические формы? Круглый стол, прямоугольное окно, египетские пирамиды. А архитектура? Вот где сплошной геометризм! Но мы же не критикуем архитектуру за то, что она не видит мир в óбразах человеческих фигур. Так почему же живопись должна воспроизводить только человеческие образы?

Мозг искусством искалечен,
но тому я очень рад:
нарисован человечек,
я же вижу в нём квадрат!

Геометрия и цвет авангардизма никак не отрицает реалистическое или какие-то другие виды искусства. Но присмотритесь внимательнее – даже так называемое реалистическое искусство реалистично на полотне лишь весьма условно! Где в повседневной жизни вы увидите, например, тот поразительный мистический свет, какой мы видим на полотнах Харменса Харменовича Рембрандта? А пейзажи Левитана? Поспорю, что они намного поэтичнее и образнее оригинала!

Вопрос пятый. Почему в «Чёрном квадрате» каждый видит что-то своё?

Почему простой чёрный цвет может быть столь привлекательным? Наверное, всё-таки не потому, что чёрный цвет – это вообще мода на протяжении уже нескольких десятков лет. Хотя кто его знает, может, эта мода началась именно с картины Малевича?

Интересно, что художники, перебрав, перепробовав, пропустив через себя огромную палитру всех цветов и оттенков, в одежде очень часто предпочитают именно чёрный цвет. Как-то одну оскароносную голливудскую актрису спросили, какой цвет любимый в её гардеробе, на что она ответила: «Конечно же, чёрный – ведь у меня муж художник!»

А если серьёзно, то, независимо от замысла самогó художника, любой из нас вправе видеть в «Чёрном квадрате» свой, совершенно определённый смысл, и, возможно, даже никак не связанный ни с геометрией, ни с цветом.

С того времени, когда я сам *осознал* «Чёрный квадрат», отношение к этой гениальной картине стало для меня одним из тех пунктиков, по которым каждый из нас составляет для себя представление (не мнение и не суждение – Вл. Г.) о малознакомом человеке, о его *полном* мировоззрении. Чтобы понять, о чём я говорю, приведу для примера другие фундаментальные пункты навскидку: вера, атеизм, отношение к матери, любимая музыка, взгляд на современное искусство и т.п. Но подчёркиваю, что это, конечно, лично для меня.

Сам себе я очень личный –
симпатичный и отличный!

Но и для кого-то другого, нравится этот «Квадрат» каждому или нет, но он – та ещё зажигалка для споров и ломания копий. Пожалуй, даже не менее гениальная «Мона Лиза» (прошу прощения за столь дерзкую параллель!) не вызывает таких жарких, стрáстных и порой агрессивных дискуссий. Какие только мнения ни звучат, какие смыслы ни раскрываются в этой уж точно бессмертной картине: от космического, мистическо-религиозного, демонического, философского и даже политического и разных глобально-умунепостижимых до обычных пояснительно-искусствоведческих, психологически-шизофренических и вообще никаких.

Так что такое «Чёрный квадрат» лично для меня? С точки зрения художественного образования – это слияние, синтез, *конечный пункт передуманности*, осмысления и изведанности классических форм искусства. Это то, что может себе позволить не любой, кто умеет пользоваться краской и кистью, а кто прошёл эти замысловатые трудные пути от ученичества до зрелого ма́стера. «Чёрный квадрат» – точка схождения этих путей, так же как в чёрном цвете сходятся все цвета́ спектра.

С эмоциональной же точки зрения «Чёрный квадрат» для меня – это феномен, это страсть, заключённая в совсем нестрастную, суперлаконичную, сжатую форму, цвет и подачу.

Извращенец-художник был вовсе пропащ:
не имея моральных преград,
в галерее внезапно распахивал плащ
и показывал дамам квадрат!

Глава 170. ПЯТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«От напряжения что-либо понять в пришедших картах лицо Афанасьича побагровело, а на висках вздулись крупные вены, словно у заслуженного варикозника Саксаульской ССР (б)»

«Салихдзяныч внимательно просмотрел попавшие к нему карты и вдруг понял, что вот он и наступил – его звёздный час: из 12 карт у него было не только два джокера, но ещё и аж 9 крупных пикей. И всё бы ничего в этой радости, да только был некий подвох, спровоцированный, как думается автору, неумеренным потреблением очень крепкого пива «Маршал» – пики были козырями один роббер назад, а сейчас сдающий Нуртай положил поверх колоды трефовую девятку. Но военный музыкант словно не видел этого, позволив хихикающей над собственной шуткой Суке-судьбе вести его на манящий свет обмана. По дороге он был весел и беспечен, как турист на экскурсии»

«И всё-таки, несмотря на отдельные недочёты, в воздухе витало приближение торжества справедливости»

«Проиграв, Курманбаев перекосил лицо такой мучительной гримасой, которой постоянно пользуются только глухонемые в поездах дальнего следования»

«– А я вот так! И так! И ещё вот эдак! – в ажитации выкрикивал Серёжа, меча на покерный столик сначала джокеры, а потом и крупные козыри. И не было в этом, как говорят герои глуповатых голливудских фильмов, ничего личного, а просто – повезло парнишке! Даже Володя, отличающийся осторожностью в игре, пролетел на одну взятку, тогда как Батыршин и Курманбаев на две каждый.

– Да ты просто пресс-атташе какой-то! – одобрительно воскликнул писатель. – От многозначного глагола *прессовать*!»

Как же он малокультурен,
и орёт, крича про *мать*:
«Запрессую всех в натуре,
чтоб победу одержать!»

«– И не жалко вам меня, царица лесная? – вскричал охранник.

– А почему мы вообще должны кого-то жалеть? – возмутился Нуртай. – Меня, например, так никто не жалеет!

– А тебя за что? – удивился Полтавцев. – Вот мне сейчас действительно плохо, ведь вы все только что нанесли мне поражение, а я хотел нанести себе победу!»

«Увидев, что на этот раз карты ему пришли неважные, педагог, словно бы разминая застоявшиеся члены, вскочил с покерной скамеечки и стал нервно прохаживаться, заглядывая при этом в карты тем, до кого смог дотянуться его жадный взор. Заметив, что прапорщику пришли сразу два джокера, он сел на своё место, после чего, отчаянно фальшивя, стал тонким голосом петь знакомые слова, явно подражая жабье-раздутой Крачковской из фильма «Место встречи изменить нельзя»:

– Мы были оба…
– Я у аптеки!
– А я в кино искала вас!
– Так, значит, завтра
на том же месте, в тот же час!»

«Проиграв два роббера кряду, Кулемзин не то чтобы занервничал, а, скорее, принял некое решение, но озвучивать перед коллективом его не стал, а вот автор доверит это решение своему читателю: «Пора́! Пора́ поставить моих противников в коленно-локтевую позицию! И не раз!»

«Рёв дворовых детей можно было сравнить сейчас лишь с одновременным спуском воды во всех гальюнах американского авианосца «Энтерпрайз»[256]

[256] «Инициатива» – англ.

«Педагог, ломая глаза, усердно заглядывал в карты сидящего рядом трубача, как будто надеялся наконец-то узнать заветную тайну черепахи Тортиллы»

«– Эх, неразумные дети мои, – вздохнул Володя. – Как же вы так неосторожно?

– А что? – встрепенулся сторож, который умудрился при шести картах заказать четыре взятки.

– Пролетели вы все, – продолжал вещать писатель.

– Да ну, ёперный пролёт? – усомнился и прапорщик, заказавший три взятки при наличии трёх крупных козырей.

– И заметьте, – продолжал покерный гуру, – что я сейчас пророчествую, не впадая в транс. А это значит – истину глаголю!»

«Как остроумно написано в одной забавной книжке без картинок, есть время разбрасывать джокеры и время собирать взятки!»

«Торжествующая душонка Мусаича услышала триумфальные звуки фанфар, а также некий пиликающий звук, характерный для победы в компьютерной игре после прохода всех уровней. Оставалось только ворваться в финальный уровень и захватить приз!»

«До конца партии оставалось всего ничего, то есть три коротких роббера и последняя *тёмная*, и литератор почувствовал, как у него от напряжения вырабатывается вредный адреналин, коварно разливаясь по всему телу и заражая собою вышколенные хорошим питанием о́рганы»

Я раньше не любил пробежки,
паркур, экстрим, адреналин,
но два соседских добермана
нашли во мне потенциал!

Глава 171. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О зарезанном искусстве)

Результатом любого рисования является картина. И это, казалось бы, бесспорное утверждение могло быть правдой, если бы Казимир Малевич не доказал обратное: в начале XX века он написал «Чёрный супрематический квадрат», после чего сделал шокирующее признание публике:

Это не живопись, это что-то другое…

Что же означают эти страшные слова? Да только то, что «Чёрный квадрат» – это *полное противопоставление* всему тому, что подразумевается под понятиями «искусство», «живопись» или просто «картина». И ещё то, что Малевич свёл все формы и всю живопись до абсолютного нуля!

Со времени появления этой картины прошло более 90 лет, но она всё ещё будоражит умы и воображение, всё ещё вызывает бурные споры. Что же в ней такого? Абсолютно чёрное квадратное изображение, написанное маслом и обрамлённое белой канвой. Видите, так просто, что здесь не может быть ничего из традиционных признаков шедевра!

Однако, как и предсказывал сам художник, этот рисунок, сделанный бессознательно, а, точнее, под воздействием некоего космического сознания, стал важнейшим событием в мировой истории искусства. Он освободил концепцию живописи от всех её *традиционных* законов, свёл её к нулю формы и обозначил квадрат как новую, базисную *первофигуру* нового искусства, которое было названо супрематизмом. И недаром (и, по-моему совершенно справедливо) Казимир назвал свой «Чёрный квадрат» *голой иконой без рамы*, а себя Председателем Пространства – также, как ещё один русский гений Велимир Хлебников называл себя Председателем Земного Шара. Думаю, что и в том, и в другом случае оба творца не скатывались в шизофренический бред мании величия, а, напротив, реально оценивали своё величие революционеров-ниспровергателей.

В нашем мире много психов –
каждый пятый в мире псих !
Говори со мною тихо:
может, я один из них…

Наверное, именно поэтому Малевич после создания картины, чувствуя себя не меньше чем *дедушкой*, открыто заявил о своём намерении «зарéзать искусство живописное, уложить его в гроб и припечатать «Чёрным квадратом»! Именно так этот гений стал автором самой знаменитой, самой загадочной, самой пугающей картины на свете, несложным, казалось бы, движением кисти он раз и навсегда провёл непереходимую черту, обозначил прóпасть между старым искусством и новым, между человеком и его тенью, между розой и гробом, между жизнью и смертью, между *дедушкой* и *иблисом*. По его собственным словам, он «свёл все в нуль». Но этот нуль почему-то оказался *квадратным*, и это простое открытие – одно из самых страшных событий в искусстве за всю историю его существования!

Чёрный квадрат – как начало туннеля
без пресловутого света в конце.
Тело шагнуло, душа не успела –
эха забвения след на лице,
так торопливо стирают улыбки –
каплями пота стекают слова́.
Так гладиатор, и горец, и викинг
делают шаг, перестав убивать.

В чёрный квадрат замурована вечность.
Мы, как свидетели чёрных секунд,
платим мечтами…
Иначе?
Да нечем!
Это последнее, что отберут!
Только себя временами я вижу:
вполоборота из-за плеча
молча смотрю на того,
кто всё ж выжил,
и продолжает квадрат изучать…

Так в чём же всё-таки *концептуальное* содержание «Чёрного квадрата»? А здесь тоже всё просто: оно заключается прежде всего в том, чтобы *вывести сознание* зрителя в пространство иного измерения, к той единой супрематической плоскости – экономической и *иконо*мической. Мы уже установили, что сама по себе форма в супрематизме ввиду её беспредметности ничего не изображает – она уничтожает вещи и обретает смысл как *первоэлемент*, всецело подчинённый экономическому началу, которое в символическом выражении есть «ноль форм», то есть чёрный квадрат, но при этом учитывая, что чёрное, опредмеченное и выраженное в виде квадрата, неразрывно связано с белым фоном, и без него проявление цвéта всегда остается неполным и тусклым.

Не отсюда ли выясняется и другая, не менее существенная формула «Чёрного квадрата» как символа: эта картина есть (почти по Марксу!) выражение *единства противоположных цветов*. В этой наиболее обобщённой формуле чёрное и белое могут быть выражены как свет и и несвет, как два атрибута некоего Абсолюта, существующие и нераздельно, и неслиянно, то есть они существуют как одно целое. Или нецелое, что в данном случае одно и то же!

Попадание в исторический момент, умение встать в историю как бы *впереди времени*, сделать заявку на будущее искусства, предвидеть или обозначить своей работой пути развития художественных форм – вот истинная актуальность малевичского шедевра. А учитывая то, что в современном искусстве прекрасное и безобразное давно уже равноценны, то сегодня абсолютно не имеет никакого значения, какие именно эмоции возникают при взгляде на этот предмет искусства – положительные или отрицательные…

Рад, что вас насторожили
множество моих начал:
отрицая, положил я,
но кладя, всё отрицал!

Надеюсь, никто не будет спорить, что если в искусстве нет прогресса, то не может быть и *регресса*, а, значит, не может быть и дегенеративных произведений (ведь самое дегенеративное для многих – это именно «Чёрный квадрат»), а все они так или иначе являются развитием. Развитие, как известно, может идти как вперёд, так и назад, и при этом не стóит давать оценок – какой момент лучше? Вот житейский пример: когда болезнь развивается вспять – это же не плохо, а благо! Поэтому всё в жизни, и в искусстве, в частности, тоже не так однозначно. Для меня «Чёрный квадрат» есть то самое *развитие вспять*, его тупиковая точка, от которой искусство может идти в разных направлениях, что мы и видим сегодня. Считаю, что именно этим и ценен вызов Малевича, который решился показать людям эту невидимую тупиковую точку и нашёл для этого адекватные средства выразительности.

Мысль моя – совсем не прихоть,
это просто надо знать:
в тупике найдётся выход –
надо только поискать!

Глава 172. ШЕСТАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Главное не победа, – проиграв, высказал сомнительную истину Курманбаев.

– Правильно. Главное – ёкарное поражение, – глубокомысленно изрёк Батыршин.

– Причем, 75-ти процентов сражающихся, – уточнил Кулемзин. – И блестящая победа оставшихся 25-ти!»

«– Вот я фраер невезучий, – пожалел себя Серёжа»

«И вдруг случилось почти невероятное: Альбионыч, этот покерный гуру, этот светоч разума покерного столика пролетел аж на три взятки, или 60 очков! Привыкший за годы игры ко всему, Володя был ошеломлён, и вид у него при этом случился как у Фридриха Карловича Ницше, когда тот впервые пришел к выводу, что *дедушка* мёртв»

«– Какая самодовлеющая (прости, русский язык!) экзистенция! – попенял военному музыканту литератор. Талгату тут же стало так дурно от этих страшных слов, что зачесалось сразу под обеими коленками»

«– Мать моя партия, какой же ты, Серёжа, всё-таки тупой! – воскликнул Мусаич, который должен был взять последнюю взятку, если бы не нелепый ход сторожа.

– Ну ты, Нуртай, даёшь! – озлобился Полтавцев. – Считаю, что твои слова – это прямое преступление против человечины!»

«– Клянусь самой страшной клятвой, – заявил Альбионыч, – что пока я не выиграю партии, не буду есть варёных огурцов!»

«– Серёжа, будь внимательнее! – строго призвал Кулемзин. – Вспомни, чему учил тебя в школе некто Маяковский:

Мой рот –
экскаваторный
ковш,
мои уши –
граммофонные
трубы[257]!

[257] ***Наглость автора переходит все границы! Авторитетно заявляю, что В. В. Маяковский никогда не писал подобной чуши! – прим. лит. редактора***

Полтавцев немедленно разинул свой ковш и задвигал ушами, видимо, пытаясь придать им форму описанных труб.

– Получается? – робко поинтересовался он.

– Так уже лучше, – подтвердил писатель»

«– Не думай о неприятном, – посоветовал Володя. – Яйчики-бабайчики, вспомни что-нибудь действительно светлое!

Афанасьич поднапрягся, но удалось вспомнить только размер своей последней зарплаты, и от этого ему захотелось плакать ещё больше»

«– Талгат, если тебе невтерпёж, ты все равно потерпи, – какими-то загадочными словами попробовал успокоить товарища охранник. Нуртай в это время заметил, что Полтавцев немного наклонил свои карты, и зыркнул туда глазами, не поворачивая головы.

Володя подумал, что такая способность, несомненно, полезна, – например, для карманника, за которым следят опера́»

«– Так у тебя что, не было ни одного джокера? – отчаянно спросил партийный.

– Именно так, старик, запиши это куда-нибудь, и я без раздумья поставлю под этой записью свою подпись. И печать!»

Я с любой проблемой справлюсь –
даже с той, что столь горька:
подпишусь, печать поставлю,
завизирую в ЦК!

«– Ну, Серёжа, ты армян, – горько промолвил Володя, – по прозванью Ступорян!

– Да мыслю я хорошо, – признался сторож. – Я соображаю плохо…»

«– А тебе мальчики кровавые не снятся? – ехидно осведомился Курманбаев.

– Нет, старик, – честно ответил Кулемзин. – Мне всё больше грудастые девочки!»

«Пора, пожалуй, применить метод кнута и оглобли!», подумал писатель. «Пряники здесь вряд ли прокатят…»

«– Талгат, мать моя партия, ты ходить уже будешь? – толкнул в плечо трубача педагог. Военный в ответ посмотрел на него отсутствующими глазами, словно старался вспомнить, где и когда он мог видеть его раньше»

«– Серёжа, мне нужна от тебя кое-какая информация, – наклонившись к плечу страдальца, прошептал марсианин. – Mais il faut parler francais exclusivement. Vous bien comprenez?[258]

– Bien sûr, je me suis rendu. Qu'y at-il de ne pas comprendre[259]?»

«И в это время мимо ошеломлённых игроков прошёл негр цвета угольного склада в Бердянске. «Да это не Бермудский Учпучмак, а проходной двор какой-то!», возмущённо подумал Альбионыч»

[258] Но следует говорить только по-французски. Ты хорошо понял? – фр.
[259] Конечно, понял. Чего же тут не понять? – фр.

Не шибко любит негра люд честной –
он временами поступает странно:
ну, например, использует в парной
ядрёный веник из листвы банана!

«Дворовые дети распоясались окончательно и сейчас исполняли вокруг покерного столика что-то вроде *сарданы* – старинного народного каталонского танца»

«Игровая ситуация страшно беспокоила Талгата, как кнопка в заднице»

«– Да клянусь, – начал бить себя в грудь Нуртай, – что не хотел никого сажать. Ведь ты же знаешь, что я воспитан на советских принципах миролюбия, человеколюбия и покеролюбия!

– А на чём хочешь присягнуть? – иронично осведомился литератор. – На библии, коране, торе? Или, может быть, на «Моральном кодексе строителя коммунизма»?

– Нет, – застенчиво предложил педагог, – на статье Владимира Ильича «О конституционных иллюзиях»[260].

[260] Впервые опубликована в газете «Искра» 26 июля 1917 года – прим. полит. редактора

Глава 173. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О логике шедевра)

Скажу прямо, лично для меня «Чёрный квадрат» абсолютно логичен, впрочем, как и любое другое выдающееся произведение искусства тоже логично, будь то «Осень в Мурнау» Василия Кандинского или «Атавистические останки дождя» Сальвадора Доменековича Дали. В шедевре Малевича всё связано, всё логично вытекает одно из другого, один композиционный момент предполагает другой, цвет взаимосвязан также гармонично, и даже сюжет, которого, казалось бы, нет вовсе, тоже имеет свою логику.

Думаю, что вообще любая – пусть даже самая лихая и самая экспрессивная – абстракция имеет свою логику. В этом смысле любой шедевр – рационален. Логика произведения здесь выступает как логика содержания и формы, а также их взаимосвязи. И, напротив, изображение, лишённое логики, почти всегда никак не соотносится с искусством. Поэтому обратная связь, то есть наличие логических связей, – это бесспорный показатель принадлежности к искусству, и Малевич дерзко представляет публике свой «Чёрный квадрат» как доказательство того, что художественная форма не имеет границ ни в сторону усложнения, ни в сторону упрощения, хотя это всего лишь квадрат одного цвéта. Но какой же это ход, и какое яркое, по сути математическое, доказательство!

Чтоб не стало поздновато
и пока хватило сил,
математик из квадрата
сделал рюмку и – налил!

Оп-па! А это что такое? Даже автор никак не мог предвидеть такого развития сюжета, а ведь он, как никто другой, должен был следить за выполнением Плана Построения Четвёртого Тома Романа «Русская Кочерга»! И вот не уследил! И тогда сама Сука-судьба, относящаяся к автору с симпатией, и сотворила этот недвусмысленный знак, эту кляксу на завершении второй части книги, этот символ того, что даже талантливым и гениальным людям не надо забываться ни на мгновение, когда создаёшь что-то большое и величественное, а иначе можно упустить самое важное, самое главное в жизни, а вот что именно – и будет понятным из дальнейших строк, коих в романе ещё наваяется не меньше чем 2.000!

А пока прервём наше исследование и уступим место последней, короткой главке этой второй части…

ГЛАВА БЕЗ НОМЕРА (Хронотоп № 27)

Сквозь тёмные очки

Мне всегда в стране родной
не хватало па́йки хлеба,
ведь кормил я этим хлебом
белоснежных голубей.
Я сквозь тёмные очки
посмотрю на это небо,
но от этого то небо
не становится темней.

Мне всегда в стране родной
разливанным было го́ре,
здесь не стали мы юней –
только тяжелобольней.
Я сквозь тёмные очки
посмотрю на горя море,
но от этого то море
вряд ли станет солоней.

Мне всегда в стране родной
не хватало капли хмеля,
что земля родила сдуру,
счастья нам не причиня.
Я сквозь тёмные очки
посмотрю на эту землю,
только вряд ли та землица
будет пухом для меня…

Конец второй части

Часть III. Вечер

Глава 173, продолжение. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О логике шедевра)

У меня, изучающего эту картину последние 40 лет, давно появилось стойкое ощущение, что «Чёрный квадрат» – это некая *промежуточная форма* между математикой и эстетикой, настолько сильна его логика. И дело даже не в математической, геометрической форме квадрата, хотя это тоже очень важно – именно квадрат! Логика малевичского квадрата в том, что в период отрицания авангардом всего предшествующего опыта искусства, всех его наработок, попыток выбросить его «на свалку истории», Казимир представил то, что останется на нуле искусства, отказе его от развёрнутой формы.

Поэтому для меня «Чёрный квадрат» – это, без сомнения, минимальная форма картины, ноль искусства (но не конец), от которого возможен отсчёт и движение, как по числовой оси от нуля, – как в одну, так и в другую сторону: как в сторону развития новой фигуративности от формального нуля, так и в отсчёте новой абстрактности, развивающей новые абстрактные формы от простейшего квадрата.

Где же времени граница –
километров через пять?
От нуля до единицы
очень сложно дошагать!

Если говорить о логике шедевра, то она в нём, на мой взгляд, присутствует сполна. Давно замечено, что шедеврами, как правило, признаются самые лаконичные произведения своей эпохи. Уж что-что, а лаконичность формы у «Чёрного квадрата» заметна даже дилетанту, который именно за это и ненавидит картину – вот эта крайняя запредельная простота больше всего его и бесит.

Я заметил, что многие современные исследователи этого шедевра делали разные попытки так или иначе *заполнить* «Чёрный квадрат» изображениями и смыслами, видимо, считая написанную черноту пустотой или фоном. Но чем на поверку остаются эти жалкие попытки? Они, как правило, вызывают у зрителя или читателя лишь лёгкое раздражение, а мне лично так попыткой *примазаться* к Малевичу. Почему? Да потому, что «Чёрный квадрат» до такой степени выверен формально и самодостаточен, что даже его противники воспринимают попытки улучшить или украсить смысл полотна как ненужную глупость.

Никто не будет спорить, что форма – это пространство, от которого отсечено всё лишнее. В этом смысле именно квадрат является абсолютной формой, где равенство сторон и углов не даёт повода для сравнения, преобладания и даже соперничества. Квадрат чист и абсолютен, это бесстрастная форма, не плюс и не минус, это ноль живописи, особенно подчёркнутый отсутствием цвета.

Ведь мы, ребята, демократы
(суди по *русским кочергам*!),
и мы все градусы квадрата
разделим честно – пó сту грамм!

(И на этом месте автору романа пришла в голову забавная мысль: а не потому ли герои «Русской кочерги», играющие в одну из самых замечательных игр на свете, составляют не тройку или пятёрку, а именно покерную *квадригу*, то есть классический квадрат с рассадкой героев два на два? Шутка – Вл. Г.)

Многие видят в картине Малевича то какой-то абстрактный космос, то такую же неописанную вселенную, то банальную чёрную комнату с чёрной кошкой внутри, то ещё более банальное окно в бесконечность и т.п. Но такие поиски не нужны, ведь всё, что мастер хотел сказать своей картиной, он уже сказал. Просто критикам, которым несколько неловко не иметь своего вычурного мнения, не приходит в голову, что здесь имеет место изображение только чёрного квадрата геометрической формы. И ничего больше!

Думал я, приняв сто грамм
в ожиданье утвердиться:
«По квадратным сторонам
мне никак не заблудиться!»

Поэтому остаётся только согласиться, что в данной работе мы имеем дело с *реалистичным* изображением некой геометрической фигуры. И это главная мысль! «Чёрный квадрат» – это реализм. И придумал это не я, а сам Малевич, что подтверждается его же исследованиями и теоретическими работами в уже названном пятитомнике, где он пишет о «новом реализме», где он доказывает именно правоту реализма своей картины. Поэтому мне всегда забавно слышать или читать бредятину тех, кто говорит, что Малевич своим «Чёрным квадратом» этот самый реализм перечёркивает или даже уничтожает, и вот за это его и надо ненавидеть!

Этим недалёким критикам не приходит в голову ещё одна простая мысль, которая давно пришла мне: изображение на полотне гениально является как реалистичным, так и абстрактным. Одновременно! Чтобы понять эту мысль, выскажу ещё одну: можете ли вы поспорить со мной, что живопись и графика не являются также одновреме́нными?

Кроме того, это случай, когда форма (чёрный квадрат) является одновременно и его содержанием (то есть изображён чёрный квадрат, и ничего кроме). Именно поэтому я и утверждаю, что в данном случае мы имеем дело с *универсальной*, абсолютной художественной формой, и в этом тоже момент гениальности этого полотна.

Кстати, утверждая это, я даже учитывал довольно известный посыл французов Мориса Эдуаровича Дени и Анри Эмильевича Матисса о том, что картина – это раскрашенная плоскость, и форма этой плоскости не может не учитываться при формировании изображения. Для меня это – ещё одна из причин, почему Малевич выбрал именно квадрат, а не круг, хотя круг ещё совершеннее по форме, чем квадрат. Но здесь дело в движении! Круг статичен, закончен, а квадрат вначале повторяет конфигурацию, а потом идёт вслед за рамой и – растворяется в этой форме, тогда как любой круг или, например, треугольник будут давать некие зоны отсечения от рамы!

Без ненужной в пьянке пыли
(хоть в бутылке и бурда!),
треугольником мы пили,
но по кругу, – как всегда!

И вот эта форма квадрата, конечно же, не случайна. Его (прости, русский язык!) *креативность*, то, как он бьёт по сознанию и подсознанию человека, несравнима ни с какими другими формами! В этом смысле квадрат есть *универсальный знак*, и не случайно издревле у разных народов *солярные*, то есть связанные с культом солнца как источника жизни, наиболее влиятельные знаки имеют форму именно квадрата (или свастики, вписанной в квадрат). И эта креативность квадрата – на уровне восприятия – ощущалась всегда. За 500 лет до Малевича гений Высокого Возрождения Леонардо Пьерович да Винчи в своём «Трактате о живописи» писал о том, что «геометрия сводит всякую поверхность, окружённую линией, к фигуре квадрата, и каждое тело к фигуре куба, а арифметика делает то же самое со своими кубическими и квадратными корнями». То есть и за пять веков до картины Малевича речь шла опять-таки о квадрате – как абсолютной форме! Но гений Малевича ещё и в том, что он довёл мысль Леонардо до совершенства, ведь его не просто квадрат, а именно чёрный, стал обладать предельной, крайней выразительностью, которая и проявилась через обобщённый миметический[261] момент чёрного квадрата как знака.

[261] От др.-греч. μίμησις (мимесис) – подобие, подражание – один из основных принципов эстетики, в самом общем смысле – подражание искусства действительности – прим. худ. редактора

Я в квадрате вижу знак:
с детства выпить не дурак!

Поэтому совет всем сомневающимся: не надо ничего придумывать ни про Малевича, ни про его «Чёрный квадрат». Сделайте над собой усилие и постарайтесь увидеть в картине только чёрный квадрат, некую геометрическую фигуру – и ничего кроме, ибо ни сам Казимир Северинович, ни его шедевр в ваших выдумках не нуждаются!

Глава 174. СЕДЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«Увидев очередную подлость Нуртая, Талгат неожиданно употребил слово, которое автор благоразумно опускает, так как среди читателей этих правдивых записок могут оказаться вышедшие на пенсию библиотекари и пожилые домохозяйки. А Володя лишь возмущённо втянул в себя добрый (прости, русский язык!) бушель[262] воздуха»

[262] Здесь автор совершенно переходит все границы здравого смысла, ведь 1 бушель равен 35 литрам! – прим. логич. редактора

«– Да я просто думаю, – начал оправдываться Серёжа, – что факты говорят сами за себя, хотя и не понимаю, как они могут говорить, если у них даже рта нет!»

«Эх, не простит мне Нуртай быстрого успеха», подумал Кулемзин, «яйчики-бабайчики, сплетни станет распускать, на аморалке ловить…»

«Военный трубач от возмущения только молча раскрывал рот, не в силах высказать, что у него накипело.

– Может, *под фанеру сплюсуешь*? – предложил сердобольный писатель.

Игра набирала обороты, а Салихдзяныч всё ещё бултыхался в мутном пруду своей обиды, прислушиваясь к разлитой по всему телу душевной боли и обдумывая, как бы подлечиться»

«Надеюсь, что со временем всем воздастся», отчаянно подумал Альбионыч, пролетев на одну взятку. «Сёстрам – по серьгам, остальным – по яйцам…»

«Курманбаев ещё раз лихорадочно пробежал глазами по пришедшему робберу, тусклому и неважному, и, чтобы сбить с толку остальных, неожиданно сделал вид, что поёт:

– Люблю друзья, я Ленинские горы –
там хорошо рассвет встречать вдвоём…

– Молодец! – похвалил его марсианин.

Мусаич тут же расцвёл, ведь хорошее слово в свой адрес он слышал от покерного гуру не часто.

– Молодец, – задумчиво повторил Володя. – Про таких, как ты, на Руси говорили: с одной жопой на семь ярмарок поспел…»

«Придётся действовать по-другому», подумал Кулемзин. «Как учил наш придурковатый первый маршал Ворошилов: малой кровью на чужой территории…»

«– Серёжа, не мешай, – интеллигентно пожурил охранника педагог. – Как хочу, мать моя партия, так и хожу…

– Читал я про одного такого, царица лесная, – откликнулся сторож. – У какого-то английского писателя был такой же кот, как ты, тот тоже всё сам под себя ходил!»

«Талгат, чувствуя, что такая удача приходит к нему крайне редко, швырял карты с придыханием, брал взятку за взяткой, и было видно, что от всего происходящего он получает такое же чувственное наслаждение, какое хряк – в тёплой глинистой луже»

«– Да, ему пальцы в рот не ложь, – с раздражением проговорил Афанасьич, глядя на большевика.

– Конечно, – согласился с ним литератор. – Станет он на какие-то пальцы разменива-ться, когда гораздо вкуснее откусить всю руку целиком. По самые яйца!»

«– Ну как карта, Серёжа? – поинтересовался Володя.

Полтавцев, как видно, был настроен лирически, поэтому решил ответить приятелю стихами:

– Товар – малина,
дерьма в нём половина!

«Дворовые дети резвились, как фанаты на концерте группы «Duran Duran»[263]

[263] Британская группа, получившая своё название от отрицательного персонажа научно-фантастического фильма «Барбарелла» (1968) режиссёра Роже Игоревича Вадима – прим. муз. редактора

«– По джокерам! – неожиданно произнёс Альбионыч.

Это был один из его любимых контратакующих ударов, в карате именуемый *хвост ласточки*. Только в японской народной забаве это были два синхронных удара по атакующим противникам в область сердца, в покере же слова́ основоположника произвели не меньший эффект: педагог был вынужден скинуть старшего джокера, а охранник и военный татарин – по младшему. Это было впечатляюще, это было блестяще, это было так по-кулемзински, имея в виду сложность, продуманность и успех задуманного!»

«После списанных 90 очков удар по серёжиному самолюбию был сильным.

– Сохранить богатство гораздо тяжелее, чем его нажить, – посочувствовал Володя. – Помнишь, как у олимпийцев: стать чемпионом легче, чем им остаться?

– Не помню. Не был. Не участвовал. Царица лесная, – угрюмо ответил охранник»

«– Всю ёкарную дорогу тебе везёт, – укоризненно протянул военный трубач.

– Что есть везение? – по-пилатовски риторически спросил Кулемзин. – Впрочем, могу и тебя научить. Правил везения всего два:

1. Слушайся своей интуиции!
2. Считай, что каждая неудача
только приближает тебя к победе!

Перед потрясённым Полтавцевым замаячила заря новой, неведомой ранее жизни»

Жизни смысл не так туманен,
как толкуют 100 примет:
повезло, коль есть в кармане,
не везёт, коль денег нет!

Глава 175. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О критиканах шедевра)

Ну что, мой терпеливый читатель, вижу, вижу, что подустал уже ты от моих нескончаемых размышлений по поводу картины Малевича, но ведь они нескончаемы не от того, что я просто люблю поговорить, а потому, что сам «Чёрный квадрат» даёт такую пищу для раздумий, что забываешь и о времени, и о пространстве, а иногда даже и о своей

книге, которая, как ты уже заметил, написана совсем о другом. И потому – вот тебе последние главки, – так, общие рассуждения о том, как люди не любят гениев, как они презирают себя, что не способны понять гениальное произведение, и как им хочется при этом казаться умными. Так что наберись терпения ещё на несколько страниц.

Кто из них здесь фаворит,
только автор знает:
умный знает, но молчит,
умник же болтает!

Так называемые праздные люди любят спорить о вещах, которых не только не понимают, но даже зачастую не желают понять. Не обладая никакими выдающимися талантами, они пытаются самоутвердиться за чужой счёт, чтобы посредством критики обозначить *своё присутствие* в хаотичном пространстве культуры, где отрицание стало единственным способом, с помощью которого любое ничтожество может уравнять себя с гением, опустив гения до своего уровня. Для людей подобного сорта слава Герострата является более предпочтительной участью, нежели прозябание в безвестности, уготованной им само́й историей.

Человек, не обладающий развитыми творческими способностями, может производить только «своё собственное мнение», то есть продукт глубоко вторичный по отношению к объектам, пробудившим в нём интерес. Осознание этой вторичности вкупе с боязнью сказать *да* там, где другие испытывают желание спрятаться за спиной какого-нибудь авторитетного эксперта, превращают человека в нигилиста, огульно отрицающего всё, что может посеять сомнение в его душе́.

Интеллектуальная лень порождает пульсирующие споры, которые редко заканчиваются победой одной из сторон, но почти всегда вырождаются в ругань, когда оппоненты стараются вылить друг на друга побольше помоев, а «правым» всегда оказывается тот, кто кричит громче всех. Однако позиция таких нигилистов имеет один существенный изъян: если предмет спора столь ничтожен и убог, как они утверждают, то их мнение по этому вопросу является ещё более ничтожным и убогим – в силу своей очевидной вторичности.

Он безглаз, безрук, безног:
прибегая к лому,
«Всё не так», кричит «знаток»,
«надо б по-другому!»

Больше всего на свете посредственные люди не любят, когда им указывают на это противоречие, потому что у них нет ничего, кроме так называемого собственного мнения, состоящего в основном из завистливой ругани в адрес гениев и болезненного самомнения, не подкреплённого никакими реальными достижениями в сфере искусства. Ничтожества умеют только *ничтожить*, то есть отрицать и охаивать созданное другими. Называя современную культуру дегенеративной, они сами же и образуют худшую её часть – безликую массу самодовольных болтунов, считающих своим долгом высказываться по любому поводу, хотя их никто об этом не просит.

Жизнь таких людей давно превратилась в череду однообразных комментариев к чужим словам и поступкам, на которые они сами не способны. У них осталась лишь одна насущная потребность, подавившая все остальные, – это потребность высказываться, *выговаривать* себя как уникальную личность, отказывая остальным в праве на это громкое самоназвание, выдавливать из себя гной отрицания, пачкая им окружающих и похрю-

кивая от удовольствия, когда собеседники опускаются до их уровня, чтобы тут же заклеймить их как хамов и дураков. Карлики, плюющие на могилы исполинов, они считают себя преемниками великих бунтарей прошлого, но эта слава когда-нибудь пройдёт мимо них, и наши потомки никогда не узнают об их существовании, ведь история хранит имена лишь достойных.

Всех отправят в крематории,
вмиг со смертью примиря,
но останутся в истории
только гении. И я…

Большинство самозваных критиков Малевича не очень хорошо понимают, что́ именно они критикуют, щедро приправляя свои громкие заявления уничижительными эпитетами в адрес художника и его творения. Разве могут они понять, что этот судорожный сгусток тьмы открывает путь в незримую бездну, свободную от оптических иллюзий, которым подвержен человеческий взгляд, он навеки застыл в своём первозданном величии, отринув люцеферическую суету мира, и вырвавшись за пределы любого однозначного толкования. «Чёрный квадрат» на веки вечные остаётся неизменен в своей кажущейся простоте, а меняются только зрители, смотрящие на него из своих быстротечных эпох в поисках тайного смысла, и не находящие порой ничего, кроме пустоты внутри самих себя.

«Чёрный квадрат» со всей возможной очевидностью просто разломил мир на прошлое и будущее, где прошлое безвозвратно погибло, превратившись в мёртвые музейные экспонаты и предметы интереса ценителей старины, а будущее так и осталось невéдомым, правда, смутное предчувствие надвигающейся катастрофы уже невозможно игнорировать. Старая история до сих пор умирает в агонии, а новая ещё не родилась, мир повис в невесомости, покрывшись сетью кракелюров, обреченный сгореть в огне надвигающихся войн и революций, навсегда изменивших его облик, где место привычной иконы занял «Чёрный квадрат»

В ожиданье чуда-круга
как туманится мой взгляд –
я молюсь на красный угол,
где висит такой «Квадрат»…

Глава 176. ВОСЬМАЯ ПОКЕРНАЯ НОТАЦИЯ

«– Нуртай, помоги, – одними губами, на вдохе тихонько произнёс сторож.

Володя со своим слухом радиста, конечно, услышал страдальца.

– Ты знаешь, Серёжа, не к тому ты обратился. Не по этому он делу. Ты обращайся к нему, если придушить кого-нибудь надо будет!»

«Педагог хапал взятки, как дармовую черемшу на чужом участке, давился ими, перебирал, но был неудержимым, как понос»

«Сейчас у Салихдзяныча был вид пророка, упавшего по недосмотру в выгребную яму. Лицо его при этом неприятно дрожало, а тонкие вялые губы распались так, что стала видна никотиновая желтизна на зубах. В голове назойливо звучала соната Фредерика Николяевича Шопена *си бемоль минор*, именуемая в народе похоронным маршем»

«– Прекрасный ход, – похвалил Володя. – Как говорят бильярдисты, кладка на две лузы! Он вообще мог быть суперходом и войти в историю покера, если бы ты, Серёжа, сделал его в полном сознании…»

«– Как ты, Нуртай, сладко поёшь! Хорошо, что ты не торговец подержанными китайскими пылесосами, а то бы я не устоял…»

Ежедневно спозаранку
продавцы идут к прилавку –
ждут клиентов день и ночь,
чтобы с выбором помочь!

«– Ну что ж, как говорили латиняне, яйчики-бабайчики, – улыбнулся Альбионыч, – а теперь и я повторю: ecsitus acts probat, что, как известно ещё с первого класса общеобразовательной советской (б) школы, означает: результат оправдывает действия»

«– Да я вижу тебя насквозь! – воскликнул Володя. – Если окулисты, конечно, не переоценивают моего зрения…»

«Бросив карты, Курманбаев быстро побежал домой, чтобы смыть пот, выступивший на лице от изнурительного вранья»

«Но инстинкт окопного бойца подсказывал Кулемзину великую истину бытия, которая и есть незатихающее сражение жизни: на войне только дурак строит долгие планы. На войне есть только одна задача – пережить нынешний день…»

«– Знаешь, Талгат, я с тобой не буду швыряться копьями, как Пересвет с Челубеем, – горько сказал литератор. – Не хочу я, чтобы мы обессмертили свои имена у потомков, проткнув друг друга железками вражды, и рухнули оба замертво, призывая наши воинства на подвиг и месть!»

«– Что же это делается, мать честнáя? – завопил охранник. – Скажи, Володя!

– Да всё просто, – объяснил объяснялец. – Обречённость единоборства между необходимостью и душевной склонностью»

У меня одна забота
в нашей автомастерской:
хоть хожу я на работу,
склонен к водочке порой!

«– Знаешь, Нуртай, один умник (из скромности не будем здесь называть его благородную фамилию) сказал, что все мы родимся подсудимыми, и лишь некоторым удаётся оправдаться раньше смерти. Так вот, тебе, считай, это пока не удалось…

Полтавцев, услышав очередную мудрость, тут же выхватив заветную книжечку «Для му.мы.» и спешно записал, чтобы не расплескать ни капли услышанной мудрости: «У каждого найдутся такие тайники души, куда даже самому заглянуть боязно»

«Володя посмотрел на него долгим взглядом, будто советский торгаш в подсобке, прикидывающий – можно выдать этому плохо одетому человеку дефицитные продукты или *отпустить* их более заслуженному товарищу»

«Нуртаю внезапно захотелось оказаться далеко-далеко, ну, скажем, на Каймановых островах, где его не смогли бы нарéзать тонкими ломтиками на корм тунцу»

«Кураж неожиданно стал проходить, и Батыршин вдруг ощутил себя слабым беспомощным мальчиком, который по глупости встал на дороге у хорошо вооружённой банды. «Судьба барабанщика», мелькнуло в похмельном мозге название гайдаровской повести о псевдоценностях советского воспитания»

«Утопление спасающих – дело рук и ног самих утопающихся!», решил Серёжа и пошёл с козырного туза»

«Любопытно сейчас смотрелся этот квартет – прямо по дедушке Крылову: если Альбионыча, как знатного поэта, можно было считать за Автора, то остальные игроки вели себя как Лебедь, Рак и Щука»

Однажды лебедь раком щуку!..

Глава 177. РАЗМЫШЛЕНИЯ О «ЧЁРНОМ КВАДРАТЕ» (О критиканах шедевра, окончание)

Тот, кто хотя бы раз видел эту картину, не забудет её никогда – она навсегда врезается в память, оставляя в ней нестираемый отпечаток, ощущение сопричастности к чему-то неведомому, что невозможно не только высказать, но даже помыслить. Это идеальный объект для медитации, открывающий путь к интуитивному постижению реальности, угрюмый и одновременно светлый образ, вмещающий в себя всю Вселенную и остающийся при этом свободным от любой истины или догмы, посягающей на его самоценное существование по ту сторону добра и зла.

В пространстве «Чёрного квадрата» нет места всемогущему *дедушке*. Он абсолютен в своей божественной полноте, не нуждающейся ни в каких дополнениях и комментариях. Пребывая вне любого контекста, он не может быть утилизирован массовым сознанием, как это произошло с другими произведениями искусства. «Чёрный квадрат» – это душá человека, очищенная от всех иллюзий и вымыслов, идеальное зеркало, отражающее внутреннюю пустоту тех, кто предпочитает смотреть на мир с закрытыми глазами.

Судьбою незагрузен,
не видя свой предел,
без бредней и иллюзий
слепой на мир глядел…

Непрофессиональных критиков шедевра можно условно разделить на две категории. В первую попадают те, кто считает эту картину непонятной и, как следствие, бессмысленной. По их мнению, любое настоящее произведение искусства должно *что-то означать*, а поскольку «Чёрный квадрат» не отсылает зрителя ни к чему иному в окружающем мире, кроме самогó себя, они делают вывод, что он не является произведением искусства. Все их доводы и аргументы нетрудно опровергнуть, просто указав на тот факт, что никто не знает значения, например, улыбки «Джоконды». В этом отношении абстрактные полотна Малевича ничуть не лучше и не хуже картин прославленных мастеров эпохи Возрождения. «Чёрный квадрат» насмехается над теми, кто не способен понять, что источником всех смыслов и значений является сам человек. И, глядя на эту картину, люди, лишённые индивидуальности, всегда будут чувствовать себя дураками и приписывать её славу тайному сговору нечистых на руку дельцов от искусства.

Смотрел придурок на «Джоконду»,
а видел только анаконду!

Вторая категория критиков ставит в упрек «Чёрному квадрату» его излишнюю, как им кажется, простоту. Они утверждают, что такое может нарисовать любой ребёнок, а, значит, эту картину нельзя считать произведением искусства. Их позиция так же не выдерживает никакой критики. Во-первых, воспроизводимость произведения искусства не служит доказательством его низкой художественной ценности. Согласитесь, что при

нынешнем развитии технологий можно создать бесконечное число точных копий «Джоконды», однако по-настоящему цениться будет лишь оригинал, который написал сам Леонардо. Во-вторых, художественная значимость произведения не измеряется степенью сложности, требующейся для его создания. Чтобы понять это, достаточно обратиться к японской живописи, отмеченной удивительной простотой и изяществом.

С японской выставки пьянел,
мозги свои скобля:
на иероглиф я глядел,
а видел журавля!

Некоторые люди говорят, что не понимают беспредметное искусство, но понимают и любят искусство с предметами сюжета. На самом деле эти люди не понимают искусства вообще. Они любят не искусство, не живопись как таковую, а услаждаются *предметами* сюжета живописи, то есть тем, что отлично от живописи, тем, что является только предлогом для неё. Поэтому абстрактная живопись – это хороший тест. С его помощью можно легко определить: чувствует ли человек живопись или он видит предмет – сюжет живописи? Человек, который чувствует живопись, будет чувствовать её и в искусстве Возрождения, и в абстрактном искусстве, а человек, видящий только предмет, не оценит живописи как таковой ни в искусстве Возрождения, ни в абстрактном.

Скорее всего, Малевичу просто не повезло с соотечественниками, которые привыкли составлять собственное мнение с оглядкой на окружающих и в постоянном страхе показаться глупцами в их глазах. Многие называют «Чёрный квадрат» голым королём, однако плебеям духа, привыкшим судить о людях по одёжке, никогда не понять, что даже голый король остается королём, чьё право – ходить как ему хочется, не обращая внимания на шипение недоброжелателей, прячущихся по тёмным углам его королевства.

Сегодня мы живем в эпоху без королей, когда своры полуграмотных идиотов с удовольствием поливают грязью мёртвых гениев, изрыгая свое зловонное эго в бесчисленных комментариях, полных бессильной злобы ко всему, что возвышается над их убогим существованием. Мы живём в мире, где никто не знает своего места, и оттого всякий мнит себя достойным царского трона. Мы видим, как безжалостно травят людей, взрастивших в себе крупицы таланта, и нам остаётся только надеяться, что однажды наступят благословенные времена, когда единственным местом, где ничтожествам будет позволено высказывать своё мнение, будут их собственные го́ловы…

♠ ♠ ♠

И, чтобы закончить эту бесконечную в своём привороте тему, которую ещё можно было бы продолжать и продолжать, автор решил сделать так, чтобы читатель, немного уставший от серьёзности последних страниц, улыбнулся. Посему –

Анекдот о «Чёрном квадрате»

Один художник нарисовал квадрат, аккуратно залил его китайской чёрной тушью, и стал выставлять на различных выставках, поясняя следующее:

– Посмотрите на этот квадрат! Какие формы! Как он хорош! Он гораздо квадратнее и чернее квадрата Малевича!

После пяти безуспешных лет завоевать на своём квадрате популярность, он стал приставать ко всем с просьбой объяснить, чем же именно его квадрат нехорош. Тогда один владелец выставочного зала, сжалившись над ним, сказал:

– Понимаешь, у Малевича «Чёрный Квадрат» – это сокращённо ЧК, или чека! Казимир как бы вытянул *чеку* из своей головы, где его мутное сознание было перемешано с динамитом, после чего возник взрыв! А у твоего квадрата аббревиатура послабее – всего лишь КДКФ.

– А что это такое? – спросил потрясённый художник.

– Кусок Дерьма Квадратной Формы…

Ваять с похмелья – это норма,
и спорить с этим я не стал:
кусок дерьма квадратной формы
на радость всем я наваял!

Глава 178. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра, ещё одно продолжение)

С трудом дослушал покерный коллектив и его болельщики длинный рассказ литератора о какой-то картине, которую раньше никто в глаза не видел, зато сегодня всем посчастливилось узреть её копию. И только наличие пивка – благодаря очередной ходке охранника – позволило смириться с незапланированной лекцией. Почувствовал это и сам Серёжа, который внезапно осмелел и начал высказывать собственное мнение, глядя почему-то не на Володю, а на Муравлёва:

– Да уж, царица лесная, бездельников расплодилось – просто прóпасть! Одни какие-то дурацкие картинки рисуют, другие рецензии на это пишут. А обычный чеснок растить некому, – китайский едим!

Никто не понял, как связать «Чёрный квадрат» с чесноком, но спорить со сторожем не стали, тем более, что Альбионыч уже подвинул к себе поближе *раскладку*, озвучил последние достижения всех игроков и придвинул колоду к Курманбаеву, так как сдавать следующую сдачу было как раз ему. И пока педагог трясущимися от кулемзинской искусствоведческой лекции руками сдавал длинный роббер по 11 карт, сам Кулемзин, как всегда, тщательно приготовился к битве – он расстегнул все пуговицы на рубашке и засучил рукава, потому что хорошо помнил, что когда корабль готовится к бою, с палубы убирают всё лишнее. После этого писатель улыбнулся скуповатой улыбкой мудреца, которому уже незачем лицедействовать – потому что перед ним сейчас сидели не друзья, с которыми он только что пил пивко, а непримиримые противники, а кое-кто и пожизненный враг!

Это что же за садисты?
Чуть сегодня не погиб:
я с друзьми пить садился,–
оказались все враги!

Спасало только то, что после такой лекции со множеством научных слов, ругаться никому не хотелось, поэтому игра стала проходить исключительно в доброжелательном ключе, с нехитрыми комментариями тех или иных ходов, которые делали как участники процесса, так и болельщики из числа живописцев и антенщиков.

Все неприятности начались, как водится, с педагога еврейского колледжа. Первая тонкость любой партии была в том, что тот, кто сдавал очередной роббер, а в этот раз, как помнит мой читатель, это был Мусаич, при начале игры всегда завершал очередной ход, то есть клал свою карту последним. А если карты у него были неплохими, то это был вообще завал, потому что было бы чем брать, а брал Нуртай, как Мальчиш-Плохиш варенье от буржуинов, то есть помногу и часто!

Вот и сейчас, заказав всего три взятки, он начал хапать так, что уже не мог остановиться, и, разумеется, перебрал, хотя в своей гниловатой душонке и радовался этому факту, потому что остальные, в отличие от него, откатывались назад всё дальше и дальше. Тут коммуниста охватило плановое веселье, какое, например, охватывает собаку, которая наконец-то поняла, что от неё требуется, и перестала гадить на ковёр.

– Нуртай, а ты не меняешься, – с укором произнёс писатель, после чего педагог тут же отвёл глаза, как барышня, которую вогнал в краску лихой гусар поручик Ржевский.

– Да, мать моя партия, я такой! – гордо выкрикнул ленинец.

– Яйчики-бабайчики, а лечащий врач что говорит?

Вроде я всегда культурен,
но сейчас не радостен:
врач лечил меня от дури,
надо бы – от жадности…

А вторым нюансом этого роббера стало то, что виноват здесь был не только Курманбаев, но и все остальные, не дотумкавшие до того, что если карта не очень, то и заказывать помногу – в надежде на *пёрку* – было категорически нельзя. Расчёт здесь был крайне простым: раз нет хороших карт у тебя, значит, они есть у кого-то другого. Но вот этой примитивной мысли Кулемзин так, видимо, и не смог донести до покерного коллектива – ни во время учёбы, ни во время практических занятий, которые, кстати, продолжались уже не первый год! Поэтому Володя решил немного попенять и другим влетевшим, то есть Батыршину и Полтавцеву. Он был чертовски зол, как писал в своих пиратских романах Роберт Льюисович Стивенсон.

– Серёжа! – воскликнул литератор. – Посмотри на себя!

Сторож немедленно вытащил из котомки маленькое зеркальце и внимательно оглядел своё непривлекательное для девушек лицо.

– И чё? – спросил он Альбионыча.

– Как ты можешь?! – не успокоился марсианин, после чего тут же попенял ему на каком-то иностранном языке:

– Аврикэла барисса тыква бум-бум!

– Ладно, мать честна́я, в следующий раз буду внимательнее, – согласился Афанасьич, и все с изумлением поняли, что сторож тоже владеет этим иностранным языком.

Прапорщик в очередной раз позавидовал совершившемуся диалогу и в который раз подумал, что пора́ бы и ему заняться самовоспитанием по методикам Володи.

Слов чужих я избегаю,
не желаю их душой:
воспитаю сам себя я –
знаю очень хорошо!

С похмелья, а оно у прапорщика было перманентным, соображал он туго, и правильные мысли достигали его мозга очень медленно, тогда как в игре надо было соображать быстро, как того требовали и оперативная обстановка каждой партии, и тактические построения каждого роббера.

– Экий ты (прости, русский язык!) кунктатор, – попенял военному трубачу Володя.

– Сам ты это ёперное слово, – обиделся музыкант.

И, кстати, сделал это напрасно, так как ничего плохого в пресловутом *кунктаторе* не было. В дословном латинском переводе это означало медлительного и нерешительного

человека, а само словечко древние латиняне ввели в обиход, наблюдая за медлительностью действий римского полководца Фабия, чьё имя полностью и скрывало искомое слово – Квинт Фабий Ма́ксим Веррукоз Кунктатор. Но откуда было знать эту страничку мировой истории простому татарскому пастушку́, выбившемуся в люди исключительно благодаря виртуозному владению игрой на дудке!

Эх, наступит жизнь другая,
а не то что как во мгле:
я на дудке вам сыграю –
ради денег на Земле!

Но Батыршин всё-таки обиделся и замер, точно суслик в свете автомобильных фар. Вид у него сейчас был, как у Робинзона Даниэлевича Крузо, провожающего взглядом последнюю надежду – советский корабль-рефрижератор «Академик Илларион Мудакер». И тут Альбионыч понял, что надо как-то отвлечь унтер-офицера, иначе всё могло закончиться печально и прямо сейчас, ведь незапланированные случаи ухода обиженных игроков становились в коллективе всё более частыми. «А не рассказать ли им какую-нибудь историю?», подумал он, а вслух произнёс:

– Да уж, положение хуже губернаторского…

– Как это? – насторожился охранник и немедленно вооружился сразу двумя видами вооружения, то есть блокнотиком «Для му.мы.» и двуцветным карандашом, красным концом направляя его на потенциального рассказчика.

– А вы что, не знаете, как родилось выражение о положении хуже губернаторского? – придавая достоверность своему фальшивому посылу, спросил Кулемзин.

– Нет, царица лесная, не знаем, – подтвердил первый слушатель и, для достоверности, даже немного поковырялся в носу.

– Нет, мать моя партия, не знаем, – подтвердил второй слушатель.

– Нет, йодистое выражение, не знаем, – подтвердил третий слушатель, и писатель порадовался, что Салихдзяныч, заинтересовавшись новинкой, тут же стал немного забывать об обиде.

– Нет, святой Малевич, не знаем, – подтвердил четвёртый слушатель.

– Нет, не знаем, – без всяких глупых присказок подтвердил пятый слушатель.

Рассказала мне старуха
в параллельности иной:
«Слушать надо! Но не ухом,
а с мозгами головой…»

– Хорошо, – сделал вид, что его долго уламывали и, наконец, уломали, Кулемзин, – я расскажу. Итак, в дореволюционной России на конезаводах, где выводились особо ценные породы лошадей, *распалить* кобылу перед случкой поручали беспородному жеребцу, но когда тот доводил партнёршу до кондиции в надежде сыскать её благосклонность, и та уже явно склонялась к необходимости уступки, беспородного жеребца уводили, а его место занимал высокопородный производитель.

– Ну надо же, йодистый жеребец! – потрясённо пробормотал старший трубач. – А я бы оттуда ни за что не ушёл!

Здесь марсианин понял, что его уловка удалась, и продолжил, а, вернее, закончил короткую историю:

– Так вот этого коня, который брал на себя как бы *черновую* работу любовного разо-

грева, по должности именовали *губернатором*, а его участь коневоды-садисты расценивали так плохо, что дальше некуда…

От свидания – осадок,
повредился я главой:
разогрел себя, как надо,
а она ушла домой!

Глава 179. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра, почти окончание)

Лучше всех в описываемом коллективе, как ни странно, чувствовал себя Валера. И не потому, что он был хозяином квартиры и ориентировался во всех её уголках лучше других, а потому что немного раньше страдал один – в то время, когда покеристы бились и рубились за взятки и очки, а вот теперь у него появился компаньон, который, как и он, ни хрена не понимал в *русской кочерге*, зато с Васюханом можно было потихоньку пообщаться, правда, громче было уже нельзя, потому что Кулемзин оказался очень строгим покерным гуру, который мог, не смотря на прописку художника, просто выгнать его из вре́менного *катрана*.

Уф! Мысль оказалась такой непривычно длинной, что Муравлёв решил запить её большим глотком «Тянь-Шаня», что немедленно и сделал. И вот это наличие пивка было второй замечательной причиной радоваться текущему времени! Ну, и, в-третьих, игра, которая раньше казалась скучной, сегодня, благодаря постоянным сопутствующим ей разговорчикам, оказалась довольно сносной.

И, наконец, последним фактором, создающим хорошее настроение сегодняшнего дня, было отсутствие его любимой супруги Наташи, которая, конечно, являлась хорошим человеком, но иногда совершенно не понимала истинно мужских запросов своего мужа, то есть нехватки с утра пивка, а ближе к вечеру – и чего покрепче.

Быть должна любовь программней
и заведомо пряма:
я мечтаю, что б жена мне
наливала в рот сама!

А разговорчики во время игры, между тем, продолжались. Вот первый пример (но не последний) таких спичей, который возник после того, как остальные сопокерники писателя, словно сговорившись, накинулись на него – в надежде откинуть назад, ибо у Альбионыча было сейчас аж на 100 очков больше догоняющего его Курманбаева.

– Когда я смотрю на всё это безобразие, – пригорюнился литератор, – мне хочется напомнить вам, яйчики-бабайчики, кое-какие слова́ из одного советского (б) мультфильма.

– «Ребята, давайте жить дружно»? – наивно предположил педагог.

– Нет, Нуртай, ты, как всегда, ошибся: «Пятачок, а у тебя дома есть ружьё?»

И эти вполне невинные слова́ чугунным эхом неожиданно отдались в так называемых душах тех, кто бездумно затеял провокацию против человека, который, кстати, и научил их этой замечательной игре.

Поняв, что вскоре последует справедливое возмездие, противники марсианина тут же отказались от коллективного заговора, и начали дудеть каждый в свою дуду, составляя самое разномастное трио, которое кому-либо приходилось слышать в своей жизни.

От непонимания карт, которые то и дело подсовывала ему Сука-судьба, Полтавцев, например, тряс головой, как собака, которой в уши попала вода.

А Нуртаю, сдуру заказавшему пять взяток на роббере из 10 карт, внезапно стало так страшно, как будто он всё ещё учился в шестом классе и собирался пригласить одноклассницу Розу в планетарий – вместо кино.

Вот опять смотрю, как прежде,
наше старое кино –
в молодой моей надежде
оживает полотно!
И хотя другие власти
строят мир совсем иной,
на Заречной[264] те же страсти!
Не хочу судьбы другой..

[264] Скорее всего, речь идёт о фильме 1956 года «Весна на Заречной улице» режиссёров Феликса Миронера и Марлена Хуциева – прим. кинoредактора

Действия же камер-юнкера Батыршина и вовсе напоминали страничку из детской сказки, в который глупый зайчик доверчиво выскочил из ле́са прямо на сверкающий сталью ствол охотника, роль которого с успехом исполнял Володя.

«Неспособность наслаждаться всеми прелестями одиночества», думал в это время покерный гуру, «иногда подталкивает умных людей на ущербные отношения со всякими дебилами…». Но вслух он сказал, разумеется, совсем другие слова́ – чтобы не ранить и без того израненные в лохмотья самолюбия своих противников.

– Для того, чтобы стать истинно великим учёным, – улыбнулся он, – вовсе не обязательно иметь мозг в полном объёме, как, например, у меня, – достаточно и половины, как это, к примеру, случилось у академика Тимирязева.

И эти слова тоже привели в ужас русскокочерговский коллектив, да и улыбка, которую Мусаич посчитал личным оскорблением, добавила в общий ужас коллектива ещё 71 процент ужаса его личного! А взгляд, которым Кулемзин в этот печальный момент наградил саксаульского большевика, вполне мог бы подпалить сибирскую тайгу. Немудрено поэтому, что педагог до конца партии чувствовал себя неуютно, точно микроб под микроскопом.

Никого и ни разу не трогая,
и не мысля ничуть о плохом,
придавил ненароком микроба я
накануне предметным стеклом.
И с тех пор нелегко и непросто мне,
ведь хронически снится в ночи,
как он ножку свою девяностую,
ковыляя, домой волочит!

Но игра, разумеется, велась не только против одного Альбионыча: то там, то сям возникали стихийные обиды, на которые надо было обязательно ответить страшной местью, и литератор сразу же понял, что не пыхтеть трубке мира у ласкового костерка!

– Ты уже ёперный труп, – артистически прогундосил Салихдзяныч, с тоской провожая взором свои заказанные взятки, которые одну за другой забирал совершенно счастливый Серёжа, коему неожиданно пришли аж три джокера.

А Кулемзин в это время вспомнил, что именно так на заре перестройки гундосили лихие герои пиратских боевиков, обращаясь к очень нехорошим людям. Вернее, гундосил

страдающий гайморитом переводчик, но суть от этого не менялась: плохие люди в тех боевиках *заплетали ласты* по железному графику, а герой со знанием де́ла щупал у них пульс, констатируя предпосылки к трупному окоченению, но почему-то не там, где это делали советские врачи (б), то есть на запястье, а на шее.

Чтоб всем стало веселее,
расстегнув тугой жилет,
я ему потрогал шею –
шея есть, а *тыквы* нет!

То вдруг начинало везти Курманбаеву, и он, забыв обо всяких правилах приличия, по причине врождённой жадности делал такие большие заказы, что, начиная хапать столь жирные куски, неожиданно давился ими до нежизнеспособного состояния, то есть постоянно перебирал, тогда как писатель, заказывая не в пример ему аккуратнее, брал своё, отчего верно, хотя и потихоньку двигался вперёд. Нуртай же при этом так кривил физиономию, словно ему подали чашечку с жидким дерьмом пожилого павиана Сильвестра из Отцеябловского зоопарка.

Мой памятливый читатель уж наверняка запомнил, что, например, при мизе́ре вся пешечная мелочь чудесно превращалась в карточных ферзей. И вот Полтавцев – опять же неожиданно для всех – трижды подряд заказывал именно мизер, легко обыгрывая остальных, и доигрался до того, что даже обошёл Альбионыча – на целых 4 очка, а педагога еврейского колледжа так и вовсе на 97!

– Мать моя партия, какой ты несуразный, Серёжа, – попенял охраннику ленинец, на что Афанасьич неожиданно разозлился.

– Напрасно ты меня, Нуртай, обидел, – заявил он. – Я, когда злой, очень даже суразный! А злой я бываю только в двух случаях: раньше, когда принимал больше трёх стаканов самогона моего ро́дного дедушки Михея из деревни Семижопино, а сейчас, царица лесная, только из-за твоих гнусных инсинуаций!

Услышав *учёное* слово, Муравлёв и Митрохин, бросив тихонько перешёптываться, недоумённо переглянулись, как бы не веря своим ушам, и одновременно подумали о том, что неплохо бы пообщаться с придурком неформально – на предмет филологической учёбы, которая со школьной поры не давалась им нисколько. А Полтавцев никак не мог успокоиться, в результате чего делал всё новые и новые филологические открытия.

– Да я вполне себе *уравнобешеный*! – воскликнул он, и после услышанного этому открытию позавидовал даже видавший виды литератор.

Как жалко мне людей горячих
в их неизбывном большинстве:
в глазах огонь, а это значит –
опилки тлеют в голове…

Поэтому немудрено, что от всего происходящего у игроков и болельщиков неожиданно разболелось (прости, русский язык!) лептонно-волновое поле – та самая субстанция, которую церковники бесхитростно называют душой.

Глава 180. БЕРЛОГА СВЯТОГО МАЛЕВИЧА (Игра, окончание)

Вот уже третий день[265] дождь начинался и заканчивался в одно и тоже время. «Не верю!», вслед на Станиславским мог бы вскричать и ты, мой терпеливый читатель, но

лучше не кричи. Это могло бы показаться случайностью или каким-то невероятным совпадением, но всё было гораздо проще: *дедушка*, который с интересом наблюдал за продвижением работы по написанию романа «Русская кочерга», делал свои жульнические манипуляции с природным катаклизмом только для того, чтобы с волнением узнать, что же будет дальше с нашими героями!

[265] Это не ошибка, ведь в предыдущем третьем томе никакого дождя зафиксировано не было! – прим. метеоредактора

А наши герои занимались тем же, что и минуту назад, то есть заветной игрой и прихлёбыванием, к сожалению, последнего пивка из серёжиного хурджина. В это время прапорщик приступил к сдаче последней *тёмной*, которая одновременно была и последним роббером во всей партии, а литератор, увидев, что это займёт некоторое время, так как Талгат всё время ронял карты и начинал сдавать снова, подошёл к окну – на предмет проверки, не закончился ли так некстати приключившийся дождик.

Неровным пульсом бьётся дождь в окно,
в безумной пляске кружатся деревья.
В разгаре день, а в комнате темно,
и где-то мы – в четвёртом измеренье.
Как по команде, смолкли песни птиц,
и облака́ на небе сбились в тучи,
и третий раз выходит дождь на бис,
а мы ведём наш разговор беззвучный.
Замрёт на миг над картами рука,
решив судьбу излишних откровений,
и полетят слова́ издалека
незначащих как будто отношений…

Было видно, что катаклизм уже скоро закончится, но дождь всё ещё нехотя падал на благословенную саксаульскую землю, как отпущение неизвестно чьих грехов. Серые тучи, оккупировавшие все видимые участки лоскутного неба, были похожи на грязную сырую вату. Володя, вздохнув, вернулся за обеденный стол Николаича, и взял последний на сегодня в этом жилье роббер из 12 карт, но не перевернул его, чтобы посмотреть, а уверенно произнёс:

– Четыре!

Сделали свои заказы и остальные игроки, после чего все дружно перевернули карты и принялись изучать пришедшее, сопровождая изучение ахами и охами, а также фальшивыми улыбками и вполне трагическими гримасами.

Кулемзин всю партию, которая наконец-то заканчивалась, терпеливо ждал, когда же строптивая Сука-судьба повернётся к нему хотя бы профилем, и вот сейчас увидел, что наконец-то дождался: кроме двух младших джокеров, к нему пришли ещё четыре козыря и некозырный туз.

Афанасьич держал карты свои карты как-то расслаблено и кривовато, так что коммунист тут же скосил в его сторону жуликоватый глаз, после чего лицо Нуртая стало белым, как яблони в цвету, и он как бы начал плавиться, точно медуза под жарким южным солнцем. Это могло означать только одно: у Серёжи тоже была весьма неплохая карта.

Батыршин, к которому неожиданно пришёл старший джокер, но всё остальное оказалось мелочью, всё-таки поверил в свою так называемую счастливую звезду, забыв, наив-

ный, что некоторые *карликовые* планеты имеют свойство неожиданно взрываться. В общем, если резюмировать совсем коротко, у всех были карты, но у всех они были совершенно разные.

Ко всем из нас приходят карты –
для доведенья до инфаркта!

«Мать моя Саксаулия», подумал перед игрой Альбионыч, «прости своих сыновей-засранцев!», после чего сделал так называемый *проверочный* ход, положив на старенькую скатёрку одного из своих младших джокеров:

– По козырям!

Он знал, что именно так поступают сапёры, когда чувствуют, что мина где-то рядом, а за миноискателем бежать далеко, и остаётся только пробираться вперёд по чуть-чуть – *щупом*. Был в этом, казалось бы, немудрёном ходе очень большой замысел, и он проявился, словно в химическо-фотографическом растворе уже через несколько секунд. Потеряв своего *гранда*, Володя выигрывал много больше: так, Афанасьич вынужденно скинул козырного туза, как и было положено по правилам, Салихдзяныч попробовал было забрать взятку своим старшим джокером, но тот был в упор пристрелен курманбаевским покером, и всё вместе забрал педагог – со счастливо-блудливым выражением лица́.

Казалось бы, простой ход, но вот последствия его оказались кое для кого просто катастрофическими. Уверившись в своём всемогуществе, Нуртай, к которому по правилам переходил ход, тут же пошёл козырным королём, так как помнил, что туз уже упорхнул из рук охранника. Но именно в этом и была ошибка Мусаича – он просто не подумал о том, что на руках у кого-нибудь может оказаться ещё один младший джокер, коий, как наверняка помнит мой читатель, был у Володи, который с удовольствием забрал свою первую взятку.

Дальше всё пошло легче: на свои козырные даму и валета он взял ещё две взятки, а дополнил свой персональный золотой запас трефовым тузом. Правда, здесь был риск, но минимальный: если бы а) у кого-то не нашлось трефей, и б) если бы именно этот кто-то к тому моменту обладал хотя бы ещё одним маленьким козырьком. Но случилось то что случилось: марсианин набрал 4 взятки, как и предполагал, тогда как остальные пролетели кто на сколько. Итогом стало первое место у литератора, второе – у обер-корнета Батыршина, третье – у Мусаича, который в результате володиного коварства умудрился не добрать аж две взятки, и, наконец, последнее место, как это частенько бывало, занял счастливый охранник, которого утешил Васюхан, объяснив ему, что Серёжа занял *почётное* место, так как вошёл *в десятку* лучших покеристов Саксаулии!

Мы – отнюдь не бизнесмены,
что реакция остра:
по местам расставит всех нас
наилучшая Игра!

И тут произошло нечто непонятное: Курманбаев, взвившись, как первая ракета товарища Королёва Р-1 (или объект «Волга»), заявил, что последний роббер надо переиграть, потому что Володя на пятом ходу взял не свою взятку, Талгат на седьмом ходу скинул не ту масть, а Серёжа вообще специально уронил одну карту на пол и незаметно вытащил из остатков колоды другую – получше! От такой наглости все тут же охренели, но особенно марсианин, – как гиббон на баобабе от львиного рыка. А Мусаич тем временем, не слушая никого, завёлся по полной, и в конце концов заявил:

– Я сам по себе, и буду действовать, как считаю нужным!

В общем, как говорят на наших зонах, позволил себе *сучий базар*, что никак не украсило его и без того подмоченную репутацию.

– Фик-фок[266], – поморщившись и переглянувшись с Васюханом, произнёс Кулемзин.

– Да уж, явное лежé-бомбé[266], – согласился с ним Митрохин

[266] ***Выражение крайней брезгливости – феня***

Будет фраеру наука,
проявившему нутро:
пусть базарит в зоне *сука* –
мы ему перо в ребро!

Но, как известно из научной работы профессора Фекалина «Закат цивилизации», налёт дружелюбия откровенно испаряется, когда люди видят в окружающих откровенную *подлянку*. И строптивый большевик испытал это на себе.

– Йодистая вендетта! – заорал непонятное слово прапорщик.

– Но ведь кровная месть – это пережиток прошлого, – робко предположил Нуртай, тут же умеряя свой пыл аж на 116 процентов.

– Вендетта! – страшно громко, как пароходная сирена, повторил сторож.

В этот момент педагог стал остро жалеть, что его персональный *иблис*, проявив несвойственную ему небрежность, при рождении Курманбайчика не издал приказ № 666 о том, чтобы у новорождённого были крепкие кулаки и широкие плечи! А добил его отличное – от только что устроенного скандала – настроение писатель, которому уже давно хотелось на свежий после дождя воздух.

– Тут всё проще, – объяснил он. – Если ты топишь камин в своём обветшавшем родовом поместье, можно, конечно, поправить поленья и отрегулировать жар носком кирзового сапога. Но, уверяю вас, гораздо приятнее делать это старой надёжной кочергой, к которой ты давно привык…

Причём, произнёс слова́ про кочергу он так сильно, что у педагога внезапно зачесалась не только спина, но и копчик, а на месте правой ягодицы даже возник небольшой кровоподтёк!

Коллективу на потребу
сапога летит носок –
дать по заднице всем тем бы,
кто у нас давно фик-фок!

«Человек вообще личностная скотина», подумал Альбионыч, увидев, что у́гли скандала постепенно подёрнулись серым налётом, как забытый туристами в лесу костерок, «близко к сердцу принимает лишь то, что испытал сам, или что коснулось лично его, и не краешком зацепило, а проехало асфальтным катком по всей плоскости…»

Он ещё раз подошёл к окну, открыл форточку и убедился, что дождь наконец закончился. После этих запланированных *дедушкой* осадков в воздухе отчётливо запахло весной, влажной землёй и почему-то стройкой. Ветки деревьев, свисающие прямо на муравлёвский балкон, вяло шевелились в густом послеполуденном воздухе, сбрасывая на него (балкон, а не воздух) острые капли – по-осеннему тяжёлые, как молодой виноград.

Глава 181. ВЫХОД В ОЗОНОВЫЙ СЛОЙ

Часы показывали без тринадцати полвторого.

– А не пора́ ли, яйчики-бабайчики, в пампасы? – обернувшись к старым и новым друзьям, вопросил Кулемзин.

– В лампасы? – переспросил глуховатый Полтавцев. – Да с нашим удовольствием!

Все, включая хозяина, начали поспешно собираться. Впрочем, особенные сборы получились только у троих членов коллектива: Муравлёв тщательно проверил на предмет включения/отключения электроприборы, Серёжа уложил все покерные девайсы, то есть *раскладку*, авторучку и колоду карт в свою знаменитую котомку, а Курманбаев, пока остальные шустрили в большой комнате, тайно проник на кухню и быстро распихал по карманам недоеденное печенье, после чего появился вновь и с невинным видом предложил поторапливаться.

Сам же инициатор предложения, то есть Альбионыч, пошарил по карманам, выудил оттуда визитную карточку, которую ему вручил грузинский таксист, и внимательно изучил её, так как раньше на это у него просто не было времени. На карточке была изображена машина с шашечками, а также надпись на неизвестном языке, отдалённо напоминающем русский:

Володя набрал номер и произнёс в свою трубку странные для коллектива слова:

– ჰერაკლიუსი, ნახევარ საათში ჩამოხვალ?[267]

[267] ***Ираклий, можешь приехать через полчаса? – груз. Читается: Хераклиуси, нахевар саатши чмохвал?***

– Личу́ на польный парус! – почему-то по-русски отозвался кавказец.

– Лети, сынок, – пробормотал писатель и отключил связь.

Тачкам всем такси – вершина:
коль водитель заведёт,
нас грузинская машина
очень быстро повезёт!

– Знаете ли вы, мои маленькие друзья, – спросил у присутствующих литератор, увидев, что все собрались и толпятся возле порога, – что протекающий мимо нас четверг гораздо лучше, чем, например, воскресенье?

– Нет, не знаем, – хором ответили маленькие друзья.

– А почему, мать честна́я? – решил уточнить один из друзей. – Разве не все дни одинаковые?

– Конечно, нет, – убеждённо произнёс марсианин.

– Тогда почему?

– Да потому, что в воскресенье завтра понедельник, а в четверг завтра пятница!

Николаич закрыл дверь на ключ и для верности даже подёргал её, после чего все гуськом стали спускаться по тёмным закоулкам подъезда, ощущая неощутимый до этого за́пах. Должно быть, так же пахло, когда древние египтяне строили свои загадочные великие пирамиды, но не догадались построить возле ме́ста их возведения несколько папирусных сортиров. Зажимая носы, игроки и их болельщики наконец вышли во внутренний дворик, образованный муравлёвским домом и ещё тремя такими же крупнопанельными советскими уродцами.

После царившего в подъезде полумрака яркий солнечный свет больно ударил по глазам, зато тут же началась чистка озоном повреждённых мозгов наших героев. Облака, разорванные только что прошедшим дождём в клочья, обиженно собрались в стаю, готовые вот-вот лопнуть и заплакать от досады.

Плачут тучи дождевою
очень свежею водою!

И тут валерины гости и сам Валера увидели сразу две жанровые сценки. Первая из них была короткой: на околоподъездной скамеечке, притулившейся к берёзе, сидели два пожилых человека, по виду супруги.

– Здравствуйте, – пробормотал живописец, совершенно не зная, как зовут соседей, но они, казалось, не слышали никого, кроме самих себя, так как вели, судя по напряжённым лицам, нелёгкий разговор.

– Знаешь, Андрюша, кажется, у нас будут дети, – негромко и печально сказала мужу старушка.

– Конечно, знаю, Надюша, – также негромко и печально ответил ей старичок. – Ведь завтра же пенсия…

Вторая сценка была подлиннее, и о ней сто́ит рассказать чуть подробнее.

После прошедшего дождя между двумя домами разлилось нечто, которое смело можно было назвать Царь-лужа. Была она такая неестественно огромная и в ширину, и в длину, и, наверное, даже в глубину, что всем захотелось немедленно исполнить старинную русскую песню «Раскинулось море широко» с полными трагизма строчками о кочегаре, который скончался от теплового удара во время рейса в Красном море:

«Товарищ, не в силах я вахты стоять»,
сказал кочегар кочегару,
«огни в моих топках совсем не горят,
в котлах не сдержать мне уж пару…»

Персонажей сценки оказалось четверо – один алкаш и трое ментов. Алкаш стоял с одной стороны лужи – возле магазина-стекляшки, открытие которого после приёма товара ожидалось минут через 15, хотя слово *стоял* здесь было не совсем уместно, так как персонаж, довольно хорошо поддатый для обеденного времени, выписывал какие-то конкретные кренделя и синусоиды.

Наконец он был замечен проходящим мимо милицейским патрулём, так как старший патруля начал тыкать пальцем в сторону алкаша, привлекая внимание младших по званию. И наконец они решили выполнить какой-то план по поимке, спущенный им неведомым начальством, и решительно двинулись в обход огромной лужи. Но поддатый оказался не промах и, заметив манёвры противника, сделал то, что никогда бы не пришло в голову, скажем, негру в центре Нью-Йорка.

Догадались? Правильно: алкаш тут же зашёл в середину лужи, оказавшись метрах в трёх от всех берегов, и сантиметрах в 15 от дна лужи, то есть собственно асфальта. Милиционеры вначале попробовали договориться с ним по-хорошему, потом поругались по-плохому, потом немного побесились, поматерились, но в лужу, естественно, не полезли. Была бы на них иная форма одежды, скажем, осенние кирзачи, тогда другое дело, а так – дудки!

А герои нашего великого романа, как заворожённые, стояли не шелохнувшись и ждали, чем же закончится это Великое Противостояние. Правда, менты оказались хитрее и наконец сообразили вызвать по рации подмогу – в виде дежурного уазика с тюремной решёткой на задней дверце. И вот через какое-то время подъезжает уазик, стражи порядка садятся в него и торжествующе форсируют Царь-лужу!

«Нам всегда, что есть похуже»,
знает тесть и знает зять,
«только тот садится в лужу,
кто не в силах устоять!»

Подъезжают они, страшно довольные своей выдумкой, открывают дверцу с решёткой и жестами показывают: дуй, мол, сюда, голубок! И тут мужичок сделал то, что никогда не пришло бы в голову второму негру – из Гарлема: посмотрел он на ментов и вдруг шлёпнулся в лужу плашмя, только ноздри наружу! А водитель уазика, увидев такое страшное безобразие, как завопит – типа это грязное чмо я в салон не возьму ни при каких обстоятельствах!

Тогда решили милиционеры посовещаться, потрындели минут десять, но всё это время поддатый честно лежал в середине дождевого озера. Затем открылась дверца уазика, и раздался голос старшего патруля:

– Ну и дебил же ты, мужик!

, после чего спецмашина уехала на поиски контингента для выполнения плана. А мужичок поднялся, отряхнулся и к восторгу многих зрителей изрёк:

– Дебил или нет, но ночевать буду дóма!

А наши герои, потрясённые только что увиденной жанровой сценкой, ступили в плавкий от летней жары асфальт и стали ждать-пожидать кавказское такси.

«На палубу вышел, сознанья уж нет,
в глазах перед ним помутилось.
Увидел на миг ослепительный свет,
упал – сердце больше не билось…»
(Из песни «Раскинулось море широко»)

Глава 182. ОБ ОДНОМ СМЕШНОМ СЛОВЕ

И вот уже через три минуты «шафёр такси» Ираклий на своей «бальщой нидарагой мащине», обнявшись со всеми участниками поездки, как с братьями, включил супер-пупер-первую передачу и понёс наших героев навстречу дальнейшим приключениям. Все скучали, и только самый старший корнет Батыршин пристально разглядывал мелькающий перед глазами маленький цветной портретик товарища Сталина, который водитель адского автомобиля повесил перед собой, видимо, вместо иконы. А чтобы дорога не показалась слишком длинной, главарь покерной хевры Кулемзин, вспомнив, что он, кроме того, что писатель, по совместительству является ещё и поэтом, во время поездки рассказал им вот это:

О пи́нгвине Горького

Как-то раз однажды Горький
сочинял стихи про птицу,
что летает над равниной,
наслаждаясь битвой жизни.
Вдохновенно, но научно
изложил про гром ударов,
и про то, как буревестник
вёл к победе коммунизма.
Но поскольку дядя Горький
не поэт был, а прозаик,
то имел проблемы с рифмой,
слогом, ямбом и хореем.
И когда нужда возникла,
чтобы спрятал кто-то тело,
память классика России
указала на пингвина.
Видел ли пингвинов Горький
в своей жизни хоть однажды,
то гагарам неизвестно,
чайки не дают ответа.
Но ботаники планеты
всем научно доказали,
что смышлёнее пингвина
в Антарктиде птицы нету.
Дело, собственно, не в этом,
а в проблеме с удареньем,
что неправильно поставил
классик в имени пингвина.
И с тех пор в судьбе той птицы
наступили измененья:
каждый рад пинать ногами
беззащитное созданье.
Всех смешит хромое слово[268],
забавляют всех утёсы –
якобы пингвин в них прячет
тело жирное, робея.
И давай тут все смеяться,
узнавая про пингвина,
ещё в школе тыча пальчик
в книжку по литературе.
Все друг друга обзывают
именем несчастной птицы,
интернетные поэты
сочинили сто ремиксов
на бессмертное творенье
рифмоплёта-каприота[269].

[268] У Горького это слово звучит как пи́нгвин – прим. лит. редактора
[269] От названия острова Капри, на котором Горький вместе с женой грел свои кости с 1906 по 1913 годы и даже однажды угостил итальянским винцом Ленина – прим. автора

Всё наследие поэта
уместилось в слове *пи́нгвин*.
И за что обидел птицу?
Нам, гагарам, недоступно…

А ещё через какое-то время грузинский водитель Ираклий, взяв, кроме денег за проезд, страшную клятву с Володи пользоваться только его средством передвижения по городу, отбыл восвояси, оставив наших героев наедине с родным Бермудским Учпучмаком, который, ввиду окончания дождя, уже давно заполнился знакомыми персонажами, и не только человеческого, но и животного происхождения.

Глава 183. ЭТЮД О РОДНОЙ ЛУЖЕ

Хозяева Великого Треугольника, отсутствовавшие так долго, наконец-то ступили под родные кроны учпучмакских карагачей, с удовольствием ощущая, как над ними проносится некий свежий ветерок. Но, к сожалению, климатические условия, в которых существовал город Отцеябловск, не давали долго наслаждаться никакой свежестью.

Дрожащее изображение солнца зависло в астрономической верхотуре раскалившимся до неприличной яркости ша́ром, отчего небо даже несколько утратило свою привычную голубизну. Светило не спеша делало своё чёрное дело, словно задавшись целью превратить кровь горожан в сгущёнку. Высокие перистые облака, точно отпечаток гигантского трилобита, разрисовали бледное от жары небо, которое выглядело сейчас несколько подсиненым – как постиранная простыня.

После дождя пейзаж Бермудского Учпучмака напоминал поверхность рыбьего супа, приготовленного нерадивым поваром – там и тут, как чешуйки, блестели листочки, наивно стараясь отразить в каждой капле всю Вселенную. И только одна картинка (да и то вре́менная) радовала не только глаз Альбионыча, но и все остальные глаза́ тоже, – это была живая яркая радуга, которую жители Отцеябловска видели нечасто.

– Чтобы увидеть радугу, яйчики-бабайчики, надо пережить дождь, – задумчиво проговорил писатель, после чего мгновенно превратился в поэта, отложив в специальный памятный файл только что наваянный катрен:

Как увидишь над городом радугу –
атмосферы родимой явление,
так подумаешь: «Мать твою за́ ногу!»,
и застынешь в немом изумлении…

Под ногами нежно шуршала ещё не пришедшая календарная осень, и дворник Надя в оранжевой жилетке деловито сгребала листву в огромную жёлто-багряную кучу. После дождя асфальт выглядел влажным и чёрным, как прессованная икра. Правда, одно явление, напротив, радости не добавляло. Это была огромная лужа, образовавшаяся на месте когда-то неправильно уложенного асфальта – там, где от улицы Жубанова к магазину Калимы проходил восточный катет игрового треугольника. Воды в луже было так много, что она казалась чёрной и непрозрачной, как обсидиан.

– О чём говорит дождевая лужа после столь напористого ливня, – неожиданно вопросил марсианин, протерев влажную скамеечку и усевшись на неё, – когда тучи уже растворились в синеватой небесной дымке, и ветер утих абсолютно, когда листва перестала колебаться даже там – на самых высоких карагачёвых кронах, возвышающихся по обе сто́роны нашего игрового места?

Полтавцев оглядел всё предложенное, но никаких мыслей по этому поводу не нашёл.

– Наверное, ни о чём, мать честна́я, – огласил он нехитрый приговор.

– А вот и нет, – расстроил его литератор. – Вот смотрите – лужа!

И он показал рукой в сторону запланированного кривыми руками асфальтоукладчиков явления.

– Представьте себе, что проходит мимо неё, ну, скажем, некий поэтически настроенный автор.

– Ты, что ли, ёперный автор? – с глуповатым смехом предположил Салихдзяныч.

– Может быть, – загадочно ответил Володя и продолжил:

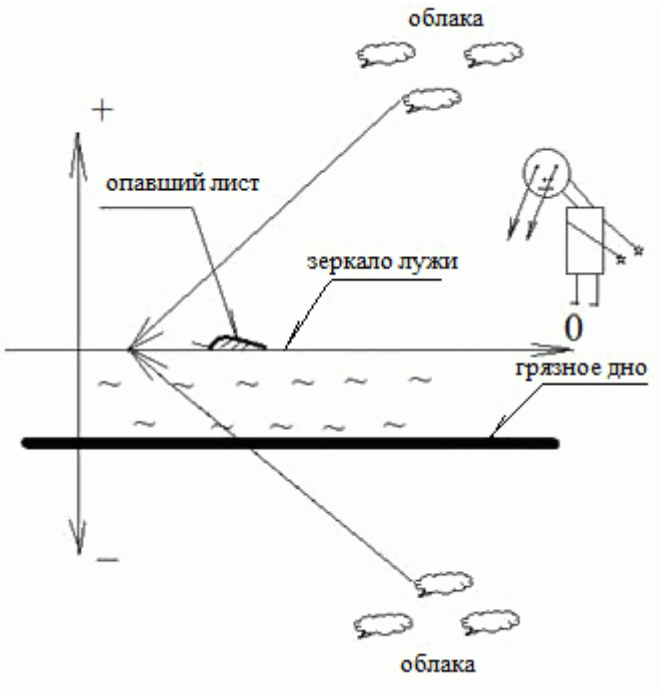
– Глянул и подумал, что визуальный мир над лужей, то есть небо, солнце и облака́ – со знаком плюс – абсолютно равнозначен такому же визуальному миру под лужей, но со знаком минус. И потянуло нашего человека написать стихотворение об этой луже и материально-духовном равенстве двух миров. И вот он пишет такое:

«Лист в луже, или он над облаками,
когда со знаком минус глубина?
Кто грязного не замечает дна,
тот к небу прикасается руками…
Он в это верит – в чём его вина?!»

– Хорошо звучит, – дал неожиданную рецензию Васюхан.

– Да-да, святой Малевич, но как-то уж очень непонятно, – добавил ещё одну рецензию живописец.

– Посмотрите, как просто, – сказал Кулемзин, перевернул *раскладку* и нарисовал некий художественный чертёж:



– Ну, как? – спросил он. – Теперь понятнее?

Валера взял в руки рисунок, долго разглядывал его, а потом схватил забытую ещё до дождя пробочку от «Тянь-Шаня» и стал её завистливо покусывать.

– Вот то-то, – довольно резюмировал Альбионыч и оглянулся. В пределах Бермудкого Учпучмака вовсю бурлила жизнь.

Глава 184. БУРЛИВАЯ ЖИЗНЬ

Да-да, в Бермудском Учпучмаке вовсю бурлила жизнь, ведь дождь кончился, а, значит, куча персонажей вновь оккупировала эту территорию, на которой в основном и происходит (прости, русский язык!) фабула нашего замечательного повествования.

Например, небезызвестная читателю баба Лида уже успела сходить в магазинчик Калимы, и сейчас несла в допотопной сетчатой авоське пачку кефира, буханку хлеба, брикет масла и банку рыбьих консервов, тем самым сделав из своей тары минимальную потребительскую корзинку среднего саксаульца. Из лавки её сопровождала также знакомая всем старшая по дому № 17 Жанна Пантелеевна, или просто Ж. П., как красиво называл её Кулемзин. Конец дождя застал её в сельпо, и потому в одной её руке был зажат пакет с батоном хлеба, а в другой – пёстрый зонтик со всеми оттенками синего и голубого, предназначенный как защита, но не от дождя, а от солнца. Увидев этот женский (ещё раз прости, русский язык!) девайс, Володя вспомнил одно выражение петербуржeнок XIX века – хотя никогда и не жил в то время, – которые говорили, что зонтик в руках означает просто отсутствие *экипажа.*

Мой старый друг, любимый синий зонт,
пошли гулять – сегодня дождик в гости:
пусть он другим покручивает кости,
а мы с тобой шагнём за горизонт!

На их пути неожиданно возникла дворник Надежда, неутомимая труженица чистоплотного фронта, которая привычно махала своей метёлкой, заставляя Великий Треугольник отдать все свои веточки и листочки, сбитые дождём, а также разные бумажки и прочий мусор, принесённый сюда водным потоком.

«В метле обретёшь ты право своё», улыбнувшись, подумал Альбионыч словами парафраза лозунга партии социалистов-революционеров в императорской России, где слово *метла* было заменено нелепым словом *борьба*.

Возле первого подъезда дома, то есть ме́ста локального проживания нашего героя, стояли две девушки, и, приглядевшись, писатель узнал, очевидно вернувшуюся из короткой рабочей поездки соседку-железнодорожницу Иру, которая, крутя в руках некий предмет, показывала его своей подруге. Марсианин пригляделся и узнал изделие – это было приспособление для похудения с неприличным названием *хулахуп*.

Имея талию 120,
а вес без малого центне́р,
я продолжала поправляться,
не принимая жёстких мер:
жевала радостно сосиски,
и обходила фитнес-клуб,
но в магазине «Олимпийский»
мне подвернулся хулахуп.
Вот это было то, что надо –
на упражнения подсев,
кручу я обруч до упаду –
он верный путь к моей красе!

Рассматривая загадочный предмет, подруги, конечно же, не забывали и про общение на свою любимую тему.

– Ты знаешь, – говорила Ире подружка с неизвестным автору именем, – а ведь я расталась со своим парнем.

Причём, это, казалось бы, ужасное известие, было произнесено совершенно равнодушно, как если бы она сообщила, что где-то в Мексике произошло незначительное землетрясение, которое её вообще-то не касается.

– Это с чего бы? – также индифферентно поинтересовалась проводница, пытаясь разглядеть фирменную наклейку на хулахупе, которую неведомые производители сделали со слишком мелкими буковками.

– Я была просто в шоке, – зевая, делилась пережитым подруга, – когда поняла, что он знает слишком много пошлых песен.

– А он что, тебе их пел?

– Нет, насвистывал…

«Жаль, у меня нет крепостных крестьянок», внимательно оглядев подружек, подумал Володя. «Ух, я бы их раскрепостил!»

Приходят мысли возрастные –
про подневольный рабский труд:
«Удобны очень крепостные –
когда не в крепости живут!»

Рядом с девушками в это время промелькнул, чтобы тут же скрыться за углом дóма, ещё один персонаж – некая Валентина, хозяйка квартиры на третьем этаже володиного подъезда, – страшная, как термоядерная война, и, по причине общего неудовлетворения своего организма, отличающаяся необыкновенной стервозностью. Например, гюрза по сравнению с ней была беспомощным шнурком на абажуре.

Почему она не появилась в нашем романе раньше, спросит меня наивный читатель. Да потому, что эта Валентина не жила в квартире, а сдавала её целому выводку каких-то то ли таджичек, то ли туркменок, и приходила в родное гнездо один раз в месяц – за квартплатой. Так что не удивляйся, читатель, что эту квартиросдавательницу ты больше не увидишь на этих блистательных страницах никогда, ибо она уже забрала свои деньги, и сейчас спешила на постоянное место проживания, которое до сих пор неизвестно даже автору нашего повествования.

Около соседнего подъезда разыгрывалась сценка, которая уже была описана в прошлом, третьем томе: батыршинский сосед, неплохо *наварившийся* вчера, вновь привёз на продажу ворованную картошку, и, как это ни удивительно, она снова стала пользоваться бешеным спросом, как будто саксаульцы второго микрорайона знали немного больше других: например, что скоро начнётся война, и поэтому просто необходимо срочно пополнять стратегические запасы в виде спичек, соли, свечей и вот этой картошки, чтобы достойно пережить житейский катаклизм!

А литератор, увидев эту сценку, вспомнил срочную службу, и улыбнулся своему юношескому, написанному именно, как тогда говорили, *на картошке*:

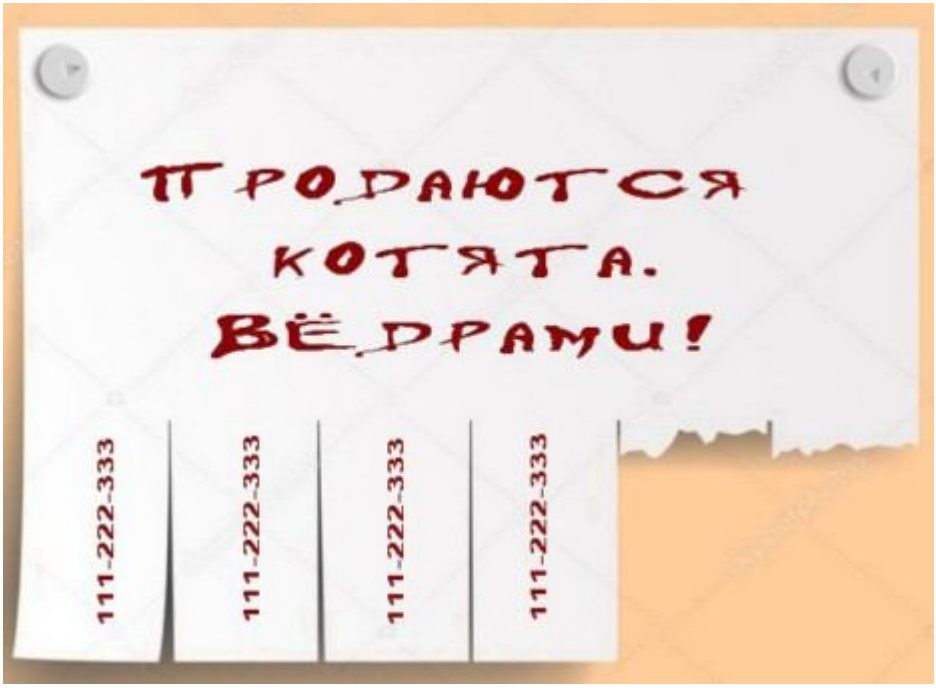
«Кто поедет на картошку?
Ждёт подмоги вся страна!» –
взвод построив на дорожку,
объявляет старшина.
Шаг шагнули только двое –
прочим просьба нипочём!
«Молодцы! Садись в машину –
остальные все пешком!»

Глава 185. БУРЛИВАЯ ЖИЗНЬ (продолжение)

И вот уже сели наши герои за свой любимый покерный столик, и вот уже задумались, кому бы в очередной раз сходить за пивком, а литератор Кулемзин – в поисках новых впечатлений для будущего литературного полотна – всё разглядывал персонажей романа «Русская кочерга», причём, заметьте, не только человеческого, но и животного происхождения.

Не обратив должного внимания на покерную скамеечку, Серёжа нечаянно сел на шелудивого кота Семёна из первой квартиры володиного дóма, который решил немного погреть кости после дождичка, и тот (кот, а не дождичек), немного помятый полтавцевским задом, понёсся через Бермудский Учпучмак со скоростью луча света, истошным мявом жалуясь на несправедливость жизни, коя она одних сделала счастливыми человеками – с их картами, пивом и большими задницами, а других – несчастными котами, у которых из всего роскошества – только пушистый хвост.

Здесь же вскоре были замечены ещё два представителя кошачьего племени – наши старые знакомые кошечка Несси и ей мил-друг Пушок. Мой памятливый читатель, скорее всего, помнит историю Несси, а для тех, кто не помнит, автор ещё раз сообщит, что кошечка вначале была собственностью Альбионыча, а потом как-то незаметно переехала в квартиру № 2 – к соседке Анне Петровне, где и жила по сей день, то есть приходила ночевать, а вот пожрать любила именно у Володи. Он не раз сожалел о том, что Куклачёва из него не получилось, а вот из соседки получилось, так как Несси со временем овладела даже таким сложным техническим приёмом, как выход из дóма через кухонную форточку. С тех пор прошло уже несколько лет, и кошечка, у которой оказался распущенный, развратный и разгульный характер, периодически приносила Анне Петровне пушистых детишек, и соседке приходилось время от времени вешать на дверь подъезда совершенно садистское объявление:



Литератор давно заметил, что Несси родилась на свет стихийным философом-экзистенциалистом, и поэтому не удивлялся, что она пошла по жизни путём порока и кошачьего греха, хотя, не в пример Курманбаеву, вовсю старалась быть человеком.

Пусть гуляют, как хотят, –
мы потом в ведро котят!

Сейчас Несси двигалась по Бермудскому Учпучмаку беззвучно, как в мультфильме «Ёжик в тумане», а её дружок Пушок, который, по наблюдениям философа Кулемзина, был котом-агностиком, следя за ней жадным взором, напротив, озабоченно скрёб когтями по асфальту, закапывая виртуальным песком свои дурнопахнущие *наработки.* Но четырёхлетний жизненный опыт давным-давно научил кошечку, что любые перемены – это только лишь первый этап на пути к окончательному бытовому краху.

И тут Несси, это в общем-то ласковое и добродушное существо, вдруг изогнулась дугой и зашипела: её подичавший за мгновение взгляд был устремлён куда-то за спину Нуртая. И сейчас на пространстве Великого Игрового Треугольника было только двое живых – Володя и Несси, которые видели, кого именно в это время теребил за хвост педагог.

Кроме этих животных из семейства кошачьих, был здесь и представитель собачьих, а именно пёс Боря – владелец несколькими страницами ранее упомянутой Ж. П. В человеческом обществе издавна почему-то повелось, что люди своих лучших друзей предпочитали прогуливать на поводке, но вот Боре сейчас повезло больше, потому что старшая по дому уже скрылась в подъезде, чтобы положить свой пёстрый зонтик на заветную полочку в прихожей, а он (Боря, не зонтик) обрёл недолговечную, к сожалению, свободу. Но чтобы максимально извлечь выгоду из неожиданно привалившего счастья, пёс, подняв хвост, выискивал что-то в траве, как бомжи – пустые бутылки, время от времени задирая лапу и оставляя письма приятелям на кустах.

Животных людям часто не понять:
общаться для собаки важно очень!
Мой пёс из дома рвётся погулять –
с друзьями *переписываться* хочет...

Затем он, неожиданно увидев под одним из кустов пьяного Глав-Буха, который заснул алкогольным сном ещё до дождя, и сейчас представлявшим из себя насквозь промокший мешок из-под брюквы, немедленно принялся лаять на него, как будто почувствовал в знакомом алкаше похитителя хозяйских кур. На харе Глав-Буха лежала какая-то серость, словно он ещё до дождя немного походил по цементному заводу.

И здесь пёс увидел, как рядом с Русланом (б) зашевелился ещё один мокрый мешок, и узнал Серую Шейку[270] второго микрорайона, то есть пропитоншу Галлюцинацию, только, в отличие от Гали Смирновой (б), знаменитая мультфильмовская уточка была намного чище. «Как жаль, яйчики-бабайчики», подумал марсианин, «что такие замечательные ребята, как Боря, живут в 6-7 раз короче, чем такие мудаки, как Глав-Бух…»

[270] «Серая шейка» – советский рисованный мультфильм, снятый по мотивам одноимённого рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка в 1948 году на киностудии «Союзмультфильм». Режиссёры Леонид Амальрик и Владимир Полковников – прим. кинoредактора

И с собачьим языком,
и с кошачьим я знаком:
псов и кошек понимаю
с полугава, с полумяу…

Неведомо откуда взялась и стайка злых комаров, которые неизвестно где прятались от дождя, но вот после него появились как в фантастическом фильме – словно бы соткавшись из влажного воздуха. Один из них, видимо, наиболее голодный, принюхался к

пришельцам и, наконец, выбрав, впился в руку военного музыканта. Это оказался удачный выбор, так как кровь Салихдзяныча была не только сладкой и вкусной, но ещё и насыщенной вчерашним алкоголем и сегодняшним похмельным напитком. Остальные комары с завистью поглядывали на собрата, выбирая жертву и для себя.

Отцеябловский комар
хоть размерами и мал,
но кусает как барбос,
словно стая диких ос!

И здесь Альбионыч заметил, как за периметром Бермудского Учпучмака резво прошли двое молодых людей, от прочих нормальных граждан Саксаулии отличающихся вихляющей походкой и мимолётными объятьями, от чего Володя вслух заподозрил их в пристрастиях, схожих по цвету с фуражками лётчиков, произнеся неприличное слово, рифмующееся сразу с двумя старинными русскими именами – Сидор и Сидор, и подумал при этом, насколько же всё-таки в лучшую сторону животные отличаются от двуногих псевдоразумных.

Затем он неожиданно расхохотался, приведя в восторг Мусаича, который почувствовал радостное волнение от того, что наконец-то строптивый писатель сошёл с ума. Но всё оказалось значительно проще – Кулемзин только что вспомнил свой старый стишок о животных, именами которых оперировал в своё время знаменитый русский баснописец Иван Крылов. А чтобы и мой читатель не подумал так же, как Курманбаев, автор, заканчивая эту главу, приводит сей стишок здесь, на этой странице 430.

Читая дедушку Крылова

Осёл, Козёл, Лиса, Ягнёнок,
Комар, Собака, Поросёнок,
Петух, Пиявка, Соловей,
Червяк, Лягушка, Воробей,
Слон, Бегемот, Жираф, Мокрица,
Мышь, Черепаха, Щука, Львица,
Жук, Стрекоза, Слизняк, Медведь –
всё это люди…
Охренеть!

Глава 186. БУРЛИВАЯ ЖИЗНЬ (окончание)

Но окончательно усесться за любимую игру не было решительно никакой возможности. И не потому, что покерная скамеечка была мокрой – нет, Афанасьич давно уже достал из своей безразмерной котомки какую-то бежевую тряпочку, в которой всё знающий Кулемзин узнал так называемое суровьё[271], и протёр ею место будущего сурового ристалища.

[271] *Ткань с ткацкого станка без окраски и отделки – прим. тех. редактора*

– На ОХБК украл? – прямо спросил он бывшего текстильщика.

– Ага, – радостно подтвердил Серёжа. – Была возможность – много упёр!

А не начиналась игра по причине того, что на пространстве Бермудского Учпучмака появились сразу трое персонажей, которых давно не было на наших страницах – водитель (б) без прав Саша Дубровский и бомжи Танкист и Одиссей.

Появление клошаров, как называл бездомных друзей Володя, оказалось ознаменованным песенным творчеством – ещё издалека игроки и их болельщики услышали суровый баритон Танкиста:

– Канало фраеру козырно,
он мёл пургу при всей братве,
бродяга кипиша не чуя,
по фене ботал при луне.
Базар конкретно не фильтруя,
такие шняги тискал кент,
без толкача тут и не вкуришь,
что штырил поца марафет.
Он типа был в авторитете,
на киче чаля долгий срок,
и бикс подкатывал исправно
ему башлёвый мусорок,
на цырлах перед ним пехота
и приблатнённая шпана –
допонтовался фраер тухлый,
с пером к нему пришла хана!
Мораль проста как три копейки:
раз ты безмозглое трепло,
чеши язык свой об скамейку
или засунь себе в дупло.
Не стоит загружать понтами
того, кто сам – авторитет!
Вопросы просто там решают:
четыре сбоку – ваших нет!

Курманбаев внимательно прислушался к словам песни, ничего не понял и наклонил ухо к Митрохину, словно с просьбой о переводе, но Васюхан, у которого за время поездки страшно пересохло в горле, отрицательно покачал головой.

Автор, конечно, мог бы рассказать своему читателю, о чём пелось в этой пронзительной песне, но ему (автору, а не читателю) почему-то кажется, что он (читатель, а не автор) уже так поднаторел в понимании к концу этого четвёртого тома, что наверняка и сам допетривает – что тут к чему и с чем его едят! Ведь *русская феня*, на котором исполнялось произведение, давно уже въелась в речь русскоязычного населения бывшего Союза и в саму жизнь: беспредел, разборки, мочить… Из прикладного языка коробейников *феня* давно превратилась в язык межнационального и международного общения, по крайней мере, среди ближнего зарубежья. Возьмём, к примеру, слово *мочить*: оно было не саксаульским и даже не русским, но стало хорошо узнаваемым и модным, потому что его не побрезговал ввернуть в народный оборот политик самого высокого ранга, то есть президент России.

Президент душою молод:
вновь куёт он серп и молот!

Альбионыч, несколько лет назад познакомившийся с Танкистом и Одиссеем, заметил, что стал приглядываться и к другим *апатридам*, когда изредка выбирался в город – купить новую книжку или старый виниловый диск. Так однажды он возле книжного магазина «Глобус» встретил типичного бомжа – небритого, нечёсаного и вонючего, но в ру-

ках его увидел кучу полиэтиленовых пакетов, и среди них огромный (видимо, для ночёвки) с яркой надписью

В другой раз он встретил возле Отцеябловского музея современного искусства ещё одного приметного бомжа, который, как потом выяснилось из разговора, украл в супермаркете тележку, но поместил рядом с собой криво написанную табличку «Бомж и тележка», что позволило ему трое суток безнаказанно ночевать в музее!

Ещё одна встреча с подобным бомжем-интеллигентом состоялась возле городского магазина «Букинист», где клошар стоял с бумажным пакетом в руках и, увидев Кулемзина, обратился к нему с вопросом:

– Мужчина, а вы знаете, к примеру, сколько стоит сборник стихов Иосифа Бродского в картонном переплёте?

– Нет, – честно признался Володя. – Ну, наверное, много...

– Да, много, – подтвердил бомж. – Но вам я готов отдать его за 300 назарбаксов.

– Беру, – поспешил обрадовать неожиданного продавца марсианин. – А что это вы так легко с Бродским расстаётесь?

На что клошар, явно с высшим образованием, ответил:

– Видите ли, Бродского я знаю наизусть, а вот вкус нефильтрованного «Тянь-Шаня» для меня пока загадка...

Говорят, бомжи не в моде,
но известно даже мне:
в школе до сих пор проходят
пьесу Горького «На дне».
Может, в будущем осудят
нас, которым всё равно,
почему другие люди
опускаются на дно…

Старые знакомые моего читателя тем временем подошли к покерному столику – на расстояние, позволяющее не ощущать их неземные ароматы, и терпеливо обратили свои индифферентные взоры на благодетеля Альбионыча. «С бесплатной песенкой мы уже только что ознакомились», подумал благодетель, «пускай теперь поработают с поэзией – за плату!».

– Ну что, друзья мои, – обратился он к саксаульским клошарам. – А не прочесть ли вам что-нибудь из классики?

– Заказывай, хозяин, – в два голоса обрадовались бомжи.

– А Лермонтова слабó? – улыбнулся писатель. – Михаила нашего Юрьича?

Педагог еврейского колледжа, услышав такую крамолу, даже задохнулся от возмущения, и, видимо, именно это так и не позволило ему возмутиться вслух.

– Тогда «Бородино», – решил литератор и дал отмашку.

Бомжи встали рядком, и громко, чтобы было слышно за три контрольных метра, рассказали историю славного сражения – в своём варианте.

Глава 187. «БОРОДИНО» НА ФЕНЕ

«Скажи-ка, кент, братве, не даром
сожгли малину без базара –
за бабки пахана?
Там тёлки клёвые такие,
а не фуфло-муфло какие!
Ведь, без балды, ништяк Россия,
в натуре, с бодуна!»

«Да, чуваки бывали прежде:
как вши не мылились в надежде –
не разведи братву!
Но кучеряво их надули:
позорно крышу тормознули,
самих, как падлу, киданули
в дешёвую ботву!

Мы долго парились, рожали,
голимо было – наезжали,
бузили братаны:
«Не лохи мы и не притыры,
повяжем их – и тыры-пыры,
натянем круто их мундиры
на русские штаны!»

Вот зону выбрали. Спокуха!
Кирнули для поднятья духа,
собрали чёрный нал,
достали цепи, биты, *пушки*,
и с гексогеном три горбушки,
на шухер взяли все избушки –
их фраер приканал.

Набил я баксы в тачку туго:
ответишь за козла, бельдюга!
Замочим, как свинью!
Уж мы оттянемся не хило
и профильтруем всех на мыло,
да ломанём их с понтом в рыло –
за хазу за свою!»

В это время не вовремя налетевший ветерок неожиданно изменил своё направление, пустив свежую струю, правда, обильно приправленную *струями* бомжей, в сторону покерного столика. Это был удар почище того, что впервые применила коварная Германия 12 июля 1917 года против англо-французских войск, когда у бельгийского города Ипра обстреляла противника минами, содержащими некую маслянистую жидкость, которую впоследствии – от названия города – назвали ипритом!

– Всё-всё! – чуть не задохнувшись от клошарского иприта, закричал Альбионыч, вытащил купюрку в 200 назарбаксов, скатал из неё шарик и щелчком выстрелил в сторону бомжей. Одиссей сноровисто поймал шарик, после чего *алики* удалились в сторону лавки Калимы, которая из-за своего торгашеского стажа в несколько десятков лет была к любым запахам невосприимчива, так как считала, что деньги не пахнут.

– Володя, обидно как-то стало, – неожиданно прорéзался голос у живописца.

– Конечно, – с досадой подтвердил писатель. – Ведь мы так и не узнали, чем закончилась история с Бородинским сражением! Хоть в Википедии смотри…

– Да я не об этом, – скривился Валера. – Обидно, что вот эти декламаторы уже через минуту будут пить пивко, а мы?

И столько горечи было в этом вопросе, что даже сидящая на карагаче ворона грустно посмотрела на страдальцев и громко каркнула:

– Пузыр-р-р-рь бер-р-р-ри!

Мы народ миролюбивый,
но не надо раздражать:
не стихи хотим мы – пива,
не страниц, а литров пять!

Глава 188. ИСТОРИЯ О ДЕМБЕЛЕ ДУБРОВСКОМ

– Володя, и мне обидно, – очень тихо произнёс адский водитель Дубровский, который знал, что у его бывшего работодателя Володи золотое сердце, и он никогда не откажет умирающему на его глазах.

– Слушай, старичок, – возмутился марсианин, – наши друзья бомжи честно заработали гонорар, и не их вина, что *дедушка*, пребывающий в вечном – из-за своего крайне преклонного возраста – маразме, забыл подсказать отцеябловским метеорологам о могущих возникнуть вихревых потоках!

– Так и я же не бесплатно! – воскликнул шофёр без прав. – Я же столько историй про себя знаю, вот только именно сейчас язык у меня немножко заплетается.

– И что же делать? – поинтересовался литератор.

– Так ты же их тоже знаешь, – обрадовался алкоголик.

– И что? – терпеливо повторил спонсор.

– Давай так: я схожу на пивком – для всего коллектива, – предложил похмельный, – а ты пока расскажешь мою историю.

– А выручку поделим пополам? – пробормотал Кулемзин.

– Что?

– Да ладно, ничего, так и сделаем, – решил Альбионыч, после чего снабдил ходока-добровольца необходимыми назарбаксами, а также серёжиным хурджином, и даже подтолкнул его (ходока, а не хурджин) в сторону сельпо. Саша, тяжело перебирая неверными ногами, направился в нужном направлении, а Володя приступил к истории о приключениях Дубровского в армии, коих уже было немало в нашем повествовании, но автор надеется, что они будут ещё.

Без разночтений и разброда,
что не даёт нам институт,
историй много у народа,
ведь их народными зовут!

– Эта история, – глядя вслед ходоку, начал рассказ Володя, – о заключительном сроке службы нашего странного приятеля. Итак, дембель Дубровский, лёжа на стареньком матраце на чердаке полкового клуба, в этот день размышлял о жизни: например, о том, что он – дембель, с вытекающими этому состоянию преимуществами, и что меньше чем через полгода он вновь будет гражданским человеком. От таких светлых мыслей приятная истома разливалась по всему телу. А доносившиеся с плаца команды: «Раз-два! Раз-два!», где *чижы* и *черпаки* занимались строевой подготовкой, резонировали его и без того хорошее настроение.

«Зашибись», подумал он и перевернулся со спины на бок. И тут вид шифера и пыльных чердачных досок сменился видом двух плакатов, приставленных к стропилам. Рядовой Дубровский сначала по слогам прочитал один плакат:

Профсоюзы – школа коммунизма!

, а потом другой:

Коммунизм – это есть Советская власть
плюс электрификация всей страны!

Его поразило, что под обоими высказываниями стояла одна и та же подпись «В.И. Ленин»

Когда был Ленин столяром,
он тюкал топором.
И красил стены колером,
когда был маляром.
Когда был Ленин мастером
(наряды закрывал),
на дело революции
он деньги воровал.
Когда был Ленин барином,
и злился, например, –
подолгу выговаривал
крестьянам букву «р»!

– Умный, наверное, был мужик, – пробормотал Саша, а потом задумался: «Знакомые же слова! Где же я их слышал?». И если бы подумал ещё немного, то вспомнил бы, что в стране советской – везде!

Он напрягся, отчего умственный процесс пошёл скорее, и через некоторое время дал свой неожиданный результат в виде странной мысли: «Профсоюз – это подарки к Новому году, пионерский лагерь и квартира. А вот коммунизм – это сплошная халява, когда можно ничего не делать, а всё дадут, что пожелаешь». Вот такой винегрет умозаключений отрыгнул его мозг из его же глубин памяти!

Затем дембель ещё немного подумал и, хлопнув себя по лбу ладошкой, изрёк: «Молоток!», после чего спешно пошёл искать замполита. Он может быть, и побежал бы, но статус дéмбеля не позволял этого делать.

О службе думали, мечтали,
когда мы были детворой,
а вот когда служить попали,
всё время хочется домой!

Замполит Панасюк портил глаза газетой «Правда» в ленинской комнате. Он так бы и портил их до обеда, но дверь открылась, и вошёл герой этой истории.

– Разрешите?

– Заходи, – голосом строгого, но справедливого командира, произнёс замполит.

– Товарищ майор, разрешите обратиться?

– Обращайся.

– Дайте мне, пожалуйста, рекомендацию в профсоюз.

– Не понял? Куда?

– В профсоюз хочу.

– В армии есть партия, комсомол, особый отдел и гауптвахта. А профсоюз партией и уставом в армии не предусмотрен.

– Профсоюз есть школа коммунизма, товарищ майор! Хочу учиться на жителя коммунизма, товарищ майор! Как завещал товарищ Ленин, товарищ майор! – громко и чётко отрапортовал Дубровский, после чего тихонько, как заговорщик, прошептал:

– Хочу в коммунизм.

– Ну… это ещё не скоро… товарищ рядовой, – обалдел майор.

– А по рекомендации?

– По какой рекомендации?! – возмутился замполит. – Коммунизм наступит для всех жителей Земли одновременно! И про тебя, Дубровский, обещаю, не забудут.

– Товарищ майор, вы не серчайте. Давайте разберёмся: что такое коммунизм?

– Ну… – не смог ответить майор.

Помню детство золотое,
школу, космос, колбасу.
Наша партия в застое
гегемонила вовсю –
опираясь на скрижали,
к коммунизму нас вела –
коммунизм мы представляли
в виде шведского стола:
там на нём лежали грудой,
раздражая нам носы,
хлеб, вино, бананов чудо
и три сорта колбасы!

– А это есть советская власть плюс электрификация всей страны. Правильно? – помог умный дембель.

– Правильно, – с облегчением произнёс замполит.

– А страну мы электрифицировали? – спросил рядовой.

Панасюк задумался.

– А план ГОЭЛРО выполнили? – продолжил Саша.

– Да, – пришлось согласиться и здесь.

– Тогда что, советской власти нет? – неожиданно задал провокационный вопрос настырный боец.

– Это ещё почему?!

– Если одно слагаемое есть, а сумма не выходит, значит, второго слагаемого нет! В нашем случае коммунизм – это сумма, одно слагаемое – электрификация всей страны, а второе – советская власть.

Замполит моментально вспотел и закричал:

– Ты где, такой-сякой, всего этого начитался?

– На чердаке, – с невозмутимым спокойствием ответил рядовой.

Через десять минут командир полка, замполит и Дубровский уже вместе разглядывали так называемую наглядную агитацию.

– Было такое, – наконец произнёс командир.

– Троцкисты, – добавил замполит.

Вождь хотел по-донкихотски
сделать так, чтоб каждый – граф,
только всё испортил Троцкий,
сдуру в Мексику удрав!

И следующие па́ру месяцев майор Панасюк вовсю проявлял чудеса зоркости и быстроходности, чтобы не столкнуться с «политически подкованным» дембелем, а с выходом приказа министра обороны об очередном увольнении в запас принял самое активное участие о незамедлительной отправке его (дембеля, а не министра) домой! Вот такая история…

А тут и Саша из магазинчика подоспел.

Глава 189. ЯВЛЕНИЕ ДЯДИ ПЕТИ

– Давно я у тебя, Володя, книжек никаких не брал, – вдруг раздался голос из-за могучей спины литератора, и тот очень быстро обернулся, чтобы уточнить, что здесь делает скрипучий *журавль* из детской сказки про колодец, и почему он разговаривает.

Но это оказался не *журавль*, а дядя Петя. Почему же этот персонаж не появлялся раньше – до этой страницы аж в четвёртом томе нашего романа? Да потому что он пил[272] – с са́мого начала недели, по случаю получения пенсии. А пенсия у дяди Пети была немаленькой, потому что он подошёл к её календарному сроку с погонами на плечах, но не такими, как, например, у прапорщика Батыршина, а вполне таки старшеофицерскими.

[272] Уточнение для иностранных читателей романа, владеющих русским языком: пил крепкое спиртное – прим. автора

Во время своей службы в Красной Армии, а, вернее, во флоте дядя Петя был офицером – вначале младшим лейтенантом (после окончания морского училища, а потом, через па́ру десятков лет – каперангом, или, чтобы было понятно женской части моих читателей, капитаном первого ранга, который в армии приравнивался к полковнику, и даже погоны у них были одинаковыми – с тремя большими звёздочками.

Вам сие понять поможем
и в катрене отразим:
каперанг – полковник тот же,
только выглядит морским!

– Привет, дядя Петя, – наконец отозвался Кулемзин. – Ты чего людей пугаешь?

– Я не пугаю, – смиренно ответил бывший моряк.

– А детей? – уточнил Альбионыч.

И впрямь, все, включая пришельца, посмотрели по сторонам и увидели, что дворовые дети, которые за секунду до этого бегали по периметру Бермудского Учпучмака, словно участники забега кенгуру в Отцеябловском зоопарке имени лошадки товарища Пржевальского, и при этом визжали как дельфин, на котором повисли сразу шестеро утопающих, в этот момент притихли и с испугом смотрели на страшного дядьку, от которого пахло так, как могло бы, например, пахнуть от Серёньки Полтавцева, если бы он неделю без продыху пил самогонку своего деда Михея из деревни Семижопино.

(А автор, сваяв последнее предложение, тут же вспомнил свой старый лозунг, придуманный им ещё много-много лет назад – в студенчестве):

Самогон – наш враг!
Гоните его!

И верно, внешность дяди Пети можно было признать маловыразительной, если бы взгляд его изучальца в изумлении не натыкался на редкую по своему сочетанию колористическую гамму: из выреза старой застиранной рубашки рвалась наружу седая косматая растительность, в то время как под носом-картошкой рыжела щётка ржавых усов, над глазами нависали огромные, словно с чужого лица, смоляные брови, а на лысой макушке торчал одинокий реликтовый кустик какого-то уж совсем немыслимого мыльно-жёлтого оттенка.

Сейчас в руках пришельца наблюдался чемоданчик, в сталинские времена называемый фибровым – с такими в суровые советские (б) годы по домам с целью нетрудовых доходов ходили иключительно сантехники.

– Так ты за моими книжками прямо с чемоданом? – поинтересовался писатель.

– Нет, – потряс чемоданчиком старый алкоголик, и все услышали, как в нём тонко зазвякала порожняя стеклопосуда, ибо этот звук на всей территории Советского Союза (б) никто никогда не путал ни с чем. – Я бутылочки Калиме несу…

Здесь верят в собирание фольклора
подобно сбору пчёлами нектара.
А пользы больше было бы от сбора
макулатуры или стеклотары!

Познакомился Альбионыч с дядей Петей через несколько дней после того, как переехал на ПМЖ в дом № 17 второго микрорайона города Отцеябловска. Выйдя из квартиры на разведку, чтобы узнать у кого-нибудь, где здесь ближайший магазин саксаульских ковров, он увидел пожилого персонажа с ушами, оттопыренными, как у летучей мыши, и глазами жёлтыми, пустыми и безразличными, словно у ящерицы. Персонаж беспокойно шевелил и тем, и этим, то есть ушами и глазами, но глазами больше, словно бы прощупывая, сто́ит ли попросить на выпивку у этого толстяка денег или нет.

– Чего ты вылупился, дядя? – добродушно поинтересовался Володя. – Или, яйчики-бабайчики, давно живых людей не видел?

После чего узнал, что никакого магазина ковров в обозримой ойкумене здесь нет, а вот маленьких магазинчиков, где продаётся винцо и водочка, полным-полно. Услышав такое невероятное сообщение, Кулемзин только было хотел перейти на *вы*, но в это время персонаж неожиданно сделал ещё одно сообщение:

– Здравствуйте, я дедушка Ленин.

– Дядя, ты что, псих, что ли?! – на всякий случай отодвинулся от персонажа новый жилец.

– Сам ты псих, у меня внучку Леной зовут.

Потом, через какое-то время новый знакомец случайно попал в володину квартиру, был поражён количеством книг в ней, и робко попросил что-нибудь почитать, чем немало удивил марсианина, ибо тот полагал, что люди с такой внешностью и запахами читать не умеют вообще. Вскоре, правда, выяснилось, что дядя Петя всё-таки читать умеет, но только прозу, а вот о поэзии даже не слыхал.

Кто-то пишет модные сонеты,
кто-то кроет матом от души.
но не все ханурики – поэты,
и не все поэты – алкаши!

Затем, постепенно общаясь с дядей Петей в дни его приходов за книжками, он узнал историю жизни старого алкаша. И, кстати, о володиных книжках, а то забудешь, и мой читатель никогда не узнает о них крайне важной информации. Надо сказать, что Альбионыч, перешагнув 50-летний рубеж, решил не отказывать в книгах никому, и, переехав на новое место, даже выбросил старую табличку, которую когда-то давно сваял ему его друг художник Муравлёв:

Не шарь по полкам жадным взглядом –
здесь книги не даются на дом:
лишь только круглый идиот
знакомым книжки раздаёт!

Так вот, после увольнения из флота дядя Петя долго не мог найти работы, а потом устроился слесарем на какой-то малобюджетный завод бытовых метизов[273], но проработал там недолго, потому что привык командовать, а не опиливать и зачищать детали, ремонтировать зубчатые передачи, изучать соединения на (прости, русский язык!) фитингах и муфтах, а также знать все без исключения инструменты слесаря, включая не только привычные штангенциркуль и нониус[274], но и такие хитрые, как рамку с измерительными губками, стопорный винт и втулку-стебель!

[273] Металлоизделия – прим. тех. редактора
[274] Вспомогательная шкала, устанавливаемая на различных измерительных приборах и инструментах, служащая для более точного определения количества долей делений основной шка-лы – прим. тех. редактора

Слесарь дядя Петя
меж берёз и сосен,
как жену чужую,
засосал 0,8!

Но потом бывшему моряку повезло, так как во время обмывания очередной получки он встретил в пивнушке друга юности Сидора Абрамовича Бараняна, который в это время заведовал *первым отделом* в каком-то секретном почтовом ящике. Слесарь с высшим военно-морским образованием знал, что первым отделом с советских времён (б) назывался такой отдел в различных организациях, который осуществлял контроль не только за секретным делопроизводством, но также и за обеспечением режима секретности и сохранностью всех секретных документов.

В общем, встреча старых друзей закончилась тем, что дядя Петя уволился с завода и перешёл в новую организацию, причём, на весьма блатную должность – начальником

машинописного бюро, где работали одни тётки, причём, как это часто бывает в женских коллективах, все завидовали всем, а также стучали друг на друга.

Я вообще-то не оценщик,
но сейчас скажу точней:
стал начальником я женщин –
интриганок-сволочей!

Правда, со временем бывший морской офицер приноровился к этому стукачеству, и сделал это с подлинно офицерской смекалкой. На рабочем столе с некоторых пор у него стала лежать маленькая лампочка – от карманного фонарика, которую однажды и заметил его друг Баранян, и спросил, зачем ему она.

– Это что, как-то связано с нашей продукцией? – поинтересовался начальник первого отдела.

– Нет, – признался начальник машбюро. – Ты же знаешь, что у меня коллектив полностью женский, и очень, как бы это тебе сказать, *змейский*.

– И что?

– Ну, например, приходит ко мне какая-то дама и начинает *стучать*: мол, такая-то в рабочее время делает то-то, а другая – вот это, а третья – так вообще! Тут я беру и незаметно вставляю лампочку в одно ухо.

– Так ты же вторым ухом слышишь? – спросил друг, заинтересовавшись историей.

– А второе ухо у меня после одной флотской истории не слышит, – потом как-нибудь расскажу. Так вот, смотрю я на неё и головой киваю, вроде как соглашаюсь. А потом вижу – выдохлась, тут-то я незаметно лампочку вынимаю и говорю: спасибо, мол, за сигнал, конечно же, разберёмся! А дамочка, выговорившись, счастливая уходит. И так – до следующей *стукачки*!

Стучу всегда, стучу везде, стучу,
как будто по Вселенной я лечу,
ведь к жизни не потерян интерес,
пока кипит стукачества процесс!

Глава 190. ФЛОТСКИЕ ИСТОРИИ ДЯДИ ПЕТИ

А чтобы рассказ о новом для читателя персонаже был более полным, вот тебе, мой любопытный читатель, несколько историй о службе дяди Пети в бытность его военно-морским офицером. Остаётся только добавить, что все эти рассказы были услышаны лично от пенсионера-алкоголика ушами писателя Вл. Кулемзина, который потом и пересказал их писателю Вл. Горькому. Итак…

1. Как командир своего зама подставил

На сторожевом корабле, где начинал проходить службу нынешний пенсионер дядя Петя, командир машинной группы согласно приказу командира части являлся штатным контролёром артиллерийской стрельбы по воздушным целям, а заместитель командира по политической части (пóмните, ещё недавно были такие?) – его дублёром. А местом размещения этого контролёра во время стрельбы была верхняя антенная площадка артиллерийского комплекса. В общем, это было так высоко, что там даже чайки не летали!

И вот представьте себе зимний, морозный день, да к тому же в штормовую погоду. Групман (так сокращённо называли командира машинной группы) это себе чётко пред-

ставил, и поэтому решил любой ценой от нынешней стрельбы увильнуть. Для этого он заранее, за сутки до стрельбы, вполне расчётливо подкатил к своему заму-политруку и неожиданно предложил ему… восстановить все протоколы партийных собраний!

Мы отнюдь не причитаем,
так как знаем алфавит:
в протоколах прочитаем,
что нам партия велит!

Замполит, разумеется, знал, что, как правило, эти протоколы писались председательствующими под диктовку, а ему страх как не хотелось высасывать из пальца умные, правильные и идеологически причёсанные слова – не любил он это занятие! То ли дело грамотный групман – у него эти нужные слова, как однажды выяснилось, вылетали из-под пера как бы сами собой. Тем более, что сразу по приходу корабля на базу политотделом соединения предполагалась проверка документации парторганизаций.

И зам сдался! Под страхом предстоящей проверки, а также идя навстречу кипящей инициативе масс, он подошёл к командиру и сказал:

– Петрович, запихивай меня на этот твой долбаный пелорус[275].

[275] Высокая колонка в виде металлической трубы, на которую устанавливается репитер компаса судна. Он позволяет сделать независимым от изменений своего положения установленный на нём прибор – прим. мор. редактора

Командир посмотрел на него, удивлённо ухмыльнулся и, как бы заранее его жалея, сочувственно спросил:

– А не пожалеешь?

– Если родина требует... – с традиционным пафосом отреагировал зам.

– Ну, смотри!

И вот пришёл час стрельбы: мороз – градусов 20, ветер северо-западный, волна захлёстывает ходовую рубку, а холодные брызги разбивающихся волн заливают корабль целиком – вместе с мачтами! Короче, как не утеплялся зам, сколько тёплых вещей на себя ни напяливал, холод всё равно начал пронизывать его тело ещё задолго до того, как дали команду на начало стрельбы. Поэтому к моменту, когда началась артиллерийская канонада, он уже напоминал Герду – героиню сказки Ханса Хансовича Андерсена «Снежная королева», когда та в поисках брата Кая вошла в снежное царство королевы. Но артиллерийская канонада превзошла все ожидания замполита. Он никак не ожидал такой мощи отечественного оружия, и в иные моменты ему даже стало казаться, что вот наконец-то и наступил так называемый судный день[276]!

[276] Не от слова судно, а от слова суд – прим. автора

Судный день настал на судне –
не было нам дня паскудней!

Снимали зама с мачты всем экипажем. Он был ни жив, ни мёртв, и только обмёрзшие, посиневшие губы беззвучно повторяли едва различимую фразу:

– Во, блин, влип!

С тех пор замполит писал протоколы партсобраний исключительно собственноручно. Да, кстати, этим замполитом и был наш нынешний персонаж дядя Петя…

2. О том, что случилось с быком

В период активного разведения в частях подсобных хозяйств в некой бригаде ракетных кораблей командир бригады завёл ни много ни мало четыре коровы и быка! И это было правильно, ведь постановление партии и правительства о подсобном хозяйстве, невзирая на боевые и другого рода задачи, надо было выполнять.

Вот только кормить животных было нечем, и слонялись бедные жвачные парнокопытные целыми днями по территории части в поисках травки или какого другого случайного провианта: то их матросики остатками обеда покормят, то продавщица гарнизонного магазина тётя Валя испорченные продукты великодушно к определённому часу за магазин вывалит. Но тяжелее всего было быку по кличке Сеня, ведь он числился племенным, и хочешь не хочешь, а тяжкое мужское дело своё ему выполнять приходилось – noblesse oblige[277], так сказать.

[277] ***Положение обязывает – фр.***

Ходим-бродим некой тенью,
получив заданье в край:
обязало положенье –
хоть убейся, выполняй!

И вот через год этот бык стал чистым *доходягой* – тощим, слабым и каким-то нервным: то он за собаками погонится, то моряков неизвестно за что покусает. А пострадавшие матросики, не столько от обиды за нанесённые им укусы, сколько от возмущения беспечностью командования, доведшего Сеню плохой кормёжкой до такого жуткого состояния, задумали коварный план изощрённого мщения. И осуществили его!

Как-то в среду, не загруженную напряжённой боевой учёбой, они заманили быка какой-то снедью на техническую территорию части, располагавшуюся в километре от штаба части. А сразу за технической территорией находился высокий крутой обрыв. Вот на это обстоятельство как раз и рассчитывали безжалостные, подогреваемые жаждой мести матросы. Сначала не дав Сене обещанную снедь, а затем и раздразнив его красной тряпкой, заранее припасённой на этот случай, они сделали всё для того, чтобы обиженный бык, потеряв ориентацию, сорвался с откоса. В результате, пролетев в свободном полёте несколько метров, он разбился о землю насмерть. Ну, а дальше всё было делом техники.

Через некоторое время дежурный по бригаде получил доклад по связи с технической территории части о том, что бригадный бык… покончил жизнь самоубийством!

Осталось выбрать инструмент и способ:
нож, пуля, с крыши вниз или петля́.
В конце концов, я кто? Я только особь,
природой предназначенная для…

– Как это?! – переспросил дежурный.

– А вот приезжайте и узнаете! – услышал он в ответ раздражённый голос дежурного по техплощадке.

Дежурный по бригаде вбежал к комбригу с вытаращенными глазами в кабинет и честно доложил:

– Товарищ комбриг! Наш Сеня покончил жизнь самоубийством!

– Какой Сеня? – не понял комбриг.

– Бык! – уточнил дежурный

Комбриг, даже не спросив о том, как это могло произойти, сел в *уазик* и помчался на техтерриторию. И, кстати, по ходу своего движения, успел снять с дежурства всю дежурную службу части – допустившую, неуследившую, непредусмотревшую!

Приехав к непосредственному месту происшествия, комбриг увидел следующую картину: внизу обрыва лежал бездыханный бедняга, а на груди его находилась табличка, на которой большими красными буквами было написано:

Жрать в бригаде нечего.
Покончил жизнь самоубийством.
А коров пусть дерёт комбриг!
Сеня

Глава 191. ФЛОТСКИЕ ИСТОРИИ ДЯДИ ПЕТИ (продолжение)

Просмеялся, мой читатель? Проикался? Дальше – будет лучше. Итак, вот новая порция историй от дяди Пети.

3. Поспешишь – людей насмешишь

Однажды наш торпедный катер уже целые сутки был в море, и проверяющему боевую подготовку на соединении катеров адмиралу это всё давно уже надоело. Он устал, ему хотелось обратно в Москву, поближе к дому. И тогда мечтающий о доме адмирал неосторожно дал команду «Поторопиться на базу»

А наш ретивый командир исполнил эту команду, как говорится, на все 100 процентов! Короче говоря, в родную бухту наш катер влетел на скорости 30 узлов[278], разрезая ахтерштевнем[279], как ножом сыр, спокойную водяную гладь залива.

И вот уже стал виден причал. Адмирал, взяв свой дипломат с важными документами, удовлетворённо вышел на бак[280]. За 1 кабельтов[281] до подхода к стенке причала командир скомандовал в ПЭЖ[282]:

– Стоп, машины! Самый полный назад!

А ему из машины несколько секунд спустя истошный вопль:

– Хода назад не будет – реверс[283] отказал!

[278] 55,6 километра в час – прим. мор. редактора
[279] От нидерл. achter – задний, steven – стояк) – задняя оконечность корабля в виде жёсткой балки или рамы сложной формы, на которой замыкаются вертикально киль, борт, обшивка и набор – прим. мор. редактора
[280] От нидерл. bak – передняя часть палубы (от носа до фок-мачты) или палубы носовой надстройки – прим. мор. редактора
[281] От нидерл. kabeltouw – буксирный канат. $^{1}/_{10}$ морской мили, равная 185,2 метра – прим. мор. редактора
[282] Пост энергетики и живучести на корабле – помещение, из которого осуществляется распределение всех видов энергии на корабле и управление при борьбе за живучесть его боевых и технических средств – прим. мор. редактора
[283] Процесс остановки судна и последующего развития определённой скорости в направлении, обратном первоначальному движению под действием отрицательного упора гребных винтов – прим. мор. редактора

Если реверс не сработал –
значит, быть большой беде:
хоть и сбавил обороты,
оказался всё ж в воде!

И тогда катер на бешеной скорости врезается в причальную стенку! Трещат деревянные сооружения причала, мнётся десятимиллиметровое железо ко́рпуса катера, а адмирал взлетает вверх и вперёд – вместе с дипломатом – навстречу свите, встречающей его на берегу! И тогда наш командир не находит ничего лучшего, как – при пересечении пятками адмирала линии форштевня – скомандовать по громкоговорящей связи:

– Смир-р-р-но!

Да, всё-таки недаром говорят: «Поспешишь – людей насмешишь!»

Бьют навстречу знаний струи:
не смеши людей ты всуе!

4. Неуязвимый портрет вождя

Однажды слишком любознательный командир ракетно-артиллерийской боевой части малого противолодочного корабля решил… разобрать гранату. Представляете, какие желания возникают у человека под влиянием алкоголя!

Но при вставлении запала чека́ неожиданно выпала из рук нерасторопного экспериментатора, и офицер не нашёл ничего лучшего, как бросить гранату… под кровать, а сам бросился в другую сторону. Через секунду раздался взрыв!

И всё же этот трусливый манёвр *рогатого*[284] не спас его от многочисленных осколочных ранений. Вся его задница, спина, а так же двери, стулья, шкафчики и, разумеется, кровать каюты были буквально иссечены мелкими осколками разорвавшейся гранаты.

[284] Так в простонародье на флоте называют командиров ракетно-артиллерийских боевых частей – прим. мор. редактора

И только портрет Ленина оказался целым и невредимым. Ильич прямо с него мило, но как бы с ехидцей улыбался, картаво вопрошая:

– Ну что, ду’гачок, изучил? Учиться, учиться и ещё ‘газ учиться!

И хоть в мозгах хмельная слизь,
но ты без дурости и лени
учись, учись, учись, учись,
как завещал великий Ленин!

5. Магический круг глупости

Однажды в судоремонтном заводе возле причала стоял корабль. А на причале стояла корабельная бочка с белой краской. И вот, уходя с завода, боцман, так как краски там оставалось совсем немного, решил забрать бочку с остатком домой. Что и сделал, но на асфальте от обода бочки остался белый круг...

А когда через три года корабль снова, практически случайно, подошёл к этому же причалу, боцман после швартовки, проходя по причалу, наткнулся на группу военнослужащих и увидел следующую сценку: стоит старший лейтенант и учит двух матросов тому, как аккуратно нужно подрисовывать ровные очертания – того круга, который оставил на причале боцман!

Тут боцман на всякий случай поинтересовался у старлея:

– А зачем нужен этот круг?

– А хрен его знает! – честно ответил младший командир. – Мы его уже три года подрисовываем…

Кругла всё-таки человеческая глупость. Пóмните, наверное, ведь недаром говорят: «Ну, ты круглый идиот!»

Жизнь мою перевернула
вот такая из метóд:
идиот тогда лишь круглый,
если полный идиот!

6. Прицельный выстрел

Жизнь свою некто Мазилов прожил как-то непродуктивно. Служба его в качестве командира ракетно-артиллерийской боевой части противолодочного корабля была подобна холостому выстрелу, да и то произведённому, как говорят, в белый свет как в копеечку, в то время как командиры других боевых частей хоть что-то выдавали на-горá.

И только Пётр Мазилов был абсолютно бесплоден: обеспечить корабль ни контактом, ни связью, а также ходом он не мог – потому что это не входило в круг его прямых обязанностей. А то, что входило, он мог бы сделать, но не хотел!

И только однажды удачная стрельба у Мазилова всё-таки удалась – один-единственный прицельный выстрел. Как-то раз в ресторане – на торжестве, посвящённом очередной годовщине корабля, Пётр, открывая бутылку с шампанским, выстрелил пробкой в потолок. А она рикошетом точно угодила в бокал жены командира!

Командир в это время как раз собирался произнести тост. И вот, проследив несколько раз взглядом траекторию полёта пробки и ещё раз убедившись в снайперской прицельности огня своего артиллериста, командир, подняв бокал с шампанским, торжественно произнёс:

– Молодец, Мазилов! Наконец-то ты попал. Выпьем за тебя!

Догадался, читатель, кто был этот самый Пётр?

Оцени судьбы ухмылки
и скажи *та-та-та мать!* –
можно пробкой от бутылки
жизнь навечно поломать!

Глава 192. ФЛОТСКИЕ ИСТОРИИ ДЯДИ ПЕТИ (ещё одно продолжение)

А вот ещё две истории, которые Альбионыч лично услышал от дяди Пети, а теперь передаёт их по наследству тебе, мой любопытный читатель.

7. Вопиющая безысходность

Надо сказать, что лейтенанту Мазилову с распределением при выпуске из училища откровенно повезло: основная масса его сокурсников отправилась служить на флот, а его, счастливчика, направили адъютантом к некоему адмиралу – в Ленинградскую военно-морскую базу. Короче, не служба, а рай!

Но, как известно, слишком хорошо тоже нехорошо. А дело было в том, что среди подношений адмиралу иногда сыпались подарки и ему самомý – в основном в стеклянной таре. Служебные вечеринки, частные вечеринки, всевозможные увеселительные мероприятия – в общем, пошло-поехало! И вот через полгода Мазилов взмолился:

– Товарищ адмирал, отпустите меня на флот, иначе сопьюсь!

Говорил жене по дружбе,
затянув тугой ремень:
«Лучше я пойду на службу,
чем спиваться каждый день!»

И хотя адмирал страшно обиделся, но противиться служебному желанию спивающегося лейтенанта не стал, а отпустил его... с направлением на должность младшего военпреда Кишинёвского военного завода, выпускавшего какие-то изделия для военно-морского флота страны.

Но вот что оказалось самым страшным: при выходе с названного завода, чуть ли не в метре друг от друга стояли настойчивые торговцы, продававшие хорошее молдавское виноградное вино буквально за гроши, причём, первую кружку предлагали бесплатно! И, как правило, где-то на десятой (!) бесплатной кружке наш лейтенант и вырубался. И так каждый день!

И тогда решил он любым способом, чтобы окончательно не спиться, перевестись теперь уже на Северный флот – подальше от южных соблазнов. И вот приезжает наш лейтенант Мазилов в город Североморск. А в районе морвокзала в те времена стояло несколько палаток, в которых продавали продукты питания и, разумеется, спиртное.

Подходит он к одной палатке, чтобы съесть хотя бы па́ру пирожков после дальней дороги, и видит следующую картину: две *пожилые* женщины в чёрных фуфайках заказывают в соседней палатке по 200-граммовому стакану *неразведённого* спирта и по одному пирожку с капустой, и здесь же, у него на глазах, этот спирт выпивают не закусывая (!), а пирожки складывают в холщовую хозяйственную сумку – видимо, для внуков.

В организм без перегрузки
попадает наш бюджет:
пьём мы честно без закуски –
на закуску денег нет!

И тут лейтенант понял, что окончательно влип, что его забавы с сухим молдавским вином – это невинные детские шалости. И тогда ощущение крайней безысходности овладело всем его мятущимся существом. И взял он да и заказал себе 200 граммов водки, а потом залпом выпил её и заплакал…

Глава 193. ФЛОТСКИЕ ИСТОРИИ ДЯДИ ПЕТИ (окончание)

Немало вот таких трагикомических историй услышал писатель от пенсионера дяди Пети, но не в силах привести их здесь все, иначе надо будет бросить писать «Русскую кочергу», а вот этого сделать никак нельзя – читатель наверняка будет против! Поэтому напоследок – ещё три короткие истории.

8. По личному вопросу

Пришёл как-то раз утром на флагманский корабль командир соединения. И встречает его на трапе старший помощник.

– Старпом, – говорит командир, – а почему это командир вахтенного поста у вас стои́т с нарушением формы одежды?

– А он подменяет на время завтрака вахтенного первой смены, товарищ комдив, – не растерявшись, рапортует старпом.

– Понятно. А почему *приборку* на верхней палубе делают за весь экипаж три молодых матроса?

– Так, наверное, остальные ушли за приборочным инвентарём, – вновь оправдывается старпом.

– Понятно. А почему у вас матросы бродят без дела по кораблю? – быстро продвигаясь в сторону своего жилблока, продолжает воспитывать подчинённого командир.

– Разберёмся, – отвечает тот. – Это, наверное, сменившаяся вахта.

Но вот наконец-то и дверь каюты комдива.

«Фу, слава *дедушке*!», думает про себя старпом.

И тут комдив открывает дверь, а у комингса[285] его каюты валяется безжизненное тело вусмерть пьяного начальника химической службы корабля.

[285] Окаймление отверстия в палубе судна, например, грузового или сходного люка – прим. мор. редактора

– А это ещё что такое? – вопрошает комдив и, наконец, взрываясь, кричит:

– Только не говорите, старпом, что этот капитан-лейтенант пришёл ко мне по личному вопросу!

Я к знакомому маркизу
тёмным временем ночным
поспешил поставить визу,
но напился вместе с ним!

9. Цена опрометчивости

Однажды один дежурный по кораблю, некий лейтенант Капустин, едва не опоздав в назначенное расписанием время дать команду на спуск флага, влетел в рубку дежурного и, включив по ошибке не ту *фишку* корабельной трансляции, то есть «Каюта СПК[286]» вместо «Верхняя палуба», скомандовал, таким образом, в каюту старпома:

– Встать к борту!

[286] Старший помощник капитана – прим. мор. редактора

Через некоторое время опешивший старпом ответил ему по связи:

– Стою у переборки. Что дальше?

– Флаг и гюйс[287] спустить! – автоматически произнёс лейтенант, совершая тем самым ещё одну роковую ошибку.

[287] Носовой флаг корабля, который обозначает его государственную принадлежность – прим. мор. редактора

И тут старпом, выдержав паузу, зычно скомандовал:

– Лейтенант, дежурство сдать! Повязку тоже! Месяц – без берега!

А анекдот о том, как лейтенант старпома к переборке ставил, ещё неделю не сходил с уст местных остряков. Ну, а потом жизнь взяла своё: появились новые опусы, новые «решительные лейтенанты», и про этого лейтенанта забыли. Но осталась и долго ещё будет жить на страницах нашего замечательного романа эта достоверная история…

Ох, и тяжело служить –
службу я не праздную:
«Флаг поднять!» и «Флаг спустить!» –
то команды разные!

10. О произвольной форме

Какие только справки не рождаются в корабельных канцеляриях простого делопроизводства! Кроме номерных, ужасно строгих по форме и содержанию, есть ещё так называемые *произвольной формы*. И вот в этой са́мой произвольной форме такое можно нарисовать, что и в страшном сне не приснится, но ведь заверят же! Лишь иногда старпом, не глядя на справку, спросит:

– Это у тебя не для получения денег?

– Нет-нет! – замашешь руками ты.

– А, ну тогда ладно, – пламенно дыхнув на печать устойчивым вчерашним перегаром, скажет старпом.

А потом шмякнет изо всех сил корабельной высохшей печатью по твоей справке, оставив на ней едва различимый оттиск. Но именно так и рождаются эти странные бумаги – типа той, которую дяде Пете однажды показал один его знакомый кок. И вот что в ней было написано:

Справка для кота

Имя кота: Маркиз
Фамилия: Чепушидзе
Цель выдачи: для проезда на железнодорожном транспорте
Куда направляется: в г. Севастополь
Цель поездки: *для размножения*

Куда там булгаковскому коту Бегемоту! Это вам не примуса́ починять…

Ласты прихватив и плавки,
сам собою страшно горд,
получил котяра справку –
и поехал на курорт!

Глава 194. РАССКАЗ О ПРАВОВОЙ ГРАМОТНОСТИ

Ну вот, теперь у тебя, мой читатель, тоже есть представление об этом обломке, а, вернее, обмылке эпохи.

Дядя Петя ещё немного потоптался возле игроков и им сочувствующим, пока не понял, что здесь в это время дня не наливают, и отправился в ППП Калимы, то есть Приёмный Пункт Порожней Посуды, правда, взяв с Володи обязательство снабдить его умными книжками – ближе к вечеру. Этому стремлению наш писатель искренне порадовался, так как и сам любил тихими летними вечерами предаться чтению пяти-шести книжек одномоментно. Он посмотрел вслед шатающейся походке старого пропитона и, как всегда, отразил своё впечатление от увиденного поэтически:

У дяди Пети
во лбу ни пяди.
Бывают, дети,
такие дяди…

«А ведь сдать бутылку в наше время – это не только труд, но даже в чём-то подвиг», подумал Кулемзин. «Как так?», воскликнет удивлённый читатель. «А вот так», объяснит

ему Альбионыч, а автор, чтобы народ до конца поверил своему герою, решил рассказать некую историю на эту волнующую тему. Итак (см. название главы)…

♠♠♠

Встретились как-то два соседа-интеллигента и вступили вот в такой диалог.

– Я вчера бутылки сдавал.

– Ха-ха.

– Чего ха-ха? А вы что, тоже сдавали? А позвольте, поинтересоваться, в каком тысячелетии?

– Во втором, разумеется. По́мните: «Как молоды мы были…»?

– А я в третьем!

– А какая разница?

– Э-э-э, не скажите, я раньше тоже думал, что никакой, но оказалось – есть.

– И какая же, позвольте полюбопытствовать?

– Позволю. В новом веке вступили в юридическую силу некие новые кодексы, а к ним ещё и всякие закавыки.

– Ну, я про кодексы тоже краем уха чего-то слышал – по радио на днях один мужик складно говорил.

– А про закавыки мужик ничего не говорил? Или, может, вы про них в газете читали?

– В газете? Вы читаете газеты?! Да вы – богатый человек!

– Нет, я сейчас всё больше читаю этикетки на бутылках. И слушаю радиоточку.

– Ну-ну. И о чём там шла речь?

– О том, что все сегодня должны платить налоги, что для контроля за качеством все товары должны иметь гигиенический сертификат, что рыночные отношения должны строго контролироваться государством, что с целью привлечения инвестиций создаются свободные зоны.

«Да он ещё не весь ум пропил. И память…», подумал сосед.

Не настанет день мой судный –
водку пью, гоняю грусть:
пробуха́ть мне память трудно –
в магазине же тружусь!

– Значит, вы ещё не в курсе, – продолжил не пропивший и памятливый. – Ну, тогда слушайте. Значит, на днях, как и положено, собрал я, что напили с роднёй за праздники, потом во дворе ещё немного дособирал, и к открытию нашего магазинчика, значит, – к ППП. Подхожу, а там уже́ мужики стоят – как почётный караул. И тут я заметил, что что-то в нашем приёмном пункте с прошлого века изменилось.

– Наверное, дверь раздолбанную на новую заменили?

– Если бы! Ровно в 8 часов дверь тихо щёлкнула и сама в стороны разъехалась. Меня это сразу как-то насторожило. А как мы внутрь вошли, так рты и пораскрывали: в нашем занюханом *саркофаге* – и такой евроремонт! И вдруг с зеркального потолка раздаётся ласковый такой голос:

– Поздравляю, вам сильно повезло: для привлечения инвестиций в вашем дворе создана свободная экономическая зона, и под эту марку установлено новейшее импортное оборудование. Поэтому на сегодняшний момент процесс приёма пустой тары приведён в соответствие с новыми кодексами. Так что смелее вперёд – к окошку № 1. Первого клиента, сдавшего тару, ожидает приз – серебряный штопор с инкрустацией!

Жизнь люблю я поострее,
весь направлен на прорыв:
и рискнул я в лотерею,
призом штопор получив!

– Мужики как-то оробели с непривычки, в уголке жмутся. Ну, раз такое дело, подумал я, штопор – вещь в хозяйстве не последняя, была не была – пойду первым. Подхожу к окошку № 1, а там симпатичная такая девушка спрашивает меня:

– Ваш ИНН[288]?

[288] *Индивидуальный номер налогоплательщика – прим. фин. редактора*

– Да нету у меня, – говорю.

– Тогда для регистрации пройдите к окошку № 2.

Во втором окошке приятная дама говорит:

– Ваш паспорт.

А у меня случайно он в кармане был. И вот подаю его дамочке, а она мне взамен документа – узенькую бумажку сантиметров десять. А на ней цифры – много!

– Выучите, – говорит, – наизусть. Теперь это ваш *неизменяемый* номер на всю оставшуюся жизнь.

Обрадовался я, иду дальше. В окошке № 3 мне говорят:

– Предъявите гигиенический сертификат на сдаваемую продукцию.

– Нету, – объясняю, – не успел получить.

– Тогда идите в окошко № 4.

В четвёртом – вот это сервис! – обследуют бутылки на всякую заразу в присутствии клиента. И говорят:

– Мы проверяем выборочно не менее пяти бутылок из любой партии. Так что выбирайте сами почище, чтобы мне не пачкаться. Грязные автомат забракует. Кстати, проверка стоит один МРП[289]. Сумму вычтут из вашей выручки.

[289] *Минимальный размер заработной платы – прим. фин. редактора*

Тут я и обмяк.

– Милая, – говорю, – у меня всего девятнадцать бутылок. Их всех на одну проверку не хватит. Извините, больше не напили.

Нам процесс питья полезен
для закисших для мозгов:
пьём обычно, сколько влезет,
а влезает – будь здоров!

Ну, тут мужики пошептались и говорят:

– Делегируем, мол, тебе свои полномочия, как имеющему при себе паспорт. Интересно же посмотреть, чем дело кончится. И во рту пересохло. Так что сдавай наши бутылки как свои, а потом выручку вместе пропьём.

Посмотрел я – всего с полтыщи бутылок наберётся, приободрился, выбрал пять бутылок, что тёща «Досей» мыла, и отдал на анализ. Видно, бактерий на них не обнаружили, потому что сертификат тут же выдали. «Молодец тёща», думаю. «Надо будет ей стопарик налить». Потом подхожу к приёмному окну.

– Опускайте, – говорят, – бутылки в приёмный лоток.

– Подождите, – говорю, – я ж их не посчитал.

– Автомат посчитает…

Пытаюсь всунуть первую бутылку, а она не лезет.

– Чего-то не лезет, – говорю.

– Так вы не ту бутылку суёте: у нас лицензия только на приём коньячной бутылки с винтовой закруткой, а другие бутылки в это окно не полезут. Так что не пихайте, а то поломаете автомат – будете ещё платить за ремонт.

– А другую тару куда же? – спрашиваю.

– 0,7 принимают в Каскелене, 0,33 – в Караганде, а пивные – в Семипалатинске!

При любой плохой погоде
враз сработает инстинкт:
сдать бутылку – мы найдём где,
выпить, главное, найти!

Делать нечего, отобрали мы с мужиками нужные бутылки, запустили в автомат, смотрим, что дальше будет. Автомат их в одну шеренгу выстроил и по конвейеру двигает, а там лазером их просвечивает, и, которые с этикетками или плохо помытые, отбраковывает. А остальные – считает.

И вот на выходе главный менеджер на компьютере всё посчитал и мне говорит:

– Принято 56 бутылок на сумму 168 назарбаксов, минус 68 за анализ. Остаётся 100. Минус налоги… Итак, к выдаче 88 назарбаксов. Получите выписку для налоговой инспекции.

У приятелей моих так челюсти и отпали. И вот, не успел я свою челюсть на место поставить, как из-под прилавка выскакивают два мужика, тычут мне в нос красные книжечки, крутят руки и орут:

– Только что в присутствии свидетелей вы нарушили Закон о предпринимательстве Республики Саксаулия. Сдача более чем 20 бутылок по новой инструкции считается оптовой торговлей. У вас есть лицензия на оптовую торговлю?

– Нет, – говорю.

– Тогда мы, работники отдела борьбы с экономическими преступлениями, задерживаем вас до выяснения. Только знайте, что самое меньшее, что вам за это будет – конфискация всех бутылок и штраф в десятикратном размере. А будешь возникать – сядешь за оказание сопротивления!

Покупай скорее слайсы,
и перечить нам не сметь:
так что не сопротивляйся,
если хочешь *не сидеть*!

Мужики, как услыхали про *сядешь*, на улицу пулей повыскакивали и бутылки свои побросали. Ну, раз такое дело – бутылки тут, а народу нет, я с обэповцами полюбовно договорился: они не видели меня, а я не видел этих бутылок.

– Да вы ещё легко отделались, – обрадовался собеседник.

– Конечно, – согласился сосед-интеллигент. – Видно, в новом тысячелетии надо повышать эту… как её… правовую безграмотность. Пойду-ка, газетку куплю!

♠ ♠ ♠

А была ли эта история на са́мом деле или только что придумалась неуёмным автором, – разве это важно? Ведь могла бы быть, верно?

Глава 195. ТРИУМФ САЛИХДЗЯНЫЧА

«Мои дорогие», простонал сейчас автор романа, «да когда вы уже угомонитесь, когда вы уже наговоритесь, когда вы уже начнёте то, ради чего я задумал посадить вас всех вместе на скамеечку, недаром названную покерной?». И пристыженные герои, как это ни странно, тут же бросили все свои глупости и уселись поплотнее, но вовсе не для того, чтобы почувствовать мифическое советское (б) плечо друг друга, а только потому, что вместе с Муравлёвым и Митрохиным их было не четверо, как раньше, а в полтора раза больше.

День уже катился к закату, хотя до него ещё было не меньше трёх часов, а неугомонное светило по имени Солнце по-прежнему лупило по игрокам и болельщикам прямой наводкой, и в воздухе по-прежнему прямо-таки висело 40° по иностранному товарищу Цельсию – Андерсу Нильсовичу. От покерного столика до основания треугольника, которым являлся Бермудский Учпучмак, было всего несколько метров, и наши герои хорошо видели, как по заметно расплавившемуся асфальту очень быстро старались пройти те, кому это действительно было необходимо в данный момент. Остальные – дворовые дети, старушки-соседки, а также алкоголики Глав-Бух и Галлюцинация находились на уже́ начинавшей желтеть травке, которая своим неестественным для учебника ботаники цветом как бы напоминала, что календарная осень совсем рядом – через каких-то три дня.

Август липнет к обрывкам газет –
что жужжанием гнуса, увитым
не одним, так другим алфавитом.
Опостылел асфальту офсет,
и от кризиса плавится битум…

Такой же растаявший асфальт был проложен и между вершиной описанного ранее треугольника и магазинчиком Калимы, которая уже минут 20 сидела в своём адовом помещении и удивлялась, как это игроки обходятся без холодного пивка. На этот раз, причём, без всякой жеребьёвки, ходоком был выбран Валера. И не было в этом никакой дискриминации, а был только трезвый расчёт, так как живописец, которому до́ма доставалось только одна треть съеденных семьёй продуктов, был по весу легче всех остальных, а, значит, меньше всех рисковал увязнуть на плавкой раскалённой дорожке. Он взял предложенную Альбионычем крупную купюру в 1000 назарбаксов и, перемахнув через металлическое учпучмакское ограждение, через минуту уже топтался перед прилавком. А остальные, помня, что Николаич никаким игроком не является, тем временем раскинули по одной карте, чтобы восстановить очерёдность ходов, и начали игру.

Полтавцев, оперируя корявыми пальцами, кое-как сдал по начальному робберу в одну карту, а писатель, на несколько мгновений ставший философом, думал в это время вот о чём. Он хорошо знал одно из главных правил психиатрии: разговаривать с человеком на его языке. Первый слой этого правила означал переход на (прости, русский язык!) метафорический уровень собеседника и понятную для него лексику. Второй (и главный) – разговаривать о нём само́м. В принципе, главная цель всякой беседы была простой – поговорить о собственных проблемах.

Прислушиваясь к разговорам на улицах или в магазине, марсианин постоянно поражался человеческой способности вести длинные разговоры как бы с *воображаемым* слушателем. Вот, скажем, уселись двое поговорить, и первый хочет сообщить второму нечто важное о себе, естественно, рассчитывая на поддержку и сочувствие. Но сто́ит ему только умолкнуть, как вместо понимания собеседник тут же вываливает на него свои проб-

лемы! И разговора, по существу, уже нет, ведь каждый обращается к воображаемому слушателю, а в результате высокие договаривающиеся стороны расходятся – в лучшем случае, ни с чем, а в худшем – с ощущением напрасно потраченного времени.

По одной известной схеме,
мозг на части раздробя,
я стараюсь тратить время –
на других? Нет, на себя!

Откуда же у нашего героя появлялись такие, казалось бы, странные мысли? Между тем, ничего странного в них не было, так как игра, которой он занимался со своими сопокерниками, была точным слепком, точным отражением той жизни, в которой ему и приходилось вариться. Точно, как в жизни, игроки, получившие карты на руки, тотчас забывали о той коллегиальности, которой их учил покерный гуру, и начинали наслаждаться собственным эгоизмом, оправдывая себя тем, что именно им надо сейчас выиграть, а не кому-то другому, потому что надо же чем-то компенсировать и трудные советские (б) детство и юность, и скучную сегодняшнюю работу, и неудавшуюся личную жизнь!

Но – прочь лирику! Тем более, что в это время из лавки уже вернулся саксаульский тициан и, как боевые патроны перед решающим сражением, раздал всем присутствующим по одной бутылочке любимого напитка, не забыв и про себя, а котомку с ещё одной порцией задвинул глубоко под покерный столик – дабы она вместе со всем содержимым не нагревалась раньше времени.

И вот наконец игра началась. И как-то так получилось, что буквально с первых роббеpов к бравому оловянному прапорщику явились сразу три родных сестры – Пёрка, Пруха и Фортуна. Салихдзяныч лихорадочно хватал взятку за взяткой, и только потому не поднимался в счёте *значительно*, что постоянно перебирал, зато в результате этих незапланированных демаршей кто-то обязательно недобирал. В этой лихорадке незаметно проме-лькнули пер-вые девять робберов – как раз ровно треть партии, которую и предстояло сыграть нашим героям.

Нет задач неразрешимых
в колдовстве и волшебстве:
треть пути уже прошли мы,
до конца – ещё их две!

Больше всего, как это бывало часто, не везло Полтавцеву. Он уже перепробовал буквально все способы привлечения везухи, но ни один из них не срабатывал: ни монетка в 5 назарбаксов, положенная в разбитый кроссовок, ни заговор на пуговицу рубашки, державшуюся на честном слове, ни невнятная молитва *дедушке*, проговорённая про себя, чтобы не расстраивать сразу двух атеистов – Кулемзина и Курманбаева, одного сочувствующего – Муравлёва и одного непроясненного – Митрохина. Почему в этом списке вовсе не оказалось Батыршина, было понятно и так: религией военного трубача была сама армейская служба, а библией, кораном и торой служило полное собрание сочинений различных уставов вооружённых сил Республики Саксаулия.

– Вот *иблис*! – воскликнул Серёжа, в очередной раз пролетев на две взятки, после чего ещё глубже залетел в минус. – Хотел же, мать честнáя, рискнуть! И рискнул…

– Не огорчайся, старичок, – успокоил его Альбионыч. – Риск риску рознь. И вообще пóмни, что риск есть буквально во всём, и даже при торговле таким вполне невинным товаром, как презервативы. Продашь некачественный, а потом прибежит к тебе разгневанный мужик разбираться: почему его соседка-старушка с животом ходит?

Так откуда ж взялись детки?
Не держал никто свечу!
Навестил я раз соседку –
и вот, пла́ча, но плачу́!

Афанасьич страшно удивлялся, почему проверенные способы не срабатывают, а потом вспомнил ещё один как бы нематериальный амулет на удачу, и понял, что вот он поможет уж точно. А был этот амулет, который действительно нельзя было подержать в руках, следующими действиями, а, вернее, противодействиями: чтобы повезло, например, в любви или к деньгам, нужно было не меньше недели не мыть голову, а также не стричься и не бриться. Охранник для верности даже потёр шею, испачкав руку, а потом подёргал себя за волосы и провёл пальцем по трёхдневной щетине, издавая страшный скребущий звук, как если бы по стеклу вместо привычного пенопласта какой-то хулиган с высшим химическим образованием умудрился повозюкать изотактическим пенопропиленом в присутствии (прости, русский язык!) металлокомплексных катализаторов!

Затем у сторожа сбился ещё один вектор игры – он, забыв, что в данную минуту все его бе́ды являлись следствием везения Салихдзяныча, решил, что намеренно сажает его никто иной, как его сосед Мусаич, и даже принялся вполголоса давать инструкции писателю и музыканту:

– Вы за этого противного Нуртая не болейте, вы за меня болейте, ведь я в нашем маленьком *тандеме* всё-таки сила, определяющая совместную выдающуюся победу!

– Что?! – взревел педагог, у которого оказался неплохой слух. – Да я в таком случае, мать моя партия, вообще играть отказываюсь!

– А минус 100 очков в *раскладку*? – улыбнулся Володя. – А, яйчики-бабайчики, минус 4 балла в рейтинг?

– А, ну тогда ладно, – быстро согласился педагог, ещё раз подтвердив в коллективе своё высокое звание конформиста[290].

[290] О конформизме рассказано в главе 208 второго тома «Русской кочерги» – прим. гл. редактора

Выйду утром я из дому,
очень радостный собой:
приспособлюсь я к любому,
лишь бы денег дал любой!

Глава 196. ТРИУМФ САЛИХДЗЯНЫЧА (продолжение)

– Да ты, Талгат, сатрап! – не к месту воскликнул бывший текстильщик и, для верности, даже погрозил обидчику кулаком.

– Чего это вдруг? – сухо поинтересовался Батыршин.

– Полный сатрап, царица лесная! Сатрапище! – яростно повторил Серёжа.

Это слово, кстати, единственное, вынесенное им со школьных уроков истории, означало у сторожа самую высокую степень негодования. Он весьма смутно представлял его (сло́ва, а не негодования) смысл[291], но как ругательство оно звучало необыкновенно красиво. Татарин же после нанесённого оскорбления почувствовал себя неловко, словно тракторист в секс-шопе. Он упрямо вздёрнул подбородок, отчего сразу же стал похож на

[291] С перс. ساتراپ – сатрап, глава сатрапии, или правитель в Древней Персии. В русском языке это слово закрепилось как синоним деспота, тирана и самодура – прим. ист. редактора

хрестоматийного подпольщика, который не выдаст врагу на допросе военную тайну ни за какие коврижки.

А избиение младенцев в лице Володи, Нуртая и Серёжи продолжалось без перерыва.

– Йодистый мизéр! – в очередной раз озвучил новую *вводную* военный музыкант, а про себя подумал так: «Диспозиция выглядит вполне перспективной!». Противники его, словно это было сказано вслух, вздрогнули, как дети от ночного кошмара. Но пытаться обыграть еврейского зятя в этом случае было примерно тем же самым, как если бы стремиться залезть в пламедышающую пасть Змея Горыныча без огнетушителя.

А ведь я, ребята, даром
окажусь сегодня сыт:
Змей Горыныч пышет жаром –
мне для жарки колбасы!

После сыгранной трети партии, как ни странно, положение у всех игроков можно было назвать стабильным: военный музыкант наиграл за это время аж 306 очков, по 100-120 очков было у литератора и педагога, а вот в квадратике *раскладки* несчастного охранника, кому не помогли ни материальные, ни нематериальные амулеты, было и вовсе минус 94 очка. И вот сейчас карты к Серёже пришли вроде бы неплохие, и если бы не описанные ранее три сестры, неожиданно влюбившиеся в обер-корнета, то можно было заказать даже пять взяток, что при удачном исходе сулило аж 90 очков, то есть одним приёмом можно было бы списать практически весь свой минус, который уже начал проявлять тенденцию к затяжному родству.

У родимой маменьки
в високосный год
я родился маленьким –
задом наперёд!

Добавлял своих пакостей и Курманбаев, который решил, что если уж ему суждено быть плохим, как называют его эти люди, ни хрена не понимающие не то что в историческом материализме, но даже в материализме диалектическом, он таки будет плохим – но только для них, а для себя навсегда останется хорошим, – вроде бы раньше у всех четырёх сущностей, сидевших в Нуртае, то есть коммуниста, большевика, ленинца и партийца, кода-то было что-то хорошее. Приняв стратегически значимое решение, он тут же занялся привычными гадостями, и, к сожалению, жертвой его гнусностей вновь пал бедный Афанасьич, который к тому времени уже окончательно впал в ересь всемогущества со своим старшим джокером и четырьмя козырями – , причём, заметьте, на роббере из 10 карт.

Но тут автор заметил, что к его удивлению, роббер ещё даже не начался, потому что *записывающий* Кулемзин нервно покусывал авторучку – в ожидании заказов. Володя ещё пять минут назад обратил внимание на глубокую складку, что напряглась на скошенном лбу сторожа, но так и не разгладилась, которая, видимо, означала только одно: Афанасьич «глубоко» «задумался». Ещё немного поизучав суровую складку, марсианин наконец поинтересовался:

– Старичок, может, ты приземлишь свои «мысли», а то мне, яйчики-бабайчики, кажется, что они в полёте трудноуправляемы?

– Ага, – ответил сторож и наконец озвучил заказ:

– Пять!

, что, видимо, означало следующее предложение: «Не нужно, мать честна́я, бросать мне спасательный круг – как-нибудь сам выплыву!»

Был у меня на море друг –
большой блестящий круг,
но сильный ветер дунул вдруг –
и вырвал круг из рук.
Унёс он друга моего,
взамен сказав: «Прости,
но человека одного
должны мы с ним спасти!»

А Мусаич верно решил, что карты у Полтавцева неплохие, но он не знает, как ими распорядиться, и поэтому сразу же пошёл с покера, проговорив страшную для любого игрока фразу:

– По джокерам!

Кстати, при произнесении этого волшебного заклинания нужно было сбрасывать не только названные джокеры, но и старший джокер тоже, что охранник, едва сдерживая слёзы, и сделал. Сотворив очередную пакость, педагог счастливо засмеялся, точно нашкодивший мальчик, которому удалось избежать родительской порки, *подставив* младшего братишку. И, как видно, не зря: никаких пяти взяток экс-текстильщик не взял, да и четырёх тоже, а кое-как взял три, что дало ему ещё один незапланированный скачок в уже и без того глубокий минус – на 45 очков. Альбионыч, поглядев на нравственные страдания уроженца деревни Семижопино, решил немного поддержать товарища и, положив ему руку на плечо, сказал проникновенным голосом:

– Полагаю, что такой результат, конечно же, можно назвать позорным провалом, но я для своего друга предпочитаю термин *наработка опыта*.

– Правда? – высохли слёзы у сторожа. – Так, значит, царица лесная, не всё потеряно?

– Конечно, не всё, – успокоил своего друга писатель. – Тебе, Серёжа, в этой жизни ещё терять да терять!

Если спросят: что дороже –
любовь, родители, друзья,
ты просто молча двинь по роже –
такое спрашивать нельзя!

И всё же Полтавцеву стало так обидно, что ему немедленно захотелось на родину – в деревню Семижопино, к милым бабушке Федо́ре и дедушке Михею, которые, честно говоря, давно были покойными. Он представил, что в это время в деревне уже подоили корову Зорьку – единственную на весь колхоз, мужики затопили баньку, после чего, прячась от баб в парилке, сейчас пьют холодную самогонку, закусывая солёненькими хрустящими огурчиками – зелёненькими с пупырышками, пахнущими укропчиком и чесночком, и белым с розовыми прожилками сальцом. Он так воочию представил себе запотевший и грязный гранёный стакан, что с трудом вернулся назад, услышав возмущённый голос военного:

– Ну ты, Нуртай, и ёкарная пропадлюка! Да и ты, Серёжа, хорош – вместо того, чтобы думать об игре, сидишь и мечтаешь о йодистом самогоне!

«Ох, какой же я дурак!», самокритично подумал Афанасьич. «И чего меня в этот дурацкий город потянуло?». Здесь он вспомнил, как бабушка Федора, много лет назад, благословляя его на путешествие, говорила о том, что если он поедет в большой город, то –

с его-то умом – непременно станет *гастрономом*! «Они в трубу на небо смотрють», говорила она, «и всё про звёзды знають! А вернёшься, даст *дедушка*, построишь в нашей деревне абсенваторию – меня до старости досматривать будешь, а я тебе потом дом отпишу!». А дед Михей, слушая все эти женские глупости, только посмеивался, так как хорошо помнил, куда он спрятал заначку в 1959 году – под потолочную балку хлева!

Бабка деда обзывала
наглецом и подлецом,
а недавно обозвала
одноразовым шприцом!

И так что-то нахлынуло в душе́ от таких милых сердцу воспоминаний, что вскочил охранник с покерной скамеечки и стремглав кинулся к родному подъезду. А вот эта тенденция уже была крайне опасной для развития игры, так как развития не предполагала вовсе, а вот перерыв на неизвестно какое время как раз предполагала.

Кулемзин знал, что, по крайней мере, в ближайшие минут 20 Полтавцев не вернётся, а вернётся через минут 21, когда просто забудет об обиде. Но время терять не хотелось, поэтому литератор мудро рассудил, что надо сделать – по очереди – два дела: отправить кого-то за пивком, хотя в забытой страдальцем котомке ещё оставался стратегический запас под названием *по одной бутылочке*, и рассказать осиротевшим игрокам и их болельщикам какую-нибудь историю – для наполнения их голов ненужной чепухой.

Подложу сейчас свинью,
заручившись дружбою:
я вам в голову вобью
знания ненужные!

Глава 196. АРМЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ АЛЬБИОНЫЧА

– Рассказывай, святой Малевич, – еле отдышавшись после быстрого похода за пивком, скомандовал живописец.

– Да рассказать-то нетрудно, – озаботился Володя. – Вот только что вы хотите услышать? О теории решения изобретательских задач? А, может, вам рассказать о сравнительном анализе поэтических текстов Танской и Сунской эпох древнего Китая?

– А расскажи-ка нам лучше об объективных числовых измерениях вероятностей, – предложил тему полегче уже полностью отдышавшийся Муравлёв. – Талгат, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Васюхан, рот закрой.

– А, может, яйчики-бабайчики, лучше о проблеме уменьшения числа Кнудсена с одновременным утончением пограничного слоя в со́пле Лаваля? – предложил знайка.

– Нет, про соплю ничего не надо, – решительно отверг научный рассказ Николаич. – У нас пока своих соплей хватает!

Чтобы не было соплей,
надо в нос закапать клей!

– А про армию что-нибудь помнишь? – с надеждой вопросил Митрохин, который считал свои два года службы лучшим временем жизни, ведь он тогда а) был молод, б) был неженат и в) не надо было работать, чтобы купить хотя бы еду.

– Хорошо, – согласился марсианин, так как действительно знал множество таких историй. – Я вам расскажу историю про один армейский праздник, который знако́м каждому, кто когда-то отдавал долг родине, хотя ничего у неё и не занимал.

– Наверное, День штабного писаря? – наивно предположил никогда не служивший ленинец, но был окинут сразу несколькими волнами презрения, после чего замолчал, не дожидаясь ответа.

– Нет, Нуртай, – всё-таки ответил Альбионыч. – Моя история называется также, как этот святой для дембелей праздник, то есть

100 дней до приказа

– Был у нас в армии один солдат-срочник: ботан конченый, худой, длинный как оглобля, и форма на нём мешком висела, короче, весь какой-то нескладный и даже прыщавый. В общем, не солдат, а сплошное недоразумение. Но был у него один плюс – писáл грамотно, почти как я. И почерк у него каллиграфический, и писáл без ошибок, вот его при штабе писарем и устроили.

– Ну, я же говорил, мать моя партия, что про штабного писаря рассказ! – воскликнул педагог.

– Ты ври да не завирайся, – остановил его восторги антенщик. – Ты говорил про какой-то день писаря, а володин рассказ – про писаря вообще. Володя, продолжай.

Писатель, а в данное время чтец-декламатор благодарно кивнул головой и продолжил повествование:

– Так вот, во время службы, когда другие солдаты проводили учебные стрéльбы или чистили картошку на полковой кухне, он сидел в ленинской комнате и рисовал стенгазету «На боевом посту», да ещё фотографировал штабным фотоаппаратом офицеров на всех праздниках и годовщинах, отдавая им фотки бесплатно, а заодно и *стариков* – для дембельских альбомов, с которых брал по 10 копеек за снимок.

Не стесняясь аденомов,
знаю фишку я свою,
ведь снимаю всех знакомых
и за деньги раздаю!

– А что, старых военнослужащих тогда тоже призывали? – ужаснулся Мусаич. – Неужели к большой войне готовились – с вероятным противником?

Военный трубач с трудом подавил желание сбéгать в уже порядком заблёванные учпучмакские кусты, но объяснять что-либо этому шпаку[292] счёл ниже своего прапорщицкого достоинства.

[292] ***Штатский – армейский сленг***

– Но бóльшую часть времени, – продолжил рассказ марсианин, – он всё-таки бегал по разного рода офицерским поручениям. Даже сам командир части полковник Девелоперенко не гнушался его посылать в магазинчик за куревом или ещё за чем. В общем, неплохо солдатик устроился: вроде и не делает ни хрена, а всегда при деле, да и срок службы не идёт, а просто-таки летит!

И вот однажды в части случилась беда, которая планово приходила каждые полгода – дембеля́ решили отметить 100 дней до приказа, но водки для отмечания у них было совсем мало. И в город никак нельзя было вырваться, ведь командир тоже не дурак: он прекрасно понимал, что дембеля́ в этот день обязательно нажрутся, и поэтому все увольнительные отменил, а на КПП[293] поставил в наряд самого злого прапорщика – таджика Хур-

[293] ***Контрольно-пропускной пункт – прим. воен. редактора***

санди Дарахтиева, который никак не соответствовал ни своему радостному имени, ни фамилии[294]. У этого прапора нюх на алкоголь был как у собаки Баскервилей, к тому же он уже как полгода считался закодированным, и потому был особенно лютый, ибо, как говорится, ни себе, не людям!

[294] Хурсанди – радость, Дарахти – райское дерево – тадж.

Вот нагнали гады страх –
до сих пор мандраж в ногах!
Кодировка, твою мать, –
не могу стакан поднять!

Короче, собрались дембеля́ в каптёрке и совет держат, как бы пронести через КПП заветную жидкость. И выбор пал на этого штабного писаря – у него же свободный выход в город, так пусть и постарается на благо неизбежного де́мбеля! В общем, позвали они писаря, объяснили ситуацию и денег дали. Тот вроде бы сначала заартачился, но ему пообещали, во-первых, разбить очки, во-вторых, натянуть глаз на одно место, и, в-третьих, что после де́мбеля он всю оставшуюся жизнь будет работать на городскую аптеку.

Но была одна загвоздка – на КПП дежурил лютый прапор, а у него ничего святого уже полгода как не было, и он мог даже штабного писаря запросто обыскать, после чего конфисковать всё незаконное. Но мудрые дембеля́ эту головоломку оставили самому́ штабному: мол, выкручивайся, как знаешь, но чтобы к назначенному сроку принёс два пузыря, иначе (см. выше)…

И вот ближе к вечеру в расположении части раздался телефонный звонок, и взволнованный голос дневального сообщил, что через КПП только что прошёл писарь с двумя бутылками в руках, и что прапорщик Дарахтиев лично открыл перед ним дверь. Дембеля́, как бы это сказать помягче, одурели (хотя здесь явно просится другое, но похожее словцо)! Они сбежались к окну казармы и с замиранием сердец наблюдали, как по плацу, высоко задирая худые длинные ноги, гордо шагал улыбающийся писарь, а в руках… действительно нёс две бутылки.

Наконец штабной дошёл до казармы, где и был атакован вопросами взволнованных дембелей:

– Как же ты пронёс их, лишенец?! Что ты прапору сказал?! Как?!

Хоть в вагоне-ресторане,
куда люди ходят есть,
водку мы всегда достанем,
если в *тыкве* масло есть!

Оказалось, что писарь прикупил в ближайшем ларьке два пузыря водяры, как и было сказано в задании, и окольными путями вернулся до расположения части. Но, не доходя до КПП, он в первой попавшейся луже сначала отмыл и отодрал этикетки с бутылок, затем сковырнул пробки, после чего сунул в горлышки свои длинные и тощие указательные пальцы. А потом, сделав морду кирпичом, понёс драгоценный груз прямо через КПП, не скрывая и не тая́ свою ношу.

Естественно, на проходной его уже встречал лютый таджикский прапор, от волнения перешедший на родной язык:

– Чи дар дасти шумо, аскар аст[295]? – ласково поинтересовался он, внимательно разглядывая висевшие на пальцах писаря бутылки без опознавательных знаков.

[295] ***Что ты несёшь, солдат? – тадж.***

Писарь поочерёдно поднял руки и, махнув головой на одну, а затем на другую бутылки, к удивлению дневального, ответил, словно бы только что овладел иностранным для себя языком:

– Вот здесь проявитель, а вот здесь закрепитель. Фотографии иду печатать – по приказу командира части!

В темноте я пропадаю,
соблюдая паритет:
проявляю-закрепляю,
чтобы виден был портрет!

Надо сказать, что таджикский прапорщик жутко боялся всякого рода химии, так как считал её происками самогó *иблиса*, поэтому лично открыл перед писарем дверь и даже по-отечески поддержал его за локоток, сказав на прощание всё на том же тарабарском наречии:

– Лутфан ташаккур накунед ва салом гуед командири воҳиди[296]!

[296] ***Пожалуйста, не споткнись, и передай привет командиру части – тадж.***

Глава 197. ТРИУМФ САЛИХДЗЯНЫЧА (ещё одно продолжение)

И тут после окончания володиного рассказа и возвращения Николаича из магазинчика Калимы все увидели, что одного персонажа не хватает, и вспомнили, что незадолго до этого охранник исчез, как деньги доверчивых вкладчиков в *пирамиде*. Самомý же Серёже, который угрюмо слонялся по квартире, казалось, что покинутые им враги очень скоро начнут рыдать и умолять его вернуться, как Ивана Грозного из Александровской слободы. Он ждал звонка от Володи и не знал, что как раз в данную секунду Альбионыч, применив заковыристую марсианскую технологию *трръъщщщъъазз*, сканировал его головной «мозг».

«Так, пустота в голове… плохо понимает, о чём ему говорят… хочет сказать одно, а получается другое… Ага, так это же типичное проявление синдрома Кандинского-Клерамбо![297]», заключил опытный диагност, после чего позвонил на квартирный телефон страдальца – со своего мобильного. Остальные, затаив дыхание, стали ожидать результата переговоров.

[297] ***Так называемый синдром психического автоматизма. Назван по именам русского психиатра Виктора Хрисанфовича Кандинского и французского психиатра Гаэтана Анри Альфреда Эдуара Леона Мари Гасьяна де Клерамбо – прим. мед. редактора***

– Серёжа, – позвал он в трубку сторожа.

– А? – откликнулся тот. – Ты что-то хочешь мне сообщить?

– Ты удивительно догадлив, друг мой, – хочу. А хочу я тебе, старичок, сообщить, что потенциал у тебя большой, вот только какой-то недоразвитый.

– Правда? – просиял от счастья Афанасьич. – А ты это можешь повторить ещё раз, когда я приду?

– Конечно, – легко пообещал писатель, который знал, что любые услышанные слова́ живут в голове бывшего текстильщика не более 40 секунд.

Не доверяя магазинам,
чтоб мозг совсем не заржавел,
слова́ я смажу вазелином:
пусть не буровят в голове!

Ждать пришлось недолго – буквально через пару минут все заметили шатающуюся походку косолапого покериста.

– Здравствуй, родина, твой сын вернулся, – дождавшись, пока возвращалец не подойдёт ближе, иронично заметил Володя.

Серёжа обернулся, но никакого сына не заметил. «Вот что делает с хорошим человеком жара», решил он и, толкнув плечом педагога, решительно брякнулся на покерную скамеечку. Так в маленьком мирке Бермудского Учпучмака вновь продолжились сразу шесть событий: пруха Батыршина, пакости Курманбаева, тупость Полтавцева, тихие шизофренические диалоги старых друзей Муравлёва и Митрохина, философские раздумья Кулемзина и и́гры неугомонных дворовых детей. Особенно процессу игры́ мешал последний фактор, но к нему все уже как-то притерпелись, и старались не замечать, как дворовые дети то кричали, размахивая руками, точно индейцы племени *абенаки* во время сурового ритуала посвящения в мужчины, то шумели, как немецкая канонада в 41-м году под Москвой, а то и вовсе издавали вопли, в принципе не могущие быть звуками, издаваемыми разумными существами. Они были маленькие, словно микробы, но их было много, как зубьев у расчёски.

Отмечаем с грустью даты,
чад стараясь вразумить,
забывая, что когда-то
сами были мы детьми…

И всё же, несмотря на эти многочисленные отвлечения, великая игра продолжалась. Пруха Талгата, о которой было замечено несколькими строками выше, страшно раздражала остальных игроков, которые давно привыкли, что она приходила к сопокерникам как бы по очереди, но вот именно сейчас в этом простом постулате намечался явный сбой.

Разным было только одно – отношение к этой игровой коллизии: Нуртай злился, потому что искренне не понимал, почему ему в игре не помогает единственно верное марксистско-ленинское учение, Афанасьич не понимал, как это можно не бояться его, са́мого грозного соперника, а Альбионыч просто относился ко всему происходящему по-философски, то есть по-жизненному наплевательски. И и то время, когда педагог искренне (хотя и про себя) желал партнёрам по *русской кочерге* счастья в загробной жизни, а сторож, изучая пришедший роббер, мотал головой, рискуя взболтать в ней остатки содержимого, писатель анализировал ситуацию, и по пути к этому анализу искал трещины, в которые хороший аналитик может засадить свой виртуальный штык, дабы расширить их, углубить и постепенно превратить в глубокий ров между противниками.

И иногда ему это удавалось сделать, последствиями чего становились короткие, но досадные реплики проигравших очередной роббер типа «Не надо мне, царица лесная, портить моё плохое настроение!» или что-то уж вовсе глупое типа «История нас ещё рассудит, мать моя партия!»

Разве Вова виноват,
что немного бесноват?

Глядя на тщетные потуги Мусаича, Кулемзин придумал и тут же произнёс вслух новую для русского языка пословицу:

– Плохому танцору мешают хорошие!

, после чего слева от Нуртая, прямо на земле, внезапно возник некий фантом – призрачное разбитое корыто. Услышав кощунственные слова́ литератора, он побледнел так стремительно, что кровь мгновенно отлила от лица́, словно у него только что остановился пламенный коммунистический мотор. Недобитый большевик лихорадочно искал в своей вскипевшей голове достойный ответ, но был добит ещё одним высказыванием беспощадного покерного гуру:

– Член КПСС тебе, а не победа!

Впрочем, увидев, как бледность на лице партийца становится стабильно зелёной, Альбионыч решил на время прекратить обучение словами:

– Ладно, неси и дальше свой дешёвый пластмассовый крест…

Не лучше было и Серёже: от волнения, что может не закончить эту партию своей победой, он даже зачесался, как гамадрил от витамина А. У него (Серёжи, а не гамадрила или витамина) была своя причина для раздражения – ему стало казаться, что остальные персонажи романа «Русская кочерга» специально разговаривают в его присутствии, чтобы сбить с «мысли», к тому же заканчивалось пиво, а оно, по мнению знатного сторожа, было если не бензином, но уж точно авиационным керосином для стремительного полёта к победному финалу.

На родимые осины
брошу взгляд – хотя б на треть:
я заправлюсь керосином,
до Луны чтоб долететь!

– Раз…раз… – неожиданно заклинило у охранника, которому мешали чужие слова. Правда, судя по выражению лица, сказать он хотел что-то очень важное, вот только сложное слово никак не слетало с усталых уст.

– Разгерметизация, яйчики-бабайчики? – осторожно предложил Володя, но, увидев полный отчаяния серёжин взгляд, замолчал.

– Разнокалиберные спаренные ёкарные зенитные установки? – попытался помочь военный.

– Раздутые штаты? – о чём-то своём пробормотал Васюхан, неожиданно присоединившись к дискуссии, но Серёжа только отрицательно покачал головой, и Митрохин вновь склонился к уху живописца, видимо, делясь пережитым в жизни.

– «Разговор о кадетоедстве»[298], мать моя партия? – полный надежд, предположил ленинец, как бы воочию увидев свою домашнюю книжную полку, уставленную заветными бордовыми томиками.

[298] Статья В. И. Ленина, опубликованная в газете «Невская звезда», № 23, 26 августа 1912 года. Вошла в том 22 (стр. 65) Полного собрания сочинений Ленина – прим. полит. редактора

– Раз… раз… разглагольствования прекратите, мать честна́я, – наконец родил охранник. – Пиво же кончается!

В это же время Альбионыч не давал расслабиться и страшно везучему в этой партии старшему горнисту.

– Терцину тебе на канцону! – грязно выругался он, в очередной раз пролетев на одну взятку, но заметив, что татарский музыкант при этом взял свои три заказанные.

Талгат никогда ранее не слышал такого изощрённого мата, поэтому немедленно покраснел и уставился на писателя, словно суд святой инквизиции на Джордано Джованниевича Бруно. «Хорошо было классику говорить про *учитесь властвовать собой*», подумал он (Талгат, а не Бруно). «А где, интересно, учиться? В какой школе жизни преподают эту дисциплину?»

«Эх, ну почему же я забыл до́ма», в это же время сетовал марсианин, «столь необходимую сейчас упаковку таблеток шизофренол?!»

Будет замечательным финал –
всё чудесно сложится в финале:
главное, чтоб умный не мешал,
чтобы дураки не помогали!

Он, понял, что вот именно сейчас великий Случай не обманешь, и победа всё равно останется за бравым оловянным прапорщиком, который уже вовсю сходил с ума от радости, прихлёбывая пивко из всех бутылочек подряд. Тогда литератор не стал терять времени, а, играя, что называется, на автомате, начал незаметно для окружающих сканировать свой организм – на предмет сопротивления внутренних органов послеполуденной жаре. Впрочем, этого можно было и не делать, потому что железный покерный столик сейчас был горячим, точно внутренняя стенка производственной печки, изобретённой ещё в середине XIX века французом Пьером Эмильевичем Марте́ном. И всё же контроль физиологии неожиданно порадовал: под ложечкой знакомо ёкнуло, кровь привычно шарахнула в виски́, но вязнуть не пожелала, а лишь помчалась с локомотивной скоростью, как на старте спринтерского забега.

Глава 197. ТРИУМФ САЛИХДЗЯНЫЧА (почти окончание)

Но больше всех переживал, конечно, пламенный коммунист. В попытке дать происходящему хоть какое-то рациональное объяснение, он на всякий случай даже повертел головой, словно ожидая увидеть кого-то компетентного, кто мог бы сходу дать комментарий или как-то повлиять на процесс игры. От напряжения Нуртай вспотел, как на тренировке. «Может, плюнуть на всё?», материалистически подумал он. «А в новой партии наверстать упущенное, по пути сделав горькие, но правильные выводы из случившегося, найти новые решения возникших проблем, а потом с новыми силами начать окончательный разгром врага!». Здесь Мусаич вдруг вспомнил высказывание одного из основоположников мирового коммунистического движения товарища Мао Цзедуна: «Проникнуться решимостью, не бояться жертв, идти на преодоление любых трудностей для завоевания победы»[299], и понял, что эти слова́ для него сегодня станут пророческими.

[299] Из речи Мао Цзэдуна на Праздничной конференции в Яньани по случаю 60-летия Сталина 21 декабря 1939 года – прим. полит. редактора

В одной стране далёкой,
в провинции Шаньдунь,
родился мальчик Мао –
фамилия Цзедун.
Семья была большая,
а Мао был восьмой,

гордились все Цзедуны
большой своей семьёй.
А по соседству с Мао
жил-был крестьянин Бань,
он день и ночь работал,
трудился за юань!

Но время тянулось медленно и нудно, как фильмы Микеланджело Джероламовича Антониони, и солнце по-прежнему жарило, как на Учкуевском пляже в Севастополе.

– Нуртай, ты будешь ходить или нет? – пробудил его от сладких партийных грёз голос Володи. – Или так и будешь, яйчики-бабайчики, инсценировать раздумья?

– Что ты, Володя, ты неправильно меня понял, – быстро проговорил педагог. – Я просто сейчас думаю о том, как мы все вместе, дружной и славной семьёй покеристов будем в 2013 году отмечать твой славный юбилей – 60-летие со дня рождения!

Надо ли говорить моему многоопытному читателю, что буквально через мгновение старший прапорщик доблестной саксаульской армии высказал своё горячее отношение к словам ленинца близрастущим учпучмакским кустам!

После этого преподаватель еврейского колледжа пошёл с козырного туза и стал преданно глядеть на писателя, пытаясь угадать, правильно ли он поступил, – так смотрит на хозяина собака, стараясь угодить и получить взамен кусочек сахара. Но Альбионыч был суров и непреклонен: во-первых, он дождался, пока в коллектив не вернётся военный, а, во-вторых, тут же забрал курманбаевского *гранда* своим младшим джокером.

Сильная карта бьёт карту плохую,
но никого этот факт не волнует!

– Что это? – поражённо завопил партиец, сбросив ненужный при игре лоск.

– Жизнь иногда такое выкидывает, – просто объяснил марсианин. – Надо только остановиться и подобрать…

Но про себя подумал: «Как говорил один картавый политик, Кулемзин только тогда чего-нибудь сто́ит, если он умеет защищаться!»

– Я с тебя тащуся! – восторженно воскликнул охранник, который давно приглядывался к игре литератора, пытаясь научиться играть также – хотя бы процентов на семь. – Ну прям как хрен по бритве!

В это время счастливый обер-корнет, которому Пёрка – родная сестра великого Случая, дала в *раскладке* оторваться от коллектива ещё на 60 очков, или три взятки, сдал очередной роббер на девяти картах, так что мой читатель уже наверняка понял, что до конца всей партии осталось совсем немного – восемь робберов и окончательная *тёмная* на двенадцати. Кулемзин быстро просмотрел пришедшие карты, мгновенно проанализировал их и сделал осторожную заявку в две взятки. И пока остальные думали над тем же, он откинулся головой на росший рядом с покерным столиком карагач и погрузился в раздумья, да так глубоко, что не заметил, как остальные тоже разобрались в картах и теперь требовали от него роковы́х записей.

– О чём задумался, Володя? – спросил его Васюхан, который, как и его друг Валера, участия в игре не принимал, но хотел быть в курсе всех событий.

– Да вот сижу и думаю, – честно ответил марсианин, – что вот эта песенка бременских музыкантов:

Мы к вам приехали на час,
а ну, скорей любите нас!

– она точно о музыкантах?

Все ошеломлённо переглянулись, а Нуртай, видимо, от испуга за психическое здоровье покерного гуру, даже произнёс:

– Играем на мизе́рах!

, хотя двух *грандов*, чтобы сделать такое смелое предложение, у него не было, как не было даже одного.

Роббер, начавшийся с такой нелепицы, конечно же, не мог пройти спокойно. Афанасьич, которому сейчас пришли аж три джокера, понял, что без *курева* правильно сыграть не получится. Он быстро развязал знаменитую котомку и достал оттуда скомканную папиросу «Беломорканал», затем ещё раз покопался в хурджине и вынул на свет *дедушкин кресало*, которое, видимо, по случаю попало к нему из сказки Ханса Хансовича Андерсена «Огниво». Пощёлкав механизмом, он (Афанасьич, а не Андерсен) наконец развёл небольшой пожар в руке, и стал задумчиво затягиваться, не замечая, что при затяжке бумага не прогорала вместе с табаком, а желтела и сворачивалась витыми струпьями, как ногти у китайской красавицы. Володя, принюхавшись, поморщился, затем тривиально подумал о вреде этой нашей национальной привычки и вспомнил свой старый катрен на волнующую тему:

Покурив марихуану,
отдалась Мари Хуану.
Так что, девушки, не бред,
что куренье вам во вред!

После глубокой четвёртой затяжки сторож натужно закашлялся, но быстро справился с волнением, и его наконец осенило, после чего он выдохнул в атмосферу Бермудского Учпучмака вместе с дымом:

– Мизе́р, царица лесная!

– Как мизер? – завопил Мусаич. – Я же только что его заказал!

– А чем? – ласково поинтересовался Кулемзин и тут же списал в нуртаевской клеточке *раскладки* 50 штрафных очков. Мугалим[300] вытянул тощую шею в её сторону и с ужасом увидел, что у него всего 12 очков, правда, пока со знаком плюс.

[300] Учитель – сакс.

И здесь Серёжа ещё раз затянулся, посмотрел на карты и неожиданно выдохнул дым, а потом и вовсе закашлялся, при этом часть дыма попала ему в глаз. Охранник прикрыл его и своей гримасой стал похож на одноглазого пиратского капитана Билли Бонса[301] – после третьей кружки рома. Что же такое произошло, что заставило так странно повести́ себя сторожу? А вот что: только сейчас Полтавцев увидел, что поверх остатков колоды козырем лежит пиковый валет, а в его зажатом в потной ладони роббере все масти были исключительно красными! И тогда он понял, что это была ироничная, но уже ничего не значащая лёгкая ухмылка Суки-судьбы.

[301] Герой романа Роберта Томасовича Стивенсона «Остров сокровищ», первый помощник на корабле капитана пиратского корабля «Морж» Джона Флинта – прим. лит. редактора

В пылу тех огненных погонь
судьба над нами ржёт, как конь!

Сказать, что он расстроился, значило бы не сказать ничего. Охранник сидел такой подавленный, что его стало жалко даже подлецу педагогу.

– Жестокое время, яйчики-бабайчики, наступило на бескрайних просторах человечества, – пробормотал литератор. – Жестокое время жестоких людей…

– А в жизни, святой Малевич, вообще нет справедливости, – неожиданно поделился философизмом художник, у которого только что окончилась вторая, а, значит, последняя, и, кстати, уже тёплая бутылочка «Тянь-Шаня»

– Это точно, старик, – подтвердил Володя, тоже делая последний глотóк из своей тары. – Справедливость – он нам только снится, да и то только после хорошего пивка.

– Может, я схожу? – вызвался Митрохин.

– Подожди, старичок, – остановил его благой порыв писатель. – Дай мне, пожалуйста, закончить эту главу 197, а то порá кое-что вам поведать.

«Дала!», пронеслась счастливая мысль у Курманбаева. «Дала таки, мать моя партия, сегодняшняя жара по тыкве этому волюнтаристу!», но вслух этого он, конечно, не сказал. Но упомянутая в его мыслях жара тут же сыграла нелепую шутку и с ним, заставив на мгновение вскипеть мозги, после чего Нуртай произнёс слово *война*.

Глава 198. О СТРАННОЙ ВОЙНЕ (Хронотоп № 28)

– Война! – вскричал Курманбаев. – И победа, разумеется, будет за мной.

– Эх, Нуртай, начинать войну по таким пустякам – это просто моветон. Знал бы ты, по каким серьёзным поводам начинались кровопролитные сражения!

– А пр’имер можете пр’ивести, батенька? – заложив пальцы за лацкан несуществующего пиджака, по-ленински картаво поинтересовался коммунист.

– Конечно, – ответил Альбионыч. – Например, именно так началась одна из многочисленных войн в Италии – ещё в XIV веке.

Полтавцев тут же вытащил из котомки заветную книжечку «Для му.мы.» и навострил двуцветный карандаш.

– А война эта случилась в 1335 году между итальянскими городами-государствами Болонья и Модена. И повод к ней был не такой дурацкий, какой придумал для своей «войны» твой, Серёжа, сосед, ведь началась она с того, что один солдат-кавалерист сбежал из Болоньи в Модену, но при этом прихватил с собой весьма ценную вещь. Ни в жизнь не догадаетесь – чтó именно он упёр!

У нас, лишь объяви аврал,
всё вынесет народ,
и если скажет, что не брал,
то, значит, хрен вернёт!

– Наверное, полковую кассу, мать моя КПСС, – почему-то облизываясь, предположил Мусаич.

– А вот и нет! Какие ещё будут версии?

– Может, святой Казимир Северинович, какую-нибудь юную красотку – жену тамошнего мэра? – волнуясь, сказал Валера.

– Нет, старичок, мэров тогда вообще не было, ведь во главе этих странных городов-государств находились, как правило, какие-то епископы.

– Орденá и медали своего командира? – напрягшись, выдал свою версию музыкальный прапорщик.

– Смелое предположение! – оценил рассказчик. – Но и оно, как вы, наверное, догадались, тоже мимо кассы.

– А что же тогда? – нахмурился Митрохин. – Не ведро же какое-нибудь?

– Браво, гусар! – неожиданно обозвал антенщика Кулемзин. – Именно ведро! Да не простое, а старое дубовое – типа ушата. А применялись в те далёкие времена такие вёдра для того, чтобы поить грациозных итальянских лошадей кристально чистой водой из живописных местных родников.

– А-а-а, – догадался Афанасьич. – Так он же кавалерист был!

Остальные отгадчики завистливо покосились на охранника – до таких высот логики всем им было ох как далеко!

– Браво и тебе, старичок, – сдержанно похвалил Полтавцева писатель.

– А чего это он так? – неожиданно обиделся за болонские власти Муравлёв. – Куда этот боец бежал, там что, своих вёдер не было?

– Да кто ж теперь знает, зачем он это сделал? Кстати, а вы все разве никогда не совершали бессмысленных поступков с похмелья?

Я знаю пароль, я вижу ориентир,
я верю, что с похмелья спасает кефир!

– А-а-а, – ещё раз догадался экс-текстильщик. – Так он, выходит, с похмелья был?

– Да, – коротко ответил рассказчик, чтобы не углубляться в ненужные подробности. – Короче говоря, власти Болоньи страшно возмутились этой наглой выходкой и потребовали от соседей немедленно выдать им…

– …дезертира? – выкрикнул Талгат военное слово, чтобы хотя бы немного соответствовать своему высокому воинскому званию.

– Опять не угадал, – поморщился Кулемзин. – Нет, не самого́ дезертира, а именно то самое ведро! И дело здесь было вовсе не в какой-то (прости, русский язык!) экзистенциальной справедливости – просто ведро это было вещью казённой, стоя́щей на армейском балансе, так что списать его в XIV веке было целой проблемой.

– Да уж, – горько усмехнулся Салихдзяныч, вспомнив своего старого друга – старшину Кожамкулова. – Акты, протоколы, проверки, заключения – сплошная бюрократия с утилизацией этого казённого имущества.

«Как же этот симпатяшка знает жизнь!», с симпатией подумала карликовая русалка, коротающая свои дни на карагаче, который своей скудной кроной дарил некое подобие тени покерному столику на саксаульском солнцепёке.

Не узнали меня ещё люди…
Лишь с тобой хочу видеть огни,
и я верю: мой хвост всё же будет
превращён в две земные ноги!

– Так что там дальше с ведром, царица лесная? – окончательно бросив карты на покерный столик, поинтересовался владелец заветного блокнотика, в котором пока ещё не было сделано ни строчки – ввиду отсутствия резюме истории.

– А власти этой са́мой Модены неожиданно пошли на принцип.

– Упёрлись рогом? – радостно предположил Васюхан.

– Именно! Причём, по каким-то одним только им известным причинам наотрез отказались выдать эту кадушку на её малую родину!

– Я думаю, что у властей города была острая нехватка хозяйственной утвари, – с умным видом провещал Курманбаев, чем заслужил сразу пять презрительных взглядов.

– Честно говоря, я, когда об этом узнал впервые, так даже немного подзавис, – объяс-

нил Володя. – Сидел и думал: ну, вот на кой хрен оно им всем сдалось – это ведро!? Может, оно было изготовлено из чистого золота, но замаскировано под старый дуб? Или до самых краёв наполнено своровавными сокровищами? А может, на его донце была нарисована древняя карта с кладом крестоносцев? Но История, эта странная родственница великого Случая, об этом так и умолчала.

Мы сундук найти мечтали
или глиняный горшок,
а нашли лишь болт из стали,
червяка и корешок!

– А при чём здесь война? – подал голос Валера. – Не из-за ведра же они воевали?

– Именно! – ещё раз вскричал марсианин. – Между этими городами-государствами началась война, и продолжалась она (внимание!) 22 года! И эта *ведёрная война* сопровождалась значительными жертвами и разрушениями с обеих сторон. Кстати, за это время на ней погибло более тысячи человек. Вы только подумайте: два десятка лет соседи бились в кровь из-за старой кадушки! Вот это был повод так повод! И не такой хилый, какой придумал Нуртай.

Большевик стыдливо опустил голову и подумал, что где же сейчас в центре промышленно развитого Отцеябловска взять старое дубовое ведро, чтобы потом над поводом не смеялись вот эти все?

– А с ведром-то что? – волнуясь, спросил он.

– А с ведром всё в порядке. Кстати, оно до сих пор находится в городе Модене.

– Так, значит, болонцы проиграли? – горько вопросил военный трубач, который во время рассказа почему-то болел за обиженный город.

– Ещё как! Этот главный военный трофей достался моденцам. И, чтобы такая же история не повторилась вновь, злополучное ведро до сих пор хранится в одной из старинных башен города – причём, в подвешенном состоянии.

Итак, что вышло-то в итоге,
чем же рассказ окончен мой?
Ведро повесили за ноги,
но, как всегда, вниз головой!

– Зачем? – воскликнул гость из числа *джусов*.

– Да затем, чтобы какой-нибудь похмельный кавалерист вновь сдуру не стащил его обратно – в Болонью!

Все подавленно молчали, потрясённые трагедией далёкого прошлого.

– А я, – между тем завершил историю Кулемзин, – чтобы и сегодня некоторые зарвавшиеся педагоги еврейских колледжей помнили историю Средних веков, как-то даже наваял картину – один из эпизодов той великой войны.

И вот тут мой читатель пусть оценит ещё одно преимущество нашей замечательной книги, ведь никто из присутствующих так никогда и не увидел это полотно, а ты сейчас смотришь на него и, надеюсь, радуешься!

А вслед за литератором завершил эту же историю и Серёнька Афанасьич – в своей книжечке «Для му.мы.», чья очередная чистая страница оказалась испачканной синим концом двуцветного карандаша и вот такой надписью: «Хорошо, что в нашем городе никогда не продавали дубовых вёдер, а только алюминиевые оцинкованные, не представляющие никакой ценности для саксаульской армии. А то ещё неизвестно, чем бы закончилось сражение между саксаульцами и фашистами, если бы Гитлер украл у нас одно такое ведро!»

Мы всегда в своём горниле –
это я и подчеркну:
зря напал пройдоха Гитлер
на великую страну!

Глава 199. ТРИУМФ САЛИХДЗЯНЫЧА (окончание)

Добро и зло не имеют и вообще не должны иметь чётких определений. И дело здесь вовсе не в пресловутой эволюции взглядов и относительности человеческих понятий и представлений. Дело совсем в другом. Каждый человек в каждом конкретном случае сам прекрасно понимает, что́ есть зло и что есть добро, просто один находит в себе силы следовать тому, что считает добром, а другой – нет.

«Добро вообще наивно по определению», говорил наш главный герой Кулемзин. «Не быть наивным означает в наше время вертеться, крутиться, ловчить и зубами прогрызать себе дорогу в жизни. Посмотрите на Нуртая – это всё о нём!»

И, действительно, надо было быть глухим, слепым и безумным, чтобы не замечать пакостей Курманбаева. Когда Володя смотрел на то, с каким упорством тот совершает свои маленькие злодеяния, которые мог бы и не делать, потому что на его стороне выступали сразу два фактора – ему везло просто так, да к тому же помогал его персональный *иблис*, он (Володя, а не *иблис*) всегда видел в педагоге антигероя романа Александра Беляева аргентинского капитана Педро Зуриту, у которого по жизни проснулась навязчивая идея поймать *морского дьявола* и заставить его добывать жемчуг для себя.

Душа злодеев подлостям открыта,
всегда черна – без меры и границ:
таким, по сути, Педрой был Зурита,
охочий до амфибий и девиц!

Имея дело с такими существами, как партиец, литератор удивлялся лишь одному: каким образом они сохраняют первоначальный человеческий облик – ни клыков тебе, ни рогов, ни вторичного оволосения! Вероятно, думал он, всё это придёт на следующем этапе перерождения. Он удивлённо злился на нечестивого иблисопоклонника, который уже устал поражать друзей-соперников своими пакостями и даже подлостями. В такие моменты филологически подкованный писатель превращал невинную фамилию педагога Курманбаев то в Карманбаев, то в Курманблудов, а то и вовсе в Курвабаев, правда, мысленно извиняясь перед потревоженными прахами великого засранца.

Вот и сейчас, видя, что первое место в этой партии уже гарантировано уплыло к Салихдзянычу, педагог задался целью овладеть вторым местом, и для этого делал всё, что смог изобрести его пытливый ум.

«Да, у такого на рыбалке мотыля просить не сто́ит», подумал писатель, но вслух попенял марксисту следующими словами:

– Как же в тебе ещё живы идеологические амбиции!

И всё-таки были факторы, которые страшно мешали Мусаичу добиться своего, и первым из них (а также последним) был сторож-охранник Полтавцев, который махал картами, как боевым топором, и посылал ими свои страшные в своей бессмысленности удары куда попало, иногда задевая и Нуртая. Вот и сейчас, глянув на свой новый роббер, бывший текстильщик вздрогнул и страшно потащился от пришедших карт, где в его персональной мини-колоде из семи картонок было аж четыре козыря, правда, весьма хилых – от четвёрки до девятки.

– Похоже, сынок, – глянул на него Альбионыч, – ты страшно потащился от пришедших карт. Примерно, как советский кот (б) от финского сервелата…

Пытаясь понять, что же нужно сделать с этими картами, Серёжа натужно запыхтел, словно ворочал брёвна, и лицо его приобрело напряжённое и слегка грустноватое выражение, как у какающего мопса.

Если кто в запале
к нам придёт с мечом,
мы того по харе
двинем кирпичом!

В общем, как говорится, умнее Афанасьича могла бы сыграть сейчас одноклеточная протоинфузория. «Ну, тупой!», глядя на умственные потуги Полтавцева, хором подумали все, включая дворовых детей, которые, казалось, размножаются на глазах, как население феодального Китая в условиях отсутствия противозачаточных средств.

А наш писатель в ожидании серёжиного заказа сидел с грустным видом и думал очередную горькую думу – о том, что как часто бывает, что хорошие отношения портятся вроде бы из-за чепухи, из-за пустяка. Он вспомнил «Анну Каренину» Тигра Николаича: жила себе Анна, и неплохо жила, и вдруг в какой-то момент заметила, что у её мужа Вронского некрасивые оттопыренные уши. Вот с этого всё и началось! А закончилось под колёсами поезда…

– Четыре, царица лесная! – наконец выдохнул сторож магазина «Пингвин и гагара», возомнив, что с этими картами можно действительно взять заказанные им взятки. «Нет, страшно тупой!», мысленно уточнили остальные персонажи нашего романа, присутствующие сейчас на благословенной территории Бермудского Учпучмака. И только один из героев сказал вслух следующее:

– Знаешь, старичок, безумство храбрых, которое воспел мой фамильный тёзка Лёша

(Максимка), – это, яйчики-бабайчики, песенка для нищих и обиженных жизнью, ведь остальным всегда нужен так называемый ум. Ну, или что поскорострельнее…

От кидалы картёжного
и душевных растрат
мне бы друга надёжного!
Например, автомат...

Афанасьич озабоченно глянул на очернителя его персональной действительности и повторил ещё раз, правда, поменяв титул названной царицы на более простой:

– Да нет, всё-таки четыре, мать честна́я!

– Ну, тогда ищи консенсус, – посоветовал ему учёный Кулемзин.

– А что это такое? – озабоченно спросил охранник.

– Это вроде такого общего знаменателя, – легко объяснил марсианин, после чего тут же последовал новый вопрос:

– А что такое знаменатель? От сло́ва знамя?

– Нет, от сло́ва ель, – ещё проще объяснил знатный филолог. – А в твоём случае – от сло́ва дуб!

Добавить свой кривой пятак в общую копилку осуждения решил и Мусаич.

– Серёжа, ты такой старый, а всё ещё тупой, – как никогда справедливо попенял он.

– Ты, Нуртай, на себя посмотри, – в ответ начал горячиться Афанасьич. – Да из тебя уже песок сыплется, как из генерала песчаных карьеров!

И только один старший трубач сидел гордый и спокойный, даже не слишком глядя в пришедшие карты: он чувствовал, что обе сеструхи – и Пёрка, и Пруха до сих пор стоят рядом с ним и даже время от времени целуют его в щёки, обезображенные четырёхдневной щетиной, как у старого заслуженного хряка.

Возьму у хряка щетину –
и с ней пойду я на войну!

В народе говорят: кто ищёт, тот всегда найдёт. Кулемзин к этому старому русскому трюизму всегда добавлял ещё один, полностью меняющий смысл – на задницу приключения. Именно так и случилось с заносчивым Серёжей. Может, на этот раз всё было бы ничего, да Сука-судьба, как известно из «Пособия для начинающих хиромантов» профессора Фекалина, девушка капризная, которая может повернуться к избраннику даже бедром, что она, кокетливая, в данном случае и сделала: сторож не просто пролетел, а пролетел страшно, взяв из четырёх заказанных взяток всего одну. Правда, этот антидемарш ничего не изменил в общем раскладе ситуации, но здоровье его пошатнул окончательно, в том числе и психическое.

«*Дедушка*, что же ты так плохо устроил этот мир?», подумал экс-текстильщик и неожиданно услышал ответ: «А я его и не строил, я только хостинг[302] предоставил…»

[302] От англ. hosting – место обитания

Предоставил людям хостинг –
пусть друг к другу ходят в *гостинг*!

И как же было жаль, что в этот момент рядом с покерным столиком не было никаких учёных, потому что, разглядывая Афанасьича, они бы набрали немало любопытных сведений о психических расстройствах среди саксаульских сторожей-охранников.

Но, видимо, внезапное помешательство проигравшего сразу не отпустило, потому что он вцепился в рукав марсианской рубашки и стал трясти её обладателя с той долей интенсивности, с какой совершаются только жизненно необходимые делá.

– Старик, что с тобой? – озабоченно спросил рубашковладелец, обеспокоенный судьбой несчастного рукава.

– Да я просто хотел внести непоправимый вклад в дело победы! – объяснил Полтавцев, совершив очередной эксперимент над русским языком. – Мне же не из-за проигрыша плохо, мне стало страшно, когда я почувствовал, как нарушаются мои человеческие права гражданина!

И вот тут автор романа, как ни странно, согласился с весьма сомнительной «мыслью» своего героя, так как тоже неоднократно задумывался на эту тему, и даже однажды в приступе творческого вдохновения сваял вот такую мысль:

Настоящая и недостижимая демократия –
это когда права игроков станут выше правил игры!
Вл. Горький

А в это время и партия закончилась – как и предполагалось, полным триумфом совершенно счастливого этим знаменосца Батыршина. Он понимал, что, скорее всего, это не его личная заслуга, но как же было приятно хотя бы на мгновение почувствовать себя умнее всех, которые так и не поняли его тонкую душу трубача. А автор Вл. Горький вдруг вспомнил, что этот четвёртый том своей «Русской кочерги» назвал в честь именно этого героя. И когда же, как не после такого триумфа унтер-музыканта, рассказать тебе, мой читатель, подробнее о жизни и становлении личности этого персонажа, иначе та социальная справедливость, о которой так много говорили философы прошлых веков, не будет соблюдена, а этого ещё никому не прощала наша всехняя мать История!

Должен выйти результатен
мой роман (а то помру!):
не простит меня читатель,
если в чём-то я совру…

Итак…

Глава 200. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О детстве Батыршина)

Надо сказать, что детство маленького Талгата, так же как и маленького Серёньки Полтавцева, было интересным и насыщенным разными играми и делами по хозяйству. Уже с десяти годков каждое лето наравне со взрослыми братьями и сёстрами (а их у него было, как в сказке, семь) он отправлялся на покос, а когда приходила очередь его семьи, которую строго соблюдали в деревне[303], стерёг коров, когда не было пастуха.

[303] ***Невероятно, но факт: в Татарстане деревни называются именно деревни, а не аулы или ка-кие-нибудь аилы! Скорее всего, это (прости, русский язык!) топонимическое противоречие произошло после падения татаро-монгольского ига – для укрепления авторитета русских – прим. автора***

А ещё раньше, лет с пяти, будущий военный любил кормить всякую живность, которая всегда была в избытке на семейном добротном дворе, а ещё через год-два уже рас-

тил на огороде урожай, копая, поливая и пропалывая чернозёмные грядки, а также рыхля приствольные круги яблонь, побелив их гашёной извёсткой, а затем по осени собирал падалицу и раздавал соседям, у которых не было сада.

Чуть подрастя, маленький труженик уже помогал более основательно: он укладывал в штабеля для просушки выкопанный отцом торф, и вся семья топилась им (торфом, а не отцом) в зимнее время. Он рубил дрова и складывал в поленницу под навес мазанки, ловил рыбу на речке напротив дома, и с большой радостью, а также с придыханием в сердце отправлялся за полем в недалёкий лес за земляникой или грибами с любящей мамой и младшей сестрой, всё лицо которой было усыпано крупными и милыми веснушками.

Какая радость у семейки,
надежда, счастье, благодать:
подрос помощник у *ячейки* –
теперь не будем голодать!

А когда созревали подсолнухи, будущий еврейский муж молотил *весёлкой* или лаптой созревшие *решетники* над широкой домотканой подстилкой, которые потом сушили под щедрым на жару солнцем, провевая на появившемся ветерке. Но больше всего он любил пасти́ деревенских гусей, причём, не только своей семьи, но и других тоже, и за четыре года этой забавы не потерял ни одной птицы. А когда подрос, то ему, как человеку маленькому, но ответственному, уже доверили пасти́ деревенское стадо коров!

За тяжелым гу́сем старшим
вперевалку, тихим маршем
гуси шли, как полк солдат.
Овцы густо напылили,
и сквозь клу́бы серой пыли
пламенел густой закат.
А за овцами коровы,
тучногруды и суровы,
шли, мыча, плечо с плечом.
На веселой лошадёнке
татарчонок щёлкал звонко
здоровеннейшим бичом…

И это было здорово, потому что маленький Талгат именно и мечтал о пастушьей доле, считая её главным делом своей жизни! «Утром телят выгонять на солнышко, на травку, вечером пригонять их обратно…», представлял себе райскую жизнь будущий музыкант.

Он воображал себя этаким кудрявым Лелем с жалейкой, в расшитой рубахе до колен, с гребешком на поясе и лапоточках на ногах, а вокруг чтобы сидели на травке красны девки в сарафанах, и среди них одна – в венке из васильков. Он даже учился щёлкать кнутом, как умел деревенский дурачок Абельханиф[304], и даже сделал две реальные попытки. С первого раза он больно обмотал себя кнутом, как колбасу шпагатом, зато второй раз оказался удачнее – обошлось без членовредительства, правда, с берёзы был сорван старый гнилой *безжильцовый* скворечник.

[304] Действительно любящий истину – тат.

Не медаль за труд иль орден,
и не чёрные квадраты, –
я скворцам вручу и ордер,
и ключи от новой хаты!

И всё же во все времена го́да у него находилась уйма времени для разных игр и озорства, ведь богат внутренний мир у сельского человека, которому щедро дарила природа свою красоту и любовь, и работа которого облагораживает окружающий мир.

А вот за то, что эти хорошие качества Батыршин сохранил до нынешнего времени, он благодарил родную армию, которая воспитала его, дала некое образование и научила играть на дудке, да так хорошо, что даже Кулемзин иногда вечером заслушивался – когда Талгат в своих *нотациях* выводил частоту гармоники в 233,082 герца, а иногда увеличивая её аж до 932,328 герца, при этом умудряясь соблюдать всю необходимую для такой игре аппликатуру[305]! А умудряясь – потому что играл он только в состоянии невесомости, хорошо знакомом всем лицам мужского пола как в Саксаулии, так и в сопредельной ей России. Слушая по вечерам эту виртуозную игру, Альбионыч легко угадывал в исполняемых партиях то части Пятой симфонии Людвига ван Иоганновича Бетховена, то сольный сигнал трубы в увертюре к опере «Леонора» того же автора, то соло этого инструмента в «Испанском каприччио» братьев-близнецов Римского и Корсакова, а то и вовсе во Второй симфонии Густава Бернхардовича Малера, где Салихдзяныч играл сразу за все шесть труб в основном оркестре и за четыре – в дополнительном!

[305] Указание пальцев в нотах с помощью цифр – прим. муз. редактора

Володя, слушая такую виртуозную игру, даже как-то наваял в её честь небольшой стишок, и автор, который заботится, чтобы читатель получил как можно больше правдивой информации о нашем герое, приводит его именно здесь – под названием

Знакомому трубачу

Судьба играет человеком
до смертной сырости на лбу,
но человек берёт из шкафа
свою красивую трубу –
она лежит в его ладонях,
умелой тяжестью легка,
и полыхают над эстрадой
её латунные бока.
Как он живёт! Как он играет
в приёмной Страшного Суда!
Он в каждой песне умирает.
И выживает навсегда…

Глава 201. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О начале военной жизни)

Правда, был у юного сельчанина один недостаток – он плохо говорил по-русски, и поэтому, когда немного подрос и задумался о своём будущем, сразу же понял, что без этого *базового* в СССР (б) языка не прожить! Поэтому по совету своего дяди Абелькаюма[306], которого все в деревне звали Ленин (см. сноску. Хотя лично автор нашего романа назвал бы его просто Абель[307]), он попытался выучить сложный язык на ускоренных курсах, но учёба вскоре закончилась истерическим срывом, потому что к тому времени, когда ему уже́

[306] Действительно вечно живой – тат.
[307] Рудольф Иоганнович Абель – сотрудник советской внешней разведки, подполковник госбезопасности – прим. полит. редактора

исполнилось 18 лет, больше, чем неправильных глаголов, Талгату хотелось пива. Но, попав в большой город, он первым делом узнал самые-самые главные русские слова, которые являлись смыслом всей русской жизни:

драстуй,
вотка,
карашо.

И вот детство и отрочество промелькнули, как яркие картинки за окном пóезда – между двумя соседними туннелями. И тогда наш герой понял, что к этому времени жизни он узнал только то, что в русском языке есть отличное предложение, состоящее из четырёх слов, где все четыре слóва были глаголами – это «Собраться сходить купить выпить!»

А вот юность началась с музыкально-прапорщицкого училища имени знатного домбриста Курмангазы, куда он поступил не сразу.

Не все мои читатели, наверное, знают, откуда вообще взялись прапорщики, а вот автор знает, потому что это историческое событие случилось как раз во время его службы в Красной Армии (б). Итак, прапорщики, как известно из «Общей истории РИО»[308], возникли в Красной армии в 1972 году, а до этого времени эти странные люди (уже не сержанты, но ещё не офицеры) назывались старшинами.

[308] ***Россия и остальные – прим. автора***

Старши́ны были народом вороватым, потому что *старшина* было не только воинским званием, но и должностью, например, старшина роты, отвечающий за всё имущество, связанное со службой и отдыхом солдат, включая раздачу им в банные дни кусочков хозяйственного мыла и застиранных кальсон. Надо ли говорить, что опытный старшина из одного куска мыла нарезáл 12, а сэкономленные продавал на чёрном рынке, которые существовали буквально в любом мало-мальски большом городке, включая райцентры, где обычно и находились войсковые части. Наверное, поэтому появившиеся в СССР (б) прапорщики тут же взяли на вооружение вековой старшинский опыт, начав нести со службы всё, что под руку подвернётся. «Есть такая профессия – родину расхищать!», говорили они при этом свой главный тост под водку, а на водку, как уже стало ясно из вышеприведённых строк, у них было всегда.

Есть в войсках закон забавный
(и об этом наш роман):
старшина – он самый главный,
ведь полковник вечно пьян!

Правда, начало службы было нелёгким: в прапорщицком училище Батыршину пришлось сдавать аж четыре экзамена! Это были физкультура устная, физкультура письменная, диктант по строевой подготовке и сочинение на тему «Поражающие факторы запаха портянки в казарме». Через день Талгат увидел своё имя в списке поступивших, так как набрал 19 баллов из 20 возможных, а уже после узнал, что все экзамены сдал на пятёрки, кроме физкультуры устной, за которую ему поставили 4 балла, так как на экзамен он пришёл с запахом вчерашнего портвейна № 12.

После приёма он думал, что прямо завтра же сядет за какую-то условную военную парту и начнёт изучать всякие премудрости, но его вначале заставили пройти медкомиссию, объяснив, что в случае войны здоровые воины первыми идут в атаку. Писатель Кулемзин, помогая Вл. Горькому работать над романом «Русская кочерга», однажды рас-

крутил бравого военного на воспоминание об этой комиссии. Он предварительно купил трубачу пару бутылочек туркменского портвейна «Сахрэ», а для компании пригласил Серёньку Афанасьича – чтобы Талгат не слишком быстро закосел. И вот что Салихдзяныч тогда рассказал.

– Помню, замучили они меня своими вопросами глупыми: и про рост спросили, и про вес, и болел ли в детстве свинкой, и не было ли в моём татарском роду черемисов. А потом совсем с ума сошли и спросили у меня про какую-то ёперную спирометрию!

– Может, мать честна́я, про *спирто*метрию? – усомнился Афанасьич.

– Да нет, это надо было сказать, сколько я выдуваю.

– Ну, так и я про то же!

– Да не спирта, а воздуха.

Не позорю я мундир,
ведь военным создан:
я в себя вдуваю спирт,
выдыхаю – воздух!

– И что ты сказал?

– Сказал, что выдуваю литра два. А этот врач сумасшедший полистал мою медкнижку и говорит, мол, вот в книжке написано, что четыре. Я ему и объяснил, что четыре я выдуваю по праздникам.

– А дальше?

– А дальше всё было хорошо. После такого ответа меня даже хотели отстранить от экзаменов и принять в школу прапорщиков экстерном! Но тут выяснилось, что экзамены я уже все сдал…

Помнится, Полтавцев тогда достал блокнотик «Для му.мы.» и записал на чистой страничке: «Если я когда-нибудь буду поступать в школу прапорщиков, то обязуюсь выдуть перед этим 5 литров, и тогда меня назначат главным экстерьером! Интересно, какие погоны мне присобачат на гимнастёрку?»

Разгружаю я вагоны,
ведь на мне ж/д погоны!

Именно в те дни Батыршин узнал старую воинскую истину – о том, что принимают в армию по анализам, а спрашивают как с умных. Потом, прослужив несколько лет, он вынес для себя ещё одно знание: что высовываться надо не всегда, а, напротив, иногда нужно где-нибудь пересидеть наказание невиновных и награждение непричастных.

Бойцам поступила команда майора:
траншею копать им с утра до забора.
Солдаты не поняли, как сделать это –
копают теперь от угла до рассвета!

А ещё через несколько лет у нашего прапорщика печального образа вначале появился неуставной животик, а потом на руке стали наблюдаться часы «Командирские» с надписью: «От личного состава, пожелавшего остаться неизвестным». За это время он научился не только дудеть в дудку и назубок знать воинские уставы, но даже играть в шахматы – на уровне гроссмейстера средней группы детсада «Василёк», и, кстати, однажды сыграл одну партию со своим другом Альбионычем, который после игры́ предложил ввести в шахматы ещё одну фигуру с названием *прапорщик*, которая будет ходить куда хочет, и брать тоже чего хочет, включая своего же ферзя!

Когда же, наблюдая за жизнью Салихдзяныча, Володя стал играть с ним в *русскую кочергу*, он понял ещё одну истину: прапорщики очень быстро отходят от различных ударов Суки-судьбы, а старшие прапорщики – ещё быстрей! Так что наверняка, если бы Альберта Германовича Эйнштейна в своё время призвали в армию, то под бдительным надзором прусских капралов он бы не только углубил общую теорию относительности, но и довёл до ума пресловутую общую теорию поля, что наверняка бы позволило ему получить Нобелевскую премию на пару-тройку лет раньше.

Свяжите массу и энергию узлом,
и в напряжённой умственной работе
смешайте время и пространство, но потом,
что получилось, без Эйнштейна не поймёте!
Эх, время, пропусти меня в пространство,
где масса вся в энергии живёт,
замедли скорость, сделай постоянство
того, чего нам всем недостаёт…

Глава 202. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О питье, курении и мате)

Как и все прапорщики, случившиеся в те суровые советские (б) годы, Талгат не стал отговариваться перед друзьями, что он не пьёт, а, напротив, с удовольствием участвовал во всех попойках, периодически проводимых в музыкальном коллективе. Кстати, в этом коллективе его оценили и за это, и за профессионализм, поскольку эти две вещи были неразрывно связаны друг с другом. Как, спросит мой дотошный читатель, а автор ему растолкует, что даже в совершенно пьяном состоянии Талгат брал в зубы мундштук своей полковой трубы и запросто выдувал не только русский военный марш «Покорение Чечни» 1859 года, но даже «Девушку в платье из ситца» Аркаши Северного[309]!

[309] Аркадий Северный (настоящее имя Аркадий Звездин) – советский музыкант и певец, исполнитель авторских неподцензурных (блатных) песен – прим. муз. редактора

Поэтому почти каждый день, пользуясь своим вполне заслуженным мастерством, этот пасынок полка всё же выглядел как-то жалко, – примерно как Штирлиц в общей очереди за бутербродами, змеящейся по бункеру фюрера. Печать алкогольной жертвы лежала на всём его облике столь же ясно, как терновый венец на челе одного литературного персонажа из библии. Но даже в этом состоянии, будучи одетым в неизменный военный кафтанчик с какими-то неуставными аксельбантами, положенными всем военным музыкантам, Салихдзяныч имел весьма интеллигентно-потёртый вид, как бы подтверждая высокие звания, которые (так же по пьянке) присваивал им руководитель армейского духового оркестра полковник Аарон Борисович Тюбетейкер. Поэтому старший прапорщик Батыршин в устах своего начальника нередко бывал то фельдфебелем, то унтер-офицером, то есаулом, а то и вовсе шнапс-капитаном!

Хороши на свете средства,
и мне с ними хорошо:
полюбил я водку с детства –
с нею в армию пошёл!

Временами он, как, наверное, и все выпивающие, воспитанные в географических пределах СССР (б), менял отношение к алкоголю на резко отрицательное, но долго зла на не-

го держать не мог и, в конце концов, брался за старое с новыми силами. Хотя однажды Талгат всё-таки понял, что пить надо завязывать – это случилось, когда в свой день рождения он подул на торт, а свечи тут же загорелись!

Был я смолоду разным: то паинькой,
то не очень дружил с головой –
начинал по *чуть-чуть* да *по маленькой*,
а заканчивал еле живой!

Однажды начальник полкового оркестра посоветовал трубачу *пить в меру*, но не объяснил, что это значит, так что тому́ пришлось брать у своего друга Кулемзина толковый словарь, который и объяснил Талгату, что «Мера (старорусск.) – это единица объёма, равная 26,24 литра»! После такого открытия глаза́ Батыршина целую неделю были похожи на две стекляшки, вставленные (прости, русский язык!) таксидермистом[310] в голову волка (б), и покрытые просроченным лаком.

[310] Мастер-чучельник. От др.-гр. τάξις – приведение в порядок и δέρμα – кожа, шкура – прим. др-гр. редактора

Сам же Салихдзяныч в разговорах сначала с первой женой, а потом и со второй, называл себя не иначе как оборонным щитом родины и надеждой страны. Правда, ради исторической справедливости надо сказать, что такие странные мысли приходили в его квадратную военную голову исключительно после 760 граммов крепких напитков. Несомненным же плюсом в его нелёгкой армейской службе было то, что ни он, ни его друзья музыканты не курили (во всяком случае, на работе). Курение не поощрялось здесь потому, что всем *духовикам* нужны были сильные лёгкие, чтобы выдувать нужные ноты произведений по порядку, но окончательно остановиться в этой вредной привычке после службы он так и не смог, хотя после курения кашлял, как первый советский грузовик АМО-Ф-15, – ритмично и безостановочно.

Друг мой фирменных сигар
собирал коллекцию:
дым, табачный перегар…
Загубил эрекцию!

С начальством Салихдзяныч состоял в хороших отношениях, потому что начальство любило водку так же, как он сам, и когда, например, приходила пора́ писать рапорт на отпуск, то между ним (начальством) и ним (Салихдзянычем) из года в год происходил один и тот же диалог:

– Товарищ полковник, вот йодистый рапорт на отпуск.

– Поставь на стол. Да осторожнее, смотри не разбей!

Как практически во всех коллективах на просторах бывшего Советского Союза (б), где работали или служили одни мужчины, в полковом оркестре Батыршина процветал русский мат, который, видимо, и являлся главным цементирующим началом среди людей разных национальностей. Правда, к досаде матерящихся в музыкальном коллективе служили и несколько женщин, поэтому интеллигентным трубачам, кларнетистам и корнет-а-пистонистам вместо всем известных крепких выражений приходилось прибегать к их корректным заменителям типа *едрёны пассатижи*, *конь педальный*, *ёлка поролоновая*, *ёкарный бабай*, *сын моржовый*, *кулёк самолётный*, *два весла тебе в рот* и даже *видал я вас в лесу в балетной пачке*! Иногда, когда какая-нибудь гобоистка брала неверную

ноту, доставалось и прекрасному полу: *калека Милосская*, *швабра с бигудями*, *хламида-монада*, *глиста в скафандре* и что-то совсем страшное типа *ужраться в Новодворскую*!

Он в парткомах гремел и на БАМе,
и в ЦК отбрехаться привык –
очень трудно держать за зубами
вот такой вот могучий язык!

Так что, слушая, какими словами старший музыкальный прапорщик комментирует игровые ситуации, Альбионыч, как знатный саксаульский филолог, частенько думал такую мысль: «Яйчики-бабайчики, что русскому мат, – то китайцу фамилия!»

Когда военный музыкант познакомился вначале с Кулемзиным, а потом и с остальными членами покерной хевры, он стал невольно сравнивать этот новообразованный коллектив со своим – военно-музыкальным, и с удивлением понял, что они в принципе ничем не отличаются друг от друга, кроме того, что в новой команде было веселее, чем на службе. Поэтому сейчас Талгат, будучи в отпуске, откровенно отдыхал от напряжённых армейских будней, но помнил, что уже через несколько дней, а именно 2 сентября, его с нетерпением ждали его друзья – военные пропитоны, потому что отпуск, который он так славно провёл в покерном подразделении, завершался, и надо было, как и раньше, тянуть служебную *нуду*.

Как-то в честь какого-то неизвестного народу саксаульского праздника Салихдзяныч появился в новом для него коллективе покерных монстров облачённым в парадный китель, на котором болтались несколько медалек – все как есть юбилейные. И вот тогда писатель, окинув критичным взором это сверкающее прапорщицкое великолепие, дополнил его своими словами:

– Талгат, по-моему, для полного комплекта тебе здесь не хватает нескольких наград.

– Не заработал ещё, – засмущался военный.

«А эти заработал?», подумал Альбионыч и продолжил:

– Например, медаль «За скромность на пожаре». Или почётный знак «Ветерану броуновского движения». Неплохо бы смотрелась и начищенная пастой гои[311] юбилейная медаль «20 лет коту под хвост»!

[311] Шлифовальная и полировальная паста на основе оксида хрома. Название произведено от ГОИ – Государственный оптический институт, где паста и была произведена – прим. науч. редактора

Кительные медальки возмущённо заколыхались. Но Кулемзин в своих неуёмных фантазиях и не думал успокаиваться:

– А ещё не хватает медалей «За компанию» и «За здоро́во живёшь». А если уж ты когда-нибудь дослужишься и до ордена, то пусть это будет орден Обломова IV степени!

Дарим мы тебе медаль, –
нам её ничуть не жаль
для тебя, для дорогого,
человека золотого.
За сердечность, доброту,
дружбу, верность, теплоту –
нам всего не перечислить,
список этот многочислен…
Пусть найдётся место ей
на груди большой твоей!

Глава 203. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О семейной жизни)

В одном из предыдущих томов автор уже упоминал, что наш бравый оловянный прапорщик был отцом-*героином*, то есть имел от первого брака двоих детей, и от второго – тоже двух девочек. О первом браке больше никаких сведений нет, так как трубач не любил о нём распространяться, а вот о втором, хотя тоже не имел пристрастия о нём рассказывать, этого было и не нужно, так как все (прости, русский язык!) *матримониальные* отношения между ним и супругой Аидой Яковлевной были, как говорят в народе, налицо.

В жениховстве наш бравый оловянный прапорщик был пылким, как Флорестан[312], и, наверное, потому не сразу заметил, что у избранной им Аиды был явный комплекс Электры[313], отягощённый невротическим синдромом, наложенным на циркулярную динамику эротико-лимбической пульсации – вкупе с вегетативной дистонией. Перед свадьбой папа Аиды Яков Моисеевич повязал Талгату *тефилин*[314] и заставил прочесть его некий еврейский литургический текст, состоящий из четырёх цитат из Пятикнижия, причём, первую строку этого бреда нужно было читать, непременно прикрыв глаза правой рукой. Это так поразило саксаульского воина, что он навсегда запомнил эту строчку: «Шма Исраэль Адонай Элоэйну Адонай эхад»

[312] Герой цикла пьес Роберта Августовича Шумана «Карнавал» – прим. муз. редактора
[313] В древнегреческой мифологии – дочь Агамемнона и Клитемнестры, излюбленная героиня гре-ческих трагедий – прим. др.-гр. редактора
[314] У евреев два выкрашенных в чёрную краску кожаных наглухо зашитых ящичка, в кото-рых содержатся четыре начала Моисеева Пятикнижия – прим. автора

«Ох, друзья, не говорите»,
говорил мне инвалид.
«Как же бредят на иврите
те, кто знает тот иврит!»

Женившись на еврейской женщине Аиде, Салихдзяныч узнал много нового: то, что когда совсем плохо, надо, оказывается, кричать не вә анана якын булыр[315], а барух ато адонай[316]! Его новый тесть Яков Моисеевич сразу дал ему понять, что в чужой монастырь со своим Уставом караульной службы не ходят, и благодаря этому он узнал много нового и интересного из неинтересных еврейских книг – каббалы и мишны, которые давал ему почитать на ночь старший родственник. Кстати, вместе с тестем и тёщей военный музыкант научился праздновать некоторые иудейские праздники: ту би-Шиват, пурим, шавуот, ханука, песах и симха тора.

[315] …твою мать – тат.
[316] Дедушка мой! – ивр.

Плохо было только то, что в эти якобы праздничные дни ему в семье почему-то *не наливали*. Напрягало также и то, что до женитьбы у Батыршина всё валялось на своих местах, а теперь всё было аккуратно сложено хрен знает где.

Правда, в тайне от новой ячейки общества военный трубач, как истинно правоверный, даже проводил намаз, хотя, если говорить честно, это удавалось сделать только один раз в день – утром, когда он совершал *намаз* зубной пасты на одноимённую щетку.

Но природа всё-таки взяла своё, и верностью новый муж отличаться не стал, так как и раньше привык *баловаться* с представительницами прекрасного пола, коих вокруг бы-

ло очень много. От разных людей он слышал, что, конечно, можно быть верным своей жене, но разве оценят эту верность нежные и знойные незнакомки? «Собрать бы всех женщин оптом», думал при этом прапорщик, «и в розницу, в розницу!»

Нельзя, в любви не зная рамок,
чуть что, везде шершеть ляфамок!

И только новые друзья, с кем Сука-судьба свела военного трубача за покерным столиком, постоянно видели, как он жадно разглядывает то прыщавые коленки старшеклассниц из ближайшей школы, чей путь пролегал мимо Бермудского Учпумака, то грудь соседки Иры – мечты матроса-подводника. В такие минуты Володе было особенно жалко непутёвого семьянина, и он огорчённо пытался помочь ему псевдомудрым советом:

– Талгат, ошибки молодости надо совершать *вовремя*…

Несчастный военный, попав в окружение новой родни, немного тронулся татарским умом, и частенько, тихо мурлыкая древний еврейский гимн солнцу «Хава Нагила», вспоминал начало своей семейной жизни. Так он узнал, что его семья вовсе не гаилə[317], как он всегда думал, а какая-то галута[318], или, что было вообще смешно, мишпуха[318]! А место своей работы, где он дудел на полковой дудке, новая родня называла весьма странным словом, похожим на какую-то клизму, а именно клейзмер[319].

[317] Семья – тат.
[318] Семья – ивр.
[319] Местечковый оркестр – идиш

Резко изменились и его утверждённые своим внутренним уставом привычки. Иногда Салихдзяныч, устав от просиживания вечерами до́ма, где тесть с тещёй предавались изучению торы, а жена занималась приготовлением еврейских блюд, он, подавляя раздражение, предлагал:

– Аида, давай пригласим каких-нибудь йодистых гостей. Как зачем? Ну, не знаю, наверное, будет весело!

– Талгат, я просто не понимаю, почему тебе будет весело, когда придут чужие люди и начнут таки есть нашу еду…

Многие любят наведаться в гости,
многие любят встречать их. Но чаще
многие любят гостей уходящих,
чтоб перемыть уходящим их кости!

Глава 204. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О семейной жизни, продолжение)

Однажды Кулемзин, глядя на страдания Батыршина и его руку с обручальным кольцом, вспомнил, как па́ру лет назад музыкальный прапорщик показал ему старую фотографию, на которой он был запечатлён ещё не женатым, и даже казался молодым. По́мнится, Володя тогда долго переводил изумлённый взгляд с фотографии на оригинал и, потрясённый видимыми изменениями, даже сочинил невесёлый стишок на эту тему:

На старом фото у меня
моё лицо ещё без шрама,
а взгляд лучится от огня,
и я тогда не пил ни грамма,

не разбирал я автомат,
и не курил принципиально, –
девчонкам только был я рад,
но это ведь не криминально?
Смотрю на фото, в толщу лет,
с вершины двух образований:
остался только пистолет
да это воинское званье.
Там, за окном, весенний день, –
всё так же прыгают девчонки,
а я уже – замшелый пень
в архивных кадрах киноплёнки…

Вскоре Салихдзяныч понял, что женился на Аиде по расчёту, потому что расчёт оказался неверным, и ему пришлось доживать с ней по любви. Он даже дошёл до того, что однажды на её претензии в вопросах обеспечения семьи назарбаксами, сказал ей, что до свадьбы она освещала ему путь в будущее, а сейчас постоянно требует *капусту*! После первого года жизни в новой семье Талгат наконец понял одно выражение, с которым его как-то познакомил Кулемзин: «Что такое шампанское по-семейному? Это когда муж пьёт водку, а жена шипит!»

И всё-таки, несмотря на некоторые разногласия, в семье стали появляться дети – сначала девочка, а потом ещё одна девочка, хотя Батыршину хотелось ещё одного сына, так как от первой жены один сын у него уже был.

По дому табуном гуляют детки,
виной чему – его ошибки вздорные:
врач прописал снотворные таблетки,
а он спросил в аптеке *сынотворные*!

Просиживая с новыми друзьями за карточной игрой, бравый шнапс-капитан с горечью рассказывал им о своей семейной жизни, припоминая многочисленные эпизоды непонимания со стороны еврейских родственников. Например, однажды он вспомнил, как страшно поругался с Аидой, выбросив её велотренажёр для поддерживания фигуры, который, надо признаться, нисколько не помогал, так как еврейская диета с её внешне кажущейся простотой всё же давала постоянную прибавку в весе – скорее всего, на генетическом уровне.

– Зачем ты выбросил мой тренажёр? – рыдающим голосом вопрошала супруга. – Ведь его ещё 40 лет назад папа купил маме, когда она, встав на напольные весы, сломала их!

– Да замучила эта ёкарная тупая иллюзия, что ты всё время куда-то уезжаешь, уезжаешь, уезжаешь, уезжаешь – и никак не уедешь!

После таких скандалов Батыршин оказывался ещё более, чем раньше, слаб на оперативно-тактические женские прелести, и не отказывался, когда – даже случайно – ему доставалось очередное тело: будь то кларнетистка Клара из военного оркестра, или соседка-разведёнка Тамара, коей уже было далеко за пятьдесят.

Из всех путей развития
стремился лишь к соитию...

Но даже в такие роковые минуты он не забывал о семье, и страдал от того, что был *вынужден* изменять супруге, чтобы не уронить воинскую честь в глазах своих сослуживцев, которые поступали со своими жёнами точно также. Однажды утром его случайная знакомая поразила вот таким коварным предложением:

– А теперь вы, как порядочный человек, должны на мне жениться!

На что прапорщик (тогда ещё без приставки *старший*) честно ответил:

– Как порядочный человек, я уже женат! Причём, во второй раз…

Когда он рассказал об этом прискорбном случае в покерном коллективе, Курманбаев стыдливо отвернулся – словно монашка, вместо «Праздника святого Иоргена»[320] случайно забредшая на сеанс порнофильма. При этом у педагога было затравленное выражение, более подобающее мальчику из детского сада, слишком серьёзно воспринявшему прочитанную перед *тихим часом* страшную сказку.

[320] Советский фильм-комедия режиссёра Якова Протазанова по мотивам повести датского писателя Харальда Бентовича Бергстедта «Фабрика святых» (1919) – прим. кинорежиссёра

И, даже вспоминая *профилактические* супружеские ласки, Талгат немедленно отвлекался, завидев очередную, как ему казалось, жертву любви, а Володя, отмечая заметно похотливевший взгляд корнета, думал о том, что лето – всё-таки замечательная пора́: ведь сколько вокруг почти раздетых красоток – прямо очи разбегаются! «Интересно, а где они прячутся зимой?», думал он при этом. «Поразительный эффект!»

Ох, дамам угождать – святое дело!
Мы все от дам, небось, произошли!
Я предан им душой, тем паче телом
(ведь те́ла не бывает без души?).
К полам другим я что-то равнодушен,
держусь от модных веяний вдали:
пусть кто-то околачивает груши,
а я не стану, хоть ты застрели!
В малиннике, среди прекрасных граций,
средь гурий, ведьм, мадонн, капризных стерв –
кипение страстей, протуберанцы,
звенит струною оголённый нерв!
Отбушевало грозовое море,
вот ветер свистнул из последних сил –
я шустр, я смел, я, как блоха, проворен!
Всех съел бы!
Иль хотя бы надкусил…

Глава 205. ЁКАРНЫЙ БАБАЙ ВТОРОГО МИКРОРАЙОНА (О семейной жизни, окончание)

Тяга нашего героя к так называемому прекрасному полу была столь велика, что Альбионыч даже подозревал, что старший прапорщик родился когда-то под созвездием Тёлки, что и определило его дальнейшие желания на весь период сознательной жизни.

Салихдзяныч горевал ещё и от того, что из четырёх детей, которые подарила ему Сука-судьба в виде двух жён, трое были девочками. «Вот вырастут, и как начнут одна за другой мне внуков рожать», горько думал он, «а мне их корми, воспитывай, в детские праздники на трубе играй!»

«Не расстраивайся, яйчики-бабайчики», ответно думал ему прямо в мозг Кулемзин, «а лучше радуйся, что мы живём не в Шотландии»

«Почему, ёкарный писатель?», продолжал молчаливый диалог музыкант.

«Да потому, что там не только дочери, но и сыновья могут принести в подоле!»

Я куплю себе шотландскую юбку,
я приду к тебе и встану у стенки,
и, сложив зазывно бантиком губки,
разрешу себя хватать за коленки.
Задышу я отчего-то потише,
и по телу разольётся услада,
а когда рука потянется выше,
я скажу тебе зачем-то: «Не надо!»
Ты мне скажешь, улыбнувшись: «Да что ты!
Это что там за такие секреты?»,
и рука скользнёт под *килт* на охоту,
и нарушит строгость складок и клеток…

В первом томе нашего романа автор уже упоминал о том, что военно-музыкальная семья недавно приобрела небольшой участок в садоводческом кооперативе «Карагач» имени Тимирязева, а, кроме этого, заимела большу́ю головную боль, так как Салихдзяныч, ссылаясь на занятость во время защиты родины, отказываться там работать. Поэтому Кулемзин, узнав об этой истории, назвал всё происходящее новым видом извращения в весенне-летний период, а именно *садо-мазо-огородо*!

От заката до восхода
я стою башкою вниз!
Садо-мазо-огородо
нам придумал не маркиз…

Итак, что ещё можно было вспомнить о такой яркой творческой личности, как Талгат Батыршин? Да, пожалуй, всё, кроме того, что, не смотря на врождённый алкоголизм, он был замечательным трубачом и даже однажды попросил у своего друга Афанасьича чистый листок из знаменитой книжечки «Для му.мы.», на который и записал поразившую его кулемзинскую мысль: «Интеллигентный человек – это тот, кто умеет играть на трубе, но не делает этого в присутствии глухих». Сам же Альбионыч тоже восхищался этой игрой, и даже однажды посвятил своему товарищу по покерному промыслу незатейливый стишок под названием

Знакомому трубачу

О, как он виртуозил на трубе! –
воистину небесным трубным гласом.
И, словно мексиканец к маракасам,
прирос мундштук к истерзанной губе.
Он растворялся, как отжатый лайм
в бокале охлаждённого дайкири,
и только оставались в этом мире
месме́ровые[321] па́ссы «Summertime»[322]...

[321] Франц Антонович Месмер – немецкий врач и целитель XVIII века, создатель учения о так называемом «животном магнетизме» – месмеризме – прим. мед. редактора
[322] Летней порой – англ. Ария, написанная Джорджем Мойшевичем Гершвином в 1935 году для оперы «Порги и Бесс» – прим. муз. редактора

Талгат, как бы в ответ, тоже очень уважал Володю, потому что из разговоров с ним однажды узнал, что писатель понимает не только музыку Альфреда Гарриевича Шнитке, но

даже слова Бориса Гребенщикова.

Если же брать отношения его (Талгата, а не Гребенщикова) с педагогом еврейского колледжа, то военный музыкант изо дня в день всё больше и больше страдал от перманентной лжи и других гнусностей Нуртая, но знакомства с ним не прекращал только по одной причине – без Курманбаева покерная *квадрига* сразу бы превратилась в некую усечённую фигуру, и хотя играть в *русскую кочергу* можно было и втроём, но лучше всё-таки вчетвером. Главное же страдание обер-корнета от Мусаича было то, что в течение всего светового дня он так тяжко реагировал на его слова́, что учпучмакские кусты уже устали стряхивать с себя продукты жизнедеятельности еврейского тестя – с заметным запахом переработанного алкоголя.

Отъезжает срочно крыша –
впору закричать про *мать*:
как неправду я услышу,
так и тянет поблевать!

«Почему, когда про йодистого Ленина или какой-нибудь ёперный коммунизм говорит Володя», думал он, «меня никогда не тошнит?». Впрочем, эти мысли появлялись не часто, так как с приходом на пространство Бермудского Учпучмака он, наконец, узнал, что такое счастье: это когда всё хорошо, и ещё есть что выпить!

♠♠♠

А закончить эти нелегкие гла́вы о герое, в честь которого и назван этот четвёртый том «Русской кочерги», хочется невинным стишком, который Альбионыч написал, глядя на страдания Батыршина.

Ну как тут слушать космоса потоки,
когда у большинства одна мысля:
что затолкать себе за обе щёки
и на кого б забраться опосля?

Глава 206. С МЕЧТОЮ О КИПРСКОМ СЫРЕ

Но просто так приступить к очередной партии оказалось нелегко: во-первых, на Талгата напал приступ необоснованной радости и счастья, потому что он искренне полагал, что блестяще завершил предыдущую игру только благодаря своему выдающемуся военному уму и умению расчухивать самые сложные комбинации карт. Кто знает, может, это так, а, может, и не так, может, это вовсе даже не ухмылка Суки-судьбы и её сыночка великого Случая, а просто автор романа взял да и постарался сделать что-то приятное герою, чей неофициальный титул попал на обложку именно этого то́ма.

Но было ещё и во-вторых: на педагога Курманбаева, который вообще не понимал, как он мог проиграть, напала настоящая хандра и печаль, так как он также, как и старший прапорщик, искренне полагал, что вот именно в этой партии ему просто немножко не повезло, а вот если бы повезло, то какой там в этот исторический момент может быть Батыршин, когда есть он – великий и непобиваемый боец идеологического фронта, вооружённый нетленным и всепобеждающим учением марксизма-ленинизма! Все эти мысли сопровождались его улыбкой, и если на Земле существует международная классификация улыбок, то вариант Нуртая должен был называться *людоедская.*

Я шёл по улице с улыбкой во весь рот,
в моей руке кирпич из красной глины –
повсюду пропускал меня народ,
дорогу уступали мне машины.
Во рту белели зубы в два ряда,
и понял я, их белизною рея:
дари улыбку людям – и тогда
они культурней станут и добрее!

К тому же в пылу битвы, а, значит, как-то незаметно вновь окончилось пивко. На этот раз добровольцем вызвался стать Митрохин – антенщик и джус[323] по совместительству.

– Готов посодействовать! – воскликнул он. – Со всей присущей мне срочностью!

[323] О происхождении этого термина – в главе 155 третьего тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

Вероятно, солнечные лучи падали на него более отвесно, чем на других, но с головой они явно сделали что-то нехорошее, ибо Васюхан благородно отказался от предложенной Володей купюры и достал из кармана штанов свою – вдвое больше по номиналу, чем вызвал дикую зависть педагога, который вообще не любил деньги в чужих карманах.

Сходил он (Васюхан, а не педагог) в лавку Калимы так быстро, что его даже начали подозревать в тайном сговоре с магазинщицей, но дело было гораздо проще: ушлая начальница сельпо как раз стояла у окна, когда увидела приготовления к походу. Быстро сосчитав количество персонажей, восседающих на покерной скамеечке, она умножила его на два, получила число 12, умножила в уме на 36 назарбаксов, получила 432, острым, проникающим сквозь пространство, взглядом заметила в руке будущего скорохода купюру в 1000 назарбаксов, быстренько выставила из холодильника искомую пивную дюжину и приготовила сдачу, чем привела в изумление не только всех подозревающих Митрохина, но и самогó антенщика, который не успел даже удивиться, как уже был подтолкнут опытной рукой обратно – с котомкой, полной благородных напитков в правой руке, и кучкой помятых купюр меньших номиналов в левой, причём, ни он, ни Кулемзин так и не узнали, что были на немного обмануты Калимой.

С детства делал физкультуру:
штанга, конь, козёл, батут,
так как рисовать купюры –
это очень тяжкий труд!

Котомка заметно оттягивала ему руку, так как весила вместе с полными бутылочками больше семи килограммов, и поэтому никто из персонажей не удивился, когда они увидели приближающегося скорохода, который дышал так тяжёло, словно только что вернулся с ралли Париж-Дакар, причём, последний километр тянул свой вышедший из строя «КамАЗ» на верёвочке.

Серёжа, видимо, по праву хозяина хурджина первым схватил весело позвякивающую тару, покопался в ней, нашёл свои *жигулёвские* бутылочки, открыл одну из них и стал втягивать в себя пивко с таким же шумом, с каким голодный пылесос привечает зазевавшихся блох. К своему неизменному плохо пахнущему напитку он (Серёжа, а не пылесос) достал из кармана штанов маленькую зубастую рыбку неизвестной науке породы – сплющенную, как разрезанная пополам котлета в отцеябловском бигмаке, с остервенением побил ею о край покерного столика, выбил из животного (б) давно мёртвую душу и стал с наслаждением грызть кариесными зубами.

Появился первый зуб –
съесть теперь могу хоть дуб!

– Серёжа, открой йодистую бутылочку, – неожиданно тихо попросил трубач, так как, обернувшись к дому № 17, где и проживал, внезапно увидел на балконе стоя́щего тестя Якова Моисеевича. Разумеется, эта картинка была явной *белочкой*, так как любой из моих читателей сейчас смог бы объяснить похмельному Салихдзянычу, что тестя его здесь быть просто не может, так как он, согласно записке из второго тома[324], уже не первый день находился у своего друга Мойши Ароновича.

[324] Об этом факте можно прочесть в главе 18 второго тома романа «Русская кочерга» – прим. гл. редактора

– Открою, конечно, мать честна́я, – удивился охранник, – а у тебя самого́ что, руки отвалятся?

– Шабат, – тем же печальным шёпотом непонятно объяснил трубач.

– Ясно, – бодро ответил ему Полтавцев, как бы показывая свою осведомлённость в таинственных силах еврейских условностей. Всё ещё с некоторым недоумением он вновь поглядел на музыканта, словно Пифагор на закон расширения параллельной Вселенной, который только что сам и открыл – с похмелья.

– Старичок, ты, яйчики-бабайчики, опилки иногда в своей завалинке меняй, – беззлобно посоветовал унтер-офицеру писатель.

Но этот совет не успел достигнуть ушей Батыршина, так как тот в очередной раз ласточкой метнулся в учпучмакские кусты – со счастливой мыслью, что пока не успел выпить ни одного глотка́. А причиной этого неожиданного демарша стал, как всегда, враг мирового оппортунизма Мусаич, который от нахлынувших чувств при виде халявного пивка с чувством продекламировал:

– Властям Претории продажным
мы заявляем свой протест!
Арабским воинам отважным
мы шлём привет из разных мест!

Но вот, наконец, все успокоились, все расселись по своим местам, все взяли в руки заветные бутылочки и стали тихо прихлюпывать холодное жидкое счастье – назло солнцу, которое уже окончательно выкарабкалось в центр небесного купола, где вовсю раскочегарило свой термоядерный котёл.

«Как же хорошо!», подумал Альбионыч. «Жаль только, что сейчас не хватает кипрского сыра халлуми…»

Пусть салат нам будет пухом,
пусть напьёмся от души,
но скажу, собравшись с духом:
«Лучше пива не ищи!»
В нём здоровье наше, сила,
в нём чудесное тепло –
сколько рук его купило,
сохраняло, берегло!
Ведь не сразу перед нами
пиво встало на столе –
люди долго и упорно
потрудились на земле!

Глава 207. О ФИЛОСОФСКОМ САКСАУЛЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ

А чтобы моему читателю не было скучно в то время, когда герои романа занимаются первым по значимости любимым делом (вторым была игра в *русскую кочергу*), неутомимый автор решил ознакомить его (читателя, а не дело) с некой подборкой коротких маразмов, которые Кулемзин в своё время опубликовал на одном стихосайте под ником Философский Саксаул, разумеется, сделав себя главным героем этой чепухи.

Как заметил Кант Эммануил,
Диогену обозначив ку́киш,
хоть залезешь в бочку, как дебил,
всё же ты философом не будешь!

1. Центр Вселенной

Приехал как-то к Философскому Саксаулу человек и показал паспорт. А в паспорте написано, что он Вася Курочкин. «Эге», подумал Философский Саксаул, но вида не подал. А вот руку человеку подал.

«Я из Петрозаводска Вася», объяснил новый Вася. А, может, и старый, потому что Саксаул Карлыч не посмотрел в паспорте, сколько ему лет.

Тут из пивной за углом пришёл настоящий Вася Курочкин и строго спросил: «Товарищ, а какова цель вашего приезда?»

Новый Вася от вопроса чуть кумысом не подавился – ему Философский Саксаул дал немного кумыса с дороги в пиале.

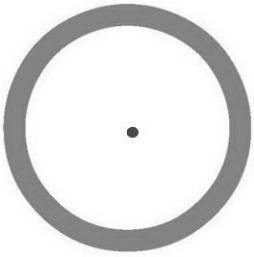
«Цель святая», проперхавшись, сообщил петрозаводец, «узнать, как живут люди вне тригонометрической удалённости от центра Вселенной и последующее сообщение результата заинтересованным петрозаводчанам…»

А тут и Кукушка из угла сообщила правильное континентальное время.

«Пора́», заплакал не наш Вася Курочкин.

«И то», проводил его наш Вася Курочкин.

А Саксаул Карлыч подумал о том, что всё в мире скоординировано под него, ведь если Вселенная бесконечна, то именно он и есть её центр. Вот такой:



2. Дружба

Стало как-то грустно Философскому Саксаулу. «Почто?», подумал он. Но не далось ему ответа. И понял он, что только немедленные действия могут смягчить его незавидное положение.

А тут из пивной за углом пришёл Вася Курочкин. Увидел его Саксаул Карлыч и сильно обрадовался. А всем соседям было известно, что он любил делиться бедой с кем попало. «Эге», подумал Философский Саксаул, «раз я обрадовался, значит, мне уже не грустно». И это была правда, потому что между литературными персонажами чего же дружбе-то не быть?

3. Филологическая загадка

Пошёл как-то Философский Саксаул Васю Курочкина искать. «Как бы не пропал Вася», думал он, старясь попадать шагом в такт колебаниям Вселенной.

«Там ищи», подсказал ему Муравей. Повернул Саксаул Карлыч за угол и нашёл Васю. Вася был в пивной.

«Эге», подумал Философский Саксаул и страшно удивился. Ведь он раньше думал, что пивная – это определение. А она оказалась существительным со множеством существительных, пьющих существительное из существительных и закусывающих копчёными существительными.

Обрадовался Вася, что его нашли , и печально пошли они домой оба-два…

4. Время по Вселенной

Однажды ночью Философский Саксаул проснулся от толчка. «Эге», подумал Саксаул Карлыч, «не иначе, как Вселенная энтропирует, а, может, даже и коагулирует…»

Но Энтропии Вселенной эти мысли были далеки – её сейчас занимал другой вопрос. А именно тот, который задал Муравей, тащивший из пивной за углом в свою Муравьиную Кучу большой кусок сыроватого беляша.

«Эге», спрашивал себя Муравей, «если тот, кто выбросил такой хороший кусок, думает, что он никому не нужен, так нужен ли он тогда мне?»

И только Вася Курочкин не ощутил никакого толчка. Он крепко спал после дружбы с пивной за углом и ему снилась Кукушка, которая сообщала на всю Вселенную точное саксаульское время.

Через каждый час…

Табло часов глядело в облака,
фигурки птиц слонялись по карнизу.
«Не думай о секундах свысока…»,
припомнил я, стараясь думать снизу.

Глава 208. О ФИЛОСОФСКОМ САКСАУЛЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ (продолжение)

5. Смерть помидора

Однажды Философский Саксаул причинил смерть по неосторожности, когда задумался над Энтропией Вселенной и надкусил помидор.

«Эге», внезапно осознал Саксаул Карлыч, «да так ведь недалеко и до ответственности. А я, к примеру, ещё не дописал свой уже успевший стать знаменитым роман «Русская кочерга»

Ему стало жаль погибший помидор, и он решил позвать на почтение его памяти своего друга Васю Курочкина. А Вася Курочкин был в пивной за углом и, кушая шашлык под «Саксаульское № 4», ни о чём не ведал.

Да оно и хорошо, ведь помидоры к пиву, как правило, всегда трансцендентально подтверждают свою несовместимость с желудочным соком высших приматов.

Я озвучу мысли лоха,
что познал вопрос большой:
«Помидоры к пиву – плохо,
а вот вобла – хорошо!»

6. Литература как отражение

Сидел как-то Муравей в своей Муравьиной Куче и читал Хармса. «Эге», думал он над строками, «а ведь неплохо сочиняет этот Ювачёв…»

«Эге», думал в это время и Хармс, «а ведь я в этой истории должен был быть читаем не Муравьём, а Философским Саксаулом. Не иначе, как всё это происки Энтропии Вселенной!»

А Вася Курочкин в это время в пивной за углом читал Хармса про себя, потому что наизусть знал несколько его сочинений.

«Эге», думал он при этом, «а ведь такое похвальное занятие вынуждает меня совершить акт похвалы по отношению к своему организму»

И он купил себе ещё одну кружечку «Саксаульского № 4». А я, автор, порадовался: как хорошо, когда все оказываются при деле, а пиву конца и кра́я нет…

7. Ничья

Пришла как-то к Философскому Саксаулу никем не званая Энтропия Вселенной. И давай, сволочь, его чморить. «Почто», говорит, «ты под Хармса косишь? Ату тебя, деревянного!»

«А ты», не испугался Карлыч, «почто так называемым богом притворяешься?»

Испугалась Энтропия Вселенной суда Муравьиной Кучи и убёгла восвояси.

А Вася Курочкин в это время за углом пиво пил. И поэтому всё самое интересное пропустил.

В мозгах поселилась блокада
и ноет, как будто чума:
«Философу пива не надо –
ему ведь хватает ума!»

8. Про пиво

Стоял как-то Вася Курочкин в пивной за углом и радостно пил «Саксаульское № 4». «Эге», вдруг подумал он, «а не в честь ли моего друга Философского Саксаула названо это пиво?»

Рядом было много людей, но у всех были свои проблемы, и Вася обратился с этим вопросом к заведующему пивной Расулу.

«Ты, Вася, умный», сказал Расул, «но дурак. Подумай сам: если бы это пиво назвали в честь Философского Саксаула, то оно было бы не «Саксаульское», а «Философское № 4». И вкус его был бы совсем другой…»

Тут Вася вспомнил, что не покормил Кукушку из часов, и пошёл домой. А про пиво по дороге забыл.

9. Контакт второго порядка

Пришёл к Философскому Саксаулу Хармс и принёс на ноге Муравья. Подивился Саксаул Карлыч такому совпадению. «Эге», подумал он, «знать недаром мне сегодня приснилось, что придёт Хармс и принесёт на ноге Муравья»

«Так ты всё того?», поинтересовался Хармс.

«Да как-то так, Иваныч», объяснил Философский Саксаул.

«Понятно», понял Хармс.

«Эге», ещё раз подумал Саксаул Карлыч, «вот какие деформации пространства происходят в обозримой Вселенной…»

«Расколол», подумал Муравей и отлепился от ноги Хармса. И то: его в Муравьиной Куче ждали дети.

Сел Муравей на ногу Васи Курочкина и поехал с ним за угол, к пивной. Куча-то рядом с пивной и была…

Хоть на разных росли все мы грядках,
но судьба наша очень близка,
ведь контакты *любого* порядка –
когда есть с кем нам выпить пивка…

Глава 209. О ФИЛОСОФСКОМ САКСАУЛЕ И ЕГО ДРУЗЬЯХ (окончание)

10. Битковое горе

Закатился однажды к Философскому Саксаулу Снукерный Биток. И опечалился: «Чего всегда один?»

И то: у Васи Курочкина был его друг Философский Саксаул, у Вселенной – её Энтропия, у Муравья – его Муравьиная Куча. А у Философского Саксаула, кроме Васи, был ещё и Хармс.

«Уйду в никуда», решил Снукерный Биток, «раз друзей нет. Ведь это горе…»

Но не успел. Вылетела Кукушка из часов, успев отдать последний долг последнему часу, подлетела к Снукерному Битку и положила на него одно крыло – левое.

И так хорошо сделалось Снукерному Битку, что он нашёл друга. Тут и уход в никуда сам собой распланировался обратно.

А было всё это во сне.

11. Странные визиты

Любил к Философскому Саксаулу захаживать его друг Хармс. А Кукушка из часов считала эти визиты очень странными. Она видела, что хозяин и гость вина́ не пьют, блюда не едят, а сидят себе рядышком и читают друг другу какие-то слова́ – когда из листочков, а когда прямо из головы.

Прочтут и взглядами обмениваются – многозначительными. Стала Кукушка прислушиваться к этим словам, но ничего не поняла. Она давно знала, что Философский Саксаул только притворяется умным, а теперь то же самое узнала и о его госте.

А Вася Курочкин, как видел Хармса, так сразу уходил в пивную за углом – за пивом гостю. Но почему-то никогда не возвращался…

Я без всяких там замашек
всё расставил по местам:
угощать любил я раньше,
а теперь буха́ю сам!

12. Без штанов Курочкина

Однажды Муравей решил навестить свою подружку – Кукушку из часах. Муравьиная Куча была страшно далеко от до́ма Философского Саксаула, где и жила Кукушка.

Но зато Муравьиная Куча стояла рядом с пивной за углом, где любил пить «Саксаульское № 4» друг хозяина Вася Курочкин.

А Вася Курочкин вдруг перестал там появляться. Дело было в том, что он поехал в гости к Васе Курочкину из Петрозаводска – своему однофамильцу. Подружились они недавно, и вот решили обменяться визитами на сущностном уровне.

Так Муравей напрасно ждал штаны Васи це́лую неделю – для того, чтобы прицепиться к ним и попасть в дом Философского Саксаула.

А Кукушка из часов не знала об этих терзаниях – она была на службе у Времени и исправно отсчитывала вслух каждый прошедший час.

И всё-таки все друзья встретились. Честно говоря, не знаю как, но ведь для настоящей дружбы разве важно отсутствие каких-то штанов?

13. О любимой игрушке Вселенной

Разговорились как-то Энтропия Вселенной и Философский Саксаул. А надо тебе, мой читатель, заметить, что Энтропия та любила брать парнокопытных за рога. И начала разговор с невинного наезда.

«Вот ты, сынок, философ и всё такое», сказала она, «а не знаешь, какой стороной правильно использовать чёрную дыру»

«Как известно, энтропия системы соотносится с количеством микросостояний, которые возможны в данном макроскопическом термодинамическом состоянии», не растерялся Саксаул Карлыч.

Фыркнула Энтропия, и только хотела на эту чушь что-нибудь возразить, как пришёл в гости Хармс. Он хорошо относился ко всем друзьям Философского Саксаула, и спор как-то сам прекратился.

А тут и Вася Курочкин подоспел из пивной за углом. Он принёс с собой две бутылочки «Саксаульского № 4», которое нравилось Хармсу своим названием.

Энтропия Вселенной пива не пила, а все остальные пили. И чёрные дыры тут вообще ни при чём…

Недавно видел чёрную дыру –
в простых очках, без телескопа даже,
не в интернете «Дырка точка ру», –
онлайн, живьём, пятном чернее сажи.
Она собой овальная была,
чей контур – грань неведомого мира,
и ту дыру проделала пила,
венчая пол вокзального сортира…

Глава 210. ГРЕМЯЩЕЕ СТРЕМЯ БИТВЫ

Почему время нашего иллюзорного мира всегда течёт вперёд и никогда назад? Какая мирозданию разница: сегодня оно могло бы разыгрывать партию так, а завтра или вчера иначе – в им же созданном мире? Обычное квазимистическое представление: за занавесью изученных, нормальных явлений, подчиняющихся обыденным явлениям природы, скрывается странный, загадочный мир истинной реальности. Тогда как, напротив, уже сам этот зримый мир якобы изученных феноменов – он-то и странен в высшей степени! Это ли не диво?

С какой стати из миллиарда возможных комбинаций выбрана всего одна (представляете, всего одна!), и выбрана притом неотменимо и непреложно, до скончания (прости, русский язык!) эона[325]? Это значит только одно: зримый мир серьёзен, и он наделён фун-

даментальной реальностью. Но ведь он же и иллюзорен! Пóмните: вчера мне нравилась девушка в белом, сегодня я уже не люблю девушку в белом, а завтра я сам в белых тапочках… Как у такого мира может быть связная история? И, тем не менее, она налицо!

[325] От др.-греч. αἰών – век – понятие в философии, обозначающее жизненный путь – прим. фи-лософ. редактора

Выбрав вариант из невозможных,
вновь спускаюсь я к своим корням:
в мировой истории всё сложно,
в личной же всё просто – у меня!

К чему бы автор делает такие отступления, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к происходящему за покерным столиком? А вот и имеют, и даже не одно. Во-первых, в числе игроков, занимающихся сейчас великой *русской кочергой*, находился один настоящий философ, правда, без соответствующего диплома, и мой читатель наверняка догадался, о ком идёт речь, во-вторых, иллюзорность, которая была заявлена в только что приведённом отрывке, была одним из краегольных камней как важной части жизни героев «Русской кочерги», так и нашего романа в целом, и, наконец, в-третьих, «загадочный мир истинной реальности», о котором было сказано 22 строками выше, и есть тот путь, тот *дао*, коему следовали сопокерники-собутыльники, то есть главные участники того, о чём сейчас ты, мой многотерпеливый читатель, узнаёшь из этих волнующих строк. Убедил?

Как и ранее, новая партия началась с роббера в одну карту – на *тёмной*. Но участники процесса, наученные горьким опытом, который им раз за разом преподавал Кулемзин, приступили к нему (робберу, а не Кулемзину) с некой опаской, все как один дружно подумав о пасе, но в душе надеявшиеся на одну взятку, которая – в случае выигрыша – сулила продвижение сразу на 50 очков. Володе было забавно наблюдать за умственными потугами игроков, кои тщились распознать истину, глядя на рубашку одной-единственной карты, к тому же не открытой.

Так, Батыршин молча глядел на картонку, лежащую перед ним, никак не реагируя на абстрактную Вселенную.

– Ты чего, мать честнáя? – обеспокоено толкнул его локтем охранник.

– А в армии вообще так, – объяснил Володя. – Если прапорщик молчит, значит, яйчики-бабайчики, он или пьяный, или фото в военном билете.

– А ты сам, Серёжа, мать моя партия, что заказываешь? – нервно проговорил Курманбаев, положив на свою карту руку, как бы пытаясь нервными окончаниями проникнуть в её сущность

– Вопрос понял, – важно ответил Полтавцев. – Ответ, царица лесная, думаю.

Хотя всем присутствующим, включая дворовых детей и старушек-пенсионерок, было видно, что, как писал в своё время Андрей Платонов в «Ювенильном море», «неизвестный бред совершался в его уме»

Когда, согласно этикета
и букве древнего завета,
гора дошла до Магомета,
«Гора!» – дошло до Магомета!

– А ты, Нуртай, сам-то ещё тоже не заказал, – попенял педагогу Альбионыч.

– Так я других жду, я же не торопыга какой – типа Валеры! – неожиданно обидел Му-

саич художника, который вообще не принимал участия в игре, а в это время тихонько говорил на ухо своему приятелю Митрохину:

– Ты удивишься, Васюхан, но существует огромное разнообразие стилей и направлений в изобразительном искусстве, коим я лично владею в совершенстве. И что удивительно, святой Малевич, они часто не имеют чётко выраженных границ и плавно переходят из одного в другой, находясь в непрерывном развитии и противодействии…

Антенщик на эти учёные бредни коротко кивал головой, как ослик, ежеминутно наклоняющийся за очередной охапкой соломы, но с живописцем не спорил, а думал о том, что вот когда разговор зайдёт об антеннах, он тоже расскажет Николаичу об их типах – спутниковой, офсетной, прямофокусной и даже азимутальной, а также объяснит все нюансы установки полярного подвеса, транспордера, конвертера и ресивера.

– Ты представляешь, – видя, что с ним не спорят, продолжал Муравлёв, – только на одну букву А таких направлений целая куча – это абстракционизм, авангардизм, академизм, акционизм, ампир, аппликация, анахронизм, андеграунд и аэрография.

Кулемзину было видно, что более сложные понятия прошли мимо сознания наташиного мужа, но он не стал дополнять этот список на первую букву алфавита, предоставив сделать это автору нашего романа, что тот с удовольствием и делает: алла прима, арте повера, ар нуво и арт деко!

У искусств одна константа –
деньги здесь как жало:
столько стилей у талантов,
только платят мало!

Призрачные флюиды тревоги витали над Бермудским Учпучмаком. Володя был холоден, как январская звезда, ибо хорошо помнил, что ничто так не греет душу, как неудача ближнего. С самого нача́ла партия начала́ напоминать какой-то несвязный нервный бред, словно за покерным столиком разыгрывалась сейчас одна из пьес Эжена Эженовича Ионеско. Наконец Афанасьич почувствовал, что ему фатально не хватает витамина Цэ, и натужно произнёс *пас*. Вслед за ним отпасовались и остальные.

Замах верстовый,
а шаг метровый!

Глава 211. ГРЕМЯЩЕЕ СТРЕМЯ БИТВЫ (продолжение)

Постепенно, скрипя, как старое казачье седло, но партия, которая на сегодняшний день рисковала стать последней, всё же разворачивалась, словно полковое знамя в честь полкового же сбора. После сыгранной трети, то есть к робберу на восьми картах, расклад случился следующий: на первом месте оказался Курманбаев, который играл буквально одной левой, так как правой рукой – на удачу! – крутил хвост своего персонального *иблиса*, и это, надо сказать, помогало, потому что в данный момент *наигрыш* педагога составил уже 132 очка. За ним, наступая на пятки, следовал Кулемзин со своими 128 очками, потом Батыршин, который успел набрать 91 очко, и, наконец, Полтавцев, пока безуспешно пытающийся вылезти из минуса, правда, не слишком глубокого – минус 11 очков.

– Три, мать честна́я! – оповестил он Бермудский Учпучмак, да так звонко, что даже на мгновение заглушил дворовых детей, которые, активно болея радостным безумием, орали что есть мо́чи, как бы соревнуясь сами с собой в силе голосовых связок.

По две взятки заказали остальные, и это сразу же напрягло весь покерный коллектив. Почему? Да потому, что в сумме заказанных взяток оказалось 9, а карт, которые пред-

стояло разыграть, у каждого участника этого финального дурдома, было по 8. Все по очереди представили, что именно он не добирает искомую взятку и пролетает на 25 очков. Холодный ветерок подступающего ужаса обдавал горячие головы соперников. Поэтому все, как один, решили высказать своё мнение о ситуации, но, как и учил их когда-то великий покерный гуру Альбионыч, сделали это весьма завуалировано, чтобы (не дай *дедушка*!) не понял кто-то из противников.

Гляжу я с изумлением
на это вот враньё:
у каждого есть мнение,
но только не своё!

Первым отличился Афанасьич, который, кашлянув в кулак, степенно промолвил, поглядев в глаза почему-то Васюхану:

– Бесплатный сыр, царица лесная, бывает только мышке ловкой!

– А я здесь при чём? – занервничал Митрохин.

Гуру улыбнулся и решил перещеголять сторожа на ниве шизофренических бредней:

– Не только у людей своя Сука-судьба. Вот возьмём, яйчики-бабайчики, к примеру, неких животных – обезьяну и коня. И что?

– Что, святой Малевич? – эхом откликнулся художник, увидев, что антенщик всё равно его не слушает.

– А то, что труд из обезьяны сделал человека, а вот из коня – транспорт! Тут уж как кому повезёт…

– Ах, ты в этом смысле! – дошло до Полтавцева, который стремительно схватил свою котомку, достал из неё заветный блокнотик «Для му.мы.» и, содрогаясь от волнения, быстро записал его поразившее: «Только что узнал, каким коварным может быть наш великий учитель Кулемзин! Он, в *тщетной* надежде обыграть меня, сейчас завуалировано назвал меня сразу двумя скотинами, – видимо, для того, чтобы сбить игровой прицел. Но не на такого напал!»

Это просто чертовщина,
от которой я грущу:
как рабочая скотина,
на себе игру тащу!

– Пурген тебе в пиво! – марсианским зрением увидев плоды «умственной» работы охранника, пожелал ему добрый Володя.

«Кстати, о пиве!», подумали остальные и дружно захлюпали своими бутылочками, которые, в раздражении от того, что о них стали забывать, начали немедленно теплеть.

– И тебе, Нуртай, да пошлёт твой друг *иблис* лишнюю бутылочку «Тянь-Шаня» – с зарплаты! – добавил писатель.

«Почему он выделил именно меня?», похолодело у коммуниста. «И что ему до моей зарплаты? Неужели он откуда-то узнал о взятке в 200 долларов, которую мне перед каникулами дал папа самого тупого ученика в колледже – Сарымбая Сарымбаева?! А вдруг он доложит об этом директору Бенику Мойшевичу?!»

– А можно переписать заявку? – тонким голосом свеженького кастрата проверещал Мусаич.

– Нет, старичок, ты же помнишь правило буравчика! – с жестяной строгостью обратился литератор к Курманбаеву.

«Вокруг одни шурум-бурумы,
а я искал ведь идеал!» –
буравчик правило придумал
и именем своим назвал!

– А эт’ как? – насторожился Афанасьич и одновременно обрадовался, что не успел положить свою знаменитую на весь Отцеябловск книжечку в котомку.

– Это правило, – улыбнулся Альбионыч, – как может подтвердить наш друг механик Митрохин, гласит: «Тому, кто хочет поменять заявку в *русской кочерге*, буравчик делает не одну дырку в голове, как остальным, а сразу четыре!»

– Почему?! – в негодовании воскликнул ленинец. – Мне тоже надо всего одну!

– А для лучшей вентиляции! Правда, Васюхан?

Но антенщик в это время думал о том, что у него первого уже закончилось пивко, и как бы сходить за ним ещё, а ведь игре нет конца и кра́я, так, может, вызваться самому́, и т.д. и т.п., и поэтому только согласно кивнул головой, сам того не ведая, что только что в своём лице нажил ещё одного врага для всего передового человечества.

Но вот был сыгран и этот роббер, где, как это ни тривиально звучит, опять проиграл Серёжа, который с изумлением смотрел на то, как острый шарик володиной авторучки, навострившись в *раскладку*, загоняет его в ещё более глубокий минус.

Как же я вперёд продвинусь,
если мне – глобальный минус?!

И тогда экс-текстильщик решил рисковать дальше. План был до гениальности прост: когда-нибудь да повезёт! Поэтому Афанасьич, не слишком внимательно посмотрев, какие карты ему пришли в следующем роббере, заказал уже четыре взятки, а вот остальные, опасаясь этого сурового решения, струхнули и сделали маленькие заявки.

Ох ты ж, Сука-судьба! Ох ты ж, родная дочь великого Случая, начавшего всю эту бодягу не только на маленьком шарике по имени Земля, но и вообще всю Вселенную – с невинного взрыва одного атома! Какие причудливые извивы придумываешь ты только для того, чтобы землянам было жить не скучно! Одним ты посылаешь извещения о телеграфном переводе на 1000 долларов, а другим – землетрясение силой в 8 баллов по шкале Чарлза Фрэнсисовича Рихтера, одним – глубокую яму по ночной дороге домой через городское кладбище, а другим – перевернувшийся грузовичок с пряниками прямо у твоего подъезда…

Кому непруха, кому пёрка,
кому труха, кому – калым:
одним пятак, другим – пятёрка,
одним сухарь, но торт – другим!

Вот и сейчас Сука-судьба, которая, просмотрев сводки последних дней, увидела, сколько раз в течение них пролетал швейк второго микрорайона, поднатужилась и вложила в пришедший роббер сто́рожа сразу две самые крупные карты – покера и старшего джокера, а к нему ещё и пару крупных козырей. И сколько бы ду́ри ни было сейчас у Полтавцева, как бы ни старался он проиграть, если бы даже захотел, но нет – не получилось! Взял охранник свои четыре взятки – и вышел из минуса!

– Просто достоевщина какая-то! – потрясённо прошептал Володя и даже записал этот странный результат чуть дрогнувшим почерком, а в механизме вращения галактики в это время скрипнула какая-то вовремя не смазанная «Шевроном» шестерёнка.

Глава 212. ГРЕМЯЩЕЕ СТРЕМЯ БИТВЫ (ещё одно продолжение)

Но игра, не смотря на проделки Суки-судьбы, продолжалась. «Как бы не впасть в угнетённое состояние!», подумал писатель, но, скорее, по некой привычке немного поворчать, потому что, объективно говоря, как и начальные азы предыдущих игр, всё, как говорили профессионалы из МЧС, «проходило в штатном режиме»

Вот Мусаич, который не находился сейчас на первом месте, не мог успокоиться этим вполне рядовым фактом, а сидел, разевая рот, как рыбка из детского стишка, и вспоминал страшное предупреждение, которое ему на днях сделал марсианин: «Главное правило любой собаки: сначала нюхай, а потом гавкай!». А вспомнив его, он даже встрепенулся, как петух, слезший с курицы.

Вот Салихдзяныч, изучив свой роббер, который обещал некое продвижение вперёд, вздохнул с облегчением, как баба, проводившая со двора взвод солдат-мародёров, неосмотрительно пущенных ею на постой, и, как это выглядит ни странно, тоже вспоминал страшные слова писателя: «От такой жизни со змеями сдружишься, с пауками песни петь начнёшь…»

Вот Афанасьич, посмотрев пришедшие карты, неожиданно откашлялся в кулак, словно собираясь выступить с трибуны ООН, и в глазах его заблестели капли слабоминерализованной влаги, но было непонятно, от чего: от умиления или разочарования.

Мозг «Тянь-Шанем» отшлифован,
но загажено сукно:
я игрой разочарован –
пиво кончилось давно!

Надо ли говорить, что и ему на «ум» пришло некое высказывание покерного гуру, и оно звучало, как великий закон жизни, оформленный в законченный афоризм, который хотелось немедленно записать в книжечку «Для му.мы.»:

Добродетель не всегда вознаграждается,
но зло наказывается всегда!

Вот Альбионыч вдруг скривился так, словно во рту его медленно таяла хинная таблетка, от вида пришедшего в его ру́ки придя в ужас, точно таракан перед пачкой «Рэйда», потому что чувствовал, что его локальная паника получила (прости, русский язык!) тенденцию перерасти в глобальную катастрофу. Он, как соавтор «Русской кочерги», чувствовал, что по закону жанра тоже должен вспомнить какие-то приличествующие слова, и, поднатужившись, родил их в голове – чтобы не услышали соперники и не поняли, как ему сейчас не повезло: «В са́мом деле, сколько же можно, как говорил дикий киплинговский мальчик[326], безнаказанно дёргать Суку-судьбу за усы?»

[326] Маугли – главный герой книг английского писателя Редьярда Джоновича Киплинга – прим. лит. редактора

Искры в его глазах прыгали, как статическое электричество по кошке, мрачные мысли неслись по траншеям извилин одна за одной, сливаясь в сплошной поток, но между бровей Володи, как напоминание о решительном характере, пролегла складка борца *до последнего*. Сейчас на лице председателя ПСО[327] словно была надета невозмутимая маска прожжённого дзен-буддиста.

[327] ***Покерный Союз Отцеябловска – прим. автора***

Ну, наконец, – четверг сегодня:
зарядка, фитнес, здравствуй, спорт,
и дзен-буддизм, и совершенство!
Попытка 233…

(А автор, ещё раз перечитав последнее слово последнего прозаического предложения, вдруг вспомнил свой лучший дзенский хокку, написанный очень-очень давно – тогда, когда он ещё не имел ни малейшего понятия о само́м дзен-буддизме:

Все они умерли –
люди, жившие в Российской империи
в августе 1864 года…)

Вот Николаич, заглянув через правое плечо в карты Полтавцева, прошептал ему на ухо что-то невнятное, но ворона, сидящая на карагаче, имела лучший слух, чем у наших игроков, и отчётливо услышала сетование художника о том, что «эту партию в плане твоих заявок, Серёжа, смело можно назвать банком нереализованных идей!»

Вот Васюхан без определённого отчества, заглянув через левое плечо в карты Батыршина, недоумённо посмотрел на него, – как Архимед на простенький закон Гей-Люссака, и был в этом взгляде или намёк на то, что карты пришли неважные (это если бы Митрохин вдруг стал разбираться в игре), или на то, что, выражаясь по-футбольному, Талгат мог бы сейчас стать явным форвардом таранного типа (если бы Васюхан по-прежнему ничего не петрил в *русской кочерге*).

Да-да, волей неугомонного автора даже двое неиграющих персонажей зачастую бывали втянуты в эти непростые игры разума/маразума, а уж бросить игру персонажей *действующих* сейчас бы не заставил даже всемирный потоп-2.

Вокруг вода, одна вода!
Когда, откуда и куда
пришла негаданно беда –
в пучине сгинуть навсегда?!

И всё-таки было одно, которое могло остановить, казалось бы, неостановимый процесс игры – это отсутствие любимого напитка. Здесь Кулемзина что-то подтолкнуло изнутри. «Inside voice[328]», подумал он, и не ошибся, затем быстренько достал из кармашка своей марсианской рубашки сразу две купюры и сунул их в разные ру́ки – художнику и антенщику, а потом даже подтолкнул их по направлению в сторону лавки Калимы, которая, кстати говоря, уже давно стояла на крылечке сельпо и тревожно вглядывалась вдаль – со страшной мыслью, что сегодня пиво покупаться больше не будет.

[328] ***Внутренний голос – англ.***

«Нет, ну надо же как-то заканчивать эту иблисову партию!», в сердцах подумал писатель, ведь в это время игрался всего лишь роббер на первой строчке в 11 карт, и только через три роббера (минуя среднюю *тёмную*) ситуация должна была повториться на такой же строчке, но уже по пути, как говорили игроки, *с горки*.

Это знают даже орки[329]:
лучший путь – конечно, с горки!

[329] Существа в сказках народов Западной Европы и в современных произведениях жанра фэнтези. Орки имеют большое сходство с гоблинами и входят в число «стандартных» видов фэнтезийных существ – прим. лит. редактора

Но вот, наконец, все разобрались с картами и даже сделали заявки, а скороходов в лице Валеры и Васюхана всё не было, потому поневоле пришлось продолжить игру.

– Ну, я вам сейчас покажу! – неожиданно загоношился охранник, перед этим немного наморщив лоб, как бы имитируя работу левого полушария, в присутствии которого (полушария, а не лба, так как лоб было хорошо видно) все сильно сомневались.

– Старичок, ты кинопроектор, что ли? – сурово спросил его Альбионыч, ощущая себя ответственным руководителем безответственных лиц. Голос покерного гуру был явно способен заморозить фрукты на зиму.

– Да-да, дорвался заяц до капусты! – порадовал коллектив очередным трюизмом педагог, и при этих словах Полтавцев побледнел, точно хамелеон на Северном полюсе, потому что большевик при этом ещё и улыбался, правда, все давно знали, что улыбки Мусаича всегда получались вымученными, словно между ними у него неожиданно разыгрывался застарелый геморрой.

На Северный полюс поеду
во вторник, четверг или среду,
на Северный полюс достану билет,
когда мне исполнится несколько лет!

И такая бледность была сейчас к месту, потому что Володя смотрел на него пристально, как снайпер на зону обстрела. Сторож знал, что когда писателя злили, тот становился хуже цен на продукты питания, поэтому коротко пробурчал: «Да я просто пошутил» и уткнулся взором в свои карты.

– Нуртай, кончай свою тухлую пропаганду, давайте уже начинать доигрывание! – сурово посетовал марсианин.

– Не любишь ты меня, – пригорюнился Курманбаев.

– Извини, старик, не люблю, ведь у меня абсолютно другая сексуальная ориентация. Ну, не могу любить мужчин – и всё тут!

– А ведь я могу поменять вектор нападения, – неожиданно озлобился партиец.

– Считай, что напугал меня до потери штанов, – холодно проговорил Володя и, так как первый ход был именно его, бросил на покерный столик козырную девятку – с дальним прицелом. И этот, казалось бы, нелепый ход сработал на славу: Афанасьич попытался забрать его козырным королём, Салихдзяныч – таким же тузом, но взятку хапнул педагог еврейского колледжа – старшим джокером.

Теперь ход был его, и он тотчас пожалел, что так бездарно потратил своего *гранда*, а ведь хотел использовать его тогда, когда можно было прищучить именно писателя. Он вымученно пошёл какой-то невнятной некозырной четвёркой, которую забрал Альбионыч, и дождался от него следующего страшного хода – младшим джокером:

– По козырям!

Я ненавижу пропаганду –
как слышу, сразу же пылю:
«По козырям!» была команда,
а понял я как «По рублю!»

Все скинули старшие козыри, а Талгат забрал и эту взятку последним из *грандо*в – по-

кером. Но именно этого развития ситуации и ждал Кулемзин, ведь на руках у него теперь остались две непобиваемые карты – козыри, которые были самыми крупными в игре на данный момент. Так что три взятки, которые заказывал литератор, были успешно реализованы, что принесло ему законные 60 очков. Гораздо хуже оказалось у других: Курманбаев недобрал одну взятку, старший музыкант – две, а несчастный Серёнька, который даже не пытался понять, что же произошло, сразу три, или минус 60 очков в *раскладку*.

«Вот так эффективное применение кнута существенно экономит мои пряники», довольно подумал писатель и заметил, что ходоки наконец-то возвращаются в родную хевру с победой, так как один из них тащил полную серёжину котомку, а второй – магазинный пакет, придерживая его не только двумя руками, но и собственным подбородком.

Я задействовал всё тело, –
чтобы пиво в рот влетело!

Глава 213. БАСНЯ И АРМЕЙСКИЙ РАССКАЗ АЛЬБИОНЫЧА

Увидев приятную картинку с возвращением любимого напитка в умы присутствующих, Альбионыч обрадовался так, что на губах его возникла добрая улыбка, как у старого моржа[330], о котором когда-то пели великие битлы – самым странным своим текстом:

«Semolina Pilchard climbing up the Eiffel Tower,
elementary penguin singing Hari Krishna.
Man, you should have seen them kicking Edgar Allan Poe.
I am the egg man, they are the egg men.
I am the walrus, goo goo g'joob g'goo goo g'joob.
Goo goo g'joob g'goo goo g'joob g'goo![331]»

[330] «I Am The Walrus» («Я морж» – англ.) – песня группы «The Beatles» (1967) из альбома «Magi-cal Mystery Tour» («Волшебное таинственное путешествие» – англ.) – прим. муз. редактора
[331] Семолина Пилчард карабкается на Эйфелеву башню,
простой пингвин поёт «Харе Кришна».
Приятель, жаль, ты не видел Эдгара Алана По под кайфом.
Я человек-яйцо, они люди-яйца,
я – морж, отлично, девочка, давай! – англ.

Когда все блаженно захлюпали холодным напитком – кто каким, ведь ходоки принесли сразу три со́рта пива: «Тянь-Шань» для всех, «Маршал» – для Батыршина и «Жигулёвское» – для Серёжи, Володя понял, что игру надо на время приостановить, ибо чтобы сейчас насильно отобрать у своих сопокерников бутылочки и вложить им в руки карты, понадобится не меньшее усилие, чем у тех 16 лошадей, которые ещё 359 лет назад, в 1654 году по воле немецкого физика Отто Людвиковича фон Герике пытались, но так и не смогли разорвать знаменитые магдебургские полушария, прижатые друг к другу, и из которых был выкачан воздух.

Но рассказывать сидящим с ним людям о физических опытах в условиях страшной жары было бы весьма странно, поэтому Альбионыч решил развлечь их некоей басней, которых знал во множестве, а тех, что не помнил, дополнял своими придуманными. Но мой поднаторевший в нашем романе читатель наверняка сам догадается, кто же автор этого произведения – какой-нибудь маститый баснописец прежнего времени или нынешнего, тем более что литератор уже озвучил её название

Ворона и сырок

Послал Вороне как-то бог
на завтрак плавленый сырок.

Та упаковку не сняла
и, подавившись, умерла…

♠ ♠ ♠

Мораль проста, как часть оси́:
не знаешь, что за дрянь, – спроси!

Немудрёные строки попали прямо в середину промёрзших покерных сердец. Педагог, слушая бесконечные стихи Володи, считал его мовистом[332], прапорщик утвердил себя в мысли, что Кулемзин – явный шизоист, но в разговоре об этом с Полтавцевым оба сходились на том, что писатель – всё же основоположник, и даже кое в чём краеугольный камень саксаульской философии.

[332] *От фр. мове́ (mauvais) – плохой, дурной – прим. художеств. редактора*

Но о басне тут же забылось, а вот Альбионыч никак не мог отделаться от воспоминаний о магдебургских полушариях – запа́ли, понимаешь, они ему в память и никак не хотели оттуда уходить. И тогда он вспомнил, что в далёком детстве, когда он, как и многие подростки советской поры́ (б), вместе с братом увлекался собиранием марок (ещё не зная слова *филателия*), то в их коллекции была вот такая марка социалистической ГДР (б):

, которая как раз и отражала опыт, придуманный на потеху императору Священной Римской империи Фердинанду III Фердинандовичу знатным немецким физиком. И только бывший детский филателист вспомнил эту марку, как виде́ние описанных полушарий тотчас пропало. И тогда писатель, поняв, что людей, закалённых в покерно-пивных посиделках, пронять очень трудно, решил рассказать им армейскую историю, но увидев, как покривился педагог, который не служил ни одного дня, пообещал, что она будет очень короткой. И слово своё сдержал, назвав её так:

О забавной химической атаке

Эта история произошла со мной в армии, в соседнем батальоне. И этот батальон, и на-

ша рота относились к РТВ[333] ПВО, которые всегда размещались основательно – бóльшая часть народу сидела в подземных КП[334], а остальная (это были, операторы РЛС[335]) на позиции в *кунгах* с аппаратурой.

[333] Радиотехнические войска – прим. воен. редактора
[334] Контрольный пункт – прим. воен. редактора
[335] Радиолокационная станция – прим. воен. редактора

Их комбат, в отличие от нашего ротного, тоже майора, всячески придерживался уставного порядка и на боевые дежурства заставлял весь расчёт брать с собой противогазы. Причём, хочешь или нет, но носить их приходилось, так как у комбата был ещё один дурной прикол – для проверки наличия противогазов у расчёта в кунг забрасывалась так называемая *синеглазка*, то есть хлорпикриновая[336] (или с ещё какой-то гадостью) шашка, которая обычно используется для проверки тех же самых противогазов и ОЗК[337]. У кого был противогаз, тот мог считать, что он легко отделался, а вот у кого не было, тот в полном смысле этого слóва рыдал и плакал.

[336] Хлорпикрин, или трихлорнитрометан CCl_3NO_2 – жидкость с резким раздражающим запахом – прим. воен. редактора
[337] Общевойсковой защитный комплект – прим. воен. редактора

Не нужны в охоте мины –
я в лесу охотник ведь:
бросил шашку с хлорпикрином –
сдались лось, лиса, медведь!

И вот май, весна, тепло, птички поют, а комбат идёт по позиции с заподлянским выражением лица, поигрывая *синеглазкой*. И тут, заметив открытую дверь кунга и доносящиеся из-за неё голосá, он понимает, что представился удобный случай проверить экипировку бойцов. И тут же зажжённая шашка летит внутрь кунга, после чего дверь снаружи надёжно подпирается грузным комбатским телом.

Из-за двери через мгновение, разумеется, послышался мат-перемат, а также неистовые удары в дверь руками и ногами. Дождавшись, когда удары совсем ослабли, комбат открыл дверь и обалдел: в облаках хлорпикрина на него вывалились в слезах, с выпученными шарами и хватающими воздух ртами капитан – начальник РЛС, майор – начальник штаба полка, и проверяющий подполковник из штаба дивизии, которые приехали с внезапной проверкой. Бойцы были, как обычно, в противогазах, а вот майору было сказано много ласковых слов, в том числе и пожелание видеть его капитаном.

Но самое смешное в этой истории было то, что во время химической атаки, согласно уставу, свои противогазы бойцы никому из старших по званию не отдали, так как противогаз – это, прежде всего, *индивидуальное* средство защиты…

Таня с химиком лежала
на пригорке, на холме –
через год она рожала
РДП-4В! [338]

[338] Ранцевый дегазационный прибор, предназначенный для дегазации и дезинфекции вооружения и техники – прим. воен. редактора

Глава 214. ГРЕМЯЩЕЕ СТРЕМЯ БИТВЫ (почти окончание)

Рассказав эту в высшей степени поучительную историю, Володя, пока остальные с трудом отходили от его мудрости, с удовольствием просвистел одну из лучших композиций одной из лучших вселенских групп «Deep Purple» из концерта 1984 года «Perfect Strangers»[336] под названием «Knocking At Your Backdoor»[337]. Нуртай с отвращением поглядел на морального разложенца, но не сказал ничего, а вот музыкальный прапорщик просто не узнал предложенный отрывок.

[336] ***«Идеальные незнакомцы» – англ.***
[337] ***«Стук в твою заднюю дверь» – англ.***

Увидев, что такая музыка с трудом доходит до коллектива, Кулемзин решил немного вбить её в тыквы присутствующих, для чего взял с покерного столика две пробочки от только что вскрытых бутылочек и лихо отстучал ими начальные такты замечательной «The Spell»[338] замечательной группы «Uriah Heep» из их диска 1972 года «Demons And Wizards»[339]. Но и эта попытка музпросвещения коллектива успеха не принесла. Тогда он внимательно оглядел *раскладку* и подвинул колоду к Салихдзянычу:

– Талгат, яйчики-бабайчики, твоя очередь сдавать.

[338] ***«Заклинание» – англ.***
[339] ***«Демоны и волшебники» – англ.***

– По сколько йодистых карт? – хриплым голосом поинтересовался военный.

– По 12, – ответил писатель. – Поздравляю вас, мои маленькие друзья, с этого момента мы будем спускаться вниз – каждый раз на одну карту меньше, а достигнем высшей точки, то есть начальной *тёмной* на одной, только завтрашним утром.

– Так это что, святой Малевич, последняя партия? – восторженно завопил Муравлёв, который вообще не принимал никакого участия в сражениях.

Люблю горизонты свои расширять,
по трудным дорогам упрямо шагать
и к новым стремиться победам!
Но только не после обеда…

– К сожалению, – горько поведал Альбионыч. – Именно таково распоряжение Суки-судьбы, которая и передала мне вот этот листочек.

Он полез в карман рубашки, откуда ранее вынимал денежки на пивко, и вытащил оттуда бумажку формата А5, разгладил её и показал всем по очереди, но так быстро, что только Николаич зорким глазом художника успел запомнить её заголовок:

Великий План Построения Четвёртого
Тома Романа «Русская кочерга»

И, если в перерывах между партиями игроки были похожи на детишек в песочнице, обсуждающих, у кого ровней получился кулич, то сейчас, в момент решающей битвы, все сосредоточились, но каждый по-разному: Нуртай вспомнил гениальное ленинское сочинение «Истинные интернационалисты: Каутский, Аксельрод, Мартов» с его пронзительными строчками: «Никто не мог тогда знать, что через четыре года предстоит одна из *решающих битв*[340], а следующая *решающая битва* с абсолютизмом предстоит, может

быть, в 1915-1916 гг., а, может быть, и позже!»[341], Серёжа перестал копаться в носу и даже вытер палец грязным платком, извлечённым из котомки, Талгат мысленно воспроизвёл партию трубы из музыкальной пьесы Дмитрия Кабалевского «Маленький барабанщик» – для обучения ритмичной ходьбе детей до четырёх лет, но ошибся, потому что такой партии в этом выдающемся *двухминутном* произведении не было вовсе, а Володя просто ухмыльнулся, постановив себе стоять намертво, как баррикада на Красной Пресне, будучи в глубине души полностью солидарен с неким Уильямом Без Отчества: именно от крошечных сбоев погибают замыслы с размахом[342].

[340] Курсив мой – прим. автора
[341] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 56 – прим. полит. редактора
[342] Строки из монолога Гамлета одноимённой трагедии У. Шекспира. Дословно: «Так погибают замыслы с размахом, / Вначале обещавшие успех» – прим. лит. редактора

И вот тут игра понеслась в таком стремительном темпе, словно сопокерники, измученные ею, постарались как можно быстрее бросить всю эту лабуду с покерами-джокерами, мизе́рами, взятками и очками, дабы поскорее приступить к завершающему, но самому сладкому аккорду сегодняшнего дня – *распитию*. А писатель, владеющий несколькими европейскими языками, ухмыльнулся повторно, так как вспомнил, насколько же слово *распитие* – истинно русское. И это так. Возьмите фразы *питьё воды* и *распитие алкоголя* и переведите их, скажем, на английский: *drinking water* и *drinking alcohol*. Видите: ведь нет там никакого распития даже для бухла, а есть всего лишь примитивное питьё: одинаково *дринкают* они и то, и то другое. Не то что мы…

Знает и богач, и голь,
знает чурка-свая:
воду пьём, но алкоголь –
только распиваем!

И всё здесь пошло́, как всегда – по накатанной, и только изредка игровые ситуации провоцировали появление неожиданностей, кои так любили старые друзья неиграющие Валера и Васюхан. Они (старые друзья, а не неожиданности) откровенно скучали, но сразу же оживлялись, когда возникало нечто неординарное.

Вот и сейчас Афанасьич, заказавший аж четыре взятки на 10 картах, нервно кинул на покерный столик козырного короля, но тут же, спохватившись, забрал его и кинул другую карту – пиковую двойку. Все знали, что за такое преступление против великой *русской кочерги* полагаются 20 штрафных очков, которые невнимательный сторож тут же и получил от бдительного *записывающего* Альбионыча. Но охранник сразу встал на дыбы и начал доказывать, что 62 дня назад, когда возникла такая же ситуация у Батыршина, Володя сделал вид, что не заметил ошибки, и не списал ему штрафные очки!

Салихдзяныч даже задохнулся от возмущения, поэтому ничего сказать не смог, а марсианин спокойно выслушал эти глупые претензии ошибальца и дохлебал свою бутылочку «Тянь-Шаня», отметив, что она уже начала теплеть.

– Сережа, вот смотри, в чём твоя ошибка, – заметив, что оппонент продолжает нервничать, пояснил он и, перевернув *раскладку*, быстро набросал на листке:

$$\mathbf{U = (1/v2\pi d) + (k/2) + (x/d - x^3/3d^3) - (e + x^2/2d^2)}$$

– Понятно? – спросил он, светясь сразу тремя вещами: дружелюбием, желанием помощи товарищу и жаждой просветительства.

– А это что, святой Малевич? – ткнул в *раскладку* пальцем в пятнах краски художник – в то место, где говорилось о 2π.

В голове, как у бамбука –
пусто, значит, жди беду:
эта π – всего лишь буква,
а не то, что ты поду…

– Это, мой неразумный друг, вовсю тянущийся к бесполезным знаниям, – второе приближение к нормальному закону ошибок, иногда иностранными учёными…

– …прислужниками капитала, мать моя партия, – быстро вставил Курманбаев.

– …так вот, иностранными учёными называемому Общим законом ошибок, где d означает стандартное отклонение от ситуации, k – психологическое состояние играющего, а v – скорость принятия ошибки.

– Да, но тогда x в средней части уравнения будет не в кубе, а в квадрате, – успокаиваясь, возразил бывший текстильщик.

– Нет, именно в кубе, – настойчиво повторил Кулемзин, – а в случае, если эта ошибка – смертельная, то даже и в четвёртой степени! Теперь ты понял, что заменять карту никак было нельзя?

– Да у меня просто рука липкая была, – пробормотал удручённый математик и смирился со списанием, но не оттого, что поверил знайке, а только потому, что даже после него (списания, а не знайки) в графе, куда складывались серёжины очки, всё ещё оставалось плюсовое число.

Я сегодня слушал старый блюз:
«Находиться в плюсе – это плюс!»

Глава 215. СКАЗКА ПРО РЕПКУ

Игра продолжалась, а, вернее, завершалась, и тут очередную ошибку совершил военный трубач, который последние десять минут уже вообще не думал ни про какую игру, потому что перед его взором как живая стояла запотевшая ледяная чекушка *беленькой*: у него произошла непонятка сразу с двумя джокерами, которыми он умудрился не взять ни одной взятки, хотя именно на этих картах заказывал две.

– Так что, други мои, – резюмировал Альбионыч, списывая музыканту 45 очков, – выбирая кнут или пряник, пóмните, что чёрствым пряником по морде – это тоже больно!

– Как это? – удивился старший прапорщик.

– Да это так же просто, как сказка про репку, – ответил Володя и принялся подробно объяснять, почему второго джокера, после того, как был выбит первый, нужно было держать до последнего.

Но объяснения внимательно выслушал не только Талгат, но и Афанасьич, у которого был свой вопрос по этой запутанной игровой позиции:

– Володя, а сказка про репку – это та, которую мне в детстве рассказывала бабушка Федóра из деревни Семижопино?

– Наверное, – пожал плечами писатель, в тот же миг превратившийся в поэта, потому что произнёс следующее:

– У этой сказки множество вариантов, и даже у меня есть один. Хотите – расскажу.

– Хотим, хотим, – в два голоса закричали живописец и антенщик и даже, видимо, в знак приветствия подняли свои бутылочки пивка, как бы салютуя ими Володе.

– Хорошо, – согласился тот и приступил к рассказу:
– Итак, **Сказка про репку**.

Расскажу вам сказку по порядку:
в захолустье дед, купив жильё,
репку посадил однажды в грядку
и потом выращивал её.
Безвозмездно удобряли всходы
по ночам у деда полсела,
и на органических отходах
репка сквозь планету проросла!
И, как наступило время с грядки
урожай запрятать в закрома,
дед, доходы подсчитав в тетрадке,
чуть от счастья не сошёл с ума.
В это ж время где-то в Оклахоме
вечно пьяный фермер мистер Смит
обнаружил прямо перед домом
из земли растущий монолит.
И, приняв за должное халяву,
стал тянуть наружу корнеплод.
Дед в России, рассудивши здраво,
тут же потащил наоборот!
Дед вцепился в репку, тянет к дому,
от натуги скулами скрипя,
только этот гад из Оклахомы
тоже тащит овощ на себя.
Бабка к перетягиванью репки
подключилась, крикнув «Ни хрена!»,
оклахомцы тоже держат крепко, –
наглый Смит и смитова жена.
Смитихе вцепилась в юбку внучка,
следом пёс невиданных пород, –
русская девчонка тащит Жучку
защищать хозяйское добро!
Мурка псу впилась когтями в кожу
и дуэтом вместе с ним орёт,
но и в Оклахоме знает кошка:
кто сачкует, тот потом не жрёт.
К состязанью подключилась мы́ша –
репа сразу вылезла на свет!

♠ ♠ ♠

В Оклахоме ж спецрезерв не вышел,
так как там мышей домашних нет!

Глава 216. ГРЕМЯЩЕЕ СТРЕМЯ БИТВЫ (окончание)

И вот, наконец, настал тот миг, который уже наставал во множестве глав нашего замечательного романа – последняя *тёмная*, коя и подводила итог каждой партии. Данная же *тёмная* подводила итог ещё и всей сегодняшней битве, так как действительно была последней в описываемом автором четверге. И, конечно же, отличиться именно в ней хоте-

лось всем, но самое стра́стное желание было у большевика Курманбаева. «Своей победой я закреплю общественное мнение Бермудского Учпучмака», думал он, «в том, что только тот, мать моя партия, кто в совершенстве владеет ЕПУ[343], достоин пьедестала почёта в виде покерного столика и царского трона в виде покерной скамеечки». Глупые мысли, согласись, мой читатель, но сколько ещё глупостей придётся пережить тебе вместе с нашими героями – в оставшихся трёх (а, может, больше) томах!

[343] ***Единственно Правильное Учение – прим. автора***

А автор, в числе жизненных приоритетов имеющих такого мудреца, как Омар Ибрахимович Хайям, решил закрепить эту мысль как раз в виде рубаи́:

Не удивляйся, что мудрец среди глупцов
не выскажет и па́ры умных слов:
где барабанный бой – не услыхать свирели,
где вонь чесночная – не уловить духов…

И вот колода карт в руках последнего сдающего – прапорщика Батыршина – защёлкала, как счётчик Ханса Вильгельмовича Гейгера. Он так ловко и без единой ошибки сдал последние на сегодня 48 карт, что удивились все, а Володя даже воскликнул:

– Экий ты боевой, яйчики-бабайчики! Вы посмотрите на него: не человек, а прямо Будённый какой-то!

Тонкость последнего роббера, как уже известно моему читателю, была в том, что сданные карты смотреть было нельзя, но заказывать, страшно рискуя, всё-таки было нужно. И эти му́ки явственно отражались на лицах игроков.

Вот Полтавцев так резко наморщил лоб от непривычных умственных усилий, что стал сейчас похож на птицу отряда грачёвых. «Быть или не быть?», думал он словами из книжки, которую так никогда и не прочитал.

– Что, очко играет? – весело предположил Володя. – Как у Петра, когда он по воде ходить пробовал…

– Какого Петра, мать честна́я? – обалдел Серёжа. – Дяди Пети, что ли?

– Апостола, – объяснил Альбионыч. – Усомнился – и всё: волной накрыло!

У апостола Петра
от Христа была хандра:
был на месте он втором,
но хотел быть сам Христом!

Вот педагог, не зная, что предпринять, печалился так, что всем было видно: только тургеневская девушка, по пьянке потерявшая невинность, могла бы понять его сейчас до конца. Ему было плохо ещё и потому, что покерный гуру насмешливо смотрел на него, как большевик на кулака, хотя хотелось бы наоборот! К тому же, писатель не сидел молча, а выразительно проговорил, глядя ему прямо в глаза́:

– Всем хорошо, кроме тех, кому плохо.

Афанасьич, услыхав такую мудрость, которая, по его мнению, могла бы полностью изменить его жизнь, немедленно раскрыл чистую страничку в книжечке «Для му.мы.» и поспешно, чтобы не забыть, накаракулировал: «Кому плохо, тому и хорошо. Если кому-то эта мысль покажется глупой, пусть вспомнят, что произнёс её ни кто иной, как Великий Философ Всякого Времени Кулемзин!»

Вот Салихдзяныч, так ловко справившийся с последней *сдачей*, неожиданно почувствовал, что везение его резко окончилось, как будто неизвестные враги внезапно обре́зали

ножницами киноплёнку – и только для того, чтобы обозвать киномеханика позорным погонялом *сапожник*. Подлил масла в огонь и Альбионыч, который вслед за афоризмом, прозвучавшем в адрес партийца, высказал нечто подобное и в его, Талгата, адрес тоже:

– Окончательных побед, старичок, не бывает. Окончательными бывают только поражения…

Всем тем, чей мозг смекалкой беден,
и кто не хочет стать мудрей,
от поражения к победе
идти становится трудней…

Так как Кулемзин за время игры́ значительно оторвался от остальных соперников, он даже постарался немного пригасить свою внутреннюю силу, которая обязательно людьми знающими и внимательными читается в зрачках, и постарался изобразить невинного простачка, которому сейчас пришли на руки не совсем хорошие карты. Но для закрепления успеха литератор, заказавший скромные три взятки, принялся весело насвистывать «Портвейн № 12» – кантату собственного сочинения 1975 года, и всё для того, чтобы игроки поверили, что на самом-то деле карта у него отменная, и играть он будет сейчас жёстко, чтобы перебрать, но в это же время посадить остальных.

Очевидность этой задачи была так ясна, что даже Муравлёв и Митрохин, не принимающие участия в игре, были уверены в исходе битвы.

– Давай, Вовка, давай, – тихонько бормотали они по очереди, хотя никто не заставлял их болеть именно за писателя. А, может, это была простая человеческая благодарность за то, что именно Альбионыч в течение всего дня отравлял их немолодые организмы продуктами алкогольных переработок?

Что даёт нам алкоголь?
Неужели только боль?

– Три! – наконец выдавил из себя сторож, и тут же нелогично продолжил фразу:

– Володя, а ты всех поэтов знаешь?

– Нет, не всех, конечно.

– А вот такого – Хераскова?

– Этого знаю – Михаил Матвеич его звали, и жил он аж в XVIII веке, – ответил Альбионыч, и даже хотел добавить, что когда-то читал его невзрачную поэму «Россиада», коей он (Матвеич, а не Альбионыч) чрезвычайно гордился. Марсианин даже помнил некоторые строки из этой поэмы вроде этих:

Мятели вьются вкруг и производят бег,
морозы царствуют на место летних нег;
развалины градо́в там льды изображают,
единым видом кровь которы застужают…

, но сейчас признался:

– Правда, я стихов его не читал.

– Почему?

– Да у него такая замечательная фамилия, что стихи – это, по-моему, лишнее!

– Давайте уже доигрывать, ёперные знатоки! – снова занервничал трубач.

По три взятки заказали и остальные, так что общее количество заказанного было как раз 12 – по числу сданных карт. Но как же редко случалось так, чтобы в этом случае, как

выражался марсианин, игроки *присели на одном гектаре*, то есть взяли своё. И вот после того, как соперники ознакомились с пришедшими картами, игра началась.

Нам не видать восстановленья,
хоть мы – великие бойцы:
игра начнётся – и волненье
погонит кровь во все концы!

– Мизе́р, – тонко улыбнулся Нуртай, и Володя подумал, что когда у человека такие тонкие губы, не всегда можно сказать наверняка, улыбается этот человек или просто гримасничает – от полноты жизненных впечатлений.

– *Иблиса* тебе в дисковод! – изощрённо выругался Володя, после чего тоже улыбнулся и озвучил своё решение:

– Отменяю!

Всего два сло́ва, сказанные двумя противниками, а как много они значили для остальных. И Афанасьич, и старший трубач мгновенно поняли, что у одного из произносильцев страшных слов имеется два *гранда*, а вот у другого – тоже два! И было даже неважно, у кого что именно, так как сразу стало понятно, что играть надо даже не на козырях, которые эти двое сейчас будут выбивать друг у друга, а на крупных картах – ведь мизе́р был отменён! Вот такие нюансы теперь знаешь и ты, мой терпеливый читатель, который добрался почти до конца четвёртой толстой книжки, на чёрной обложке которой марсианским золотом сияют великие слова РУССКАЯ КОЧЕРГА!

Читай, покуда ты живёшь,
но помни и не будь капризней:
не в каждой книге ты найдёшь
того, чего не знаешь в жизни!

От напряжения, которое случилось сейчас в его тыкве, старший прапорщик внезапно вспомнил, что он ещё и музыкант, и, страшно фальшивя, засвистел сонату *ре мажор* Йозефа Маттиасовича Гайдна, стараясь вложить в свой свист присущие этой сонате октавные скачки́ с повторением звуков, а также такие странные мелодические украшения, как острые форшлаги[344] и морденты[345].

[344] Мелодическое украшение, состоящее из одного или нескольких звуков, предшествующих какому-либо звуку мелодии – прим. муз. редактора
[345] Мелодическое украшение, означающее чередование основного звука со вспомогательным – прим. муз. редактора

– Талгат, неужели ты не можешь доиграть партию без этих своих бахов? – попенял унтер-офицеру Афанасьич, который неожиданно для остальных узнал в свисте Батыршина тоже сонату ре мажор, но почему-то Иоганна Иоганновича Баха.

Салихдзяныч дико взглянул на него, а потом подтолкнул Нуртая: делай, мол, первый ход. Курманбаев застенчиво бросил на столик старшего джокера и тихо сказал:

– По козырям.

Все скинули старших козырей, и только Володя взял первую взятку своим покером, после чего тут же выложил младшего джокера и зловеще произнёс – только для одного педагога:

– По младшим джокерам!

Так ленинец лишился сразу двух взяток, на которые рассчитывал. А дальше всё пошло́ проще: Кулемзин, взяв третью взятку козырной дамой, которая осталась старшей из

козырей после первого хода, остальные карты постарался сбагрить кому попало, но в то же время следил, чтобы большевик не взял свои, так как в этом случае, судя по записям в *раскладке*, он бы вышел на первое место, обставив литератора на 14 очков. Да хоть на одно, и то было плохо, ведь за первое место, как, наверное, помнит мой внимательный читатель, в общий рейтинг бойцов начислялось 4 очка, а за второе – только 3 и т.д.

Будь, товарищ, осторожен,
нарываясь на кулак:
рейтинг нам понять поможет,
кто герой, а кто слабак!

Так что всё завершилось, как и предполагал Володя: он четвёртый раз за сегодняшний день вышел на первое место, Батыршин – на второе, педагог – на третье, а Серёжа традиционно оказался замыкающим строй.

– Не расстраивайся, Серёнька, – утешил он сам себя, – всё равно же все знают, царица лесная, сколько именно ума в твоей, то есть моей, тыкве!

Глава 217. КОРОТКАЯ ПРИТЧА О СЧАСТЬЕ

Кулемзин собрал воедино *раскладку*, карточную колоду и авторучку, подозвал дворового ребятёнка и, вручив ему ключ от квартиры, посулил за относку предметов стаканчик мороженого. Ребятёнок кинулся выполнять поручение, а писатель, очень довольный прошедшим игровым днём, резюмировал все впечатления от него в следующих словах:

Лишь тот имеет право сказать *нет*
уже существующему в природе *да*,
кто имеет право сказать *да*
уже существующему в природе *нет*!

Он даже не подозревал, что выданный в запальчивости гениальный афоризм впоследствии войдёт во всемирное издание «The 100 Wise Thoughts of Humanity»[346] нью-йоркского издательства «PlagiatPress»

[346] *«100 самых мудрых мыслей человечества» – англ.*

– Володя, – наклонился к его плечу антенщик Митрохин. – Как ты общаешься с этими сумасшедшими?

– Знаешь, Васюхан, – тихо, но честно ответил философ, – я вообще, яйчики-бабайчики, стараюсь общаться только с сумасшедшими.

– Почему?!

– А с нормальными с ума сойдёшь…

И вот настала пора́… нет-нет, мой читатель, не прощаться… а всего лишь начинать горькие главы о горьких напитках этого романа. И, чтобы сгладить тягостное впечатление от них, писатель решил рассказать короткую притчу о счастье, как и было заявлено в названии текущей главы. Итак…

Зима кричит: «Холодно! Налей быстрее рюмку водки!»

Весна требует: «Шампанского, хамы!»

Лето просит: «Пивка бы, да холодненького...»

И только осень подойдёт тихонько, положит руку тебе на плечо и вкрадчиво спросит: «Ну что, приятель, по коньячку?»

Точно знают все народы,
здесь ведь нечего гадать:
пей в любое время года –
не замёрзнешь ты тогда!

А тут и дворовый ребятёнок подоспел, получил обещанный полтинник на шикарное мороженое неизвестно с какими наполнителями, но почему-то сиреневого цвéта, произведённое в соседнем Китае. Он лихо заскочил в сельпо Калимы, купил продукт и, не выходя, из магазинчика, тут же его слопал, – чтобы не делиться со своими товарищами. А другие дворовые дети в это время передвигались по периметру Бермудского Учпучмака хаотично, словно иноземные войска на местности по крайне неточно составленной разведкой карте.

«Да это просто какие-то особо *одурённые* дети», подумал писатель, а старший прапорщик, у которого сейчас подрастало ещё двое таких же, начал озираться – как бы в их поиске, но увидел только чужих. Правда, ему показалось, что дворовых детей было человек двадцать, но, может быть, если в глазах двоилось, то десять.

Глава 218. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ[347] (О дешёвом гедонизме)

[347] ***От англ. spurt – рывок***

«Что-то подозрительно тихо стало в нашем омуте», подумал Альбионыч, «никак *иблисы* что-то затевают…»

И впрямь, после рассказывания короткой притчи, как говорят книжные романтики, наступила гнетущая тишина – так молчат в доме преставившегося душегуба, у которого морда такая, что и в гробу кирпича просит. Всем стало ясно, что корабль игры не просто застопорил ход, а на сегодняшний день вообще потерял его. Неуправляемое слюноотделение стало прологом к ежевечернему нездоровому пристрастию к крепким напиткам.

«Зачем им всё это надо?», в который раз тоскливо подумал Володя, после чего сам же и ответил – тоже молча: «Наверное, чтобы на время забыться от такой печальной реальности, коей было наполнено всё пространство Бермудского Учпучмака с утра до вечера. А то, что оно будет наполнено именно такой гадостью, мы откуда-то знали ещё со вчерашнего дня…»

Продолжаем жить в контрасте,
как последние скоты:
наши знания напрасны,
хоть стремления чисты…
\

Всё, как всегда, началось с Полтавцева. Выпив с утра уже не менее десяти бутылочек «Жигулёвского», сторож сидел, словно чукча из того анекдота, и думал, как жить дальше. Причём, в отличие от анекдота, думы его были весьма серьёзны. Правда, думал он недолго, так как от вечерних мыслей его отвлёк вопрос.

– Серёжа, а ты как насчёт по йодистому пивку? – ещё раз не совсем по-русски построил своё заманчивое предложение Батыршин. И была в нём (предложении, а не Батыршине) некая невинная хитрость, как бы настраивающая коллектив на дальнейшее продолжение *распития*.

– Спасибо, Талгат, – вежливо ответил Афанасьич, – пожалуй, мне, царица лесная, на сегодня пива уже достаточно…

Все изумлённо замолкли, а художник и вовсе поглядел на охранника так, как будто тот проговорил эти слова на японском.

– …а вот немного водочки – само то! – неожиданно закончил сложную мысль уроженец деревни Семижопино.

Все облегчённо вздохнули.

– И, главное, бежать недалеко, – назвал ещё одну причину Серёжа, видимо, считая её чуть ли не главной.

Учение Эйнштейна я легко
супруге объясняю, если надо:
за хлебом 200 метров – далеко,
за водкой 300 метров – это рядом!

«По-моему, массы охватил дешёвый гедонизм[348]!», философски подумал Кулемзин. Он почувствовал, что его невидимо плющит неумолимый каток отягощённого пороком мироздания.

[348]От др.-греч. ἡδονή – наслаждение, удовольствие – аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни – прим. философ. редактора

– Неужели вам, яйчики-бабайчики, нужен алкогольный дурман, – горько улыбнувшись, спросил он вслух, – против которого с разным успехом и разными методами боролись почти все видные русские государственные деятели, начиная от митрополита Фотия и великого князя Ивана III, и кончая помеченным *иблисом* генсеком Горбачёвым?

– Ещё как! – хором ответили мечтающие алкогольно одурманиться.

– Кстати, – улыбнувшись ещё горше, продолжил невольный историк, – как что-то путное могло получиться, например, у Фотия, который, хотя и стал митрополитом Киевским, но, как известно из истории, всё-таки был рождён в греческом городе Монемвасия, а, значит, русских алкогольных корней у него не было вовсе?

О, как же вывод этот горек –
я им поистине сражён:
у русских всех один лишь корень,
и этот корень – самогон!

– Ты нам про эту Колбасию заканчивай рассказывать! – сурово обратился к лектору экс-текстильщик, после чего начал откровенно угрожать:

– А то мы сами тебе можем такого порассказать…

Но писателя, как когда-то его дедушку Остапа, уже вовсю несло.

– Или что могло получиться у коммуниста Горбачёва, который вместо того, чтобы постигать душу русского мужика, издревле склонного к пьянству, постигал основы партийного строительства в крайкоме КПСС (б) Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления?

Хоть и век уже пролистан,
про него я изреку:
разве знали коммунисты,
что хотелось мужику?
Случай снова однотипен,
как Карл Маркса «Капитал»:
мужику хотелось выпить,
да партвзнос опять не дал!

– Володя, ты не прав, – сделал осторожную попытку разбудить, видимо, дремавшее сознание марсианина, старший прапорщик.

– Ты бы, Талгат, помолчал, – попенял ему Кулемзин. – Тебе бы спортом надо заниматься, а то со своей страстью к черноплодным напиткам ты уже совсем расклеился, как конверт, забытый в дождь на скамейке.

– И что, в футбол, что ли играть? – решив поддержать друга, язвительно предположил сторож, показав тем самым всему коллективу, что и ему не чужда такая высшая форма иронии, как сарказм.

– Зачем же зря гонять невинный мячик? – возмутился Володя. – Есть же более интересные виды спорта. Например, гимнастика на намыленном бревне в коньках, или гребля по пересечённой местности, или, ещё лучше, водное поло с гирей!

Сидевшие рядом друг с другом Митрохин и Муравлёв переглянулись и, как будто репетировали, одновременно спросили на два голоса:

– А ты сам почему не пьёшь?

Вопрос показался спонсору коллектива таким серьёзным, что он решил доказать всем присутствующим, что уже не раз задумывался над ним и даже постарался отобразить свою мысль в поэтическом произведении под названием

Без названия

Я, как Тургенев, бросил пить,
курить, как Чехов, завязал.
И что об этом говорить?
Я этим всё уже сказал!
Я буду трезвым, как Маршак,
здоровым, как Аристофан.
И сделать этот смелый шаг
давным-давно пора бы вам!

Но не только этот герой-поэт, но даже сам автор нашего замечательного повествования тоже думал на эту тему: почему же всё-таки некоторые мужики не пьют? и есть ли этому какие-то объяснения? и если есть, то какие именно? И понял автор, что придётся посвятить этому исследованию целых две главы в этом томе. «Но, думаю», подумал он, «мой лояльный читатель вряд ли станет ругаться из-за каких-то лишних пары-тройки страниц, когда их в каждом томе ровно по 600!». Итак, набери, мой читатель, побольше воздуха в грудь…

Глава 219. ОЧЕНЬ СТРАННО, КОЛЬ МУЖИК ПИТЬ С ДРУЗЬЯМИ НЕ ПРИВЫК

Какие ассоциации у вас вызывают мужики, которые наотрез отказываются даже от капли спиртного? У кого-то они, конечно, могут вызывать восхищение, у кого-то – наверняка разочарование, а у некоторых даже жалость – как к диарейным больным. Одним словом, сколько людей – столько и мнений. Но большинство *нашего* народа, который в принципе нормально относятся к тому, что вполне можно пригубить бокальчик искристого, склонен видеть странность именно в таких мужиках – которые, как говорится, ни капли в рот. И действительно, ведь есть что-то странное в непьющих мужиках – то, что, вероятно, не раз неволило вас ломать голову над тем, что же именно вынудило их внести такое вето в свою жизнь.

Я не ультрафиолетов,
мне другой по вкусу цвет:
у меня на водку вето,
а на пиво вето нет!

Все мы согласимся с тем, что встретить совсем не пьющих представителей сильного пола – это редкость, но, что ни говори, а такие редкие исключения всё-таки попадаются. И если вы умудритесь встретить такой экземпляр мужика, вы непременно так же, как и большинство женщин, нормально воспринимающих жизнь во всей красе, без штампов и принципов, задумаетесь о том, что в непьющем мужике есть что-то странное.

Но мало кто думал о том, что такое странное и негативное отношение мужика к напиткам с повышенным градусом обусловлено целым рядом как индивидуальных, то есть физиологических, так и психологических причин. А вот что это за причины, которые вызывают этот *подневольный сухой закон*, автор, который, как и его герой Альбионыч, крепко пил в своей жизни аж 21 год подряд, сейчас и попытается объяснить.

Итак, вот эти самые распространённые факторы, которые объясняют столь странное предубеждение мужика по отношению к спиртному. Ознакомься же с ними, мой умный и внимательный читатель, и сделай для себя выводы – относительно данной странности. А причин таких всего шесть – столько же, сколько персонажей романа сейчас сидит за покерным столиком.

Вот какое ж окаянство –
ты его мозгами взвесь:
сто причин у нас для пьянства,
коль в кармане деньги есть!

1. От поколения до поколения

Первая из них – это так называемый *наследственный страх*. А именно: у мужика в семье сильно пили, например, дед, дядя, отец или даже кто-то по женской линии. А как известно, от генетической предрасположенности никто не застрахован. Вот поэтому мужик и отказывает себе в употреблении спиртных напитков, так как просто боится повторить участь кого-то из своих родных.

Особенно это остро ощущается, если в семье мужика сильно пил отец, от чего страдала и мать, и он сам. Вот сын и насмотрелся на такое повседневное пьянство отца, слёзы матери, и сделал для себя вывод, что *я никогда не стану таким, как он*! Иными словами, парень просто возненавидел алкоголь и всё, что с ним связано. В такой ситуации даже разговоры о спиртном вызывают у него раздражение. Так что его странность только в том, что он боится *прожить жизнь* своего отца.

Кстати, подумайте и о таком негативном стечении обстоятельств, если кто-то из родных мужика ушёл на тот свет по вине алкоголя. Одним словом, у него (мужика, а не алкоголя) есть все основания не употреблять эти напитки! А психологическое давление на подсознательном уровне – это и есть *скелет в шкафу*, из-за которого представители сильного пола так странно себя ведут…

Сколь, жена, ты не эстетствуй,
наливай-ка под обед:
я бухáю по наследству –
пью, как пил отец и дед!

2. Проблемы со здоровьем

Ещё одна причина, которая характеризует странное в мужиках отношение ко всему креплёному в стакане – это состояние его здоровья. Нет, инвалида мы, конечно, из такого мужика делать не будем, но тот факт, что он перенёс тяжёлое заболевание (типа ко́ри или свинки в детстве) или хронически болен, и ему нельзя алкоголь, мы исключать не станем. Так что, если ваш знакомый не из пьющих, совсем не исключено, что у него какой-то недуг или противопоказание к употреблению алкоголя. Кстати, сюда же можно отнести и такое страшное понятие, как аллергия (не к ночи будь сказано!) на алкоголь. Одним словом, прежде чем винить мужчину в его странном поведении, вначале поинтересуйтесь его здоровьем!

Глава 220. ОЧЕНЬ СТРАННО, КОЛЬ МУЖИК ПИТЬ С ДРУЗЬЯМИ НЕ ПРИВЫК (окончание)

3. Теперь я не пью!

А как вам такой вариант, что мужик раньше был ярым любителем пригубить пару-тройку-четвёрку рюмок алкоголя и, притом, это переходило все грани и нормы? Иначе сказать, он, не побоимся этого страшного слова, в прошлом был *зависим* от спиртного. А теперь вот случилось чудо, и он излечился и стал на путь истинный.

Так что, если мужик закодирован от употребления алкоголя, прошёл курс специального лечения и реабилитации и т.д. и т.п., то о каком спиртном сейчас может идти речь?! Да просто этот мужик боится сорваться и снова упасть в ту бездну, где и был раньше! Ведь, как хорошо известно врачам-наркологам, такой человек может взяться за прежнее, даже выпив всего один глоток пива…

Если вам сказать короче,
раньше я не пил ни дня:
погубил меня глоточек –
был он первым для меня!

4. Верой единой

Краткое и простое объяснение того, что мужик не пьёт спиртное – это то, что он так называемый верующий. Кстати, как уже неоднократно отмечалось и в этом томе, и в

предыдущих книгах «Русской кочерги», в наше время появилось огромное количество различных сект и конфессий, куда вступают глуповатые люди, и где негативно относятся к огромному количеству искушений жизни (а спиртное сюда тоже входит, и даже занимает одну из ведущих ступеней в списке под названием *вам нельзя*). Так что если мужик не пьёт, он просто может быть представителем той или иной конфессии[349].

[349] ***Уж лучше был пил – был бы умнее! – прим. автора***

Здесь уместно будет сказать, что, кроме отказа мужика от спиртного, в этом случае за ним можно заметить и ряд других странностей, которые явно будут отличать его от остальных представителей сильного пола…

Жизнь моя в одну полоску –
с каждым годом всё черней:
коль мужик – напейся в доску!
Коли баба – то не пей!

5. Пьянеет от одного глотка́

Ещё одним фактором в непьющих мужиках, который их такими делает, выступает то, что, приняв хоть каплю спиртного, они быстро погружаются в алкогольное опьянение и теряют над собой контроль. Скажете, что это только женская парафия[350]? Отнюдь нет! – отвечу я, ведь мужчины тоже способны на такой итог после *принятого*. Кстати, сюда также можно отнести и то, что представитель сильного пола, выпив, просто не отвечает за свои поступки: в нём может проснуться чувство агрессии или, напротив, жалости, он даже способен полностью потерять так называемый человеческий облик.

[350] ***Болезненное изменение внешних чувств – гр.***

Может, именно поэтому такой мужик решил отказаться от спиртных напитков в любой ситуации, чтобы не оконфузиться перед другими? Хотя для русских это звучит по меньшей мере смешно…

6. Спиртные напитки – это такая гадость!

И, наконец, последняя из самых распространённых причин в таких странных мужиках – это то, что они просто терпеть не могут ни вкус, ни запах напитков с повышенным градусом! По́мните из детства, когда вы так же терпеть не могли пенку на молоке или лук в супе?

Вот вам и вывод, почему ваш знакомый так странно себя ведёт. Так что не судите его слишком строго!

Вновь у нас на сердце шрамы,
вновь мы стонем по ночам:
осудили алкаша мы,
что допил, подлюка, сам!

♠ ♠ ♠

А напоследок автор этого несколько странного исследования хочет сказать тебе, мой дорогой читатель, что такое поведение непьющих представителей сильного пола – это ещё не показатель того, что они не такие, как все!

Ведь всем нам сто́ит признать тот факт, что у каждого из нас есть свои странности, которые другим могут показаться удивительными. Кстати, абсолютно не пьющий мужик, что в России, что в Саксаулии, – это такая редкость, и если вы встретили такого, это тоже в своём роде очень странно. Не правда ли?

Глава 221. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Как отсрочить неизбежное)

Но получилось так, что нетипичная тема русского *непитья* ещё какое-то время не отпускала.

– Я вот почему пить бросил? – задал риторический вопрос Володя.

– Почему, святой Малевич?

– Да потому, яйчики-бабайчики, что понял: бухло – это мистика!

– Как это, йодистый Мессинг?

– А вот как: выпили с другом, скажем, бутылочку водки – значит, культурно посидели. Выпили вторую – оказалось, перебор. Но мы ведь взяли ещё и третью.

– И что?

– Вот тогда и выяснилось, что этого *мало*… Мистика!

– А я, царица лесная, почему пью? – также риторически поддержал писателя сторож с отчеством Афанасьич.

– Да, почему ты пьёшь, друг? – заинтересовался Васюхан.

– Да потому что у меня никогда нет уверенности в завтрашнем дне!

– И действительно, – подхватил мысль Кулемзин. – Думаю, что никто из нас не знает, каким оно будет – завтрашнее дно…

– А провалы, мать моя КПСС? – строго поинтересовался ленинец, и все как-то сразу поняли, что речь идёт не о пятигорском Провале, художественно описанном володиными тёзками Ильфом и Петровым в главе XXXVI романа «Двенадцать стульев», а о провале памяти.

Афанасьич немного подумал, а потом решительно отверг гнусные предположения:

– Да у меня по пьянке вообще никогда не бывает провалов памяти! – обиделся он. – По крайней мере, я за собой такого *не помню*…

«Вот какая заковырка»,
плакал кент мой поутру:
«провалилась память в дырку,
как в Чернильную Дыру!»

И всё же Альбионыч не оставлял попыток как-то отвлечь стремящийся к алкоголю коллектив.

– Знаете ли вы, мои крайне нелюбопытные друзья, что буряты называют своих алкашей олигархами? – попробовал он напустить какого-то (прости, русский язык!) этнографического тумана.

– А ты думаешь, что такие знания нам вообще нужны? – с сомнением в голосе произнёс Митрохин, который наконец почувствовал себя в коллективе так, как будто пил с ним последние пять лет.

– Ты это… не мешай, мать честна́я… саморазвитию коллектива… – попенял ему сторож. – Володя, а что эти буряты имеют в виду?

– Да особого секрета нет, – благодарно улыбнулся охраннику знайка, – просто это слово созвучно местному *олиг архи уудуг хуунуд*, что означает глубокий пьяница.

– Вот видишь, – ещё раз попенял Васюхану Полтавцев. – Ведь ни ты, ни я до этого волнующего мгновения не знали такого замечательного факта, а теперь знаем!

– И что, у тебя в голове что-то прибавилось? – попытался дискредитировать соседа по лестничной площадке Курманбаев.

Не навоз, не сор, не тесто,
не какой-нибудь там воск, –
в голове тому лишь место,
что зовётся словом мозг!

– При чём здесь голова? – логично возмутился Полтавцев. – Просто я не знаю, где эти чукчи живут со своими олигофренами.

– Буряты, – поправил его педагог. – Эх ты, географию тоже знать нужно!

– Да что же я, географию вашу не знаю, что ли? – обиделся Серёжа. – Да я ещё со школы помню, что до того, как изобрели глобус, Земля была плоской!

– Ну-ну, мать моя партия, – иронично заметил Курманбаев.

– А ты, Нуртай, вообще молчи, – торжественно обратился экс-текстильщик к педагогу. – Вряд ли в твоём марксизме-ленинизме есть такие умные вещи, которые знает наш друг Володя!

Сказанное так поразило Мусаича, что он действительно замолчал.

И тогда Альбионыч сделал последнюю жалкую попытку отсрочить неизбежное.

– Может, яйчики-бабайчики, вам стишок какой прочитать? – робко поинтересовался он у присутствующих сопокерников и примкнувших к ним алкоголика Муравлёва и Митрохина. Все, конечно, поняли замысел писателя, и решили ему не перечить.

– Давай! – решительно рубанул воздух рукой Валера. – Только, святой Малевич, чего-нибудь попонятнее – о природе, что ли…

– О природе? – счастливо улыбнулся Володя. – Да у меня таких стихов – великое множество. Но, как правило, все они такие тонкие и лирические, что я боюсь, вы их просто не поймёте. Вот, например, один из них:

По речушке меленькой
за ромашкой беленькой
плыли три букашки
на большой какашке…

«Ничего не понимаю!», отчаянно подумал педагог, а прапорщик тут же поперхнулся глотком и, по старой армейской привычке, побежал к кустам. И только саксаульский гоген Николаич, не тушуясь, открыл, словно папку с эскизами, серёжину книжечку «Для му.мы.» и стал в ней что-то лихорадочно черкать – видимо, *набрасывая* иллюстрацию к будущей книге стихов гениального поэта. И тут художник Муравлёв понял, что настала пора встревать в разговор и ему, иначе о нём просто забудут, а ведь время вовсю приближалось к той поре, которая в русском народе называется *скоро будут наливать*. Поэтому он звенящим, как у пионера на линейке, голосом тут же выразил своё отношение к прозвучавшему:

– Классный стишок! А какие рифмы! Не говоря уже о синекдохах… Давай ещё!

– Конечно, – ещё раз улыбнулся Володя, довольный произведённым эффектом. – Только следующее не о природе, хотя тоже тонкое и лирическое:

Света лунного дорожка
красит стену предо мной.
Потерплю ещё немножко –
и сожгу свой дом родной!

– Ну всё, всё, натерпелися! – решительно поднял вверх указательный палец правой руки сторож, а всю левую протянул по направлению к Володе – ладонью вверх, куда писатель робко положил весьма крупную купюру.

– Вот именно, – сделал тонкий намёк Нуртай. – Да не оскудеет рука подающего!

– И да не пересохнет горло поддающего, – тут же поддержал библейскую цитату Батыршин. – Ёперный Володя, надеюсь, ты ничего не имеешь против?

«Да, алкоголизация нации – лучшая школа демократии», ответно подумал литератор, «ведь на карачках все равны!», но вслух сказал совсем другое:

– Алкоголь вообще никогда не решал мои личные проблемы, зато часто инициировал интересную подборку новых, но чужих.

«О чём это он?», с тоской подумал антенщик.

Нас дорога вдаль зовёт,
по стакану – и вперёд!

– Я о том, – вновь отозвался Альбионыч на этот незаданный вслух вопрос, – что nihil hie aluid vivere quam bibere[351]. И это, кстати, сказал Антоний Квинт Кампан – личный секретарь легата[352] папы римского Пия IX при дворе прусского короля Фридриха III.

[351] Жизнь есть ни что иное, как питьё – лат.
[352] Личный, но временный представитель папы римского на срок, необходимый для выполнения поручения – прим. ист. редактора

– Видать, этот Антон жизнь знал! – со знанием дела, зажимая купюру потной ладонью, проговорил охранник. – Это ведь только у Шекспира «Быть или не быть?», а у нас завсегда «Эх, была не была!». Володя, рот закрой. Нуртай, рот закрой. Талгат, рот закрой. Валера, рот закрой. Васюхан, рот закрой.

– Да иди уже, – проворчал марсианин.

– А что брать? – внезапно озаботился Полтавцев, словно не он до этого был героем аж трёх томов «Русской кочерги». – Валера, ты водку будешь?

– Я бы отказался, – солидно ответил Николаич, – да национальность не позволяет!

У меня есть много качеств,
но одно из них – как сон:
русский я! И это значит,
что в бутылке я рождён!

– Ты, Серёжа, главное, смотри только по дороге назад из магазина ничего не урони.

– Кто это сказал? – замотал головой Афанасьич, и автор тут же поспешил удовлетворить его любопытство, переписав строку заново:

– Ты, ёперный Серёжа, главное, смотри только по йодистой дороге назад из ёкарного магазина ничего не урони.

Бывший текстильщик вопросительно поглядел на советовальца, коим оказался старший трубач, как бы страшивая его: а то что?

– А то будет жалко, – объяснил Салихдзяныч, а Альбионыч вспомнил один свой старый псевдояпонский хокку, написанный ещё в студенчестве – как раз о таком трагическом случае:

Послали меня за сакэ,
по дороге разбил два сосуда!
Самка собаки теперь я…

Глава 222. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (В магазине Калимы)

За *крепким* Афанасьич помчался в 2,73 раза быстрее, чем за пивом, поэтому оказался в магазинчике Калимы уже через 46 секунд! Первым, что он увидел, когда отдышался, а глаза́ его немного привыкли к полумраку сельпо, была ленивая продавщица, которая тонкой пилочкой подравнивала и без того холёные ногти. Даже на расстоянии был заметен её вызывающий маникюр, словно свои пальцы она чуть-чуть обмакнула в ванночку с кровью. Увидев, что покупатель пришёл в себя от спринтерского бега, продавщица с сожалением отвлеклась от салонной работы, и решила развести лоховатого по виду мужика по полной программе, и для начала решила обратиться к его мужскому началу.

– А вот обратите внимание, – начала она и ткнула пальцем в полочку слева от себя, где вместе с китайскими трусами и псевдоармянским коньяком лежали какие-то подозрительные пакетики.

– А это что, чипсы? – с надеждой спросил сторож.

– Ну что вы, как можно, – с жаром начала объяснять продавщица, потом понизила голос до интимного уровня и выразительно прошептала:

– Это только для настоящих мужчин.

Полтавцев подошёл ближе, прищурился и увидел упаковку, в которой, судя по надписи, находились 12 презервативов и одна гигиеническая салфетка, что его сразу несколько напрягло, поэтому Серёжа тут же задал появившийся в тыкве вопрос:

– А зачем здесь салфетка? В подарок?

Честный ответ, будь на месте охранника другой, мог бы и убить, ведь продавщица ухмыльнулась и произнесла:

– Пот со лба вытереть!

«Какой трагичный всё-таки финал!»,
сказал презерватив, упав под койку, –
всего один лишь раз любовь познал,
и тут же оказался на помойке…

Увидев, что лоховатого на понт не возьмёшь, женщина решила зайти с другого бока.

– Мужчина, а вы лотерейный билетик не возьмёте? – сладко прищурившись, предложила она.

– Нет, – коротко ответил покупатель.

– Почему? – как бы искренне удивилась магазинщица.

– Убеждения не позволяют.

– Это как? – изумилась женщина.

Серёжа порылся в своей котомке, достал оттуда книжечку «Для му.мы.», нашёл соответствующую страничку, подошёл поближе к пролому в стене, означающему окно в контейнере, и выразительно прочёл::

– Потому что я – научно-прагматический статистик!

Продавщица открыла рот, но промолчала и стала смотреть на Афанасьича с возросшим уважением, даже не обратив его внимания на только сегодня появившийся плакатик – с рекламой заморской жвачки:

Жуйте много «Джуси Фрут» –
от него все мухи мрут!

После этого знатный покупатель наконец-то добился своей цели, купив и запихав в котомку не только заветный блокнотик, но и несколько весело зазвеневших бутылочек,

которые словно заранее радовались встрече с алчущим коллективом. Затем он (покупатель, а не коллектив) ещё раз окинул взором выставленные на полочках ценники, подумал «В принципе, если ничего не покупать, то цены вполне нормальные!» и вышел из лавки.

Правда, через пару минут, когда странный покупатель был уже далеко, продавщица опомнилась, страшно терзаясь тем, что забыла предложить ему новый торт «Наполеон» в оригинальном местном исполнении: маленькая фигурка императора стояла поверх торта и держала в руках флаг, но почему-то не французский, что было бы весьма логично, а саксаульский.

Когда-то жил Наполеон,
победами был горд,
но никогда не думал он,
что превратится в торт!

А литератор, пока охранник, гружёный, как мул во времена бутлегерства[353] в Мексике, совершал поход к столику, в это время вспомнил один случай, который он, честно говоря, сам и организовал в одном из магазинов Отцеябловска.

[353] Подпольная торговля спиртным во время сухого закона в США в 1920-1930-х годах – прим. ист. редактора

Детвору опять волнует
сигарет взять без помех:
магазин, хоть и торгует,
но товаром не для всех!

Пошёл как-то раз Володя в один известный и дорогой магазин бытовой техники в родном городе. И вот ходит он по специальному телевизорному отделу, выбирает себе некую технику домой, но, как это часто бывает, ни один консультант к нему так и не подошёл. «Непорядок», подумал марсианин и решил немного подшутить над первым же консультантом, который, как официант в советском ресторане (б), проносился мимо. Он поймал его за рукав, дал па́ру секунд отдышаться, а потом спросил первое, что пришло в голову:

– Здравствуйте! Я ищу одну довольно редкую штуку для подставки своего плазменного телевизора.

– Что именно? – наконец проявил интерес консультант.

– Да эта штука помогает открывать полочку на подставке! Никак и нигде не могу найти её, ни в одном магазине, везде эта штука, видите ли, в дефиците, или говорят, что закончилась!

– А как она называется, не по́мните? – ещё больше заинтересовался консультант.

– Конечно, помню! – сделал вид, что обрадовался Кулемзин. – *Ступерная ручка*. Посмотрите, пожалуйста, её наличие!

– Одну минуточку...

Как много продавцов нечутких –
один такой попал в скандал:
он оперировал минуткой,
а я его три года ждал!

Консультант начал рыться в компьютере, затем минут через пять минут попросил подождать ещё па́ру минут, а сам в это время позвал другого консультанта, видимо, для усечённого консилиума, и теперь они вдвоём начали искать несуществующую ступерную ручку, придуманную Альбионычем несколько минут назад. Затем количество участников консилиума увеличилось до четырёх продавцов-консультантов. Заинтересовались поиском и стоявшие рядом с ними другие покупатели, которым Володя в этот момент объяснял преимущества такой ручки перед другими *девайсами*.

И вот наконец минут через десять к образовавшейся группе подошли не только старший, судя по нарядному бейджику, продавец, но даже сам администратор магазина. Собравшиеся люди ждали решения проблемы. Но, виновато опустив глаза, администратор кое-как выдавил из себя:

– Извините, что вам пришлось так долго ждать, но, к сожалению, ступерную ручку *вчера купили* последнюю, а на нашем складе их в наличии больше нет. Но вы не расстраивайтесь, на следующей неделе нам обязательно должны их подвезти, так что оставьте свой телефон, и мы вам перезвоним.

Надо ли говорить, что опечаленный писатель так и не дождался заветного звонка, и до сих пор открывает полочку на подставке вручную…

«Чую, что конец мой близок»,
я подумал жа́нрово,
«плохо кажет телевизор
без девайса странного!»

Глава 223. ПОЛЕЗНАЯ КОМАНДИРОВКА

Люди, собравшиеся на покерной скамеечке, радостными криками приветствовали ходока, но они (крики, а не люди) тут же перешли в печальные. Выяснилось, что Серёжа сегодня не только забыл до́ма свой знаменитый *двухсотовый*, но и все пластиковые стаканчики, которые вчера были заботливо повешены на сучки́ близрастущего карагача, были коварно украдены неизвестными похитителями. Подозревались в преступлении двое – почётные алкаши дома № 17 Глав-Бух и Галлюцинация, и подозрения эти были небеспочвенны, ибо кому ещё были нужны *одноразовые* стаканчики для бухла по 1 назарбаксу штучка?!

Сей девайс весьма обманчив,
но он сроду не предаст:
одноразовый стаканчик
даст нам выпить много раз!

– Спокойно, граждане! – поднял руку гуру. – Для решения этой проблемы есть множество путей, но все они ведут в одно место, расположенное в 11 метрах от входа вот в этот личный служебный вход, – и он показал рукой на собственный подъезд. – Именно там, в глубине моего квартирного ранчо, на кухне, есть заветная полочка, где вот на такой трагический случай и хранится изрядный запас искомых стаканчиков.

Закончив пламенную речь, Кулемзин только было собрался отправиться за *приспичившим*, как услышал страстный шёпот Васюхана – на ухо живописцу:

– Валера, вот подумай сам: а зачем нам его ждать? Давай, когда он уйдёт, потихоньку начнём из горла́!

«Ах вот вы как!», возмутился в душе писатель, хотя ему было по барабану количество взятого, так как сам эту гадость он употреблять не собирался. Но ему стало обидно, что

коллектив, ради которого он наметил бесплатно постараться, так чёрство отнёсся к его стремлению. И произошло то, что должно было произойти: марсианин отвернулся в сторону и тихонько произнёс заветную формулу технологии, с которой уже сталкивался мой читатель, то есть Вре́менной Заморозки Мгновения, после чего совершенно счастливый отправился домой, не обращая внимания на застывших, как пчёлки в янтаре, сопокерников и других обитателей Бермудского Учпучмака.

Без надежд на воскресенье
и желания прозреть
замирает на мгновенье
всё, что до́лжно замереть!

Так как он точно знал, где что у него в квартире лежит, то пластиковые стаканчики были найдены им мгновенно, и только он было собрался идти на обратную разморозку своих персонажей, как подумал о том, что ведь им всё равно, сколько времени они будут находиться в этом замечательном состоянии – то ли ещё минуту, то ли полчаса, ведь после мгновенного оттаивания время начинало течь для них с той же секунды, с какой начался этот неожиданный анабиоз. А значит что? А значит то, что писателю (и по совместительству поэту) можно было немного позаниматься своим третьим по значимости делом, то есть немного пописа́ть «Русскую кочергу», которая постепенно становилась (прости, русский язык!) эсхатологическим романом, ибо первым делом его жизни была покерная *русская кочерга*, а вторым – питьё любимого «Тянь-Шаня»!

Сыграю в покер, выпью пива –
и ну пахать на Сло́ва ниве!

Володя открыл главу, над которой трудился несколько последних дней, и ещё раз подумал о том, как же всё-таки хорошо, что свой великий роман он пишет исключительно для себя. Марсианин уже не раз проводил в своих произведениях эту забавную мысль, но всегда отбояривался от своего же сознания, что истина от повторений не ржавеет. А мыслишка эта была такой важной для него, что автор решил показать эту важность и тебе, мой неунывающий читатель:

Настоящий художник никогда
не работает для человечества.

Подлинный мастер всегда пишет картину, стихотворение или пьесу только для себя, оставаясь при этом осколком всего человечества, ведь настоящему писателю нельзя быть хоть чем-то обязанным своим современникам. Альбионыч был убеждён в этом совершенно, хотя при жизни ему не удалось поговорить ни с Сергеичем, ни с Леонардо, ни с Галактионом[354], которые, как и он, поступали точно так же. Но неожиданное подтверждение этой мысли он однажды нашёл у ветерана рока англичанина Клиффа Роджеровича Ричарда[355] – одна из его песен была так и названа: «Human Work Of Art», то есть «Человеческая работа для Искусства»!

[354] Галактион Васильевич Табидзе – грузинский поэт-символист – прим. лит. редактора
[355] Настоящее имя Гарри Роджерович Уэбб – британский певец и музыкант, который одним из первых стал исполнять рок-н-ролл. В описываемом автором 2003 году ему исполнилось 63 года – прим. муз. редактора

«А, может, яйчики-бабайчики, дать моему роману какой-нибудь подзаголовок?», подумал Кулемзин. «Хотя бы для того, чтобы сразу же сбить дыхалку у читателя? Например, под крупным названием «Русская кочерга» приписать чуть мельче «True story that never happened»[356]

[356] ***«Правдивая история, которая никогда не происходила» – англ.***

Узнал из крепких я методик,
что не понять мне головой:
когда ничто не происходит,
не происходит ничего…

Такие мысли у нашего героя появлялись ежедневно, поневоле выдавая его марсианское происхождение, ибо кому из землян придёт такое в голову! Например, на днях он нашёл в интернете одну милую флэш-игрушку под названием «Электронный ответчик на все (!) вопросы», и подумал, что вот уж сейчас он заставит её задымиться! Володя тогда подумал секунду, после чего ввёл в этот *ответчик* вот такой вопрос – случайным набором символов: проывкщ123ьооыфыждвл? Правда, после ответа игрушки «Это случится непременно!» ему стало немного страшно, так как в меру своего писательского воображения он представил этот ответ воочию.

Надо сказать, что искрящийся мир литературы увлёк и очаровал юного Альбионыча очень рано. Ты даже не представляешь, мой терпеливый читатель, сколько же драгоценных минут юности, каждая из которых сто́ит многих часов в зрелом возрасте, он разбазаривал на увлечённое блуждание по её тропинкам, ежедневно выдавая го́ры стихов, рассказов, поэм, а также особенно кажущихся философскими эссе.

Сегодня же он хорошо понимал, что литература – это всего лишь грязная пена на волнах страстей человеческих. Но вот тогда, в юности она представлялась средоточием правды, свободы и веселья. И только теперь покерная техника *русской кочерги* позволила соединить ему иллюзорный мир книг с живой реальностью. И в этом ему немало помог его верный муз Вася Курочкин, который всегда находился рядом.

«Тебе, о муз, я всё готов отдать,
венка лаврового с главы не пожалею…»
А Вася ждёт, когда ж я опьянею,
чтоб фиговый листок с меня сорвать!

Но выручал, конечно, не только Вася, но и природный талант Кулемзина. Помнишь ли ты, мой читатель, что в истории литературы остались описания того, как Лев Николаевич Толстой ровно 25 раз переделывал сцену Шёнграбенского сражения, а Эрнест Кларенсович Хемингуэй переписывал последнюю страницу романа «Прощай, оружие!» чуть ли не 40 раз? Дети они оба, скажу я тебе! Перед Альбионычем оба эти писатели были дети, потому как великий марсианин писал свои нетленки только один раз и навсегда!

Слова́ – не грибы на полянке,
слова́ – костыли для калек,
они как молчание в танке,
истратившем боекомплект…

Глава 224. ПОЛЕЗНАЯ КОМАНДИРОВКА (окончание)

Вот и сейчас он уселся за клавиатуру, как раньше садился за свою пишущую машинку, и заструились по экрану монитора ровные строчки непреходящей в веках истины:

«Наша жизнь чем-то похожа на шведский стол: кто-то берёт от неё, сколько хочет, кто-то – сколько может, кто-то – сколько совесть позволяет, а кто-то – сколько позволяет наглость. Но правило всегда для всех одно: с собой ничего унести нельзя!»

«Куда бы вставить такой удачный кусочек?», озаботился наш литератор, но потом решил отдать решение этого вопроса на откуп автору романа, что тот с удовольствием и сделал, вкрутив эти две с небольшим строки́, как электролампочку, в патрон вот этой главы 224. Он (автор, а не литератор) неожиданно вспомнил, как его большой друг Игорь Губерман, прочитав в электронном виде на сайте russian-poker.kz пару томов «Русской кочерги», где, среди бессистемной прозы были разбросаны более 2000 володиных катренчиков, с завистью написал о Кулемзине так:

Его стихи – магнит, кордит, гранит,
строка сильна, как латы феодала:
какой колодец мудрости забит,
какое сердце бьётся – и всё мало!

Но, прежде чем приступить к публикации всех будущих семи романов, надо было как-то закончить предисловие к ним, которое вроде как и давалось нашему автору, но всё никак не заканчивалось, перевалив уже за пятнадцатую страницу. Володя навострил мозги, пристроил обе руки к клавиатуре и занялся обычным для себя делом:

«Вл. Горький писал эту книгу несколько лет, но об этом не знала широкая общественность, кроме разве что самых близких друзей. И, наверное, потому эта потрясающая книга о былом и пережитом никого и ничего не обличает, а дышит ровной и спокойной величавостью зоркого и проницательного летописца. В человеческих отношениях Вл. Горького отличает такая внутренняя свобода, что многие, кому приходилось соприкасаться с ним, были не в силах ему этой свободы простить, – ведь мало кто может позволить себе жить так, как хочется…»

Иной не дурака валяет,
а прямо искренне скорбит:
«Я гений!», малый заявляет,
и в грудь для верности стучит.
В стране нам гений каждый важен –
пусть в обрамлении седин.
В потенциале – гений каждый,
но ведь в реале – лишь один!
И это вовсе не бравада
иль беспардонное враньё:
его вам имя знать не надо,
ведь скромность – главное моё!

Затем Альбионыч открыл другой файл – поменьше объёмом и сделал то, что хотел сделать давно, то есть оставить для благодарных (неблагодарных?) потомков свои (прости, русский язык!) приоритеты. Такая работа была выполнена совершенно без всякой натуги, ибо мысли на эту тему ему были привычны и легки. Итак…

Лучшая группа всех времён и народов

«Led Zeppelin»

Лучшая музыка всех времён и народов
Композиция «Highway Star» группы «Deep Purple»
Лучший фильм всех времён и народов
«Лимонадный Джо»
Лучшая картина всех времён и народов
«Чёрный супрематический квадрат» Казимира Малевича
Лучшая скульптура всех времён и народов
«Вечная весна» Огюста Жан-Батистовича Родена
Лучшая книга всех времён и народов
«Русская кочерга» Вл. Горького
Лучшая фраза всех времён и народов
«Прыгай, пока не подумал!» Ошо

Был наивен, но конкретен, –
посчитал, аж исхудал:
что есть лучшего на свете,
вам сейчас я рассказал!

Но и остальные мысли, которые марсианин решался оставить на прочтение своим читателям, рождались тоже не в муках, ибо в голове нашего героя были заархивированы многие тысячи и тысячи разнообразных знаний – больших и малых, нужных и не очень, но многие из них, как уже давно подозревает автор, так никогда и не найдут своего применения.

Вот, например, Володя (в отличие от других *обывателей*) хорошо знал разницу между клубникой и земляникой. И первое знание его об этой ягоде было то, что называлась она не просто земляника, а земляника садовая. А вот второе знание было более глобальным. Начнём с того, что нам, потребителям, или проще говоря, едокам с базара нет особой разницы, какое слово написано у торговца на ценнике, а вот для огородника уже есть, ибо у клубники урожайность ниже, чем у садовой земляники, хотя и приёмы агротехники, и требования к почве у этих растений одинаковы, да и вкус, надо признаться, тоже.

Но ещё больше различий находит не просто огородник, а настоящий учёный ботаник – уж он-то (как, впрочем, и сам Альбионыч) знает, что у клубники стебель на 5 сантиметров длиннее, чем у земляники, или то, что цветы у земляники *обоеполые*, а у клубники – *раздельнополые*.

И тут автор, который только что написал, что многие володины знания так никогда и не найдут применения, в который раз решил выручить своего героя – и оставил эти несколько коротких абзацев именно здесь, на странице 526 этой толстой книжки, а сам герой в это мгновение почувствовал облегчение, словно избавился от ненужной и давно носимой на себе ноши.

Скинуть ношу со спины
все писатели должны!

И тут случилось то, что так часто происходит не только в родной володиной Саксаулии, но и во всём РИО[357], то есть веерное отключение электричества. Монитор экрана возмущённо мигнул, стабилизатор напряжения, который красиво назывался по-иностранному как UPS[358], возмущённо запищал, а сам литератор, которого так подло остановили

[357] ***Напомним читателю, что РИО наш герой расшифровывал как Россия И Остальные – прим. гл. редактора***
[358] ***Uninterrupted Power Supply – источник бесперебойного питания – англ.***

в его творчестве, возмущённо икнул, но чёрное дело таки было сделано – работу пришлось прервать. Он помнил, что такие периодические отключения было делом недолгим, и если его соседи сокрушались по поводу пропадавших продуктов в холодильниках, то Володя скорбел лишь по своим неработающим кондиционерам. Они были в каждой комнате, и он любил включать их даже утром, когда жара ещё не оккупировала город, и некоторое время ходил по квартире, вылавливая прохладные кондиционированные струи, а попав в них, замирал в неподвижности, как сомлевшая от жары собака в тени приморской ялтинской акации.

Вот и сейчас писатель, стараясь не делать резких движений, оттащил от липкой груди рубаху и подул вниз что есть было сил, затем ещё и ещё, постепенно увеличивая количество воздуха в лёгких. И уже через каких-то пару минут кипяток в голове превратился во что-то похожее на человеческие мысли. А чтобы эти мысли не пропали в пучине гибельного вселенского времени, то оставим их здесь и сейчас – на века:

На место свежести мышц
и густых волос
должна придти мудрость,
но и она опаздывает, сволочь!
С пустыми руками бреду́
я по склону жизни…

Вот так закончилась эта полезная командировка, принесшая много пользы нашему герою, и совсем ничего – замершим во Вре́менной Заморозке Мгновения остальным персонажам романа.

Глава 225. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (О первых па́йках)

Вернувшись в Бермудский Учпучмак и быстренько разморозив остальных персонажей, которые так ничего и не сообразили, он выставил на покерный (б) столик пачечку новых пластиковых стаканчиков, вставленных друг в друга так ловко, что издалека принимались за один несколько утолщённый стакан. И этим жестом, как бы этого ему не хотелось, он словно дал отмашку ежедневному преступлению против человеческих организмов, сидящих здесь и сейчас, то есть началу пьянки. Правда, организмы это считали не преступлением, а, напротив, некой благостью и даже утешением и наградой – за свой трудовой подвиг, совершаемый ими в раскалённой обстановке великих покерных битв в течение дня.

Нам любые враги по силам –
ослеплённые яростью, взвоем,
ведь не зря нас усердно поили
«Солнцедаром» и «Зверобоем»!

Принесённые стаканчики бойцами алкогольного фронта были приняты *на ура*, весело наполнены и тут же радостно опустошены. Но не в традициях наших народов, проживших друг с другом столько лет, сидеть за одним столиком молча. Великая формула русского народа «А поговорить?» передалась всем без исключения народам СССР (б), и, наверное, это всё-таки неплохо.

– Желаю вам горячей печени, чистых почек и холодного мочевого пузыря! – горько пожелал Кулемзин, ибо чувствовал, что был не в силах остановить эту зарождающуюся волну бытового пьянства.

Принятая первая па́йка водочки словно бы распечатала уста не слишком разговорчивого охранника. И первыми словами его в новом сегодняшнем состоянии стали воспоминания о родной деревне Семижопино.

И, хоть мозгами очень древний,
родную вспомню я деревню…

– Всему, царица лесная, чему я научился в жизни, – начал обстоятельный доклад Серёжа, – я обязан своему деду Михею. У нас ведь как?

– Как? – эхом отозвался Николаич, который не упускал возможности поддержать любой разговор, лишь бы *жидкое* не кончалось.

– У нас всё было со своего огорода, – объяснил Афанасьич, – самогоночка из свеклы, первачок из картошки, наливка из малины, настойка из смородины. Земля, она в умелых руках завсегда крестьянина пропоит!

– Ты хотел сказать, мать моя партия, прокормит? – загорелся глаз у педагога.

– Эх, Нуртай, как вы, коммунисты, всё-таки далеки от народа, от простого *трудящего* навроде меня, – горько попенял ему Полтавцев.

– А в городе что же? – подал голос живописец. – Святой Малевич, в городе что же, совсем беда?

– А в городе, – потеплел голос сторожа, – у нас есть Володя. Он пропа́сть не даст!

«Организм у всех изношен»,
просвещал один фантаст,
«но всегда ведь есть *хороший*,
кто нальёт и закусь даст!»

А автор сего повествования в это время прятался за карагачом близ покерного столика, поэтому хорошо слышал весь разговор. Сейчас ему это сборище показалось небольшой комиссией ООН по частичному разоружению. «Корпус дебилов», исторически[359] тепло подумал он.

[359] Это действительно не выдуманное название. Официальное название этой программы американского оборонного ведомства – «Программа 100.000», которая была запущена в США в 60-е годы прошлого столетия в связи с серьёзными потерями в ходе вьетнамской войны. Она предусматривала комплектование вооружённых сил призывниками, набранными из тех категорий, которые до этого формальным образом не вписывались в армейские требования из-за проблем с умственным развитием, поэтому довольно скоро стала именоваться в войсках «Корпусом дебилов» – прим. ист. редактора

– А умный какой человек был! – продолжил воспоминания сторож.

– Кто? – уточнил антенщик. – Володя?

– Да нет, дед Михей. Я от него много умных слов запомнил.

– А какие-то ёкарные слова́ сейчас вспомнишь? – подключился к допросу трубач.

– Всенепременно! – воодушевился экс-текстильщик. – Вот например: не откладывай секс на старость, а пьянку на завтра!

– Да-а-а-а, – потрясённо пробормотал Митрохин. – Смотри-ка, какая мудрость! Надо бы запомнить. На всю жизнь…

И только марсианин, в отличие от всех остальных, не слушал эту чепуху, а спокойно попивал свой родной «Тянь-Шань». Ему было так хорошо, что он даже тихонько, чтобы не спугнуть алкоголиков, мурлыкал что-то вроде этого:

– Я очень аморальный
и жутко сексуальный –
психоз маниакальный
мной овладел навек!
Я по натуре вроде
морального урода,
а в остальном нормальный,
обычный человек…

После второй па́йки обсуждение важных жизненных вопросов продолжилось.

– Слушай, ёкарный Васюхан, – приобнял нового друга Салихдзяныч, – вот смотри: нам уже по 50 лет. Как ты думаешь, нам сто́ит задуматься о будущем? Ведь есть цели, которые потом будет очень сложно достичь!

– Это ты, в смысле, предлагаешь сразу минералку на утро купить, да?

Старший трубач разочарованно отодвинулся от антенщика и подумал о том, что вряд ли найдёт в коллективе человека, который сможет понять его тонкую душу музыканта.

– А я вот рыбалку люблю, – неожиданно признался Полтавцев.

– А чего не ходишь? – пожалел его художник.

– Так времени нетути, – пожаловался Афанасьич и, для подтверждения своей мысли, показал рукой на выставленные на столик бутылочки.

– А я тоже рыбачить люблю, – вслед за ним признался Муравлёв, – только не умею.

– А чего там уметь? Наливай да пей! – посоветовал принявший участие в разговоре Митрохин.

– Э-э-э, Васюхан, здесь не всё так просто, – предостерёг его писатель с философским уклоном. – Если следовать твоему рецепту, то такие рыбалки могут постепенно перерасти в хронический туризм!

Последнее слово, произнесённое Альбионычем, видимо, вызвало какое-то неясное воспоминание в голове коммуниста, где даже вначале что-то щёлкнуло, как бы открывая некий шлюз памяти, а потом раздался звенящий от восторга голос, более приличествующий не на покерно-алкогольных посиделках, а где-нибудь на последней линейке в пионерлагере – перед костром:

– Люби друзей, чужих и близких,
люби красивые слова́,
побольше троп тебе туристских,
забыть их сможешь ты едва!

Надо ли говорить, как быстро пожалел Батыршин, что только что успел принять две па́йки водочки, которые, к его великому сожалению, тут же отправились на осеннюю подкормку учпучмакских кустов. Через минуту прапорщик вернулся в коллектив и некоторое время сидел, потихоньку крутя головой, как бы приноравливая её к прежнему состоянию. А вот Альбионычу поведение его приёмышей подтолкнуло к неким историческим воспоминаниям, что и отразилось далее в коротком Хронотопе.

Глава 226. КТО ИЩЕТ, ТОТ ВСЕГДА! (Хронотоп № 29)

Советские люди (б) были удивительными существами. Даже в самые тяжёлые годы, когда партия и правительство не разрешали употреблять крепкие напитки, видимо, оставляя их для своих праздничных столов, они (советские люди, а не напитки) умудрялись

доставать спиртное из-под земли. И если магазины по этой части были абсолютно пусты, то в любой праздник в любой квартире на любом столе обязательно стояли пара-тройка бутылочек – для настроения, были бы деньги!

Те же, кому денег не хватало, вовсю пользовались подсобными суррогатами: в автопарках пили тормозную жидкость, в столярках трудовой народ *уважал* политуру, а в лабораториях употреблялся декоративный лак, которым закрашивали паяные контакты.

Но особую изобретательность проявляли военные лётчики, которые питались спиртосодержащей жидкостью, окрестив её *массандрой* – это был простой антиобледенитель, который впрыскивали на крылья истребителей на большой высоте. Как же обходились они без аварий, спросит автора наивный читатель. А вот как, ответит автор: на большой высоте советские лётчики (б) и не летали, так как знали точно, что войны не будет, а, значит, чего переводить *добро* на бессмысленные тренировки!

Так, без помощи скафандра,
всех архангелов святей,
каждый лётчик, пья массандру,
был всегда на высоте!

В эти годы каждый советский (б) огнетушитель ОП-8, висящий, например, в рабочих столовых, был наполнен пенным содержимым, но не тем, что закладывали в него на заводе-изготовителе, а… брагой, вызревавшей на сахаре и хлебных крошках. Но, кроме этого, имелись в те годы и свои гурманы – поклонники одеколона и сапожного крема!

А наиболее кучеряво в этом смысле жили, конечно, медработники: в каждой санчасти практически открыто (во всех смыслах!) хранилась 20-литровая бутыль со спиртом денатуратом – голубым, как глаза киноактрисы Натальи Фатеевой. Официально считалось, что к этому спирту имеет доступ только начальник санчасти: каждый раз, покидая кабинет, он накладывал свою печать на солидную винтовую пробку бутыли – почти как царь Соломон Давидович Бесфамильный на кувшин с очередным пленённым ифритом[360], слугой самого́ *иблиса*.

[360] Кстати, об этих существах даже упомянуто в коране, а именно в 27-й суре Ан-Намль, или Муравьи – прим. автора

Но и здесь находились мудрые го́ловы в лице бедовых медбратьев! Удостоверившись в отсутствии начальника, они переворачивали бутыль донышком кверху и принимались её ритмично встряхивать. Капля денатурата шла по винтовой нарезке и наконец падала в подставленный внизу ковшик. Но ведь за минуту этой каторжной работы вытекало 15-20 ка́пель! Затем уставших медбратьев сменяли больные – как легко, так и при́ смерти. Короче, к утру набиралась *четвертинка*, а к субботе – почти полтора литра! Можно было звать гостей, тем более, что из полутора литров чистого спирта получалось почти четыре литра 40-градусной водки, или, переводя на более ясные категории, восемь бутылок!

Из ничего добудем водку,
тем более, что денег нет,
ведь мы из рода самородков,
свой наполняющий бюджет!

Чаще всего эти преступления оставались незамеченными – по двум причинам: первая была в том, что и сам начальник санчасти потихоньку отливал из бутыли, так что уровень жидкости каждый день был разным, и вторая в том, что из-за причины первой ежедне-

вно был нетрезв, а, значит, плохо помнил не только происходящее, но даже, против какой болезни применяется фталилсульфатиазол, или, чтобы было понятно любому моему читателю, противодриснючий фталазол…

Глава 227. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Об учпучмакских бродягах)

Но оказалось, что не только володины сопокерники Полтавцев, Курманбаев и Батыршин, а также их страстные болельщики Муравлёв и Митрохин, ждали наступления очередного питейного сезона. Как только в воздухе (в прямом смысле сло́ва) запахло крепким спиртным, рядом со столиком, правда, на расстоянии, не позволяющем до конца *разнюхать* их внутреннюю сущность, появились сразу трое персонажей «Русской кочерги» – бывший водитель Саша Дубровский, которому разрешалось приближаться к покерному столику на 1 метр, и друзья-алики Танкист и Одиссей, которым полагалось находиться от места ристалища (б), а ныне распития уже на 300 сантиметров. И это было удивительным, как фокус в цирке: вот только что здесь не было никого лишнего, как вдруг, словно бы соткавшись из сухого жаркого воздуха, появились эти трое.

Это что же здесь за сходка,
и откуда вас берут?
Чуть запахло где-то водкой,
алкаши здесь тут как тут!

Первым – по давно заведённому порядку – прошение полагалось подавать шофёру (б), и хорошо, что не в письменном виде, так как Саша в этот момент вряд ли бы вспомнил не только написание каких-то букв, но и то, что эти буквы вообще существуют в природе. Удивительно, но сейчас он не качался, а, напротив, застыл, точно памятник Винни-Пуху – порождению детских фантазий англичанина Алана Джоновича Милна. Лицо его было серым, как упаковочная бумага.

Единственным, что сейчас жило на его лице, были глаза́, жадно устремлённые на ряд бутылочек, мирно покоившихся на бывшем покерном столике, недавно превратившемся в распивочное место. Писатель пригляделся к алкоголику и в его голове мгновенно родилась цитата для будущего романа: «Дубровский стоял неподвижно, так вылупив глаза́, что ему позавидовала бы сама сибирская сова»

По сторонам глядит сова
и сожалеет, что трезва!

Альбионычу было искренне жаль этого спивающего человека, тем более, что он помнил, каким неплохим водителем тот был когда-то. Но Кулемзин помнил и то, что за два го́да их совместной работы был свидетелем того, как Саша настолько часто попадался гаишникам, что на ветровое стекло его *хламборгини* впору было лепить какую-нибудь модную, но горькую по содержанию наклейку:

Писатель даже предлагал ему пересесть с автомобиля на велосипед, чтобы во много раз уменьшить риск аварии от вождения в нетрезвом виде. К тому же, однажды он доказал своему шоферу математически, что велосипед дороже какого-нибудь мерседеса ровно в 10 раз. Как, воскликнет мой недоверчивый читатель, а автор попеняет ему за эту недоверчивость. Вот смотрите сами.

Марсианин тогда рассуждал так: мерседес сто́ит 40.000 долларов и весит при этом 2 тонны, или 2.000 килограммов, а это значит, что 1 кг мерседеса будет стоить 20 баксов А теперь возьмём, ну, скажем, спортивный велосипед – тоже, между прочим, вещь недешёвая. Он сто́ит 1.500 долларов – при весе в 7 килограммов, откуда следует, что стоимость такого *облегчённого* килограмма уже 200 баксов. Отсюда вывод: велосипед дороже мерседеса в 10 раз! И пусть мой грамотный читатель скажет, что́ же здесь не так в этом рассуждении?

Сдал шпиону партбилет
(нет чутья и долга!)
и купил велосипед –
денег нет на *волгу*!

В это время мимо игроков и прочих прошла чистенькая, хорошо ухоженная брюнетка с бриллиантами в розовых ушках и с длинными, отливающими перламутром ноготками, и этим своим появлением чуть было не нарушила привычный ход событий, потому что на неё загляделись сразу двое из присутствующих, причём, просит заметить автор, двое вполне женатых мужиков – Талгат и Валера. Но она, коротко глянув на сидящих в Бермудском Учпучмаке, брезгливо надула подмалёванные пухлые губки, и всем стало ясно, что стареющие на глазах (и к тому же пьющие) персонажи заинтересовали её примерно так же, как живущие в канализации крысы.

Живут они для поцелуя,
а не для тех, кто в пьянство вник:
красивых женщин не волнует
с бутылкой пьяненький мужик!

Но, *дедушка* с ней, случайной красоткой, внепланово забредшей на эту страницу 530. Пусть идёт себе мимо и больше к нам не заглядывает!

А Володя, который хотел угостить своего бывшего водителя за какой-нибудь рассказ, понял, что к этому времени (а стукнуло уже ни много ни мало без четверти шесть) Саша успел наклюкаться так, что с трудом бы вспомнил сейчас своё имя. Поэтому литератор принял поистине соломоново решение: историю о Дубровском вспомнить самому́, а гонорар за воспоминание в виде бутылочки «Тянь-Шаня» отдать всё-таки страдальцу.

– Расскажу вам маленькую историю про Сашу, – предложил он, и предложение тут же нашло спрос, так как все седоки скамеечки повернули уши в его сторону.

– Итак, как вы все знаете, наш друг был (и, кажется, таким остался до сих пор) очень большим любителем выпить. А раньше у него так вообще доходило до загула, и я, кстати, не раз становился жертвой этого национального русского развлечения.

Мой рассказ сегодня жуток,
ведь услышав с неба глас,
я в загуле больше суток,
а страна в труде сейчас!

И вот как-то раз, будучи в загуле, жена Катерина, уходя на работу, заперла Дубровского до́ма, но не просто, а забрала с собой и ключи, и деньги. Не все присутствующие, но двое наверняка знают, что живёт он на четвёртом этаже дома № 16, так что некие Курманбаев и Полтавцев могут подтвердить, что я ничего не выдумываю, ведь они – соседи Саши по лестничной площадке.

– Это так, мать моя партия, – подтвердил один из слушателей.

– Это так, царица лесная, – эхом отозвался второй слушатель.

– А что ёперный страдалец? – поинтересовался третий слушатель.

– А Саша, как и положено русскому мужику с похмелья, мается, ни есть, ни пить не может (я имею в виду воду), ведь русское похмелье, как известно из книги профессора Фекалина «История всех мировых войн», страшнее мировой войны № 3.

– Неужели, святой Малевич, в больницу попал? – предположил наивный четвёртый слушатель.

– Нет, конечно, – пожал плечами рассказчик. – Когда это было, чтобы русские с похмелья умирали?

– А как же?

– А просто. Раз надо было как-то что-нибудь выпить, позвонил он своему другу Кулемзину, ведь Катерина телефон отключить то ли забыла, то ли не сообразила.

– Тебе, что ли? – глупо поинтересовался антенщик.

Отравился вермишелью
и чекушками с пятóк,
но не умер я с похмелья –
друг мне стопочкой помог!

Глава 228. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Об учпучмакских бродягах, окончание)

– Мне, яйчики-бабайчики, – подтвердил Кулемзин. – И вот пришёл я к его двери и слышу из-за неё жалобный голос: сходи, мол, друг, купи. И друг, то есть я, сходил и купил пару поллитровок «Тянь-Шаня». И вот стою перед дверью и думаю: умный ты, Володя, а сделать ничего не можешь.

– Так он что, так и сдох? – задал ещё более наивный вопрос Митрохин.

– Васюхан, да вот же он стои́т, – хором попеняли ему учпучмакцы.

– Стою и думаю: как же я тебе, Саша, лекарство доставлю? Дверь закрыта, ключей нет, в общем, через полчаса – вызывай труповозку!

И здесь все заметили, что стоящий в метре от них Дубровский перестал качаться, а стал явно прислушиваться – с интересом, и поняли, что случай этот он не помнит в упор, и ему тоже интересно, как же он в тот день остался живым.

– Так чтó, что ты придумал, мать честнáя? – в нетерпении воскликнул Афанасьич.

– Да в том-то и дело, что не я, а именно Саша! – в ответ воскликнул Альбионыч.

– Как?!

– Да вот так! Вот что значит русская смекалка, да ещё в экстремальном случае, практически смертельном! Сбéгал он на балкон, где хранил в каком-то ящике инструменты, и нашёл там плоскогубцы и трубочку – ну, знаете, такую, через которые *водилы* бензин из бака подсасывают, а из кухни принёс пустую литровую банку.

Мне последнюю рубаху
жалко даже воробью,
но бензин из бензобака
смело другу отолью!

– Ничего не понимаю, – раздосадовано прошептал педагог, до этой страницы притворяющийся самым умным в коллективе.

– И вот плоскогубцами… выкручивает он дверной глазок! А потом просовывает в него трубку (я как раз вспомнил её название – *кембрик*, это такая полимерная штука!) и, немного подсосав, как это не раз делал с бензином, перекачивает содержимое бутылки к себе в банку!

– Молодец какой! – хором воскликнули собутыльники, с уважением поглядев на технически подкованного алкоголика.

– А дальше, йодистое пиво?

– А дальше жена вечером с работы пришла, и увидела картину из разряда фантастических: муж из дома не выходил, а всё-таки нажрался!

– Так это он с пива так, мать моя КПСС? – ревниво поинтересовался Курманбаев.

– Нет, конечно, – вдруг подал голос Дубровский, и все поняли, что он наконец тоже вспомнил занятную историю. – Володя, *опробовав методику*, как настоящий друг, ещё и за фунфыриком сбéгал…

Хорошая история, единодушно решили все и коллегиально поручили своему гуру отблагодарить страдальца бутылочкой «Тянь-Шаня», что тут же и сделал посыльный Полтавцев. Благодарно икнув на прощание, Саша прижал драгоценный груз к впалой груди и отправился в следующий поход за своими же приключениями.

Изучив технич.приёмы
и наевшися дрожжей,
приключения найдём мы
не на душу, а на ж.!

И тут все вспомнили, что пришла порá облагодетельствования ещё двух персонажей «Русской кочерги» – Танкиста и Одиссея, которые стояли в трёх метрах от места банкета и смиренно ждали своей участи. Они не сомневались в том, что давно написанный жизненный сценарий повторится и на этот раз: вначале они споют какую-нибудь песню тревожной молодости, а потом получат своё заслуженное. Так оно и произошло.

Получив отмашку, алики встали в третью позицию, пощёлкали пальцами, как бы задавая ритм песне, и открыли щербатые пáсти:

Однажды зимою, колымский бродяга,
я чапал тайгою – был жуткий дубняк!
Секу, кочумает на сопку коняга,
таранит какую-то шнягу в санях,
а рядом, каная за честного вора,
под жабры ведёт эту клячу лохмэн:
колёса со скрипом, бушлат от Диора,
с тузом на спиняке… а сам – с гулькин хрен!
«Здорово, братишка!»
«Пошёл-ка ты в жопу!»
«Следи за базаром, а то писану!
Откуда здесь шняга?»
«А ты, что ли, опер?
Дровишки на зону везу пахану.
Пахать западло для козырного зэка…»
«А что за пахан и какая семья?»
«Семья-то большая, да два человека –
лишь мы с паханом – на кодляк бакланья!»
«Как, брат, погоняло?»
«Да Влас мне кликуха»
«А кой ты тут годик?»
«Шестой разменял…
Пшла, падла!», заехал кобыле он в ухо,
добавил пинка и без горя слинял…

– Где-то я подобную историю уже слышал, – задумчиво проговорил Нуртай, почёсывая женский подбородок.

– Эх ты, а ещё в институтах учился, – попенял ему сторож. – Мы же эту историю ещё в школе проходили – от крутого блатного поэта Некрасова. Правда, у него всё было не так *значимо*…

«Как бы к концу этого тяжёлого то́ма», подумал Володя, «у меня окончательно не пошатнулась вера в так называемых людей…». Затем он отдал ещё одно распоряжение Серёже, и тот торжественно вынес самодеятельным певцам два стаканчика, наполненных ровно наполовину, с прозрачным содержимым, которое было тут же оприходовано в организмы учпучмакских бродяг, после чего они так же отбыли восвояси, чтобы уже не появиться в этой толстой книжке до завтрашнего дня.

Глава 229. РАДИОСТРАДАНИЯ ГЕРОЕВ

Вспомни, мой читатель, как несколько глав назад автор сообщил тебе о начале вечернего питейного процесса, и было тогда без пятнадцати шесть. И вот сейчас все участники этого процесса неожиданно узнали, что исполнилось ровно 18.00! Откуда же? Да из окна неугомонной Ангелины Ивановны, которая не упускала случая ни самой ознакомиться с новостями родины и её окрестностей по бывшему СССР, ни дать их вкусить другим – даже против их желания.

Поделюсь я новостями
со своими и с гостями!

«Говорит радистанция «Азия Минус»! – раздался из окна звонкий голос радиоведущей. «Время вечерних новостей!»

Пам-пара-рам-пам-пара-рам-пам-пара-рам!

(И не думай, читатель, что автор неожиданно сошёл с ума, ведь это просто прозвучала музыкальная заставка, которой все радистанции мира пользуются для того, чтобы отбить один блок от другого)

«Итак, новости нашей родины. Вначале немного о политике»

«Несмотря на давление президента Республики Саксаулия товарища Назарбаксова, местные народные избранники всё-таки приняли закон, по которому глава республики может избираться только на один пожизненный срок»

Этот тезис не надуман:
на один огромный срок
изберём себе главу мы,
чтобы нами править мог!

«Новости науки. В результате многолетних исследований саксаульские учёные обнаружили в мозге соотечественников, кроме гипофиза, новый о́рган – *гипофиг*. Они утверждают, что он находится в лобной доле выше глаз, но ни за что в организме не отвечает»

«О технических новинках. Саксаульским автоконструкторам наконец-то удалось создать автомобиль, имеющий аналоги в мире!»

«И сегодня, как никогда, много новостей из мира отечественной культуры»

«Киностудия «Саксаулфильм» готовит к прокату свою версию известного голливудского фильма «Призрак оперы» под названием «Оперный бабай»

– Ёперный бабай! – поправил радио военный музыкант.

«По многочисленным просьбам читателей газета «Саксаульская правда» уже с 1 сентября будет издаваться на мягкой бумаге, без текста и в рулончиках по 52 метра»

«И ещё немного о кино. Известный французский режиссёр Люк Жюлианович Бессон приступил к съёмкам своего нового фильма «Такси-4». Место действия картины – Республика Саксаулия, город Отцеябловск. Рабочее название фильма: «Маршрутка»

Услышав это сообщение, марсианин тут же вспомнил свой старый весёлый стишок на эту тему под названием

Случай в маршрутке

В маршрутку человек вошёл усталый,
купил билет и сел с убитым видом –
ведь ехал из больницы, где узнал он
о том, что безнадёжно болен спидом.
Шофёр маршрутки был мужчина милый,
но у него давно стеноз аорты, –
он был всего в полшаге от могилы,
и дни свои последние работал.
Но кто же мог предположить такое?!
Удар «КамАЗа» был ужасно жутким:
шесть трупов, а в живых всего лишь двое –
тот, что со спидом и шофёр маршрутки!

«Немного о благотворительности. Итальянский модельный дом Версаче на днях прислал в отцеябловский детский дом № 2 одежду на сто тысяч евро. Как выяснил наш корреспондент, эту кофточку уже пятый день подряд носит заведующая детдомом Айгуль Карлыгашева»

«Происшествие. На улице знатного саксаульца Жубанова вчера столкнулись грузовик с пивом и «Газель» с продуктами. Из водителей никто не пострадал, но на месте столкновения сразу же образовался банкет!»

«Российские новости»

«В Санкт-Петербурге арестована группа подростков, ранившая таксиста своим отношением к творчеству позднего Гумилёва»

«ЧП случилось при очередной записи популярной передачи «Поле чудес». Один из гостей студии случайно наступил на ногу Леониду Якубовичу, и тот, не удержавшись, назвал всё слово целиком!»

«Новости спорта. В большом теннисе – сенсация! Папарацци застукали Анну Курникову за игрой в теннис!»

«И ещё одна сенсация – в сообщении нашего корреспонента из-за рубежа. В глубине джунглей Южной Америки обнаружено животное, которому ещё не засовывал палец в рот телеведущий Николай Дроздов!»

На диване беззаботно,
как какой-нибудь балет,
передачу о животных
смотрим мы. А мяса нет!

«И в заключение нашего новостного блока – занимательный факт из жизни отечественных автопроизводителей. В результате многолетних исследований они выяснили, что у автомашины *жигули* никогда ничего не отваливается, потому что она сама отбрасывает то, что считает лишним»

Глава 230. РАДИОСТРАДАНИЯ ГЕРОЕВ (окончание)

Но на этом радиострадания наших героев, разумеется, не закончились, ибо Ангелина Ивановна, как-то раз обиженная замечанием игроков на слишком громкое включение своего приёмника, решила мстить им до конца жизни, о чём и объявила громогласно, правда, не уточнив, чьей жизни именно – своей или сопокерников, видимо, по очереди.

Вслед за новостями радиостанция «Азия Минус», как всегда, решила развлечь своих слушателей несколькими музыкальными номерами, впрочем, тщательным подбором песен вовсе не заморачиваясь. Поэтому на этой волне шансон звучал вперемешку с попсой, а редкие нормальные песни для нормальных людей перемежались с совершенно дебильными, иностранные номера звучали сразу же после русских – и наоборот.

Вот и сейчас, после исполнения задорной детской песенки из мультфильма про голубой *столыпинский* вагон, уши невольных слушателей стали сворачиваться от пронзительных стонов одного знаменитого кастрированного грека, который своим томным голосом особенно задевал потаённые струны курманбаевской души:

Good bye, my love, good bye…

После этого редакторы станции, видимо, также, как и наши слушатели, бывшие с похмелья, поставили в эфир «Балладу о переселении душ» Владимира Высоцкого. Её наши соперники и примкнувшие к ним болельщики слушали уже более внимательно, правда, после слов:

Но если жил ты, как свинья, –
останешься свиньёю…

, всё при этом почему-то посмотрели на Нуртая.

Выдумке саксаульских радиоредакторов не было предела, так как сразу же после покойного барда голос ведущей объявил следующий номер:

«Берта Гинзбург. Каприз № 23»

Володя послушал первую минуту, после чего громко, чтобы его слышали остальные, резюмировал:

– Чтоб я так жил, как она свои капризы нумерует!

Каприз один, а сколько *подкапризов*!
А сколько ждать ещё их впереди!
Несовместимость их звучит, как вызов:
«Согрей! Дари! Читай! Целуй! Буди!»

Но всё заканчивается в этом мире, и участники процесса, происходящего за бывшим покерным столиком, не забывая при этом наполнять пластиковые стаканчики, с облегчением услышали, что начался последний блок, предоставленный неутомимой радиостанцией – рекламный. Правда, он всегда длился от трёх до пяти минут, но это испытание запросто выдерживал тот, кто пережил семь-восемь сегодняшних партий.

«Итак, в нашем эфире – реклама»

«Хотите зажигать всю ночь? Тогда вам – к нам! Отцеябловской котельной № 8 срочно требуются кочегары!»

«Пластическая хирургия: восстановление девственности, удаление совести, придание лицу святости! Телефон…»

«Вам холодно, темно и страшно? Пришлите sms на наш номер 111111111, и в течение часа вам привезут грелку, фонарик и клоуна!»

«Жёлтые зубы, сиплый кашель, хрипы в груди? Открой для себя страну Marlboro!»

«Лучший в мире омолаживающий крем «Юность»! Уже после второго применения на вашей коже появятся восхитительные юношеские прыщи!»

«Моя жена помыла меня новым «Ленором», и вот уже две недели ко мне не липнет ни одна юбка!»

«Новые подушечки «О́рбит». Теперь без наволочек!»

«Попробуйте «Харакири»! Откройте для себя внутренний мир! Сочная мякоть желудка и вся острота ощущений! «Харакири» – саму*райское* наслаждение!»

Даже с ножом у артерии сонной,
с грязи поднявшись в князья,
можно прожить без братков и масонов –
без харакири нельзя!

«Новые фотоаппараты «Kodak» специально для России! Теперь к эффекту устранения *красных глаз* добавлен эффект устранения красного носа!»

«Внимание! Новый *универсальный* продукт на мировом рынке от создателей «Педигри» и «Растишки»! «Педерастишка» – покупайте в магазинах Отцеябловска!»

Вот на этом всё наконец-то и закончилось, а наши герои продолжили начатое дело.

Глава 231. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (О первых па́йках, окончание)

И тут выяснилось нечто невероятное. Вот только что, несколькими главами раньше автор отправил своего героя Альбионыча домой – за алкогольной тарой. Помнишь ли ты, мой читатель, почему? Да потому, что Полтавцев, подозрительно долго копавшийся в котомке, не обнаружил там своего знаменитого *двухсотового*! И вот сейчас, сделав неловкое движение на скамеечке, он спихнул хурджин на близрастущую траву, и все явственно услышали солидный звяк стекла – и узнали его! Только так мог звякнуть в относительной тишине Бермудского Учпучмака, изредка нарушаемой дворовыми детьми, которые скакали вокруг покерного столика, как волейболисты *на подаче*, именно тяжёлый гранёный стакан, а звук этот для людей, родившихся в СССР (б), невозможно было спутать ни с чем!

Это нам совсем не странно,
если присмотреться:
уж как звякают стаканы,
нам известно с детства!

– Серёжа, а чего это у тебя, мать моя партия, в котомке звякает? – глянув на сторожа, спросил Курманбаев.

– Ничего, – глядя честными глазами, ответил охранник, которому именно сегодня пришло в голову, что свою знаменитую тару можно было использовать не бесплатно, а, например, сдавать её в аренду, – разумеется, за разумную цену!

– А давай посмотрим, – протянул руку к хурджину педагог.

– Э, нет, Нуртай, погоди, – остановил его руку Афанасьич. – Хочешь обыскивать, царица лесная, – сначала вызывай понятливых!

– Каких ещё понятливых? – обалдел коммунист.

– А таких, – объяснил зажималец. – Я сам в кино видел: как только начинают обыск проводить, сразу вызывают понятливых людей, чтобы они всё зафиксировали. Понятливых, понял? А не таких бестолковых, как ты!

– А мне дашь? – попросил Володя, решивший прекратить бесполезный спор.

– Тебе – дам! – ответил охранник, вытащил *двухсотовый* и торжественно вручил его писателю. Потом неожиданно и звучно хлопнул себя по лбу и воскликнул:

– Так ты же не пьёшь!

– А я, как и все гуманисты, – улыбнулся Кулемзин, – не себе, яйчики-бабайчики, а всё больше людям, или, что тебе было проще понять, людя́м…

Завершайте пересуды,
становитесь по местам:
сам травиться я не буду –
людям гадость я отдам!

«Клинический случай массовой деградации», посмотрев на коллектив, диагностировал Володя. Он, который давно уже не пил черноплодных напитков, выглядел сейчас среди всех этих как человек-локомотив, прибывший на первый путь в облаке пара, свиста и копоти. Наверное, именно под таких и бросаются от отчаяния жизни неудачницы анны каренины.

В это время Серёжа как-то особенно ловко, словно тренировался в этом умении, отобрал у него только что отданный стакан, плеснул в него на треть, *дёрнул* всё это и занюхал каким-то подозрительным рыбьим скелетом, который, как оказалось, достал из котомки вместе с *двухсотовым*. Рыбка оказалась неизвестной ихтиологам планеты породы, и была просушена до такой (прости, русский язык!) квинтэссенции, что ею можно было забивать гвозди.

Глянул я на сковородку,
мыслью странной поражён:
«И под пиво, и под водку
рыбка – первый закусон!»

Увидев, как сторож проделал этот цирковой трюк, Митрохин издал возглас – что-то среднее между восхищённым «Ого!» и завистливым «Ага!», чем обратил на себя внимание остальных. Ему стало неловко, и антенщик, чтобы приглушить впечатление от своего возгласа, весело обратился к присутствующим:

– Господа! Не обращайте внимания на мой внешний вид – под этим невзрачным обликом скрывается замечательный собутыльник!

Володя, коротко глянув на Васюхана, тут же вырвал из книжечки «Для му.мы.» листочек и записал поразившую его фразу, видимо, почувствовав, что она когда-нибудь пригодится ему для будущего романа. При этом великий романист был грустен и печален, словно рыцарь после неудачного свидания с любимой Гретхен. Затем вид поруганного вырыванием блокнотика подви́г его на новую мысль.

– Старичок, – обратился он к бывшему текстильщику, – а ты можешь что-нибудь записать в свою книжечку сам, а не после моих слов?

– Тема? – коротко и отрывисто, как говорят разведчики, спросил Афанасьич.

– Ну, что-нибудь близкое тебе. Например, пьянство.

– Он же алкоголизм? – уточнил сторож.

– Да, – согласился писатель.

Полтавцев тут же открыл книжицу на чистой странице и, тяжело вздыхая, словно лошадь в гору, записал красным концом двуцветного карандаша, что делал только в исключительных случаях: «Алкоголизм – это тяжёлая, неизлечимая болезнь, с которой можно счастливо дожить до глубокой старости»

Володя через плечо прочёл написанное, завистливо вздохнул – ещё тяжелее, чем охранник, и зафиксировал мудрость в памяти, нажав виртуальную кнопочку *safe*.

«Надо быть поэкономней:
пить всего лишь пó сту грамм!» –
эту мудрость я запомню
и потомкам передам!

И тут выяснилось, что первая бутылочка прозрачного алкогольного напитка закончилась подозрительно быстро. Впрочем, удивляться тут было нечему, если, конечно, принять во внимание количество *употребляющих*. Кулемзин, чтобы развеять сомнения, даже разделил непостижимое для иностранцев число 0,5 на пять человек и получил на выходе не 0,1, как, наверное, сосчитал бы какой-нибудь француз, а ровно 100 граммов.

А быстро эти круглые граммы закончились оттого, что все *принимающие*, выпив первую пайку в такие же непостижимые 33,333 грамма, тут же наливали себе вторую, а потом и третью – совершенно автоматически! Вспомните, например, вохровца, который, будучи на пенсии, в задумчивости делает движение, точно передёргивает затвор винтовки. Также и наши герои, выпив *заветное*, несколько секунд сидели притаившись, словно прислушиваясь к тому, как волшебный напиток пускает в уставшие от *русской кочерги* организмы свои бесчисленные живые, горячие и волнующие корни.

Между тем сторож раскрыл котомку и достал оттуда не очередную бутылочку, а сразу две – чтобы не лазить лишний раз. Но это оказалась не водка.

– Ты зачем аж две бутылки коньяка купил? – возмутился увиденным литератор, правда, не слишком, так как товар оказался расфасованным в тару по 0,25 литра.

– Да доктор, понимаешь, – начал оправдываться перед старшим покеристом Афанасьич, – недавно порекомендовал мне принимать перед сном *полтишок* коньячка в течение месяца. А я разве могу себе позволить такое длительное лечение? Так что я постараюся пройти весь курс за сегодня!

Разлитый по пластиковым стаканчикам коньяк тут же осуществил (прости, русский язык!) одорологическую атаку, так как по запаху напомнил смесь антифриза и машинного масла с ослиной мочой. К тому же всем стало заметно, что края́ тонкостенного пластика стали немного оплавляться.

– Давай, святой Малевич! – выкрикнул Муравлёв. – А то не успеем!

Но – успели. И всем стало хорошо, тем более что производители крепкого напитка позаботились не только о качестве налитого в бутылочку, а также об эстетическом удовольствии *вкушающих*, нарисовав на косенько приклеенной этикетке целых пять звёздочек, видимо, чтобы показать ценность приобретённого.

На коньяк гляжу, зевая:
что случилось, вашу мать?
Три звезды уж не *вставляют*,
нужно минимум чтоб пять!

Глава 232. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (О разговорах под тяжёлые напитки)

«Ну что ж», подумал писатель, глядя на этот праздничный разгул, «добро пожаловать в мир иллюзий!». Он неожиданно понял, что, оказывается, некоторым людям для счастья иногда нужно просто немного поиграть в карты – с перерывом на обед, а потом, купив в магазине что-нибудь *для души*, разделить покупку с тем, кого уважаешь, и даже обнять старого друга, показав это уважение. «Только в нашей стране», подумал второй мыслью

Альбионыч, «помимо друзей, приятелей и знакомых, есть ещё такая категория знакомств, как *вместе бухáли*!»

Между тем, начавшийся праздник набирал обороты, и это было видно сразу по нескольким признакам: и по тому, как начали стремительно менять краски рожи собутыльников, и по тому, что то там, то сям вспыхивали разные разговорчики, которых собравшиеся на (прости, русский язык!) саммит были почти лишены во время покерных сражений.

Вот Валера, хлопнув несколько условных рюмашек, неожиданно побелел так, словно хлебнул цинковых белил, которыми пользовался в рабочих целях в перерывах между пьянками. И тут же, словно между этими мигами прошла не секунда, а, по крайней мере, час, лицо его мгновенно осветилось, словно внутри *тыквы* кто-то включил лампочку не меньше чем на 150 ватт.

Вот Нуртай, который от принятого стал заботливым, точно жена декабриста, неожиданно стал уговаривать Талгата немедленно связаться с женой Аидой и узнать о Суке-судьбе несчастных брошенных детей. Причём, от выпитого у него прорéзался поэтический дар, потому что последнее его предложение было таким:

Между первой и восьмой
позвони жене домой!

Но Батыршину сейчас было не до каких-то детей, включая их маму – он вёл тяжёлый разговор с Митрохиным, который, хотя и служил в армии, но, видимо, всё позабыл.

– Военные, Васюхан, – говорил он, тяжело роняя слова, – куда как умнее каких-то йодистых штатских.

– Да ну, – усомнился антенщик.

– Я тебе сейчас это докажу. Вот знаешь ли ты, что должен делать часовой, если в него попала пуля диверсанта?

– Ну, наверное, отстреливаться, – неуверенно предположил знатный гость Бермудского Учпучмака.

– Или бежать в районную поликлинику! – неожиданно встрял в разговор преподаватель еврейского колледжа, и даже старая ворóна, не покидающая своего поста на карагаче, подумала: «Пр-р-ридурок! Это же ар-р-рмия! Не в поликлинику, а в лазар-р-рет!»

– Да! – горько резюмировал прапорщик. – Да, так поступил бы любой штатский, а вот военный, и особенно тот, кто помнит ёперный устав гарнизонной и караульной службы, знает точно: надо срочно усилить бдительность!

Мысль появилась, когда свечерело
(капли попали на тёмный мундир):
бдительность в армии – первое дело:
пей только так, чтоб не знал командир!

Вот Васюхан, которому быстро надоели военные нравоучения старшего прапорщика, неожиданно переключился на покерного гуру, заявив Альбионычу следующее:

– Володя, как же хорошо, что сегодня пятница, – можно нормально посидеть, набухáться!

– Васюхан, сегодня четверг, – попытался урезонить его литератор.

– Да не важно, – махнул рукой Митрохин, выбив пластиковый стаканчик из рукú Курманбаева и задев по плечу Полтавцева, – я уже настроился!

Вот сам Кулемзин, пытаясь хоть как-то воздействовать на течение мероприятия, наивно заявил сторожу:

– Знаешь ли ты, Серёжа, что алкоголь вызывает зависимость?

На что Афанасьич, видимо, тоже вспомнив армейское прошлое, радостно прокричал на весь Великий Треугольник:

– Я Алкоголь! Вызываю Зависимость! Зависимость слушает, приём!

А Альбионыч, ещё раз грустно оглядев весёлую компанию, подумал о том, что сейчас вкушающие алкоголь смело могли бы позировать саксаульскому художнику Муравлёву-Текилову для многофигурной композиции «Последней день Пномпеня», если бы не одно *но*, а именно: в этой же композиции участвовал и сам живописец – без мольберта, кисти, красок и вдохновения.

А ещё хорошо для здоровья
(что всегда утверждают врачи)
выпить медленно, смачно, с любовью
чайник сладкой ослиной мочи!

Настораживало Кулемзина и то, что принимаемые напитки шли как-то подозрительно легко – без душевных колебаний и изнурительного сопротивления организмов. «Да-да», в который раз подумал он, «наша жизнь – это замкнутый круг: живёшь – выпить хочется, выпьешь – жить хочется!»

Но тут оказалось, что вместе с такими важными философскими думами писатель пропустил начало нового разговорчика.

– Давай я, мать честнáя, возглавлю это движение! – воскликнул охранник.

«О чём это он?», прислушался Володя.

– Нет, мать моя КПСС, давай лучше я, – возразил сторожу его сосед Мусаич.

– Так ты что, самовыдвиженец, что ли? – сделал попытку пошутить Полтавцев.

Здесь пламенный ленинец неожиданно понял, что не может повторить сложное слово, и вынужденно согласился на предложение Афанасьича.

– Други мои, – воззвал к ним марсианин, запомните и передайте грядущим поколениям:

От дурака нет особого вреда до тех пор,
пока другие дураки не выбирают
его своим лидером…

– А-а-а, так вот в чём дело? – поразился экс-текстильщик. – Тогда, Нуртай, извини, но я буду вынужден уступить тебе пальму первенства!

– Какую ещё пальму? – отозвался педагог, уже окончательно ничего не понимая.

– Эх ты, – попенял ему Афанасьич, – а ещё высокое образование имеешь! Пальмы, или арековые, – это такое семейство однодольных растений.

– …тем более, в столь преклонном возрасте! – добавил Николаич, но по пылающему взгляду Курманбаева понял, что только что нажил себе ещё одного врага.

А великий писатель земель русской и саксаульской в этот момент вспомнил, что он ещё и поэт, и рассказал присутствующим стишок под названием

Про истину в вине

Уж коли истина в вине,
тогда я буду пить вдвойне:
мадеру и двойной бурбон,
«Камю», сакэ и самогон,
любую водку, шардоне,

кагор, коньяк и каберне,
текилу, ракию и виски,
стакан портвейна или «Плиски»!
Презрев похмелочный синдром,
я буду пить кубинский ром,
из разных рюмок и посуд
наполню мудрости сосуд.
Познать бы тайны мирозданья,
пока не потерял сознанья…

♠ ♠ ♠

Так много истины извне!
Не повредит ли это мне?

В это время Серёжа подобрал с земли клочок газеты и с выражением прочёл:

– Рубрика «Полезные советы»: «Остатки вина можно заморозить»

– Ты что, совсем с ума съехал? – закричал военный трубач. – Какие остатки?! Где ты их видел?! Вот дурацкие советы!

Глава 233. ТАНЯ И МЯЧ (окончание)

И вот на этом самом месте автор книжки неожиданно хлопнул себя по лбу – как это делал всегда, когда вспоминал что-то очень важное. А вспомнил он о том, что в предыдущем, третьем томе в главе 144 дал подборку своих впечатлений о некой косорукой Тане, которая с подачи знатной советской поэтессы Агнии Барто (в девичестве Этель Абрамовны Воловой) занималась тем, что страдала по мячику, уроненному в речку. И в этой же главе он (автор, а не мячик) пообещал, что в следующем томе, который ты, мой читатель, сейчас держишь в натруженных этой двухкилограммовой книжкой руках,обязательно будет продолжение этих впечатлений. Так что наберись терпения и на следующие две страницы ещё раз окунись в тревожный мир растяпы Тани. Итак…

Наша Таня громко плачет –
уронила в речку чачу.
Тише, Танечка, не плачь!
А хотя, пожалуй, плачь…

Татьяна наша громко плачет –
на весь пентхаус танин плач:
Армен купил ей не феррари,
а мяч…

Наша Таня, типа, плачет –
уронила, типа, мячик.
Нет бы ей прикинуть, дуре:
не утонет он в натуре!

Наша Таня громко плачет –
пропила последний мячик!
Вот вернётся с зоны хачик –
купит Тане новый мячик!

Наша Таня тонет в речке –
прыгнула за мячиком!

По воде плывут колечки
кругленьким калачиком…

Бросает в речку Гермиона[361]
гантели, лом, чугунный люк,
и Тане говорит: «Вот видишь,
вообще не тонет ничего!»

[361] Гермиона Джин Грейнджер – волшебница, одна из главных героинь цикла романов о Гарри Поттере британской писательницы Джоан Питеровны Роулинг – прим. лит. редактора

Наша Таня громко плачет –
импотент муж, не иначе!
Тише, Танечка, не плачь, –
член слезами не напрячь…

Наша Таня громко плачет –
две полоски что-то значат!

Наша Таня громко плачет,
уронила в речку мячик.
Из-за этого прокола
появилось ватерполо!

Наша Таня громко плачет.
Ну, когда же ты заткнёшься?
Каждый день ты топишь мячик!
Так мячей не напасёшься…

Наша Таня громко плачет,
громко ржёт и снова плачет,
плачет, ржёт и снова плачет –
да, гормоны много значат!

Наша Таня громко плачет,
и не может встать с карачек:
шутка ли для тётки
два стакана водки!

Наша Таня громко плачет –
уронила в речку мячик.
Таня, слёзы не роняй,
а ныряй и догоняй!

Танюша снова мячик потеряла,
вот не везёт-то с мячиками ей!
Ну, хорошо, хоть плакать перестала
по этой невезучести своей…

Наша Таня громко плачет –
у неё живот как мячик.
Завершу стишок моралью:
безопасней секс оральный!

Наша Таня громко плачет –
уронила в речку мячик.
Рота по тревоге встала:
Таня – дочка генерала!

Наша Таня не заплачет,
если Таню бросит мальчик:
наша Таня бросит первой,
потому что Таня – стерва!

«Ну вот и хорошо, вот и славно!», подумал автор. «Вовремя выполненное обещание – это лучше, чем невовремя невыполненное… А дам-ка я своему читателю некий бонус – ещё один стишок на тему «Таня и Горький». И дал:

Наша Таня робко прячет
тело жирное в утёсах:
уронила в речку мячик,
чтобы приманить матросов!

Глава 234. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Продолжение великих посиделок)

Поглядев на периодически наполняемые пластиковые стаканчики, спонсор коллектива неожиданно понял, что за покерным (б) столиком собрались настоящие друзья, потому что дружба – это когда ты ещё не успел рассказать о своих проблемах, а у тебя уже налито!

Умы всех великих мыслителей прошлого и современности были захвачены только одной проблемой: в чём смысл жизни? Каждый говорил об этом по-разному, но в конце концов все мыслители сходились только в одном: жизнь бессмысленна! Но не таковы были наши герои: они в своих дебатах, коими являлись эти научно-алкогольные разговорчики, старались постичь всю глубину или постигшего их горя, или постигшей их радости, тем самым подтверждая правоту древних, говоривших о том, что in vino veritas[362], и чем больше этого самого vino, тем ты становишься ближе к абсолютному знанию.

[362] ***Истина в вине – лат.***

Понять не просто эту тайну мне,
хотя давно живу на этом свете,
и всё же поиск истины в вине –
как поиск кислорода в сигарете!

И всё-таки постепенно, как это уже бывало не раз, эти разговорчики стали принимать свойственный нашим дням шизофренический уклон.

– Ну, чего пить, того не миновать! – выдвинул в массы лозунг пламенный большевик Курманбаев, но с какой-то гримаской, означающей, что участвует в вечерних посиделках как бы неохотно, как бы вынужденно, – только ради того, чтобы не оказаться вне слаженного коллектива. И хорошо, что эта фраза, начатая со слова *ну*, которое предваряет многие тосты на территории РИО[363], или бывшего СССР, не стала тостом настоящим, иначе многострадальные кусты Бермудского Учпучмака могли бы вновь принять в свои ряды такого же многострадального (от пропадлючестей педагога) старшего музыканта. Зато писатель Кулемзин, который всегда остро чувствовал незавершённость человеческой речи, свою фразу тоже начал с этого же слова.

– Ну, за пятую графу[364], яйчики-бабайчики! – произнёс тост Володя, пристально, но без всякого подвоха посмотрев на Батыршина и Курманбаева.

[363] Напомним читателю, что наш герой Кулемзин расшифровывает это слово так: Россия И Остальные – прим. гл. редактора
[364] Пятая графа – в СССР (б) выражение, употребляемое в переносном смысле, означающее указание в документах национальности как факта принадлежности к определённой этнической общности – прим. ист. редактора

– И за шестую графиню, мать честнáя! – подхватил мысль Полтавцев.

Я, прячась от жены в шкафу,
за пятую не пью графу!

Но это была редкая связка, хотя бы издалека похожая на логическую, так как сопокерники (б) и их почётные гости, а ныне собутыльники, в основном беседовали сами с собой, и это никого, кроме автора данного повествования, не удивляло.

Вот Талгат неожиданно вспомнил, как в военно-музыкальном училище имени домбриста Курмангазы он и его однокурсники вскладчину покупали в аптеке десять бутылочек валериановой настойки, бутылочку пантокрина и тюбик зубной пасты «Поморин», после чего в результате смешивания этих ингредиентов у будущих прапорщиков начинался так называемый *кумáр*, причём, кумарило от этого снадобья всех и долго.

Вот у Курманбаева что-то щёлкнуло в партийной голове, и он начал вспоминать своё недолгое райкомовское счастье. Эти воспоминания тут же настроили его на лирическую волну, и нынешний преподаватель еврейского колледжа стал говорить о заблудших душах, об обстоятельствах, которые порой бывают сильнее человека, и только, мол, партия с её могучим потенциалом была способна этому человеку помочь. Затем в его тыкве раздался ещё один явственный щелчок, и педагог неожиданно сменил тему, начав рассуждать о международной роли саксаульцев в мировом рабочем движении. Правда, справедливости ради стóит отметить, что было в этом рассказе и нечто положительное – он бормотал не очень громко, и поэтому Батыршин, не слыша этих бормотаний, в этот раз сохранил учпучмакские кустики в некоторой чистоте.

Вот Митрохин, который давно уже чувствовал себя родным в этом странном коллективе, сейчас также беседовал сам с собой, уговаривая некоего Васюхана:

– Я, конечно, не сомелье, но понимаю, что эта бутылка вина прекрасно подойдёт к только что выпитой!

На что Васюхан соглашался с антенщиком хорошим русским словом *наливай!*

Вот сторож, который несколько раз начинал свой рассказ на неких иностранных языках, включая устный русский, в какой-то момент, видимо, поняв тщетность этих попыток, стал жестикулировать, как Миклухо-Маклай, объясняющий подотчётным папуасам устройство молотка.

Не боялся рядом жить с папуасами
путешественник Миклухо-Маклай:
знал, что остров так богат ананасами –
дважды в год там собирай урожай!

Затем Серёжа «понял», что такая немая речь несколько отдаляет его от товарищей, и он стал раскаиваться в своём мимическом творчестве. Воображение тут же начало рисовать ему какие-то путаные картины этого раскаяния, но если эти мысли, лёгкие и бесфор-

менные, появлялись и исчезали, ни к чему не обязывая, то очередная порция крепкого спиртного из бытылочки с непонятной этикеткой с помощью своей сводной сестры *гравитационной постоянной* тянула его вниз, к земле, – подальше от бесплодного фантазирования. Поэтому он, преодолев себя, всё-таки решил перейти к диалогу, и первой жертвой выбрал Муравлёва.

– Да я вообще-то, святой Малевич, в завязке, – покраснев, осторожно сообщил ему Валера.

Здесь все, кроме Кулемзина, вылупились на художника, а Афанасьич даже нервически воскликнул:

– Пусть зимбабвы какие-нибудь себе концы завязывают, – после чего подтолкнул Николаича к верному решению, вернее, подвинул к нему наполовину наполненный стакан.

«Какой же я всё-таки гад!», подумалось живописцу после сладостного *принятия*, но тут же сразу полегчало, ибо давно известно, что именно из таких мыслей человек всегда извлекает пользу.

Мой порыв так продуктивен,
значит, братцы, решено:
буду пить я в коллективе:
и полезно, и смешно!

Затем диалогами, как средством общения всех пьющих людей в бывших советских республиках, стали потчевать друг друга и остальные: то тут, то там возникали и тут же распадались вре́менные коллективчики, которым хватало буквально минуту-другую, чтобы обсудить вот только что возникшие в их тыквах важные мысли.

Например, Салихдзяныч, приобняв нового друга Митрохина, что-то тихо рассказывал ему на ухо, – судя по скабрёзно блестевшим глазам антенщика, какой-то анекдот повышенной пошлости.

А Полтавцев, видя, что Альбионыч уже который год его *не уважает*, пугал литератора страшными словами, причём, пытался сделать это не просто как-то, а поэтическо-трюизматически:

– Кто не курит и не пьёт,
тот на о́рганы пойдёт!

Сам же Володя уже настолько набрался за сегодняшний день пива «Тянь-Шань», что просто боялся, что оно скоро будет проситься наружу, а это было бы несправедливо по отношению к прекрасному напитку, так хорошо ужившемуся в его могучем организме.

– Да я бы ещё немного выпил, – поглаживая себя по брюху, виновато говорил он, – да мой бирбаух[365] не позволяет…

[365] От нем. Bierbauch – пивной живот

В этот момент военный трубач резко отстранился от антенщика, видимо, посчитав, что решил с ним все насущные проблемы, и также резко придвинулся к Муравлёву, потеснив на скамеечке Мусаича. Он приобнял растерявшегося художника и, тяжело дыша ему в лицо, поинтересовался:

– А вот интересно, ты сангвиник или холерик?

– Насколько я помню, я – Валерик, – неуверенно произнёс живописец, хотя подумал, что для верности надо бы заглянуть в какой-нибудь документ с фотокарточкой.

После этого признания Талгат потерял интерес и к нему, зато напрямую обратился к Кулемзину:

– Володя, прошу записать мои ёкарные слова́ в главу 234 четвёртого тома «Русской кочерги»!

– Хорошо, – согласился писатель, и, кстати, выполнил это обещание, что будет видно уже буквально в следующей строчке. – Говори!

– В ёперном человеке всё должно быть прекрасно: и погоны, и кокарда, и портянки!

– Гениально! – признался писатель и тут же вставил неологический афоризм в Великий План Построения Четвёртого Тома Романа.

Без напущенных туманов,
сам себя я превзойду,
ведь пишу роман по плану:
том один, но раз в году!

Глава 235. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (И вновь страшные гла́вы о семейных отношениях)

Между тем, то одиночное, то попарное бормотание наших героев было прервано сразу тремя телефонными звонками на мобильный аппарат Кулемзина. Расскажем о них по порядку.

Первой позвонившей была муравлёвская супруга Наташа.

– Володечка, надеюсь, ты сообщишь мне приятную весть?

– Конечно, – легко согласился Альбионыч. – Итак, приятная весть!

– Какая? – не поняла толстушка.

«Всё-таки она туповатая», подумалось писателю, но вслух он сказал совсем другое:

– Приятная, яйчики-бабайчики, как ты и хотела.

– Да вообще-то я хотела, чтобы ты мне сообщил, что этот проклятый алкаш сдох или, в крайнем случае, захлебнулся своей водкой!

– Тогда не могу тебя порадовать, – печально ответил ей Володя. – Понимаешь, он уже было совсем захлебнулся, но тут по одному из катетов нашего Бермудского Учпучмака как раз проезжала мимо машинка *скорой помощи*, и неизвестные люди в белых халатах очень быстро его реанимировали!

– И увезли в психушку? – с надеждой вопросила несостоявшаяся вдова.

– Да нет, вот он рядышком сидит и машет рукой моему телефону. А-а-а, догадался, это он тебе привет передаёт…

– Какие же вы все! – неожиданно обобщила Наташа и отключилась.

Пьёт мой муж не водку – щёлочь!
Что́ ему мои слова?
Ведь мужик – алкаш и сволочь,
ну, а я всегда права!

Второй звонок случился от полтавцевской подруги Зули.

– Дай Серёжу, Володя.

– Не могу, – честно ответил Кулемзин.

– Почему?

– Во-первых, он тяжёлый, и я его не подниму. Во-вторых, дать его тебе, когда ты находишься неизвестно где, тоже не получится. И, в-третьих, Зуля…

– Поняла, – коротко ответила бывшая ткачиха, но в это время охранник, услышав имя любимой, выхватил из рук марсианина аппарат для связи.

– Зуля, это ты, царица лесная? – взволнованно прокричал он в трубку. – У меня для тебя две новости: одна плохая, а другая ужасная!

– Что случилось? Ты заболел?

– Хуже! Плохая новость – это то, что день кончается, а ужасная, – что, *наверное*, Володя денег больше не даст! Я его давно знаю: сейчас начнёт врать, что кончились! А ты чего зво́нишь, мать честна́я?

– Да хочу тебя спросить: а ты мне купишь косметику?

– Конечно, нет, – ответил сторож и отключился, передав телефон владельцу.

– Серёжа, а ты чего с ней так? – покосился на Афанасьича Васюхан.

– А зачем ей косметика, когда я каждый день пьяный? – честно ответил экс-текстильщик.

Когда б вчера я выпил рюмкой меньше,
то смог бы ублажить ещё двух женщин,
но если бы вообще не выпивал,
то знаю точно, ни одну б из них не стал!

– Старичок, – обратился к охраннику Альбионыч, – ты всё же помягче с ней как-нибудь, поласковей, что ли…

– А зачем?

– А вдруг ещё пару раз пригодится?

При этом предположении большевистский педагог густо покраснел, видимо, подумав о чём-то неприличном.

– Не красней, Нуртай, я имел в виду совсем не то, что имел в виду ты.

– А что? – жадно спросил Афанасьич, чувствуя, что именно сейчас ему откроется какая-то неведомая тайна.

– Да то, что покупая бухло для совместного распития, ты иногда покупай своей Зуле хотя бы киндер-сюрприз.

– На кой? – вскричал Салихдзяныч, который, прожив несколько лет в еврейской семье, стал не любить, когда деньги тратятся *впустую*.

– Алкоголизм, конечно, чувство святое, – просто объяснил знаток чувств, – но женщина всегда должна чувствовать себя маленькой принцессой!

Ох, люблю свою я милку –
от неё ни шагу влево!
Я достану ей бутылку
и воскликну: «Королева!»

– При чём здесь киндер-сюрприз какой-то? – решил вступить в разговор Митрохин. – Серёжа ведь про косметику говорил!

– Так между косметикой и водкой есть прямая связь, – заверил внимательно слушающий его коллектив бытовой философ.

– Не может быть!

– Ещё как может. Афанасьич, доставай свой блокнотик «Для му.мы.» – сейчас у тебя будет минутка истинной мудрости.

Полтавцев с готовностью открыл заветную книжицу и начал внимать, навострив красный конец двуцветного карандаша.

– Итак, записывай:

**Косметика может сделать любую женщину привлекательной,
духи́ – притягательной, но только водка – желанной.
Главное – это соблюдать пропорции!**

И только было хотел автор сообщить тебе, мой крайне любопытный читатель, в какую же мысль у сто́рожа трансформировалась кулемзинская мудрость, как его (автора, а не сто́рожа) перебил возмущённый голос военного трубача, который, видимо, вспомнил что-то своё:

– А моя ещё и по ёперным карманам каждый день лазит! Так ведь никакой заначки на неё не напасёшься!

Почистив милому ботинки,
я, улыбнувшись невзначай,
как Мона Лиза на картинке,
из пиджака беру на чай...

Так что третий звонок, как, наверное, уже догадался мой читатель, вполне логично случился от батыршинской супруги Аиды, которая вот уже третий день подряд советовалась со своей кустанайской тётей: окончательно бросить непутёвого мужа или всё-таки немного погодить и дать ему ещё один шанс – по причине откуда-то взявшихся совместных детей. Причём, когда Володя вежливо алёкнул в трубку, случилось некое *дежавю*, потому что прапорщица задала точно такой же вопрос, что недавно Наташа – не сдох ли супруг? «Да что же они, сговорились все, что ли?», подумал литератор, но ответил с присущей ему вежливостью:

– Нет, пока не сдох.

Услышав эти страшные слова, старший знаменосец тут же понял, что речь идёт именно в нём.

– Бедные дети! – послышался в володиной трубке далёкий голос кустанайской тёти, и даже через тысячи километров чувствовался её незабываемый семитский акцент.

– Про детей говорят? – затаив дыхание, прошептал музыкант.

– Про них, – так же тихо прошептал Альбионыч.

Солнечный круг, небо вокруг –
это рисунок мальчишки.
Голые бабы, водка, мангал –
это всё папа ему помогал!

– Это плохо, – прошептал в ответ Батыршин.

– Ты с кем это там шепчешься? – завопила несчастная вдо… тьфу, супруга, словно только что раскрыла заговор против королевской семьи.

– Да я имею в виду, Аида, – поспешно сказал Володя, – что ведь не у всех жена и дети на первом месте – и ничего, живут как-то люди.

– Это ты про кого?

– Да про Дмитрия Ивановича же! –воскликнул марсианин.

– Да вы там уже все мозги пропили! – обобщила Аида и бросила трубку.

А чего тут было непонятного? Думаю, что ты, мой читатель, уже наверняка догадался, что Володя, конечно же, говорил не о сыне русского царя Ивана IV, и не о князе Московском и Владимирском, прозванного Донским за победу в Куликовской битве[366], которые оба тоже были Дмитриями Ивановичами, а именно о Дмитрии Ивановиче Менделееве – хорошем русском человеке, который изобрёл для остальных русских людей такой

полезный национальный продукт, как сорокаградусную водку. А при чём же здесь жена и дети? А вот при чём, ответит автор, оставив дальнейшее объяснение на так называемой совести своего поэтического героя Альбионыча.

[366] ***Кстати, а почему его прозвали не Куликовским, ведь как раз это было бы весьма логичным в данном случае?! – прим. автора***

Жена пусть знает и приплод,
и люди на планете:
на первом месте – водород,
а не жена и дети!

Ведь именно это и доказал великий русский химик! А чтобы никто не сомневался в его изобретении, даже нарисовал для потомков вот такую таблицу:

Глава 236. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (И вновь страшные гла́вы о семейных отношениях, продолжение)

Прослушав короткое сообщение телефоновладельца о только что прозвучавшем разговоре, Салихдзяныч нервно закурил, вслед за ним потянулись к пачке сигарет и остальные, да так споро, что Володя едва успел включить свой марсианский фильтр для дыхания *ъъттккрррръъ*, чтобы окончательно не превратиться в землянина-саксаульца. И если все предпочли мирно затягиваться и добровольно портить свои лёгкие, то музыкант при этом ещё и не чурался выражений, которые в русском народе почему-то называют крепкими, хотя никто их крепости – пусть даже в градусах! – никогда не определял.

Да будь я негром преклонных годов,
и даже рискуя свихнуться,
я русский бы выучил только за то,
что можно на нём матюгнуться!

А Володя в этот момент вспомнил одну мысль, которая пришла в его голову после неудачной первой женитьбы, и, не смотря на то, что с тех пор прошло уже много лет, не потеряла, как ему казалось, своей актуальности до сих пор:

Брак – это мирное сосуществование
двух нервных систем!

И только несколько лет спустя узнал, что некие британские учёные путём длительных исследований выяснили, что идеальный брак всё-таки возможен. «Женитесь как можно раньше на самой стервозной женщине с самой стервозной тёщей», говорили они. «Жи-

вите с ними пять лет и делайте всё, как они хотят, а затем разводи́тесь, и ваш следующий брак с *любой* женщиной будет просто идеальным!»

Увидев, как плохо их товарищу, все пригорюнились, и было видно, как они мучительно переживают не только талгатовы несчастья, но и свои собственные. Глядя на эти душевные терзания, Кулемзин не мог остаться в стороне, и решил просветить коллектив по поводу одного животрепещущего вопроса.

– Кто такой мужчина, которому повезло в любви? – неожиданно спросил он, но, как оказалось, в тупик никого не поставил.

– Йодистый Серёжа? – нерешительно предположил Талгат.

Полтавцев вскинул брежневские мохнатые брови и промолвил:

– А почему, мать честна́я, не ты сам?

, на что прапорщик только горько махнул рукой.

– Так кто же это, святой Малевич? – вскричал художник Муравлёв, который понял, что это тоже не он.

– Холостяк, – ответил писатель. – Или, если хотите, в данный момент я.

– А-а-а, ты в этом смысле? – догадался Васюхан. – А что в этом хорошего?

– Как что? – удивился Альбионыч. – Вот возьми меня: пришёл я домой, вымыл пол, вытер пыль, помыл посуду, почистил ванну и туалет, заштопал рваные носки, приготовил ужин – и вдруг поймал себя на мысли: «А не жениться ли мне на самом себе?!»

Среди житейских передряг,
семейных боен
один лишь старый холостяк –
свободы воин!
Скучна семейная кровать
до безобразья,
а холостому – благодать,
разнообразье!
Пускай рубашка иногда
его помята,
зато он тратит сам всегда
свою зарплату!
И пусть домашняя еда
приятна нюху,
но он свободу не предаст
в угоду брюху!
И продолжаться может так
до самой смерти,
пока несчастный холостяк
любовь не встретит...

– Так что, мужики, берегите свои глаза́ и уши! – воскликнул знаток семейных отношений.

– Почему, мать моя партия? – в ответ воскликнул Курманбаев, который никак не мог понять логических связок доморощенного, как он считал, философа.

– Да потому, Нуртай, что чтобы возненавидеть, нужны поступки, а чтобы влюбиться, достаточно всего лишь плохих зрения и слуха. Надеюсь, ты не будешь спорить с этим (прости, русский язык?) постулатом?

В это время все заметили, что за столиком стало недоставать одного персонажа романа. Оказалось, что сторожу надоели разговоры о каких-то бабах, и он устроил неподалёку

некую трапезную: сердобольный Афанасьич, вырвав из *раскладки* чистый лист («Почему не из своей книжечки?!», сердито подумал покерный гуру), смёл на него крошки от недоеденных сухариков и положил всё это на траву, куда тут же слетелось множество птиц, которые словно ждали, что им сегодня *обломится*. Здесь были и городские горлинки, и вселенские воробьи, и знакомая игрокам ворона, приветствовавшая полтавцевский подвиг карканьем «Кр-р-рутая жр-р-ратва!», и ещё какие-то незнакомые крупные птицы с перьями голубого отлива, которые старались отобрать крошки у малышей-воробьёв.

Вся сцена имела ярко выраженный сюрреалистический оттенок. «Как это похоже на так называемых людей», подумал Кулемзин.

Я природе чужероден –
в отношенье бытия:
вижу жадность я в природе –
вспоминаю сам себя!

– Серёжа, заканчивай заниматься благотворительностью, – позвал охранника марсианин. – Спросить у тебя хочу…

Полтавцев тут же поспешил к столику обратно, так как Володю уважал, и то, что тот хочет узнать его мнение по какому-то вопросу, его чрезвычайно обрадовало.

– Спрашивай, – разрешил он, усевшись между Муравлёвым и антенщиком.

– Вот помнится, у тебя когда-то жена была? – прищурил глаз Альбионыч.

– Как же, была, кажись, – степенно вспомнил бывший текстильщик. – По-моему, её звали Нина.

– А чего вы расстались?

– Да она сказала, что у неё иссяк запал.

– Кто на неё запал? – спросил глуховатый военный, у которого от спиртного всегда притуплялся слух.

– Да какой-то Иссяк!

– А что что за ёкарный мужик? Турок, что ли?

– Да я тоже не понял, – горько ответил сторож. – Помню, поругался тогда с ней крепко: иди, говорю, на фиг к своему Иссяку, а она засмеялась, назвала меня дураком и вправду ушла…

И понял я, но запоздало:
у жизни учись не учись,
но если иссякли запалы,
кончают семейную жизнь!

Глава 237. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (И вновь страшные гла́вы о семейных отношениях, ещё одно продолжение)

Здесь над Серёжей посмеялись уже все, а он совсем не обиделся, так как за это время успел принять уже штук 5-6 *полтишков* крепкого, а это было 250-300 граммов, так на что тут было обижаться, когда и самому́ весело, и все вокруг смеются!

И вот тут автор подумал о том, что с семейной жизнью наших героев читатель уже немного знако́м, а вот об этой стороне жизни антенщика Васюхана он (автор, а не Васюхан) даже не заикался. И поручил сделать это ещё одному своему герою.

– Васюхан, а ты, яйчики-бабайчики, женат? – спросил он.

– Конечно, и даже не раз, – степенно ответил Митрохин и, видимо, для того, чтобы сообщение прозвучало более правдиво, добавил:

– У меня даже одна тёща есть! Или нет, две…

К земле летела тёща, кувыркаясь,
виднелся старый веник между ног, –
ведь жизнь, она короткая такая,
коль зятю мозг сверлишь не умолкая,
а рядом есть открытое окно!

Тут ему поверили все. А наш пришлый герой, чтобы более полно обжиться в новой для него берлоге романа «Русская кочерга», решил рассказать только один случай из своей страшной семейной жизни. Итак,

Рассказ Митрохина

– С первой женой у меня как-то не срослось, хотя и красивая она была, и весёлая, но всё-таки пришлось разбежаться, а ведь как хорошо было порой, даже вспомнить приятно! И вот позади два года брака: своей квартиры нет, живём с моими родителями, квартира хоть и три комнаты, но как-то тесновато для двух семей. Да к тому же, как говорится, две хозяйки на кухне... ну, короче, вы понимаете!

И вот моя половинка в очередной раз опечалилась из-за какого-то пустяка и, в конце концов, выревела *немного пожить* у мамы. У тёщи, конечно, ещё веселее, то есть хрущёвка проходная, банальная двушка, но куда деваться, любовь! И пошёл я на уступки.

А дальше начались стандартные закидоны со стороны тёщи. Я вроде и плохого особо ничего не делал, но власть свою она пыталась проявить везде и всюду: и зарплату ей отдай, она, видите ли, деньгами распоряжается, и бумагу туалетную поэкономнее расходуй, и даже жри поменьше. Короче, как говорят французы, полный *ахтунг*!

Кстати, мы с тестем горбатились целыми днями, жена была до́ма – в декрете, а тёща просто сидела в квартире и практически ничего не делала. Я знал, что она ни одного дня в своей жизни не работала, но ведь за всю жизнь готовить-то можно было научиться! А тёща моя варила такую бурду, что смотреть было страшно, а есть рискованно. Вот, собственно, об этом я речь и поведу.

Чтоб не выглядел я тощим
с жалкими гримасами,
приготовь блины мне, тёща,
да с икрою красною!

Так как особых гастрономических вкусов её стряпня не представляла, я старался питаться полуфабрикатами, а чаще всего пельменями, которые покупались мной лично (типа сам себя прокормить могу) вместе со специями и любимым мною острым томатным соусом «Принто». А семья супруги деликатес в виде сего соуса не приобретала – по ряду надуманных (хотя, может быть, и нет) болячек: типа гастрита, язвы, изжоги и т.п. Поэтому всё недосоленое я досаливал, недоперчённое доперчивал, недоделанное или просто непонятное заливал майонезом – вот так и пытался выжить!

Поэтому наш ежевечерний рацион с тестем мы старались разнообразить, правда, получалось плохо: либо пельмени *медвежье ушко* с томатным соусом, либо томатный соус с теми же пельменями. И вот странное дело: в семь вечера я покупаю баночку томатного соуса в 200 граммов, кладём в пельмешки по чайной ложке, ну, край по две. А на следующий вечер соуса нет! И куда делся, никто не знает. Давлю авторитетом на жену – не признаётся. Наезжаю на тестя – а что на него наезжать, он, как и я, работяга, целый день на работе. Ну, а тёща вообще сказала: мол, ничего не знаю!

Ну, раз на семью не хватает, я стал баночки по поллитра брать. Но и это не помогло – любимый соус с завидной регулярностью ежедневно испарялся, причём, вместе с банкой! Я бы, наверное, забил на это дело, но однажды перед вечерним моционом призвал меня к себе *белый камень*.

Когда мне становится тягостно жить,
в сортир я имею привычку спешить –
в уютную комнату, где унитаз
приветливо встретит любого из нас!

Глава 238. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (И вновь страшные гла́вы о семейных отношениях, окончание Рассказа Митрохина)

И вот, значит, выхожу я из нужника и слышу, как кто-то металлом по стеклу стучит – быстро-быстро так, как будто из СКС[367] гильзы отстрелянные вылетают. Захожу на кухню, в там! Короче, тёща столовой ложкой хлебает мой деликатес, да при этом так шустро мечет, аж на глазах убывает. Чтоб я так пиво пил, честное слово!

[367] *Скорострельный карабин Симонова – прим. воен. редактора*

Верите, я даже растерялся: стою с открытым ртом, и, что самое интересное, мне даже не жалко – семья как никак. Куплю я этого соуса, к примеру, целый таз – нате, ужритесь. Но зачем же скрывать и отпираться?

А тем временем тёща почуяла моё присутствие, подняла гла́зки, увидела мой благородный фейс, поняла, что перед ней зять – хозяин продукта, и так смачно, с ноткой цинизма обсосала ложку, после чего отправила её в банку с оставшимся соусом.

– Мама, что это было? – завопил я.

– А сам виноват, – не растерялась тёща. – Мне соус нельзя, а я его люблю. Ты покупаешь, а я сдержаться не могу!

Унять пыталась аппетит,
но вид еды меня пленил:
желудок – ненасытный тип –
весь здравый смысл переварил!

– По полкило острого соуса? Да с вашим гастритом? Да ежедневно жрать? А зачем вы скрывали это? – попытался задавить я её своими вопросами.

– Да пошёл ты со своим соусом! – ещё раз не растерялась близкая родственница.

И я пошёл. В магазин. За соусом! Стою возле магазина, курю и думаю: как бы отомстить? Даже не то чтобы отомстить, а так – тёщу вылечить от наркотической зависимости в виде соуса. И вот купил я бутылочку, но не такого, как всегда, а «Стебель Бамбука Супер Чили»!

И вот вечером покушали все, как всегда, а перед сном я под предлогом покурить вышел в подъезд, затаился возле мусоропровода и перелил этот *супер чили* в баночку из-под любимого тёщей «Принто». Прокрался на кухню и поставил её (баночку, а не тёщу) в холодильник – на привычное место. Приятного, так сказать, аппетита!

На следующий день работы было много, даже задержаться пришлось, поэтому я както забыл про свою диверсию, а вспомнил про неё, только когда жена мне дверь в квартиру открыла. Первое, что я услышал, был утробный вой:

– Сволочь! Скотина! Гад ползучий! (вот это особенно обидно: когда это я ползал?) Отравил! Милиция! В тюрьме сгниёшь! Убью! и т.д. и т.п.

В общем, красиво так говорила, и даже ни разу не повторилась, разве что про милицию и тюрьму 33 раза прозвучало!

Вот тут-то я и вспомнил про подарочек в холодильнике, аж слёзы от радости навернулись. И жена моя хохочет, видать, тоже вкурила, в чём здесь фишка. А вот тесть с глупой рожей и отсутствием сочувствия на ней в комнате сидит, понять ничего не может. А чего тут понимать: столовая ложка такого соуса – это вам не манная каша! А, судя по остаткам в банке, тёщенька ложки три махануть успела, пока до неё дошло, что кактус глотать больно….

Я попыткой недоволен,
и ору как понятой:
кактус больно руку колет –
прямо ёжик он какой!

Попытка запить водой из чайника сразу же провалилась в зародыше – он (чайник, а не зародыш) как раз закипел, попытка хлебнуть в панике из крана тоже удалась не сразу, потому что навесной шкаф сначала приложил тёщу в лоб. Поняв, что умирает от отравления, тёща прибегла к старому проверенному способу *два пальца в рот*, после чего соус повторно смазал ей глóтку. А судя по вмятинам на навесном шкафу, она (тёща, а не глóтка) его как минимум ещё раза три бодала. В общем, поступала так, как поступил бы на её месте любой человек, который *не ест острого*…

Мы с женой катались по полу, и через всхлипы и стоны рассказывали тестю, в чём тут дело, а когда он понял, то побежал за бутылкой! Он ведь тоже давно жене *западло* устроить мечтал, когда она его спирт на настойку из мухоморов перевела.

Стрессы больше не волнуют –
пью настойку на спирту я!

В общем, тёща ни со мной, ни с другими неделю не разговаривала, но не потому, что обиделась, а просто не могла – из-за ожога гортани. А потом вкус соуса стал постепенно пропадать. А ещё через недельку и мы с женой в родные пенаты уехали.

Сейчас мои первые тесть с тёщей уже в ином мире, но каждый раз, посещая продуктовые магазины и встречая на полках «Стебель Бамбука Супер Чили», я до сих пор довольно улыбаюсь…

– Да, дела, – потрясённо прошептал Афанасьич, а вслух поинтересовался:

– А сейчас как?

– А сейчас никак, – весело ответил Митрохин. – Сейчас я уже второй раз в разводе, и с ужасом думаю, что если когда-нибудь женюсь в третий, то какая мне тёща на этот раз попадётся?

Глава 239. СКАЗКИ III МИЛЛЕНИУМА (Седьмой блок)

После страшных откровений про матримониальные отношения всем захотелось чего-то лёгкого и весёлого.

– Володя, а помнишь, как ты в прошлом томе какие-то короткие сказки рассказывал? – вдруг вспомнил Муравлёв.

«Что это с нашим маленьким, мать честнáя? Никак похмелье не проходит?», подумал сторож, а вслух сказал:

– Ты же, Валера, говорил, что её Наташа зовут.

– Кого?

– Да жену твою.

– Мою? Да, Наташа, – вспомнил Николаич. – А при чём здесь это, Серёжа? Ты бы уже как-то свою память *стабилизировал*, что ли…

– Так чего ж ты всё время какую-то Тому вспоминаешь?

«Что это с нашим маленьким, святой Малевич? Никак похмелье не проходит?», подумал живописец, а вслух сказал, обращаясь уже к писателю.

– Или у тебя такие сказки уже кончились?

– Нет, Валера, не переживай, – успокоил его Альбионыч, – у меня их осталось ещё на три то́ма, а, может, даже и больше.

К детям в душу влез без мыла –
и тому́ я страшно рад:
столько сказок сочинил я,
что заснул весь детский сад!

«Ну вот, и этот тоже про какую-то Тому!», расстроился Афанасьич и даже было открыл рот, чтобы озвучить эту нехитрую мысль, но раньше него открыл рот Кулемзин, который, собственно, и начал рассказывать свои бесчисленные сказки, а благодарный автор, которому сейчас не надо было ничего придумывать, сидел тихонько рядом в кустах и записывал. Итак…

1

Ева когда-то совершила маленький грех – пустячок, в общем-то, но зато человек произошёл не от Адама, а от обезьяны!

2

– Да мы тут тоже не щи лаптем хлебаем, – сказала Золушка, наливая коньяк в хрустальную туфельку.

3

Поймал как-то старик Хоттабыч не кого-нибудь, а Золотую Рыбку. И получилась самая бесполезная сказка в мире, ведь ситуация-то – патовая!

Хоттабыч на рыбалке
проверил свой улов –
в ведре блеснула ярко
(и тем взяла врасплох)
рыбёшка золотая.
Кто мог предугадать,
однажды что такая
дилемма может встать?

4

Шёл как-то Иван-царевич по лесу, и вдруг видит объявление. Подошёл ближе и читает: «Продаю свежую козлятину. Сестрица Алёнушка»

5

– Да кого интересует твоё мнение, когда решается вопрос бессмертия! – говорил Кощей зайцу, запихивая ему в задницу утку.

6

Изготовили русские мастера́ Царь-Колокол. А потом пришёл налоговый инспектор и отколол 15 процентов в качестве подоходного налога!

7

Под Новый год полупьяные пчёлы разоряли берлогу спящего Винни-Пуха, выкрикивая при этом:

– Любишь медок, люби и холодок!

8

И снился Волку всё время один и тот же страшный сон: приходят Ноги и начинают его кормить!

9

– Хочется петь, танцевать, любить, легко дышать! Это любовь, Багира?

– Нет, Маугли, это конопля…

10

А тело своё после смерти Буратино Карлович решил завещать древесно-стружечному комбинату.

Папа Карло сказал Буратино:
«Прекрати! Ну, всему есть предел –.
раздолбал весь очаг на картине!
Посмотри, даже нос обгорел...»

Глава 240. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (И вновь страшные гла́вы о семейных отношениях, окончание)

Последний звонок, как наверняка запомнил мой внимательный читатель, был от батыршинской супруги Аиды, и был он таким ужасным по содержанию, что бедный прапорщик всё никак не мог успокоиться. «Как же ему помочь?», подумал добрый писатель, и, так как спиртное у трубача уже было, решил помочь ему словом.

– Талгат, ты послушай, а ты, Серёжа, запиши – если, конечно, ещё в состоянии писа́ть.

– Да я завсегда, царица лесная! – горячо заверил сторож и навострил красный конец карандаша.

– Старик, не расстраивайся… это пока можно не записывать, потому что… а вот теперь, Серёжа, можно…

Ужиться можно с кем угодно, если жить порознь!

– Не получается никак! – отчаянно воскликнул военный музыкант. – Дóма всё время кто-то есть: если не ёкарная жена, так ёперные дети, если не дети, так йодистые тесть с тёщей! Но особенно достаёт, конечно, тёща Фира Срулевна. Она почему-то решила, что я волочусь за каждой юбкой – как будто не знает, что у нас в армии все они ходят в штанах! И каждый раз, когда я прихожу домой позже, чем обычно, или вообще *подшофе*, говорит: «Женщины только и думают о том, что мужчины думают только об одном…». А о чём это, вообще непонятно! Вот дал же *иблис* такую умную родственницу!

Я стараюсь жить попроще,
но случается фигня:
не люблю свою я тёщу,
что всегда умней меня!

Затем он склонил голову в сторону Полтавцева и прочёл записанное им в блокнотике «Для му.мы.»: «Женщины и мужчины всегда думают по-разному, но об одном и том же! А ведь именно об этом перед смертью говорил своим ученикам Чарлз Робертович Дарвин!». «Кто все эти иностранцы?», подумал Салихдзяныч. «И откуда их знает такой дуб, как Серёжа?!»

– Да, дела, – покачал головой Кулемзин. – Твоя тёща, старичок, или жизни не знает, или специально тебе голову морочит. Ведь когда женщины говорят, что *у мужиков одно на уме*, они даже не представляют, сколько на самом деле у нас на уме.

– Например? – быстро вставил свои партийные копейки педагог, не упускающий случая подловить Володю на неточностях, погрешностях, оплошностях, небрежностях и несоответствиях.

– Хорошо, – не стал чиниться Альбионыч и начал перечисление того, что же на уме у среднего мужика:

– как дожить до зарплаты;
– как трахнуть соседку;
– как заставить детей хорошо учиться;
– как трахнуть бывшую одноклассницу;
– как свалить ненавистный режим;
– как трахнуть бухгалтершу;
– как взять кредит, чтобы дали, а потом кинуть банк;
– как трахнуть ту, ну, с которой каждый день на остановке автобуса встречаешься;
– как предотвратить возможное столкновение Земли с астероидом;
– кого трахнуть в первую очередь, если такое столкновение неизбежно;
– и. т. д. и. т. п.

Знает точно бабье жало:
лучше честной быть вдовой –
у мужчин проблем навалом,
но все сводятся к одной!

И тут примеры женской несправедливости посыпались как из рога переизбытка! Первым в соревнование за право быть самым несчастным вступил художник Николаич. Он вспомнил, как ещё на первом году их брака его супруга Наташа как-то обмолвилась:

– Но ведь ты глава семьи – ты и решай.

– Почему это я глава? – попытался отбояриться от ответственности несчастный муж. – Мы ведь с тобой всегда всё вместе решаем.

– Всё равно ты – глава!

– Но почему я?!

– Не спорь со мной! – сказала супруга.

– И вот с этой самой минуты, святой Малевич, я – глава нашей семьи! – горько завершил рассказ Валера.

– А вот я, – продолжил душевные излияния Батыршин, – как-то с Аидой был в гостях, а наутро почувствовал, что надо поправить здоровье.

Здесь все присутствующие зацокали языками, как бы подтверждая: мол, так оно и бывает.

– И вот сходил я в магазин за пивом, а она ругаться:

– Ты какого купил свой долбаный «Маршал»?! Я же просила «Weihnachtsbier»[368]

[368] Сорт немецкого рождественского пива – прим. гл. редактора

– Извини, ёкарная дорогая, – говорю я жене. – Я знаю, но просто купил то, что сейчас смог выговорить!

Всех сортов, наверно, 100,
но для перегрузки
пиво пью я только то,
что зовётся русским!

Добавил свою лепту жизненных разочарований в матримониальных отношениях и покерный гуру.

– Придёшь, бывало, после сечи за покерным столиком и думаешь: а где же жена, что сейчас разогреет тебе супчика, а заодно и второе, которые ты уже приготовил сам – ещё утром? И вот в такие моменты начинаешь понимать, как же тебе повезло с микроволновкой!

– Володя, – решил поддержать разговор Митрохин, который почувствовал, что пора́ напомнить коллективу о себе. – А я вот слышал, что микроволновки эти вредные – говорят, от них витамины дохнут…

– Вред их даже не в том, что витамины от них дохнут, – поправил его знаток бытовой техники, – и даже не в том, что мы *потом* едим еду с дохлыми витаминами.

– А в чём же?!

– А в том, что вся наша обозримая необозримая Вселенная пронизана галактическими вибрациями!

– И что?

– А то, что микроволновки вибрируют как раз в другую сторону! И еда из них вибрирует не туда! Ну, и соответственно, те, кто её съел, це́лую неделю потом тоже вибрируют в другую сторону. Лично я, когда об этом впервые услышал, часа три вообще вибрировал куда попало! Правда, эти вибрации всё-таки помогли – именно тогда я и задумал написать свой великий роман «Русская кочерга»…

«Век не знать бы этой тайны»,
говорю своей жене.
«Микроволны греют чай мне…
Но зачем? Пивка бы мне!»

– И всё-таки главное – это любовь! – неожиданно выдал Афанасьич и, видя, что никто не впечатлился его словами, постарался тут же объяснить свою позицию:

– Вот возьмём меня с Зулей. Мы *обои* очень любим водку, а, значит, идеально подходим друг к другу!

И тут пришёл конец всем воспоминаниям, но не потому, что они закончились в головах всех присутствующих, а потому, что перебились волшебным словом *водка*, которое произнёс охранник. Поэтому следующие слова́, прозвучавшие за бывшим покерным столиком, были одинаковыми:

– Наливай!
– Наливай!
– Наливай!
– Наливай!

Ты вспомни, как всё начиналось:
мы пили на па́ру и врозь…

Глава 241. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Кто как пьёт)

И вот тут автор заметил, что это только на бумаге всё идёт гладко, а вот в реальности, которая сейчас происходила на территории Бермудского Учпучмака, напротив, всё прыгало и скакало, и виной тому, как уже догадался мой читатель, было спиртное, а, вернее, тот немыслимый сплав различных напитков, которые, если бы употребить их *порознь*, может, и приносили бы какое-то наслаждение, но – не Сука-судьба была нашим героям пить их именно так.

Володя поднял только приконченную бутылку, закатившуюся ему под ноги, и с удивлением увидел, что она была без этикетки. «Как же так?», подумал он. «Во всём должен быть порядок!», а вслух обратился к скороходу-доставляльцу:

– Серёжа, яйчики-бабайчики, ты зачем купил неизвестный продукт?

– К-к-какой продукт? – начал заикаться Полтавцев. – Я никакого продукта не покупал, мать честна́я, а только исключительно бухло!

– Хорошо, а вот от этого бухла этикетка где?

– Отвалилась от счастья, святой Малевич! – выдвинул свою версию Муравлёв, и писатель остро позавидовал такому таланту кратко и остроумно объяснять то, что объяснить в принципе было невозможно. И тут он заметил, как из кармашка рубашки Николаича торчит какой-то золотистый клочок.

– А это что? – прокурорским голосом возвестил Альбионыч и ловко выхватил из кармашка… искомую этикетку. Вот такую:

– Валера, а тебе она зачем?

– На долгую-долгую-долгую память, – спедалировав одно слово, ещё раз объяснил художник, а затем несколько расширил объяснение:

– Встану завтра утром и, *как всегда*, ничего не буду помнить. А увижу эту этикетку – и вспомню!

Я с утра в большой печали,
и страдаю – тих и нем:
точно помню, что бухáл я,
но не помню, где и с кем?

Причина была признана весомой, поэтому дело о краже по статье 188 Уголовного кодекса Республики Саксаулия заводить не стали. А конец инциденту положил Васюхан, который поднатужился тыквой и выдал афоризм, коий с этого мгновения нельзя будет встретить больше нигде, а только лишь на этой странице 562:

Одна голова хорошо, а пить впятером лучше!

И тут литератор заметил, что все пьют немного по-разному: Полтавцев лихо опрокидывал пáйки, Курманбаев каждый раз тщательно обнюхивал край пластикового стаканчика, словно проверяя, не капнул ли ему кто-нибудь из присутствующих яда в то время, когда он моргнул, Батыршин держал свой стаканчик двумя руками, и правильно делал, так как теперь дрожание конечностей было заметно ровно в два раза меньше, Митрохин пил совершенно автоматически, не задумываясь об эстетике происходящего, а вот Муравлёв, напротив, перед принятием на секунду отставлял стаканчик впереди себя, как бы представляя художественную перспективу грядущего. Наверное, именно поэтому марсианин решил дать некую классификацию, но не того, как разные люди по-разному начинают пить, а как именно заканчивают. И вот что у него получилось.

Кто как напивается:

Плотник – в доску
Стекольщик – вдребезги
Извозчик – в дугу
Сапожник – в стельку

Портной – в лоскуты
Пожарный – в дымину
Гробовщик – вусмерть
Охотник – в дупель
Шофёр – в баранку
Железнодорожник – в дрезину
Футболист – в аут
Ассенизатор – в говно
Повар – в сосиску
Старший прапорщик Батыршин – в дудку
Электрик – в отключку
Математик – в ноль
Физкультурник – в лёжку
Медик – до потери пульса
Физик – до потери сопротивления
Химик – до выпадения в осадок
Писатель – до ручки
Журналист – до точки
А вот астрофизик – до звёзд из глаз. Зато красиво…

Зная жизнь, скажу вам честно
(это, кстати, о *любом*):
кто как пьёт, нам всем известно,
только *разное* мы пьём!

При всём при этом, разумеется, не прекращались и разные разговорчики, причём, на самые актуальные темы. Например, Валера, совершенно обезумев от халявного спиртного и, видимо, принимая себя за Салихдзяныча, приобнимал Васюхана и горько жаловался, что ему, знатному военному музыканту, не повезло служить в инженерных войсках, так как старший прапорщик этих войск по числу звёзд и цвету погон приравнивается к полному адмиралу ВМФ.

Сам же прапорщик в это время пытался втолковать Афанасьичу:

– Серёжа, пойми, что в принципе ёкарная дача – это неплохо. Представь, что ем я по утрам бутерброд с икрой – и чувствую, что жизнь удалась!

– А дача тут при чём? – возмутился сторож. – Вот если б у тебя был пруд – где лилии цветут! И, кстати, царица лесная, ты о какой икре говоришь – красной или чёрной? Вот лично я до конца тащусь только от чёрной!

– Так что в следующем году, – не слыша охранника, увлечённо продолжал Талгат, – посажу ещё больше кабачков!

Разъяснить мне вам не тошно,
почему я не дурак:
кабачок люблю за то, что
он не овощ, а кабак!

Глава 242. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Песни веселого ве́чера)

Кулемзин глядел на своих совсем разошедшихся персонажей и горько думал о том, что сегодня никто больше не намечает громадьё пятилеток и семилеток, ибо зачем так далеко заглядывать, если стои́т совсем простая задача – пережить бы сегодняшний день.

И нет бы просто наливали и выпивали эти его так называемые друзья и Нуртай, так им ещё и подавай поговорить! И подтверждением его мысли тут же стали слова́ одного из сидящих за покерным столиком, на это время превратившимся в питейный:

– Не понимаю, мать честна́я, таких людей, которые выпьют и идут спать. А попеть? А потанцевать? А немного попозориться на весь мир?

Писателю на миг стало страшно, потому что эту длинную фразу Полтавцев проговорил с закрытыми глазами. Володя на всякий случай пихнул его локтем и слегка попенял:

– Что-то у тебя, сынок, глаза закрываются.

– Так гравитация же, – просто объяснил Серёжа. – Уж ты бы мог это прочухать…

Я хотел напиться под акацией –
помешала в этом гравитация!

И тут Альбионыч допустил какую уж по счёту ошибку, тщетно пытаясь отвлечь собутыльников от распития крепкого спиртного.

– Знаете ли вы вы, яйчики-бабайчики, что 1 грамм алкоголя прибавляет алкоголику аж 9 (прости, русский язык!) килокалорий? Так что, если вы немного напряжёте свои пьяные тыквы, то поймёте, что, оказывается, водкой можно пообедать!

– Правда, святой Малевич? – изумился Валера. – А-а-а, ну вот теперь мне всё ясно!

– И что же тебе ясно? – насмешливо спросил его Курманбаев, который не любил, когда кто-то оказывался умнее, чем он сам.

– Ясно, почему после большого количества водки часто тошнит, – объяснил художник. – Это, наверное от переедания!

– А не спеть ли нам? – неожиданно предложил Афанасьич, и, не спрашивая согласия остальных, тут же заголосил, педалируя каждое слово:

– Я ухожу! Сказал! Мальчишка!
Ей! Сквозь! Грусть!

, но, не встретив понимания, по инерции, но уже тише завершил таинственную песню:

– Но! Ненадолго!
Я! Вернусь!

Тут искра его таланта, уже было погасшая, вдруг вспыхнула вновь, и он ещё тише, почти речитативом всё же закончил трагическую историю:

– Ушёл совсем, не встретив первую весну, домой пришёл в солдатском цинковом гробу!

Но песня, как ни странно, настроила некоторых членов коллектива на музыкальную волну. Так, старший прапорщик вдруг стал горячо спорить с литератором о том, что *джембе*, или африканский *исцеляющий барабан* будет особенно хорош, если его применить при исполнении сонаты для фортепиано № 10 *до мажор* Вольфганга Леопольдовича Моцарта, причём, самое интересное в этом разговоре было то, что Альбионыч и не спорил с военным трубачом, но тот упорно продолжал втолковывать ему эту истину.

Правда, затем среди знатоков музыки зашёл весьма узкоспециальный разговор о каких-то бемолях, бекарах и диезах, из которых, например, Васюхану были понятны только так называемые непечатные слова. Он вздохнул, отвернулся от специалистов и снова стал слушать сто́рожа, правда, через мгновение пожалев об этом, потому что, еле ворочая языком, Серёжа вдруг заговорил на чём-то иностранном, и Володя, который уже было открыл

рот, чтобы наконец сказать что-нибудь антиалкогольное, вдруг с изумлением узнал литературный французский:

– Le vi est tiré, il faut le boire[369]!

– Serge, mon ami, mais tu ne te saoulais pas[370]?

– Eh bien, toi, ma charmante compagne[371]! – стал горячо уверять внезапный полиглот. – Versez dedans[372]!

[369] Вино в бокалах, пора его выпить! – фр.
[370] Серж, друг мой, а вы не захмелеете? – фр.
[371] Ну что вы, мой прелестный попутчик! – фр.
[372] Наливайте! – фр.

Здесь выяснилось, что последнее слово по-французски вдруг стал понимать Митрохин, который поспешно налил напиток в уже начинающую скучать тару, а Кулемзин, поглядев на это действие, тут же придумал афоризм, который впоследствие широко шагнул в народ да так среди него и остался:

Хороший собеседник
не только внимательно слушает,
но и вовремя наливает.

Правда, выпив предложенное, Афанасьич, пьяно и пакостно улыбаясь, понёс такое, что марсианин стал чувствовать себя святым отшельником, которого голод выгнал из ле́са в город, а провидение занесло вместо фабричной столовой в бордель.

Невольно или вольно
мы все сыграем в ящик –
от слабоалкогольных
до спиртосодержащих!

И тут задумавшегося Альбионыча вывел из состояния лёгкой прострации голос Салихдзяныча, обращённый персонально к нему:

– А ты, Володя, чего молчишь?

– Да слова́ подбираю.

– Какие?

– Цензурные.

– И как?

– Да что-то не получается…

– А, может, ты загадку какую-нибудь загадаешь? – предложил встрявший в разговор живописец. – Ты же их много знаешь.

После этого признания он дико глянул на педагога и неожиданно уточнил своё предложение:

– Ты только такую давай, чтобы Нуртай отгадал, а то он уже все свои последние мозги, кажется, пропил…

Преподаватель еврейского колледжа хотел было ответить распоясавшемуся оппортунисту, но вовремя вспомнил, что он ещё и коммунист, и решил быть стойким.

– Хорошо, – согласился Кулемзин. – Слушайте все: зимой и летом одним цветом.

– Ёлка! – радостно заорал Мусаич, тут же забыв обиду.

В лесу родилась ёлочка
от дуба и сосны,

и жарким летом ёлочке
про зиму снились сны…

– Нет! – резко припечатал его писатель. – Кстати, Валера, кажется, насчёт пропитых мозгов ты был прав… Талгат!

– Ёкарный напильник.

– Серёжа!

– Глисты, царица лесная.

– Валера!

– Вазелин, святой Малевич.

– Васюхан!

– Может быть, портвейн? – стесняясь, произнёс запретное в его бывшей второй семье слово антенщик.

Здесь все замерли и выжидательно посмотрели на загадчика.

– Правы все, яйчики-бабайчики! – наконец торжественно возвестил литератор, после чего тяжело вздохнул:

– Кроме Нуртая…

– Почему это, мать моя партия? – вскинулся партиец. – К тому же, я первым ответил!

– Да банально как-то, – ещё раз вздохнул Володя. – А банальности, знаешь ли, как-то не приветствуются на страницах такого романа, как «Русская кочерга»…

– Вот именно! – суровым кивком подтвердил его мысль Батыршин и вдруг немузыкально заорал, словно бы решил поддержать подзаголовок этой главы:

– Когда поют солдаты,
спокойно кошки спят!

Глава 243. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Что для чего)

И всё-таки крепкие напитки заставляли надеяться, что это безобразие скоро завершится. Кулемзин с тоской смотрел, как па́йки то водочки, то портвешка, а то и вообще какого-то ликёра, приобретённого также неизвестно для кого, проваливаются в жадные на алкоголь па́сти игроков (б) и сочувствующих. «Интересно», думал он, «а вспоминает ли хотя бы один из них сегодняшнюю игру? переживает ли, как это делаю я, по поводу проигрыша или выигрыша? думает ли о том, что именно сегодня он достиг в *русской кочерге* чего-то большего, чего-то нового, чего-то такого, о чём даже не догадывался вчера?»

Нет! – горько говорю я, автор этой толстой книжки, не вспоминают ничего эти персонажи о покере, не переживают и не догадываются! Наверное, только для меня страницы об этой великой игре имеют какое-то значение, да, может быть, ещё для какого-то особо умного читателя, способного охватить эти гигантские пласты непростой информации одним взором. А вот этим – хоть бы хны!

Зачем, друзья, роман читать,
когда так весело бухать?
Зачем на части душу рвать,
когда та-та-та-та-та мать!

Альбионыч, будучи не в силах бросить подотчётный коллектив, поневоле прислушивался к разговорам, которые каждую минуту становились всё невнятнее. Он смотрел на своих сопокерников, художника и антенщика и привычно удивлялся. Он даже слегка завидовал таким людям, кто может ковать себе счастье из ничего – из хорошей погоды, из

внезапного выходного дня, из бутылочки портвейна. Причём, оказалось, что разговоры не всегда исполнялись в форме диалога. Так, Полтавцев повернул голову налево – в сторону дома № 17, где в этот момент не было не только покеристов и их болельщиков, но даже дворовых детей, которые сейчас висели на странной конструкции типа железной перекладины, вкопанной в верхнем углу Бермудского Учпучмака, как гроздь перезревших питонов. И это было неплохо, так как за минуту до этого дворовые дети носились по периметру Великого Треугольника словно наскипидаренные коты, поднимая облако пыли примерно в 79 раз большее, чем дерущиеся в песочнице коты.

Объясняю вам со страстью,
как и делает пиит:
дети – это наше счастье!
Особливо не мои…

– Подожди, не пей, – предупредил неизвестно кого Серёжа и перевернул котомку, из которой последовательно выпали: нечистый носовой платок, оторванная пуговица от чьего-то плаща и карамелька «Взлётная». Пуговицу сторож, вздохнув, выкинул, платок переложил в карман штанов, а карамельку, не разворачивая фантик, засунул в рот и принялся старательно причмокивать. Володе стало дурно и он поспешил привлечь к себе внимание тостом.

– Ну, за наше благоденствие! – торжественно произнёс он.

– Может, лучше за здоровье? – осторожно поправил его Васюхан, который к этому времени заразился от сторожа редкой болезнью – нечегонепонимитом.

– И всё-таки лучше за благоденствие, – повторил писатель. – Потому что здоровье, яйчики-бабайчики, вовсе не самоценность…

– Ма[373]? – переспросил музыкант на неизвестном языке.

[373] ***Что? – ивр.***

Мудрость высеку в граните –
перекину в разум мост:
«Хоть на идише-иврите,
хоть на русском – лишь бы тост!»

И тут же начался новый диалог, но Афанасьич, прислушиваясь к нему, не понял ни сло́ва, так как писатель и трубач ничего не стали говорить о водке или хотя бы о пиве, а произносили какие-то слова, которые он раньше слышал только по радио: о «мире без насилия», об «остановке гонки вооружений», о «потерянном поколении», о «роли писателя в современном обществе» и даже о «крахе буржуазной морали». Сторож явно не понимал, что Володя, поднимая эти милые и душевные, но такие бессмысленные темы, просто добавлял кивающему головой татарскому прапорщику Салихдзянычу чувство собственной значимости.

– А не переименовать ли нашу скучную улицу Жубанова в яркую и цветную улицу имени Джона Альфредовича Леннона? – наконец предложил писатель.

«Дурак какой-то!», подумал Мусаич. «Как будто он забыл, мать моя Октябрьская революция, что Ленина зовут Владимир Ильич!»

Надо ли напоминать моему читателю, что самым жадным в этом странном коллективе был педагог Курманбаев. Он знал, что сильно губит здоровье, которое ещё могло бы пригодиться для борьбы с мировыми врагами всех мастей, распивая с этими самыми врагами крепкое спиртное, но остановиться не мог, иначе что же было сегодня вечером запи-

сать в заветную книгу памяти, куда и стекался весь компромат, нарытый им за день. Уже стала побаливать печень, непонятно тянуло в поджелудочной железе́, чесалось под левым коленом, свербило в паху и стучало молоточком в наковальне по стремечку. И всё же хотелось большего!

– Эх, сейчас бы ещё немного пивка! – словно бы в задумчивости проговорил Нуртай.

– Для рывка? – насмешливо срифмовал писатель старой, ещё советской рифмой, и тут же вспомнил, как давным-давно, ещё в весёлую пору молодости он сидел в пивном подвале по имени «Шахта» с друзьями-воплевцами[374] и, попивая пивко, записывал на салфетку как раз такие рифмы – не для потомков, а просто для хохмы. И память его не подвела, так что теперь каждый, кто откроет эту страницу 566, теперь будет знать –

Что для чего

Пивка – для рывка.
Водки – для обводки.
Морсу – для форсу.
Самогона – для обгона.
Сивухи – для прухи.
«Солнцедара» – для удара.
«Кока-Колу» – для приколу.
Кефира – для блезира.
Ликёра – для упора.
Шнапса – для коллапса.
Рома – для подъёма.
Хере́са – для стресса.
Браги – для отваги.
Вишнёвки – для сноровки.
Виски – для очистки.
Чачи – для удачи!

[374] О журнале «Вопль» – в сборнике «Вопль. История одного журнала», изд. «Картуш» (г. Орёл), 2014 – прим. гл. редактора

Глава 244. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Расход по мастям)

После восьмой, а, может быть, девятой па́йки водкопортвейноликёра, употреблённых покерными алкоголиками, вечный спонсор коллектива вздохнул и предложил, не сходя с места, отправить срочную телеграмму соболезнования вдове несчастного английского капитана Джеймса Джеймсовича Кука. К его удивлению, все присутствующие горячо поддержали это благородное начинание, правда, хором попросили писателя профинансировать это почтовое отправление, а когда Кулемзин отказался, Мусаич сразу же организовал сбор средств на отправку и, собрав около 10 назарбаксов, немедленно положил их себе в карман, после чего начал отвлекать коллектив, ведя подрывные разговорчики о том, что до сих пор неизвестно, где именно съели храброго капитана, и была ли на тот момент у него жена. В общем, володина идея затухла на корню, но денежек проходимец не вернул никому.

К этому времени все участники процесса (кроме марсианина) несколько изменились внешне. Батыршин, например, стал выглядеть так, словно упился не просто так, а до полного стеклянного безразличия, Полтавцев – до полного отъезда крыши в космос, остальные же плавно допились до исполнения гимна Саксаулии, правда, ни одного сло́ва на саксаульском языке не знали, поэтому пели кто во что горазд.

«А ведь где-то в соседней параллельной Вселенной котята топят людей», тоскливо подумал Альбионыч. «И, кстати, правильно делают…»

Задушил матроса тельник,
в супе плавает башмак, –
во вселенных параллельных
всё идёт совсем не так!
Водка в берегах кисельных,
мерседесы – за трояк! –
во вселенных параллельных
всё идёт совсем не так!

Одновременно хорошо и плохо было и живописцу Муравлёву: хорошо сами знаете от чего, а плохо – от скорого расставания с родным коллективом и встречи с не менее родной супругой. Он горестно охватил голову руками и провыл в равнодушное небо:

– Зачем же я так напился? Зачем, святой Малевич?!

– Да ладно тебе, – попытался успокоить его антенщик Митрохин. – Зато будет что завтра вспомнить…

– Да в том-то и дело, что я наутро ни хрена не помню!

– Ну, тогда давай по последней!

– Давай!

Знают все в знакомой нам округе,
что судьба друзьям преподнесла:
два пропойца, два весёлых друга
ежедневно *жрут* аж в два горлá!

Но лучше всех сейчас было, пожалуй, только коммунисту Курманбаеву. Он уже несколько раз, отвернувшись от ничего не соображающей компании, вытаскивал из кармана штанов бумажку, куда тщательно записывал количество сегодняшнего потреблённого спиртного на халяву. Число росло от часа к часу, и это не могло не радовать педагога. «Надо бы как-то приопустить его мечты на грешную землю», подумал Альбионыч и садистски предложил:

– Друзья мои, запомните, что я вам завещаю: когда наш сомнительный друг Мусаич наконец-то скочумает, похороните его поглубже, чтобы он не смог вылезти ещё раз морочить нам голову, и сделайте на его могилке оградку с очень мелкими завитушками.

– Чтобы все помнили про мой весёлый характер? – обрадовано встрепенулся будущий покойник.

– Нет, старичок, чтобы твои родственники потом задолбались её красить!

И тут Володя, который сам удивился своему садизму, почувствовал, что его тоже немного развезло, чему сопутствовали сразу три фактора: безумная жара, неисчислимое количество выпитого «Тянь-Шаня» и постижение своего дао.

– Бермудцы мои! Учпучмакцы мои! – воскликнул он, поднимая чужой, правда, уже пустой пластиковый стаканчик. – К вам, славные русскокочергинцы, обращаюсь я, Верховный Марсианский Шаман Великого Покера! Пóмните, что спиртное открывает чакры, но закрывает третий глаз!

Быть жене моей вдовóю –
в алкоголе я увяз:
вновь допился до того я,
что закрылся третий глаз!

«Мать честна́я», подумал Полтавцев, отнимая у него свой стаканчик, «кажется, на самом деле пора́ расходиться!»

– Да, Серёжа, пора́! – услышав его мысль, подтвердил спонсор мероприятия. – Но перед этим я хочу рассказать, какие всё-таки мудрые люди эти японцы!

– Какие ёперные вьетнамцы? – встрепенулся Салихдзяныч.

«Нет, ну разве с такими друзьями станешь архатом[375]?», горько подумал Кулемзин.

[375] От санскр. अर्हत् – достойный. В буддизме – человек, достигший наиболее полного освобождения от страданий и вышедший из так называемого колеса перерождений. Согласно самой ранней ветви буддизма тхеравади архат это наивысшая степень Просветления – прим. будд. редактора

– А чего в них особенного, в этих китайцах? – не согласился Афанасьич. – Умные-то они, конечно, это да, но только уж больно косоглазые.

– Есть немного, – улыбнулся писатель. – Но я о другом: у этих таинственных азиатов есть один интересный иероглиф – вот такой:

勇気

, так вот он одновременно обозначает сразу два сло́ва – печень и мужество!

– К чему это ты, мать моя партия? – недовольно переспросил сталинист, который почувствовал, что у него стало немного меньше мужества, потому что резко заболела печень, а через несколько секунд – и сердце, потому что бессердечный марсианин не ответил на его трепещущий вопрос.

Не лучше вёл себя и Муравлёв, в силу своей профессии, видимо, возомнивший себя интеллигентом. Он стал поочерёдно обращаться ко всем присутствующим, так как неожиданно стал видеть всё более опускающуюся планку их социальной составляющей.

– Я вас заклинаю, господа! – бормотал он, дёргая за рукава игроков. – Ведь так легко, святой Малевич, ошибиться и спутать нашу реальность с белой горячкой! Неужели вы не видите, что они просто неотличимы друг от друга!

Она не продастся за ржавый пятак,
с души не слетит, как болячка,
она не уйдёт от тебя просто так,
ведь белая это горячка!

– Неужто тождественны? – удивился сторож. – Не может быть, царица лесная!

– Именно тождественны, Серёжа! – обрадовался пониманию Валера. – И даже в чём-то эквивалентны и совокупны! Не говоря уже о том, что аналогичны и константны! – поставил Николаич очередной восклицательный знак в разговоре. – И это настоящая трагедия, господа!

«В мире бреда идёт война», глядя на всё это безобразие, подумал литератор. Неожиданно он показался себе очень старым. «Как же я устал от этого филиала полевого лазарета имени Луи Жановича Пастера!»

Глава 245. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Расход по мастям, продолжение)

– Блин, – неожиданно вспомнил мучное изделие военный трубач, – а ведь через несколько дней – ёкарная осень!

– И что? – скривил губу Мусаич.

– Да противно как-то, – признался, как на допросе, Салихдзяныч.

– А по мне, – ответно признался писатель, – любая осень – красива, особенно если она дождливая, холодная и болдинская.

– Это как? – встрепенулся тянущийся к знаниям охранник. – Болдеть тама, чё ли?

– Именно, – подтвердил Кулемзин. – Один мой знакомый, некто Сергеич, так в этой осени *поболдел*, что за три месяца насочинял поэму «Домик в Коломне», завершил работу над своим *титаникусом* «Евгением Онегиным», а также циклами «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии», не говоря уже о 30 лирических стихах. Вот, представьте, разве такие строки можно написать, например, весной или летом:

Безумных лет угасшее веселье
мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино, – печаль минувших дней
в моей душе чем ста́ре, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и го́ре
грядущего волнуемое море[376].

[376] Стихотворение А. С. Пушкина «Элегия» (8 сентября 1830 года) – прим. лит. редактора

– А я думаю, – смело заявил не только художник, но, как только что выяснилось, и литературный критик Муравлёв, – что про вино и похмелье можно писать круглосуточно – лишь бы в течение дня было вино, а потом утром – похмелье!

– А где ты, яйчики-бабайчики, в пушкинском стихе про пьянку нашёл?

– А вот – в предпоследней строчке: «Сулит мне труд и го́ре…»

«А ведь и правда», подумал литературный лектор Альбионыч. «Как же я сам, дурак, не догадался…»

Отхлебнув из винной кружки,
приближаясь к *пятистам*,
про бухло писал нам Пушкин –
как какой-нибудь Хайям!

А вот Афанасьич нисколько не расстроился, а, напротив, торопливо открыл свою котомку и вытащил на свет *дедушкин* знаменитый на весь мир блокнотик «Для му.мы.», причём, автор хочет подчеркнуть – в последний раз за сегодняшний день, а, значит, и в этом четвёртом томе. Он (Афанасьич, а не том) при этом тщательно облизал красный конец двуцветного карандаша и записал на чистой страничке, от усердия высунув покрасневший язык: «Пушкин был странным человеком: он почему-то думал, что труд и го́ре ему сулило волнующееся грядущим море. Если бы он был сейчас здесь, я бы ему объяснил, что он не прав, ведь труд и го́ре может сулить только игра в *русскую кочергу*!»

– Итак, пора́ по домам, други мои! – возвестил Володя, чтобы отвлечься от страшных мыслей о самом себе. – Но перед этим я предлагаю принять государственный гимн нашего покерного клуба, а также его герб и флаг! – предложил Володя, и предложение это, как ни странно, тут же нашло горячий отклик в сердцах сопокерников. Вариантов неожиданно оказалось много, и потому все старались перекричать друг друга.

– Но, кроме этого, я предлагаю также принять и государственный девиз:

Могло быть ещё хуже!

, с которым, к его недоумению, согласились все.

– А герб какой будет? – вдруг забеспокоился антенщик Митрохин.

– А тебе-то зачем? – закричал на него преподаватель и даже немного толкнул его плечом. – Ты же, мать моя партия, не играешь, а только володины денежки пропиваешь!

– Да, пропиваю, – голосом Печорина возвестил Васюхан. – Но пью не на свои!

– Друзья, – попробовал успокоить разбушевавшихся упучмакцев Кулемзин. – Сейчас я вам предемонстрирую эскиз предлагаемого герба, а вы постарайтесь принять его в первом чтении. Ладно?

– Давай, мать честна́я! – дал разрешение председатель приёмной комиссии Полтавцев.

И литератор дал, применив некую марсианскую технологию, после чего над покерным столиком, давно уже превратившимся в питейный, задрожало отчётливое виде́ние:

Не знаю, у кого какое зрение, мои дорогие читатели, но если попался среди вас слабовидящий (от 700 миллилитров крепкосодержащих напитков), то вот вам от автора подарок – расшифровка всех призывов (начиная с левой оплётки – сосисочной):

Выпил пивка – заешь рыбкой!
Съел рыбки – запей винцом!
Выпил винца – закуси колбаской!
Скушал колбаски – выпей водочки!
Выпил водочки – выпей ещё!
Тяпнул ещё – занюхай хлебушком!
Понюхал хлебушек – скушай его!

А вот что на оплётке правой – батонной:

Скушал хлебушка – залей портвешком!
Отведал портвешка – закуси ягодкой!
Проглотил ягодку – накати коньячку!
Хлебнул коньячку – наколи конфетку!

Наколол конфетку – попей бражки!
Кончилась бражка – погрызи сухарик!
Не видишь сухарик – сходи за пивком!

– Хорошее чтение, – одобрил председатель приёмной комиссии, ранее бывший сторожем-охранником. – Принимаю его!

– А вот там внизу – под бутылочками? – прищурил пьяный глаз художник и даже отставил вперёд руку с поднятым вверх большим пальцем, как до него делали его сумасшедшие друзья Пабло Руисович Пикассо и Сальвадор Доменекович Дали.

– Да вроде бы хорошо видно, – пробормотал Володя, но спорить не стал и озвучил некий призыв к основной массе граждан Республики Саксаулия:

Пей и закусывай!

А русский писатель в это время на несколько секунд превратился в японского поэта, сочинив короткий

Хокку о том, что было, но собирается пройти

Если что-то подкралось к вам незаметно, –
не надо быть пессимистом.
А вдруг это праздник?

Глава 246. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Расход по мастям, ещё одно продолжение)

«На что же похожа эта группа явно подвыпивших личностей?», подумал Альбиоыч, после чего в его писательскую голову пришло сразу несколько интересных определений: «Взвод конных водолазов? Эскадрон гусар спиртючих? Или просто группа трактористов после вручения им медали «За успешную пахоту в условиях социализма»?»

Всякий, с нами пьющий наравне,
даже если вовсе *никакой,*
видит сходство истины в вине
с ранее утопленной тоской…

– Ну что, друзья мои, пора́, однако, в прекрасное делёко! – сделал он ещё одну слабую попытку прекратить вовсю разгулявшееся безобразие. Но, как выяснилось, его призыв услышали не все.

Так, изрядно перебравший Васюхан в это время бормотал что-то о своей неоценённости и, видимо, перепутав себя с филологом Кулемзиным, начал страстно вещать о безусловной слабости Достоевского как стилиста, одновременно мучительно вспоминая адрес, чтобы сообщить его несуществующему таксисту. Так и не вспомнив ничего, он тут же начал заваливаться вниз, как бы переходя в пике́, словно из него выпали батарейки, которые ранее обеспечивали ему энергию движения.

Педагог неожиданно побратался с Муравлёвым, но даже в таком состоянии решил доказать, что он безусловно умнее, и предложил:

– Валера, давай идти простым логическим путём.

– Давай. Наливай!

– А нечего! – воскликнул Мусаич и с укором посмотрел на спонсора коллектива.

Полтавцев в «уме» сосчитал принятые *полтишки*, и поняв, что на сегодня ему больше не обломится, понёс бред почище Эдички Лимонова, постепенно уходя в виртуальный мир прекрасного далёка.

– Серёжа, тебе пора́ спать, – глядя на страдальца, предложил Кулемзин.

– Спать? – переспросил охранник. – В смысле полежать немного?

– Ну да.

– А ведь лёжа хорошо думается, – задумчиво промолвил Афанасьич. – Лежишь себе, лежишь, думаешь, думаешь и – не заметишь, как проснёшься!

Не отставал от компании и старший прапорщик Батыршин.

– Сокол, Сокол, я Ястреб, – бормотал он. – Срочно вызываю подкрепление!

– А чем подкрепляться будем, товарищ Ястреб? – спросил марсианин.

– Креплёным, конечно!

Врачи на нас нагнали страх:
мол, соль и сахар – белый враг!
Не взяли водку в этот круг…
Похоже, водка – белый друг!

«Вот те на!», стукнуло в голове у литератора. «Приехали, товарищи! Следующая станция метро – улица Каблукова[377]», но вслух сказал совсем другое.

– О, Кассандра Приамовна и мать её Гекуба Димантовна[378]! – изощрённо выругался он.

[377]На улице Каблукова в городе Отцеябловске расположена психиатрическая клиника № 1 – прим. автора
[378] Это по Гомеру. А, например, по Еврипиду она была Киссеевна! – прим. автора

Услышав страшные слова, Салихдзяныч вдруг приподнялся, скомандовал: «Вольно! Разойдись!» и стал заваливаться. Правда, до конца это сделать ему не удалось, так как военное тело натолкнулось на лакейское плечо педагога.

– Талгат, ты жив? – весело поинтересовался Володя.

Прапорщик, услышав знакомое имя, тяжело, как Вий, поднял голову и посмотрел на Альбионыча взглядом, от которого могло прокиснуть всё, и не только молоко, но и квас на хрену́.

– Ой-ой, – притворно испугался писатель. – Предлагаю перестать на него смотреть!

Вы послушайте меня, девки и парнишки:
беса к ночи не дразня, почитайте книжки!
И тогда не засосёт вас неврастения.
Доброй ночи! Вот и всё. «Позовите Вия!»

Он понял, что говорить с военным музыкантом в таком состоянии было тем же самым, что обращаться с просьбой самостоятельно открыться к двухкамерному холодильнику «Аристон», после чего посмотрел на подотчётный коллектив со строгостью товарища Сталина, будто сейчас перед ним сидели не знакомые алкоголики, а Троцкий, Каменев, Зиновьев и примкнувший к ним Бухарин.

– Владимира Ильича помнишь как звали? – оставив в покое живописца, неожиданно спросил сторожа Мусаич.

– Ленина? – уточнил Серёжа.

– Ленина, – подтвердил Курманбаев.

– Нет, не помню, – признался Афанасьич.

«Ну, всё!», подумал писатель. «По-моему, все допились до степени постепенного рассасывания по своим домам…»

Если остались вино или пиво,
водка осталась, а праздник закончен,
значит, проблемы внутри коллектива
есть! И, похоже, серьёзные очень…

Затем он скорбно оглядел покерный столик (б) с кучей порожних сосудов из-под алкоголя и понял, что именно в этом коллективе никаких проблем нет, но в то же время заметил, что куда-то пропал Митрохин.

– А Васюхан наш где? – задал он глупый вопрос, потому что ответить на него сейчас было некому, и тогда Кулемзин решил выдвинуть свою собственную версию:

– Видимо, он пошёл в лес, чтобы посетить белочек с ответным визитом!

Версия литератору понравилась. «Надо бы про этих белочек ещё что-нибудь придумать», решил он. И придумал.

– По-моему, на наших учпучмакских карагачах, – сказал он вслух, – уже пора́ вешать какую-нибудь выразительную табличку вроде вот такой:

Не пугайтесь!
Белочки у нас
не настоящие!

Глава 247. ВЕЧЕРНИЙ СПУРТ (Расход по мастям, окончание)

И хотя все уже знали, что на сегодня всё кончено, они были счастливы. Володя, как почётный марсианин второго микрорайона, знал, что такое иногда случается с теми, кто не ведает своего будущего. *Дедушка* оказался удивительно дальновидным: он смастерил человека себе подобным, однако не дал ему заглянуть в бездну грядущего. И это правильно: жизнь потеряла бы всякий смысл, если бы каждый из нас знал, что завтра или через неделю, или через год, или через десять лет, или через сто…

Но, баста! Пора́ возвращаться к нашей нелёгкой действительности, а что она нелёгкая, пусть определит сейчас сам читатель, понюхав эту страничку, пропитанную алкоголем, алкогольными пара́ми и остальными вредными запахами, сопровождающими компанию алкоголиков.

Коль собра́лись выпивохи,
надо меру им познать,
потому что в суматохе
можно сдуру не добрать!

Тяжелее всего сейчас было старшему трубачу Батыршину. И этому было логическое объяснение: хотя он пару десятков раз за день успевал сбросить излишки из-за пакостных речей Курманбаева, тот алкоголь, который успевал в перерывах между беганиями в кусты всосаться в кровь, только увеличивал свою плотность и насыщенность в организме.

– Талгат, яйчики-бабайчики, как ты можешь столько бухать? – поинтересовался Володя. – Может, тебе к наркологу сходить?

– Так был я у нарколога в прошлом году – ёперная Аида отвела.

– Ну, и как?

– Да перепил я его! – с гордостью поведал счастливый прапорщик.

Солдафонская шутка музыканта нашла судорожный отклик у Афанасьича – он заржал, как легендарный конь Буцефал, когда на него сгоряча запрыгивал Шурик Филиппович Македонский. Литератор, воспитанный на «Борисе Годунове», на это даже не хмыкнул, а только произнёс голосом Папанова в роли Кисы Воробьянинова:

– Да уж…

– Истина в вине! – отозвался старинным трюизмом прапорщик, после чего также заржал своей незатейливой шутке. А Кулемзин вспомнил свой старый стишок на эту тему:

В разговоре бестолковом
утверждаю, что на дне,
под таинственным покровом
скрыта истина в вине!

Не лучше чувствовал себя и обидчик военного – педагог Мусаич.

– Являясь верным помощником и неустанным резервом… – бредил он, – …нас бросала молодость на кронштадский лёд… лучшие сыновья и дочери… и его возводить молодым… тлетворному влиянию Запада… активная жизненная позиция… не задушишь, не убьёшь…

«Ужас какой», просто подумал писатель, услышав эти страшные в своей трансцендентальности слова, а потом подумал ещё раз: «Как же правильно закончить эту пьянку, тем более что у всех осталось только на один тост?»

И тут автор, который, как уже успел заметить мой внимательный читатель, отличается крайним миролюбием и альтруизмом, решил помочь своему главному герою, дав некий обзор русских прощальных стопочек, который он, не мудрствуя, так и назвал –

Как правильно закончить пьянку

Оказывается, пресловутое *на посошок* – это только $^{1}/_{10}$ дошедшей до нас народной мудрости. Чтобы в полной мере соблюсти русские традиции, прощальные стопки следует пить вот в такой последовательности:

1. **Застольная** – в знак уважения к остающимся.
2. **Подъёмная** – при покидании стола.
3. **На ход ноги́** – движение от стола.

И хотя меня к порогу
подтолкнули горячо,
от стола не ходят но́ги,
если хочется ещё!

4. **Запорожская** – при преодолении порога помещения, в котором и происходит застолье.
5. **Придворная** – при выходе во двор.
6. **На посошок** – часто вручали посох и ставили на него рюмку. Если гость проливал вино, ронял стопку, не доносил до рта, то его полагалось оставить ночевать в гостях.
7. **Стременная** – прежде чем поставил ногу в стремя.
8. **Седельная** – за то, что поднялся в седло.

9. **Приворотная** – перед выездом за ворота.
10. **Заворотная** – за то, что всё-таки сумел выехать.

Вот такой путь из алкоголиков в порядочные люди и предлагала народная мудрость, которая, видимо, копилась в русском же народе века́ми.

Куда попало поезда
идут своим тоннажем,
и только стрелочник всегда
свой путь себе покажет…

Но писатель земли русской и саксаульской, осознав, что всё это будет слишком сложным для еле живых персонажей, ограничился последним простеньким тостом:

– Ну, други мои, предлагаю выпить последний раз – за грани парадоксов и перспективы их расширения!

– Браво, святой Айвазовский! – воскликнул живописец и, истребовав 100 назарбаксов на такси, попытался отправиться восвояси, но упал неподалёку, в последнюю секунду извернувшись, чтобы не раздавить муравьишек, спешащих к себе домой – к ужину.

В траву упал, как князь Андрей,
и торсик муравьиный
мелькнул в завесах октябрей,
со мною не единых.
Гляжу на ножки муравья,
сучащиеся тенью –
преодолеть не в силах я
стремление движенья.
За ними вскользь идёт зрачок,
но ловит лишь последний
на ножке тонкой башмачок,
как тапочек балетный.
А, может, обувь мнится мне,
ведь в школе по-другому
давали знания извне
по рангу видовому?
Травы мерцает монитор,
лишь пригашая вспышку –
зрачок проигрывает спор,
не видя муравьишку.
А он сейчас уже внутри
надёжного жилища,
и как зрачок не посмотри,
меня-то он не ищет.
Мир только кажется тюрьмой,
но много в нём и света.

♠ ♠ ♠

И быстро я пошёл домой,
чтоб не забыть всё это…

Вслед за ним, выпив своё, отправился и Митрохин – пьяный, как Снегурочка после восьмой *ёлки*. Передвигался он при этом словно конь на фигурных коньках.

В последний путь отправилась ещё неразлучная вечерняя пара – Нуртай и Талгат. Военный трубач вначале пошёл раскачиваясь, как бы набирая при этом опасную (прости, русский язык!) амплитуду, но затем неожиданно выпрямился, потом чётко, словно полжизни провёл на строевом плацу, повернулся кругóм и чуть не свалился, если бы не педагог, который вёл его, приседая, как утка. В остаточном разуме Салихдзяныча вдруг проснулся какой-то неведомый ему ранее музыкальный центр и он, пугая дворовых детей, истошно заголосил на весь Бермудский Учпучмак песню из репертуара некой Веры Брежневой, урождённой Галушки:

– Я знаю пароль,
я вижу ориентир,
ещё две по 0,5 –
и я спасу мир!

«Интересно, знают ли все вот эти тонкую грань между *выпить для блеска глаз* и *нахреначиться до потери пульса*? Похоже, что нет…», подумал Альбионыч и прокричал вослед педагогу и прапорщику:

– Следующая остановка – конечная!

– А как название? – со страшным скрипом повернув к нему голову, прохрипел еврейский зять.

– «Город-герой Вашингтон»

– Ни хрена, куда нас занесло, – опечалился Батыршин и опустил голову ещё ниже, как это до него делал пёс Ингус в сопровождении своего начальника-героя Карацюпы[379].

[379] Ещё один миф сталинской пропаганды – Герой Советского Союза Никита Фёдорович Карацюпа, пограничник Белорусского пограничного округа, со своим служебным псом якобы задержавшим 338 нарушителей госграницы СССР (б) и лично уничтожившим 129 шпионов и диверсантов – прим. автора

Пограничник с собакой вышел в дозор –
на границе покой, тишина:
знает службу солдат, знает службу Трезор –
спи спокойно, родная страна!
Вдруг в кустах, в темноте как-то треснул сучок,
где-то ухнула дважды сова –
с автоматом солдат вдруг прилёг на бочок
и Трезору он молвит слова́:
«Там, в кустах, в темноте, вероятно, бандит!
Ты беги, отрезая дорогу врагу...»
А собака уселась и так говорит:
«Я ж отсюда полаять могу!»

Глава 248. ВЕЧЕРНЯЯ РАПСОДИЯ

Кулемзин довольно оглядел Бермудский Учпучмак, в котором ещё было достаточно много живых существ: подслеповатыми глазами щурились старушки-пенсионерки, доигрывая последнюю партию *в дурака*, дворовые дети, видимо, совершенно не уставшие за день, по-прежнему бегали по периметру Великого Треугольника, крича, как стая прибрежных чаек. Пыль, поднятая этими существами, весело кружа сквозь чахлую листву саксаульской флоры, тихо оседала на плечах и носах мужественных игроков за СС, как называл его наш герой, расшифровывая как Старушечий Столик.

Была в этом немногочисленном ряду живых существ и парочка братьев наших бóльших. Слева от уставшего Альбионыча на покерную скамеечку запрыгнула его любимица кошечка Несси, сказала что-то приятное на языке *мур-мур* и прижалась тёплым боком к ноге писателя. Справа же появился соседский пёс Боря, хозяин неугомонной Жанны Пантелеевны – маленького швондера дома № 17, которую Володя по привычке, приобретённой ещё при жизни в СССР(б), аббревиатурно называл Ж.П. Боря также ткнулся в ногу литератора, но только справа, кося глазом на киску.

Под стулом в ногу осторожно
толкают вежливые псы:
«Владыки мира! Если можно –
кусочек чайной колбасы…»

«Когда собака научится говорить, человек потеряет последнего друга», подумал марсианин и погладил замеревшего от счастья Борю по мягкой голове. Было видно, что Несси это не понравилось: она презрительно кинула взгляд на пса, словно бы спрашивая его: «Вот я, например, кошка. А чего ты добился в жизни?»

– Боря, ко мне! – раздался визгливый голос старшей по дому, после чего пёс поплёлся к Жанне Пантелеевне, которая немедленно взяла его на поводок, и вскоре он продолжил движение уже болтаясь, словно корявая баржа на буксире.

Над городом скалилось красное солнце, даже по вечерней порé ещё не потерявшее своей садистской склонности к поджариванию горожан. На закате оно давало неяркие отблески, как бы играя в салочки на краю дыры́ в крыше дома № 16. Светило, размером с большую тыкву, уже уткнулось в горизонт и вот-вот должно было сплющиться, как проколотый детский шарик. Тени, эти посланцы приближающихся сумерек, постепенно удлинялись.

В окрестностях Бермудского Учпучмака стояло бабье лето – последние деньки перед обложными, как матросский мат, дождями, слякотью и безнадёгой. Люди с удовольствием откусывали лакомые кусочки от задержавшегося румяного лета – на зависть сибирякам, у которых уже в августе начинает наблюдаться дефицит дров. Оставалось всего три календарных дня до благословенной поры́ осени, той поры́ унылой, как справедливо заметил Сергеич, но всё же очаровывающей очи[380].

[380] Стихотворение А. С. Пушкина «Осень» (1833) – прим. лит. редактора

Унылая пора, очей очарованье,
к тебе я вновь спешу
на позднее свиданье…

Стало ясно, что день уже точно прошелестел, словно страницы книги, оброненной неловким дачником в беседке, от воздушного зефира.

– Ну, вот и всё, – пробормотал Володя, скорее, сам себе и ощутил прохладный сквознячок в душé.

А кто из вас, мои дорогие читатели, знает, не дует ли такой сквознячок постоянно, не пронзает ли он нас время от времени насквозь, внушая дерзкие желания, поползновения, устремления? И можно ли сказать, когда мы бываем счастливы: прячась оставшимися годами от этого сквознячка или когда, продырявленные им, готовы в дорогу, готовы любить и ненавидеть, говорить правду и улыбаться, будто это нам ничем не грозит?

И как нужно жить – залечь в окопы или подняться во весь рост под пронизывающий сквозняк, дующий откуда-то из глубин Вселенной? Знать бы только, кто запускает его к

нам, с какой целью, и какую форточку открывает *дедушка*, направляя сквозняк в нашу сторону, сбивая с пути истинного людей добропорядочных и законопослушных?

Но – не будем искать причин в глубинах мироздания. Они в нас самих, ибо все вселенные начинаются и заканчиваются в нас самих. И сквозняки тоже…

Между тем темнело, сумерки сгущались, как киснущее молоко. Время поджимало, словно новые туфли. Вечерний ветерок гулял по верхушкам деревьев и слабо вьюжил дневную пыль. На фоне закатной акварели беспечно порхала маленькая пернатая компания во главе со знакомым читателю воробьём Ипполитом Матвеевичем. «Не ради ли малых сих хлопоты мои?», подумал Кулемзин.

Хорошо, что давно я ослеп
среди космоса малых частиц,
и живу я на чёрной земле
ради этих порхающих птиц…

Вечер наступал как армия неприятеля. «Соф а-Дерех[381]», неизвестными словами подумал полиглот. «Пора́!». Альбионыч тяжело поднял с покерной скамеечки 100 килограммов своего чуть живого ве́са и стал пробираться к подъезду, отметив, что земной шарик начинает услужливо стелиться под ноги закату. В голове сам собой сложился лозунг, к сожалению, уже неактуальный сразу по двум причинам: во-первых, ненужный в силу заканчивающегося дня, и, во-вторых, его было просто некому показать:

Да здравствуют сумерки –
светлое будущее
наступающей тьмы!

[381] Конец дороги – ивр.

Наконец наш герой вошёл в родной подъезд, мысленно попрощавшись с не менее родным Бермудским Учпучмаком, и по дороге к квартире достал из почтового ящика газету. Ею оказалась «Комсомольская правда», читая которую, Альбионыч всегда от души радовался её остроумному названию. Болезненно, будто сломанной челюстью, хрустнул дверной замо́к. Володя вошёл в Личное Место-Имение и словно бы услышал голос своего старого друга, к сожалению, уже покойного:

Был вечер. Небо меркло. Во́ды
журчали тихо. Жук жужжал.[382]

[382] «Евгений Онегин», гл. VII, строфа XV – прим. лит. редактора

Он (Володя, а не покойный друг) уже привык к тому, что до́ма его каждый вечер, как верная жена, встречало одиночество. Вот и сейчас он ощутил это чувство, впрочем, не сильно расстроившись такому печальному факту, потому что подобное с ним случалось и раньше. Просто сегодня его одиночество показалось некой промежуточной гранью между жизнью и смертью, и от осознания этого жилец квартиры № 4 испытал изнуряющую, щемящую боль, какую, наверное, испытывает цветок, открывающий свои лепестки навстречу апрельскому солнцу, но неожиданно прихваченный под утро последним морозом.

Сумерки опустились почти мгновенно, словно некий осветитель за кулисами Вселенной сдвинул *реостат* до упора. Наступившая темнота тут же начала густеть и вскоре стала махровой, как китайский шарф. Ещё одна страница из жизни Бермудского Учпучмака перелистнулась с тихим шорохом.

«Вот и прошёл очередной день – без яхты, вертолёта, за́мка и деревни с крепостными», подумал литератор. «Всё-таки время летит так стремительно, что я просто не успеваю привыкнуть к возрасту!». Он снял свою дневную рубашку, и из её карманчика вдруг выскользнул какой-то узкий и длинный предмет. Это была авторучка, которую позавчера почтальон Оля доставила ему из далёкого зарубежного города Кёльна – от его знакомой *эмигрантки* Марины Сидлер. Володя повертел ручку с надписью «Sensei Kulemzin» и подумал о том, что все эти немцы, когда-то благополучно свалившие из родного *совка*, так и остались русскими в душе – добрыми, щедрыми и бескорыстными.

Уезжаем жить мы на чужбину,
сохраняя родину своей,
вспоминая тонкую рябину,
в памяти цветущую красней…

Глава 249. ОДИНОЧЕСТВА РОСКОШНЫЕ ПЛОДЫ

Едва войдя в квартиру, Володя было направился в душ, как это делал ежевечерно в конце дня, но был остановлен тихим стуком в только что захлопнувшуюся дверь. «Неужели Стелла?», с ужасом подумал он, но в следующее мгновение сообразил, что его вчерашняя подруга если бы и стучала, то громко и настырно – как баран в новые ворота. Он открыл дверь и облегчённо вздохнул: это был соседский мальчик второклассник Рома, с которым мой читатель расстался ещё в начале этого тома – аж в главе 10. Не буду напоминать тебе, о чём тогда беседовал с ним Кулемзин: захочешь вспомнить, открой страницу 26 и посмотри.

– Как дела, брат? – спросил писатель и тут же понял, что плохо: глаза пацана были на мокром месте.

– Дядя Володя, а я ведь сегодня тройку получил.

– Неужели я был не прав? – всполошился Альбионыч.

– Нет, – покачал головой маленький сосед.

– И какой же был правильный ответ?

– Ирина Львовна сказала, что если слово *бык* поставить в родительный падеж, то к нему добавится буква *а*…

– Не расстраивайся, брат, – положил ему руку на плечо знаток древних финикийцев. – Наверное, такая версия тоже имеет право на существование…

И тихо, как на сцене, добавил в сторону:

– …где-нибудь в созвездии Северный Напильник.

Со своей большой кроватью
(фактом этим оглушён!)
прилетели в гости братья
из созвездья Гончих Жён!

А совсем уж про себя, чтобы не слышал этих мыслей бедный малец, подумал о том, что гнать надо таких учителей, как это сделали в своё время португальцы под предводительством Лоуренсу ди Алмейда с турками в морской битве при Каннануре.

– Тогда почему она поставила тебе тройку, а не двойку?

– Сказала, что за оригинальность ответа, так как остальные ученики ответили так же, как она…

Володя проводил расстроенного школьника, после чего наконец проследовал в ванную комнату, где немедленно открыл кран горячей воды, чтобы принять душ и смыть

накопленный за день потенциал. И тут произошло страшное: кран издал короткое шипение и затих. «Что-то это мне напоминает», подумал ответственный квартиросъёмщик. И вспомнил старую легенду о том, что посередине ада есть ледяное озеро, где вода настолько холодная, что кусок раскалённого металла, брошенный в него, мгновенно превращается в ледяную глыбу. А вот увидеть это озеро невозможно: у всякого, кто подойдёт к нему слишком близко, глаза замерзают ещё до того, как он сумеет его разглядеть…

– Скорее всего, – пробормотал расстроенный писатель, – в этом озере сидят некие провинившиеся граждане, а если конкретно, то работники ЖКХ, отключавшие летом горячую воду!

А жильцы – они не овцы,
что тихонько воду ждут,
потому что вопиют:
«Расстрелять бы жэкэховцев,
что помыться не дают!»

После неудавшегося автокупания Альбионыч, который не привык долго бороться с бедами, задумался над очень серьёзной проблемой: чем бы поужинать? 14-15 бутылочек «Тянь-Шаня», принятых им за день, конечно, давали кое-какие калории измождённому покерными боями организму, но всё-таки тот требовал ещё чего-то более значительного. Правда, было хорошо то, что проблем с едой у хозяина квартиры № 4 не было никогда – в его безразмерном холодильнике, кроме всё той же ещё одной ледяной бутылочки пивка, тут же нашлось, чем эту бутылочку закусить.

Так что ужин нашего героя, как обычно, был чрезвычайно скромным: карпаччо из скампий, фрикасе из омара, медальоны из оленины и земляничный торт на десерт. Правда, ради исторической точности надо заметить, что перед десертом писатель откушал ещё немного фуагра, которое при ближайшем рассмотрении оказалось всего лишь слабо прожаренной гусиной печёнкой под малиновым сиропом.

Если ты наелся на ночь,
то себя не надо ранить,
а поверить твёрдо надо,
в то, что это – завтрак ранний!

И, как это в нашем повествовании бывало уже не раз, именно в этот момент произошло странное совпадение: когда Кулемзин проглатывал последний кусочек фуагра, валерина супруга Наташа, которая сбежала от мужа к родственникам, словно бы приняла от него (Кулемзина, а не мужа) эстафету, сидя на кухне, обратилась к маме:

– Мама, а что у нас сегодня на ужин?

– Сегодня на ужин, доченька, у нас одно грузинское блюдо.

– Хачапури? Чахохбили? Хинкали? Сулугуни? – обрадовалась толстуха. – Чвиштари? Джонджоли? Бадриджани? Пхали? Чашушули? Чакапули?

– Нет, Наташа, – раздражённо ответила мама, которая помнила, чем обычно заканчивается гостевание дочери. – Это блюдо называется жричёдали!

И тут литератор вспомнил, что ещё утром[383] нажарил молодой картошечки, после чего поспешил на кухню. И уже через несколько минут понял, что самая вкусная еда на свете – это остывшая жареная картошка, ночью, руками, – пока никто не видит.

Насытившись, он подошёл к окну, чтобы ещё раз убедиться в том, что день закончил-

[383] *В главе 4 этого тома – прим. гл. редактора*

ся окончательно. И убедился. Дневное светило, привычно обежав полукруг по небесному циферблату, к этому времени уже окунуло свои лучи за край горизонта, – туда, где начиналась знакомая любому марсианину бездна, и давно потерялось в бетонных лабиринтах микрорайона. Мягкие сумерки опустились на город, укутывая его в дырявое покрывало, сквозь прорехи которого уже виднелись первые звёзды.

И тут же случилось ещё одно совпадение: в этот самый миг Серёнька Полтавцев, на всякий случай обследовавший пустой холодильник, тоже подошёл к окну, попялился в него, но увидел только нечто туманное. «Голограмма?», научно подумал он. «Или просто перебрал?». От такой умной мысли у него зачесалась спина, и он, извернувшись, словно Буратино Карлович, поскрёб грязными ногтями рубаху в означенном ареале, пока с зудежом не было покончено, а в месте проведения операции не осталось только достаточно приятное тепло. «Разогрев проводника тока при прохождении через неоднородное магнитное поле» – всплыла в его разболевшейся голове фраза из какого-то старого учебника жизни.

Знали древние китайцы –
эта истина стара:
коль зудит серьёзно в… ухе[384],
значит, в душ тебе пора́!

[384] ***Предоставляю читателю самому́ подобрать правильную рифму – прим. автора***

Глава 250. ОДИНОЧЕСТВА РОСКОШНЫЕ ПЛОДЫ (продолжение)

Следующий час своего роскошного одиночества наш герой по традиции посвятил так называемому творчеству. Он любил эти поздневечерние часы, когда город натужно засыпа́л, шум улиц и неких отдельных личностей, успевших *набраться* после трудового дня, стихал, в тихой комнате воцарялся мягкий полумрак от небольшого ночника, стоящего чуть выше клавиатуры, – вот тогда в голову Володи начинали приходить действительно свежие, умные и нужные мысли.

Для начала он нашёл файл под нехитрым названием «Русская кочерга», открыл его на том месте, где закончил вчера, и записал на клавиатуре виртуальную фразу: «Сквозь густую листву проглядывала тихая улица имени знатного саксаульца Жубанова, освещённая единственным фонарём…». Затем слово *фонарь* ему чем-то не понравилось, и он решил запросить родной Word отыскать ему какой-нибудь синоним, после чего с удивлением обнаружил, что на его запрос компьютер не сообщил, что это, например, «светильник», «лампа» или какой-нибудь «излучатель фотонов», а выдал три варианта, видимо, заложенные в нём даже не разработчиками, а самим *нашим* временем: «кровоподтёк», «гематома» и «синяк»!

Нет, не заменит дискотека
орфографический словарь:
ночь, улица, фонарь, аптека,
аптека, улица, фонарь...

«Продолжу завтра», мудро решил Кулемзин, «на так называемую свежую голову! А сейчас немного поупражняюсь в чём-нибудь полегче…». Мой читатель уже давно уяснил, что Альбионыч был бездельником во всём, кроме, пожалуй, писанины. Поэтому изредка, чтобы его штаны не падали от ежедневного убывания назарбаксов, потраченных на пиво для всей компании, он писал сюжеты рекламных роликов для телевидения, за

которые весьма неплохо платили. Вот и сейчас, вспомнив, что к пятнице обещал одной российской телекомпании сюжет для рекламы, он открыл ещё один компьютерный листочек и быстро застрочил по клавиатуре:

«Утро после хорошей вечеринки.

На кухне – гора грязной посуды, полное ведро мусора, окурки в стаканах и тарелках.

В кухню с трудом протискивается хозяйка, жадно пьёт воду из-под крана и медленно переводит взгляд на гору посуды.

– Да, – горько говорит она, – мне сроду не избавиться от этого застывшего жира, – после чего тяжело опускается на стул.

Тут прямо с полки ей в руки прыгает банка с «Пемолюксом» и говорит:

– Избавишься – и легко! Я помогу тебе в этом!

Голос за кадром:

– А клиника доктора Маршака поможет вам избавиться от говорящих банок…»

«Не жди, пока случится драма»,
мне говорил один брюнет.
«В шизу ввергает нас реклама –
таблеток от рекламы нет!»

На этом творческая часть вечера неожиданно прервалась, так как из ванной комнаты донёсся звук капающей воды. Оказалось, что марсианин не напрасно оставил кран не до конца прикрученным – в качестве некоего маячка, и вот этот маячок сработал, известив, что холодную воду наконец-то дали.

Ночь. Проснулся слишком рано.
Капает вода из крана.
И будильничек: «Тик-так!»
Что-то, видимо, не так…

Прикрутив кран, он вернулся к компьютеру, и тут его посетила ещё одна мысль: «А не поддержать ли свою славную традицию, то есть не сочинить ли ещё одну сказку про Ленина, под которую будет так хорошо засыпáться большевикам типа Курманбаева?». Кстати, сам педагог еврейского колледжа к тому времени, после долгих ворочаний застыл в позе Конфуция, услышавшего шёпот весенней ласточки. Через мгновение ему (педагогу, а не Конфуцию) уже снилось, что в прошлой жизни он был комбáйнером, поднимающим целину, но его застрелили басмачи с планеты Мауззер звёздной системы Джырджинская. Сон был мучителен, но приятен, – ведь смерть наступила в результате его правильных убеждений.

Глава 251. ПАПИНА ВИШНЯ (сказка о Ленине)

У папы Ленина была вишня, и он её очень любил и поливал. Бывало, встанет ночью, наберёт в сенях из кадушки квасу, выпьет, да и польёт деревце от души. Да и сынок его Володинька тоже деревце это обожал: мыл его с мылом и ветки сухие отпиливал. А деревце щедро кормило будущего вождя революции крупными красными ягодами. Так оно и шло, пока папа не пришел однажды вечером домой, упёрся руками в стену и сказал:

– Дети мои, я опечален!

И пока дети стаскивали ему с ног сапоги, а жена чесала в бороде, он рассказал, как разговаривал с учёным студентом в трактире. Выяснилось, что у того студента было видéние, и он поведал Илье Николаевичу, что сегодня в ночь будет лютый мороз.

– Так что надо вишню спасать, – устало предложил папа, а мама, не чужая педагогики, дала высказаться всем детям.

Мозгом бедным зависая
(да и где его купить?),
мы деревья все спасаем,
собираясь печь топить!

Машутка посчитала, что надо из полу выломать печь и положить деревце на печку. Посмеялись старшие Ульяновы, ведь печь-то в дверь не пройдёт – широка больно. Саша предложил дерево выкопать и в своей постели отогреть, а потом вкопать снова, когда морозы кончатся. Дима сказал, что ему вообще все деревья *по банану*, а Ольга, пока ждала своей очереди, задремала. Но папа смотрел на маму, а мама на Володю. И тогда кудрявый пухлячок встал и забавно прищурившись, картаво сказал:

– Мне кажется, что г'азумнее всего было бы поддег'живать пег'манентную оптимальную темпег'атуг'у, создавая тем самым благопг'иятную искусственную сг'еду обитания милому дег'евцу.

Порадовались родители разумным словам подростка, а Саша отвернулся и незаметно плюнул на володину акварель. Да и что было взять с будущего террориста!

Садистами растут детишки!
А лучше бы читали книжки…

Итак, решение было принято и, после недолгого совещания, папа собрал в доме все спички, всю ветошь и вообще всё, что горит. И принялась семья за святой труд.

– Сегодня, говорят, будет двадцать четыре с половиной по Цельсию, – произнёс папа, обливая поленья керосином из примуса.

Володя с Сашей в это время рубили очередную яблоню, ведь дров нужно было много – на всю ночь.

– Мы спасём вишню, – заблестели глазёнки мальчика Вовы. Сразу чувствовалось, что он вырастет добрым и отзывчивым ко всему живому.

Папа по-доброму усмехнулся в бороду. «Хороший всё-таки у меня сынуля растёт», подумал он, «как же Вова эти деревья любит, ёлы-палы... Вот, помню, студент этот рассказывал про Юрия Вашингтонова, что был царём в далёкой Америке, – так тот тоже отличился насчёт вишнёвого деревца[385]. Славный паренёк был…»

[385] Выдуманная история о том, как первый президент Америки якобы признался, что срубил отцовское вишнёвое дерево, когда ему было всего шесть лет – прим. ист. редактора

Каждый третий тут мажорен,
не покинувши горшок:
Вашингтона звали Жорик,
а студент сказал – Юрок…

Тут сгустились сумерки и плавно перешли в ночь, и тогда Ульяновы поняли, что до этого им было легко, а вот сейчас, когда солнце закатилось за земной шар, будет трудно по-настоящему. И началась суровая борьба за жизнь дерева. Дети старались.

Когда закончились заготовленные дрова, они быстро разломали заднюю стену соседского дома, деловито обложили брёвнами вишню, а папа подпалил. Огонь взвился в небо. Стали падать птицы. Мария Александровна принялась собирать их в подол, и уже через часок у семьи было чем перекусить.

Ближе к утру пламя поутихло. Папа подкинул в огонь несколько последних стульев и, оглядев домочадцев, остановил взгляд на жене. Вышло солнышко. Уставшие, но счастливые Ульяновы улыбались закопчёнными губами, а папа довольно расчёсывал бороду.

– Мы спасли её!

♠♠♠

А мороза, кстати, так и не было. Ведь в июле, дети, они в России так редки…

Говорил один эсдек[386],
глядя на жирафов:
если летом виден снег,
значит, вы под кайфом!

[386] *Социал-демократ – последователь левой идеологии вне анархизма – прим. полит. редактора*

Глава 252. БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ

И так захватила нашего литератора эта тема, что, сваяв сказку, не удержался он и тут же набросал черновик стишка про этого же персонажа. Да не просто стишок, а целую историческую балладу под названием **Мальчик и кирпич.**

I

Жил мальчик в Симбирске – Володя Ильич.
А в доме напротив жил красный кирпич.
Когда мимо дома Ильич проходил,
тихонько кирпич из стены выходил,
и, крепко держась за родимый карниз,
внимательным взором поглядывал вниз.
А мальчик, весёлый такой и живой,
беспечно лобастой вертел головой,
и нёс он родителям в ранце опять
по логике – 5, по латинскому – 5.
По-гречески выучен новый стишок –
кирпичик из стенки – ещё на вершок,
но медлит – тут дело сапёрам сродни,
ведь могут лишь раз ошибиться они.

II

Но вот наступил долгожданный денёк:
про козлика песню поёт паренёк,
не зная о роке, спешит на урок,
но тут у него развязался шнурок!
Кирпичик, простившись со стенкой, вздохнул,
последнюю крошку раствора стряхнул,
и, метко прицелившись, вниз сиганул!
Над Волгой могучей плывут облака́ –
не стало прилежного ученика!

III

Когда бы правдивым был этот рассказ,
то всё по-другому бы было у нас…

Глава 253. О СВОЕЙ КНИГЕ

«Пишите книги», после этого обратился Альбионыч неизвестно к кому, «тогда именно в них вы сможете гнобить людей ещё изощрённее!». Затем он немного подумал и родил ещё один афоризм, который впоследствии широко шагнул в народные массы:

**Главное в талантливой литературе то,
что она всегда безадресна.**

Надо напомнить, что Кулемзин, как марсианин, легко заглядывал в будущее. Вот и сейчас он как наяву увидел солидный двухкилограммовый том с выразительной чёрной обложкой, на которой чьи-то ловкие руки перебрасывали карты из одной в другую. На этом чёрном фоне весьма выигрышно смотрелись и крупное название романа «Русская кочерга», и фамилия автора Вл. Горький, изображённые пока ещё неизвестным ему художником белыми буквами. А пока в его распоряжении были только 8.600 листов формата А4, исписанные его невнятным ленинским почерком за 13 лет работы, из которых и предполагалось сваять аж 7 томов этого произведения. Честно говоря, ему было страшно приступать к такой работе, но человечество, как он надеялся, просило…

**О величайшем романе в сокровищнице
мудрости человеческой «Русская кочерга»
Вл. Горького**

Дайте срок: эти стопки
я пристрою хитро –
например, для растопки!
Как-никак, а добро…

И только подумал он о том, что когда пишешь правду, всегда чувствуешь кость поперёк горла, как его отвлёк какой-то звук, исходящий от компьютера. Он появился в сознании нашего героя совсем недавно, и был весточкой от тех, кто жаждал пообщаться с ним не виртуально, то есть при помощи созданных в пространстве слов, а вполне-таки материально – с оформленной картинкой на мониторе, к тому же живой.

Это был скайп или, как говорили об этом устройстве умные компьютерщики, бесплатное (прости, русский язык!) *проприетарное* программное обеспечение с закрытым кодом, обеспечивающее текстовую, голосовую и видеосвязь через интернет. На этот раз на связь вышел старый друг Альбионыча Саша Колесников, который вот уже который год обитался на чужбине – в зарубежной Канаде, издавая там весьма неплохую газетку под странным названием «Колесо», произведённым, видимо, от своей же фамилии.

Флот нам плавать выдал право
на пространстве водяном:
мы, не мудрствуя лукаво,
бот собой и назовём!

Здесь Володя начал улыбаться, но не подумай, мой читатель, что без причины: просто он подумал, что если бы ему пришлось издавать газету *имени своей фамилии*, то её

пришлось бы назвать «Кулемзá»! И такое слово было не выдумкой, а реально существовало в Древней Руси, и происходило от слова *кулемесить*, то есть говорить вздор, производить беспорядок, сумбур или путаницу (!). Так что кулемзой в старину называли беспокойного, суетливого человека, болтуна. И как же это название – исключительно на марсианском языке – подходило бы к издателю такой газеты!

Общение было коротким: дружеским (как дела? и прочие ничего не значащие вопросы) и деловым (предложение написать для газеты цикл новогодних стихов). Литератору, надо сказать, очень нравилось общение через этот новый принцип связи, хотя он и видел здесь нечто еврейское: вроде бы как у тебя гости, а поить-кормить не надо! Он, пообщавшись с друзьями по этой связи, даже придумал короткий стишок на эту тему, который назвал просто

О скайпе

От догадки той дурею
(и не вздумайте заржать):
скайп придумали евреи –
чтоб гостей не угощать!

Пора было приниматься за вечернюю работу над романом, но хозяин своей нелёгкой Суки-судьбы чувствовал, что немного устал от сегодняшнего, насыщенного бурными событиями, дня. «Кто же, кроме меня?», горько подумал он чьими-то чужими словами, тогда как легко придумывал свои.

Сатирический роман
сочинял я понемногу,
продвигаясь сквозь туман
от пролога к эпилогу!

Писал Альбионыч легко и просто, так как с детства любил русский язык, а позже даже стал им ещё и гордиться – после того, как узнал, что только в русском языке можно составить предложение из трёх гласных букв. Догадался, мой читатель? Нет? Хорошо, послушай: пьют двое, а третьему не наливают, и тогда он спрашивает:

– Э, а я?

А ещё Володя любил родной русский язык за невероятное разнообразие оттенков речи и какую-то просто чудовищную синонимичность понятий. Да вот хотя бы близкое к нему слово *писáть*. Хотите навскидку десяток синонимов? Излагать, строчить, кропать, черкать, изъяснять, сочинять, слагать, изображать, толковать, переводить бумагу, гнать строку и даже просто *вымучивать*… Уфф!

Русский язык удивительно сложен –
вроде, по смыслу стоящие близко,
эти понятия разные всё же:
мокрая кошка и влажная киска…

Но больше всего наш герой любил русский язык (как, впрочем, и родной марсианский) за то, что некоторые мысли в нём можно было излагать поэтически, то есть в стихах. Согласитесь, что куда лучше звучит строка

Мой дядя самых честных правил…

, нежели вот такая примитивная: «Мой родственник со стороны или отца, или матери по жизни был большим лохом, так как старался быть откровенным, искренним и простодушным». Хотя при этом он (наш герой, а не лох) признавал, что в некоторых случаях поэзия звучит несколько натужно, ибо то, что мы зовём поэзией, на самом деле является сочетанием образного мышления с шизоидным.

Все стихи – графомания чистая:
автор горькую выбрал судьбу,
ибо муза его неказистая
вдохновенна, как Ленин в гробу!

Но просто набросать пару страниц будущего романа для Альбионыча было бы крайне примитивно, поэтому он в творческом припадке вначале придумал, что точки над его любимой русской буквой *ё* – это глаза русского алфавита, а, вспомнив надпись на могиле Гоголя «Горьким словам моим посвящается», решил начинать каждый том тоже каким-нибудь эпиграфом.

Собственно, именно этим и завершилась сегодняшнее вечернее творчество великого писателя земли русской и саксаульской.

Глава 254. О ЧУЖИХ КНИГАХ И ЗАГАДОЧНЫХ СПИЧКАХ

И вот так, в мыслях о русском языке, книжках и стихах, прошло немного времени, но и его хватило для того, чтобы окончательно утвердиться в мысли, что только что наступивший вечер уже непринуждённо переходит в ночь. Синеющая косынка неба стала покрываться первыми звёздными блёстками, и ночная мгла сделала перспективу уходящих суток зыбкой и манящей. Литератор мысленным взором окинул прошедший день, после чего в его голове сложились чарующие строки, которые определили и то, что уже случилось, и то, что ещё произойдёт.

Вечер, прошедший
в трудных решеньях-сомненьях.

Ночь наизнанку,
так и не давшая сути.

Утро, разбитое
вновь запылавшею мыслью.

Долгим будет мой день
от печали познанья…

Но была ещё одна хорошая традиция в жизни марсианина – перед тем, как улечься на окончательный сон, он обязательно читал на ночь, причём, сразу несколько книг, пытаясь уловить в их общем хаосе некую закономерность земной жизни. Но книги были настолько разными, а их авторы настолько странными в собственных суждениях, что за годы жизни Володи до конца ему это сделать так и не удалось. Поэтому и сейчас, прихватив с собой кучу книг, он прилёг на диван, после чего его неожиданно посетила вот такая мысль: «Наверное, изобретатель дивана после него не изобрёл больше ничего!»

Первой книгой, попавшейся ему на глаза, стали «Дневники»[387] Михаила Пришвина на языке оригинала. Покерный гуру, и без того уставший за день, попытался было углубиться в текст, но, видно, не Сука-судьба ему была в эту ночь ни изощрить свой ум, ни обогатить его духовно, после чего он попенял автору за излишний ужас бытописательства.

[387] Именно эту книгу Михаил Пришвин считал своей главной. «Дневники», которые он вёл в течение почти полувека (с 1905 по 1954 годы) объёмом оказались в несколько раз больше са́мого полного, 8-томного собрания его сочинений – прим. лит. редактора

Вторым томиком сегодняшней ночи стал сборник Конфуция «Жемчужины мысли», но и его Кулемзин вскоре отложил, попеняв автору за излишнее конфуцианство.

Без излишних экзекуций,
чтоб я мозгом не размяк,
толковал мне сам Конфуций,
что жизнёха – это мрак!

Пытаясь как-то перебить читательскую *непруху,* он взял третью книгу, но, как вскоре выяснилось, тоже неудачно – это была книга «Анти-Дюринг» об экономическом учении Карла Генриховича Маркса и социализме, которую ровно 125 лет назад сваял друг бородатого основоположника Фридрих Фридрихович Энгельс. Володя вспомнил, что Карл Евгеньевич Дюринг был немецким философом, после чего пришло и понимание того, за что именно его критиковал Энгельс: да он просто не мог простить, что идеи Дюринга получили *некоторое* распространение в среде немецкой социал-демократии. Впрочем, после Фридриха Фридриховича этим же неприятием чужих идей отличались и другие основоположники марксизма-ленинизма.

Так что, после прочтения с десятка страниц этого странного труда, писатель отложил и его, попеняв автору за недостаточно чёткое изложение позиции, взяв из стопки следующую книгу. Ею оказалась книга Георга Георгиевича Гегеля «О морали». С великим тщанием Альбионыч изучил её первые четыре страницы о том, чего у него самого́ не было никогда, но вскоре завяз в убеждении, что и этот проклятый философ так и не откроет ему, откуда же в кошельке берутся деньги, в том числе и на заявленную в названии книги так называемую мораль!

Тогда он окончательно убедился, что сегодняшняя встреча с философами прошлого не удалась, и спрятал книги до следующей попытки, то есть до завтрашней ночи.

Порою встречаюсь я с мудростью чистой –
её глубина не близка, но видна,
однако для жизни, крутой и говнистой,
она бесполезна и даже вредна…

И в этот самый миг свет в квартире замигал, как будто неизвестный сигнальщик из созвездия Павлин[388] стал посылать Володе свой далёкий межгалактический привет. И вот в этом мигании как-то резче проявилось то, что при ярком свете практически не было видно, а именно затаившийся в складках роскошного персидского ковра между южной и северной стеной кулемзинского жилища чей-то хвост, нетерпеливо подрагивающий от любопытства: как же выкрутится этот чёртов писатель?

[388] Не шутка! От лат. Pavo – созвездие южного полушария небесной сферы, полностью видно во всём Южном полушарии и в части тропиков Северного полушария – прим. науч. редактора

Альбионыч немедленно включил в голове свой персональный иблисо́метр и понял, что был прав: прибор тут же показал наличие в квартире чего-то неведомого в одну иблисову силу! Но показывать свою собственную силу марсианину не захотелось – ввиду незначительности помехи, и он решил воспользоваться старым церковным приёмчиком.

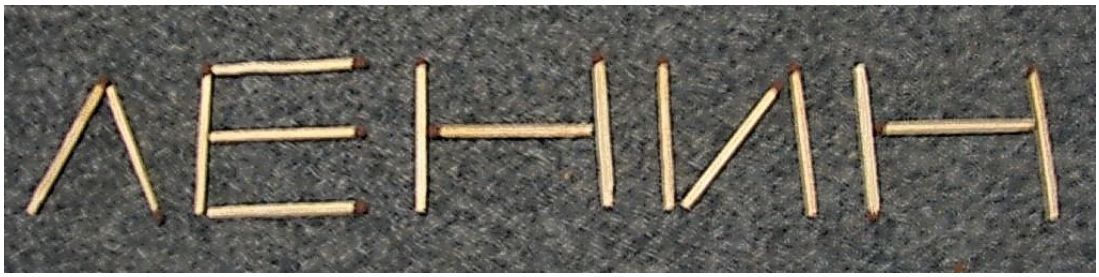
Для этого у него уже несколько лет (на всякий случай) в кладовочке была припрятана церковная свечка – тёмная, почти коричневая, много раз переплавленная хитрыми халявщиками попа́ми – для нехитрого пополнения православной кассы.

Обману простой народ,
воск пустивши в оборот!

Вначале он сходил на кухню, по дороге в темноте натыкаясь на какие-то земные углы, оказавшиеся на его пути, наощупь нашёл коробо́к спичек, затем, запалив одну из них, быстро вернулся на место, нашёл свечку и только собрался зажечь её, как чей-то упругий хвост выбил у него из руки этот маленький сундучок с деревянными зажигалками.

– Вот *иблис*! – чертыхнулся литератор, опустился на коленки, нашёл коробо́к, из которого просы́пались все спички, и всё-таки зажёг свечу.

И тут случились сразу две вещи, одна из которых поразила нашего героя, а другая не поразила. Не поразило его то, что после неверного (pardon за тавтологию!) свечения свечи не только хвост, но и весь пропадлючий организм *иблиса* тут же куда-то исчез, а поразило то, что упавшие на дорожку спички улеглись не хаотично, как вроде и должно было быть по всем земным законам, а в некоем порядке, образовав вот такое слово:



«Вот же дался мне сегодня этот Ильич I», с досадой подумал Володя и чуть приподняв правую ногу, немного *пошурудил* ей по дорожке с рассыпанными спичками. И тут же понял, что вся эта ночная история – просто продолжение главы 214 первого тома «Русской кочерги» под названием «О таинственном числе», потому что увидел, как в результате его демарша на дорожке появилось теперь уже не слово, а явное число – вот такое:

Тогда он немедленно нашёл в своей голове значок возврата – такой же, как в родном Word'е, и нажал его, затем подсчитал количество спичек в слове ЛЕНИН. Получилось 15. Вернувшись ко второй опции, писатель, на время превратившийся в банального арифметика типа Архимеда, также тщательно подсчитал количество спичек в получившемся числе. Их оказалось тоже 15! И вот тогда он наконец понял, что же означает на са́мом деле это пресловутое число зверя, о котором так невнятно толковала библия.

Глава 255. О СНАХ И НЕ ТОЛЬКО

И в этот момент нужные реле на Отцеябловской подстанции через какие-то невéдомые контакты нашли своих электродрузей, и в квартире Кулемзина вновь вспыхнул долгожданный свет. После темноты он (свет, а не Кулемзин) показался таким ярким, что ответственный квартиросъёмщик снова выключил его и подошёл к окну. Он любил это время, словно бы созданное для того, чтобы подвести итоги прошедшего дня.

День прошёл. По примеру многих,
и опять на исходе дня
я сижу, подводя итоги.
А итоги подводят меня…

Правда, итоги оказались привычными: за проведённые сегодня семь партий Альбионыч выиграл четыре, употребив при этом 15 бутылочек «Тянь-Шаня», что было на одну больше, чем вчера. И тут он понял, что похвастаться больше нечем. «Яйчики-бабайчики, вот допишу свой гениальный роман», решил он, «и тогда мировая общественность поймёт…». Он поразмыслил, что же может понять мировая общественность в контексте его произведения, но так ничего и не придумал, и стал просто глядеть в ночное небо.

Скучно, делать нечего.
Спать? В окно смотреть?
Или от безделия
родину воспеть?

Ночь всегда приносит с собой тонкий аромат романтики, особенно если на небе всходит полная, как кустодиевская толстушка, луна. Вот и сейчас она выкатилась над Отцеябловском – огромная и белая, похожая на таблетку быстрорастворимого bayer'овского аспирина. Синее небо на её фоне немедленно почернело, превратившись в негатив.

Ночь навалилась как ловчая сеть – стремительно и безжалостно. Луна сияла в половину небосвода, и весь дворик, названный нашим героем Бермудским Учпучмаком, был полон ею. По чёрной траве, как змеи, струились какие-то голубоватые нити, воздух был упругий и влажный, словно перекачанная шина.

Великий Треугольник маньячески манил к себе, и писатель не стал противиться этому стремлению, а просто вышел из квартиры, затем из подъезда, и уже через несколько секунд ступил на чёрную траву вокруг покерного столика, ощутив лёгкий ветерок в условных кронах почти засохших за лето карагачей. Он присел на ночную скамеечку и огляделся, прислушался, принюхался. Внизу ветерка почти не ощущалось, и густой смог, оставленный после тяжёлого дня, висел между микрорайоновских домов, отчего они казались ирреальными, словно нарисованными акварелью и потом сбрызнутыми водой.

Просто так, совсем без цели,
словно *дедушка* принёс,
ночь размыта акварелью,
вниз упавшею со звёзд…

Покерный гуру оглядел пустой Бермудский Учпучмак и горько пробормотал:

– Средь печальных холмов отчизны мокли брошенные пушки…

Над ним пролетела какая-то ночная птица, издав при этом звуки совершенно загадочные и потусторонние. В ночной природе шумело что-то ещё, но шум этот был мелкий и явно безвредный.

На небе словно щёлкнули невидимым переключателем, от чего óкна окрестных домов стали разными: одни из них чернели как бы в полумраке, создаваемом предательницей луной, словно очки слепого, а другие загорелись уютным жёлтым огнём, и дом, в котором они светились, стал походить на корабль, пробирающийся по студёному Северному морю. Володя поднял глаза на уровень второго этажа и поглядел на два окна квартиры беспокойной Ангелины Ивановны – большой любительницы шумных радиопередач. Сейчас они (óкна, а не радиопередачи) были погасшими, точно глазницы покойного.

Затем литератор перевёл взор вначале книзу – на первый этаж, а потом вверх – на третий и четвёртый, которые тоже не светились, будто за ними проживали исключительно дети, рано ложившиеся спать. И всё-таки за этими окнами ему почудились какие-то чёрные фигуры, разглядывающие его круглыми светящимися глазами из-за задёрнутых занавесок. «Яйчики-бабайчики, ночники», догадался Альбионыч.

Тишина вокруг стояла полная и неподвижная, и печальный Бермудский Учпучмак выглядел таким изначальным, что казалось, будто никакой цивилизации на планете не существует вовсе, и нет никакого летоисчисления, и время течёт само по себе, как дикая река, – не измеренное ничем, никем и никак. Казалось, что звёзды на небосклоне светятся только затем, чтобы показать – они живы, счастливы и очень хотят в гости друг к другу.

План туманен, но громоздок –
жил мечтами лилипут:
«Я хочу слетать на звёзды –
посмотреть, как там живут…»
Жил в своих мечтах изюмных,
попивая коньячок,
но не знал малец неумный,
что на звёздах – горячо!

Перебирая чётки ласковой Вечности, Володя смотрел на ночное небо, и оно внезапно показалось ему удивительно маленьким. «Может, я стал немного больше?», подумалось поэту. «Или это просто уменьшилась Вселенная?». Но обдумать до конца такую сложную философскую мысль ему не дал какой-то посторонний запах, и писатель, принюхавшись, понял, что это в очередной раз горит мусорка, находившаяся всего в каких-то сорокá метрах от Великого Треугольника.

Идти туда не хотелось, но наш герой и без этого видел, как свивались струи огня, как они заворачивались в спирали и походили на галактики, которые Володя видел не только в земном учебнике по астрономии, но и наяву – когда ещё жил на Марсе. И все эти маленькие вселенные вертелись перед глазами, как *шутихи* в праздничном небе, здесь сталкивались, кружились, возникали и гасли звёзды, и миллиарды лет со свистом пролетали мимо, и миры корчились в дыму, рождаясь и умирая в тяжёлом воздухе мусорки.

«Порá», просто подумал он и через минуту вновь оказался дóма. Перед сном ему захотелось взглянуть, не случилось ли чего с героями его живого романа «Русская кочерга» за время их расставания друг с другом. Кулемзину, потомственному марсианину, это было сделать не трудно, так как к его услугам всегда были наготове технологии, которыми он в прошлой, позапрошлой и даже позапозапрошлой жизнях овладел на родной планете. У него не было ни волшебного блюдечка с голубой каёмочкой, которое, словно телевизор, показывало то, что хотелось увидеть, ни других сказочных *девайсов*, которые существовали только в воспалённом воображении неведомых авторов прошлого, и вскоре, прикрыв натруженные за световой день глазá, он погрузился в яркие картинки, которые демонстрировала ему уже знакомая моему читателю (по главе 235 третьего тома романа) марсианская технология *пръъъпръъъолтъ*.

Задремавши возле пихты,
сном приятным не гоним,
вижу я существ каких-то,
но не знаю, кто они…

Глава 256. О СНАХ И НЕ ТОЛЬКО (продолжение)

В Отцеябловске наступил тот час, когда наконец-то унимаются самые неугомонные, и всем верховодит сон. Спокойный, тревожный, радостный – у каждого свой, он приходит к людям, унося в другие миры и делая бессмысленной мелочную дневную суету. Сон даёт радость, приносит успокоение, будит спавшую днём совесть, приводит давно ушедших близких, осуществляет мечты, бросает в пучину ужаса, – таково странное, необъяснимое человеческое состояние – сон.

«Что происходит с нами,
когда мы смотрим сны?» –

задавался вопросом великий бард Булат Окуджава. И пояснял, что для него лично в эти сладкие минуты из стены выходит художник Нико Пиросмани и активно прививает любовь к прекрасному. Не менее великий Дмитрий Иванович Менделеев, как широко известно, именно во сне изобрёл свою знаменитую периодическую таблицу элементов. Правда, другое своё главное открытие – водку крепостью в 40° – он сделал, когда уже полностью проснулся и понял, что одной таблицей в России не прославишься. Но это всё персонажи давно ушедшие и из-за своей известности ставшие историческими. А что же наши герои романа, которым ещё только предстоит такое счастье?

И первым, как ни странно, Альбионыч заглянул в ранее никогда не виданную спальню старшего джуса Митрохина. Как раз в это время, жадно напившись тёплой воды из-под крана, тот на негнущихся ногах приблудился к кровати, на которой когда-то почивали и его первая, и его вторая жёны, и рухнул в неё, как *юнкерс* под пулями Покрышкина. Но заснуть сразу не получилось, и на прощание Васюхан немного поразмышлял о морали ислама, хотя ничего нового в этом странном вопросе не придумал.

А вот автор страшно удивился таким мыслям своего героя, так как в Великом Плане Построения Четвёртого Тома «Русской Кочерги» совершенно не закладывал в сознание антенщика такие мысли, пока наконец не увидел, как Васюхан, видимо, сильно переживавший за покеристов в ходе их баталий, измучился за день так сильно, что из оживлённого исламского бреда наконец-то переместился в глубокий и рыхлый сон.

Я нажрался так паскудно,
что уже не на ходу:
хоть заснуть мне страшно трудно,
всё же вскоре отойду…

Второй квартирой, которую посетил кулемзинский разум, было жилище неугомонного защитника родины Батыршина. «Прав был классик», подумал Володя, увидев очередное безобразие, «нельзя мешать напитки![390]», ведь больше всего сейчас Талгат был похож на лежавший в мыльнице выдавленный тюбик зубной пасты «Детская». Спал старший прапорщик тревожным сном вступающего в половую зрелость подростка, часто подрагивая головой и хватая грязными руками невидимых миру девиц. Вот он вздрогнул

[390] *М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» – прим. лит. редактора*

особенно сильно, и писатель понял, что трубачу сейчас начала сниться его жена Аида. И это было действительно так.

– Талгат, посмотри на меня! – строго приказало ночное виде́ние.

Музыкант, не просыпаясь, вспомнил, что он не просто музыкант, а именно военный, и поэтому тут же исполнил приказ.

– Всё понятно, – с тоской констатировала прапорщица, – сначала голова поворачивается, а потом уже глаза́ приходят. Успел?!

«О чём это она?!», подумал здесь автор сего повествования, но вот несчастный супруг, похоже, вопрос понял, потому что ответил сразу же.

– Да трезвый я, йодистая супруга, – стал неумело отбрёхиваться спящий, впрочем, радуясь, что до́ма у него нет приватизированной гауптвахты.

– Совсем с ума сошёл, – постучала себя согнутым пальцем повыше виска виртуальная Аида, при этом склонив голову набок, видимо, для того, чтобы было удобнее стучать.

Всех я магов непечатно
посылаю пострашней.
«Ты такой неадекватный!»,
говорил мне джинн во сне.

После этой страшной сцены литератору стало жалко своего героя, и он решил как-то успокоить его, правда, при этом не будя. Он тихо вошёл в сон Салихдзяныча, и тот, заметив старого друга, жалобно произнёс:

– Володя, мне только что изменила жена!

– А откуда ты знаешь? – удивился марсианин.

– В газете прочитал!

– И что, яйчики-бабайчики, подашь на развод?

– Нет, конечно, – почему-то засмеялся виртуальный рогоносец.

– Почему?!

– Ну, ёперный счёт-то пока в мою пользу!

А сама Аида Яковлевна, в очередной раз настрадавшись от разлуки с бывшим любимым, спала тревожным сном, летая в нём тяжело, как птеродактилиха. Рядом с ней тихо, как мышки, спали дочки Батыршина – после долгого и горького плача, когда старшая из них по большому секрету сообщила младшей страшную тайну – о том, что Дед Мороз, который приходил к ним на Новый год и дудел на трубе, на самом деле был не Дед Мороз, а их папа Талгат, который исполнил входную партию Али-Батыра из первого татарского балета «Шурале́»[391].

[391] ***Иблис – тат.***

Хоть бесплатные билеты,
хоть и в первом я ряду,
на татарские балеты
лишь с бутылочкой иду!

Давно замечено, что люди, мающиеся от бессонницы, вообще подозрительны – а ну как вдруг им остался один шаг до маниакально-депрессивного психоза?! Но именно ею, то есть бессонницей, сейчас мучился саксаульский микельанджело Муравлёв. Он было начал прислушиваться к ручейку в унитазном бачке, искренне надеясь, что это умиротворённое журчание усыпит его быстрее, но звук протекающей где-то воды, вначале звучащий довольно тихо, вскоре стал напоминать своим гулом Ниагарский водопад, и хотя он (Муравлёв, а не водопад) всё же заснул, сон его он был тяжёлым, как дым пожара.

Приснилась Николаичу массивная мраморная плита, положенная на чью-то могилку. «Интересно, святой Малевич, сколько бы могла стоить такая плита?», подумал он во сне, но тут же отвлёкся от этой мысли, так как увидел, что поверх каких-то циферок пришпандорен металлический овал с фотографией – и узнал в ней себя. Но мой грамотный по жизни читатель знает, что во сне всегда всё кажется не так, как наяву, и потому Валера не испугался, а только подумал, что, наверное, испугается, если попытается разглядеть, что же именно написано в этой строке, где какими-то нелепыми дробями были зашифрованы даты его рождения и смерти.

Открою истину я, смыслом не томя:
вся жизнь – тирé меж цифрами двумя...

Долго не могла заснуть в эту ночь и его необъятная супруга Наташа – в своей детской кроватке у мамы дóма. Перед сном она заказала по телефону пиццу, и когда её привезли, решила, что съест только пáру кусочков, а остальное оставит себе на завтрак, но увлеклась, и, когда опомнилась, от привезённой еды не осталось и крошки. С горя она решила не ждать утрá, и после пиццы *позавтракала* на ночь, произведя значительное опустошение в мамином холодильнике.

Может, именно из-за этого, а. может, из-за чего-то другого, но муравлёвская жена ещё долго не мог заснуть, ворочаясь в кроватке. Чтобы уснуть, вместо овец несчастная Наташа начала мысленно считать платья, висевшие в её шкафу, после чего насчитала 15 платьев и одну овцу, которая в них никак не влезает…

Без сухих диет-разгрузок
(это мама подтвердит!)
нажираю вновь я пузо,
гардероб чтоб обновить…

Глава 257. О СНАХ И НЕ ТОЛЬКО (окончание)

После этих посещений Володе стало настолько грустно, что только грандиозным усилием воли он заставил себя навестить ещё двух героев «Русской кочерги» – Нуртая и Серёжу, тем более, что они, как помнит мой читатель, были соседями не только по дому, но и по подъезду, этажу и даже лестничной площадке.

Вначале марсианин легко проник в логово своего идейного противника коммуниста Курманбаева – и вовремя! Тот как раз оргазмически дослушал последние такты гимна родной Саксаулии, после чего смежил усталые очи и ввергся в беспокойный сон о судьбе своей несчастной саксаульской родины.

Однажды я, икнув с конфуза,
пускай негромко, но всерьёз
спел гимн Советского Союза,
скупых не сдерживая слёз…

Правда, во сне сразу пошлó что-то не так, потому что на первой же минуте забвенья ему приснился русский царь Пётр со странной арифметической фамилией Первый, стригущий бороду немцу Карлу Генриховичу Марксу, причём, основоположник нисколько не возражал против такого знатного брадобрея, а, напротив, щурился от удовольствия и цитировал вслух сам себя:

– Было бы просто тавтологией сказать, что кризисы происходят по причине недостатка платёжеспособного потребления или платёжеспособных потребителей. Капиталис-

тическая система не знает иных видов потребления, кроме потребления оплачиваемого, за исключением формы потребления нищего или потребления мошенника[392]…

[392] Карл Маркс. «Капитал», том II, глава 20 – прим. эконом. редактора

– Да брось ты, Карлуша, – чикая в воздухе ножницами, пенял ему царь. – Вот сейчас достригу твои волосья и пойдём «Тянь-Шань» пить!

– «Тянь-Шань»? – задумчиво ответствовал ему основоположник. – Это хорошо. Только давай с собой большевика Курманбаева возьмём…

Сердце Нуртая в этот момент сильнее забилось во сне.

– …а то что́ мы, лохи какие, сами за пивом к Калиме бегать?

Праздник наш такой лабильный[393], –
впору вспомнить *нашу мать*:
хорошо, коль есть посыльный –
будет нам кого послать!

[393] От лат. labilis – скользящий, неустойчивый

Немного по-другому прошло прощание с четвергом у Серёжи. Охраннику, под завязку накачанному всякими чудесными напитками, перед сном неожиданно привиделась любимая подруга, которая явилась пожелать ему приятных снов надушенная, как крымская магнолия.

– Зуля, как хорошо от тебя пахнет, – с восторгом прошептал он, пытаясь поцеловать ручку бывшей текстильщице.

– Да это я беляши по дороге к тебе поела, – смущённо улыбаясь, объяснила любимая.

– Ты всегда теперь так душись, когда ко мне идёшь, – пожелал ей на прощание сторож и тут же заснул – беспокойно и тяжело, ощущая затылком булыжник 20 лет не проветриваемой подушки. И счастьем для него было то, что сон страдальца не потревожила ни единая мысль.

Я без мыслей почиваю,
но во сне всё ж выпиваю!

Немного похрапев и повертевшись, завёртываясь во влажную простынку, Афанасьич вдруг сверзился со своей кровати, крепко приложился головой, судя по звуку, обо что-то деревянное, и от удара вдруг вспомнил кое-что, о чём мой читатель прочёл ещё в главе 200 предыдущего, третьего тома «Русской кочерги». Серёжа прополз целый метр по направлению к окну, где, помнится, бросил свои штаны, и, немного покопавшись, вытащил из кармана мятую бумажку. «Нашёл!», забилась в его тыкве радостная мысль. А если читатель подзабыл, что это была за бумажка, то пусть он заглянет в эту главу и вспомнит, что на ней был записан телефон, который сторожу продиктовала марсианская Аэлита.

«Позвоню!», пришла ещё одна мысль и была тотчас реализована. Аэлита ответила сразу же, правда, весьма заспанным и хриплым, как бы прокуренным голосом:

– Серый, ты, что ли?

– Я! – замерев от счастья, ответил сторож. – Ну, как там на Марсе?

– Совсем ты уже от своей водки опух! – грубо ответила ему Аэлита почему-то зулиным голосом и положила трубку. Но даже это не остановило приступ счастья у Полтавцева, ведь он сегодня («На часах пять минут первого, значит, уже завтра!») приобщился к месту рождения его друга Кулемзина. «Не забыть бы ему рассказать, когда увижу!», и вот эта мысль вновь стала последней в угасающем сознании охранника.

«Я галактический посланец –
принёс вам весточку с Луны!»
«А я Кулемзин – врач-нарколог,
приятно с вами познако…»

В этом новом сне охранник, зажимая в руке заветную книжечку «Для му.мы.», летал на дельтаплане. Ему было хорошо: во-первых, совершенно не чувствовался вес принятого сегодня алкоголя, и, во-вторых, он сейчас вспоминал рассказ друга Володи о том, как тот стал писателем. «Помню, как сейчас», рассказывал ему Альбионыч, «свой первый полёт во сне: ночь, поезд, плацкарта, верхняя полка… Крепко я тогда приложился головой к железному столику, после чего решил стать писателем!»

Но сны снились не только главным героям нашего повествования, но и второстепенным. Так, например, приятный сон снился омуртаю. Он видел, как едет на своей *волге* по городу Отцеябловску и вдруг замечает на одном из перекрёстков Кулемзина, а вокруг ни души. Тогда он машиной с разгону сбивает с ног своего врага, переезжает его, потом сдаёт немного назад и переезжает толстяка второй раз, потом третий, четвёртый, пятый, шестой, седьмой, восьмой, десятый, десятый – что бы уж наверняка!

Работал киллером Гаврила –
он бизнесменов убивал:
клиента уложив в могилу,
Гаврила бабки получал!

Долго в эту ночь не могла заснуть железнодорожная проводница Ирина, мечтающая до конца года обязательно выйти замуж. Она, как и валерина супруга Наташа, тоже начала считать овец, потом нечаянно познакомилась с пастухом, и тут понеслось такое! В общем, сон её был лёгким и приятным…

Альбионыч, ознакомившись со всеми этими безобразиями, печально подошёл к своей безразмерной кроватке-аэродрому, и тут его взор упал на безмолвный телефон, который на удивление молчал, как мертвец в бетоне. И стоило ему только подумать о том, что как же хорошо, что строптивый аппарат молчит хотя бы сегодня, как один за другим раздались два звонка – как в анекдоте, то есть плохой и хороший, и думается, что читатель сам разберётся, какой из них как квалифицировать.

Первый звонок пришёл от Стеллы, с которой мой читатель познакомился ещё в прошлом томе, в главе 227.

– Я вот о чём подумала, – не поздоровавшись, сразу взяла быка за рога недавняя ночная гостья Володи. – Хоть ты и скотина, но я тебя всё-таки люблю, и готова прямо сейчас исполнить все твои самые нескромные фантазии!

Писатель, не раздумывая ни секунды, тотчас горячо отклонил предложение, сославшись на тяжёлое детство, дождался, пока возмущённая такой чёрствостью Стелла не бросила трубку, после чего (на всякий случай!) придумал и зафиксировал в памяти весьма фривольный стишок:

Довольно страшный телом и душой,
ничем не привлекательный подруге,
поэт имел достаточно большой,
а пару раз в неделю и упругий!

«*Дедушка*, какой циник!», подумал автор и жутко покраснел.

Затем литератору неожиданно позвонила мама, которую он не видел уже некоторое время:

– Который день не могу до тебя дозвониться, – взволнованно сказала она. – Наверное, Вова, ты связался с плохой компанией! Вот и папа волнуется…

– Ты не поверишь, мама, – улыбнувшись, ответил наш герой, – но эту компанию я сам и основал. Так что всё в порядке, не волнуйся…

Голова его уже стала клониться набок, и всё же Альбионыч чувствовал, что в конце сегодняшнего трудного дня ему не хватает прекрасного. Тогда он присел у окна, включил *вертушку* и немного послушал красивую мелодию под названием «Yesterday's Dreams»[394] хорошей британской группы «Smokie[395]». Лиричная песенка увлекла его настолько, что Володя даже стал подпевать:

I sit my window,
strawberry wine,
in the night and you[396]…

[394] «Вчерашние сны» – англ.
[395] «Дымный» – англ.
[396] Я сажусь у своего окна:
земляничное вино,
ночь и ты… – англ.

В сторонке сидел Вася Курочкин и, слушая великую музыку, тихо плакал от счастья.

Саксаульская ночь похожа на объятия пожилой турчанки – сладострастные, пропитанные густыми ароматами и навевающие грёзы. Но вот когда-то наступает опасный час между тремя и четырьмя утра, и из всех щелей и подвалов выбираются на охоту подземные жители: тараканы, мыши, крысы, какие-то чёрные жуки с железными усами и другая нечисть, не имеющая определённого облика и названия, посылающая впереди себя, как лампа Чижевского, поле противных электромагнитных импульсов.

Жизнь в большом городе никогда не замирает окончательно, она тлеет, как уголья, подёрнутые тонким слоем пепла, и человек внимательный обязательно заприметит скрытую ночную жизнь, – нужно лишь уметь видеть, а не просто смотреть.

Где снимают наши сны?
И в каком же Сноллиуде
проживают те снолюди,
что снимают наши сны?
Интересно знать, каков
постановщик снов картинных?
Может, он СноМихалков,
Может быть, СноТарантино?

Глава 258. КОЛЫБЕЛЬНАЯ К ЧЕТВЁРТОМУ ТОМУ

Меркнут знаки зодиака
над просторами полей.
Спит животное Собака,
дремлет птица Воробей.
Толстозадые русалки
улетают прямо в небо:
руки крепкие, как палки,
груди круглые, как репа.

Ведьма, сев на треугольник,
превращается в дымок.
с лешачихами Покойник
стройно пляшет кек-уок.
Вслед за ними бледным хором
ловят Муху колдуны,
и стоит над косогором
неподвижный лик луны.
Меркнут знаки зодиака
над постройками села,
спит животное Собака,
дремлет рыба Камбала,
колотушка тук-тук-тук,
спит животное Паук,
спит Корова, Муха спит,
над землёй луна висит.
Над землёй большая плошка
опрокинутой воды.
Леший вытащил бревёшко
из мохнатой бороды,
из-за óблака Сирена
ножку выставила вниз,
Людоед у джентльмена
неприличное отгрыз.

♠ ♠ ♠

Всё смешалось в общем танце,
и летят во все концы
гамадрилы и британцы,
ведьмы, блохи, мертвецы.
Кандидат былых столетий,
полководец новых лет,
разум мой! Уродцы эти –
только вымысел и бред:
только вымысел, мечтанье,
сонной мысли колыханье,
безутешное страданье, –
то, чего на свете нет…

Глава 259, ПОСЛЕДНЯЯ

После этого Володя наконец-то заснул, и стал спать тихо, как скульптура Фидия. Последней его внятной за день мыслью стала такая: «Четверг всё-таки пошёл на дембель…». В эту ночь ему приснился страшный сон: в полном составе в ночном кошмаре к писателю явилось брежневское политбюро раннего созыва. Была тут и унылая, как колхозное вымя, физиономия Косыгина, и мурло олигофрена Подгорного, и уголовная (по Ломброзо) головёнка Шелепина, и сыч Андропов, и расплющенное тесто Кириленко, и все остальные протокольные морды, включая хозяина торжества – Ильича II.

Никто не забыт,
ничто не забыто –
как жили тогда мы:
ни пьяно, ни сыто!

Вот и прошёл ещё один день нашей суетной жизни: спутники описали полный круг у Земли, комета Эдмунда Бернардовича Галлея удалилась от нас ещё на 1 миллион километров, доблестные металлурги Республики Саксаулия выплавили дополнительно к плану немыслимое количество чугуна и стали, родились сотни детей, а сотни стариков зарыли в землю, несколько раз – по законам статистики – сталкивались автомобили, падали самолёты, извергались вулканы, в кого-то втыкали ножи, а где-то гремели свадьбы, люди предавались любви и ненависти, американцы высаживались где хотели – в общем, прошёл ещё один рядовой день этой суетной жизни…

И только дао наших героев, чьи 46,8 процента занимала великая *русская кочерга*, тот дао, который мудрые китайцы определяют как принцип творения, от которого и идёт происхождение единственности и двойственности, и вместе с тем начало мира и творения, именно тот дао был до конца недели единственным путём сопокерников и примкнувших к ним гостей Бермудского Учпучмака.

И чтобы понять его до конца не только персонажам нашей «Русской кочерги», но и моему читателю, автор напоследок предлагает сделать вот что:

Получилось? Тогда закрывай эту книжку и жди выхода следующей…

Конец третьей части
Конец четвёртого тома